

РУССКОЕ СЛОВО.

I.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

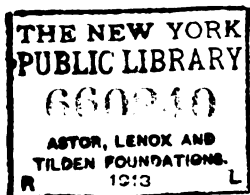
ГРАФЪМЪ ГР. КУШЕЛКВЫМЪ-ВЕЗБОРОДКО.

1861.

ЯНВАРЬ.

САКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Семена Сѣдинкина, въ торговой 17.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25 Января 1861 года.

Ценсоры *П. Дубровской.*
Ө. Разманюговъ.

Рукопись. Октябрь 1913. Р. 12. 00 (1861, 63)

Въ ***.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что же гнѣвъ такой? — Не знаю.
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
И потому я повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

А. ПУШКИНЪ.

Мельникъ.

(Посвящается А. Н. Островскому.)

Мельникъ съ-похмѣлья въ телѣгѣ заснулъ;
Мельника будить сынишка:
«Батька! куда ты съ дороги свернулъ?»
— Полно ты, полно, трусишка!

Глуше, все глуше стачовится лѣсъ...
Что тамъ? Не мѣсяць ли всходитъ?
Али съ зажженной лучиною бѣсъ
Между деревьями бродить?
Ѣдетъ старикъ, инда сучья трещать...
«Батька! куда ты? Ворочай назадъ!»

— Что ты боишься! чего ты кричишь!
Этто костры зажигаютъ —
Черезъ огни дѣвки прыгаютъ, — слышь —
Наши робята гуляютъ.

Смотрить ребенокъ, и видитъ — огни,
Искры летятъ, тѣни пляшутъ;
Вѣдьма за вѣдьмой сквозь дымъ, черезъ пни
Скачутъ, хохочутъ и машутъ...
Лѣшаго морда въ телѣгу глядитъ:
«Батька! мнѣ страшно!» ребенокъ кричить.

— Что тутъ за страсти? откуда ты взялъ?
Билъ я тебя — билъ, да мало!
Что за бѣда, что народъ загулялъ
Въ ночь подъ Ивана-купала.

Пышутъ огни — вотъ изъ лѣсу идетъ
 Мельника старшая дочка;
 Косы свои распустила, поетъ:
 «Эхма ты, ноченька, ночка!»
 Парень ее сзади ловить рукой...
 Крикнулъ ей мельникъ: «Куда ты? постой!»

— Батюшка, батюшка! молвила дочь:
 Дай ужь ты мнѣ нагуляться,—
 Такъ нагуляться, чтобъ было не въ мочь
 Завтра съ постели подняться.

Пышутъ огни — вотъ, качаясь, идетъ
 Мельника младшая дочка.
 Вся разгорѣвшись идетъ она — льнетъ
 Къ бѣлому тѣлу сорочка.
 «Эхъ!» говоритъ: «загуляю, запью
 Злую неволю-кручину свою!...»

«Дамъ я вамъ знать, какъ безъ сирова гулять!»
 Мельникъ ворчить: «эко дѣло!...»
 Медленно сталъ онъ съ телѣги слѣзать —
 Съ лысины шапка слетѣла.

Слѣзъ онъ и видитъ — въ шубѣнкѣ стоитъ
 Кумъ его — точно Ерѣмка.
 Зубы оскаливши, «кумъ!» говоритъ,
 «Полно сердчать-то! Пойдемъ-ка,
 Выпьемъ-ка съ горя... Чего замигалъ?
 Али ты, милый, меня не узналъ?»

— Какъ не узнать! глухо молвилъ старикъ.
 «Ну, и пойдемъ... обоприся...»
 — Батька! раздался ребяческій крикъ:
 Это не кумъ — воротися!

Мельникъ не слышитъ — и съ кумомъ своимъ
 Сталъ за кострами теряться.
 Хотеть, какъ буря, пронесся за нимъ;
 Начали тѣни сгущаться;
 И красноватыми пятнами сталъ
 Дымъ пропадать, пропадать и пропалъ.

Только туманъ изъ-за низменныхъ иней
 Смутно бѣлѣлъ, да во мракѣ
 Дождикъ дробилъ по листьямъ, да ручей
 Глухо ворчалъ въ буеракѣ.

Изрѣдка воздухъ ночной доносилъ
 Шорохъ проснувшихся гаюкъ...
 «Батяка!» въ лѣсу раздавалось, и былъ
 Голосъ тотъ робокъ и жалокъ...
 Къ утру ребята съ рогатиной шли
 Въ лѣсъ по медвѣдя — телѣгу нашли...

Мельника трупъ былъ отысканъ во рву,
 Въ лужѣ съ болотною тиной.
 Мальчикъ дрожалъ, и весь день наяву
 Бредилъ одной чертовщиной.

Слухи пошли по деревнѣ, какъ бѣсъ
 Душу сгубилъ. Толковали:
 Чортъ ли понесъ къ ночи пьянаго въ лѣсъ!
 Пьянъ, такъ отъ лѣсу подагѣ.
 Но и донинѣ душа старика
 Стонетъ въ лѣсу позади кабака...

Я. ПОЛОНСКІЙ.

1859.

На пепелищѣ.

На яблонѣ грустно кукушка кукуеть.
На камнѣ мужикъ одиноко горюеть;
У ногъ его кучами пепель лежитъ,
Надъ пепломъ труба безобразно торчить.

Въ избитыхъ лаптишкахъ, въ рубашкѣ дырявой
Сидитъ онъ, поникъ головою кудрявой,
Поникъ горемычный отъ думъ и заботъ,
И солнце открытую голову жжетъ.

Не годъ и не два онъ терялъ свою силу:
На папнѣ онъ клалъ ее, будто въ могилу,
Онъ клалъ ее дома съ цѣпомъ на гумнѣ,
Безропотно клалъ не чужой сторонѣ.

Весь вѣкъ свой работалъ безъ счастья, безъ доли;
Росли на широкихъ ладоняхъ мозоли,
И трескалась кожа... да что за бѣда!
Ужъ видно не жить мужику безъ труда!

Упорной работы соха не сносила,
Ломалась, — и въ поле другая ходила;
Тупилось желѣзо, стирался сошникъ,
И только выдерживалъ пахарь - мужикъ.

Просилъ безотвѣтный не счастья у неба,
Но хлѣба насущнаго, чернаго хлѣба...
Подкралась бѣда, — все метлой подмела,
У пахаря нѣтъ ни двора, ни кола,

Крѣпись, горемычный! не гнись отъ удара!
Все вынесло сердце: и ужасъ пожара,
И матери старой пронзительный стонъ,
Въ то время, какъ въ поляхъ кинулся онъ.

И выхватилъ сына, что спалъ въ колыбели.
За нимъ по слѣдамъ потолоки загремѣли...
«Пускай догораютъ»!... И нищій мужикъ
Къ головкѣ ребенка устами приникъ.

И. НИКИТИНЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Есть у насъ народная поговорка, что «грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ пойдетъ». Но Боже мой! какъ часто видишь противоположныя явленія этой поговоркѣ, — какъ часто трудомъ нажитое богатство исчезаетъ, какъ дымъ, — не отъ расточительности, — а отъ какихъ-то непредвидѣнныхъ и ничѣмъ неотразимыхъ случаевъ, отъ стеченія и запутанности обстоятельствъ, которыхъ ни какая воля, ни какой умъ человѣческій не въ силахъ распутать, или обратить въ свою пользу, и капиталы ускользаютъ изъ рукъ, при всей благоразумной экономіи, по волѣ какой-то враждебной судьбы, дѣлаясь добычей честныхъ воровъ, или какъ говорятъ: «умныхъ людей». У насъ еще у многихъ въ понятіяхъ, — умный человѣкъ и плутъ, — сливаются въ одно; обмануть, надуть, ни болѣе ни менѣе, какъ только стать *не промахомъ*, быть себѣ на умѣ, — и только... И сколько народныхъ пословицъ оправдываютъ это мнѣніе; — на примѣръ: «кто самъ себѣ врагъ». «Своя рубашка къ тѣлу ближе.» «На то щука въ морѣ,» и проч... Конечно надо имѣть ловкость, чтобъ продѣлка не слишкомъ бросалась въ глаза, чтобъ не навлечь на себя преслѣдованія и концы схоронить въ воду, а на общественное мнѣніе не стоить обращать вниманія. Да и что

такое общественное мнѣніе? Не изъ тѣхъ-ли же грѣшныхъ людей наши судьи?.. У насъ и на то сложились оправдательныя пословицы: кто Богу не грѣшенъ, царю не виновать».

И сколько, сколько этихъ умныхъ людей можно встрѣтить въ необразованныхъ обществахъ, по захоlustьямъ нашего раздольнаго отечества!..

И вотъ, послѣ этихъ-то умниковъ, спокойно нажиные ими капиталы, переходятъ къ ихъ потомкамъ и растутъ въ прибывающей прогрессіи, наперекоръ пословицъ: *«грѣхомъ нажитое богатство въ прокъ неидетъ»*; благосостояніе потомковъ процвѣтаетъ; дѣти рождаются здоровыми, сыновья дѣлаются степенными, скопидомами, пользуются довѣріемъ общества, становятся въ первыхъ рядахъ его; дочери находятъ хорошія партіи;—словомъ, счастье во всемъ и вездѣ, деньги сами льются въ карманъ, и *«грѣхомъ нажитое богатство идетъ въ прокъ...»*

Между тѣмъ, какъ дѣти честныхъ тружениковъ, протягиваютъ руку за милостыней; да и часто не заслуженно лишаются даже честнаго имени — послѣдняго богатства бѣдняка...

Не разъ, не два этотъ грустный фактъ заставлялъ меня задумываться...

И страшно мнѣ стало, когда я припомнила всѣ подробности подобной исторіи, которую хочу вамъ передать, какъ фактъ.

Не то чтобъ давно, и не то чтобъ недавно, жили да были въ городѣ Привольскѣ два двоюродные братца... одинъ былъ Петръ Васильичъ, а другой Петръ Иванычъ и прозывались оба Отрубевы. Петръ Васильичъ былъ купецъ богатый... Петръ Иванычъ... но передо мною развивается драма...

Въ одно весеннее время, послѣ-обѣда, супруга Петра Васильича Отрубева, Наталья Ивановна, сидѣла въ своей спальнѣ. Сидѣла она, облокотившись на столъ, и думала какую-то тяжелую думу. Глаза ея машинально переходили съ рабочаго ящика съ разноцвѣтными шелками на бархатную подушечку стальной швейки, на которой игралъ яркій лучъ солнца, прорывавшійся въ окно, сквозь густую зелень цвѣ-

тущихъ жасминовъ. Круглый подбородокъ купчихи лежалъ на ладони правой руки, на пальцахъ которой блестяло множество золотыхъ колецъ и разныхъ перстеньковъ. Короткіе, слегка закрученные височки отѣняли полныя щеки Наталья Ивановны; зеленая французская косынка, ловко повязанная, очень шла къ ея темнорусымъ волосамъ; на открытой шеѣ переливалась мелкою гранью нитка крупныхъ янтарей; въ ушахъ висѣли большіе яхонты. Кисейный платокъ, обшитый широкимъ кружевомъ, свалился съ плечъ, и оставилъ не закрытыми и грудь, и полную короткую талию, обтянутую тафтянымъ платьемъ.

Воздухъ комнаты былъ пропитанъ запахомъ жасмина. Передній уголь былъ занятъ большимъ кіотомъ, передъ которымъ неугасимо теплилась серебряная лампадка. Огромная кровать, съ горою подушекъ, подъ шатромъ бѣлаго полога, казалась не меньше другой походной палатки. Большой красного дерева комодъ, туалетъ, украшенный позолоченой рѣзбой, и нѣсколько стульевъ, съ высокими дубовыми спинками, обитыхъ краснымъ сафьяномъ, довершали убранство комнаты. Изъ спальни выходили трое дверей: одна въ маленькую прихожую, другая въ залу, третья небольшая дверь, въ ногахъ кровати, вела въ дѣтскую.

— Господи Боже мой! Чтожъ я это въ самомъ дѣлѣ, дурь-то на себя накидываю!.. прошептала Наталья Ивановна, какъ будто пробудясь отъ сна, подняла быстро голову и махнула рукой, какъ будто отгоняя отъ себя неприятный призракъ.

— Что я бранена? аль бита? аль недостатокъ какой терплю что-ли? Кабы увидѣлъ Петръ Васильичъ, такъ задалъ-бы мнѣ... грущу, тоскую, сама не знаю о чемъ..

Она встала, подошла къ окну, понюхала вѣтку жасмина, и сѣла опять на прежнее мѣсто, твердо рѣшившись пристаться за работу;—но лишь только оторвала она съ клубка цвѣтную шелковинку, рука ея опустилась, голова склонилась на грудь сама собой:—что-то прихлынуло къ сердцу и глаза наполнились слезами.

Не видя причины о чемъ бы подплакать, Отрубева крѣпилась нѣсколько минутъ; но грустное чувство, съ которымъ

она боролась уже нѣсколько дней, взяло наконецъ свое: слезы брызнули градомъ; она дала имъ полную волю. Она плакала долго и много, стараясь только заглушить рыданія, чтобъ ктонибудь не подслушалъ.

Наконецъ, наплакавшись вдоволь, Отрубева почувствовала, что на сердцѣ у ней сдѣлалось легче, какъ всегда бываетъ послѣ обильныхъ слезъ; она отерла глаза, встала, подошла къ зеркалу, поправила разбившіеся височки, помахала платкомъ въ горящее отъ слезъ лицо, и произвела грустно, покачавъ головой:

— А чтонибудь да значить, что сердце такъ тоскуетъ! можетъ и вѣщуетъ оно какую-нибудь бѣду — да не скажетъ...

Въ эту минуту на дворѣ послышался жалобный вой цѣпной собаки. Этотъ зловѣщій звукъ, словно острымъ желѣзомъ, скользнулъ по сердцу Натальи Ивановны.

— Это что еще! часъ отъ часу не легче! — почти вскричала она въ испугѣ и съ замирающимъ сердцемъ произнесла:

— Господи помилуй раба своего Петра и дѣтей нашихъ!..

Но собака не переставала выть.

Наталья Ивановна подошла къ окну. На мощеномъ дворѣ не видно было ни души, одинъ черный козелъ, съ рогами, окрашенными красной краской, выщипывалъ едва пробивающуюся между камнями мостовой зеленую травку, и огромная цѣпная собака, привязанная возлѣ конюшни, лежала въ растяжку на припекѣ, и высунувъ пересохшій отъ жажды языкъ, жалобно выла.

— Чтобъ твое вытье было на твою голову! — проговорила купчиха, взглянувъ на собаку, и стараясь успокоить внутреннее волненіе, кликнула:

— Эй! Любашка! нянька!

Дверцы изъ дѣтской скринули, на порогѣ показалась худощавая, съ длиннымъ носомъ старушка, въ ситцевомъ сарафанѣ — и послышался дребезжащій голосъ:

— Чего изволишь, сударыня?

— Али ты, нянька! гдѣ-жъ Оедянька! спросила Наталья

Ивановна, не оборачиваясь, можетъ быть потому, чтобъ скрыть слѣды слезъ на своемъ лицѣ.

— Оединька, матушка, остался въ саду, — мы съ нимъ черемушки да сирѣни нарѣзали, такъ пучечки изъ нихъ связываетъ; а я пришла спросить: не прикажешь-ли самоварчикъ ставить?

— Черемушки нарѣзали!.. Ты смотри у меня, чтобъ дитя ручку не порѣзало!.. перебила Наталья Ивановна, и совершенно забывшись быстро оборотилась, — ты, смотри у меня, береги дитя пуше глаза... Какъ можно его одного оставлять!.. Развѣ твое дѣло о самоварѣ хлопотать?

— Ужъ не безпокойся, матушка, объ немъ-то! мы цвѣточки-то ножницами стригли, да и тѣ я себѣ въ карманъ спрятала... Помню, матушка, помню ваше приказаніе — не давать ему ножичка въ ручки, — отвѣчала нянька.

— А пянька Федора съ Фисонькою гдѣ?

— Федора, сударыня, съ дитею на крыльцѣ сидитъ; пришла къ ней сестра, — ужъ такъ-то переколачиваютъ, да шепчутся, ужъ вѣрно все про хозяевъ судятъ да рядятъ, отвѣчала нянька.

— Непремѣнно; такъ-таки ужъ по твоему, и говорятъ больше не о чемъ, какъ о хозяевахъ?

— Ужъ конечно. Отчего же они вслухъ не говорятъ? Ты сударыня, ужъ слова не дашь про Федору сказать; а послушала-бы сама...

— Перестань пожалуйста — я не люблю твои сплетни и ябеды слушать; ступай лучше въ садъ къ Оединькѣ, и пошли ко мнѣ Любашу.

— То-то и есть, сударыня, что Любашки собаками не съищешь; оттого-то я и пришла — что молъ не нужно-ли чего. Ужъ эта мнѣ дѣвка! дала ты ей матушка, Наталья Ивановна, волю... все-то она негодная у кучера на конюшнѣ, коли я ее не хватюсь! Ужъ если что выйдетъ, такъ пожалуй Петръ-то Васильячъ и на твою милость вскинется... что молъ, сударыня, не смотрила...

— Ты что это такое бредишь?.. Тебѣ ужъ вездѣ разные пустяки мерещатся... произнесла съ досадою хозяйка. Ужъ когда дѣвчонка съ кѣмъ пошутила, такъ по твоему не

просто. Что ее развѣ на веревкѣ что-ль держать? Развѣ моя *обязанность* за холопками приглядывать?.. аль по щекамъ бить? такъ нѣтъ, ужь я къ этому не могу привыкнуть!

— И побьешь, матушка, Наталья Ивановна, и побьешь, коли рѣчей не слушаютъ — народъ такой хамово-колѣно. Это я, сударыня, по себѣ знаю: была и я грѣшная молода, и худы не добры были всѣ тѣ, кои меня уму-разуму учили, а тамъ послѣ и слюбилось, и добромъ помянешь строгость-то... А я скажу твоей милости, сударыня, какъ наемни Любашка въ семикъ на гулянку собиралась, такъ я на ней, пострѣловкѣ, коленкоровое платье застегнуть не могла, такъ кой-какъ веревочкой связала и свою шаль, съ *махрами*, на нее надѣла, такъ все и прикрылось. А въ маленькомъ-то платочкѣ ужь и идти нельзя было...

— Коленкоровое-платье — ей пять лѣтъ минуло какъ сшито, такъ мудренаго, что дѣвка и выросла, и потолстѣла...

— Нѣтъ, не то, не то — пожила таки я матушка на свѣтѣ, и коль-кто Михайловну обманеть, такъ я думаю, трехъ дней не переживеть, — вотъ что!

— А вотъ мнѣ это-то и *не нравится*, что ты завсегда съ хозяйкою готова спорить, и учить ее, — сказала запальчиво Наталья Ивановна.

— Что ты, сударыня моя! Да смѣютъ-ли, примѣрно, яицы курицу учить! Да и какъ я, хамово-колѣно, покушусь на то!.. Нѣтъ, нѣтъ, Наталья Ивановна, и напрасно ты гнѣваться пзволишь! я такъ, спроста, иной разъ къ слову, люблю правду молвить... Вотъ хоть-бы Отрубевъ Петръ Ивановичъ, и вся его семья — чтожъ, что они вамъ, мужняя родня-то, да другая и глядѣть-то-бы на нихъ не стала, — а ты матушка, готова ихъ къ себѣ за пазушку посадить... А что они, аспиды лихіе, — прости ты меня Господи!.. Михайловна перекрестилась. Такъ истинно аспиды! Петръ-то Ивановичъ кланяется чуть не въ землю, а кажись такъ и глядѣть гдѣ-бы, въ которое мѣсто ужалить. А Сидоръ-то Петровичъ на весь Привольскъ на расцѣпъ дѣшнѣтъ, сокола-то моего Пашеньку-то: и простофля-то онъ, и рохля-то, и дуракъ-то, дур...

— Перестань! Я тебѣ давно приказала, чтобъ ты мнѣ:

такихъ пустяковъ говорить не смѣла, сказала съ негодова-
ніемъ Наталья Ивановна, покраснѣвъ до самыхъ волосъ.

— Прости ты меня, сударыня Христа-ради, не гнѣвайся
на старую дуру, а я говорю правду...

— Никто тебя не проситъ говорить ни правды, ни крив-
ды. А всего бы лучше, еслибъ ты помнила, что Петръ Ива-
нычъ Отрубевъ — мой двоюродный деверь, — проговорила
хозяйка, стараясь овладѣть собой: подп къ Оединькѣ, и ска-
жи Любашкѣ или Агафѣ, чтобъ принесли мнѣ пива и льду;
а самоваръ не нужно... фу! и такъ жарко... Наталья Ива-
новна сѣла, и принялась обмахивать платкомъ горѣвшее
лице.

— Сейчасъ, иду сударыня... А ужъ не погнѣвайтесь — не
люблю, не люблю Отрубевыхъ! ужъ они такіе люди: лей имъ
на голову масла — а они говорятъ, — деготь... Деверь онъ
вашъ, деверь! да такихъ деверьевъ я думаю у васъ до Моск-
вы не перевѣш...

— Ужъ ты и грубіянить начала еще!.. вонъ! Наталья
Ивановна разсердилась не нашутку.

— Уйду, уйду, сударыня, говорила нянька, подвигаясь
къ двери: а ужъ если-бы воля-то, да власть моя, ужъ я бы
этихъ Отрубевыхъ! ужъ я бы имъ! ужъ я бы ихъ!.. вор-
чала нянька, выходя въ дѣтскую, и затворяя за собою дверь.

— Ужъ этакая злая старушонка! этакая ненавистница! го-
ворила, сама съ собой хозяйка, по уходѣ няньки.

— И каждый разъ она меня на грѣхъ наведетъ... не-
премѣнно наведетъ. Это ея любимое дѣло. А изъ чего? изъ
зависти — изъ чего-же больше... впрочемъ можетъ работни-
ца Петра Иваныча наболтала ей что нибудь — кто ихъ
знаетъ... Ужъ это народъ такой, забрала себѣ въ голову
одно, просто знать изъ ума выживаетъ.

Собака на дворѣ опять завывала.

— Нянька! крикнула опять Наталья Ивановна.

— Чего изволишь? отвѣтила нянька, высунувъ голову
въ дверь.

— Слышишь!.. сѣрко воетъ!

— Тьфу, проклятый! выль-бы на свою голову... Это онъ
отъ жару, сударыня.

— Скажи, чтобъ его перевели въ другое мѣсто, гдѣ есть тѣнь, да чтобъ дали ему пить.

— У него у проклятаго, и еще другая дурная привычка завелась:—Иванъ говоритъ, что онъ по ночамъ ямы роетъ.

— Не хорошо, прошептала Наталья Ивановна, покачавъ головой.

— Ничего, сударыня, это онъ отъ скуки, проговорила старуха, затворяя дверь.

Нянька ушла. Минуть черезъ десять явилась горничная Любашка, дѣвка лѣтъ восемнадцати, рыжая, и до нельзя веселоватая, въ холстинковомъ платьѣ и розовомъ передникѣ, съ большой хрустальной кружкой въ рукахъ, въ которой пѣнилось домашнее мартовское пиво.

Дѣвка поставила кружку на столъ.

— Гдѣ ты была? спросила Наталья Ивановна, стараясь строго смотрѣть на горничную.

— На огородѣ.

— А кто тебя туда посылалъ?

— Я-съ... да такъ... тамъ Агафья разсуду полетъ, и я съ нею слово за слово...

— Ишь не наговорилсь!.. Я думаю Агафья въ тебѣ не нуждалась, и безъ тебя свое дѣло дѣлала? а ты только шляешься: *семь пересемъ, какъ бы день перешель*. Скажи-ка, которую недѣлю ты Пашинкѣ носки вяжешь?

— Что за важность; кажется вина моя небольшая, что съ Агафьей на огородѣ постояла!.. не съ кѣмъ-нибудь. Отвѣчала бойко дѣвка и, повернувшись, хотѣла уйти.

— Ишь какая словесная! отвѣчать умѣешь! Да куда же ты бѣжишь? Гдѣ-же ледъ? Я думаю нянька говорила тебѣ, чтобъ ты принесла мнѣ льду!

— Я не слыхала-съ; я сейчасъ пошлю Ивана на ледникъ.

— Тебѣ зачѣмъ-бы нибудь, да только къ Ивану сбѣгать; и за дѣломъ, и безъ дѣла выросла у Ивана... Ты смотри у меня! я гляжу, гляжу, да Петру Васильевичу буду говорить; ты что-то изъ рукъ вонъ...

Горничная остановилась у порога и заплакала.

— Что вы меня, сударыня, съ какой стати Иваномъ-то корить изволите! Наирасно *обиждаете*—Богъ съ вами! я ни

въ какой винѣ не виновата; лопни мои глаза, коли въ чемъ виновата. Аль няньки слушаете, такъ она вамъ то наскажетъ, чего и во снѣ никогда не видѣлось...

— Ну хорошо, хорошо! а ты веди себя поскромнѣе, такъ никто ничего и говорить не станетъ. Да ступай, зачѣмъ тебя посылають, и скажи, чтобъ сѣрку напоили и привязали гдѣ нибудь въ тѣни.

Выслушавъ нотацію хозяйки, дѣвка всхлипывая и утирая слезы передникомъ, вышла.

— Побранила дуру, а самой жалко стало, думала Наталья Ивановна, по уходѣ горничной. Долго-ли занапрасно человекѣка обидѣть! А ужъ и сплетница моя Михайловна, сплетница, какихъ на рѣдкость; и еслибъ все слушать, все принимать, что она говоритъ, такъ и Боже мой! И давно-бъ я ее къ шаху, да что дѣлать, дѣти любятъ старую.

Вошла горничная съ тарелкой льду и не глядя сказала:

— Мавра Григорьевна пришла.

— Зови ее сюда!

Спустя минуту по уходѣ горничной, вошла въ спальню крошечная, пожилая женщина, въ ситцевомъ ватномъ капотѣ, повязанная черной косынкой по самые брови.

Помолясь на образа, она подобострастно обратила къ хозяйкѣ свое маленькое личико, украшенное на правой щекѣ черной бородавкой и, съ низкимъ поклономъ, проговорила робко:

— Здравствуйте, сударыня, Наталья Ивановна-съ! Какъ находитесь въ вашемъ драгоценномъ здравіи-съ?

— Помаленьку, Мавра Григорьевна, отвѣчала хозяйка, привѣтливо поцѣловавшись съ пришедшей. Какъ ты поживаешь? да что стоишь! садись, пожалуйста, гостя будешь.

— Покорнѣйше благодарствуемъ сударыня-съ, проговорила Мавра Григорьевна, кой-какъ прильнувъ на край стояшаго у дверей стула; живемъ по сиротски, покуда Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ.

— Ну что твой дочка, что она подѣлываетъ? разспрашивала ласково Наталья Ивановна, приходя минута отъ минуты все болѣе въ спокойное расположеніе духа.

— Одно у ней дѣло, сударыня Наталья Ивановна, кру-

жева плететь-съ; заказы таки есть, благодаря Бога. Дѣло сиротское, надобно кормиться сударыня-съ.

— Разумѣется такъ. Чтобъ тебѣ съ ней прійти когда нибудь? я люблю твою Дашу; такая она дѣвушка скромная...

— Покорнѣйше благодарствую, что похвалили, матушка, и Мавра Григорьевна опять низко поклонилась.

— Гдѣ ужъ, сударыня, намъ васъ беспокоить-съ!

— Вотъ какіе пустяки! Ну что, я думаю къ дочкѣ и женшки сватаются? Сколько ей лѣтъ?

Вмѣсто отвѣта Мавра Григорьевна встала, подошла на цыпочкахъ къ хозяйкѣ и повалилась ей въ ноги.

— Что ты! что ты, Мавра Григорьевна! воскликнула съ изумленіемъ Отрубевы, вставъ со стула; встань пожалуйста, встань!

— Вѣдь я, матушка вы моя, просватала Дашу-то, за кузнеца просватала, говорила Мавра Григорьевна, все еще лежа на полу.

— Ну и слава Богу. Да встань-же пожалуйста!

— И пришла я, сударыня, не оставьте при такомъ дѣлѣ насъ сиротъ своей милостью...

— Какая ты упрямая, встань же пожалуйста!.. Лучше Богу кланяйся... Да расскажи-ка все по порядку.

Наслу встала съ полу Мавра Григорьевна и, утирая слезы, усѣлась опять на краекъ стула.

— Ужъ простите... ужъ извините, сударыня Наталья Ивановна, на моей смѣлости! Не взыщите, что утруждаю васъ.

— Постараюсь помочь чѣмъ могу. Да скажи-ка каковъ женихъ-то? Невѣста-то хороша.

— Говорятъ непьющій, вдовецъ, четверо дѣтей, сударыня, годовъ этакъ сорока пяти.

— Что-жъ это ты такую молоденькую да за старика хочешь выдать?

— Гдѣ-жъ намъ сударыня разбирать? дѣло сиротское! Этотъ большаго приданаго не спрашиваетъ.

— Ну, а невѣста его видѣла?

— Какъ же, сударыня-съ. Съ Пасхи сватовство-то тя-

вется. Ее и водили къ Царю Константину къ вечерни; она ему *пондравилась*.

— Еще-бы! А невѣста-то что говорить.

— Что? извѣстно плачетъ. Дѣло дѣвичье, сударыня, дѣвушки всѣ плачутъ, и я плакала...

— Послушай, что я тебѣ скажу: откажи ты этому жениху; для твоей дочери женихъ найдется получше; я переговорю съ Петромъ Васильичемъ, и помаленьку все Богъ устроитъ; Даша еще не остарокъ, время терпѣть, сказала Наталья Ивановна и велѣла вошедшей горничной ставить самоваръ и подавать въ залъ. Ударили къ вечернѣ; Отрубевва перекрестилась и припалась убирать въ комодъ свою не начатую работу.

— Что-же это-съ? какъ-же это-съ? говорила. нерѣшительно, ошеломленная словами хозяйки, Мавра Григорьевна: какъ-же это-съ? Вѣдь ужъ мы на словѣ положили-съ.

— Ну что-жъ? лучше я думаю теперь взять слово назадъ, чѣмъ заставить дѣвушку плакаться и жаловаться на всю жизнь... Не уже-ли радостно ей будетъ житье въ семнадцатъ лѣтъ, съ четырьмя чужими дѣтьми, да еще въ бѣдности?

— Вѣдь ужъ, сударыня-съ, у меня и роспись-то имъ отдана-съ, твердила свое Мавра Григорьевна.

— Перестань ты съ своею росписью. Роспись: — два платья старыхъ, да третье въ дырахъ. — Откажи, да и все тутъ! — сказала горячо и рѣшительно Наталья Ивановна. — Эй, Любашка! подай стаканъ! —

Горничная подала стаканъ; хозяйка налила въ него пива изъ кружки и приказала подать Маврѣ Григорьевнѣ. У бѣдной вдовы дрожали руки; она боялась смотрѣть на Наталью Ивановну; сердце ея билось тревожно; она внутренно не соглашалась съ хозяйкой, но противорѣчить не смѣла, — тѣмъ болѣе, что отъ нея ожидала помощи. Чтобъ успокоить или ободрить себя сколько нибудь, она хлѣбнула пива; пѣнистая брага бросилась въ носъ, Мавра Григорьевна закашлялась, слезы покатались изъ глазъ. Не зная куда поставить стаканъ, она почти все пиво вылила себѣ въ колѣни, и увидѣвъ лужу на полу, принялась вытирать сво-

имъ носовымъ платкомъ. Сконфуженная, и перепуганная, она готова была провалиться сквозь землю, а вертлявая Любашка какъ на зло хохотала надъ ней изподтишка.

Между тѣмъ Наталья Ивановна накинула себѣ на плечи свалившуюся кисейную косынку и пригласила Мавру Григорьевну въ залъ.

Залъ въ домѣ Отрубевыхъ находился въ среднѣй дома, какъ и во всѣхъ купеческихъ домахъ старинной постройки. Два огромныхъ зеркала, оба цѣльные, въ золоченыхъ рамахъ, занимали простѣнки между окнами; подъ зеркалами стояли чинно два ломберные столика подъ камчатными скатертями. У стѣнъ стояли стулья съ высокими выгнутыми спинками, обитые желтой шелковой матеріей. Возлѣ одной изъ боковыхъ стѣнъ, стоялъ огромный шкафъ съ чайной посудой саксонскаго фарфора; на противоположной сторонѣ другой съ серебромъ, задернутый зеленою тафтою. Полъ былъ паркетный.

На право, возлѣ двери, стоялъ высокій футляръ съ стѣнными часами. По стѣнамъ было развѣшено нѣсколько картинъ изъ священной исторіи старинной французской гравировки, въ золоченыхъ рамахъ. На потолкѣ, въ красноватыхъ облакахъ, былъ нарисованъ Юпитеръ во всемъ своемъ олимпійскомъ величїи; возлѣ него разрумяненная Юнона, облокотившаяся на своего павлина, съ самымъ радужнымъ хвостомъ. Орелъ, сидящій у ногъ Юпитера, приходился въ центрѣ потолка, и въ своемъ клювѣ держалъ большую люстру изъ гранепаго хрусталя, спускавшуюся надъ большимъ круглымъ столомъ. На этотъ столъ иногда ставились закуски для гостей, которыхъ Петръ Васильичъ не хотѣлъ принимать въ своей парадной гостиной, бывшей по большей части затворенною. Теперь на этомъ столѣ кишѣлъ самоваръ. Въ открытыхъ окнахъ были опущены живописныя гардины, съ нарисованной на нихъ охотой; красноватый колоритъ ихъ чуть пропускалъ матовый свѣтъ въ комнату, и она казалась въ какомъ-то полу-мракѣ.

— Ну вотъ здѣсь по прохладнѣе.... фу! Наталья Ивановна сѣла къ столу. Садись сюда по ближе, Мавра Григорьевна! но взглянувъ на гостью, она увидѣла, что та

стояла въ дверяхъ, глядѣла на лоснящійся паркетъ, и никакъ не рѣшалась войти.

— Чтожь ты стоишь!.... Поди сюда, садись пожалуйста поближе!

— Помилуйте-съ, сударыня Наталья Ивановна, боюсь ватоптать-съ.

— Вотъ пустяки! Ахъ какая ты право!

Мавра Григорьевна вошла и помѣстилась у дверей. Ни какія убѣжденія хозяйки не могли ее заставить сѣсть къ столу; на всѣ уговариванья присѣсть бѣдная вдова только кланялась.

Хозяйка что-то пошептала, вырвавшей около стола горничной; та вышла, и черезъ минуту воротилась съ маленькимъ подносомъ, на которомъ стояла рюмка съ красной жидкостью, и поднесла ее гостьѣ.

— Что это? Что это-съ, Наталья Ивановна, сударыня? лепетала, вскочивъ Мавра Григорьевна.

— Ничего, это вишневка, сладенькая.... Выпей, выпей, Мавра Григорьевна!

Мавра Григорьевна не смѣла долго отговариваться и выпила, хотя вовсе никогда не пивала; потомъ хотя и не ровными, но уже болѣе смѣлыми шагами, подошла къ столу за чашечкой; а потомъ какъ бы почувствовала маленькую бодрость, и рѣшилась заговорить:

— А что, сударыня Наталья-съ Ивановна, чай дорога эта матерья-то-съ, что у васъ стулики обиты? вѣдь атласъ-съ, проговорила она, водя рукою по подушкѣ соседняго стула.

А право не знаю, вѣдь у насъ вся лобель изъ Пютера выписана готовая; это старая, а въ гостиной нынче къ Рождеству выписали новую, отвѣчала хозяйка съ маленькимъ тщеславіемъ.

— Охъ, моя сударыня, ужъ какъ хорошо-то у васъ! этикіе, подумаешь палаты-съ, Господи Боже мой!.... Это собачки-съ, какія прекрасныя, жаркія-съ.... Мавра Григорьевна говорила о собакахъ на гардинахъ, которыхъ солнечные лучи изъ коричневыхъ превратили въ оранжевыхъ. Потомъ она закинула свою крѣпечную голову и смотря на потолокъ

чуть не перекрестилась. Наталья Ивановна замѣтила это и улыбнулась.

— Это написанъ языческій богъ Юпитеръ съ женою, объясняла она.

— Какъ, сударыня, богъ Юпитеръ-съ?

— Да. Это Петръ Васильичъ сказывалъ давно было, когда люди не крещены были еще, такъ поклонялися богу Юпитеру.

— Эко, сударыня-съ, какое нямячко мудренное-съ....

Стѣнные часы пробили, и заиграли какую-то арію. Хотя одна дудка сильно хрипѣла и отставала отъ прочихъ, но Наталья Ивановна, постоянно слѣдившая за ихъ вѣрнымъ ходомъ, и не думала подозрѣвать этой продѣлки, да, кажется, и самъ Петръ Васильичъ едва ли ее замѣчалъ. Что же касается до Мавры Григорьевны, то она была въ совершенномъ восторгѣ, даже слезы навернулись на ея глазахъ.

— Ужъ истинно райскія забавы-съ, Наталья Ивановна, сударыня-съ! промолвила она накрывая чашку.

Наталья Ивановна улыбнулась. Какъ ни ничтожна была ея гостья, но все таки видя возлѣ себя посторонняго чело-вѣка, Отрубева невольно развеселилась.

— Тебѣ *идравится* здѣсь; поди-ка, посмотри гостиную-то нашу, сказала вставая Наталья Ивановна, и отворила дверь въ гостиную. Мавра Григорьевна робко на цыпочкахъ побрела за хозяйкой.

Въ гостиной Отрубевыхъ зеленія стѣны, расписанныя подъ штофную матерію, шелковые съ бахромой занавѣсы у оконъ, и бархатная малиновая мебель, которую вчера выбивали и не надѣли еще чашловъ, поразили Мавру Григорьевну.

— Господи! этакой чертогъ! воскликнула она всплеснувши руками; вѣдь это настоящий бархатъ венцейскій-съ! примолвила она, пощупавъ стулъ. Наталья Ивановна промолчала, улыбувшись.

Четыре такихъ зеркала, какъ и въ залѣ, занимали четыре простѣлика. Двѣ узенькія софы, на кривыхъ ножкахъ, стояли возлѣ стѣнъ. Надъ одной софой висѣли большіе пор-

треты Кутузова и Баркляя-де-Толли, надъ другой портреты хозяйина съ хозяйкой; всѣ писанные масляными красками.

— Это вы сударыня-съ? Живые ѣй-Богу-съ, и косынка кинареечнаго цвѣта, и жемчугъ.... совсѣмъ живые-съ. Мавра Григорьевна подобострастно глядѣла на портреты, особенно на портретъ Петра Васильича, смотрѣвшаго гордо и слегка нахмурившаго брови. И наконецъ смотря на люстру, изъ большаго зеленого куска хрустала, въ видѣ вазы, увѣрала, что это чистѣйшій настоящій изумрудъ, и любовалась красавицей Венерой, страстно смотрѣвшей съ потолка, у которой золотая пуговка надъ разрѣзомъ воздушной туники была чрезвычайно натурально сдѣлана.

— Вы два царства царствуете, сударыня Наталья Ивановна-съ: на здѣшнемъ-то свѣтѣ увеселяетесь, да и на будущемъ себѣ мѣстечко изрядное приготовили-съ, говорила Мавра Григорьевна въ умиленіи, оставляя гостиню.

— Ну, Мавра Григорьевна, на томъ-то еще не извѣстно, проговорила вздохнувъ Наталья Ивановна.

— Что вы, матушка-съ! да для кого же и рай-то пресвѣтлый приготовленъ-съ, какъ не для милостивыхъ? А вы-съ.... Мавра Григорьевна сама удивлялась своей смѣлости.

— Въ рай ведетъ узкій путь, а мы грѣшные идемъ широкой дорогой, замѣтила хозяйка, вздохнувъ глубже прежняго.

— А добродѣтель-то ваша-съ, добродѣтель-то-съ! она всѣ грѣхи, сударыня, покроетъ.... Ну развѣ это не добродѣтель, что вы меня-то бѣдную сироту-съ какъ привѣтили-то-съ, не погнушались моею бѣдностью, посадили вы меня съ собой-съ, обласкали и чайкомъ напоили-съ, и не оставленье свое сиротѣ-то моею общали-съ? Не оставь васъ, Господи, самихъ! Мавра Григорьевна утирала глаза.

Наталья Ивановна махнула рукой.

— Какія наши добродѣтели, сказала она! Но у самой на сердцѣ чувствовалось очень хорошо — отъ словъ-ли призывательной женщины, или отъ признанія, что она въ самомъ дѣлѣ поступаетъ хорошо — въ этомъ она не могла себѣ дать яснаго отчета.

— Вбѣжалъ младшій сынъ Отрубевыхъ, мальчикъ году по девятому, пухлый, круглолицый, съ русыми плотно выстриженными волосами, въ *платиць*, (куртка пришитая къ панталонамъ) изъ полупелюшковой полосатой матеріи и въ кружевномъ воротничкѣ; онъ въ обѣихъ рукахъ несъ пуки душистой сирени. Нянька сзади его несла полный передникъ цвѣтовъ черемухи.

— Оединька! Оедоръ Петровичъ! Поцѣлуй у маменьки, сударь, ручку, сказала нянька.

Оединька поцѣловалъ у матери руку.

— Ну гдѣ ты, дружокъ, погулялъ? А?

— Въ саду.... Видишь, какіе хорошіе цвѣточки....

— Не изволишь-ли, душечка, чайку? говорила Наталья Ивановна, поцѣловавъ сына и глядя его по голобѣ.

— Дай! отвѣчалъ Оединька, кладя цвѣты на столъ.

— Говори, Оединька: пожалуй, маменька, учила нянька.

— Скажи, душечка: позвольте маменька-съ, повторила сама мать.

— Позвольте маменька-съ, повторялъ за ними мальчикъ машинально.

— Здравствуйте, сударь, Оедоръ Петровичъ, отозвалась Мавра Григорьевна, низко кланяясь.

— Клапайся, Оединька! Это Мавра Григорьевна троюродная сестра твоего папеньки, сказала Наталья Ивановна.

Оединька только поглядѣлъ на бѣдную родственницу; костюмъ и наружность ея видимо его озадачили.

— Пожалуйте ручку-съ, Оедоръ Петровичъ?... пожалуйста ручку поцѣловать-съ? сказала Мавра Григорьевна.

— Оединька, дай ручку! молвила нянька.

Оединька протянулъ, не глядя, руку.

— Этакой умникъ! этакой красавецъ ненаглядный, судырь-съ! говорила Мавра Григорьевна: весь въ васъ, весь въ васъ, сударыня Наталья Ивановна, двѣ капли воды-съ вы.

— Напротивъ, онъ весь въ отца — носъ и глаза ~~его~~, отвѣчала Наталья Ивановна, наливая сыну чаю, и поглядѣвъ на него пристально.

— Я ни въ мать, ни въ отца, въ пропъзжаго молодца! проговорилъ сыночекъ, усаживаясь за чай.

— Что это ты, судырь Федоръ Петровичъ?

— Помилуй, Феденька! Развѣ можно такъ говорить? воскликнули въ одинъ голосъ нянька и мать.

— Откудова, отъ кого ты научился такія рѣчи говорить? спросила съ досадою послѣдняя.

— Да Степка (сынъ кухарки) и всегда такъ говоритъ, когда Иванъ кучеръ его спрашиваетъ: Степка! на кого ты похожъ, на отца или на мать?

— Степка, душенька, рабскій сынъ, тебѣ съ нимъ равняться не слѣдъ, и говорить то, что онъ, дуракъ, говоритъ, не должно. А ты нянька чего глядишь? Развѣ я тебѣ не говорила, чтобъ Феденькѣ разговаривать много съ рабами не давать! Видишь что онъ у нихъ перенимаетъ.

— Да какъ-же.... Помилуй, сударыня, перебила не церемонно старуха: положимъ, что Феденька и ваше дѣтище, — да все же онъ, сударыня, еще дитя младое, и все то одинъ одишешенецъ. Посиди-ка и ты большой человекъ одинъ то, такъ одурь возьметъ. А онъ извѣстно ребенокъ и порѣзвиться хочетъ. Ну, а Степка мальчпшка однихъ съ нимъ лѣтъ, ну и поиграютъ, въ лошадки побѣгають.

— Въ лошадки пусть побѣгають, а болтать съ ними много не должно давать.... Ну кабы Феденька сказалъ это при гостяхъ! А? вѣдь онъ бы голову снялъ! — молвила мать.

— Этакое важное дѣло!... ужъ такъ-бы ребенка и осудили! Вѣдь онъ по глупости.

— Я знаю, что ты спорить съ хозяйкой любяшь и оправдываться тоже мастерица, сказала съ неудовольствіемъ Наталья Ивановна. А что діаконъ еще не бывалъ? Долго что-то сегодня нѣтъ его.

— Ужъ прости, сударыня, Христа-ради: приходилъ онъ, да я отказала; солгала матушка, что моль сегодня Наталья Ивановна ученьемъ заниматься Феденькѣ не приказала.... Отвѣчала нянька.

— Это что еще такое значить! произнесла съ негодованіемъ Отрубевъ. Ты что это выдумала распорядиться! мы будемъ стараться дѣтей учить, а ты иѣшаешь.... Нѣтъ ужъ, нѣтъ это изъ рукъ вонъ, я скажу Петру Васильчу.

Мавра Григорьевна сидѣла ни живая, ни мертвая, и со страхомъ взглядывала на раскраснѣвшееся лице хозяйки.

— Такъ чтожь! Ну, и скажи, сударыня. Экая вина моя большая! Будто я матушка и не перенесу чегонибудь за Оединьку-то перенесу, все перенесу, за него моего голубчика, дребезжала расходившаяся нянька.

— Ступай вонъ, старая грубиянка! вскрикнула Наталья Ивановна.

— Уйду, уйду, сударыня. Да и ты пойдемъ въ дѣтскую, судырь Федоръ Петровичъ, говорила нянька, пятясь къ двери: а то опять маменька какуюнибудь еще *фальшу* найдетъ...

— Хорошо, хорошо, убирайся!... А ты, Оединька, въ другой разъ, дружокъ, такъ не дѣлай, и глупой своей няньки не слушай; она, видишь, изъ ума выжила, говорила мать сыну: ты долженъ, душенька, помнить, что папенька желаетъ чтобъ ты учился....

— Ученье ваше — мученье да и только, въ чахотку вгоните ребенка. Ишъ онъ и такъ какой сердечной испыттой: въ чемъ душа держится; только что весны матушка дождалась, теплынь такая, всякая мушка отдохнула, только бы и гулять теперь дитяти, а вы.... Нянька уже стояла у порога и держалась за ручку замка, но не переставала пѣть свое.

— Слышишь Оединька! а не то, если маменьки ты не будешь слушать, то я скажу папенькѣ, и онъ тебя поставитъ въ уголъ, слышишь!

— Слышу! очень равнодушно отвѣчалъ сынъ, хладнокровно пившій чай, съ повязанною вокругъ шеи салфеткою, и очень хорошо знавшій, что его въ уголъ не поставятъ, а поставятъ въ назиданіе его Степку, на котораго ему прикажутъ казниться.

Въ эту минуту вышла изъ спальни нянька Федора, женщина лѣтъ тридцати, полная и красивая, въ шелковомъ повоинникѣ и цвѣтныхъ бусахъ на шеѣ; на рукахъ она держала, пухленькую съ прищуренными глазками дѣвочку, лѣтъ двухъ, въ розовомъ чепчикѣ и кисейномъ платьицѣ.

— Вотъ и мы къ маменькѣ пришли, сказала нянька,

пріятнымъ голосомъ: Анѣиса Петровна, *барышня* моя ненаглядная, сдѣлайте маменькѣ-съ *ручки*.

Дитя приложило рученку къ губамъ, и смѣясь потянулось было къ матери, но какъ будто одумалось, отвернулось, и обняло няню.

— Фисочка, Фисочикъ! Чтожъ, мой ангелъ, нейдешь ко мнѣ! Поди, я сахарку дамъ, говорила Наталья Ивановна, держа въ рукахъ кусокъ сахара.

Дитя поглядывало на сахаръ, но крѣпко держалось за шею няньки.

— Ненаглядная моя *барышня*, Анѣиса Петровна! голубочка моя, подите къ маменькѣ! Упрямиться не надобно. Скажите: здравствуйте маменька!

— Маменька! пролепетало дитя и протянуло матери руки; потомъ такъ быстро бросилось, что Наталья Ивановна едва удержала ее.

Ласкамъ и поцѣлуямъ конца не было. Мавра Григорьевна чуть не плакала отъ умиленія.

— Ангелъ, шептала она громко, сущій ангелъ!

Разцѣловавъ свою маленькую дочь, Наталья Ивановна приказала нянькѣ Ѳеодорѣ идти съ ней въ дѣтскую.

— Любашка! снеси мои цвѣты въ дѣтскую! приказалъ Ѳединька, поблагодаривъ мать за чай, и отправился вслѣдъ за ушедшей нянькой.

— Постой! подари мнѣ дружечекъ, хоть одинъ букетикъ, сказала ласково мать.

— Возьми! отвѣчалъ сынъ.

— Ты скажи, душенька: извольте взять маменька-съ.

— Извольте взять маменька-съ, повторилъ Ѳедя машинально за матерью.

— Спасибо, дитя мое, поди, Господь съ тобою.

Наталья Ивановна стала нюхать букетъ, а Ѳедя съ горничной вышелъ.

— Этакой, сударыня, сыночикъ-то у васъ умница-съ! замѣтила Мавра Григорьевна, вставъ, чтобъ откланяться; вѣдь что ни скажетъ, точно рублемъ подарить-съ, точно лѣтъ пятнадцати-съ.

— Не знаю, что будетъ впередъ, а теперь, благодаря Бога,

такой *смирный*, отвѣчала самодовольно мать. Да куда-жь ты торопишься, Мавра Григорьевна? Посиди!

— Премного благодарствую, сударыня-сь.... Ужь такъ словно въ раю у васъ насидѣлась.... Прежде знаете я у вашей милости хоша и бывала, то въ дѣтской, то въ спальнѣ: посидишь, а ужъ сегодня накрасовалась я, моя матушка....

Дверь тихонько отворилась, и вошла женщина въ какомъ-то черномъ *шуралѣ*, подпоясанная ремнемъ, и покрытая чернымъ драдедамовымъ платкомъ.

Положивъ три поклона передъ образомъ, она произнесла на распѣвъ гнусливымъ голосомъ.

— Миръ дому сему — и господину и госпожѣ дома сего; миръ и милость Божія во вѣки. Аминь.

— Милости просимъ, Марья Степановна! Садись-ка, садись! Хозяйка привѣтливо поцѣловалась съ гостьей и посадила ее возлѣ себя.

— Грѣшная раба Божія Мамельфа, отвѣчала пришедшая также на распѣвъ: ужъ такъ-то мнѣ опротивѣлъ сей миръ прелестный и лукавый, что даже имя-то свое мірское я готова совсѣмъ забыть и зараньше нарекла себя Мамельфою; и если Господь приведетъ дойти мнѣ до святаго и славнаго града Кіева, то не медленно, но пришествіи своемъ, буду просить постриженія.

— Я думаю прежде надобно выдержать искусь, Марья Степановна, въ какомъ нибудь монастырѣ?

— Грѣшная раба Божія — сестра Мамельфа. Прошу тебя называй ты меня, моя добрая, этимъ возлюбленнымъ именемъ.

— И такъ, сестра Мамельфа, я думаю, монастырскій искусь долженъ продолжаться сколько нибудь.

— Искусь, ты говоришь? О, возлюбленная! я уже искусилась; двадцать лѣтъ странствую я изъ монастыря въ монастырь; во многихъ изъ нихъ проживала я годичное, и даже двухъ-годичное время, и уставу монастырскому навывкла совершенно.... О Господи! не вмѣни сіе въ тщеславіе! Будущая Мамельфа подняла свое длинное узкое лицо къверху, но въ ея тусклыхъ и безцвѣтныхъ глазахъ, увы! не выразилось ни вѣры, ни надежды, ни любви, ни внутрен-

ней энергіи, ни даже смиренія; это была статуя, говорящая скрытымъ механизмомъ. Даже мысли не слышалось въ ея монотонномъ голосѣ.

— Можно чайку? спросила хозяйка.

— Если не въ трудъ твоему великодушію, то не откажусь, во славу Божию: *духъ бо бодръ, плоть же немощна...*

— Любашка! вели подогрѣть самоваръ, молвила Наталья Ивановна входившей горничной. И самоваръ исчезъ со стола.

— А это кто у тебя, моя возлюбленная? Ужъ вѣрно бѣдная или сырая, которыхъ ты мать? спросила Марья Степановна у хозяйки, показывая на Мавру Григорьевну.

— Это наша сродственница.... Вотъ она заботится бѣдная какъ-бы дочку сироту пристроить: говорю молъ, за сиротами Богъ....

— Да, конечно за сиротами Онъ Творецъ премпосердый; но какъ же ты говоришь, пристроить?..

— Да просто замужъ выдать.

— А! Что ты это хочешь дѣлать, жена убогая! Сочетаваеши свою дочь міру лукавому и прелестному. Да знаешь-ли, чего ты ее лишаешь, какой mzды, если-бы, она въ дѣвахъ осталась!

Мавра Григорьевна робко поглядѣла на будущую монахиню и сказала:

— Матушка! Вѣдь мы люди бѣдные, въ монастырь безъ денегъ не примутъ.

— Все деньги-то у васъ на умѣ.... богатство погубительное и тлѣнное. Вотъ я развѣ богата? А развѣ христіюбцы не питаютъ меня пищей манною? И я во молодыхъ лѣтахъ оставила домъ родительскій, бѣжала удобства и покою привременнаго, дабы обрѣсти покой вѣчный, и вотъ скитаюсь, летаю аки вольная птица.

— Однако-же, сестра Мамельфа, вѣдь священное писаніе не осуждаетъ сочетающихся законнымъ бракомъ? вѣдь не у всякой же молодой дѣвицы достанетъ терпѣнія и силъ, совершать такія странствія, какія ты совершаешь, говорила Наталья Ивановна, поддѣлываясь неволью подъ языкъ будущей монахини. А и въ монастырѣ-то тоже всякія боренія

предстоятъ, много хорошо начинающихъ, и мало хорошо кончающихъ; другіе увлекутся минутнымъ желаніемъ, а послѣ и раскаяваются, не находя въ себѣ довольно твердости, совершить трудный путь. Отчего на примѣръ, и ты сама до сей поры не осталась на постоянное жительство ни въ одномъ монастырѣ?

— Конечно, много званыхъ, а мало избранныхъ, проговорила странница, опять поднявъ глаза къверху: но я, моя возлюбленная.... чувствую въ себѣ къ тому особенное призваніе. А что я до-сихъ-поръ не основала еще своего постоянного жительства, такъ это оттого, что врагъ рода человѣческаго возставалъ на меня: въ иномъ монастырѣ, сестры, видя мои подвиги, озлоблялись на меня, и гнали по наущенію дьявольскому, въ другомъ я сама, видя, что предпочитаютъ мнѣ слабѣйшихъ и неискреннихъ послушницъ, отходила отъ соблазна.... А все это строить ненавистникъ нашего спасенія.... Какъ я у тебя была прошлый разъ, моя возлюбленная, ты объявила свое желаніе, идти въ святыи градъ Кіевъ, теперь настало время благопріятно.... договорила она, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Что дѣлать, матушка! желаніе-то мое, да воля-то не моя; давно я обѣщалась въ Кіевъ, еще въ первый годъ замужества, тогда у меня мужъ хворалъ, при-смерти былъ.... ну я и дала обѣщаніе въ Кіевъ, а теперь прошусь, такъ онъ говоритъ: какъ ты пойдешь? да гдѣ тебѣ пѣшкомъ! да какъ дѣтей и домъ оставишь! Погоди, говоритъ, вмѣстѣ, Богъ-дастъ създимъ.... Вотъ и толкуй съ нимъ.... а обѣщаніе-то мое на душѣ лежитъ, не знаю, какъ Богъ устроить отвѣчала Наталья Ивановна.

— Вотъ она, вотъ замужняя-то жизнь! А я-то, я! какъ птица небесная.... никто меня не одерживаетъ: сегодня здѣсь, а завтра тамъ.... Ну, такъ чтожъ ты намѣрена дѣлать?

— Что дѣлать! Я говорю, что воля не моя, вѣрно еще подождать надо.

— Не должно поддаваться врагу рода человѣческаго.... вѣдь это все дѣлается по его наущенію. А знаешь-ли, какъ прежде святыя жены мужей оставляли....

— Любовь къ Богу великую имѣли.... сказала Наталья Ивановна, помолчавъ. По правдѣ сказать, и отпустилъ-бы

меня мой мужъ въ Кіевъ, если-бы мнѣ настоять на томъ; но ужъ это моя собственная слабость, что не люблю ссоры съ нимъ заводить; да и Богъ знаетъ будетъ-ли польза, отъ моего богомолья, когда мужъ гнѣваться да роптать станетъ? а я разстроюсь, буду тосковать. Хорошо молиться въ спокойномъ духѣ....

— Правда твоя; такъ что жъ Богъ и укрѣпить духъ, когда ты оставишь всѣ мірскія заботы...

— Нѣтъ, не могу я не заботиться о дѣтяхъ; что дѣлать, слаба, промолвила со вздохомъ Отрубева.

— А какъ-бы мы съ тобой славно постранствовали, возлюбленная!.. ты бы нашла лошадокъ до Москвы, — а тамъ, взявъ посохи, пошли бы мы по разнымъ монастырямъ; вездѣ бы я тебя выводила. Сколько мнѣ знакомыхъ игуменій, сколько честныхъ духовныхъ старцевъ, и ты, слушала ихъ, узнала бы совершенную тщету міра сего...

— Я прямо, безъ доклада... Здравствуйте мой свѣтъ, Наталья Ивановна... Здорово ли поживаете? воскликнула, входя въ комнату, съ большимъ узломъ въ рукахъ, высокая старуха, въ синемъ камлотовомъ канотѣ, накрытая шалевымъ платкомъ.

То была Авдотья Петровна, торговка по ремеслу, извѣстная почти каждому въ Привольскѣ; она принимала на комиссію для продажи разнаго рода вещи: старое платье, и даже вышедшія изъ моды, шляпки привольскихъ щеголихъ. Входящая во всѣ дома, она отлично знала всю подноготную жителей Богомъ хранимаго града Привольска. Хотя заочно и звали ее вѣстовщицей и старой колотовкой, но всегда были ради ся приходу, потому что надѣялись услышать отъ нея какуюнибудь новость, которая у ней всегда была въ запасѣ.

— Здорово, Авдотья Петровна!.. ты съ торгами не бось? молвила ласково хозяйка:

— Съ торгами-то съ торгами, да только эвототъ не для васъ, моя дорогая... •

— Отчего же?

— Да тутъ у меня старое тафтяное одѣяло, рублей въ пятнадцать, да наволочки кисейныя, такъ бы какой небогаты невѣстѣ.

— Такъ что жъ! у меня можетъ и невѣста есть; оставь у меня узелъ, и приди завтра, сказала Наталья Ивановна; а теперь садись, напейся чайку, да потолкуй... Невѣста-то у меня хороша... (у Мавры Григорьевны, сидѣвшей до сей поры молча и слушавшей разговоръ хозяйки со странницею, ёкнуло сердечко) да, невѣста-то славная дѣвушка, рукотѣльная... продолжала Наталья Ивановна. Нѣтъ ли у тебя, Авдотья Петровна, женишка?

— Вотъ ужъ эвтимъ-то ремесломъ не занимаюсь я, сударины мои; отвѣчала торговка, усаживаясь, вотъ моя хозяйка, такъ пожалуй, она недавно стянула одну свадебенку. Лихая сваха, божится, лобъ трещить, а на каждомъ словѣ лжетъ... А ты какъ поживаешь, Мавра Григорьевна? спросила Авдотья Петровна у вдовы.

— Слава Богу, матушка Авдотья Петровна.

— Слава Богу!... А я собираюсь къ вамъ — одна барыня воротничекъ кружевной заказываетъ, такъ ужъ я къ твоей дочкѣ... ну а ты какъ сюда попала, Марья Степановна? Давно ли въ нашихъ Палестинахъ? говорила торговка, живо повернувшись къ страницѣ, и устремивъ на нее свои каріе пронизательные глаза.

— Какая Марья Степановна! раба Божія Мамельфа, отвѣчала та по обыкновенію своему на распѣвъ.

— Кто? Мамельфа?.. Развѣ ты ужъ постриглась?

— Нѣтъ еще, Господь не сподобилъ, однако я желала бы, чтобъ меня назвали именемъ, которымъ я назовусь въ постриженіи; такъ я возненавидѣла сей міръ прелестный, что даже желала бы забыть свое мірское имя.

— Господи помилуй насъ! я думала, что грѣшно презирать имя, данное при святомъ крещеніи; оно невиновато, что мы грѣшныя. Ну я думала, что ты давно гдѣ нибудь въ монастырѣ мать... мать... ну просто Марья Степановна... Здравствуешь ли твой братецъ?

— Мы всё о Христѣ братія, я незнаю о комъ ты спрашиваешь, сказала съ досадою странница?

— О комъ? извѣстно объ отцѣ Васильѣ, священникѣ села Успенскаго.

— Развѣ ты знаешь сестру Мамельфу? спросила Наталья Ивановна.

— Еще бы! вѣдь она дочь отца Стефана, священника села Успенскаго, — старичекъ умеръ, а теперь ея братецъ, отецъ Василій священникомъ. Я и матушку-то ея знала; мы бывало рѣдкій годъ прежде не ходили въ Успенское на праздннкъ... И отецъ-то Василій хорошій человекъ... что онъ здоровъ ли? спросила опять торговка у будущей монахини.

— Весь погруженъ въ суеты мірскія, отвѣчала послѣдняя съ досадой.

Горничная явилась съ самоваромъ.

— А вѣдь сестра Мамельфа всегда говоритъ, что она издалека, сказала хозяйка, наливая чай.

— Забывъ все земное, мы должны думать о небесномъ отечествѣ, проговорила странница, принимаясь за чашку.

— Петръ Васильчъ пріѣхалъ! сказала горничная, выглядывая въ дверь, и вскорѣ дверь широко распахнулась, и хозяинъ окинувъ всѣхъ строгимъ взглядомъ, быстро прошелъ черезъ залу въ спальню, нахмуривъ брови, только слегка кивнувъ головой на поклонъ Авдотьи Петровны.

II.

Наталья Ивановна тревожно посмотрѣла на затворившуюся громко за своимъ супругомъ дверь, но осталась на мѣстѣ; Авдотья Петровна видимо торопилась допить чашку; странница-же совершенно равнодушно наливала какъ можно побольше сливокъ, желая, во-что-бы ни стало, поймать жирную пѣнку, которая то и знай скрывалась подъ отливъ серебрянаго молочника. Одна только Мавра Григорьевна страшно оробѣла; кой-какъ пролепетала хозяйкѣ благодарность за угощеніе и неоставленіе, откланялась всѣмъ и послѣшила уйдти.

— Смотри же, Мавра Григорьевна, сдѣлай то, что я тебѣ говорила!.. ты у меня не погуби Дашу... не погуби, говорила ей въ слѣдъ въ полголоса хозяйка.

— Очинно хорошо, сударыня-съ, очинно хорошо-съ!.. твердила бѣдная родственница, кланяясь въ дверяхъ.

— А вы ничего не слыхали про Катерину Васильевну, сударыня моя Наталья Ивановна? спросила почти шопотомъ Авдотья Петровна, которая тоже торопилась уйдти, но, непременно желала сообщить ей извѣстную свѣженькую новость.

— Нѣтъ, ничего не знаю... а что такое?

— Да, я была у нея давича; теперь гостить у нихъ какой-то странникъ, Иванъ Павлычъ, и съ сестрой Марьей Павловной.

— Много есть на свѣтѣ людей Божьихъ, проговорила какъ-бы сама съ собою странница.

— Ну что-жь они? спросила съ любопытствомъ хозяйка.

— Ничего. Иванъ-то Павлычъ, такой мужчина еще не старыи, изъ себя худощавый, ходитъ босой и посохъ носить, моя красавица, желѣзный, претяжелѣющій. Про его Катерина Васильевна сказывала, что будущее узнаеть!

— А ты его ни о чемъ не спрашивала? спросила живо заинтересованная Отрубева.

— О чемъ мнѣ съ нимъ толковать?.. будущее-то мое мнѣ извѣстно; замужъ не пойду, богатства не наживу: колы потружусь, похожу съ узломъ-то, такъ и на кусокъ добуду, а залѣнюсь, да дома просижу, ну такъ и голодная пробуду... Охъ-ма! матушка Наталья Ивановна! а тамъ Богъ по душу сошлетъ... такъ о чемъ мнѣ спрашивать-то? Отвѣчала Авдотья Петровна.

— По-крайней мѣрѣ, онъ можетъ скажетъ: долго-ли проживешь, сказала хозяйка.

— Все равно матушка. Правда, умереть не хочется; а и старости-то боюсь, хворой да одинокой... Охъ тяжело безродной!.. за мужъ не вышла...

— Благую часть избрала, замѣтила странница: христоролюбцы пропитають.

— Хорошо это тому говорить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ, и кто привыкъ безсовѣстно надѣяться безъ труда на чужой хлѣбъ, почти сердито молвила старая торговка.

— Ну, а сестра-то Ивана Павлыча? спросила Наталья Ивасовна.

— Охъ... сударыня вы моя — вотъ ужъ она-то мнѣ и испондрасилась!

— Отчего-же?

— Да такъ; глаза у ней такіе скромныя, даромъ что вся въ черномъ, однако еще молода. И Авдотья Петровна стала прощаться.

— Оставь же узелъ-то свой, а завтра побывай, побывай Авдотья Петровна, безпремѣнно. Мнѣ нужно съ тобою поговорить, говорила Наталья Ивановна.

— Любашка! убирай самоваръ! да спроси Петра Васильевича, не прикажетъ ли онъ для себя его поставить, приказала хозяйка вставая.

Любашка съ самоваромъ ушла; осталась Наталья Ивановна вдвоемъ со странницей.

— Бозлюбленная моя! воскликнула послѣдняя: я къ тебѣ съ моею нужной просьбою, духъ-бо бодръ, плоть же не мощна, иду я грѣшная въ дальній путь, ряска моя ветха, есть другая, та на ватѣ, въ пути тяжела: сотвори любовь, одѣнь мое грѣшное тѣло; нѣтъ ли у тебя камлота или чего-нибудь шелкового по легче? коленкоръ али нанка скоро полиняють.

— Хорошо; я поищу. Зайди въ другое время!

— Иду въ дальній путь. Можетъ одолѣть немощь тѣлесная, тогда горскъ будетъ хлѣбъ съ пепломъ, захочется промочить запекшія уста, напримѣръ, чайкомъ, пожалуй ты мнѣ, хотя малое утѣшеніе; Господь тебя вознаградитъ большимъ...

— Чего же ты желаешь?

— Кабы рубликовъ пятьдесятъ на дорогу, — я бы и тѣмъ довольна была.

— Ну, пятьдесятъ не... знаю... а что могу. Ты приходи въ другой разъ, Марья Стѣпановна, сказала вставая хозяйка.

— Сестра Мамельфа, повторила странница, тоже вставая.

Простаясь съ хозяйкой, странница остановилась у лѣстницы, придумывая, чтобы еще попросить, какъ выбѣжавшая изъ спальни горничная чуть было ее не сбила съ ногъ.

— Ну чего еще тутъ стоять-то! нечего стоять, надо и честь знать... пора и во-свояси, говорила она грубо.— Ходите, да обираете только хозяйку. Ханжи этакія. Ишь вамъ далась! кабы я была Петромъ Васильичемъ, такъ пугнула-бы васъ такъ, что и не заглянули бы! ишь святоша! міръ лукавый, міръ прелестный, а за деньгами первые руку протянете. Отъ міра отрѣклись, такъ нечего въ него и заглядывать.

— Возлюбленная... самъ діаволь говоритъ твоими устами... начала было странница, но толкнутая будто ненарочно озлобленной дѣвкой, хотя невольно, но скоро сбѣжала съ лѣстницы, говоря въ полголоса, уже не такіе напыщенные но довольно общепонятные эпитеты.

— Хорошо, хорошо! убирайся, покуда хозяинъ не вышелъ, кричала ей вслѣдъ горничная: а то еще и не такъ заговоришь!

— Рабыня вельзевулова, да спадетъ огонь на твою грѣшную главу, да пожретъ тебя глубина морская... злая раба доброй госпожи! выйдя на улицу выражалась озлобленно Марья Степановна, и съ угрожающимъ видомъ подняла руку.

Но обратимся къ хозяину дома, повидимому сердито прошедшему чрезъ залу въ спальню и довольно громко хлопнувшему дверью.

Петръ Васильевичъ Отрубевъ, былъ мужчина лѣтъ за сорокъ, средняго роста, съ густыми кудреватыми волосами, красивой окладистой бородой и смѣлаго гордаго вида. Созная свое нравственное превосходство надъ многими, онъ этого нисколько не таилъ; лицемѣрія не любилъ и имѣя ясный взглядъ на вещи, смѣло осмѣивалъ многое. На деньги смотрѣлъ, какъ на средство жить хорошо, и привыкъ всегда казаться богаче, чѣмъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ.

За нѣсколько надменное обращеніе называли Отрубева гордецомъ. Судя по этому бѣглому очерку его характера, очень понятно, почему онъ взбѣсплся, заставъ свою супругу въ такой *мизерной* компаніи. Вошедъ въ спальню, онъ смѣнилъ свой коричневой сюртукъ на шелковый съ красными полосками халатъ и, развязавъ галстухъ, принялся быстрыми шагами ходить по комнатѣ.

Порой останавливался противъ дверей, слушалъ разговоръ супруги въ залѣ, покачивалъ головой, взмахивалъ руками и опять принимался ходить. Наконецъ онъ сказалъ громко, услышавъ, что гости жены разошлись:

— Наталья Ивановна! пожалуй сюда!

— Сейчасъ! иду, иду, Петръ Васильичъ! отвѣтила Наталья Ивановна, и немедленно явилась передъ супругомъ.

— А-ахъ! молвилъ онъ съ упрекомъ, покачавъ головой.

— Что такое, батюшка Петръ Васильичъ?

— А-ахъ сударыня! повторилъ Петръ Васильичъ:— подумай-ка хорошенько, пристало ли тебѣ такую компанію водить? Подумай, кто ты такова, и кто твои гости? Вѣчно вшищами, да ханжами себя окружаешь! гдѣ бы за хозяйствомъ за дѣтьми смотрѣть, гдѣ бы въ чемъ мужу посовѣтовать, а ты, срамъ!.. Петръ Васильичъ плюнулъ.

Наталья Ивановна заплакала отъ незаслуженнаго упрека.

— Что жъ, я у тебя *мотушка* что ли какая? заговорила ова: у меня ли худо хозяйство идетъ! я ли экономіи не знаю! у меня ли дѣти заброшены! одумайся, мой другъ, за что, ты меня обижаетъ?

Петръ Васильичъ опомнился; ему жаль стало жены.

— Да подумай ты, сказалъ онъ мягче:— Мавра наприѣръ у тебя въ гостяхъ. Еще ханжа какая-то, или разстрига, торговка. И ты сидишь съ ними, перебиваешь, угощаешь ихъ, Наталья Ивановна *Отрубев*! Да когда ты сама себя забываешь, такъ хоша бы помнила кто у тебя мужъ-то!

— Полно, мой другъ, Петръ Васильичъ! сказано: *Гордымъ Богъ противостоитъ*... проговорила супруга, утлая слезы; Мавра, что жъ такое Мавра? Она бѣдная женщина, а все-таки твоя сродница; пришла она по сиротству попросить дочь выдавать хочетъ...

— Дай ей столько, сколько твое желаніе есть... развѣ я тебѣ запрещаю... чай тряпья-то у тебя есть и пересть, перебилъ мужъ:— а ужъ *компаниться* съ нею, распивать съ нею въ залѣ чай—нѣтъ Наташенька! воля твоя, а мнѣ не нравится...

— Другъ мой, Петръ Васильичъ, а по моему я думаю

такъ, что иной разъ бѣдному привѣтъ и ласки, въ тысячу разъ дороже милостыни; я думаю, теперь Мавра больше будетъ говорить о томъ, что сидѣла со мною, и я своими руками наливала ей чаю, — чѣмъ если бы я дала ей двадцать пять рублей... право такъ!

— Ты тоже имѣешь самолюбіе, только на другой манеръ, сказалъ какъ-будто самъ себѣ Отрубевъ.

Наталя Ивановна усмѣхнулась.

— А что я пригласила бездомную странницу выпить чашку чаю, то вина не велика; постороннихъ никого не было. Торговка же Авдотья Петровна, по своему ремеслу, и въ генеральскіе дома вхожа, а не только въ нашъ. По моему мой другъ, надобно всегда чувствовать, что, то, что сегодня имѣемъ, Богъ властенъ завтра отнять, и я могу сдѣлаться также бѣдна, какъ бѣдна Мавра...

Петръ Васильичъ на слова жены отвѣтилъ глубокимъ вздохомъ. Наталя Ивановна тоже вздохнула и замолчала, присѣвъ къ окну.

Петръ Васильичъ все ходилъ по комнатѣ и хмурилъ брови; по временамъ онъ вздыхалъ.

— Что жъ, мой другъ, такой ты не веселый? здоровъ ли ты? спросила ласково супруга, когда онъ сѣлъ къ столу и облокотился задумчиво на руки.

— Ничего, отвѣчалъ онъ.

— Ужъ не случилось ли чего нибудь? спросила все болѣе и болѣе тревожная Наталя Ивановна: — гдѣ Пашенька?

— Пашенька ничего, остался въ лавкѣ.

— Что жъ, развѣ что съ судномъ случилось?

— Судно идетъ; отъ брата Петра письмо получилъ.

— Такъ что жъ такое, Петръ Васильичъ? Ужъ вѣрно, что нибудь не просто? Скажи, не мучь ты меня, ради Бога, добивалась неотступно Наталя Ивановна.

Долго молчалъ Отрубевъ, наконецъ сказалъ:

— Много будешь знать, скоро состарѣшься, и такъ ужъ морщинки появляются... кажется въ прихожую самоваръ подали, такъ сдѣлай-ко мнѣ пуншикъ.

Наталя Ивановна грустно вздохнула; она очень хорошо

знала, что Петръ Васильчъ, тогда только выпивалъ пуншикъ, когда былъ разстроенъ или сильно огорченъ; но она уже болѣе не смѣла докучать своими вопросами.

Петръ Васильчъ выпилъ свой стаканъ чаю съ ромомъ, молча надѣлъ на себя свой домашній картузь изъ зеленого савьяна съ большимъ козырькомъ, взялъ съ собою листокъ Сѣверной Пчелы, которую выписывалъ, и отправился въ садъ.

— Что нибудь да не просто, думала Наталья Ивановна по уходѣ мужа, и съ нетерпѣниемъ дождалась изъ лавки своего старшаго сына. Наконецъ подъ окнами раздался топотъ воронаго рысака и стукъ бѣговыхъ дрожекъ. Лошадью правилъ самъ Павелъ Петровичъ; сзади его сидѣлъ кучеръ.

Черезъ минуту сынъ вошелъ въ спальню матери. Это былъ молодой человекъ лѣтъ семнадцати, обыкновеннаго роста, русый и круглолицый, очень похожій на мать, съ робкими манерами; тихій отъ природы, но безпрестанно принуждающій себя *бойчиться*. Онъ былъ одѣтъ чисто и щеголевато, гороховый лѣтний сюртучекъ, сшитый первымъ Привольскимъ портнымъ, сидѣлъ на немъ не дурно; бѣлый пике, съ голубой каймой и съ золотыми пуговками жилетъ, батистовая вышивная манишка и ловко повязанный галстухъ говорили, что сынъ Натальи Ивановны привыкъ съ дѣтства къ порядочному костюму. Онъ вѣжливо подошелъ къ рукѣ матери и стоялъ, покуда она велѣла ему сѣсть.

— Пашенька! ты куришь табакъ? А? сказала она поспрѣвъ пристально на сына.

— Помилуйте маменька-съ... съ чего вы изволили взять!.. А! вы услышали, что табакомъ отъ меня пахнетъ. Нѣтъ-съ, это Петруша Шестуновъ сидѣлъ возлѣ меня и курилъ, — ей-Богу-съ.

— Не божись напрасно, сказала мать. — Ты солгалъ, да и покраснѣлъ сейчасъ, я будто не вижу. Богъ съ тобой, мой другъ! ты моихъ наказовъ не слушаешься... Вредно Пашенька съ такихъ лѣтъ курить-то, еще молодъ; ну, долго ли, долго ли до грѣха, чахотку получить... а!

Павелъ Петровичъ дѣйствительно покраснѣлъ, потому что

лгалъ, и, обличенный матерью, сидѣлъ потупившись, не смѣя на нею взглянуть.

— Гдѣ жъ папенька-съ? спросилъ онъ чрезъ минуту.

— Папенька въ саду.

— Позвольте и мнѣ туда-съ?

— погоди, посиди со мною: я хочу съ тобой поговорить, спросить кой-о-чемъ. Только смотри Паша, не лги, какъ теперь солгалъ.. Смотри, грѣшно мать обманывать!

— Помилуйте, маменька-съ!

— Ну, такъ вотъ что, — что это сегодня папенька очень не веселъ. Здоровъ ли онъ?

— Я не знаю-съ, кажется ничего-съ, по крайней мѣрѣ они ничего не жаловалсь, отвѣчалъ сынъ.

— Послушай, мой дружокъ, ну, что, какъ судно?..

— Да ничего, судно идетъ-съ, — все слава Богу-съ. Отъ Петра Иваныча сегодня письмо получили-съ.

— Дѣла-то, дѣла-то какъ?

— Какія дѣла, маменька-съ?

— Торговья-то дѣла какъ, Пашенька? Вѣдь папенька-то ничего со мною не говорить...

— За чѣмъ же про нихъ и говорить съ вами, — вы женщины-съ.

— Господи Боже мой! ужь что я женщина, такъ будто и смыслу у меня ни какова нѣтъ. Это только вѣдь въ нашемъ глупомъ Привольскѣ мужъ жену считаетъ точно, прости Богъ, за болвана; ничего она не знаетъ какъ идутъ мужнины дѣла; словно дитя безсмысленное, только проситъ нарядовъ... Ну мужъ, который любитъ жену, и рядитъ какъ куклу, изъ послѣдняго тянется... какъ дуру-бабу не потѣшить, особенно старикъ — молодую; и лошади, и пиры и все, чего жена хочетъ... а кабы жена-то иная знала мужнины дѣла, такъ и не попросила бы лишняго, да и дѣтей-то къ бережливости бы приучила. Вонъ поскажетъ Александра Ивановна, у нихъ въ Шуѣ, такія продувныя бабы, что чудо! другая сама фабрикой управляетъ, получше инаго мужчины... А у отцовъ, незамужнія дочери, часто вмѣсто приказчика счеты ведутъ, отчего? оттого что съ-измала къ тому приучаютъ; не таятся отъ женщинъ въ своихъ дѣлахъ...

А я, напримѣръ, двадцать лѣтъ за мужемъ живу, не знаю сколько у мужа капитала, сверхъ объявленнаго по второй гильдіи, али и объявленный-то, свой или чужой, — и то мнѣ невзвѣстно!

— Ваше дѣло женское, маменька-съ, къ чему вамъ и звать-то-съ!

— Правда, мой другъ, въ Привольскѣ мужчины и всѣ такъ говорятъ. А умереть иной купецъ, останется жена съ малыми дѣтками, и завоюетъ обійма голову... не знаетъ за что приняться; торговля брошена, опекуны чужіе иной разъ и тащатъ, она ничего не понимаетъ, ни счетовъ, ни отчетовъ; а если пустится въ торговлю, и тутъ горе-горькое, любой приказчикъ-разбойникъ ограбитъ... Вотъ что Пашенька...

Сынъ невольно разсмѣялся.

— Есть правда у насъ и такія, что надъ иногородними дѣловыми женщинами смѣются, — мужиками ихъ называютъ... А право они счастливѣе насъ, небойсь нигдѣ не пропадутъ... А все-таки, мой другъ, я желала бы знать, отчего папенька такой грустный? Что nibудь да не просто.

— Да что вамъ сказывать-то-съ, отвѣчалъ сынъ потупясь; — ужь если папенька ничего не говорили вамъ-съ, такъ стало быть такъ и должно-съ.

— Богъ съ тобою, Паша! Стало я ты свою мать считаешь такою глупою?

— Помилуйте, маменька! не то, не то-съ. Ужь коли вамъ такъ желательно-съ... вы помните-съ... что зимою Петръ Иванычъ на Моршѣ хлѣбъ закупалъ по дорстгой цѣнѣ?...

— Помню, другъ мой, папенька проговаривалъ.

— Ну, а теперь цѣны на хлѣбъ упали-съ, и на низу, и здѣсь, да и почти повсемѣстно-съ. Папенька говорятъ, что не стоитъ и приставать здѣсь судно... что лучше идти ему до Рыбинска; а тамъ, перегрузивъ, въ Петербургъ отправить. Ужь папенька послали нарочнаго, къ Петру Иванычу, чтобъ пріѣхалъ, оставивъ судно, и съ нимъ хотятъ посовѣтоваться-съ; они полагаютъ, что судно теперь должно быть выше Нижняго-съ. Такъ можетъ объ эвтомъ папенька и грустить-съ.

— Господи помилуй! Такъ объ чемъ же тутъ грустить?

На все воля Божія; авось Богъ дастъ, и въ Питерѣ продадутъ хлѣбъ съ пользою... мало ли люди и въ Питеръ отправляютъ?

— Оно такъ-съ, маменька... заговорилъ опять сынъ, глядя на кончики своихъ сапоговъ; но вѣдь... до Питера пути-на дальняя-съ, а здѣсь бы все сподручиѣ-съ, на своихъ глазахъ... Притомъ же теперъ и денегъ просятъ... Сроки подходить-съ...

— Кто денегъ проситъ? Какіе сроки? Что ты, Паша, скажаль? спрашивала торопливо Наталья Ивановна, слегка поблѣднѣвъ.

— Деньги, которыя... которыя заняли... Да послушайте, маменька... вы сдѣлайте милость не скажите папенькѣ, вы знаете, они не любятъ...

— Что ты! что ты, мой другъ! Успокойся!

— Когда отъ насъ ходила разшива, продолжалъ молодой Отрубевъ тогда обходились безъ займа... ну-съ, а нынѣшній годъ папенька вздумали мокшанъ пустить. Капиталъ былъ ограниченный-съ, безъ займа не обошлось... у Чернухина заняли... принесло его съ деньгами, наваливаетъ. Вы знаете, маменька, Чернухина-съ?

— А я-то, глупая, радовалась, что нынче у насъ мокшанъ! Ахъ ты, Господи Боже мой! — сказала Наталья Ивановна, поблѣднѣвъ, какъ бѣлый платокъ. Ахъ-ти! Ахъ-ти!... Ну что-же, Пашенька, Чернухинъ?... Что-то ты про него сказалъ?

— Я спросилъ: не знаете-ли вы его.

— Слыхала; только не знаю, кто онъ такой?

— Старичишко-приказный, ужъ такой ростовщикъ — жидъ-жидомъ! — всегда носить подъ мышкой мѣшокъ съ деньгами, заходитъ къ знакомымъ въ лавки, спрашиваетъ: неудобно-ли-дескать товарцу... Вотъ какъ теперъ помню-съ: зашелъ онъ къ намъ, уговорилъ папеньку, навалилъ денегъ, однако за большіе проценты-съ. Но передъ-тѣмъ незадолго Петръ Иванычъ писалъ съ Морши, докладывалъ папенькѣ, что хлѣбъ на низу повсемѣстно дорожаетъ, и что надобно ожидать къ будущей зимѣ еще выше цѣны поднимутся, потому-дескать, что осенью озими всѣ померзли; снѣгъ долго

не выпадалъ. Ну, папенька и разсудили-съ, что отъб ольшой закупки можно побольше пользы приобрѣсть, и послали Петру Иванычу денегъ для большой закупки.. Потомъ еще кой у кого занимали въ сроки, и послали ему... Вдругъ теперь нишуть, — что на низу взошли хлѣба озимные и яровые отличные, и около Приволжска тоже... да говорятъ, — повсемѣстно хороши — и цѣны на хлѣбъ вдругъ упали... Можетъ объ этомъ папенька и грустятъ; они не такъ рассчитывали...»

— Не даромъ мнѣ все грустно; сердце вѣщунъ, — сказала какъ будто сама съ собою мать; но потомъ какъ будто одумавшись продолжала: — чтожь дѣлать! Надобно на Бога надѣяться; зачѣмъ преждевременно убивать себя... Ну и въ Питеръ можно отправить, съ надеждой на Бога.... Хоть безъ барыша, да и безъ убытка еслибы обошлось, то и слава Богу.

— Папенька рассчитывали, что послѣ распродажи съ суда могли уплатить кредиторамъ...

— Богъ дастъ и уплатимъ. Что-жь такое! не мы первые занимаемъ; торговля дѣла безъ того рѣдко обходятся.

— Ну, маменька-съ, все это не скоро-съ, какъ Богъ домесетъ, до Петербурга не близко-съ... не скоро.. сроки..

— Что-жь за жиды такіе!... Ужь-ли на нихъ креста-то вѣтъ? Уже-ли и не подождутъ?

— Можетъ другіе, а ужъ отъ Чернухина-то ждать пощады не надежно, — онъ сейчасъ попроситъ закладной, на домъ, или на лавку.

— Домъ въ залогъ! лавку... что я слышу!... Господи!... Думала-ли я когда нибудь о томъ! — говорила со слезами на глазахъ Наталья Ивановна. Да ты, можетъ, все болтасшь, Паша? Тебѣ такъ можетъ кажется?

— Конечно, маменька, ничего этого не будетъ-съ, Богъ милостивъ... у насъ еще слава Богу съ; я только къ слову: что молю у такихъ людей, какъ Чернухинъ, души нѣтъ... Вотъ я васъ только напугала, дуракъ этакой; успокойтесь, маменька, голубушка!... Павелъ Петровичъ всталъ, и поцѣловалъ руку у матери. Она его обняла и заплакала.

— Дай-то Господи, чтобъ всѣ эти случаи-то мимо насъ

прошли. Васъ-то мнѣ пуѣе жалко, тебя-то жалко, Федя еще малъ, Фисочка мала, дѣти, ничего не понимаютъ, а ты только на свѣтъ взглянулъ, только раздвѣлъ, веселиться и радоваться только-бы тебѣ, вотъ Господь-бы привелъ тебя женить, — да и на твое счастье посмотрѣть!...

— Полноте, милая маменька-съ, успокойтесь, прошу васъ... говорилъ Павелъ Петровичъ, цѣлуя руку у матери.

— Зачѣмъ это папенька съ этимъ Чернухинымъ-то связался?

— Я тоже думалъ, маменька... Да чтожь дѣлать — вѣдь сказать не смѣлъ, папенька этого не любятъ, вы сами знаете-съ!

— Знаю, знаю!

Въ прихожей слышались шаги хозяина и прервали разговоръ матери съ сыномъ.

Петръ Васильчъ вошелъ, бросилъ картузъ на столъ и сѣлъ отдуваясь.

— Охъ!... фу! Насилу вошелъ на лѣстницу! Былъ на копыти: — Ванька, подлецъ, нисколько не жалѣетъ хозяйскаго добра; давно-ли ты, Паша, пріѣхалъ, — и онъ, разбойникъ, ужъ жеребца понтъ хочетъ. Еслибъ я не зашелъ, бездѣльникъ...

— Я сей-часъ пріѣхалъ, папенька-съ! отвѣчалъ Паша, вскочившій со стула, при входѣ отца, и все еще стоящій.

— Садись, сказалъ Петръ Васильчъ сыну. Тотъ сѣлъ.

— Хочу я, его негодяя барынѣ отдать назадъ... Пусть дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ, хоть въ солдаты отдаетъ... А хотѣлъ-было выкупить подлеца! — Что ты будешь дѣлать! самъ себѣ добра не желаетъ... А драться не люблю, развѣ въ части велѣтъ выпоротъ?

— Отдать его барынѣ — деньги пропадутъ. Сколько уже она взяла: двѣсти, аль триста рублей? (ассигнаціями), замѣтила Наталья Ивановна, смотря въ окно, и стараясь, чтобъ супругъ не замѣтилъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Чтожь дѣлать! Онъ нашутить можетъ и не на триста рублей... Вретъ онъ, разбойникъ, — что сѣралъ отъ заковки храмлетъ, — онъ се такимъ-же манеромъ опоплъ... Вотъ я ему! У Аграфены Федоровны вспомнить я насъ!... а то за-

ѣлись шедьмы... У насъ, у купцовъ въ богатомъ домѣ ка-
таются какъ сыръ въ маслѣ... и въ усъ себѣ не дуютъ, и
слова не скажи — напакостятъ... А вонъ у тебя Любашка
— чему ты выучила? Только за воротами стоить.

— Петръ Васильичъ, ты мой другъ все на меня, — что
такое Любашка! дѣвка, что и дѣвка....

— Знаю, что не парень. А ты Наташа не сердись, — я
правду говорю... Ну что Паша, — Гришка-Татаринъ былъ
послѣ меня въ лавкѣ? спросилъ Петръ Васильичъ, обратясь
къ сыну.

— Былъ-съ; говорить, что помѣщикъ согласенъ взять
ту цѣну, что вы давали, — завтра приведутъ лошадей-съ!●

— Какихъ лошадей, Петръ Васильичъ? спросила На-
талья Ивановна.

— Купилъ парочку вороныхъ у одного барина, соблаз-
нился... Да ужъ и лошади! любо дорого! какъ сядешь, ма-
тушка, въ коляску, да поѣдешь, такъ всякій полюбуется,
отвѣчалъ самодовольно Отрубевъ.

Жена вздохнула.

— Другъ мой! Къ чему лишнія траты? Вѣдь есть ло-
шади... чѣмъ же худы?

— Эхъ, матушка! Не та стать, вовсе не та стать, та-
кихъ на-малѣ... да кабы Гришка не предупредилъ, такъ Та-
ратайкинъ купилъ-бы, безпремѣнно-бы купилъ; я у него прос-
то изъ-подъ носа вырвалъ... Татарину двадцать пять руб-
лей общалъ, только-бъ смазалъ дѣло.

— Все-то у тебя роскоши на умѣ, — не худо-бы иной
разъ и ограничить себя, Петръ Васильичъ! Я сама слышала,
что хлѣбъ дешевѣетъ... произнесла дрожащимъ голосомъ
голосомъ Наталья Ивановна.

— Ну такъ что-жъ, что хлѣбъ дешевѣетъ! пусть деше-
вѣетъ, Богъ съ нимъ;... развѣ я самъ себя не понимаю, ма-
лый ребенокъ что-ль? Что это, сударыня, всегда не въ
своей тарелкѣ: то съ ханжами хандрины, то объ торговыхъ
дѣлахъ толкуешь, что до тебя вовсе не касается, чего я
терпѣть не могу...

— Напрасно, Петръ Васильичъ, гнѣваешься; развѣ я
лиходѣйка что-ли какая? Развѣ я не желаю тебѣ и своимъ

дѣтямъ добра?... Я думаю, въ мокшанъ-то нонче, весь капиталъ вбухалъ?...

— Ну ужъ, сударыня, покорно прошу оставить; не люблю, не люблю, когда не въ свое дѣло мѣшаешься!... Лучше бы ты знала свое варенье, да соленье, да почаще въ подвалъ, да въ кухню заглядывала, чтобъ слуги за уголь не тащили; ты, я думаю, не подозрѣваешь, что Любашка у тебя сахаръ да и чай крадетъ... Вотъ ты должна какую экономію-то знать! а то... по твоему все равно, можно и на хромой сѣрой ѣздить!

Наталя Ивановна замолчала, и мила въ рукахъ кончикъ своей кисейной косынки.

— А на чемъ вы, папенька, сошлись? спросилъ сынъ.

— Восемьсотъ съ придачей хромой сѣрой. Татаринъ беретъ ее вылечить... Ну, чтожъ, вѣдь не дорого кажется, Паша? какъ по твоему?

— Лошади отличныя, папенька-съ.

— Ужъ что отличныя, такъ отличныя, только боюсь, Ванька испортить... Гришка-Татаринъ говоритъ, что знаетъ какого-то господскаго кучера, по оброку ходитъ, говоритъ: двадцать пять рублей въ мѣсяцъ асигнаціями, хвалитъ его... Ну что-жъ, я обѣщаль, хотѣлъ его переманить ко мнѣ.

— Этакія роскоши! прошептала Наталя Ивановна, покачавъ головой.

— Ничего, сударыня, сама не откажешься прокатить на хорошенькихъ лошадкахъ, молвилъ весело Петръ Васильчъ, обращаясь къ супругѣ.

Наталя Ивановна взоинула, но промолчала.

Дверь отворилась; вошелъ Федя, въ сопровожденіи няньки.

— Федоръ Петровичъ! цѣлуй, сударь, у папеньки ручку, говори: спокойной ночи, папенька, пріятнаго сна желаю, проговорила нянька своимъ дребезжающимъ голосомъ. Федя проговорилъ диктуемая нянькою слова.

— Ты ужъ спать собрался? сказалъ отецъ, глядя мальчика по головѣ.

— Да ужъ, батюшка Петръ Васильчъ, времечко и баниньки; покушалъ онъ, мой голубчикъ, больше нечего дѣлать, начала-было нянька.

Не обративъ вниманія на слова старухи, Отрубевъ сказалъ женѣ:

— Скажи пожалуйста, Наталья Ивановна, для чего ты держишь Федю, какъ пятигодовалого ребенка? слава Богу, онъ не маленькій, что за особица, я думаю пора бы ему и за общимъ столомъ кушать? Пора ребенка и къ людямъ приучать...

— Гдѣ еще ему за общимъ столомъ, Петръ Васильчъ; дѣтя шалить только; одинъ въ дѣтской лучше, проговорила мать.

— Надобно, чтобъ онъ не шалилъ. Вотъ за этимъ такъ ты, сударыня, не можешь посмотреть... Это не твое дѣло... молвилъ строго Петръ Васильчъ, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Наталья Ивановна ничего не отвѣчала.

— Ну, что, Феденька, учился сегодня? Какъ твои прописи? Что учитель на нихъ записалъ? Покажи-ка мнѣ!

— Говори, Феденька: дескать учился, папенька, дескать все благополучно... подсказала опять нянька.

— Развѣ я у тебя спрашиваю? что ты это учишь его отвѣчать; развѣ у Феде языка нѣтъ что-ли? сказалъ хозяинъ, строго взглянувъ на старуху: «ступай вонъ!»

— Батюшка Петръ Васильчъ... я ничего... я учу... .

— Не разговаривать! крикнулъ сердито Петръ Васильчъ.

Михайловна уже пяткомъ выбралась изъ спальни.

Федя со слезами на глазахъ бросился за нянькой.

— Федя! сказалъ отецъ.

Федя остановился.

— Поди сюда!

Мальчикъ робко подошелъ къ отцу.

— Ну что, мой милый! началъ опять Петръ Васильчъ, взявъ за руку сына. «Ничего твои прописи! А?»

— Я не писалъ... прошенталъ мальчикъ, помолчавъ.

— Отчего ты не писалъ? Да ты не дичись папеньки, смотри на меня, отчего? Развѣ дьяконъ не былъ сегодня?

— Отецъ дьяконъ былъ, да пняя ему сказала, что сегодня жарко, учиться ненадобно, отецъ дьяконъ такъ и ушелъ.

— Слышите-ли, Наталья Ивановна! Это было сказано по твоему приказанію?

Наталья Ивановна не отвѣчала.

— Вотъ видишь-ли, какъ у тебя прислуга распоряжается. Я стараюсь дѣтей образовать, а тамъ какая нибудь безмозглая старуха... На что это похоже! говорилъ запальчиво Петръ Васильичъ. — И къ чему она Оедю приучить?... Давно я подумаю для него дядьку взять, какого нибудь пожилаго, двороваго человѣка.

— Отъ часу не легче!... Господи помилуй насъ! Новости за новостями, прошептала Наталья Ивановна; потомъ прибавила вслухъ: кажется, Петръ Васильичъ, Пашенька у насъ и безъ дядьки выросъ, да слава Богу, жаловаться напрасно грѣшно.

— Ну конечно выросъ; такъ что-жь тогда?... теперь старуха тупа стала, балуетъ ребенка, и балуетъ глупо... Не нравится мнѣ это...

— Тебѣ, мой другъ, нынѣ стало не *нравится* все что *нравилось* прежде. Не понимаю, что съ тобою сдѣлалось? сказала Наталья Ивановна вслухъ, и подумала про себя: вѣдь, знаю, знаю, что все съ грусти взрывается.

— На столъ готово-съ! проговорила горничная, просунувъ голову въ дверь.

• — Поди, Оедя, спать!... Прости мой милый, молвилъ Петръ Васильичъ, перекрестивъ мальчика. Только сегодня въ послѣднее, а завтра, братъ, обѣдаешь и ужинаешь вмѣстѣ съ нами. Слышишь!... Оедя опять поцѣловалъ руку отца, простился съ матерью и съ братомъ и побѣжалъ въ дѣтскую.

Между тѣмъ старшіе члены семейства отправились въ столовую, которая находилась въ нижнемъ этажѣ.

Въ этотъ вечеръ, ложась спать, Наталья Ивановна особенно усердно и со слезами молилась Богу.

Давно во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина. Въ хозяйской спальнѣ тускло мерцала неугасимая лампадка передъ образами; блѣдная луна заглядывала въ окно сквозь кисейные занавѣсы, и тѣнь отъ жасминовъ узорчатой рѣшеткой лежала на полу. Петръ Васильичъ храпѣлъ съ какими-то странными переливами, часто поворачиваясь съ бо

ку на бокъ; ему снился безпокойный сонъ: то приступаетъ къ нему въ сюртукѣ, сшитомъ изъ векселей, Чернухинъ, настоятельно требуя отъ него закладной на домъ; то Гришка-Татаринъ просилъ у него денегъ, приведя на дворъ, вмѣсто купленной пары лошадей, какую-то кудую, хромую клячу, и нагло ее похваливалъ. Иногда Петру Васильчу казалось, что онъ летитъ на парѣ купленныхъ вороныхъ, въ своей петербургской коляскѣ, летитъ быстрѣе птицы, быстрѣе вѣтра, на козлахъ сидитъ и поговяетъ ковей нянька Михайловна, а Наталья Ивановна, въ черной ряскѣ, подпоясанная ремнемъ, бѣжитъ, бѣжитъ за нимъ и не можетъ догнать. То ему снилось, что пришелъ его мокшанъ, что его разгружаютъ, и что, вмѣсто хлѣба, онъ видитъ песокъ, песокъ и песокъ. Петръ Васильчъ мычалъ и метался... Наталья Ивановна, напротивъ, зарывъ голову въ подушки, какъ ни старалась заснуть, не могла сомкнуть глазъ; ей думались грустныя думы:

— Этакой, Петръ Васильчъ, Богъ ему судья!... Вѣдь грустить, знаю что грустить, а не хочется быть откровеннымъ; я бы его и разговорила, и посовѣтовала, все-бы кажется, легче на сердцѣ было, такъ нѣтъ! Ужъ такой крѣпкой *ндравъ*... И что это, на роскоши-то напустился! ужъ передъ добромъ-ли?... Охти, охти!... Поди вотъ, невѣрь сердцу!... недаромъ оно, бѣдное, тосковало...

Въ мертвой полночной тишинѣ чиканье часовъ въ залѣ громко раздавалось. Межъ этимъ чикапьемъ слышался въ дѣтской мѣрный легкій стукъ... Это нянька, молясь въ землю, была лбомъ о-полъ, произнося молитву шопотомъ, — но такъ, что слова долетали до ушей Натальи Ивановны.

На антресоляхъ, надъ спальней, раздавались осторожные шаги Павла Петровича, который, войдя послѣ ужина въ свою комнату, раздѣлся съ помощью старика Тимофея, который былъ чѣмъ-то въ родѣ дворника, а иногда и приказчика, онъ же былъ и истопникомъ. Въ извѣстное время, Тимофей надѣвалъ какой-то дамный лиловый сюртукъ, и помещался на запяткахъ коляски; когда нуждался въ офиціантѣ, Тимофей выбирался почище, надѣвалъ бѣлый галстухъ, бѣлыя перчатки, и являлся къ столу; тогда брусничнаго

цвѣта лице его еще болѣе лоснилось отъ самодовольствія. Въ обыкновенные будничные дни, Тимофей или помогалъ кучеру на конюшнѣ, или помогалъ женѣ своей Агафѣ, на кухнѣ, или мель улицу, или просто, ничего не дѣлая, сидѣлъ за воротами. Онъ постоянно сопѣлъ отъ большихъ приѣмовъ табаку и довольно скупъ былъ на слова. Всякій вечеръ Тимофей, раздѣвъ молодого хозяина, ложился въ коридорчикѣ, возлѣ его комнаты. Объ этомъ онъ всегда такъ выражался:

— Меня Павелъ Петровичъ держитъ при себѣ для скуки.

И такъ, молодой Отрубевъ, раздѣвшись, посидѣлъ подъ открытымъ окномъ, помечталъ о своемъ рысакѣ, парѣ вороновыхъ, вчера купленныхъ, о модной шляпѣ, которую Петруша Шестуновъ выискалъ изъ Москвы; и мало-ли еще о чемъ мечталъ онъ. Потомъ легъ въ постель, думалъ-было читать какой-то романъ Дюкре-Дюмениля, н... задремалъ.

Долго еще не спала Наталья Ивановна... Стала заниматься утренняя заря и она задремала.

III.

Утромъ, когда привели лошадей, Петръ Васильичъ вышелъ и съ восторгомъ любовался ими, ласково потрепывая ихъ волнистыя гривы. И правда, лошади стояли того; большія и статныя, съ лоснящеюся, какъ вороново крыло шерстью онѣ рыли отъ нетерпѣнія землю копытами, фыркали, и гордо закидывали головы. Кучеръ помѣщика, у котораго онѣ были куплены, и Татаринъ — маклеръ въ дѣлѣ покупки, едва ихъ удерживали.

— Грудь-то! шея-то! сударь, Петръ Васильичъ, говорилъ послѣдній, трепля одну изъ нихъ по крутой шеѣ; вѣдь дуга дугой. Экой звѣрь! Ишь ноздри-то раздула, ушами стрижеть!... Шалишь!

— Спасибо, Гриша! (въ Привольскѣ мода Татаръ называть русскими именами). Я думаю-бы запречь ихъ въ коляску. Проѣзди, братъ, ихъ, я посмотрю, сказалъ Отрубевъ.

— Извольте, сударь! Да ужъ будьте покойны, будете благодарить; еслибъ того... Александро Ивановичъ не проигрался,

не разстался бы онъ съ ними; онъ мнѣ по душѣ сказалъ. Чай, плачетъ теперь, сердечный... Посмотрите-ка, статья-то! статья-то! вѣдь доморощенная. Матка-то изъ Орловскихъ была...

— Слышала, слышала, отвѣчала хозяйня.

— Ужъ я вамъ скажу, сударь, еслибы Александро Иванычъ подождалъ до Нижегородской... ей-ей! я вамъ скажу, по восьмисотъ за каждую-бы взялъ, продолжалъ Татарниъ.

— Ладно! Вѣдь ты барышникъ, что и говорить, неучиться тебѣ—обдули меня съ Александромъ-то Иванычемъ, прервалъ весело Петръ Васильичъ.

— Что угодно, говорите, Петръ Васильичъ, а не отпустилъ-бы я ихъ, голубчиковъ, кабы-деньги были, порядочный-бы барышъ взялъ,— да видите, хозяину-то ихнему горячо пришло; ну, думаю, коли не себѣ, такъ по-крайней-мѣрѣ доброму человѣку доставлю. Таратайкинъ, я думаю, когти грызеть; онъ мнѣ не двадцать пять далъ-бы. Только изъ уваженія, судырь къ вамъ!...

— Хорошо, хорошо! Закладывайте-ка!

Покуда лошадей закладывали въ коляску, съ помощью Татарина, и даже Тимофея, Петръ Васильичъ оставался въ сараѣ.

Наконецъ лошади были заложены. Иванъ взмогился на козлы, Татарниъ съ господскимъ кучеромъ сѣли въ коляску, Тимофей приткнулся на запятки. Петръ Васильичъ пошелъ въ комнаты, велѣлъ позвать Павла Петровича и Наталью Ивановну, и сѣлъ возлѣ открытаго окна, любоваться бѣгомъ новоплменныхъ лошадей.

Вдругъ коляска вихремъ вылетѣла изъ воротъ, пронеслась вдоль по улицѣ. Петръ Васильичъ и Павелъ Петровичъ высунулись въ окно.

— О, охъ! крикнулъ отецъ въ восторгѣ.

— Лихо! замѣтилъ сынъ.

— Передавать, передавать всѣхъ!... Господи! Тимофей-то свалился, Тимофей свалился! кричала Наталья Ивановна, съ замирающимъ сердцемъ, смотря изъ другаго окна.

— Поди! Поди! оралъ во все горло Иванъ, едва сдерживая горячую пару, которая неслась какъ вѣтеръ. Испу-

ганные прохожіе, бросились во все стороны; у Тимофея занимался духъ, онъ едва держался отъ страха. Наконецъ при поворотѣ коляска скрылась изъ глазъ хозяина.

Прошло болѣе получаса въ тревожномъ ожиданіи.

— Убьютъ, задавятъ, задавятъ-кого-нибудь! говорила Наталья Ивановна, съ упрекомъ смотря на супруга. Купилъ же такихъ звѣрей, Петръ Васильчъ, себя на бѣду; ужъ сломить ктонибудь шею! Знаю, знаю.

— Ничего ты не знаешь; это онѣ такъ сгоряча понесли, застоялись; — не бойся, не убьютъ, Богъ милостивъ, говорилъ Петръ Васильчъ, стараясь казаться какъ можно спокойнѣе, хотя въ голосѣ его слышилось тревожное безпокойство: «Паша! взгляни-ка, не ѣдутъ-ли?»

— Не видать-съ, отвѣчалъ Паша съ нетерпѣніемъ, безпрестанно высовывающійся изъ окна.

— Не поѣду я, никогда не поѣду на этихъ лошадяхъ, говорила Наталья Ивановна.

— По мнѣ хоть вѣчно пѣшкомъ ходи, отвѣчалъ Петръ Васильчъ. Ну, что, Паша, не видать?

— Ёдутъ, ёдутъ-съ! воскликнулъ сынъ, завидѣвъ вдали клубъ пыли; и чрезъ нѣсколько минутъ взпыленные кони влетѣли на дворъ.

— Тимошки нѣтъ на заняткахъ! Куда у васъ Тимошка дѣвался? кричалъ хозяинъ въ окно.

— А кто-жъ его знаетъ, отвѣчалъ Иванъ; я и самъ-то чуть усидѣлъ... черти проклятые, издохнуть-бы имъ! проворчалъ онъ, осаживая лошадей у сарая.

— Такъ и есть, ужъ вѣрно ушибли... Охъ, Боже мой, какая бѣда! такъ и есть; вошь и собака вчера выла, говорила въ сильномъ испугѣ хозяйка. Ахъ, Петръ Васильчъ!

И Петръ Васильчъ и Павелъ Петровичъ опять вышли на дворъ и съ безпокойствомъ спрашивали о запятникѣ.

Даже и сама Наталья Ивановна явилась на крыльцо.

— Тимофея лошади убили! кричала горничная, бѣгая по всему дому. Жена его Агафья, услышавъ такую горькую вѣсть, подхватила своего годовалого ребенка, и съ громкимъ воемъ выбѣжала на дворъ. Старшій, Стенка, тоже не отставалъ отъ матери, аккомпанируя ей во все горло. Нянька, Михай-

ловна, забывъ свою обязанность, не отлучаться ни на минуту отъ Оединьки, прибѣжала, запыхавшись, на всеобщую суматоху. (Нянька Оедора въ это время гуляла съ Фисонькою въ саду.) Крикъ и плачь на дворѣ разбудилъ Оедю; онъ проснулся, и, не видя няньки въ дѣтской, въ одной ночной рубашкѣ бросился изъ комнаты, и, всѣдъ за бѣгущей съ лѣстницы Любашкой, скатился кубаремъ, и тоже поднялъ плачь, схватившись за платье стоявшей на крыльцѣ матери.

— Ахъ, ты, Господи, Оединька! радость моя! Нянька! старая дура, нянька! зачѣмъ ты его оставила?... Любка! Любашка! Боже мой! дитю-то перепугали... Оединька, что ты? кричала растерявшаяся Наталья Ивановна.

— Спинку, спинку больно, я съ лѣстницы упалъ... ай! Оединька ревѣлъ во все горло.

— Голубчикъ-ты мой, Тимофей Микифорычъ! На кого ты меня съ своими малыыми дѣтками покпнулъ! между тѣмъ голосила звонкимъ голосомъ краснощекая Агафья, у которой пестрый платокъ едва держался на самомъ затылкѣ.

— Нянька! Любашка! Пашинька! Оединька съ лѣстницы упалъ, расшибся?.. слышите-ли вы? кричала хозяйка, ощущавая сына. Радость моя, ангелочикъ. Ахъ, онѣ мерзавки!..

— Да гдѣ-же онъ у васъ? Упалъ что-ли? Куда вы его дѣвали? спрашивалъ хозяинъ.

— Свалился да и разъ... Ничего, лошади не помяли; вѣдь позади стоялъ; что-жь, ничего; вотъ кабы съ козель... Да, я сударь, и подъ козлами бывалъ, и ногами меня эвти звѣри бивали, да что-жь, ничего, говорилъ барскій кучерь, выѣзая изъ колески.

— Вотъ они, кони-то, какіе, Петръ Васильичъ! началъ-было Татарня.

Никто не замѣчалъ, что человекъ пять нищихъ, пришедшихъ на дворъ за милостынею, стояли тутъ-же и смотрѣли на эту сцену; и нѣсколько прохожихъ, слыша такой гвалтъ, съ любопытствомъ заглядывали въ ворота.

— Гдѣ, гдѣ онъ, свѣтъ-то мой, Тимофей Микифорычъ? вопила Агафья и лѣзла чуть не подъ ноги лошадямъ, которыхъ откладывали.

— Что такое сдѣлалось! Ужь не разбили-ли кого лоша-

ди? спросилъ, вбѣгая на дворъ, запыхавшійся, весь въ пыли и безъ шапки, Тимофей.

— Воиъ онъ! вскрикнулъ первый барскій кучеръ.

— Ничего, цѣль, не помяли?

— Что ты?

— Ахъ!

— Какъ ты?

— Слава Богу, живъ! раздалось нѣсколько вдругъ голосовъ, и глаза всѣхъ обратились на Тимофея.

— Слава Богу, живъ, сказала Наталья Ивановна, уводя сына наверхъ.

— Голубчикъ Оедняка, Оедоръ Петровичъ! Ну, зачѣмъ, судырь, изъ дѣтской выскочилъ? Ахти бѣда! все я виновата, все я дура, проклятая... А все Тимофей... все онъ, ворчала нянька, вслѣдъ за ними.

— Ну что, Тимофей, убилися? спросилъ съ участіемъ Петръ Васильчъ.

— Больно ушибся, Тимоша? спросилъ ласково Павелъ Петровичъ.

— Ничего-съ, слава Богу, какъ есть ничего-съ, соскочилъ я, какъ знаешь, увидѣлъ что понесли-то. Ужъ и лошади, шутъ ихъ возьми!... Жаль только, картузъ потерялъ, не могъ найдти, знать кто нибудь поднялъ; жаль, новенькій былъ-съ, отвѣчалъ спокойно Тимофей.

— Ну ничего, слава Богу, все обошлось, сказалъ весело хозяинъ.

— А мы объ тебѣ безпокоились, думали, что тебя и въ живыхъ-то нѣтъ... проговорилъ Павелъ Петровичъ.

— Покорнѣйше благодарствуемъ-съ, ничего-съ. Эка, картуза-то жалко!..

— Ну пзъ чего ты такова безпокойства-то намъ надѣлалъ! а? вскинулась Агафья на мужа: дурья твоя рожа! Ужъ, право, родился дуракомъ, дуракомъ и умереть. И хозяйсва-то жалѣютъ и я-то вою, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало... Этакой сычъ, собачья морда!

Тимофей ничего не отвѣтилъ своей дражайшей половинѣ и принялся помогать кучерамъ управляться съ лошадьми. Горничная, все время стоявшая въ сторонѣ и съ боязнію

смотрящая, чтобъ которая нибудь изъ лошадей не улягнула Ивана въ зубы, услышала изъ окна дѣтской голосъ хозяйки:

— Эй, Любашка! Любашка! Куда засудобила ключъ отъ шакапа? Бѣги скорѣй!

Любашка побѣжала, наверхъ, безирестанно оглядываясь назадъ, и проклиная въ душѣ Наталью Ивановну, лошадей и Петра Васильча, ихъ купившаго. Агафья въ присутствіи хозяевъ удовольствовалась мужу вышеприведеннымъ упрекомъ и, ни съ того, ни съ-сего, дала шлепка ребенку, котораго держала на рукахъ. Степка, вспомнивъ, что онъ былъ недоѣденный блинъ, побѣжалъ за матерью, подскакивая на одной ногѣ, и напѣвая въ полголоса:

— Тягька живъ, тятька живъ! Тра-та-та! тра-та-та!

Теперь только замѣтилъ Петръ Васильчъ стоящихъ на дворѣ нищихъ, нахмурилъ слегка брови и что-то шепнулъ сыну. Павелъ Петровичъ подошелъ и, одѣлавъ ихъ, показалъ рукою на ворота. Вскорѣ ворота затворились за ними.

— Каковы соколики-та! А? говорилъ Татаринъ, когда стали лошадей проваживать по двору. Дай Богъ на владѣные вамъ, Петръ Васильчъ, только и всего.

— Спасибо, Гриша, спасибо. Я, братъ, у тебя въ долгу не буду; приходи уже въ лавку, говорилъ Петръ Васильчъ, любуясь лошадыми. Ну, братъ, Ванька! теперь держи ухо востро: если что отъ твоего недосмотра съ лошадыми случится, тогда на себя не пеняй; это, братъ, не сѣрья; я тамъ спустилъ... а если что теперь, чего Боже сохрани, то... Петръ Васильчъ не договорилъ, но его взглядъ и жестъ, которые онъ обратилъ къ своему кучеру, до-того были выразительны, что тотъ закусилъ себѣ губу и прошепталъ только:

— Э!.. чортъ!

— То само-собою, судырь, а теперь, какъ же поздравить вашу милость надобно... сказалъ Татаринъ, поглаживая свою кливообразную бороду, и вертя въ рукахъ шапку. На водочку-та?

Барскій кучеръ тоже стоялъ и перемывался съ ноги на ногу: въ ожиданіи чего-то.

— О, мошенникъ! Да вѣдь Магометъ водочку запретилъ!

— Помплуйте, судырь! запретилъ пророкъ вино, да и что въ немъ, кисло; а объ водкѣ не сказалъ ни слова...

— Мало васъ мулла бьетъ, сказалъ смѣясь Отрубевъ: Паша! дай имъ по три цѣлковыхъ, обратился отецъ къ сыну. Сынъ исполнилъ приказаніе отца.

— Премного благодарны; прощенія просимъ, судырь.

— Прощайте.

— Вѣрно, хозяинъ-то богатъ? спросилъ кучеръ Татарина, выйдя за ворота.

— Не богатъ, да тароватъ, отвѣчалъ послѣдній.

Петръ Васильчъ съ сыномъ стояли на крыльцѣ и любовались лошадьми, до тѣхъ поръ, покуда можно было поставить ихъ въ конюшню.

— Вѣдь хороши, Паша? А? Какъ по твоему, хороши?

— Помплуйте, папенька-съ!

— Хороши-то, судырь, хороши, только не совѣтую на нихъ ѣздить Натальѣ Ивановнѣ, ей-Богу не совѣтую! замѣтилъ Тимофей, хотя его совѣта никто и не просилъ.

Между тѣмъ въ дѣтской Наталья Ивановна ухаживала за Оединкою: мочила ему голову спиртомъ, терла спину одеколономъ, укладывала его въ постель, но мальчику не хотѣлось лежать и онъ плакалъ; бранила горничную, упрекала няньку и затруднялась, за кѣмъ-бы ей послать: за докторомъ, или за костоправкою; въ ея воображеніи Одея былъ уже горбать, кривобокъ, испуганъ, косить глазами, и картавить. Она бы и заплакала, еслибъ не ожидала каждую минуту прихода своего мужа.

Словомъ, это утро было самое безпокойное для Отрубевыхъ.

По отъѣздѣ Петра Васильча въ лавку, явилась торговка Авдотья Петровна, помня вчерашнее приказаніе Натальи Ивановны.

-- Послушай-ка, любезная моя; человѣкъ-то ты, кажется, не перебивчивый, пусть это останеся между нами, заговорила Отрубева, кликнувъ торговку къ себѣ въ спальню.

— И! мать вы моя, Наталья Ивановна! Что вы, что вы матушка! да развѣ я не понимаю! да сохрани меня Господи!

— То-то-же, Авдотья Петровна: что я тебѣ скажу, чуръ не выносить; задумала я одну сироту пристроить... ну...

— Доброе дѣло, свѣтнкъ вы мой, доброе дѣло... Такъ не нужно-ли чего? Салопчикъ продается.

— Ну это послѣ; а теперь главное, найди-ка мнѣ жениха...

— Ну ужъ не знаю, Наталья Ивановна...

— Невѣста у меня дѣвушка порядочная, дочь Мавры.

— Ужъ я такъ и догадалась, такъ и догадалась, вы, только вчера того-то, а я и догадалась, сказала Авдотья Петровна самодовольно улыбаясь и сверкнувъ своими карими пронзительными глазами. Какого-бы вамъ жениха-то?.. Ужъ-коли вы, мой свѣтнкъ, взялись за это дѣло, такъ вѣрно не обидите. Есть у меня на примѣтъ сосѣдъ, домокъ свой имѣеть, съ матерью живетъ, моя сударыня, слесарно-му обучался.... Вотъ ужъ паренекъ, нечего сказать, кровь съ молокомъ!... Все-то люблюсь, какъ пройдетъ мимо; вотъ думаю: замужъ-то-моль не вышла, и у меня-бы можетъ такой сыночикъ былъ! Вѣдь идетъ-то онъ, мой соколикъ, не обернется, словно отпочка, только кудерьки потряхиваются; а поклонится такъ степенно, да такъ привѣтно, словно дѣвушка.... Зовутъ его Сережей.... Ну ужъ паренекъ!

— Хорошо, еслибы парень порядочный, небалованный; ты, вѣдь, знаешь Дашу-то, пара онъ ей?

— Ужъ какая парочка-то! любо, сударыня, вы моя! отвѣчала утвердительно Авдотья Петровна.

— Ладно. Затѣвай-ка дѣло Петровна, авось, Богъ благословить!

— Наталья Ивановна, сватать не берусь, а съ матерью жениховой, пожалуй, поговорю, будто отъ себя: вотъ-моль такая-то невѣста!

— Да, конечно, будто отъ себя.

— Вотъ-моль у нихъ роденька богатая, Отрубевы, сиротѣ-моль помогутъ.

— Хорошо; только смотри-же, будто отъ себя, не проболтай!

— Что вы, радость моя, Наталья Ивановна! да сохрани меня Господи!

Отд. I.

4

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на жениха.... Ты говоришь, онъ слесарь? Пришли его къ намъ, будто замки починять, а я за невѣстой пошлю.... ну и уладимъ, чтобъ они другъ-друга посмотрѣли, проговорила Отрубева, подумавъ: вѣдь ладно будетъ, какъ ты скажешь?

— О, да! распрекрасно, свѣтикъ вы мой, Наталья Ивановна! постараюсь, отвѣчала радостно торговка.

— Такъ что у насъ сегодня? вторникъ? четвергъ.... и жду въ четвергъ, молвила Наталья Ивановна. Слышишь? въ четвергъ!

— Постараюсь. Да не думаете-ли вы побывать у Катерины Васильевны? Сей-часъ я иду, а она со странницей-то своей отъ обѣдни идетъ.... сказала Авдотья Петровна.

— А! ты мнѣ напомнила.... сегодня же поѣду, посмотрю, что будетъ продаваться гожее для невѣсты, молвила Отрубева, прощаясь съ торговкою.

— И въ самомъ дѣлѣ, думала Наталья Ивановна по уходѣ Авдотьи Петровны, дѣло затѣяла, надобно переговорить съ Петромъ Васильичемъ; неужели откажетъ? А пожалуй чего добраго; на роскоши денегъ не жалко, да на свое удовольствіе, а помочь ближнему пожалуй и поскупится.... Охо хѣ! грѣшные мы люди!... А вотъ поѣду къ Катеринѣ Васильевнѣ и спрошу Ивана Павлыча; что-то онъ мнѣ скажетъ, уладится-ли задуманное. Да, что-то скажетъ! Наталья Ивановна вздохнула, грустное предчувствіе опять зашевелилось въ ея сердцѣ.

Катерина Васильевна Саламатина, двоюродная сестра Натальи Ивановны, была женщина лѣтъ пятидесяти, съ безстрастнымъ, желтоватымъ лицомъ, съ протяжною рѣчью; нѣкогда бѣлокурые ея волосы замѣтно посѣдѣли, и постоянно были прикрыты простымъ кпсейнымъ чепцомъ. Она ипкогда не мѣняла своего шелкового капота и своей черной материнской шапи, у которой кайма уже превратилась въ рѣшето.

Несмотря на то, что домъ Саламатиныхъ, слывшій изъ первыхъ купеческихъ домовъ въ городѣ, былъ не что иное, какъ пріютъ странниковъ, странницъ, святошь, ханжей разнаго рода, и станція во время пребыванія ихъ въ городѣ.

Катерина Васильевна и въ церковь, и въ гости къ роднымъ являлась не иначе, какъ въ сопровожденіи юродиваго, или какой нибудь блаженной.

Супругъ ея Алексѣй Алексѣичъ, круглый, бодрый старичекъ, глядѣлъ сквозь пальцы на причуды своей жены, и умильно улыбался ключницѣ Якимовнѣ, сорокалѣтней вдовѣ, которую по праздникамъ дарилъ *рыжичками* (червонцамъ) и которая управляла всѣмъ хозяйствомъ. Катерина Васильевна ни до чего не доходила и не обращала ни малѣйшаго вниманія на свое семейство. Двѣ взрослыя дочери Саламатиныхъ, не имѣя порядочнаго платья для выѣзда, постоянно сидѣли дома. Мать не заботилась объ ихъ нарядахъ, потому что обѣихъ собирала въ монастырь. Обязанность дѣвушекъ состояла въ томъ, чтобъ понтъ чаемъ материнныхъ гостей, слушать рассказы о ихъ странствованіяхъ и разныхъ эпизодахъ изъ монастырской жизни, а иногда и назидательныя поученія о презрѣнн суеты житейской. По вечерамъ дочери поочередно читали для матери что нибудь изъ священнаго писанія. Зато въ ея отсутствіе по дѣлымъ днямъ били баклуши, сидя подъ окномъ, щелкали орѣхи, встрѣчая и провожая глазами прохожихъ, слушали сказки старой няньки о колдунахъ и лѣшихъ, или скандальныя исторіи горничной, дѣвки не совсѣмъ строгихъ правилъ. Отъ этихъ рассказовъ молодое воображеніе разыгрывалось, и дочки Катерины Васильевны, забывъ о томъ, что ихъ готовили въ монастырь, очень охотно мечтали о гарнизонныхъ офицерахъ, игравшихъ въ исторіяхъ горничной главную роль.

Старшій сынъ Саламатиныхъ былъ женатъ. Но молодая и богатая невѣстка называла свекровь почти въ глаза ханжею, скучала въ этомъ полу-монастырскомъ домѣ, и все время проводила у своей матери. Мужъ ея, весь погруженный въ торговые расчеты и присмотръ за фабрикою, казалось не замѣчалъ отсутствія своей жены. Младшія дѣти, въ числѣ двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ отъ пятнадцати до девяти лѣтъ, были безъ всякаго надзора, худо одѣтыя, и худо накормленныя. Они забвались па кухню, и тащили у кухарки, что кто могъ, иногда же уносили тихонько ключи у Якимовны и дѣлали нападенія на шкафы съ сладкими

и закусками. Ключница не смѣла жаловаться на нихъ хозяйкѣ, зато все передавала хозяйну. Алексѣй Алексѣичъ, погрозивъ имъ пальцемъ, кончалъ тѣмъ, что всѣхъ четверыхъ, правыхъ и виноватыхъ, ставилъ по угламъ въ залѣ. И лишь только выходилъ въ буфетъ, гдѣ что нибудь дѣлала румяная ключница, какъ дѣти съ крикомъ вырывались изъ подъ ареста, и неслись куда-попало.

При матери, которая требовала тишины, эта шумная толпа кой-какъ торопливо выпивала чай и тоже убѣгала поспѣшно съ родительскихъ глазъ. Грамотѣ ихъ училъ какой-то семинаристъ, существо безотвѣтное, которому ученицы пришиливали бумажные банты къ фалдамъ сюртука, а ученики писали на спинѣ мѣломъ кресты и карикатуры. Обучать дѣвушекъ рукодѣльямъ возлагалось на старшихъ сестрицъ, но старшія сестрицы сами не долюбивали работы, потому что у одной, завязанный годъ тому назадъ чулокъ, очень мало подвигался къ окончанію, а у другой стояли пальцы, за которыми никто ее не видалъ.

Очень понятно, что при такой обстановкѣ, дѣти болѣе смотрѣли изъ рукъ ключницы, потому что мать была для нихъ почти чужая. Прислуга хотя заочно брашила Якимовну, но въ глаза льстила и подличала передъ нею; Катеринѣ Васильевнѣ некогда было заглядывать въ кухню.

— Якимовна, другъ мой, ты смотри-же... не ударить-ся бы намъ въ грязь лицомъ; сегодня у меня обѣдаетъ отецъ казначей такого-то монастыря, если ли у насъ рыба? говорила, по обыкновенію, утромъ хозяйка ключницъ.

— Есть мелкая, что вчера привезли, Катерина Васильевна-сь.

— Какъ-же можно мелкая! съѣзди-ка на садокъ, выбери что есть лучшее; нечего тутъ толковать! А вина?...

— Вина подъ-исходъ, Катерина Васильевна; есть тамъ бутылки двѣ мадеры, да портвейну бутылка; ромъ весь. Я докладывала Алексѣю Алексѣичу, они сказали, что теперь покуда будетъ, не нужно-сь!

— Что тебѣ толковать съ Алексѣемъ Алексѣичемъ, развѣ онъ понимаетъ что нужно! съѣзди, мой другъ, въ погребокъ; слышь, завтра у меня отецъ-казначей обѣдаетъ.

— Очень хорошо-съ.... И ключница отправлялась за покупками. Хлюпотлива была должность Якимовны; но она на нее не жаловалась, скапливая усердно *рыжички* на черный день.

На другое утро, по обыкновенію, Саламатина ѣхала къ обѣдѣ и приглашала къ себѣ на обѣдъ: то отца казначея, то отца эконома, иногда и самого игумена, какъ приходилось.

Обѣдъ былъ вкусный и чинный. Катерина Васильевна бесѣдовала съ отцами о суетѣ мірской, или о дѣлахъ монастырскихъ. Двѣ старшія дочки кушали молча, потупивъ глаза. На концѣ стола смиренно сидѣли двѣ-три странницы, или монахини-сборницы дальнихъ монастырей. Алексѣй Алексѣичъ то грозилъ пальцемъ, обертываясь на буфетъ, гдѣ въ полуотворенныя двери заглядывали младшіе дѣти, лишеныя общаго стола и ожидающія какой нибудь подачки отъ щедротъ Якимовны.

Старшій сынъ, часто не промолвивъ ни слова, уходилъ изъ за половныя обѣда; когда бывала невѣстка, то, прислушиваясь къ разговору и не мѣшаясь въ него, она иногда позволяла себѣ дѣлать насмѣшливыя мины, стараясь, чтобъ то замѣтила свекровь. Последняя въ присутствіи отцовъ дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ; но если бывали за столомъ только женщины, то громко изъявляла неудовольствіе на непочтеніе къ старшимъ, на неуваженіе къ святымъ людямъ, на вольнодумство, отъ жалобъ переходило къ упрекамъ, потомъ къ личностямъ. И ссора закипала: невѣстка осыпала насмѣшками свекровь, и та залпвалась слезами. Алексѣй Алексѣичъ тихонько вставалъ и уходилъ. Дочки толкали другъ-друга локтями, не приставая ни къ той ни къ другой сторонѣ. Сынъ выбранивалъ жену, кидалъ салфетку, стулъ съ громомъ летѣлъ въ сторону, и онъ быстро убѣгалъ изъ комнаты. Гости вслухъ и шопотомъ творили молитву. Кончалось тѣмъ, что невѣстка уѣзжала къ матери, а Катерина Васильевна, для успокоенія взволнованныхъ чувствъ, заставляла одну изъ дочерей прочесть что нибудь назидательное.

Пробыло шесть часовъ. Вся семья Саламатинныхъ была въ сборѣ и сидѣла за чаемъ въ гостиной, ободранныя ме-

бель, которая постоянно покрыта была чахлами, и чохлы эти, по милости пыли и хозяйки, ничего вокруг себя невидѣвшей, изъ бѣлыхъ превратились въ ситцевые. Катерина Васильевна на диванѣ бесѣдовала съ чернобровою Марьей Павловной; старшая дочь разливала чай, вторая подавала чашку отцу, сидѣвшему подъ открытымъ окномъ. За другимъ столомъ, младшія дѣти, съ повязанными вокругъ шеи салфетками, перешептывались изподътишка, дразнили другъ-друга языкомъ, толкались и щипались. Около ихъ стояла старуха-нянька, унимавшая ихъ шопотомъ. На полу среди комнаты сидѣлъ Иванъ Павлычъ, въ синемъ нанковомъ халатѣ, подпоясанный ремнемъ, босой, и нечесаный, худощавый, но крѣпкаго сложенія, повидимому лѣтъ сорока. Шетинистая рыжая борода его давала о себѣ знать, что она не очень давно была выбрита; лукавые, красноватые, прищуренные глаза его быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, хотя онъ и старался принять глупый видъ. Передъ нимъ на подносѣ стояла большая чашка съ чаемъ, въ которую онъ крошилъ булку; возлѣ него лежала желѣзная палка его, увѣшанная бубенчиками и лоскутками.

Подъ окномъ послышался стукъ дрожекъ.

— Наталья Ивановна идетъ, сказалъ Алексѣй Алексѣичъ, взглянувъ въ окно, и всталъ, чтобъ встрѣтить гостью.

— Наталья Ивановна, Наталья Ивановна! пронеслось по комнатѣ. Старшая дочь привела въ порядокъ чашки на столѣ; вторая поправила волосы.

— Тс... тише!... проговорила Катерина Васильевна, привставъ и обдергивая капоть. Нянька, уведи этихъ шалуновъ.

Дѣти встали и пошли; старшій изъ нихъ сталъ за креслами отца.

— Александръ! произнесла протяжно мать: ты зачѣмъ тутъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? ступай вонъ!

— Маменька-съ... заговорилъ-было сынъ.

— Это что! не повиноваться матери! Аль хочешь на стыдъ меня навести? Ишь, оборвышь! неучъ! вонъ! Мальчикъ ушелъ.

Вошла Отрубева.

Хозяйка ее встрѣтила и обняла. Дѣвущки разцѣловались съ гостью.

— Милости просимъ, Наталья Ивановна. Ну что, здоровы ли? Прошу садиться, говорилъ скороговоркою хозяйка: хе-хе! ну какъ вы-съ?... А мы все спасаемся.... Хе-хе-хе!

Катерина Васильевна строго посмотрѣла на мужа.

— Провѣдать васъ надумала. Ужъ извините, сестрица, сказала Наталья Ивановна, усаживаясь: ну, вы какъ въ своемъ здоровьѣ?

— Слава Премилосердому! до сегодня. И я тоже думала къ тебѣ, Наташенька, захватить.... Видишь, у меня какое сокровище! Катерина Васильевна показала на Ивана Павлыча и Марью Павловну. Последняя встала и смиренно поклонилась. Рабы Божіи удостоиваютъ мою хижиу своимъ посѣщеніемъ, не за мои добродѣтели.... нѣтъ! а за молитвы моихъ родителей, продолжала Саламатина, садясь возлѣ гостыи.

— Слышала я, сестрица.... и не утерпѣла, проговорила Наталья Ивановна посмотрѣвъ съ любопытствомъ на Ивана Павлыча.

— Ну, вотъ видишь, блаженные какъ ни стараются скрыться, какъ ни стараются избѣгать мірской славы, а все-таки земля наполняется слухомъ объ ихъ жизни. Чудные братья и сестра, посвятившіе себя страннической жизни!... Взгляни-ка ты на нее-то, Наташенька, какая еще юная!...

Наталья Ивановна обратила вниманіе на Марью Павловну. Несмотря на черное длинное платье и платокъ, закрывавшій лобъ по самыя брови, видно было, что она не дурна, и на видъ ей казалось не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Но темные, быстрые глаза ея вовсе не выражали того смиренія, которое она старалась придать своимъ движеніямъ.

— А онъ-то, ужъ истинно праведный человѣкъ!... Все духомъ провидитъ, сказала шопотомъ Катерина Васильевна, наклонясь къ уху гостыи; лишь только взглянулъ на Надю и Сою: ты, говоритъ, ихъ замужъ не выдавай, а въ монастырь. Слышишь, точно узналъ мои сокровенныя мысли; да, онъ и узналъ.... Прозорливый человѣкъ!...

Наталья Ивановна съ удивленіемъ покачала головой.

— Я тоже намѣрена у него кой-о-чемъ спросить, затѣмъ

и пріѣхала, молвила она шопотомъ: Грусть такая, сердце щемить... сама не знаю отчего... словно бѣду какую чую; а сама здорова, и дѣти тоже, слава Богу.

— А все лукавый на уныніе наводитъ, Наташенька; право такъ... Да что мы гостью-то не попотчуетъ?.. Соня! чаю Натальѣ Ивановнѣ! молвила хозяйка, обращаясь къ старшей дочери.

Надя подала чай гостѣ.

— Да у васъ все дѣти прислуживаютъ! Какъ это хорошо, сестрица! пріятіе чѣмъ изъ чужихъ рукъ... право-съ! замѣтила Отрубева.

— Они у меня послушаніе несутъ, привыкаютъ; правда, я, грѣшна, я и всегда заботилась о ихъ смиреніи, сказала самодовольно Катерина Васильевна; онѣ у меня, Наташенька, слава Милосердому, совсѣмъ не имѣютъ житейской гордости, или мірскихъ желаній; другія, знаешь, пожалуй, и нарядовъ-бы запросили, а онѣ и не думаютъ.

Въ это время Иванъ Павлычъ всталъ, и, поднявъ свою палку, принялся прыгать на одной ногѣ, вокругъ подноса съ чашкою. Надя подошла и хотѣла взять подносъ.

— Не смѣй!.. крикнулъ онъ дикимъ голосомъ, не переставая кружиться. Сдѣлавъ два-три прыжка, и поднявъ подносъ, подаль его съ низкимъ поклономъ Натальѣ Ивановнѣ. Та робко приняла, смотря съ боязнію на включенную голову юродиваго.

— Покорно благодаримъ, Иванъ Павлычъ! садись-ка, садись, рабъ Божій, между нами; молвила привѣтливо Катерина Васильевна и подвинулась въ уголь дивана. Иванъ Павлычъ безцеремонно помѣстился между хозяйкою и Натальею Ивановной. Послѣдняя боязливо отъ него отодвинулась и смотрѣла съ недоумѣніемъ въ пустую чашку, не зная, что съ нею дѣлать.

— Пей! сказалъ юродивый, нагло посмотрѣвъ на гостью.

— Да тутъ ничего нѣтъ, чашка пустая, отвѣтила робко послѣдняя.

— А! вы любите полныя-то чаши, пустыхъ не любите! Знаю, знаю!.. и Иванъ Павлычъ замололъ скороговоркой: стоятъ семьдесятъ семь горшковъ, полнымъ полны, сокрая-

ми ровны, кади не съ пшеницей, не съ чечевицей, золотомъ насыпаны, полны сусѣки серебра и куры не клюють, несутъ курицы золотыя яйцы...

— Богатство тебѣ пророчить, — шепнула Катерина Васильевна гостьѣ.

— Иванъ Павлычъ! проговорила не смѣло Наталья Ивановна: у насъ суденышко съ хлѣбцомъ въ путинѣ; благополучно-ли оно приплыветъ?

— А что-жъ ты мнѣ дашь, Наташа, коли я пѣсенку спою? А? что ты мнѣ дашь?

Наталья Ивановна посмотрѣла вопросительно на хозяйку.

— Дай ему хоть цѣлковый, если есть съ тобой деньги, молвила та тихо.

Наталья Ивановна достала изъ кармана бисерный кошелекъ, въ которомъ нашлось мелочи цѣлковыхъ на два; она всѣ деньги подала предсказателю.

Иванъ Павлычъ всталъ, повертѣлся на одной ногѣ, подошелъ къ столу и наливъ въ полоскательную чашку воды, бросилъ туда деньги, и, сталъ смотрѣть, выдѣлывая самыя странныя гримасы; потомъ дико затянулъ:

«Плыветъ, плыветъ корабликъ

«Съ парчами, съ соболями,

«Съ добрыми молодцами...

— Слышишь! шептала Катерина Васильевна, подталкивая подъ-бокъ Наталью Ивановну.

Послѣдняя кивнула головой; сердце ея радостно билось.

Но юродивый выбралъ изъ чашки деньги, спряталъ ихъ къ себѣ въ рукавъ, а водою съ ногъ до головы окатилъ Союю. Дѣвушка вскрикнула и убѣжала.

— Вотъ, славно, ха, ха! хохоталъ во все горло Иванъ Павлычъ, и прибавилъ, обратясь къ хозяйкѣ: Катюша! велика мнѣ сдѣлать пуншикъ.

Катерина Васильевна сердито посмотрѣла вслѣдъ убѣжавшей дочери, и обратилась ко второй.

— Надя! сдѣлай пуншикъ Ивану Павлычу.

Дѣвушка принялась исполнять приказаніе, но когда стала подливать въ стаканъ рому, юродивый подскочилъ и безце-

ремонно началъ колотить по рукѣ молодую хозяйку, такъ, что ромъ лился черезъ край стакана на блюдечко.

— Иванъ Павлычъ! пропищала дѣвушка, отнявъ бутылку.

— Надя! что ты! молвила строго мать, развѣ ты не понимаешь, что Иванъ Павлычъ пророчить намъ въ полномъ домѣ жить... Но уже лить было не куда, блюдечко было полно, и предсказатель, схвативъ стаканъ, принялся со смѣхомъ пить, потомъ зашѣлъ:

«Ужъ ты роща, березовая,
«А въ тебѣ, рощица, брала Мама ягодки,
«Калину съ малиною...

— Слышите, Катерина Васильевна, что братецъ-то пророчить? пророчить дорогу, значитъ мы отъ васъ скоро отправляемся, пойдемъ лѣсами и будемъ питаться ягодками, замѣтила смиренно Марья Павловна, доселѣ молчавшая.

— Что это вы, Марья Павловна! Да какъ я рада-то васъ въ своей хижинѣ видѣть! развѣ что не понравилось Ивану Павлычу? Такъ ужъ уговорите его, чтобъ простилъ наши недостатки... а я право рада, еслибъ вы погостили, отвѣчала хозяйка.

— Покорно благодаримъ, наша матушка, за ваше радушіе, отвѣчала странница съ низкимъ поклономъ. Но что-жъ дѣлать, когда посвятили себя страннической жизни; не все покояться въ вашемъ благопріятномъ домѣ, пора подумать и о новыхъ трудахъ... Жалѣю только, что съ вами, сударыня, прежде не познакомилась, вы тоже добрая душа, какъ видно, не гнушаетесь насъ, смиренныхъ рабовъ Божіихъ... примолвила она, обращаясь къ Натальѣ Ивановнѣ.

— Я тоже съ своей стороны очень жалѣю, что не пригласила васъ посѣтить мой домъ. Удивляюсь я, такія вы, Марья Павловна, еще молодыя, а обрекли себя на такую многотрудную жизнь: легко сказать, безъ вѣрнаго пристанища ходить по бѣлу свѣту! сказала ласково Наталья Ивановна.

— Молода я, правда ваша,—отвѣчала Марья Павловна, потупя глаза; такъ что-жъ, покуда въ силахъ; зачѣмъ же

дожидаться хворой старости, когда ноги ходить не будутъ... А теперь, вотъ мы съ братцомъ, два раза были въ Кіевѣ, два раза въ Новомъ Іерусалимѣ; теперь собираемся въ старый, если боголюбцы помогутъ...

— Доброе дѣло, но трудное, Марья Павловна! Говорятъ, тамъ вѣдь по-русски ни слова не знаютъ. А на пути-то все разбойники, такъ, говорятъ, и губятъ, и губятъ прохожихъ, которымъ откупиться не чѣмъ... замѣтила хозяйка.

Вошла Соня.

— Что это, сударыня, бѣгаешь! дура ты этакая! гдѣ-бы радоваться, что праведный человѣкъ, значить, можетъ быть здоровье тебѣ пророчить, или особую какую благодать, а она изволить кричать, замѣтила строго Катерина Васильевна.

— Маменька-съ, да какъ-же-съ! Вѣдь я испугалась; я была вся мокрая, нужно было платье переменить-съ, отвѣчала робко дочь.

— Перестань, сударыня, дурачиться, ишь испугалась! А чего, позволь спросить? Молчать у меня!.. чтобъ я больше не слышала! Дѣвушки переглянулись и тихонько пересмѣхнулись, увидѣвъ, что мимо окна проѣхалъ верхомъ адъютантъ.

— Иванъ Павлычъ! заговорила Наталья Ивановна: я къ вамъ, батюшка, за совѣтомъ: задумала я свадьбу устроить, какъ вы скажете, а?

Иванъ Павлычъ, кончивъ свой пуншъ, понюхалъ изъ тавлянки табаку и отвѣчалъ съ разстановкою:

— Ъхалъ мужикъ на телѣгѣ, были запряжены двѣ лошади: одна ретивая, другая лѣнвая; первая впередъ бѣжитъ, а послѣдняя упирается; обѣ мучатся, и выходятъ дрянъ. А кабы была запряжена одна ретивая, то бѣжала бы какъ ей надо, а одна лѣнвая, тащилась-бы тоже какъ хотѣла. Не надо, не нужно, дочь не женится, сынъ замужъ не пойдетъ... надѣнуть дѣвушки черныя шапочки... ха, ха, ха... Понюхай-ка, Наташа, табачку!.. Иванъ Павлычъ поднесъ свою раскрытую тавлянку къ самому носу Натальи Ивановны.

— Я не нюхаю, Иванъ Павлычъ, отвѣчала она и шепнула хозяйкѣ: значить, сестрица, свадьбѣ не бывать?

— Разумѣется! да что-жъ это за свадьба! неужели ты о Пашѣ думаешь? кажется, рано, еще молодѣ!

— Нѣтъ, не о немъ, я такъ... задумала объ одной дѣвушкѣ. Неужели, что онъ говорить, все можетъ сбыться?

— Увѣряю я тебя, что это праведный человѣкъ! не только что можетъ случиться, да что и думаешь, и то можетъ быть знаетъ...

— Господи помилуй! прошептала со страхомъ Наталья Ивановна, усомнившаяся въ святости Ивана Павлыча, видя, съ какимъ удовольствіемъ онъ тянулъ пуншъ. Сестрица, я не знаю, право... можетъ и грѣшу, а вѣдь онъ, посмотрите-ка, и хмѣльное пьетъ, и табакъ нюхаетъ, замѣтила она на ухо Катеринѣ Васильевнѣ.

— Это онъ, другъ мой, такъ на себя юродство вакидываетъ, чтобъ люди его поста не видѣли, а ты думаешь онъ изъ удовольствія? О! нѣтъ!

Иванъ Павлычъ вышелъ.

— Уже хотя на единую минуту, а буду у васъ, Наталья Ивановна; за грѣхъ считаю не посѣтить васъ! сказала умиленно Марья Павловна: много святыхъ мѣстъ, предполагаемъ мы съ братцомъ посѣтить, можетъ, возъмѣете усердіе на свѣчи послать?

— Зайдите, Марья Павловна, во всякое время я рада буду.

— Ужъ, конечно, позвольте съ братцомъ. Одна я никуда не хожу, грѣшница.

— Рѣдко вы насъ посѣщаете, Наталья Ивановна, вотъ что-съ. Сказалъ вдругъ Алексѣй Алексѣичъ, доселѣ молча перебиравшій какую-то книгу; а Петръ Васильичъ и вовсе къ намъ не заглядываетъ, да-съ, наше общество ему не нравится. Вѣдь онъ такой *вольнодумецъ*. Хе, хе, хе!

— Что это Алексѣй Алексѣичъ! ты ужъ вовсе изъ ума выжилъ. Да какъ тебѣ не стыдно, да какъ тебѣ не грѣхъ такія богопротивныя слова говорить! Ты его вольнодумцемъ называешь... Развѣ мы не знаемъ, что Петръ Васильичъ

и въ церковь ходитъ... Ахъ, ты грѣховодникъ! сказала Катерина Васильевна.

— Ну что-жъ я такое сказала? я ничего... Петръ Васильичъ такой-же православный, только многого не любитъ такого, что любишь ты; да и смѣется еще вдобавокъ... Вѣдь я правду говорю; Наталья Ивановна, что вы, на это скажете-съ?

Наталья Ивановна только махнула рукой.

— Полно, судырь, о людяхъ говорить, самъ-то ты что дѣлаешь? человекъ ты старый, сѣдинами украшенъ... гдѣ бы иной разъ что нибудь назидательное прочитатъ, на пользу себѣ и другимъ, а ты, только и вижу, что какую-то театральную книжонку въ рукахъ вертишь. Стыдно сказать — урокъ дѣтямъ, примѣръ поучительный. Охъ ты, грѣховодникъ!..

— Ну, вся разсердилась! сказала въ полголоса Алексѣй Алексѣичъ, понюхавъ табаку изъ большой серебряной съ чернью табакерки, продолжалъ вслухъ:

— Э-хе-хе!.. что-жъ тутъ за грѣхъ? Не вижу, матушка, никакого грѣха, умное сочиненіе просмотрѣть, это видишь *горе отъ ума*, то есть критика...

— Перестань ты съ критиками своими. Что такое критика? праздные люди, отъ нечего дѣлать, или отъ злости пересуживаютъ другъ-друга. Стыдно, судырь, тебѣ такими пустяками заниматься! *Горе отъ ума!* послушайте добрые люди!.. прибавила Саламатина, обращаясь къ гостямъ: *горе отъ ума!* Да развѣ отъ ума терпѣль кто горе?.. терпятъ, судырь, горе-то, да только отъ безумія. Вотъ что!

Алексѣй Алексѣичъ махнулъ обѣими руками и вышелъ въ залу, забывъ на окнѣ табакерку.

— Ужъ какъ бы мнѣ дочерей-то поскорѣй Богъ привелъ избавить отъ такого соблазна! сказала со вздохомъ Катерина Васильевна.

— И такъ вы думаете дѣвицъ?.. молвила Отрубева.

— Въ монастырь... Ужъ это рѣшено давно; пусть молятся за меня Богу! перебила хозяйка.

Въ залѣ послышалось шушуканье, поцѣлуй, и голосъ

Петра Васильича Отрубева. Потомъ онъ явился на порогѣ гостиной, въ сопровожденіи хозяина.

— Ну вотъ и я къ вамъ! мое почтеніе, Катерина Васильевна! здоровье ваше? Приѣхалъ я домой, говорятъ: Наталья Ивановна уѣхала къ Катеринѣ Васильевнѣ, ну и я слѣдомъ за женой.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ, не видала васъ, Петръ Васильичъ. Садитесь-ка, милости просимъ! говорила хозяйка: вотъ здѣсь, гость дорогой, возлѣ Натальи-то Ивановны. Эй, Якимовна! чаю Петру Васильичу!

Отрубевъ и хозяинъ помѣстились на ближнихъ креслахъ. Остывшій самоваръ унесли со стола. Дочерямъ мать приказала идти въ свою комнату.

— О, у насъ все тѣ же гости, Катерина Васильевна! Вы насколько не переѣхались! Право, какъ вы постоянны! замѣтилъ гость, посмотрѣвъ холодно на Марью Павловну, которая потупилась.

— Поздно ужъ мнѣ, да и грѣшно на старости лѣтъ мѣняться, отвѣчала хозяйка; какіе-жъ тѣ же гости у меня? эта смиренная странница еще не давно... вы, вѣрно, ее не видали?

— Право, не помню. Я хотѣлъ только сказать, что вы по прежнему окружаете себя странниками разнаго рода, ханж...

Наталья Ивановна толкнула тихонько мужа.

— Ну что-жъ ты толкаешься! развѣ я не правду говорю?..

Катерина Васильевна поморщилась.

— Полно, полно, вольнодумецъ! хе, хе! Когда ты исправишься? сказалъ весело хозяинъ.

Марья Павловнѣ было очень не ловко; она встала, подошла къ окну, повертѣлась и сѣла въ самый дальній уголъ.

— Петръ, Васильичъ, я думаю, всякій воленъ принимать въ своемъ домѣ кого онъ хочетъ, замѣтила съ неудовольствіемъ хозяйка.

— Я не спорю съ вами, только позвольте замѣтить, что вѣрно скучно вашимъ дочкамъ вести такую, какую-то затворническую жизнь?.. право! А я Софья Алексѣевнѣ и жениха

нашелъ. Ну-ка, Катерина Васильевна, не лучше-ли веселымъ пиркомъ, да и за свадебку, чѣмъ притворствовать-то тутъ! Право!..

Наталя Ивановна сидѣла точно на угольяхъ.

— Петръ Васильичъ! прошептала она.

— Ну что такое, Петръ Васильичъ! развѣ я не правду говорю?

— Никто васъ не проситъ искать жениховъ для моихъ дочерей, сказала съ видимой досадой хозяйка, кусая губы. Съ своими дочерьми я и сама умѣю распорядиться безъ вашего вмѣшательства; я сказала, что онѣ не будутъ заму-жемъ, ну, и не будутъ, я хочу чтобъ онѣ шли въ мона-стырь, и пойдутъ, значить я мать, и властна дѣлать изъ нихъ что хочу. У меня, слава Богу, онѣ не смѣютъ и губами перешевелить. А вамъ, Петръ Васильичъ, не слѣдовало-бы на-смѣхаться надо мною; у васъ у самихъ дѣти...

— О, да вѣрно съ вами не сговоришь! Ну, Богъ съ ва-ми, совсѣмъ; боюсь только, что и жена моя не набралась бы отъ васъ такихъ же душеснасительныхъ мыслей, тогда хоть изъ дому бѣги... А замашки-то ужъ появляются. Послушай-ка, Алексѣй Алексѣичъ, у меня и Наталя Ивановна, въ по-дражанье твоей супругѣ, пріучила какую-то пройдоху... ска-залъ Петръ Васильичъ, обращаясь къ хозяину, который уже суетился около окна, то заглядывая подъ столъ, то шаря руками подъ стульями.

— Слышу, слышу! отвѣчалъ послѣдній. Эка пропасть! куда она запропастилась?

— Да что ты тутъ дѣлаешь?

— Табакерку, братецъ, ищу; не помню, гдѣ положилъ.

— Петръ Васильичъ! молвила съ упрекомъ Наталя Ива-новна, покачавъ головой.

— Что, я развѣ не правду сказалъ? Однако здѣсь очень жарко, пойдѣмъ-ка сюда, Алексѣй Алексѣичъ! Отрубевъ всталъ и вышелъ въ залу, на порогѣ столкнулся съ Ива-номъ Павлычемъ.

— Это что еще за нечоса у васъ? Тьфу, ты, чортъ! Кто онъ такой? спрашивалъ онъ строго.

— Человѣкъ, отвѣчалъ юродивый, закатывая глаза подъ лобъ.

— Не кобенься, пожалуйста! какой-же ты человѣкъ, кто и откуда?

— А тебѣ на-что? Человѣкъ я Божій, обшитъ кожей, отвѣчалъ какъ будто не хотя странникъ, прошелъ мимо Отрубева, закинувъ голову и развалился на диванѣ, между хозяйкой и Натальей Ивановной.

— Знаешь-ли что? — и барабанъ обшитъ кожей. А что, если палки, которыя гуляютъ по барабанной кожѣ, разгуляются грѣхомъ по твоей,—что ты на это скажешь, любезный? проговорилъ Петръ Васильчъ, нахмутивъ брови.

— Вы осмѣливаетесь обижать въ моемъ домѣ смиренныхъ странниковъ, людей праведныхъ! Вы ничему не вѣрите, Петръ Васильчъ; смотрите, не получите за то наказанія свыше... проговорила Катерина Васильевна, съ угрожающимъ видомъ и поблѣднѣвъ съ досады.

— Сестрица, извините его, ужъ у него такой *характеръ*, вставая, сказала взволнованнымъ голосомъ Наталья Ивановна.

— Сиди, сиди, Наташенька! я тебѣ рада, мой другъ; но мнѣ, право, обидно...

— Я васъ не думалъ обижать; но воля ваша, не заставьте меня считать праведникомъ всякаго бродягу. Въ былыя времена, сударыня, праведники не заглядывали въ тѣ дома, гдѣ сладко кормятъ, и не лѣзли напоказъ, а всячески скрывались, чтобъ люди не замѣтили ихъ подвиговъ. Вотъ что! А это что такое? лѣнтян, и, работать не хотятъ, тунеядцы, къ старухамъ подбиваются, строятъ имъ турысы на колесахъ, да деньги выманиваютъ; одну одурачатъ, къ другой идутъ; вотъ и все!.. Чего это, право, полиція-то у насъ смотритъ? тоже съ досадой проговорилъ Петръ Васильчъ.

— Господи! какое вольнодумство! воскликнула сквозь слезы хозяйка и заткнула себѣ уши.

— Ну вотъ и сама, матушка, проговорила богопротивное слово, замѣтилъ Алексѣй Алексѣичъ, поднимаясь съ полу. Не могу найти... что ты будешь дѣлать... куда это она дѣвалась?.. Эй! Якимовна!..

Якимовна явилась на зовъ.

— Понщи ты моей табатерки, не знаю куда дѣвалась! помнится, я тутъ на окнѣ ее оставилъ.

Ключница принялась искать табатерку.

Между тѣмъ Иванъ Павлычъ нагло погрозилъ Петру Васильичу палкою.

— Каналья!.. произнесъ послѣдній, выходя въ залу. Ну, Алексѣй Алексѣичъ, только съ тобой ссориться не хочу, сказалъ онъ, когда подошелъ къ нему хозяинъ: а то я съумѣлъ-бы проучить этого *нечосанаго* шельму, я отправилъ бы его въ полицію, не посмотрѣлъ-бы на защиту Катерины Васильевны. Ишь, смѣетъ мнѣ палкою грозить! мерзавецъ!

— Полно, братецъ; стоитъ-ли обижаться. Чего ты захотѣлъ отъ дурака?

— Ну ужъ мое почтеніе! Я бы тогда узналъ, дуракъ онъ или наглый плуть; удивляюсь я тебѣ, Алексѣй Алексѣичъ! Ну можно-ли терпѣть подобныя женины дурачества! Положимъ, что она сердобольна и пусть накормитъ ихъ, когда они голодны, дастъ ночлегъ на ночь, ну это куда не шло; а-то окружать себя безпрестанно подобными уродами, день и ночь сидѣть съ ними; и, какъ какую нибудь диковинку, возить ихъ на показъ съ собою въ коляскѣ!.. А кто ихъ знаетъ, можетъ быть они какіе нибудь бѣглые мошенники! По правдѣ сказать, привольская, братецъ, полиція, часто не знаетъ, что у ней подъ носомъ дѣлается. Какъ хочешь, все это ни на что не похоже.

— Что ты будешь дѣлать! сказалъ хозяинъ со вздохомъ, садясь противъ гостя, и пожавъ плечами. Я тоже сперва и такъ и сякъ—куда ты! жалуется, что преграждаю ей путь къ спасенію, и то и другое... Ну, скрѣпилъ свое сердце и махнулъ рукой. Богъ съ тобой! думаю, живи, матушка, какъ хочешь, тревоги и ссоры не люблю; притомъ-же ея причуды никому большаго и вреда не дѣлаютъ.

— Напротивъ, другъ любезный, вредъ-то они дѣлаютъ большой. При всемъ моемъ уваженіи къ Катеринѣ Васильевнѣ, замѣчу, что она не совсѣмъ хорошо поступаетъ; пусть бы

ужь хотя сама-то ханжила, какъ хотѣла, а-то и дочерей-то къ тому-же ведетъ. Что вамъ выдать что-ль ихъ не чѣмъ?

— Петръ Васильичъ, дочери наши сами желаютъ въ монастырь.

— А ты ихъ спрашивалъ объ ихъ желаніи?

— Что мнѣ спрашивать-то! Что я? мое, братъ, мужское дѣло. Ихъ должна мать руководствовать!

— То-то и есть. А я думалъ Сою-то бы за Петрушу Шестунова. Ужъ смазали бы дѣло. Какъ ты думаешь?

— Поди-ка, сговори съ Катериной Васильевной. Охъ, братъ! Алексѣй Алексѣичъ махнулъ рукой: Якимовна, что-жъ табатерка?

— Не наша, сударь, Алексѣй Алексѣичъ! ужь вѣрно дѣти затащили, отвѣчала ключница, выходя изъ гостиной.

— Ну такъ поскорѣй, хоть чай давай.

— Какое къ праху дѣти затащили, дѣти давно ушли, лишь Наталья Ивановна пріѣхала, сказала хозяйнѣ, по уходѣ ключницы.

— Вотъ къ слову, хоть-бы и младшія-то ваши дѣти, гдѣ они? при васъ ихъ никто никогда не видитъ, прячутся, гдѣ-то по закоулкамъ.

— Эхъ братецъ! шалуны, шалютъ, шумятъ.

— Они и всегда будутъ шалунами, когда только съ прислугою на кухнѣ обращаться стануть, а пріѣдетъ, напри-мѣръ, ктонибудь къ вамъ, они и носа показать не смѣютъ. *Не изъ рода вонъ*, моя Наталья Ивановна, тоже выдумала держать Федю, всегда одного въ дѣтской, кормить на особицу; я вчера ужь вниманіе на то обратилъ, говорю: что это, сударыня, что ты сына-то дикаремъ что-ли хочешь сдѣлать! Нѣтъ, такъ-то, почтеннѣйшій Алексѣй Алексѣичъ! нонче свѣтъ другой пошелъ, надобно дѣтей въ люди выводить.

— Правда твоя, я согласенъ, да что ты будешь дѣлать, мать того не хочетъ: а спорить; неприятности заводить, я не люблю.

— Незлѣчимъ, братъ ты, совсѣмъ незлѣчимъ, Алексѣй Алексѣичъ! сказалъ Отрубевъ, покачивая головой. Да и всѣ-то вы *чудные*, вотъ у васъ и Николай Алексѣичъ, человекъ-бы кажется умный, а со стороны посмотришь, точно

чужой въ своей семьѣ, вѣчно на фабрикѣ торчитъ; изъ дому бѣжитъ какъ угорѣлый; домашніе безпорядки для него *трынь трава*. Впрочемъ извини, братъ Алексѣй Алексѣичъ, что я говорю то, чтобы не должно, не мое дѣло; говорятъ: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходитъ. Душевно тебя люблю и уважаю, а бывать у васъ часто не могу, потому что лишь попаду къ вамъ, непременно съ Катериной Васильевной поссорюсь. А что за радость!..

— Полно, Петръ Васильичъ, перестань пожалуёста, перебилъ хозяинъ. Мало ли что между родственниками говорится; если что такое и сказалъ ты, что Катеринѣ Васильевнѣ не понравилось, то я увѣренъ, что все же изъ желанія намъ добра. Ну, а что я тебя люблю, и уважаю, такъ ужъ ты братецъ, въ томъ не сомнѣвайся... Якимовна, сдѣлай-ка намъ по пунчику, только смотри: не по будничному, а по праздничному. Понимаешь!.. примолвилъ онъ, хлопнувъ легонько по плечу ключницу, подошедшую съ чаемъ.

— Ого! любезный, какія нѣжности! сказалъ гость, засмѣявшись, и принимаясь за стаканъ:— смотри, жена увидитъ, бѣда! Пожалуй и ключницу къ шаху! А ключница-то у васъ славная! Смотри-ка какая пышка!

— Что это-съ, Петръ Васильевичъ, ужъ чтонибудь да скажете... право-съ!.. молвила Якимовна, покраснѣвшись и убѣгая въ буфетъ.

— Ахъ ты шутникъ! однако на счетъ Катерины Васильевны, братецъ мой, того-то...

— А что?

— Да такъ, свитоша стала... совѣмъ свитоша.

— Вотъ что! такъ значить на твои проказы глядятъ сквозь пальцы; а ты ей дурачествамъ поблажаешь. Это ужъ что-то будто по дворянски. Смотрите чего добраго, не разойдитесь на разныя половинны, чтобъ обонмъ было удобнѣе... да!

— Шутникъ ты ей-Богу! Хе, хе, хе! разсмѣшавъ, братецъ. Однако шутить нечего, жена и такъ это пристала, отпусти ее, видишь, въ монастырь съ дочерью; тамъ она, слышь, годъ али два проживетъ, устроитъ ихъ, поглядитъ на ихнее житье-бытье.

— Такъ что жъ ты?

— Да помилуй, братецъ!.. какъ же я тутъ съ младшими-то дѣтьми останусь!

— Напрасно. А я бы, знаешь ли, что сдѣлалъ, отвезъ-бы ее самъ, да въ такую пустыню, гдѣ монахины сами все черныя и тяжелыя работы исправляютъ, безъ всякаго лицепріятія, да попросилъ бы еще, чтобъ ее тамъ къ трудамъ-то хорошенько постарались приучить. Вотъ что-съ! А то у этихъ барынь монастырская-то жизнь только на языкѣ...

Якимовна подала стаканы съ пуншемъ.

— Совсѣмъ забылъ я тебѣ сказать, Алексѣй Алексѣичъ, я новыхъ лошадей купилъ у Кутялова. Посмотри-ка какія; нарочно велѣлъ въ коляску запречь и прикатилъ сюда на нихъ.

— Ахъ ты мотъ, мотъ! Развѣ сѣрая-то пара у тебя, худа что ли была? сказалъ, покачавъ головой, Саламатнѣ.

— Куда сѣрая, одна захромала... а ты посмотри-ка, братъ, что это за лошади! небось у всякаго зубы разгорятся; онѣ у воротъ,—я Ванькѣ не велѣлъ вѣзжать на дворъ. Пойдемъ-ка въ столовую... посмотри...

Хозяинъ и гость вышли, и долго изъ окна столовой любовались стоявшими за воротами лошадьми. Когда они опять возвратились въ залу, стаканы ихъ были порожни, и стояли опрокинуты вверхъ дномъ.

— Это что! воскликнули почти въ одинъ голосъ хозяинъ и гость.

— Ужъ вѣрно Иванъ Павлычъ спрочазилъ! сказалъ, засмѣявшись, хозяинъ, желая обратить все въ шутку.

— И это ничего у васъ, позволяется? молвилъ Отрубевъ, вспыхнувъ отъ досады.

— Да что ты будешь дѣлать съ дуракомъ!.. Эй, Якимовна!

— Не надо, молвилъ гость, нахмуривъ брови: —не безпокойся, пожалуйста, Алексѣй Алексѣичъ, мнѣ пора домой; а то ваши дураки еще какую нибудь дурацкую шутку подшутятъ, чего я терпѣть не могу. Онъ всталъ.

На крикъ хозяина вмѣсто ключицы вошла горничная.

— Звать изволили-съ? Степаниды Якимовны нѣтъ-съ, сказала она.

— Возьми стаканы, и вели Якимовнѣ сдѣлать пунши, приказалъ хозяинъ.

— Ай! Иванъ Павлычъ! проворчала дѣвка, взявъ под-
вось.

— Что такое Иванъ Павлычъ?

— Да ничего-съ; выпилъ пуншъ, и думаю совсѣмъ теперь
свалялся-съ, отвѣчала горничная.

— А ты развѣ видѣла, какъ онъ пилъ?

— Видѣла-съ.

— Дура! отчего-же ты ему ничего не сказала?

— Помилуйте, Алексѣй Алексѣичъ, развѣ я смѣла что
нибудь сказать-съ! вы сами изволите знать, какъ бы за это
Катерина Васильевна прогнѣвалась...

— Ну, ну, замолчи пожалуйста, сказалъ хозяинъ, кото-
рому уже замѣтно дѣлалось стыдно.

— Наталья Ивановна, пора домой! Наталья Ивановна,
слышишь! пожалуйста поскорѣй... говорилъ Петръ Васильичъ,
быстро подходя къ дверямъ гостиной.

Наталья Ивановна поднялась и стала торопливо прощаться
съ хозяйкой.

— Наташенька, посиди, мой другъ, я тебѣ рада, говори-
ла Катерина Васильевна: куда торопишься-то?

— Ну-же, пора, пора, Наталья Ивановна! говорилъ Отру-
бевъ, стоя въ дверяхъ.—Мое почтеніе, Катерина Васильевна...
за угощеніе! — счастливо оставаться...

— Помилуйте, Петръ Васильичъ. Ужъ заторопились. Рѣд-
ко къ намъ жалуете, да и то словно на угольяхъ; и погля-
дѣть-то на себя не дали.—Посидите пожалуйста, сказала хо-
зяйка.

— Покорно благодаримъ-съ... Ужъ пожалуйста не удер-
живайте... ну же Наташенька!

— Къ намъ милости просимъ; сестрица, пожалуйста, про-
говорила Отрубева, пакидывая шаль.

— Только пожалуйста безъ вашикъ юродивыхъ, догово-
рилъ мужъ. Саламатина не слыхала.

— Заторопились вдругъ, и Боже мой! скоро больно надобно. Ахъ Петръ Васильчъ! точно загорѣлось!..

— Да, загорѣлось... загорѣлось мое самолюбие, Катерина Васильевна, то есть, позвольте вамъ доложить, что вашему дураку себя дурачить не позволю; съ вами онъ все можетъ дѣлать, но со мною... вретъ онъ собачій сынъ! не на такого навалъ, я попрошу полиціймейстера, чтобъ онъ допытался, что это за праведникъ такой; тогда увидимъ. Жаль только, что теперь его здѣсь нѣтъ, проговорилъ Петръ Васильчъ, сурово оглядывая гостиную, изъ которой къ счастью Иванъ Павлычъ улизнулъ.

— Прощенья просимъ... сказала Огрубевъ Катеринѣ Васильевнѣ, повернулся, и быстро и гордо пошелъ черезъ залу, пожавъ на походѣ руку оторопѣвшему хозяину. Наталья Ивановна также съ нимъ поклонилась, спѣша догнать мужа.

— Господи! произнесла обиженнымъ тономъ Саламатина, и, залпвшись слезами, опустила на диванъ.

— И все-то вы изъ-за насъ тершите такія неприятели, наша благодѣтельница!.. сказала слезливымъ голосомъ, выходя изъ угла Марья Павловна:— ужъ позвольте лучше мнѣ несчастной удалиться! не могу видѣть, не могу видѣть вашихъ слезъ, вашего безпокойства-съ!

— Нѣтъ, нѣтъ, душенька моя Марья Павловна; напротивъ, оставайтесь, сидьте тутъ возлѣ меня. Развѣ вы не видите, что это искушеніе... надо перенести... Катерина Васильевна утирала глаза. Страница послушно помѣстилась возлѣ нея на диванѣ, и вздыхала какъ только могла, вторя глубокимъ вздохамъ хозяйки.

Между-тѣмъ сконфуженный хозяинъ думалъ немножко поправиться, понюхавъ табаку; но какъ въ жплетномъ карманѣ табатерки не отыскалось, то онъ только въ раздумьи почесалъ за ухомъ, и пощипнувъ головой, остался на мѣстѣ.

— А! такъ вотъ онъ гдѣ! хорошо! нашель-таки, нашель!.. кричалъ басистый голосъ за дверьми. Дверь распахнулась, и Петръ Васильчъ лицомъ-къ-лицу столкнулся съ Ильею Епифанычемъ Чесодановымъ.

IV.

— Нашелъ-таки, нашелъ друга... не переставалъ кричать Илья Епифанычъ, едва протолкнувшись въ половинку двери, и покушѣлся закинуть свои короткія жирныя руки на шею Петра Васильича, который однако жъ успѣлъ отшатнуться.

— Илья Епифанычъ! воскликнули въ одинъ голосъ гости в хозѣишнѣ. Къ послѣднему, при появленіи посторонняго лица, успѣла возвратиться его обыкновенная живость.

Илья Епифанычъ Чемодановъ никто иной былъ, какъ исправникъ привольскаго земскаго суда. Краснощекій, усатый, толстякъ-помѣщикъ, картежникъ, кутила, и извѣстный коноводъ, знакомый со всѣми въ городѣ, знающій каждаго въ лицо и по имени, даже десятилѣтнихъ дѣтей. Видя, что Отрубевъ уклонился отъ его душныхъ облітій, Чемодановъ протянулъ обѣ руки и гостю и хозѣишу.

— Петръ Васильичъ! Алексѣй Алексѣичъ! какъ поживаете, господа? Наталья Ивановна, — ваше здоровье? Что ваши дѣточки-съ?

— Поживаемъ, слава Богу, отвѣчали въ одинъ голосъ Отрубевъ и Саламатинъ. Наталья Ивановна, молча, поклонилась.

— А я, представьте, не утерпѣлъ, ей-Богу не утерпѣлъ... продолжалъ исправникъ скороговоркой: — иду, вижу кутиловская пара у воротъ стоитъ; Ваньку гоже твоего узналъ, Илья Епифанычъ обратился къ Отрубеву; — спрашиваю: хозѣишнѣ, говоритъ, купишь. Чортъ возьми, думаю, а самъ сюда... ну, Петръ Васильичъ, укралъ... ей-Богу укралъ. Будь я подлець. Объ рождествѣ Александру я за нихъ тысячу давалъ, не продалъ, бестія; при деньгахъ былъ и теперь будь я тутъ, соколки не ушли бы отъ моихъ рукъ: такъ итъ, вѣрно ужъ не судьба... унесла меня легкая на слѣдствіе, чортъ возьми! Однако я думаю, покушку-то надобно вспрыснуть. Какъ ты думаешь, дружище?

— Такъ что жъ! И поѣдемъ съ нами, Илья Епифанычъ, милости просимъ, я сейчасъ домой, отвѣчалъ Отрубевъ.

— Пстой, пстой дружище, зачѣмъ торопиться, дай мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, съ хозяиномъ-то... говорилъ исправникъ, схвативъ Петра Висильча за полу сюртука. Ну что, Алексѣй Алексѣичъ, что вашъ Николай Алексѣичъ подѣлываетъ? обратился онъ къ хозяину.

— Да ничего-съ; все тоже что и всегда, отвѣтилъ Саламатинъ.

— Ну пойдѣмъ, Наташа! Прощайте, господа! И коль побѣдете ко мнѣ, Илья Епифанычъ, то пора, а если нѣтъ, то оставайтесь съ Богомъ, сказалъ Отрубевъ, потянувшись къ двери.

— Да погоди же, дружище, ну подожди немного; дай хоть Катеринѣ Васильевнѣ почтеніе отдать. Я сейчасъ, и выпустивъ изъ рукъ полу сюртука Петра Васильевича, исправникъ поспѣшно побѣжалъ въ гостиную.—Мое наиглубочайшее почтеніе Катеринѣ Васильевнѣ! проговорилъ онъ, расшаркиваясь передъ хозяйкою своимъ коротенькими ножками.

— Добро пожаловать, Илья Епифанычъ! прошу покорно садиться! побесѣдуйте съ старухой, молвила ласково Катерина Васильевна.

— Некогда, добрѣйшая Катерина Васильевна, ей-Богу некогда, торопл... Чемодановъ не договорилъ, устремивъ свои круглые глаза на Марью Павловну, и подходя поспѣшно къ ней.

Страница тоже какъ взглянула на него, такъ и окаменѣла, словно истуканъ, поблѣднѣвъ смертной блѣдностію.

— Что съ вами, Илья Епифанычъ? спросила въ недоумѣніи хозяйка, взглянувъ на него, и замѣтивъ необыкновенное выраженіе лица исправника.

Вмѣсто отвѣта исправникъ протянулъ руку къ Марьѣ Павловнѣ, какъ-будто хотѣлъ схватить ее за воротъ. Чувство самосознанія мгновенно возвратилось къ странницѣ, она быстро вскочила и хотѣла бѣжать.

— Афроська! крикнулъ громовымъ голосомъ Илья Епифанычъ, и уже безцеремонно держалъ странницу желѣзной рукой. Послѣдняя раскрыла-было ротъ, но не могла произнести ни одного слова; блѣдность ея лица перешла въ зеленый цвѣтъ.

Катерина Васильевна тоже не могла выговорить отъ испуга, и сидѣла, открывъ ротъ и выпучивъ глаза.

— Афроська! ахъ ты мерзавка! попалась наконецъ! эй люди! квартальнаго и будочника! кричалъ Чемодановъ: караулъ! караулъ!

— Караулъ! въ свою очередь проговорила Марья Павловна, и стала съ усиленіемъ рваться изъ рукъ исправника.

На крикъ появились въ дверяхъ гостинной хозяинъ и Петръ Васильичъ; изъ-за нихъ робко выглядывала Наталья Ивановна.

— Что вы, Илья Елифанычъ? произнесла наконецъ опомившаяся Саламатина, и встала, трясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ничего, ничего-съ, Катерина Васильевна, успокойтесь! примолвилъ Чемодановъ и закричалъ опять: — Эй! бѣгите за будочникомъ! эй! люди! Да помилуй, Алексѣй Алексичъ, пошли же за будочникомъ, сказалъ онъ повелительно, увидѣвъ хозяина. Саламатинъ засуетился, и не зналъ, что дѣлать.

— Къ чему же вы обижаете смиренную странницу, мою гостью? Зачѣмъ схватили ее? что она вамъ сдѣлала, скажите-ка на-милость, Илья Елифанычъ? возразила съ достоинствомъ хозяйка.

— Какая тутъ странница, Катерина Васильевна! это моя Афроська, — увѣрю васъ!

— Обознались вы, Илья Елифанычъ, тоже увѣрю васъ, — это Марья Павловна; она и братъ ея Иванъ Павлычъ посвятили себя страннической жизни. И вотъ пришли помолиться къ намъ въ Привольскъ, ну я, ради Бога, приняла ихъ, успокоила... и вотъ они у меня гостятъ три недѣли...

— Помилуйте, Катерина Васильевна, какая тутъ Марья Павловна! — Это Афроська, моя Афроська, понимаете ли, сударыня! это горничная моей жены, которая четыре года отъ насъ бѣгала; а вы принимаете, укрываете у себя бѣглыхъ! гдѣ жъ ея братъ? это вѣрно тоже какой-нибудь бродяга.

Алексѣй Алексичъ и его супруга поблѣднѣли, какъ полотно. — Помилуйте, помилуйте-съ, Илья Елифанычъ! можетъ быть какое недоразумѣніе, произнесъ заикаясь хозяинъ. Между-тѣмъ какъ Отрубевъ насмѣшливо улыбался, супруга его дрожала словно въ лихорадкѣ.

— Кто жъ ты такая—Афроська, аль нѣтъ? вскричалъ горячо Чемодановъ, сильно тряхнувъ страничку. Послѣдняя вмѣсто отвѣта опустилась на колѣни, схватилась за ноги исправника, и чуть слышно пропзнесла:

— Помилуйте, Илья Епифанычъ! Помилуйте! виновата!

— Видите, Катерина Васильевна!.. вотъ ваша странница-та! Да гдѣ жъ тотъ, котораго она братомъ называла?

Саламатина, не отвѣчая, закрыла лице руками и со стономъ опустилась на диванъ.

— Что жъ, Алексѣй Алексѣичъ, вѣроятно вы съ умысломъ за-знамо укрываете у себя бѣглыхъ? сказалъ Чемодановъ, обращаясь къ хозяину и приходя въ азартъ. Отчего вы до-сихъ-поръ не посылаете за полиціей!.. А-съ?

Саламатинъ какъ бомба вылетѣлъ за дверь, чтобъ отдать должныя приказанія. Илья Епифанычъ между-тѣмъ, выпустивъ изъ рукъ свою жертву, заперъ однѣ двери на ключъ, который положилъ себѣ въ карманъ, и самъ сталъ возлѣ Отрубева у зальныхъ дверей.

Всѣ находились въ тревожномъ ожиданіи. Наталья Ивановна жалобно посматривала на Марью Павловну, которая стояла на своемъ мѣстѣ, какъ къ смерти приговоренная. Между-тѣмъ Петръ Васильичъ не переставалъ пожимать плечами, и насмѣшливо поглядывалъ на хозяевъ.

— Охъ, Боже мой! вѣдь знаю! знаю, что это искушеніе!.. Не дай ты мнѣ умереть, дай все перенести, перетерпѣть... охъ, дурно мнѣ, дурно!.. чуть слышно говорила хозяйка, закрывая глаза.

Наталья Ивановна бросилась отыскивать горничную и ключницу, которыя вскорѣ прибѣжали, — одна съ холодной водой, а другая съ спиртомъ. Вслѣдъ за ними явился совершенно разстроившійся Алексѣй Алексѣичъ и бросился къ женѣ.

— Ну что жъ, матушка! ну кто жъ виноватъ, коли случай такой несчастный! ну, кто жъ могъ предвидѣть! бормоталъ онъ, помогая женщинамъ поднять съ дивана охавшую Катерину Васильевну, и увести ее въ спальню.

— Ну что, Алексѣй Алексѣичъ! Хорошо начудила Катерина Васильевна? Вотъ вамъ и праведники ваши смиренные!

Не говорилъ ли я вамъ, что принимаете и сами не знаете ко-го, сказалъ Отрубевъ, когда возвратился хозяинъ. Саламатншъ только развелъ руками, вздохнулъ и опустилъ голову.

— Прошу васъ, Илья Елифанычъ, какъ благороднаго чело-вѣка, не погубите насъ, сказалъ онъ подумавъ и обращаясь къ исправнику, вѣдь мы не знали; жена имѣеть, такъ ска-зять, привязанность къ разнымъ богомолкамъ, — ну что вы будете дѣлать! Хоть самъ-то я и не люблю ханжества, — да вѣдь не станешь же съ нею ссориться каждый день... са-ми посудите-сь!

— Я вамъ какъ честный, чело-вѣкъ говорю: будь я под-лецъ, еслибъ другой на моемъ мѣстѣ не сыгралъ съ ва-ми шутки, заговорилъ Чемодановъ, хлопнувъ хозяина по пле-чу; — я только изъ дружбы къ вамъ, вотъ что... ну, Богъ съ вами! Это все Катерина Васильевна виновата. Ну да что будешь дѣлать, Богъ съ ней, имѣю слабость, братцы, да-мамъ все прощать.... Право, я радъ, что она попалась. Дѣло вотъ въ чемъ: жена моя страшно ее ко мнѣ рев-новала, и иногда этакъ, хлопъ-хлопъ по ланитамъ, знае-те. Ну что бы кажется такое, велика ли у барыни рука... от-чего бы и не перенести, такъ нѣтъ же. Надобно сказать вамъ, что у Афроськи дурной нравъ, словомъ, дѣвка была непокорливая: ужь коли, бывало, барыня ударила, такъ она убѣжить и три дни съ собаками ее не сыщешь... Что жъ, наконецъ, совсѣмъ убѣжала, да и пропала слишкомъ че-тыре года...

— Ну, а этакъ жена-то, не напрасно ее къ вамъ ревно-вала? спросилъ смѣясь Отрубевъ.

— Ужъ конечно. Вотъ вамъ доказательство, что если бы что и-будь того-то, такъ неужели бы дѣвка — дрянъ этакая, убѣжала отъ такого молодца, какъ я, напротивъ, она должна бы гордиться моимъ вниманіемъ, пронзесъ хвастливо Илья Елифанычъ.

Отрубевъ расхохотался.

Вскорѣ пришелъ квартальный, съ двумя будочниками.

— Прикажете обыскать? спросилъ будочникъ, обратясь къ исправнику, и не дождавшись отвѣта, проворно засунулъ руку въ карманъ стражницы, вынулъ оттуда что-то блестя-

щее, и поспѣшно спряталъ себѣ въ рукавъ. Движеніе это не укрылось отъ Отрубева.

— Что ты вынялъ у ней? спросилъ онъ подходя.

Будочникъ опять погрузилъ руку въ карманъ и вытащилъ платокъ.

— Больше ничего... отвѣчалъ онъ, размахивая платкомъ.

— Напротивъ, вы вынули ключи.

— Какіе ключи? ничего нѣтъ, посмотрите сами. Будочникъ выворотилъ самый карманъ; но при этой операци, не ловко запрятанная вещь выпала изъ рукава и покати-лась по полу.

— А, вотъ что, Алексѣй Алексѣичъ! табатерка-то твоя... сказалъ Петръ Васильичъ, поднимая ее съ полу и подавая хозяйшу.

— Ахъ! да какъ, да какимъ манеромъ? Откуда она взялась? спрашивали хозяйшъ и Чемодановъ.

— Очень просто: ваша смиренная гостыя положила ее въ свой карманъ; а потомъ: *воръ у вора дубинку укралъ...* никто на эти слова не обратилъ вниманія, кромѣ будочника.

— Что вы сказали-съ? спросилъ онъ обернувшись и посмотрѣвъ на Отрубева.

— Я, я сказалъ, что хотя Илья Епифанычъ и не хотѣлъ Афроську наказывать за побѣгъ, но за воровство я бы совѣтовалъ дать ей хорошую припарку, въ примѣръ прочимъ, кто прячетъ чужія вещи въ свои карманы, за пазуху и въ рукава... сказалъ Петръ Васильичъ, посмотрѣвъ выразительно на будочника. Послѣдній сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но только скривилъ ротъ въ какую-то неестественную гримасу.

По настоянію Чемоданова, отыскали и Ивана Павлыча, который, выпивъ приготовленные въ залѣ праздничные пунши, завалился спать гдѣ-то подъ лѣстницей, въ темномъ чуланѣ. На всѣ вопросы, кто онъ и откуда, юродивый только мычалъ, дико водя глазами вокругъ себя; но когда ему связали руки, и вмѣстѣ съ Марьей Павловной повели въ полицію, казалось, хмѣль вышелъ у него: онъ понялъ, въ чемъ дѣло, затрясся, принимался нѣсколько разъ что-то сказать, заикался и не могъ выговорить ни слова.

— Наконецъ комедія кончилась, пора домой, прощайте Алексѣй Алексѣичъ, сказалъ Отрубевъ, когда увели арестантовъ.

— Посиди, братецъ Петръ Васильичъ; вотъ мы всё по пуншику... Сдѣлай, братецъ, компанію Ильѣ-то Епифанчу, сказалъ хозяинъ. А на счетъ комедіи-то, я вамъ вотъ что скажу: читалъ я сегодня «Горе отъ ума» и моя Катерина Васильевна...

— Разыграла: «Горе отъ ханженства,» проговорилъ въ полголоса Петръ Васильичъ.

Хозяинъ понюхалъ табаку, и сильно крикнулъ; напротивъ Чемодановъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Ай-да Петръ Васильичъ! ну съострилъ, удружилъ, нечего сказать, удружилъ! кричалъ онъ, хлопая въ ладоши. Да побудь съ нами! ну куда ты торопишься? У меня, дружище, и дѣла есть... да чортъ съ нами, писарь подождетъ. Хоть какъ ни убивайся, чортъ возьми, а толку больно не много. И я здѣсь останусь изъ любви, изъ дружбы къ почтеннѣйшему Алексѣю Алексѣичу. Ну неужели такой случай, какъ Афроська, долженъ нарушить наши хорошія отношенія? Что вы на это скажете, Алексѣй Алексѣичъ? Будь я подлець...

Явилась ключница съ стаканами.

— Вотъ и уѣха, радость дорогая, Аннушка милая! продолжалъ исправникъ, подливая къ Якимовиѣ:— вѣдь тебя Аннушкой зовутъ?

— Никакъ иѣтъ-съ, отвѣчала та жеманно.

— Ну для меня все равно, — ты, милая, не обидься... Тыфу, чортъ, какая дыня! примолвилъ онъ, прищуривъ лѣвый глазъ и смотря въ слѣдъ уходившей въ буфетъ Якимовиѣ.

— Значить, вы не ѣдете со мной? спросилъ Отрубевъ, перебивая болтуна-исправника.

— Завтра, завтра, дружище, дѣлаю тебѣ визитъ...

Наталя Ивановна—пошла было проститься съ хозяйкой, но у дверей ее встрѣтила Надя, и объявила шопотомъ, — что только теперь успокоилась маменька и приказала, чтобъ ее никто не беспокоилъ. Между тѣмъ Соня дежурила у постели матери.

— Ну вотъ и праведники ваши! Видѣла исторію въ ли-

цахъ? говорилъ Петръ Васильичъ своей жёнѣ, когда сѣли въ коляску. Надѣюсь Наталья Ивановна, ты не будешь подражать Катеринѣ Васильевнѣ?

Отрубева молчала, и только тогда вздохнула свободно, когда завидѣла свой домъ.

Между тѣмъ, какъ хозяева проводили у Саламатинныхъ самый безпокойный вечеръ, въ ихъ собственномъ домѣ въ дѣтской происходила слѣдующая сцена:

На столѣ Оедя строилъ карточные домики, сердился, и плакалъ, что они падали. На всѣ его просьбы — помочь ему, сидѣвшая съ чулкомъ у окна нянька, Михайловна, отвѣчала ворчаньемъ, въ родѣ того: «и что это, Оедоръ Петровичъ, право, съ пустяками-то мнѣ пристаешь! Дай мнѣ петлю, судырь, поднять; ишь, спустилась, проклятая...» Потомъ она начала громко бранить свои старые плохіе глаза.

Нянька Оедора ходила взадъ и впередъ, укачивая на рукахъ Фисочку, и напѣвая звонкимъ голосомъ:

«Ужь ты котикъ, мой котокъ,
Котикъ, сѣренькій хвостокъ,
Приди, котикъ, ночевать,
Приди, Фисоньку качать.
Ужь и я тебѣ, коту,
За работу заплачу,
Дамъ тебѣ, коту,
Я кувшинъ молока,
Да конецъ пирога...»

Дитя начинало засыпать, но крикъ Оеди опять разбудилъ его, и дѣвочка заплакала.

— Сдѣлай такую милость, Михайловна, погуляй съ Оедоромъ Петровичемъ, куда я дитя укачаю; ишь, она, бѣдняжка, мечется, започивать ей охота, а вы съ нимъ, мою милушку, будите.

— Ишь, какая указчица! Изволь, барыня-сударыня, такъ вотъ по твоему и будетъ, и пойду съ ребенкомъ шляться по зорѣ, на воздухъ, отвѣчала задорливо Михайловна.

Оедора не отвѣтила ничего, покачала головой, и видя, что дѣвочка опять засыпаетъ, принялась снова напѣвать:

«Спи въ тафтѣ,
Пробудись въ камкѣ;

Выростешъ большая,
 Стенешъ въ золотѣ ходить,
 Будешъ серебро носить!
 Нянекъ, мамушекъ
 Подарочкамъ дарить,
 Сѣнныхъ дѣвушекъ
 Гостиничкамъ дѣлать...»

Въ эту минуту Одея, бросивъ карты, съ хныканьемъ принался Михайловну звать въ садъ.

— Что это, сударь! развѣ не знаешь, что маменька не приказываетъ поздно вечеромъ на вольномъ воздухѣ быть.

Одея громко заплакалъ и разбудилъ сестру.

— Бога ты не боишься, Михайловна, вѣкъ доживаешь, а сваровки никакой нѣтъ. Знаю, что ты на зло мнѣ дѣлаешь; да *барышня*-то моя милая чѣмъ виновата? Прошу тебя, успокой ты Оединьку, дай мнѣ Фисочку укачать!

— Вѣкъ-то я доживаю, да, слава Богу, въ дурахъ не бывала до сихъ поръ, только нонче у насъ новые порядки пошли: стали хозяева старыхъ слугъ, чтѣ двадцать лѣтъ служить, — на пришлецовъ мѣнять, которые два года живутъ. А отчего? Оттого, что язычкомъ услужить умѣютъ... ворчала озлобленная старая нянька.

— Напрасно ты грѣшишь, старушка-Божья, окромѣ тебя никто язычкомъ не служить. А право, давно-бы пора, про твои обиды, да не Натальѣ Ивановнѣ сказать — она у насъ добрая душа, — а самому Петру Васильичу... говорила Оедора, стараясь казаться равнодушной, — у тебя на всѣхъ зависть, да ненависть. Да кабы тебя хозяйка слушала, такъ тутъ никому-бы житья не было-бы; всѣ тебѣ впоперегъ горла стоятъ.

— Чтожь! Зачѣмъ дѣло стало! жалуйся на меня хозяевамъ. Будто ужъ мы противъ тебя и отвѣтить не сумѣемъ? отвѣтимъ, Богъ дастъ; видали мы и не такихъ... А я все-таки отсюда не выйду, дѣтская общая: тебѣ уголь — и мнѣ уголь; а я въ своемъ сажу давно, а ты не давно, да Оедоръ-то Петровичъ мой постарше своей сестрицы, такъ тебѣ и не слѣдъ мной распорядиться. Ступай сама, куда хочешь, тебѣ не первина по горницамъ шляться безъ хо-

злевъ, — а я не выйду, сама Фединьку укладывать буду, а ты не смѣй его у меня беспокоить своимъ люлюканьемъ... Продолжала Михайловна, и въ ея дребезжащемъ голосѣ слышалась слезливая досада.

— Этакая азарица! сказала Федора въ полголоса, оставляя дѣтскую. Потомъ примолвила: «Голубушка моя, милая *барышня*, и мѣста-то намъ съ тобою нѣтъ здѣсь... И пошла она ходить по заламъ, прилюлюкивая дитя попрежнему своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что! сама скорѣе моего выметѣла!... вскричала ей въ слѣдъ старуха Михайловна; и принялась бранить вслухъ нынѣшній развратный свѣтъ, и балованную молодую прислугу.

Находившись до-сыта, нянька Федора усѣлась съ своей ненаглядной *барышней* въ мягкія кресла, и вскорѣ звонкое люлюканье перешло въ какую-то грустную жалобную пѣсню кукушки, растерявшей въ черномъ бору своихъ дѣтенышей. Голосъ ея дрожалъ, словно отъ слезъ. Порою будто она отирала свою полную свѣжую щеку, и съ любовію тихо прикладывала свои губы къ пухленькой ручкѣ дѣвочки, крѣпко спавшей на ея груди. И о чемъ думала теперь эта женщина? Прожитое-ли время беззаботнаго дѣтства проходило въ ея воображеніи? Можетъ быть, она вспомнила о своихъ дѣтяхъ, зарытыхъ въ могилу или брошенныхъ въ далекой сторонѣ на чужія попеченія, — кто знаетъ!

Между тѣмъ въ дѣтской, Федя не переставалъ хныкать, а его старая нянька ворчать; она непремѣнно настаивала, чтобъ онъ покушалъ, и легъ поживать, потому что уже пробило десять часовъ; а онъ настаивалъ, чтобъ она съ нимъ шла въ садъ. Наконецъ старуха успѣла заставить его лечь, обѣщая рассказать сказку. Но сказка, которую мальчикъ слышалъ уже сто разъ, ему скоро наскучила.

— Что же, въ-самомъ-дѣлѣ, ты сегодня, судырь, *расфуражился*, ничѣмъ тебя утѣшить не могу! вѣдь ужъ скоро полночь. Смотри, того и гляди, что худо будетъ!

— А что-же будетъ? спросилъ мальчикъ.

— А вотъ что: около полуночи домовою по всему дому ходить, и, коли твое хныканье услышитъ, такъ бѣда!

Федя, нѣсколько разъ слышавшій отъ кучера, что лошадей домовой то любитъ, то не любитъ, но, не обращавшій никогда на то вниманія, теперь хотѣлъ полюбопытствовать, кто такой этотъ домовой, котораго онъ почему-то воображалъ коноваломъ-татаринимъ, и спросилъ:

— Какъ же смѣетъ домовой придти въ комнаты, и зачѣмъ придеть? Вѣдь онъ только въ конюшни ходитъ?

— А вотъ—таки нѣтъ, судырь, домовой хозяинъ дому, — вездѣ онъ ходитъ, гдѣ ему угодно.

— А вотъ и врешь, няня!—хозяинъ дому-то мой папенька, а не домовой.

— То папенька само по-себѣ, и ужъ кого онъ не влюбятъ, то бѣда... Отвѣчала увѣрительно нянька.

— Я его не боюсь, я его видѣлъ, и что это у него на поясѣ-то что-то виситъ?

— Полно, судырь. Ты это видѣлъ, вѣрно, коновала; домоваго, судырь, никто не видитъ, и коли, чего Боже сохрани, увидалъ ты его, то и глазки бы покосило, и язычекъ бы отвялся.

— А ты его, няня, видѣла?

— И! что ты, мой родимый! Сохрани Господи! — наше мѣсто свято!... Михайловна перекрестилась,

Федя присмирѣлъ, закутался плотнѣе одѣяломъ, чувствовалъ, что ему чего-то страшно. — Няня, подвинься поближе, сказалъ онъ. Да скажи-же, гдѣ живетъ этотъ домовой?

— Да вездѣ онъ живетъ, по всему дому; — вотъ, можетъ, теперь и въ дѣтской находится! кто его знаетъ! оттого его хозяинномъ и зовутъ.

Федя боязливо озирался кругомъ по угламъ, которые были въ глубокой тѣни.

— Няня! Ты-бы засвѣтила свѣчки.

— Полно, судырь, какая свѣчка! Я тебя баньки укладываю, а ты свѣчки захотѣлъ... Спи, Господь съ тобою!...

— Я боюсь, няня.

— Чего, мое яблочко, тебѣ бояться: я съ тобою.

— Отчего-же ты говоришь, что домоваго никто не видѣлъ? спросилъ Федя, нѣсколько помолчавъ.

— Оттого, что онъ не человѣкъ; напримѣръ: вотъ онъ тутъ близко, а его не видишь, оттого что не человѣкъ.

— Да кто-же онъ такой?

— Кто? А вотъ, видишь, мой родной. Богъ сотворилъ ангеловъ; вотъ одни ангелы были святые, а другіе согрѣшили — и стали дьяволы. Святые-то ангелы грѣшныхъ дьяволовъ съ неба и сверзили, и они полетѣли въ воду, сдѣлались водяные, а что упали въ лѣсъ — сдѣлались лѣшіе, а что упали въ дома — стали домовые. Вотъ, кто домовые-то!

Бедя задрожалъ; онъ вообразилъ близъ себя страшнаго дьявола съ копытами, рогами, и длиннымъ хвостомъ, котораго онъ видѣлъ горящаго въ адскомъ пламени, на иконѣ страшнаго суда, висѣвшей на церковной паперти.

— Ай, няня! миѣ страшно!... прошепталъ онъ, схвативъ за руку сидѣвшую возлѣ кровати старуху.

— Чего страшно, — дитя мое, вѣдь я съ тобою... И знаешь-ли что!... продолжала она: съ тѣхъ поръ домовые и шутятъ разныя шутки съ тѣми, кого не любятъ; напримѣръ: днемъ они живутъ на подволокѣ, а ночью бродятъ по всему дому; то лошадамъ на конюшнѣ гривы заплетаютъ, али верхомъ на нихъ ѣздятъ, да такъ измучатъ, что лошадь и къ овсу не притронется; то косы бабамъ плетутъ, али бороды мужикамъ; иной разъ навалится на тебя, и душитъ, душитъ, бѣда, того гляди, душа вонъ; али изщиплетъ всего до сняжковъ, коли не взлюбитъ. Говорятъ, которымъ случилось его видѣть, такъ послѣ того по три дня не говорили ни слова отъ испуга; говорятъ, будто весь черный, да лохматый, страсти подобно; а другіе говорятъ, что видѣли его старикомъ, какъ есть — старикъ съ бородой...

— Няня!... я боюсь!... шепталъ, закутываясь мальчикъ, и дрожа отъ испуга. Няня! лягъ со мной! Не уходи, не уходи отъ меня...

— Какъ же я, судырь, съ тобою лягу!... вѣдь кроватка маленькая... Да постой-ка, я лампадку засвѣчу, поохотнѣе будетъ... А ты почивай, судырь, скоро и паненька съ маменькой прѣбдутъ, сказала старуха. Напуганная своими соб-

ственными рассказами, и робко озираясь, она встала и пошла въ передній уголъ, чтобъ засвѣтить лампаду.

Федя, выпустивъ руку няньки, еще крѣпче закутался одѣяломъ. Но ему почудилось, что дверь скрипнула, онъ робко выглянулъ изъ-подъ одѣяла. На бѣломъ фонѣ двери чернѣла челоѳическая фигура небольшого роста; фигура тихонько двигалась безъ шума. Вглядысь хорошенько, онъ увидѣлъ старика, съ сѣдой бородой, который шелъ къ кровати, и Федя хотѣлъ закричать, но голосъ не выходилъ изъ горла. Холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ мальчика, и, употребивъ неимоѳерныя усилія, онъ вскрикнулъ пронзительнымъ голосомъ:

— Домовой, домовой!

Испуганная Михайловна оглянулась и увидѣла ту же фигуру позади себя; съ громкимъ крикомъ: «домовой!...» бросилась стремглавъ изъ дѣтской въ сѣни, и во мракѣ, со всего размаха, наткнулась на возвратившуюся отъ Саламатиныхъ хозяйку, за которою шелъ Петръ Васильчъ и горничная, все время въ отсутствіи хозяевъ, простоявшая за воротами.

— Что такое!... спрашивала въ испугѣ Наталья Ивановна, едва удержавшаяся за перилы лѣстницы.

— Ты меня съ ногъ сбѣла!...

— Охъ! домовой, домовой! наше мѣсто свято! Матушка Наталья Ивановна... лепетала старуха, едва переводя духъ: «Федоръ Петр...» Михайловна не договорила, вспомнивъ, что оставила Федю одного, въ жертву привидѣнія, бросилась впередъ, но силы ей измѣнили, ноги подкосились и старуха грохнулась на полъ. Отецъ и мать поспѣшно вбѣжали въ дѣтскую въ сопровожденіи горничной, и къ удивленію увидѣли во мракѣ Петра Ивановича Отрубева, поднимавшаго съ полу безчувственнаго Федю.

Первымъ движеніемъ родителей было броситься на помощь къ сыну; но Наталья Ивановна, коснувшись холодныхъ рукъ мальчика, мгновенно вообразила, что онъ умеръ, пронзительно вскрикнула и упала бы, еслибъ не удержалъ ее мужъ.

— Огня, огня! кричалъ между-тѣмъ Петръ Васильчъ, посадивъ жену на стулъ, и вмѣстѣ съ горничною отыски-

вая спички и свѣчу, которыхъ на ту пору, какъ нарочно, не случилось въ комнатѣ.

Къ счастью, Павелъ Петровичъ, проведеншій весь вечеръ у себя на антресоляхъ, за какимъ-то мрачнымъ романомъ Г-жи Редклифъ, слышавъ внизу шумъ и бѣготню, прибѣжалъ съ огнемъ, и освѣтилъ странную суматоху.

— Боже мой! Чтожь это такое надѣлалось? говорилъ Петръ Васильичъ, приводя въ чувство сына, который оказался въ обморокѣ.

— До сего часа, судырь-братецъ, я и понять не могу, что случилось... отозвался Петръ Иванычъ, тоже суетясь около дѣтской кровати.

Наконецъ Ѳеда открылъ глаза.

— Домовой! Маменька! прошепталъ мальчикъ, съ ужасомъ посмотрѣвъ на приказчика, и спряталъ лицо на груди матери, плакавшей отъ испуга и радости, что Ѳеда очутился.

— Господь съ тобой, мой ангелъ! какой тутъ домовой, наше мѣсто свято, а *иже* проклято. Ты не узналъ, дружечекъ—это Петръ Иванычъ, нашъ Петръ Иванычъ, отвѣчала Наталья Ивановна, нѣжно цѣлуя сына.

Наконецъ, когда все мало-по-малу успокоилось, Петръ Васильичъ сѣлъ и обратился съ вопросомъ къ приказчику: «давно-ли онъ пріѣхалъ, и какъ тутъ очутился.»

— По вашему приказанію, судырь-братецъ, третьяго дня Иванъ Погорѣлкинъ встрѣтилъ судно недалеко отъ Нижняго... отвѣчалъ Петръ Иванычъ, учащая съ каждымъ словомъ свои поклоны, — и какъ слѣдуетъ-съ вручилъ онъ мнѣ ваше письмо, и я, оставивъ судно, поѣхалъ на перемѣнныхъ, какъ вы приказывали мнѣ въ письмѣ. Пріѣхавъ часа съ два тому назадъ, я немедленно явился сюда. У воротъ мнѣ Степка сказалъ, что вы съ *фамиліей* уѣхать изволили въ гости, и я пошелъ къ нянькамъ, какъ и прежде дѣлалъ, чтобъ спросить: скоро-ли вы хотѣли возвратиться... Прихожу, судырь, я въ дѣтскую, не успѣлъ я оглянуться, смотрю, Михайловна съ крикомъ вонъ бѣжитъ, Ѳедоръ Петровичъ прыгнулъ изъ кровати, и хлопъ. Бросился я къ нему, — холодный весь. Перепугался я, даже подколѣнки у меня задрожали. Потомъ

смотрю, и вы изволили войти... Какъ ваше здоровье, судырь-братецъ? добавилъ приказчикъ съ самымъ низкимъ поклономъ.

— Ничего, слава Богу. Ну что судно?

— До часа моего отъѣзда было все благополучно, отвѣчалъ приказчикъ. Извините, я, сударыня. Наталья Ивановна, вашъ покорнѣйшій слуга не успѣлъ и почтенія моего отдать, примолвилъ онъ, низко поклонившись, и пробывъ съ минутой въ наклонномъ положеніи.

Но Наталья Ивановна, занятая совершенно сыномъ, не обратила вниманія на его поклонъ.

— Стало-бытъ, сказалъ Петръ Ивановичъ, обратясь къ жещѣ: Петръ Ивановичъ просто за-просто своимъ нечаяннымъ приходомъ въ-потьмахъ перепугалъ Ѳедю, и старую дуру Михайловну. Нянька! Михайловна! гдѣ-жь она тамъ?

На зовъ вошла Михайловна, которую горничная успѣла образумить кой-какъ, и безъ утайки, нисколько не оправдывая себя, рассказала, какъ она разговаривала съ Ѳедей про домоваго, и какъ онъ и она приняли за нечистаго духа вошедшаго нечаянно стараго приказчика.

— А все онъ, государи мои, виновать! продолжала она, глядя свирѣпо на Петра Ивановича, и тряся головой: все онъ, Петръ-то вашъ Ивановичъ, родня-то ваша хорошая, дитю перепугалъ, не на животъ, а на смерть, да и меня тоже... Ухъ! чуть-чуть душа въ тѣлѣ удержалась!...

— Видишь, Наташа, произнесъ Петръ Васильичъ, нахмуривъ брови: прислуга у тебя дѣтей совсѣмъ безъ ума сдѣлаетъ!... Разказывать ребенку такія вещи! Да она, свинья, даже и не понимаетъ, что худо сдѣлала... А ты чего смотришь?

— Петръ Васильичъ! Развѣ я всегда съ нимъ бываю, заговорила-было жена.

— Лучше молчи, сударыня; кажется, за тобою тоже водится похвальная манера пугать дѣтей трубочистомъ, буюкою и разнымъ вздоромъ. Я не разъ замѣчалъ тебѣ, что этого не должно быть... Слышишь!...

— Слышу, пропентала супруга.

— Да гдѣ-жь нянька Ѳедора съ Фисонькой? не видя ихъ, спросилъ вдругъ Петръ Васильичъ.

Растерявшаяся Наталья Ивановна, только теперь замѣтила, что колыбель дѣвочки стояла пустая.

— Извѣстно, безъ васъ Ѳедора любить шляться по всѣмъ комнатамъ, задрезжала-было нянька.

— И ужъ вѣрно поссорились? сказала хозяйка.

— Помилуй, сударыня, Наталья Ивановна, кто, напримѣръ, старше, я или Ѳедора? Я у вашей милости живу двадцать...

— Молчать! ступай-же вонъ, и чтобъ завтра не было тебя въ домѣ! крикнулъ сердито хозяинъ завтра у Ѳеди будетъ дядька; я ихъ помѣщу на антресоляхъ.

Михайловна громко завывала и бросилась со слезами цѣловать руки своего питомца, причитывая на-распѣвъ:

— Несчастливая, я горемычная... Ненаглядной мой сударикъ, Ѳедоръ Петровичъ; разлучать насъ съ тобою...

— Вонъ!... повторилъ, топнувъ, хозяинъ.

Ѳеда заревѣлъ во все горло, уцѣпясь за шею своей няньки.

— Папенька! помилуйте-съ! простите ее! проговорилъ скромно Павелъ Петровичъ.

— Прости мой соколикъ! Папенька на меня твой прогнѣвался, гонить меня, старую дуру... говорила Михайловна, обхватывая мальчика.

— Ѳеда не переставалъ ревѣть.

— Петръ Васильичъ, ну прости ее; успокой ребенка, захвораетъ бѣдный, того и гляди...

— Хорошо; но только до слѣдующаго раза, проговорилъ строго хозяинъ, вставая: только смотри, Наталья Ивановна, чтобъ я болѣе не видѣлъ ничего подобнаго... Петръ Ивановичъ, ты ужинаешь у насъ, а завтра поговоримъ о дѣлѣ... Любашка! накрывать на столъ!

Всѣ вышли, кромѣ матери и няньки, которыя всячески старались успокоить расплакавашагося мальчика.

— Ѳедора, ты опять здѣсь, отчего же не въ дѣтской? спросила Наталья Ивановна, выходя въ залу, гдѣ молодая

нянька чутко дремала въ креслахъ, боясь пошелохнуться, чтобъ не разбудить своей ненаглядной *бармины*.

— Я нарочно ушла сюда, сударыня, потому что Михайловна не хочетъ знать никакой сноровки, не хочетъ унять Федора Петровича, чтобъ онъ не шумѣлъ, и я не могла укачать мою *бармишу*.

— Другъ на друга. Что мнѣ съ вами дѣлать? молвила съ досадою Наталья Ивановна. Ну, да скоро васъ разведемъ. Она перекрестила малютку дочь, тихонько поцѣловала, и приказала снести въ колыбель.

Когда Отрубевы сѣли за ужинъ, Петръ Васильичъ дѣлалъ приказчику самые пустые вопросы, какъ будто нарочно избѣгая дѣловаго разговара. Петръ Иванычъ отвѣчалъ подобострастно, какъ и всегда, привставая со стула при каждомъ отвѣтѣ. Наталья Ивановна почти шопотомъ рассказывала сыну о происшествіи въ домѣ Саламатиныхъ. Онъ слушалъ съ молчаливымъ удивленіемъ.

— И такъ, Петръ Иванычъ, приходи, пожалуйста, завтра пораньше, — сказалъ послѣ ужина хозяинъ приказчику.

— Очень хорошо, сударь-братецъ, отвѣтилъ послѣдній съ низкими поклонами.

Петръ Иванычъ Отрубевъ, несмотря на низкіе поклоны, личность была вовсе не симпатичная, не нравившаяся не одной старой Михайловнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, лицо его, смиренное и подобострастное въ домѣ своего двоюроднаго брата и хозяина, при выходѣ оттуда принимало какое-то плутовское выраженіе: главное чувство приказчика была зависть, главная цѣль жизни — деньги, какъ-бы ни нажить ихъ; но дѣло въ томъ, что онъ былъ еще бѣденъ и закупаая хлѣбъ въ низовыхъ губерніяхъ для своего богатаго родственника, а иногда исполняя другія его порученія, жилъ такъ себѣ, мечтая о собственномъ богатствѣ. Особенно эта грѣшная мечта дразнила его, когда онъ былъ въ домѣ Петра Васильича. Довольство, комфортъ, и свѣтлая жизнь — все это заставляло его задумываться, желать подобной жизни если не себѣ, то по-крайней-мѣрѣ дѣтямъ.

Хозяина онъ не любилъ за то, что Петръ Васильичъ, не смотря на родство и довѣренность къ приказчику, всегда

какъ-то умѣлъ держать его отъ себя на извѣстномъ разстояніи, тѣмъ болѣе гордый, открытый видъ, громкій, почти всегда повелительный голосъ и прямыя смѣлыя сужденія богатаго родственника подь-часъ очень смущали рабскую натуру Петра Ивановича.

Въ своемъ кругу Петръ Ивановичъ, откинувъ притворное смиреніе, корчилъ изъ себя всегда книжника, сыпалъ неслатки изъ библии, которую, какъ говорится, проглотилъ, объяснялся загадками, говорилъ иносказаніями, и пускался въ словопреніе о такихъ предметахъ, о которыхъ и самъ едва ли имѣлъ ясныя понятія; словомъ, слылъ челоуѣкомъ начитаннымъ и хитрымъ, но никто не звалъ его добрымъ. Давно уже онъ былъ вдовъ, и, имѣя двухъ сыновей, изъ нихъ онъ особенно любилъ старшаго Сидора Петровича, который осуществлялъ въ себѣ отцовскія стремленія и ожиданія — накопить деньги.

За нѣсколько лѣтъ прежде Сидоръ Петровичъ былъ приказчикомъ у одного погребщика. По случаю войны тогда бывшей, были частые рекрутскіе наборы и служащіе въ казенной палатѣ, вмѣстѣ съ отдатчиками пьянствовали напропалую, сидя безвыходно въ погребкѣ, въ которомъ торговалъ молодой Отрубевъ. Сидоръ Петровичъ, какъ ловкій малый, умѣлъ пользоваться случаемъ; онъ пустилъ всевозможныя надувательныя средства, неуловимыя при распивочной торговлѣ, и барыши, вмѣсто хозяйскаго кармана, шли въ его собственный. Вскорѣ Сидоръ Петровичъ отошелъ отъ хозяина и началъ торговать отъ себя.

На другой день прибытія своего въ Привольскъ, часовъ въ одиннадцать утра, Петръ Ивановичъ сидѣлъ у сына въ лавкѣ и бесѣдовалъ съ послѣднимъ отечески, опершись подбородкомъ на конецъ своей палки. Онъ по-временамъ обкусывалъ бороду, отчего она всегда казалась подстриженной.

Сидоръ Петровичъ въ длинномъ суконномъ скуртукѣ и въ смазныхъ сапогахъ съ длинными голенищами, стоялъ передъ батюшкой, опершись на прилавокъ, и взглядывалъ изъ-подлобья то на отца, то на свои сапоги. На кругломъ, грубомъ лицѣ его трудно было прочесть, о чемъ онъ думалъ.

Наружная дверь лавки была заперта изнутри.

— Тоскуеть, видимо тоскуеть, хошь и старается скрыть; однако думаю: нѣтъ! меня, стараго воробья, не обманешь: насквозь вижу... говорилъ старикъ. Ну, думаю: свѣтло жи-ли, — люби кататься, люби и саночки возить... Однако я не жалѣю, сказано: *гордымъ Богъ протиснется*.. Хоть-бы напри-мѣръ вчерась, фамилія-то важнѣйшая, я того-то... поклонъ, а она мальчишку своего лижетъ, будто не видитъ, *ананья!* (Петръ Ивановичъ вмѣсто канальи всегда употреблялъ: *ананья*). Ну, думаю: лижи... Да, хорошо было, какъ въ гору шло... Ну, терпи барышъ, терпи и убытокъ... Да, видимо тоскуеть...

— Что ихъ жалѣть, еще заводъ останется, хоть-бы и въ самомъ-то дѣлѣ — какова пора; не мѣра, замѣтилъ сынъ.

— Ну заводъ, и заводъ тоже; съ окончаніемъ войны, поставки товару меньше въ армию понадобится... Ужь, братъ, какъ пойдетъ, такъ только держись!.. И теперь хочеть не мытьемъ, такъ катаньемъ. Слышь, пшутъ, что въ Питерѣ пшеница въ цѣнѣ, за границу большое требованіе, такъ и хочеть туда посылать... Ну, Сидоръ, прибавилъ онъ, буди меня завтра раньше. Путь далекій лежитъ.

И на другой день, едва забрезжила заря, онъ простился съ сыномъ и невѣсткой (другой сынъ его жилъ въ людяхъ) и отправился на лодкѣ на судно, при наказѣ хозяина не приставать у Привольска, а плыть до Рыбинска, перегрузиться тамъ на барки и отправиться въ Петербургъ.

Наступилъ четвергъ, я вѣрная своему слову Авдотья Петровна, привела къ Натальѣ Ивановнѣ молодаго слесаря, починять замки. Сцена происходила внизу, въ столовой. Съ изломанными замками оказался старинный комодъ; около его возился съ клещами красивый молодець, въ суконной сибиркѣ. У окна сидѣла Даша, хорошенькая, бѣлокурая дѣвушка, гладко причесанная, въ ситцевомъ платьицѣ и крошечномъ платочкѣ на бѣлой шеѣ; возлѣ Даши сидѣла словоохотливая торговка, и говорила съ ней о кружевахъ. Слесарь тоже посматривалъ черезъ-плечо на Дашу. Явилась Наталья Ивановна, съ костяною, устюжской работы, шкатулочкою въ рукахъ, отъ которой потерялся ключикъ, и принялась о томъ толковать

съ мастеромъ. Молодецъ учтиво объяснялся съ купчихой; она пристально на него смотрѣла, спросила, какъ его зовутъ? кто у него есть? и проч... причѣмъ также поглядывала и на Дашу. Дѣвушкѣ все это показалось подозрительнымъ; притомъ она припомнила слова матери, которая сказала, что Наталья Ивановна увѣрила ее, что выдастъ Дашу за порядочнаго жениха. Сердце Даши стукнуло, щеки и даже уши загорѣлись, она встала, чтобъ уйдти; но хозяйка серьезно приказала сѣсть.

Передавъ шкатулку слесарю, Наталья Ивановна ушла; и онъ, покончивъ съ комодомъ, и получивъ отъ горничной деньги за работу, раскланялся съ Дашей и Авдотьей Петровной.

— Погоди, свѣтикъ Сережинька, пойдемъ вмѣстѣ по одной дорогѣ: вѣдь сосѣди. Прощай душа, Дарья Семеновна, будь здорова, говорила торговка и догоняла сосѣда за воротами.

— Ну что, Сережа! вѣдь ягодка-вишенка. Что на это скажешь? спросила она молодца.

— Что сказать-то, Авдотья Петровна, чего-жь лучше. Вѣдь и мы-то что такое! отвѣтилъ женихъ.

— Ну, ладно, дай-то Богъ! А я завтра схожу къ Натальѣ Ивановнѣ; я думаю, что ты, мой соколикъ, ей тоже *пондравился*, и, Господи благослови, посылайте настоящую сваху...

По уходѣ жениха, Дашу позвали къ Натальѣ Ивановнѣ въ спальню.

— Ну, что Дарьюшка! я слышала, что тебя мать про-сватала-было за какого-то старика? сказала ласково Отрубевая, пригласивъ дѣвушку сѣсть.

— Ужь не говорите, сударыня, Наталья Ивановна, выдумаютъ-же старухи что нибудь... право-съ, *пристроить*, только у нихъ и на языкѣ, а ужъ пристройка! нечего сказать! пристроятъ тебѣ суму за плечи, ну, и носи.... Ужь не одну ночь я проплакала-съ.

— Не плачь, Богъ дастъ выдадимъ за молодого, молвила, улыбаясь Наталья Ивановна, и открыла комодъ. Я тебѣ хотѣла, Даша, заказать кружево выплести, но это послѣ; а теперь вотъ эта работа нужнае, продолжала она, вынувъ

изъ комода два куска полотна. Накрой рубахъ. Я думаю, умѣешь?

— Какъ могу-съ, готова вамъ служить, отвѣчала скромно дѣвушка; позвольте мнѣ вашу шитую сорочку-съ.

— Не нужно, другъ мой; крой на свой ростъ, и конечно, да и приносить не трудись, когда сошьешь. А это вотъ тутъ моихъ два шелковыхъ платья, перешей по себѣ, и ситецъ на наволочки возьми.

Наталья Ивановна вытащила еще узелъ изъ комода.

— Да скажи матери, чтобъ на-дняхъ ко мнѣ побывала....

Даша стояла, какъ громомъ пораженная; руки и ноги тряслись у ней; она поняла въ чемъ дѣло, и слезы въ три ручья покатались по щекамъ дѣвушки; она закрыла лицо руками, и не могла ничего выговорить.

— О чемъ это? спросила смѣясь Наталья Ивановна. Полно, мой другъ, не плачь: женихъ молодой, красивый... Правда, дѣвушки всѣ плачутъ, а замужъ идутъ! *Кто наплачется за столбомъ, тотъ не будетъ плакать за столбомъ.* (*)

V.

Быль поддень тихій и знойный, несмотря на то, что стоялъ еще май мѣсяцъ; прозрачный туманъ и запахъ гарн носился въ воздухъ; чуть замѣтная рябь едва шевелила поверхность Волги, по обоемъ берегамъ которой тамъ и сямъ пестрѣли согнанныя на полдневный отдыхъ къ водопою стада. Скотина или лежала на пескѣ, жуя лѣниво жвачку, или стоя поколѣно въ водѣ, флегматически глядѣла другъ на дружку, и на проплывающія мимо лодки. Цѣлый караванъ грузныхъ судовъ тянулся бичевами вверхъ по рѣкѣ. Бичевы эти, каждая въ нѣсколько десятковъ человекъ, покрывали собой лѣвый, песчаный и отлогій берегъ, сильно навалившись плечами на широкую ременную лямку, прикрѣпленную къ бичевѣ. Грязные бурлаки изъ всѣхъ низовыхъ племенъ

*) Народная поговорка; т. е. наплачется въ невѣстахъ при людяхъ, такъ не будетъ плакать украдкою замужемъ.

шли тяжелой поступью въ ногу, напѣвая, съ ухащемъ и присвистомъ, плясовую или хороводную пѣсню, или привирая какуюнибудь совершеннѣйшую бессмыслицу.

Другія суда шли завозомъ; здѣсь бурлаки съ тѣми же грубыми припѣвами сновали взадъ и впередъ по палубѣ, вытягивая завозную снасть. На нѣкоторыхъ мачтахъ болтались топсели (малые верхніе паруса), поднятые въ подмогу силѣ человѣческой, но за совершеннымъ отсутствіемъ вѣтра висѣли словно на просушкѣ.

На одномъ изъ большихъ мокшановъ, шедшихъ завозомъ, въ двѣ смѣны, одна половина бурлаковъ работала съ однообразнымъ припѣвомъ: «быкъ да козелъ, былъ да ушелъ!» другая половина, въ ожиданіи обѣда, отдыхала на палубѣ, сидя и лежа въ различныхъ положеніяхъ. На креслахъ (*) у руля стоялъ лоцманъ, приземистый, лысый мужикъ, съ огромной до-нельзя рыжей бородой, въ красной рубахѣ, и синей поддѣвкѣ. Онъ былъ безъ шляпы, и усердно утиралъ бѣлой ширинкой крупный потъ, подъ полуденными лучами солнца, градомъ выступавшій на его лысинѣ.

Въ самомъ-ли дѣлѣ кривъ былъ лоцманъ на лѣвый глазъ, или только шурилъ его по привычкѣ, на это никто не могъ достовѣрно отвѣтить; за-то правый глазъ, неопредѣленнаго цвѣта, безпрестанно прыгающій, глядѣлъ немовѣрно лукаво.

Надѣвъ шляпу, лоцманъ посмотрѣлъ правымъ глазомъ на флюгарку, откуда алая *сорочка* **) висѣла вдоль мачты, безъ малѣйшаго движенія.

Около артельныхъ котловъ, въ которыхъ варились щи и каша, хлопотали два кашевара, парни лѣтъ по шестнадцати. Возлѣ домика, пристроеннаго на палубѣ къ мачтѣ, въ которомъ жилъ приказчикъ судна, расположилось человѣкъ шесть бурлаковъ; они, повидному, съ большимъ вниманіемъ слушали разказчика-краснобая, только-что кончившаго свой расказъ и говорившаго въ заключеніе самымъ увѣрительнымъ тономъ:

*) Креслами зовутъ на мокшанахъ возвышеніе, съ котораго лоцманъ править рулемъ.

**) Полоса кумача, голубой китайки, а иногда и просто бѣлаго холста.

— Ей-же ей, ребята, не лгу! такъ дѣло было, а коли не вѣрите, такъ... рассказчикъ не договорилъ, и принялся со свистомъ втягивать табакъ правою ноздрей, прижавъ пальцемъ лѣвую.

— Оно такъ... оно, вѣстимо... оно всяко бываетъ... проговорило на разные лады нѣсколько голосовъ.

— Да, всяко бываетъ!.. примолвилъ старый, сѣдой и щедушный бурлакъ.— Вотъ со мной тоже оказія такая, ребята, случилась, что, право, подумать *нолды* страшно... Онъ какъ-то робко оглянулся и замолчалъ.

— Что-жъ ты, дѣдъ, не баешь? Расскажи, что такое? спросилъ одинъ парень.

— Ужъ коли, началъ, такъ Расскажи, дѣдушка Макаръ! сказывай!.. повторило нѣсколько голосовъ.

— Взаправду, коли-началъ, такъ что-жъ я! сказалъ старикъ, какъ будто ободряя самъ себя: что-жъ... на все воли Божья... Вотъ, ребяташки, давно это было-то, женили меня, братцы, минуло мнѣ только восемнадцать лѣтъ; взялъ я дѣвку нашей же деревни, которую мнѣ взять хотѣлось, а ей за меня выйдти, ну, значить, мы слюбившись были, все дѣло рѣшилось. Прожили мы зиму вмѣстѣ, вотъ на весну мнѣ баба и баеть: дескать, Макарка, надобѣ и въ пугину сряжаться. Мнѣ, знашь, словно ножъ подъ сердце, ну, а вѣдь отцу поперечить не станешь, въ пугину, такъ въ пугину, дѣлать нечего... Вотъ мы съ бабой ночь-ту всю протужили, а на утро какъ ни въ чемъ не бывало; ей-ту еще ничего, бабѣ дѣло, хоть и вспухнетъ рожа-то отъ слезъ, ну а мнѣ знать стыдно: — вѣдь и ребята просмѣютъ... а все-таки просто дурасть, молодость была... Одначе нехвастовски сказать, ужъ и баба у меня была, что лебедь!.. Вонъ Тимофей-ту нашенской знаетъ мою старуху, и солгать не дастъ... она и таперчка конь конешъ... Тимохъ!.. обратился онъ къ одному, незрчному мужиченку, который, сидя на связкѣ каната, чпстилъ свою трубку: Тимохъ! знаешь мою старуху?

— Колды не знать! отвѣчалъ Тимоха.

— Ну вотъ, и прощаньецо пришло, режемъ оба коровой... матка нуще нашего голосить, нолды отецъ плетью пригрозилъ... Дѣлать нечего, ушелъ я. Пришелъ въ Казань

и нанялся я отъ Казани до Рыбной. Не помню, какая кладъ была... Ёду я, а самъ тоскую, дурость нашла, глаза бы на свѣтъ не глядѣли, отъ ёды отбило; хотѣлъ ужъ и домой бѣжать, отца боюсь... каюсь, раза два хотѣлъ свѣту бѣлаго укрыться... просто-на-просто въ воду броситься...

— Вотъ, братцы, какъ теперъ помню: разъ остановилось судно ночевать. Ночь такая темная, да душная, ребята всѣ улеглись, и я легъ на палубѣ съ краю... тоска меня такъ и давить, не спится, ноды голова разболѣлась... Гляжу я, этакъ около полуночи, идетъ ко мнѣ моя баба... откуда взялась, не примѣтилъ. Идетъ, какъ есть, она, тихонечко ступаетъ, рубаха на ней бѣлая, подолъ кумачомъ обшить, простоволосая, косы висятъ, такъ-то мнѣ весело стало; она и шмыгъ ко мнѣ подъ-бокъ. Словно я, помнится, ребята, хочу слово промолвить... нѣтъ, языкъ не володаеть... точно я окаменѣлъ весь; а она обнимаетъ, цѣлуетъ меня; а мнѣ ужъ какъ будто и ужасно... Вспомнилось мнѣ, что жена-то отъ меня больно далеко, верстъ тысяча пожалуй будетъ... навожденіе, себѣ думаю, навожденіе. А она-то шепчетъ: и завтра, говоритъ, къ тебѣ приду, только не бай про-то никому, да меня, слышь, именемъ не называй... а сама ластится... Спалъ я, братцы, аль не спалъ, не могу заподлинно сказать... Стали ребята наши на зарѣ подниматься, всталъ и я, и всталъ я самъ не свой; смѣюсь, будто и весело мнѣ, будто я взаправду съ своєю бабой навидался, а сердце слвно змѣя сосеть... Промаячилъ я день кой-какъ; а ѣсть не могу, въ горло хлѣбъ нейдетъ... Вотъ опять вечеряетъ, дрожъ меня беретъ, ноды зубы стучать другъ объ-другу, а самъ опять на старое мѣсто ложусь, и жду что будетъ... Гляжу: около полуночи идетъ, и опять ложится возлѣ меня, такъ вѣдь вотъ, братцы, какая сила вражья!.. у меня ужъ слвно и страху нѣтъ... И начала она волосы гребнемъ расчесывать. И сталъ я слвно привыкать. Днемъ подумаю: вѣдь, молъ навожденіе, а какъ вечеръ—и номысла того нѣтъ... будто такъ и надобно... какъ лишь начнетъ смеркаться, я ужъ насилу и дождусь полуночи... Горе, бывало, какъ попутный дуетъ, коли вѣтеръ небольшой, судно и ночью идетъ парусомъ, а меня иной разъ на посу до полуночи посадятъ. Послѣ того, какъ смѣняютъ,

да уснешь подь утро, не придетъ... и тоска такая всесвѣтная, что не знаешь куда и дѣваться цѣлый день... а тамъ какъ ляжешь съ вечера, придетъ... Да такъ, братцы, и ходила ко мнѣ недѣли двѣ, а можетъ и больше, и дошелъ же я за то время! Здоровъ, а сдѣлался совсѣмъ испитой, вѣтромъ шатаеть, объ обѣдѣ и рѣчи не заводи... Вотъ и случись-же на мое счастье такой случай: былъ у насъ на суднѣ бурлакъ, старый такой, все его шептуномъ звали, оттого что онъ, бывало, безпрестанно самъ съ собою что-то шепчетъ, молитву что-ль творить, аль заговоръ какой!.. хто-жь его вѣдаетъ... Ложится разъ этотъ шептунъ возлѣ меня, и не радъ я былъ сосѣду, да такъ полѣнился перелечь на другое мѣсто... Не спится мнѣ... ворочаюсь съ боку на бокъ, а на Волгѣ тихонечко, только наши ребята похрапываютъ... Гляжу я: идетъ моя баба, отъ кормы. Подошла, видитъ шептуна, побачала головой и пятится... и... пропала. Не спалъ я до утра, и что со мною дѣялось?—сказать нельзя... Досадно мнѣ на шептуна, что онъ ея мѣсто занялъ... да словно и страхъ на меня нашель... такъ-бы вотъ кажись и заревѣлъ коровой.. такъ слезъ-то нѣтъ, словно сердце закаменѣло... Хожу я поутру словно дуракъ; ребята завтракаютъ, сѣлъ и я за муру, (мурую зовутъ на Волгѣ крошенный хлѣбъ съ водою) нѣтъ! ложка въ ротъ, братцы, нейдетъ... И слышу я послѣ завтрака, подошелъ шептунъ къ лопману, да и говорятъ:

— Не ладно, Григорій Григорьячъ! больно не хорошо! дескать Макарку нечистая сила обуяла...

Лопманъ покачалъ головой.

— Прикачнулась, совсѣмъ прикачнулась... надобѣ парню помочь...

Лопманъ какъ окинетъ меня глазами, такъ на меня словно кто нибудь ведро холодной воды. Вотъ пошептали они, пошептали и разошлись. И пужно было энтимъ разомъ сѣсть на берегъ за хлѣбомъ. Подвалили мы къ селу, поѣхали наши ребята на берегъ, шептунъ мнѣ и бантъ: — Макарка, поѣдемъ и мы съ тобой. Ладно, говорю, поѣдемъ пожалуй, по мнѣ все равно. Вотъ поколѣ ребята на базаръ ходили; мы съ шептуномъ легли на травкѣ близъ кабака.

— Послушай-ка, батьковъ сынт! если на тебѣ хрестъ-

то? баеть мнѣ мой дѣдъ. А креста-то, братцы, давно на мнѣ не было, порвалась веревочка и не вспомню коли.

— Потерялъ, говорю, дѣдъ: надобѣ купить!

— То-то, говоритъ, парень. А вѣдь худо! вѣдь къ тебѣ того-то!..

— Какъ промолвилъ эвто шептунъ, такъ-то мнѣ, братцы, тошно стало, словно подкатило что подъ сердце; ничего я не отвѣтилъ, уткнулъ носъ въ траву, да такъ горько всплакнулъ, не знаю, отколь у меня только слезы взялись...

— Ладно... баеть дѣдъ; добро, не плачь... поможемъ, авось, Богъ милостивъ!.. а самъ я пошелъ въ кабакъ. Несеть мнѣ оттудова стаканъ вина, пребольшуцій, а я толды еще хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, отбиваюсь, а онъ приступаетъ ко мнѣ.

— Выпей... говоритъ, дуриная твоя голова, коли хочешь себѣ-ка добра!

Выпилъ я, братцы, все пошло кругомъ; дѣдъ мой передо мной на головѣ ходить, кабакъ пляшетъ, и чего-то мнѣ не видѣлось! а тутъ ужъ и не помню какъ свезли меня на судно. Опомился я, братцы, въ мурѣ, шубами прикутанъ, мнѣ жарко стало... слушаю, пѣтъ не плывемъ, стоимъ, гляжу, темно, и тихо, всѣ спятъ, только на палубѣ надъ моей головой шептунъ съ кѣмъ-то разговариваетъ... И вдругъ словно кто соскочилъ въ воду, вода заплескалась, и такъ кто-то жаюбно, словно женщина, заплакалъ. А у меня точно порвалось что у сердца. Тутъ опять я ничего не помню...

— Встаю я, ребяташки, на другой день, бають, къ вечеру, а самъ шатаюсь, силы нѣту, иначе перекусилъ крошку. Дня три я больно маялся, руки опускались, да лоцманъ-то былъ нашъ добрый человѣкъ, Григорій Григорьичъ, живъ—доброе здоровье, а умеръ, царство небесное,—сноровичъ, не бросилъ. А ка-бы ссадили на берегъ, ужъ можетъ меня грѣшнаго давнешенько на свѣтѣ-то бы не было, уморили бы въ лазаретѣ, али на берегу-бы издохнулъ, какъ собака. Ну вотъ и оклемался-же я дня черезъ три. Воротился я домой. Надобѣ сказать правду, на первыхъ порахъ словно ужасно было мнѣ-ка своей жены, хоть она и встрѣтила меня, и повисла на шеѣ, ну а тутъ и ничего, и привыкъ. А старики, отецъ

съ маткой, бояли, что съ моей бабой и сладить не вѣдали какъ, больно тосковала слышь обо мнѣ; правду знать бають, что сердце сердцу вѣсть подаетъ. Вотъ она прича-то какая!.. всяко бываетъ. Послѣ эвтаго одначе батька годовъ съ десятокъ не посылалъ меня на Волгу, а тутотки онъ *побывшился*, ну, и пошелъ я опять, и пошелъ да пошелъ... одначе ужъ такого навожденія не бывало, Богъ мпловалъ... только сегодня...

Старикъ мгновенно замолчалъ, качнувъ съ досадою головою, какъ будто на то, что проговорился.

Слушатели подождали минуты три, но видя, что рассказчикъ молчитъ, нѣкоторые изъ нихъ заговорили:

— Ну такъ что-жъ, дѣдко... досказывай!.. али привидѣлось что сегодня... скажи-ка! скажи!..

— Да что, братцы, сказать-то? примолвилъ Макаръ, почесавъ затылокъ, наше мѣсто свято, сегодня приснилось... будто опять свою бабу видѣлъ, какъ прежде, въ бѣлой рубахѣ... Тѣфу, ты!.. и онъ плюнулъ на сторону.

— Ха, ха, ха! отозвался молодой парень: дѣдушка, вѣдь старуха-то твоя жива?

— Жива, ну такъ что-жъ? отвѣчалъ старикъ.

— Сердце сердцу вѣсть подаетъ, продолжалъ шутникъ: значить, старуха тоскуетъ объ тебѣ. А ты, старый хрѣнь, все еще ходишь по Волгѣ! Ну, въ твои-ли года! сидѣлъ-бы на печи, съ своею старухой, не ровенъ часъ...

— Что правда, то правда... отвѣчалъ какъ-то особенно грустно Макаръ, а вотъ такъ, привычка... Вѣдь и нѣтъ никого, двоимъ-то со старухой можно-бы сытыми быть, а все такъ за привычку...

Исплескъ веселъ подѣхавшей лодки прервалъ рѣчь старика. Это возвратились бурлаки, посланные за припасами въ городокъ, мимо котораго тянулось судно. Они привезли груды печенаго хлѣба и нуки зеленого луку, часть котораго сейчасъ-же была рѣхватаана бурлаками, а остатки были привязаны на веревку и спущены въ воду, за бортъ судна. У кашеваровъ все было готово. Работающая половина бурлаковъ сняла ляжки, и менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты, палуба покрылась кружками обѣдающихъ рабочихъ. Всякій, выгацивъ

свою ложку изъ-за полоски плиса или ремня, опоясывающихъ его шляпу, садился возлѣ артельной чаши, и утолялъ свой голодъ, не исключая и лоцмана. Судно на эту минуту остановилось совсѣмъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, кромѣ стараго Макара, ложка котораго какъ-то особенно лѣниво работала, и старикъ былъ замѣтно невеселъ.

— Попутнаго-то Богъ не даетъ, замаялись! промолвилъ одинъ молодой бурлакъ, взглянувъ на повисшій топсель.

— Эка замаялись! видно лямку тянуть не у жены за спиною лежать! А вотъ я, братъ, лѣтъ тридцать ее тяну, такъ ужъ старыя-то кости и сказываются; а то эка! жутко ишь кажется. Да ты не въ первый-ли разочникъ на Волгѣ-то? Коль въ первый, такъ еще на кобылу дружка погонимъ, сказалъ Макаръ.

— А что такое, какая такая кобыла? спросилъ, озираясь, молодой бурлакъ.

— Э! въ первый, въ первый!.. закричалъ съ хохотомъ весь кружокъ.

— А вотъ пойдешь на нее, такъ и узнаешь, сказалъ одинъ старый бурлакъ. Счастливъ, коли судно парусомъ пробѣжитъ. Да вонъ и того Васюка на кобылу: онъ тожъ, кажись, въ первый... Онъ указалъ на одного изъ Чувашъ.

— За что мой на кобылу пойдетъ, бачка? Васюкъ никого не обидилъ, бачка, отозвался Чувашъ.

— Ладно! разговаривай! А какъ меня ребята погнажи, такъ я всѣхъ святыхъ перемолилъ!

— А, а! сказали со смѣхомъ нѣсколько голосовъ.

— Ужъ такъ-то отжарили, такъ любо-дорого. А денегъ-то ни гроша не было...

— И я, братъ, помню, ой, ой! проговорилъ Макаръ.

— Ужъ-ли и тебя, дѣдко?

— А какъ-же!

— Что-жъ эхто такое взаправду? спросилъ съ видимою заботой новичекъ, обращаясь къ одному пожилому бурлаку, котораго звали Никитичемъ, и котораго честный, задушевный видъ говорилъ въ его пользу, надѣясь, что этотъ мужикъ не зубоскаль, и навѣрное скажетъ правду.

— А вотъ что, отвѣчалъ послѣдній: подь Привольскомъ

есть большущій, высокій и гладкій камень. Вотъ, какъ идетъ бичева по берегу, всё бурлаки и поговятъ на эхтотъ камень, примѣрно тебя, и другихъ, кто первую пугину идетъ...

— Эка-ста важность, можно и нейдти...

— Полѣзешь, братъ, какъ примутся лямками-то жарить; небо съ овчинку покажется...

— Эхъ! А рази ужъ безъ того и нельзя?..

— Отчего нельзя, можно, коли вина купишь да угостишь.

— Вона што! проговорилъ парень въ раздумьи, почесавъ въ затылкѣ. Ну, а кобыла-то чтожъ?

— Эхтотъ-то камень и зовутъ кобылой, отвѣчалъ Никитичъ.

Между тѣмъ старый Макарь потиралъ себѣ плечи и поясицу и поглядывалъ на небо.

— Дѣдко носъ подыалъ, знать попутный чуетъ, молвилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Попутный, не знаю, а ненастье такъ чуетъ моя спина, отвѣчалъ Макарь.

— Охъ ты, старый хрѣнъ! вѣдь прикидываешься, будто ужъ и невѣсть какая старость! Старики любятъ себѣ годы насчитывать, я это знаю; баушка моя всѣмъ говорила, что другое сто живетъ, а мать баеть, что и всего-то старуха жила семдесятъ лѣтъ. Такъ и ты...

— Нечего зубы-та скалить, спроси-ка у Микитича, онъ тебѣ про-то скажетъ... Микитичъ, сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ Макарь.

— Кажись, сорокъ минуло, дѣдушка Макарь.

— Вотъ слышь; а Микитичъ толды родился, колды я женился.

— Ишь знаетъ коли Микитичъ-то родился! Ахъ ты старый балясникъ!

— Еще бы! мы изъ одной деревни съ дѣдушкой Макаромъ, сказалъ Никитичъ, затыкая свою ложку за шляпу, и подымаясь на ноги отъ опорожненной чаши.

— Да еще маленько и сродни, договорилъ Макарь.

Всѣ встали, и помолясь на востокъ, пошли всякій на свое

мѣсто. Работавшая до обѣда половина бурлаковъ пошла на отдыхъ, а отдыхавшая лѣниво надѣвала лямки.

Между тѣмъ ставшій на свое мѣсто лощманъ, пылливо поглядывалъ за бортъ судна, гдѣ съ крикомъ рѣяли рыболовки, чуть не касаясь воды крыльями. Мелкая рыба переходила въ легкія волны.

— А! пошевеливается! быть погодѣ, сказалъ самъ себѣ лощманъ, взглянувъ на флюгарку мачты, которая вертѣлась во всѣ стороны.

— Проворнѣй ребята, собачьи дѣти! крикнулъ онъ пронзительнымъ рѣзкимъ дискантомъ.

— Гей, шевелись! раздалось опять: что заснули скоты! и градъ ругательства посыпался отъ руля, и покрылъ всю палубу. Бурлаки засуетились, толкая другъ-друга.

— Что спишь, Василій Ивановичъ, поворачивайся... вскричалъ одинъ изъ бѣгущихъ къ бичевѣ, и хлестнулъ ляжкой лѣниво двигающагося передъ собой Чуваша. Этакой народецъ, чертъ, какъ къ обѣду, такъ первый, понимаетъ и слышитъ, а къ дѣлу такъ словно не понимаетъ... распроклятые!..

Чувашь оглянулся и молча почесалъ спину.

И вскорѣ раздался по палубѣ мѣрный тяжелый шопоть: бурлаки, опустя руки и головы, легли всею силой на лямки, и задрали во все горло, безсмысленное: «еще разъ!»..

— Савель! Савелько! ноги становись, а я часокъ сосну, сказалъ лощманъ, обращаясь къ высокому молодому парню; таперичка ничего, а тамъ какъ пройдемъ колѣно, смотри, разбуди меня, тамъ влѣво каменная коса, да и вправо мель есть. Смотри, разбуди, слышь! а то не ровень часъ, чертъ попутаетъ...

Савель, родной племянникъ лощмана, готовящійся тоже быть въ свое время лощманомъ, влѣзъ на кресла, и смѣнялъ дядю. Послѣдній отправился въ казенку.

Это былъ домикъ, состоящій изъ трехъ крошечныхъ комнатокъ, оклеенныхъ цвѣтными шпалерами. Въ первой, кромѣ широкой скамьи, ничего не было, во второй, кругомъ стѣнъ были придѣланы чистыя лавки, кромѣ того находилась большой крашеный столъ, и два стула грубой работы, старый посудный шкафъ, съ заключенными стеклами; въ углу

образъ, предъ которымъ висѣла цвѣтная лампадка, и на стѣнѣ разбитое зеркальце. Въ третьей комнатѣ, которая служила спальней приказчику судна, помѣщалась сосновая некрашенная кровать, и маленькій придѣланный къ стѣнѣ изъ некрашенныхъ досокъ шкафчикъ. За отсутствіемъ приказчика, теперь эта комнатка служила спальней лоцману. Вошедъ въ нее, Самойлычъ прилегъ на постель, состоящую изъ войлока и грязной подушки, твердой какъ кирпичъ, и скоро захрапѣлъ.

Между тѣмъ Савелій стоялъ у руля и разговаривалъ съ водоливомъ. Мужикъ этотъ былъ огромнаго роста, съ заросшимъ густою черною бородою лицомъ и свирѣпымъ взглядомъ; словомъ, имѣлъ такую образину, встрѣтись съ которою, не только ночью въ лѣсу, но и днемъ среди чистаго поля, всякій попятился бы назадъ и перекрестился. Теперь Филипычъ (такъ звали водолива) вылѣзъ изъ мурьи *), какъ баснословный гномъ изъ нѣдръ земли и, усѣвшись на кормѣ, на связкѣ каната, закурилъ свою коротенькую трубку, часто поплеывая на сторону.

— Какъ ты мекаешь, Филипычъ, я чаю скоро гряда-то, про кою дядюшка баялъ? обратился Савелій къ водоливу.

— Тебѣ больше знать, руль-то въ рукахъ держишь, отвѣчалъ, плюнувъ, Филипычъ и почесалъ за ухомъ.

— Мало-ли что руль... тебѣ больше моего это дѣло извѣстно: не годъ, не два по Волгѣ ходишь; а я... я... долго-ли до грѣха!..

— Не мое дѣло, не мнѣ приказано.

— Вотъ вѣдь ты какой, Филипычъ! молвилъ Савелій съ досадою, а отчего бы не сказать! развѣ тебя убудеть, что-ль?

— Не мѣшай мнѣ дѣло дѣлать, проворчалъ водоливъ, снова набивая трубку.

Савелій, опасаясь гряды, поворотилъ немного вправо.

— Куда ты воротнишь, чертенокъ! вскричалъ вдругъ Филипычъ, вскочивъ проворно на кресла и вырвавъ у Савелья

*) Мурьею на рѣчныхъ судахъ называется пространство подъ палубою, гдѣ помѣщается грузъ.

руль, круто поворотилъ влѣво. Ослѣпъ что-ль? прибавилъ онъ, псказавъ на длинную полосу желтоватой воды, почти возлѣ самага праваго борта.

— Ахти, Господи! проговорилъ Савелій, почесавъ въ затылкѣ; совсѣмъ не досмотрѣлъ. Спасибо, дядя Филипычъ.

— Ну теперь возьми глаза въ зубы, смотри прямо, ишь головачи торчатъ! сказалъ водоливъ, бросивъ руль, и сѣлъ опять на прежнее мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ передъ носомъ судна, три или четыре камня, при совершенно гладкой поверхности рѣки, едва выказывали свое сѣрое темя. Савелій удачно ихъ обошелъ.

— Филипычъ, ужъ вѣрно это гряда-то начинается?

Водоливъ молчалъ.

— Ахъ-ти бѣда, чуть не насадилъ, продолжалъ парень; а какъ ты думаешь, судно старо?

— Порядово, отвѣчалъ лаконически Филипычъ.

— Значать и опасно, коли шарахнется.

— Отъ коего чорта шарахнется! умѣючи поведешь, такъ не шарахнется; а вотъ такой лощманъ, какъ ты...

Савелій почесалъ затылокъ; замѣтно было, что ему хотѣлось поговорить, но также замѣтно было, что водоливу при всякомъ отвѣтѣ хотѣлось ругнуть будущаго лощмана.

Оба молчали. Прошло четверть часа, судно обогнуло небольшой мысъ, и Савелій почувствовалъ, что ему подуло въ спину.

— Кажись, низовьякъ подулъ! смотрико-сь Филипычъ, замѣтилъ онъ водоливу, взглянувъ на флюгарку, которой длинная сорочка хлестала чуть ему не въ лицо.

Послѣдній, вмѣсто отвѣта, всталъ, спряталъ свою трубку въ карманъ шараваръ, и пошелъ будить лощмана.

Черезъ минуту уже Самойлычъ стоялъ на мѣстѣ племянника, буровилъ воду рулемъ и кричалъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Попутный! молись Богу, ребята!.. потомъ, снявъ шляпу, перекрестился, и продолжалъ во все горло: косные на райну, распетляй парусъ!

Вмигъ встрепенулась его грязная команда; отдохавшіе

тоже вскочили съ мѣсть, сняли шляпы и крестились на-ско-ро; одни бросились на носъ, вытягивать завозный якорь, до котораго судно дошло. Другіе съ крикомъ полѣзли на райну, (большая рея нижняго большаго паруса), по веревочнымъ лѣстницамъ, или просто цѣпляясь по снастямъ, чтобъ рас-пустить подвязанный парусъ. Черезъ десять минутъ, все ви-димое пространство Волги, покрытое судами, огласилось страшнымъ крикомъ. Нѣтъ словъ выразить этотъ безконеч-ный вопль, прерываемый ругательствами, и это было не что иное, какъ команда лоцмановъ, и вспомогательные крики бур-лаковъ, по ихъ мнѣнію, возбуждающіе силы человѣка, при исполненіи тяжкихъ работъ. «Завяжи узелъ! затяни петлю! отдай снасть! подай веревку!» слышалось на разные голоса, и это все перемѣшивалось тѣми словами, которыми такъ бо-гаты русскій языкъ. Молитва, при начатіи дѣла, и ругатель-ства при исполненіи, кажется, необходимы для русскаго про-стаго человѣка; по-крайней-мѣрѣ на Волгѣ думаютъ, что безъ этого нельзя.

Между тѣмъ, вѣтеръ крѣпчалъ, на волнахъ появились бѣлые гребни, съ юго-востока показалась сизая туча, вѣтеръ свисталъ въ снастяхъ и гнулъ райну. Самойлычъ все кри-чалъ, кричалъ, до потери голоса, доколѣ его дискантъ не пе-решелъ въ какой-то хриплый вопль, терявшійся въ общемъ крикѣ. Наконецъ парусъ распустили, онъ заполоскался и на-чалъ надуваться.

Молодые и болѣе ловкіе бурлаки полѣзли на среднюю рай-ну, чтобъ поставить средній топсель; малый вверху давно уже круто надувался.

Старикъ Макаръ, бывшій въ числѣ косныхъ, и также си-дѣвшій на концѣ большой райны, развязывалъ веревки и так-же кричалъ, насколько ставало легкихъ. Когда работа кон-чилась, онъ сходилъ внизъ по веревочной лѣстницѣ, осту-пился на половинѣ и... упалъ на палубу. Грохнувшись, ста-рикъ простоналъ, потомъ смолкнулъ, закрылъ глаза, и не шевелился. Товарищи ахнули, бросились къ нему, ощупыва-ли голову, раны ни гдѣ не оказалось, но бѣднякъ былъ безъ памяти. Постояли вокругъ бурлака, поговорили, спрыснули его холодной водой, но легче не было, только легкая дрожь

пробѣжала по старому тѣлу. Ушибеннаго прикрыли кафтаншкоть, и отошли прочь. Долѣе всѣхъ возлѣ него оставался Никитичъ, какъ землякъ и родственникъ; положилъ ему голову на связку каната, чтобъ было половчѣе, звалъ его по имени, старался влить въ ротъ хоть каплю воды, но видя, что ушибенный не шевелится, пошелъ къ лоцману, около котораго собралось уже нѣсколько человекъ.

— Иванъ Самойлычъ! бурлакъ съ райны уваль... ушибся... перебивали другъ-друга работники, что—прикажешь съ нимъ дѣлать-то?

Но Иванъ Самойлычъ, не обращая вниманія на ихъ говоръ, хрипло кричалъ сидѣвшимъ на средней райнѣ, чтобъ они шевелились проворнѣй. Наконецъ, когда всѣ паруса были поставлены, какъ слѣдуетъ, и лоцманъ окончательно охрипъ, отъ своей команды, Никитичъ заговорилъ:

— Иванъ Самойлычъ! старикъ Макарь, слышь, ушибся!

— Эка чортъ! прохрипѣлъ лоцманъ; а рази я виновать?

— Извѣстно не виновать никто, знать рокъ его такой; а все-бъ попользовать надоть, хоша-бы вина каплю въ ротъ влить...

— Какое вино! замѣтилъ одинъ изъ бурлаковъ: старикъ, сердечный, такъ зубы щемилъ, что и не разнимешь; смотри, скоро умреть...

— Эти слова нѣсколько смутили лоцмана; онъ передалъ руль водоливу *), и пошелъ посмотреть больнаго.

— Гмъ! да! проговорилъ онъ, пощупавъ пальцемъ зубы убившагося. Не оживеть, кажись!.. и отошелъ на носъ судна, сѣлъ, и началъ хриплымъ дискантомъ:

— Держи лѣво, держи право, чортовъ сынъ!.. прибавлялъ онъ въ полголоса къ своей командѣ.

— Эхъ-ма, поди-жь ты! да и гдѣ ужъ такому старику быть въ косныхъ!.. замѣтилъ одинъ изъ бурлаковъ, стоявшихъ близъ Макара.

*) На волжскомъ суднѣ всѣ паруса ставятся по командѣ лоцмана, и когда уже судно въ полномъ ходу, лоцманъ передаетъ руль водоливу, какъ первому по себѣ на суднѣ лицу, и начинаетъ самъ командовать съ носу судна.

— Ужъ знать такъ на роду написано! заключилъ другой, принимаясь браться какою-то веревку.

— Держи право, дьяволь! или: — держи лѣво, чортовъ сынъ! оралъ въ свою очередь, стоя на кормѣ водоливъ Филипычъ, видя, что правому или лѣвому борту судна угрожала на всѣхъ парусахъ, летѣвшая распива. И суда, съ помощію обоюдныхъ криковъ и ругательствъ, расходились.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ, потянулись длинныя тѣни отъ растущихъ по берегамъ сосенъ, запахъ которыхъ приносился вѣтромъ на суда, проходившія близъ крутыхъ подъярыхъ береговъ. Солнце, западая за далекій темный лѣсъ, окрашивало огненнымъ цвѣтомъ бѣлые паруса судовъ, а края черносизыхъ тучъ, которыя все болѣе и болѣе, плотной массой, сдвигались позади убѣгающихъ судовъ, и казалось, стояли въ раздумьи пуститься, или итѣть, за этою утлой бѣлокрылой стаей.

Дико раздавались крики лодмановъ, и между хриплымъ ревомъ уныло дребезжалъ какой-нибудь дискантъ, какъ завыванье голоднаго волка. Пискъ рыболовокъ и плескъ пѣнистыхъ валовъ дополняли эту дисгармонію, отъ которой всякій непривычный человекъ съ удовольствіемъ заткнулъ бы уши.

И вотъ тучи надумали идти по слѣдамъ судовъ, двигаясь быстро, и заволокли собой полнеба. Только на западѣ алѣла узкая полоса зари. Раздался глухой далекій ударъ грома.

Самойлычъ все еще сидѣлъ на носу, и возлѣ его Савелій докучалъ, по обыкновенію, своими разспросами:

— А что, дядюшка, на перекатахъ (мели) будемъ паузяться, али итѣть? спросилъ племянникъ.

— Кто-жъ знаетъ, впередъ не узнаешь, грузно идемъ... отвѣчалъ лодманъ.

— Да, грузновато. А какъ, дядюшка, скажешь, нонче вода?

— Кажись, больша, а хто-жъ его знаетъ, къ Волгѣ-то, Савелко, не примѣнишься... Вонъ лѣто-сь весною подъ Балахной, и слуху не было, что мель, я самъ мокшанъ провель, а осенью, тихвинка съ солью на мель сѣла, а еще лѣто было дождливое... поди ты! Да никто и не помнитъ, что тутотка мель была, вотъ и раскуси...

— Такъ-ста... Савелій почесалъ въ затылкѣ.

— А что, дядюшка, отчего энто вдругъ приказчикъ-то у насъ съ судна съѣхалъ, не доплылъ съ нами до Привольска?

— Стало-быть хозяинъ такъ приказалъ, отвѣчалъ лопманъ, и закричалъ, что было силъ:

— Руль лѣво, — камень!

Удары грома слышались все ближе и ближе, чаще и чаще; сталъ накрапывать дождь; вѣтеръ почти превращался въ бурю, парусъ заполаскивало, мачты гнулись со скрыпомъ; начинало смеркаться ранѣе обыкновеннаго. Самойлычъ оглянулъ небо и волны; впереди шедшія суда принялись уже съ крикомъ убирать паруса. Самойлычъ еще съ четверть часа сидѣлъ на носу, опередилъ многія изъ судовъ; и потомъ, снова занявъ свое мѣсто у руля, крикнулъ:

— Убирай парусъ, чортовы дѣти, поколь не разнесло по ключьямъ! спускай верхній топсель! ишь боковень рветъ! Смотри, отурить, залобанить... *).

И въ-самомъ-дѣлѣ вѣтеръ, началъ дуть въ лѣвый бортъ, отчего при прямыхъ парусахъ очень легко можно было удариться въ крутой берегъ.

И опять пошла работа; суета, бѣготня, крикъ и ругательства заглушали команду лопмана; опять полѣзли на мачту, на райну; никто не думалъ о бѣдномъ Макарѣ, котораго всякую минуту можно было чѣмъ-нибудь прихлопнуть, задавить. Вскорѣ судно пошло однимъ среднимъ топселемъ, и замѣтно убавило ходу.

Бурлаки съѣли ужинать, поспѣвая до большой грозы.

— Ну вотъ и дѣдушка Макаръ! а еще собирался гнать меня на какую-то кобылу! замѣтилъ новичекъ, пристававшій за обѣдомъ съ распросами къ Никитичу.

— Да, дума за горами, а смерть за плечами, проговорилъ другой бурлакъ.

— На все воля Божья, ребяташки! сказалъ со вздохомъ Никитичъ.

— Извѣстно воля Божья! а недаромъ, ребята, старикъ

*) То есть вѣтеръ подуетъ съ носу.

баялъ, что сегодня баба-то ему въ бѣломъ пригрезилась; не къ добру! примолвилъ третій.

— Баба! извѣстно что такое баба,—сама-то смерть и есть! заключилъ второй.

Вся артель невольно и робко оглянулась назадъ, какъ будто въ-самомъ-дѣлѣ смерть была у нихъ за спиной.

— Мартыново! Мартыново! раздалось нѣсколько голосовъ, и руки протянулись къ лѣвому берегу, гдѣ изъ-за темныхъ сосенъ бѣлѣла сельская колокольня. Почти всѣ начали креститься.

— А какъ вы думаете, ребята, лоцманъ ссадить на берегъ дѣдушку Макара? спросилъ одинъ изъ бурлаковъ.

— Ссадить, какъ есть ссадить, отвѣчалъ другой; ужь у Ивана Самойлыча снаровки нѣтъ, отцу родному не спустить...

— Ужь рази креста на немъ нѣтъ что ль? заговорилъ Никитичъ. Смотрико-сь, какая темень-то! хочеть быть буря! того и гляди дождь хлынетъ... И что такое старикъ,—воля Божья! авось, къ утру и очнется!..

Сильная молнія и трескучій ударъ грома, почти надъ самымъ судномъ, прервали его слова, всѣ вскочили на ноги и начали креститься. Застучалъ по палубѣ рѣдкій и крупный дождь.

— Ужь какая молонья!.. Господи помилуй!.. такъ вотъ словно змія возжою! да возлѣ самага судна!.. говорилъ одинъ старый бурлакъ своему товарищу, опускаясь въ мурью: «святъ, святъ!..» прибавилъ онъ, крестясь привторичномъ блескѣ молніи.

— Я самъ видѣлъ, какъ стрѣла въ воду упала, ноды судно дрогнуло, примолвилъ другой, и оба погрузились во мракъ.

Когда судно немного прошло село Мартыново, на палубѣ появился водоливъ, съ какою-то бумагою въ рукахъ; онъ велѣлъ четверымъ бурлакамъ приготовиться съѣхать на берегъ. Потомъ обратился къ Никитичу, который опять старался съ родственной заботливостью около ушибеннаго.

— У тебя что ль старикова котомка? спросилъ онъ.

— У меня. А на что тебѣ-ка? спросилъ Никитичъ.

— Какъ на что? Развѣ не видишь, что нужно его на берегъ свезти... издохнетъ, пожалуй, тутъ...

— Богъ съ тобой, Филипычъ! Креста что ль, родимый, на тебѣ нѣту-ть? что старикъ помѣшалъ тебѣ-ка? — Авось опомнится, пролежится... а то смотри-ка, какова ночка-то хочеть быть!.. началъ-было Никитичъ.

— Разговаривать нечего, давай котомку, а не то и не надоть. Вотъ его паспортъ и деньги... Ребята, подымай!.. крикнулъ звѣрски Филицычъ. Двое бурлаковъ прыгнули въ лодку, другіе двое приподняли Макара, и стали напяливать на него кафтанишко.

— Охъ! больно... простоналъ ушибенный.

— Вотъ вѣдь онъ, сердечный, въ памяти, говорилъ Никитичъ. — Побойся Бога, Филипычъ! что это за управа у насъ такая... Господи Боже мой!.. Онъ побѣждалъ къ кормѣ и началъ спрашивать лоцмана.

— Отецъ родной, Иванъ Самойлычъ! Ну что это вздумали сдѣлать-то, дѣдушку Макара на берегъ... Да онъ умретъ тамъ, сердечный, такъ-таки и умретъ, прежь времени... И дождь, и буря, — Господи Боже мой!..

— Ну жь, подавай котомку... слышь! ревлѣъ водоливъ, осыпая ругательствами Никитича.

— Слышу я... и прошу твоей милости, смилуйся!.. хоша бы подь-утро — а то ночью то, какая буря! умретъ онъ!..

— Дурень, чортовъ сынъ, умретъ! вскричалъ хрипло лоцманъ: — а рази не умретъ онъ здѣсь на суднѣ? А рази не наѣдетъ всяческій судъ, да не задержитъ судна на недѣлю, водяные черти! (такъ честилъ лоцманъ водяную коммуникацію), до-тѣхъ-поръ, какъ водяному не сунешь въ зубы цѣл-качей пятнадцать, и побольше? А рази больно весело, когда станемъ какъ раки на зимовѣ сидѣть, коли прочіе люди поносомъ (попутнымъ вѣтромъ) побѣгутъ! А рази ты, дуракъ, не видишь, какой вѣтеръ Богъ даетъ!.. Такъ не указывай подмазывать, дурья твоя башка, — знаемъ-ста съ твое... Лоцманъ прибавилъ очень энергическое слово. Никитичъ почесалъ затылокъ и долженъ былъ подать котомку старика.

Водоливъ положилъ въ котомку деньги и паспортъ.

— Прости, дѣдушка Макарь! Сердечный, не дожпветъ онъ до завтра... говорилъ жалобно Никитичъ, когда больного спустили въ лодку. Пбслѣдній глухо простоналъ. Вслѣдъ за нимъ

сброшена была его котомка. Трое сильныхъ гребцовъ ударили дружно въ весла, четвертый былъ на кормѣ, и лодка быстро понеслась.

Толпа молча и равнодушно глядѣла на происходившее. Ни одинъ голосъ, кромѣ Никитича, не протестовалъ противъ самоуправства лодчана; все знали, что Макарь не первый, и не послѣдній подвергался своей незавидной участи, которая, можетъ быть, и многихъ изъ нихъ ждетъ впереди.

Долго стоялъ на палубѣ Никитичъ, вытянувъ шею и опустивъ руки; зорко глядѣлъ онъ вслѣдъ удаляющейся быстро лодкѣ, которая, направляясь къ берегу, скоро сдѣлалась едва замѣтнымъ пятномъ, а потомъ и совсѣмъ исчезла въ густомъ мракѣ бурнаго вечера.

— Эка! подумашь, воля Господня! проговорилъ онъ, разводя руками: ну, Иванъ Самойлычъ!.. и сошелъ съ мѣста, когда уже лодка совсѣмъ исчезла.

Между-тѣмъ, несмотря на мракъ, Самойлычъ, обрадовавшийся попутному вѣтру и не думалъ бросать якорь; водоливъ смѣнилъ его у руля, а онъ опять сѣлъ на носу судна.

— Держи лѣво! впереди конная! кричалъ онъ Филипычу.

Филипычъ сильно взбуровилъ воду рулемъ, и мокшаишь обошелъ какое-то длиннохвостое черное чудовище, мигавшее своими фонарями, словно очами огненными, и загромоздившее собою путь. По берегамъ чернѣло что-то неопредѣленное: были ли то ряды крестьянскихъ избъ, или тянулся кустарникъ; все приняло какія-то уродливыя очертанія и слилось въ ночной темнотѣ.

Попутный вѣтеръ донесъ бой часовъ съ колокольни села Мартынова. Было десять.

И когда лодка возвратилась съ берега, Никитичъ спрашивалъ заботливо:

— Ну, что, ребята, свезли старика?

— Ничего, свезли и положили — никто не видалъ.

— Не доживетъ онъ, сердечный, до утра, замѣтилъ въ полголоса Никитичъ.

Ничего, доживетъ! старики живущи! примолвилъ одинъ изъ возвратившихся бурлаковъ. — Да и село недалечко...

— Кажись, дядюшка, тутъ снякъ? (камень) замѣтилъ дремавшій возлѣ него Савелій.—Смотри, вѣдь, зги не видно.

— Кажись, ты хочешь спать, такъ спи; а миѣ не указывай подмазывать, коли тебя не спрашиваютъ, отвѣчалъ лоцманъ.

Послѣ удара грома полялъ сильный ливень. Бурлаки прятались, кто куда попало, только лоцманъ и водоливъ, накиннувъ на себя рогожи, не оставляли своихъ мѣстъ.

— Держи право! держи лѣво! — какъ-будто на память кричалъ Самойлычъ,—и Филипычъ сильной рукой ворочалъ руль Громъ гремѣлъ, вѣтеръ свисталъ, дождь стучалъ въ палубу, и судно бѣжало.

— Чье судно? раздался рѣзкій окликъ возлѣ самага борта, вышедшій какъ-будто изъ водяной пучины.

— Изъ Привольска, отвѣчалъ Самойлычъ.

— Чье изъ Привольска?

— Отрубева!

— Подавай причалъ, приказчикъ воротился! раздалось съ лодки.

— Эй, дурни! что спите, бросай причалъ, приказчикъ воротился!.. кричалъ въ свою очередь лоцманъ:—эй, встрѣчай!

Полусонные бурлаки выползали изъ всѣхъ закоулковъ, и сновали, не зная за что припяться. Узнавъ, въ чемъ дѣло, многіе опять попрятались на оставленные теплыя мѣста свои. Прпчалъ (веревка) былъ брошенъ, и черезъ минуту на палубѣ показался приказчикъ, знакомый нашъ Петръ Иванычъ Отрубевъ, въ бѣломъ азямѣ, и высококомъ, пухомъ набитомъ, своемъ картузѣ, съ котораго бѣжала ручьями дождевая вода.

— Ну, Самойлычъ, здорово! все ли у васъ благополучно? спрашивалъ онъ, отряхиваясь.

— Здорово, Петръ Иванычъ; нечто, ничего такого, слава Богу, не случилось, полземъ помаленьку, отвѣчалъ съ поклономъ лоцманъ.

— Такъ!

— Только сегодня бурлакъ убили... съ райны упалъ.

— До смерти убили? спросилъ въ испугѣ приказчикъ.

— Живъ еще, Петръ Ивановичъ. Подъ Мартыновскимъ посадили...

— Ладно сдѣлалъ. Ты у меня, Самойлычъ, молодецъ, ананья! а то бы умеръ на суднѣ—водяные съ допросами нахлынули бы, какъ коршуны, чортъ ихъ дери! ну вотъ, а я и опять къ вамъ воротился...

— Милости просимъ, Петръ Ивановичъ! Мы безъ твоей милости *скупчили*, — свыклись цѣлую путину, все вмѣстѣ, говорилъ лодманъ, отворяя дверь въ казенку, куда шелъ приказчикъ.

— Какъ я измокъ... тѣфу, какая темь! гдѣ Никитичъ? говорилъ приказчикъ, отряхиваясь.

— Чаво угодно, Петръ Ивановичъ?.. спросилъ голосъ въ темнотѣ.

— Хотъ бы ты, ананья, огня засвѣтилъ!

— *Опаско*, Петръ Ивановичъ, смотри—Золотухинъ не далеко, водяные швыряютъ. Кому хочется штрахъ платить, замѣтилъ лодманъ.

Вскорѣ за приказчикомъ внесены было въ казенку его подушка, сундучокъ и кулечекъ съ сѣстнымъ.

Петръ Ивановичъ сбросилъ свой азамъ въ первой комнатѣ, вошелъ ощупью во вторую, и также, ничего не видя во мракѣ, перекрестился въ уголъ.

— Тѣфу, какая темь!.. хоша бы выпилъ чего, и закусилъ: да боюсь въ ухо пронести; знать, придется подождать, когда *солнце возсіяетъ*. А я тебя, Самойлычъ, побраню, прибавилъ Петръ Ивановичъ: безшабашная твоя голова! темь-глазъ уколи, а ты идешь топселемъ. Ну, если ты, ананья, насадишь!.. а?..

— Хмъ! насадить! что твоя милость говорить изволить, Петръ Ивановичъ! отвѣчалъ самонадѣянно усмѣхнувшійся лодманъ, хотя этой усмѣшки Петръ Ивановичъ и не могъ видѣть.

— Насадить! мѣста знакомыя, дѣло привычное, вѣтерокъ дуесть... верстъ двадцать ночью уйдемъ—я ладно! А завтра, кто жъ знаетъ, съ которой стороны вѣтеръ подуетъ... А коль твоей милости угодно, такъ и якорь бросимъ!

— Брось, Самойлычъ, брось, отдохнемъ маленько. Сегодня нарусомъ много ли пробѣжали?

— Порядово, Петръ Иванычъ; версть тридцать пробѣжали.

— Пора на покой, Самойлычъ.

— Спокойной ночи, Петръ Иванычъ; только кровать-то твоя моею постелью занята.

— Ничего, ничего, уладимся... старый вѣдь ты знакомый-то: надобно жить по-товарищецки, моавилъ ласково приказчикъ: — прощай, братъ!

— Прощенья просимъ... лоцманъ вышелъ, и на палубѣ послышался крикъ:

— Спускай топсель, собачьи дѣти! Эй, черти! бросай якорь! слышь! — Опять послышалась бѣготня и брань. Блоки закрипѣли, тяжесть унала въ воду, вода заполоскалась, минуты три судно двигалось, потомъ стало, и все затихло... порой слышались шаги и броть веревки. Вскорѣ все смолкло.

Между-тѣмъ Петръ Иванычъ ощущалъ въ своемъ кулечкѣ полустофикъ: отпилъ нѣсколько изъ горлышка, и также ощупью закусилъ. Потомъ легъ и старался согрѣться и заснуть, но ни того, ни другаго не удавалось; онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но не отъ стужи и сырости, а отъ своихъ чудовищныхъ мыслей, которыя не давали ему сомкнуть глазъ; воображеніе рисовало ему страшныя картины: то онъ видѣлъ себя богатѣмъ, въ почетѣ, рылся въ деньгахъ, полъгорода ему кланялось, то его тащили за воротъ въ тюрьму. Онъ безпрестанно открывалъ, и закрывалъ глаза и наконецъ, не вытерпѣвъ, закричалъ:

— Эй, Никитичъ! Бурлакъ, бурлакъ!

— Что надобно твоей милости? откликнулся Никитичъ, спавшій на скамьѣ, въ первой комнатѣ.

— Ты тутъ?

— Тутъ я. Что надобно, Петръ Иванычъ?

Петръ Иванычъ не отвѣтилъ ничего.

А. КОБЯКОВА.

П Р И К Л А З Ч И К Ъ .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Рано проснулся Петръ Иванычъ, такъ рано, что, по народному выраженію, *черти еще въ кулачки не дрались*, такъ рано, что и на суднѣ и въ окрестностяхъ царствовала совершеннѣйшая тишина. Голова Петра Иваныча отъ бессонницы была не совсѣмъ въ порядкѣ; онъ надѣлъ сибирку, прошелъ черезъ прихожую, гдѣ Никитичъ храпѣлъ на разные лады, поднялся на палубу и сѣлъ на носу судна. Дождь давно уже пересталъ и въ воздухѣ вѣяло свѣжей прохладой; тучи убѣжали на юго-западъ, и, принявъ видъ крѣпостной стѣны съ башенками, ждали, покуда вѣтеръ не разорветъ ихъ въ клочки и не заставитъ принять другія очертанія. Небо выяснилось; передразвѣтная звѣзда съ каждой минутой дѣлалась блѣднѣе и восточный край неба принималъ розовый оттѣнокъ; но надъ Волгой и прибрежными лѣсами висѣлъ еще густой туманъ. Гдѣ-то далеко мыкнула корова, вѣроятно съ вечера заблудившаяся въ лѣсу, и этотъ звукъ далеко разнесся по водѣ и повторился долгимъ эхомъ.

Вода тихонько плескала въ бока судна, какъ будто нашептывая что-то. Впереди и позади сквозь туманъ неясно виднѣлись мачты заночевавшихъ барокъ. Картина была по-

этичная, но смѣло можно сказать, что ни одинъ человѣкъ изъ временныхъ обитателей этихъ пловучихъ магазиновъ не думалъ любоваться ею, — тѣмъ болѣе Петръ Ивановичъ, у котораго въ головѣ бродили какія-то темныя думы.

Изъ отверстія мурьи слышался отрывистый храпъ бурлаковъ.

Широкая, алая полоса зари окаймляла восточный край неба; все болѣе и болѣе обозначались вершины лѣсовъ; туманъ начиналъ стлаться по долинамъ и прятаться въ овраги.

— Гей-дурни! пора вставать! — крикнулъ лоцманъ, вылезая изъ своего убѣжища, устроеннаго въ родѣ шкафа подъ креслами, гдѣ онъ правилъ рулемъ. На голосъ Самойлыча выползали изъ всѣхъ закоулковъ заспанные бурлаки; всплеснувшись водой и утершись рукавомъ грязной рубахи, они на-скоро крестились и клали поклоны, смотря на розовый востокъ.

Самойлычъ стоялъ уже у руля и смотрѣлъ на флюгарку, которая показывала легкій попутный вѣтерокъ.

— Вытягивай якорь! поднимай малый топсель! — кричалъ онъ отрывисто; и всѣ на суднѣ забѣгали и засуетнились.

Вскорѣ мокшанъ тронулся и поплылъ мимо зеленыхъ береговъ, умытыхъ ночнымъ дождемъ. Волга огласилась крикомъ рабочихъ; всѣ суда зашевелились; все двинулось впередъ.

Съ береговъ послышалось мычанье стада и звукъ пастишьихъ рожковъ. Ярко глянуло солнце на землю; гдѣ-то въ дальнемъ селѣ послышался благовѣстъ къ заутрени. Бурлаки усѣлись за свой обыкновенный завтракъ-муру.

Петръ Ивановичъ вошелъ въ казенку, какъ подобаетъ, въ передній уголъ, выпилъ ковшъ воды, затѣмъ приложился къ вчерашнему полуштофу, чтобъ подкрѣпить силы и разогнать мрачныя думы, мучившія его всю ночь, закусилъ сахаремъ и вышелъ опять на палубу.

— Ну, что, Самойлычъ, какъ поживаешь, пріятель?—спросилъ онъ, подходя къ лоцману.

— Ничего, живемъ, Петръ Ивановичъ; какъ твое степенство? — отвѣчалъ лоцманъ. — Мы рады, что тебя Богъ

принесъ; человекъ ты книжный, говоришь, что пишешь, все поохотиѣе.

— Спасибо на добромъ словѣ. Ну, какъ ты думаешь, скоро добѣжимъ до Привольска? спросилъ приказчикъ.

— Да коль подуетъ такой вѣтерокъ, такъ, я чаю, къ будущему воскресенью быть, коль благополучно пройдемъ перекаты.

— Ты думаешь пройти перекаты благополучно? Смотри, ананья, не насади!

— Богъ милостивъ, Петръ Ивановичъ, не первина... авось...

— Хорошо, — если пройдешь, а если нѣтъ — тогда что? — ну, да впрочемъ и тогда намъ съ тобой убытку не много будетъ... перебилъ приказчикъ.

— Оно, конечно, Петръ Ивановичъ, намъ-то съ тобою что... иначе мы, какъ честные люди, должны хозяйское добро беречь пуще глаза; вотъ я третій разъ Петру Васильичу судёнышко веду, да Богъ миловаль, такого грѣха не случалось.

— Вижу я, что ты, ананья, мужикъ, то хорошій; — хотѣлъ я тебя вчера угостить, да ошупью, братъ, непривольно было; такъ чѣмъ съ бурлаками муру хлѣбать, приходи-ка сейчасъ ко мнѣ чай пить, проговорилъ Петръ Ивановичъ и пошелъ въ казенку.

— Благодарствуемъ, Петръ Ивановичъ, отвѣчалъ ему вслѣдъ лоцманъ.

Черезъ нѣсколько минутъ уже приказчикъ и лоцманъ сидѣли за шиучимъ самоваромъ. Привезенный изъ Привольска Петромъ Ивановичемъ кулечекъ былъ разгруженъ, полуштофъ травнику, бутылка кизлярки, пкра, сайка, пирожки съ вареньемъ домашняго печенья, все стояло и лежало на столѣ.

— А, вѣдь, мы, Самойлычъ, Привольскъ-то мимо пройдемъ, не остановимся, — говорилъ Петръ Ивановичъ, наливая въ стаканъ чаю, — прокатимся, братъ, на-рысяхъ до Рыбной— а тамъ, братъ, въ Питерь. Такъ хозяинъ приказалъ. Бери-ка стаканчикъ - то.

— Почему-жъ и не такъ, Петръ Ивановичъ! счастливый путь; даруй Богъ благополучно, — сказалъ лоцманъ, почесавъ въ затылкѣ.

Между тѣмъ приказчикъ наполнилъ ему рюмку травникомъ.

— Кушай-ка, Самойлычъ, на здорovie;хвати, братъ, передъ чаемъ-то!

— Благодарствую, Петръ Иванычъ.. Желаю здравствовать твоему степенству! Ишь-ты человекъ-то больно хорошій!

— Спасибо, ананья, на добромъ словѣ! Закуси-ко.

— Покорнѣйше благодаримъ. Вотъ и Петръ-то Васильичъ, хозяинъ-то нашъ, — продолжалъ лодманъ, набивая ротъ закускою, — десять лѣтъ его знаю, — тоже хорошій, добрый человекъ.

— Ну, лучше скажемъ человекъ *богатый*, это вѣрнѣе будетъ, заговорилъ приказчикъ, принимаясь за чай; — а мы, бѣдняки, должны служить богатому человеку. Вотъ, хоть-бы и я считаюсь родственникомъ, а прежде его кучера снимаю передъ нимъ шапку и гляжу въ глаза какъ дворовая собака, ну и Петръ Иванычъ, и такой-сякой, не мазаной. Я тоже Петра Васильича братцомъ величаю, а будь-ко я въ чемъ неисправенъ, то и братца къ чорту пошлютъ, даже забудутъ какъ и звали тебя. А все бѣдность наша. Отецъ мой не оставилъ мнѣ ничего; а братецъ мой въ богатствѣ и дѣтство и молодость провелъ, и старость... Конечно, будущее закрыто; провидѣть нельзя, да все-же онъ думаетъ богатымъ умереть.

— Извѣстное дѣло, кто бѣдности самъ не испыталъ, тогъ ее до точности и понять не можетъ, — замѣтилъ лодманъ.

Оба замолчали. Началось безмолвное прихлебыванье чаю.

— Одначе, Петръ Иванычъ, ты правду баешь, будущее закрыто, — можетъ, и твое степенство тысячниккомъ будетъ, — сказалъ Самойлычъ, опрокидывая на блюдечко выпитый стаканъ.

— Перестань ты, ананья! гдѣ ужъ намъ тысячниками быть, отвѣчалъ приказчикъ: тысячи-то, другъ, наживаютъ люди умные, да ловкіе, а мы развѣ сдумѣемъ что-ли? Да намъ, дуракамъ, богатство-то прямо въ ротъ ползеть, такъ мы испугаемся, да и выплюнемъ, вотъ что! Что-жъ не пьешь, Самойловъ! кушай еще стаканчикъ!

— Доволенъ, Петръ Ивановичъ; я, кажись, и такъ около пяти выщѣдигъ.

— Что-жъ въ самомъ дѣлѣ я водою-то тебя подчую; — ну-ка попробуемъ винограднаго сока.

Петръ Ивановичъ себѣ и лодману сдѣлалъ по пушпу.

— Пей-ка, Самойловъ, это будетъ погорячѣе.

— Напрасно, ваше степенство, ты балуешь меня, — стало бы съ-меня и сивухи; ну, съ моимъ-ли свинымъ рыломъ барское питье пить? — молвилъ лодманъ, смотря на стаканъ и лукаво улыбаясь.

— Эхъ, Самойлычъ, *уничиженіе паче гордости*. Что мы съ тобою сѣряки, такъ ужъ будто ни въ чемъ и смаку не знаемъ; ты, я думаю, знаешь пословицу: *мужичокъ спръ, да ума у него волкъ не съль*. Такъ-то, Иванъ Самойлычъ! Ну-ка во славу Божію выпьемъ, да и закаемся, — сказалъ приказчикъ, хлопнувъ лодмана по плечу.

— Гдѣ-жъ мнѣ съ тобою, Петръ Ивановичъ, тягаться, — я такъ *простыя* — мужикъ-сиволапъ, все не то, что ты.

— Ну, Самойлычъ, нонче смотрятъ не на образину, а на карманъ. Вонъ, примѣрно, случалось мнѣ бывать у нашего губернатора, и видалъ, бывало, ждутъ въ залѣ и купцы и чиновники часа по два, а тутъ было дѣло у одного мужичка, придетъ, бывало, онъ, — и только что не въ сѣрой сѣрмягѣ, а сейчасъ и говорятъ ему: «просятъ дескать васъ въ кабинетъ», да тамъ съ часъ времени и объясняется съ его превосходительствомъ. Вниманіе такое къ его дѣлу; а отчего? оттого, что карманъ туго набить... Такъ-то, Иванъ Самойлычъ. Другой ходить, ходить, добиться ничего не можетъ.

— Ужъ знамо дѣло, что деньги вездѣ и всему голова, замѣтилъ лодманъ, потягивая пушпу; иначе, Петръ Ивановичъ, какъ кому Богъ дастъ.

— Есть пословица: *коли самъ плохъ, такъ не подасть Бога*.

— Это, я чаю, Петръ Ивановичъ, ужъ больше къ лѣнивымъ сказано, а вотъ, кажись, живешь на свѣтѣ никто тебя и лѣнивымъ не назоветъ, сломаешь путину, небольшую копѣйку занибешь, — рассуждалъ лодманъ, осушивъ стаканъ, — на

чистоту - то, ваше степенство, большаго богатства не наживешь, да бають: *не пустишь душу въ адъ, такъ не будешь богатъ*... Благодарствую за угощеніе, Петръ Иванычъ.

— Все это такъ, Самойлычъ, однако, ананья, и безъ денегъ-то куда тяжело... Ну будь примѣрно у меня тысячь сотняга, али хотя - бы полсотняги, понесло-ли бы меня теперь за тысячи версть? сталь-бы я кланяться, передъ кѣмъ-нибудь безъ шапки-то стоять... ну-ка, ананья, по пуншику, а тамъ и закаемся. — примолвилъ приказчикъ, принимая отъ лоцмана пустой стаканъ.

— Много будетъ, Петръ Иванычъ! да что это съ тобою сдѣлалось, всю путину пьми, ты былъ свѣжъ, какъ стеклышко, а сегодня...

— Эхъ, Самойлычъ! сегодня? Такъ, разгуляться захотѣлось... — отвѣчалъ приказчикъ со вздохомъ, потому что его давили какія то тяжелыя мысли. — Ну-ка выпьемъ! — И онъ опять налилъ стаканы.

— Конечно, ваше степенство, *случаи* всякіе бываютъ, — началъ Самойлычъ: — знавалъ я *прежь*, въ нашей *губернїи* богача, — шельма былъ продувная, вотъ что называется — пустилъ душу въ адъ. Ходилъ онъ по Волгѣ лоцманомъ, какъ и я грѣшный; велъ онъ судно, да ужъ и соорилъ штуку: по неосторожности, али нарочно, кто-жъ его знаетъ, и насадилъ на камень. Проломилъ немного, бають, только низъ попортило... Желаемъ здравствовать! — прибавилъ Самойлычъ, принимаясь за пуншъ.

— Ну дальше, что же дальше?... спросилъ, настороживъ уши, приказчикъ.

— Дальше - то?... хлѣбъ немного попортило, — продолжалъ лоцманъ, отпивъ немного, — тутъ случись на суднѣ приказчикъ, какъ бы и ты теперечка. Вотъ парни - то они были не промахи, сговорились, да приваливши къ берегу хлѣбъ то весь, — бають, и продали по хорошей цѣнѣ. Хозяинъ-то находился далече, они ему отписали, что молъ такъ и такъ, хлѣбъ не годится, кой-что немного попродали на соладъ, а остальное все такъ сгорѣло да погнило, что и скотина не ѣла. Потомъ, ваше степенство, умныя головы-то,

лоцманъ съ приказчикомъ, денежки тихонько, безъ шуму, межъ собою раздѣлили, да и разошлись...

Послѣднія слова Самойлыча взбуровили всѣ тайные помыслы его собесѣдника, всѣ черные замыслы на днѣ его души, которые онъ таилъ отъ людей, а, можетъ, и отъ самого себя; онъ сидѣлъ неподвижно, устремивъ пристально глаза на разказчика и, казалось, глоталъ каждое его слово. Необычайное состояніе души дико отразилось на лицѣ Петръ Ивановича, такъ что лоцманъ спросилъ, глядя на него:

— Что съ тобою, Петръ Иваычъ?

— Такъ, ничего, голова что-то кружится... какъ-будто пробудясь отъ тяжкаго сна и проводя рукою по глазамъ, отвѣтилъ поспѣшно Петръ Ивановичъ: — ничего, пройдетъ. Потомъ, оправаясь совершенно, сказалъ засмѣявшись:

— Ну, Самойлычъ, славныя сказки, ананья, рассказываешь!..

— Какія сказки, — помилуй, ваше степенство, ей-Богу не грѣхъ побожиться; это истинно такой случай былъ, — увѣрялъ горячо лоцманъ.

— Ну, а какъ послѣ того ихій хозяинъ?

— Да что хозяинъ, — кто-жъ его вѣдаетъ, я чаю, потосовалъ, погорѣвалъ, да вѣдь всякому-то горю конецъ есть.

— Не слышно, и въ судъ хозяинъ не пошелъ?

— Какимъ же манеромъ ему въ судъ-то было идти? Дѣло все было подведено законно, значить, молодцы воѣхъ подмаслили, и водянаго, и всѣхъ кого слѣдуетъ, ну и свидѣтельство выправили отъ начальства, моля: — дѣйствительно судно затонуло, хлѣбъ погибъ. Такъ все и покончилось.

— А! вотъ что!.. Петръ Ивановичъ опять задумался.

— Такъ вѣдь ужъ не всякой на такой грѣхъ пустится — заключилъ окончательно лоцманъ и поднялся. — За угощеніе, ваше степенство!

— Еще по *стаканку!* Приказчикъ принялся за бутылку.

— Нѣтъ, нѣтъ! лишне будетъ, Петръ Ивановичъ, ей-Богу; ваше степенство, только разговоромъ себя угощаетъ; а я, прости Богъ, словно бочку бездонную свою утробу наливаю.

— Цей, когда поятъ.

— Отчего и не выпить, когда прїятель *пошутитъ*; иначе, ваше степенство, имѣемъ и свои гроши, коль охота прїдетъ разгуляться. Ты не думай: что вотъ-могъ мужикъ вахлакъ лоховщинку любить, — замѣтилъ обиженнымъ голосомъ Самойлычъ; въ деревнѣ, Петръ Иванычъ, въ послѣднихъ мы не бывали — прошлой годъ на-силу отъ головъ отбился, значить оробѣлъ, — слышь, окружный золь больно... а то мїръ хотѣлъ выбрать, значить, мїръ вѣдастъ Ивана Самойлова, — покочилъ онъ, начиная уже хвастать, по примѣру всѣхъ богатыхъ мужиковъ, когда у нихъ шумить въ головѣ лишняя рюмка.

— Кто и спорить о томъ съ тобою, — знаю я, что ты мужикъ-то не глуной, знаю тоже, что и деньжонки у тебя есть, и ужъ вѣрно побольше, чѣмъ у меня, что-жъ ты закобенился-то, ананья! Я тебя только по-прїятельски хочу угостить. Пей-ка во славу Божию. Приказчикъ поставилъ передъ нимъ опять стаканъ и потрепалъ Самойлыча по плечу.

— Оно такъ, да только ужъ я больно пьянъ. Ну, кабы вчера я такой былъ, какъ почало парусъ рвать, судно на берегъ летить... просто бы быть бѣдѣ.

— Ужъ истинно бѣда, и прїшла бы та бѣда на дворъ къ Петру Васильчу; а мы съ тобой ничего бы не потеряли, окромѣ того, чтобъ какой нибудь ананья, Иванъ Самойловъ, изъ бараняго долушубка въ лѣско-бы шубу облачился. Хе, хе, хе! Петръ Иванычъ засмѣялся глухимъ смѣхомъ.

— Что ты, ваше степенство! оборони Господи! воскликнулъ Самойлычъ, прыскавая на мѣстѣ, — да меня тому отецъ съ матерью не учили, у насъ, Петръ Иванычъ, и въ роду таковыхъ не было!..

— Эхъ, полно, братъ, не обижайся! мужики-то мы съ тобою честные; я пошутилъ, пьянъ я больно, ананья, — вотъ что. Ну-ка кончай, да и закаемся...

Лоцманъ уже пошатываясь выпелъ изъ казенки, швырнулъ ногою подвернувшуюся худую лейку, подошелъ къ рулю, далъ кой-какія наставленія Савелью, и крикнувъ на бурлаковъ, тянувшихъ завозную снасть: эй, чертовы дѣтки! жи-

вѣе! убрался въ свой шкафъ подѣ креслами, чтобъ всхрапнуть де хорешаго попутнаго вѣтра, котораго, по вѣсѣмъ прикѣтамъ, скоро ожидалъ.

По уходѣ Самойлыча, приказчикъ всталъ, сердце у него сильно билось, словно отъ угара, въ глазахъ рябило, голова шла кругомъ; но онъ ясно сознавалъ, что не выпитые пунши производили это дѣйствіе, а скорѣй разсказъ лощмана, который освѣтилъ собою, какъ молнія, его неясныя желанія, неопредѣленныя стремленія; онъ выпилъ еще рюмку ерофеича и пошелъ на палубу.

— Ты-фу, ты чортъ, и хмѣль-то не беретъ! проворчалъ самъ съ собою Петръ Иванычъ, пробираясь на носъ. Тамъ онъ сидѣлъ долго, неподвижно обкусывая бороду и смотря вдаль сквозь какое-то туманное облако. Разсказъ лощмана, казалось, повернулъ голову Петра Иваныча задомъ напередъ. Сначала онъ какъ будто испугался чернаго, уже теперь опредѣленнаго помысла, такъ быстро охватившаго его душу; но потомъ, зависть ему представила житье-бытье его хозяина, капиталъ, почетъ, и онъ уже хладнокровнѣе прислушивался къ оболстительному голосу темнаго желанія. Все болѣе и болѣе, съ каждой минутой, росла преступная мысль, которую онъ принялся обдумывать систематически...

Въ то же самое утро недалеко отъ села Мартынова, на берегу Волги, происходили слѣдующія сцены:

Только-что начало всходить солнышко, по прибрежной дорожкѣ изъ села въ ближній лѣсокъ, парень, лѣтъ четырнадцати, гналъ трехъ стреноженныхъ лошадей. Онъ во все горло тивулъ какую-то безконечную пѣсню, по временамъ небранивая и подхлестывая хворостяной хроую кобылу, которая то-и-знай отставала отъ товарищей.

— Ихъ,—ты! волкъ бы тебя съѣлъ! вскричалъ онъ, и глаза его, безнечно бѣгающіе по сторонамъ, остановились на чемъ-то.—Что жъ это такое? Кажись человекъ? аль корова? Нѣтъ, человекъ! спрашивалъ самъ себя вслухъ парень, сдѣлавъ изъ ладони щитъ надъ глазами, и всматриваясь во что-то. Потомъ, приближаясь, онъ уже ясно могъ рассмотреть лежащаго и, повидимому, желающаго приподняться мужчину.

— Кто жь эвто такой? а! Должно быть бурлакъ, а може и ивтъ! Парень постояль, подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и рѣшилси модойти.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ нашъ знакомый бѣдный Макарь.

— Хворой, знать! Кто ты такой, дѣдушка? сироплъ мальчикъ.

— Бурлакъ, отвѣчалъ слабымъ голосомъ старикъ.

— Знать, хворый?

— Да, родимый. Ночью ссадпли съ судна, паренекъ родимый. Дай, Христа-ради, напиться! Охъ, во рту горить!..

— Да какъ же я тебѣ дамъ-то?

— Зачерпни, отвѣчалъ Макарь, показавъ на свою шляпенку.

Парень зачерпнулъ шляпой воды изъ Волги и подаль ему.

Старикъ пилъ съ жадностію.

— Спасибо тебѣ, паренекъ... спасибо, душу отвелъ...

— Тебя дождемъ всего вымочило, — ты бѣ шелъ на село.

— Какое жь это село?

— Мартыново.

— Мартыново? знаю... Не могу, охъ не могу подняться! кабы ты добѣжалъ, мой родимый, и оповѣстилъ... Охъ, знать, смертонька моя приходитъ! старикъ опустилъ голову на котому.

— Нельзя жь мнѣ топеречка, видишь лошадей въ лѣсъ гоню, пообожди назадъ пойду, то пожалуй. И парень опять погналъ лошадей, но гораздо поспѣише и усердише покле- стывалъ хромую кобылу.

Возвращаясь изъ лѣсу, онъ увидѣлъ, что бурлакъ лежалъ ницъ, и лизалъ мокрую траву, желая хоть скольконибудь утолить сжигавшую его жажду; парень опять зачерпнулъ ему воды въ шляпу, наполнилъ его и побѣжалъ въ село.

— Эй, тетка Малахья! слышь! на берегу у насъ, за селомъ, лежитъ хворый бурлакъ: слышь, ночью съ судна ссадили; мокрый весь, говоритъ парень у первой пазы бабѣ, выгонявшей скотину со двора на улицу.

— Ой-ли! и вправду, Ванька?

— И вправду; неужь-то я хвастаю? Не хвастаю.

— Богъ въ помочь! сказалъ Ванька ѣхавшему въ поле съ сохою мужичку. Дядюшка Яковъ, подъ селомъ на берегу хворый бурлакъ лежитъ.

— Неужли! Надоть сказать сотскому, молвилъ мужикъ и поѣхалъ своею дорогой.

Эту вѣсть передалъ Вацька и Аксюткѣ, молоденькой дѣвченкѣ, шедшей за водой, и толпѣ другихъ дѣвокъ, бѣжавшихъ на Волгу полоскать холсты, и старухѣ Иринѣ, которая тащилась къ заутрени, и которая, по глухотѣ своей, ничего не разобравъ, только перекрестилась. Наконецъ Ванька пришелъ и въ свою избу, сказалъ и своему отцу:

— Весь-то онъ, бачка, мокрый; взять бы его, а? заключилъ онъ.

— Пошелъ, дуракъ, отвѣтилъ отецъ, угрюмый и несловоохотливый мужикъ, смотрѣвшій изподлобья.

— А и что, взаправду, возьмемъ-ка его, Дорофей, обогрѣемъ? Сердечный Бога помолить, проговорила жена, бросая дрова въ печь.

— Дура! этакая утроба! Бога помолить! А того баба не вѣдаетъ, какая у него такая болѣсть-то? Можетъ, повальная, такъ и всю семью вывалить, а можетъ и все село:

Баба тихонько прошептала молитву, а Ванька присѣлъ къ столу, за которыми завтракали его младшіе братья. И дѣлать ему было нечего больше; онъ исполнилъ данное слово, *оповѣстилъ*, даже желалъ въ душѣ, чтобъ помогли хворому старику. Остальное предоставлялось волѣ старшихъ, или лучше сказать случаю. Однако вѣсть эта мгновенно облетѣла все село, и черезъ часъ бабы и ребятишки трезвонили о томъ на улицѣ, и у кого не было *слышнаго* дѣла, тѣ побѣжали поглядѣть. Дошелъ наконецъ слухъ и до сотскаго Федота, который, вооружась орудіемъ своей власти—палкой, окрашеной зеленой краской, рѣшился досмотрѣть своимъ глазомъ. Когда онъ пришелъ на мѣсто, уже цѣлая толпа окружала старика; бабы, стоя ююдалъ, спрашивали: какимъ случаемъ его ссадили, откуда онъ родомъ, и проч.; ребятишки, толкая другъ-друга, лѣзли впередъ; старикъ отвѣчалъ какъ могъ на

безконечные вопросы и, охая, пощупывала ушибленную голову. Завидя сотского, бабье разступилось. Вслед за сотским пришло нѣсколько мужиковъ. Федотъ, какъ слѣдуетъ, допросилъ хвораго бурлака, понюхалъ себѣ бороду, подумалъ и, обратясь къ толпѣ, сказалъ:

— Вѣдь надо-жь, православные, дать приютъ-то?

— Извѣстно надо-ть, — заговорили мужики.

— Куда-жь его помѣстить-то? ну-ка хона ты, Влась Семеньчъ, возьми на свои руки, обратись сотскій къ приземистому, сѣдобородому мужику.

— Ужь уволь меня-то, Федотъ Пафнутычъ, сдѣлай Божескую милость!... одна изба, ребята малые, — отвѣчалъ Влась съ низкимъ поклономъ.

— Правда! Такъ отпратить его къ Шарову, у него нѣтъ дѣтей.

— Что ты, родимый, Федотъ Пафнутычъ, преждевременно погубить насъ хочешь! — завопила звонкимъ голосомъ высокая баба; — у насъ одна избушка, а онъ, Христось его вѣдаетъ, какая у него болѣсть-то, можетъ не только насъ, да и все село вывалить.

— Что кричишь, горло-то распустила, али не слышишь-отчего его болѣсть, — съ райны свалился, сказалъ сердито сотскій.

— Всѣ они такъ баютъ, правды не скажутъ; кому охота въ полѣ лежать, извѣстное дѣло.

— Ничего Акулина, только черезъ три огня переведите, никакая зараза не пристанетъ, — замѣтала старуха.

— Какъ это, какъ? — спросила дѣвка.

— Просто-на-просто: взять положить въ горшокъ горячихъ угольевъ да богородской травки и поставить на порогъ. — Какъ хворый, примѣрно, перейдетъ, поставить на другой порогъ, а тамъ и на третій — и Богъ милостивъ, отвѣчала увѣрительно старуха.

— Ужь помилосердуй, Федотъ Пафнутычъ! — воила снова Акулина.

— Куда я поспѣла! мужа дома нѣтъ, я одна, бабье дѣло, не ровень часъ, — что я съ хворымъ стану дѣлать?

— И то правда!... замѣтилъ глубокомысленно Федотъ.

«Э! у Дороея двѣ избы.... Дороей! возьми-ка бурлака къ себѣ, пригляни за нимъ.» Молвилъ сотскій Ванькину отцу, который тоже прибрелъ вслѣдъ за другимъ.

— Помялуй, Федотъ Пафнутычъ! Двѣ избы! да рази у меня у одного двѣ избы? У тебя у самого двѣ.... Что-жь я-то всѣхъ грѣшнѣй?

— Смотри, братъ, у меня не *артачься!* крикнулъ сердито сотскій: ишь разговаривать началъ! Больно рѣчиствъ!... Что-жь крещеному челоуѣку рази на полѣ умирать? — Дойдешь-ли ты до его избы? спросилъ онъ, обратясь къ Макару.

— Охъ, нѣтъ!... провзнесъ онъ, утомленный распросами; встать не....мо....гу.

— Слышь, запряги лошадь, и возьми его тотчасъ-же! крикнулъ опять сотскій на Дороея. Послѣдній, проворчавъ что-то, отошелъ-было, но опять воротился и сказалъ:

— Ужь не прогнѣвайся Федотъ Пафнутычъ, — коли пришла ко мнѣ такая бѣда, такъ рази въ пустую избу, а въ живую ужъ нѣтъ, ни за что, какъ твоей милости угодно!

— Эхъ, ты чортъ тебя деря! Ну въ пустую, такъ въ пустую.... Экъ торговаться научился....

— Дороей уходя погрозился на своего сына, который стоялъ въ толпѣ ребятъ.

— И мужики, потолковавъ еще на досугѣ, поплелись во-свояси. Вслѣдъ за ними разошлись и бабы, ушелъ и сотскій. Всѣхъ долѣе оставалась Малафѣевна; стоя въ сторонѣ, и сложа руки, она молча поглядывала на разговаривающихъ, и прислушивалась, чѣмъ рѣшатъ сотскій и *миръ*. Порой она съ участіемъ взглядывала на Макара, и что-то шептала, можетъ быть молитву, а можетъ выражала шопотомъ свою мысль, кто ее знаетъ, — но видя, что всѣ разошлись, Малафѣевна тоже отправилась въ свою избушку на курьихъ ножкахъ, стоящую гдѣ-то за гумномъ богатаго Власа.

— Эй, Малафѣевна! что бѣжишь больно! куда скоро надобно? Постой! погода! — кричали ей молодницы, которыхъ она обгоняла, но старушка обращала къ нимъ свое морщинистое лицо, кланяясь въ поясъ, и махнувъ рукой шла далѣе.

— Высоко стояло солнце, оно высушило траву, на которой лежал больной Макарь, высушило и его мокрую дырявую одежонку; жажда опять начала мучить бѣдняка, и внутренность и голова его горѣли; но онъ лежалъ попрежнему, закрывъ глаза и не шевеля ни однимъ членомъ. Оставшіеся ребяташки, зашедши по-колѣно въ воду, кидали камешки, не обращая на старика уже ни малѣйшаго вниманія.

— Голубчикъ, старичокъ, не хочешь-ли кваску? Напейся во славу Божию! — сказалъ привѣтный голосъ близъ него.

Макаръ открылъ глаза, — возлѣ него стояла Малафѣевна съ жбанчикомъ квасу въ одной рукѣ и чашкой кислой капусты въ другой.

— Поѣшь, родимый, капустки я-те принесла; у тебя въ роту запеклось-чай? Хвати-ка кисленькаго-то, — продолжала она.

Бѣднякъ кой-какъ приподнялъ голову и съ жадностію выпилъ квась, но отъ капусты и хлѣба отказался.

— Эка, Господи! Коли толкованьямъ-то ихнимъ конецъ придетъ? сказала старушка. Что, родимый, не приходилъ никто сюда? спросила она Макара.

— Не...з...на...ю, едва проговорилъ онъ.

— Паренки! сотской-то приходилъ сюды? И Дорофей не бывалъ? спросила опять старуха у ребятъ.

Ребята только взглянули на нее и, не отвѣчая, продолжали бросать камни.

— Эхе-хе! И Малафѣевна сѣла на выдавшійся въ воду камень и принялась мыть свои босыя ноги, часто оглядываясь на дорогу.

Раздался стукъ телѣги: ѣхали Дорофей вмѣстѣ съ сотскимъ; послѣдній уже личнымъ присутствіемъ принудилъ перваго запречь лошадь.

— Такъ ужь сдѣлай такую милость, Федотъ Пафнутьичъ, я того... насчетъ сараю-то, новый-вѣдь, не течетъ; теперь лѣто, слава-те, Господи, не замерзнетъ, говорилъ Дорофей, слѣзая съ телѣги.

— Глухая твоя образина, что ты торгуешься-то? Давича говорилъ про пустую избу, а теперь...

— Федотъ Пафнутычъ, право-слово, я давича и позабылъ, что въ пустой избѣ своячина красна поставила, перебилъ Дорочей сотскаго.

— Ладно, бери-ка, бери, взваливай его въ телѣгу, а тамъ поводишь, отвѣчалъ Федотъ.

— Федотъ Пафнутычъ! позволь мнѣ, родной, бурлака-то къ себѣ взять, я съ великой любовью приму, сказала съ поклономъ подошедшая бобылка Малафѣвна.

— Съ великой радостью, съ великой радостью, Малафѣвна, проговорилъ нѣсколько обрадованный сотскій. За доброе дѣло взялась ты, старушка Божья; спасибо тебѣ.

— И! не за что, родимый Федотъ Пафнутычъ; прикажи только Дорочейю довести его до моей избенки.

Дорочей положилъ на телѣгу Макара, который стоналъ и охалъ отъ боли во всемъ тѣлѣ.

— Пойдите, надо осмотрѣть, что въ его котомкѣ-то есть? сказалъ сотскій, развязывая котомку, гдѣ между необходимой перемѣной бѣлья находился паспортъ и пятнадцать рублей (на ассигнаціи) денегъ.

— Вотъ, Малафѣвна, видшь, что тутъ есть; смотри береги, не затеряй: *паспортъ* нуженъ, куда старика Богъ ни поворотить; и деньги побереги на случай. Знаю, что ты старуха не таковская, добавилъ Пафнутычъ.

— И-и! родимый ты мой! что ты, Господь съ тобою! молвила старушка, отправляясь за телѣгою. Не падотъ мнѣ чужова добра; коль нужда придетъ, такъ къ добрымъ людямъ схожу. До сей поры, Федотъ Пафнутычъ, голодная не сидѣла, слава Ему премпосердому!

Когда Макаръ былъ внесенъ въ избу бобылки, старушка принялась его лѣчить по крайнему своему разумѣнію: она вытерла его распухшую спину скипидаромъ, обвязала голову свѣжимъ творогомъ, сбѣгала къ попадѣ попросить вшица, и поднесла ему рюмку водки съ солью. Вѣрно, не-первые попалъ въ руки Малафѣвны подобный бѣдникъ!

Между тѣмъ мокшанъ Отрубевъ шелъ все впередъ. Петръ Иванычъ объявилъ бурлакамъ, что судно въ Привольскѣ не

пристанеть, и подрядилъ ихъ прямо до Рыбинска, и судно рано на зорѣ прошло мимо Привольска легкимъ попутнымъ вѣтромъ. Савелій посланъ былъ извѣстить о томъ хозяина. Петра Васильича разбудили; онъ далъ цѣлковый вѣстнику, и вмѣстѣ съ Павломъ Петровичемъ, одѣвшись поспѣшно, приѣхали на берегъ, сѣли на легкую лодку и догнали судно; встрѣченные Петромъ Иванычемъ; они вошли въ казенку и выпили съ нимъ по стакану чаю. Затѣмъ, осмотрѣвъ судно, хозяинъ далъ приказчику кой-какія наставленія, которыя онъ, стоя безъ шапки, подобострастно выслушалъ. Потомъ Петръ Васильичъ велѣлъ купить нѣсколько ведръ водки для бурлаковъ, безъ шляпъ стоявшихъ на палубѣ, и поговоривъ съ Самойлычемъ, хозяева оставили судно; вмѣстѣ съ ними сѣхалъ на берегъ и приказчикъ, побывалъ дома, поговорилъ наединѣ съ своимъ сыномъ Сидоромъ Петровичемъ, запасся съѣстнымъ и возвратился на судно.

Во все время пути отъ Привольска до Рыбинска, Петръ Иванычъ былъ необыкновенно задумчивъ. Въ одно хорошее утро судно шло малымъ топселемъ. Бурлаки толпились на носу, а съ ними и Петръ Иванычъ.

— Ну, слава Богу, вотъ и Рыбца! вскричало нѣсколько голосовъ, завидѣвъ лѣсъ мачтъ и сплошную массу судовъ, загроздившихъ собой все видимое пространство Волги. Изъ города доносился благовѣстъ къ поздней обѣднѣ; всѣ сняли шляпы и принялись креститься на золоченые, сіяющіе на солнцѣ, кресты рыбинскаго собора.

— Спускай топсель! Живѣй, ребята! скомандовалъ въ послѣдній разъ Самойлычъ, и вскорѣ судно вошло въ пристань.

— Бросай якорь! еще разъ прокричалъ онъ. И когда судно встало, онъ снялъ шляпу, перекрестился, сошелъ съ кресель и, обращаясь къ приказчику, сказалъ съ поклономъ:

— Съ окончаніемъ путивы, Петръ Иванычъ!

— Спасибо, Самойлычъ! отвѣчалъ Петръ Иванычъ, окруженный бурлаками, которые тоже поздравляли его съ приходомъ судна.

Приказчикъ, какъ слѣдуетъ, раздѣлалъ бурлаковъ, выста-

вилъ имъ нѣсколько ведръ вина, угостилъ на прощанье люцмана, и дѣятельно принялся за перегрузку судна.

Бурлаки же, какъ всѣ были изъ низовыхъ губерній, болѣе или менѣе прилежащихъ къ Волгѣ, купили съ-обща лодку и отправились внизъ по матушкѣ (Волгѣ) каждый во-сво-яси, до того мѣста, до котораго можно было плыть.

Гребя поочередно и распѣвая пѣсни, шумная артель черезъ нѣсколько сутокъ увидѣла передъ собой бѣлую колокольню села Мартынова. Многіе изъ нихъ вспомнили о Макарьѣ, но у Никитича заняло сердце при воспоминаніи о землякѣ.

Въ селѣ былъ базарный день; бурлаки сговорились пристать и запастись съѣстнымъ; лодка причалила. Никитичъ задумалъ провѣдать, что случилось съ старикомъ Макаромъ, сошелъ на берегъ, но не зналъ къ кому обратиться. Первый попавшійся мужикъ отвѣчалъ на его вопросъ, что онъ не знаетъ; «что хворыхъ бурлаковъ съ судовъ ссаживаютъ зачастую; что иныхъ отправляютъ въ городъ въ лазаретъ, а другіе умираютъ; а Богъ ихъ знаетъ, чьи они и откуда?» а лучше надобно о томъ спросить сотскаго. Бурлакъ спросилъ, гдѣ найти сотскаго?

— А вонъ, родимый, изба-то его, что конь — всѣхъ выше, отвѣчалъ мужичокъ, показавъ рукою вдоль улицы: да его теперь дома, я чаю, нѣтъ, а толкается гдѣ-нибудь на базарѣ.

При такихъ неудовлетворительныхъ отвѣтахъ, Никитичъ надумалъ идти къ священнику и справиться у него; но нечаянно натолкнулся на продавца съ лаптями. Взглянувъ на свои лапти, ожидающіе немедленной смѣны, онъ принялся торговать двѣ новыя пары; тутъ же торговала лапти старуха.

— Ужь уступи, уступи, родимый, возьми десять-то копѣечекъ (ассигнаціями), говорила она убѣдительно: вѣдь для покойника покупаю.

— Вотъ эти возьми, бабка. Баешь для покойнаго, такъ ничего, не износить, за эвти и десять возьму, сказалъ продавецъ, показывая другую пару.

— Што ты меня тѣмъ *поштуешь*, что непригодно; ты мнѣ вонъ тѣ уступи, возразила покупщица. А право и усту-

пить-то не грѣхъ: покойникъ-то хоть бы здѣшній былъ, а то чужестранный бурлакъ, — ни роду, ни племени.

— Рази у васъ на селѣ бурлакъ померъ? спросилъ, прислушиваясь, Никитичъ.

— Бурлакъ, родимой мой; съ Троицы маялся сердечной, а только утро-сь Господь прибралъ, — отвѣчала словоохотливая старуха.

— Съ Троицы, бабушка, ты говоришь? Откудова-же онъ?

— Господь его вѣдаетъ; больно пздалека. Пашпортъ съ нимъ; въ пашпортѣ, чай, написано отколъ. Ссадили сердечнаго ночью подъ селомъ. Сначала-было и полегчало, а тамъ и скрутило. Ужъ видно предѣлъ такой! заключила старушка.

— А какъ его звали? спросилъ тревожно бурлакъ.

— Макаромъ, родимой мой, Макаромъ. Не молодой ужъ былъ, царство ему небесное!

— Такъ и есть, онъ! Сердечный, дѣдушка Макаръ! воскликнулъ, со слезами на глазахъ, Никитичъ. Царство небесное!... Немного я не засталъ. Ты, бабушка, говоришь, утромъ?..

— Да, утромъ отошелъ. А ты, родимой, развѣ его знавалъ? — спросила старуха.

— Какъ-же не знать-то! Землячокъ мой былъ, и еще сродственникъ... Гдѣ онъ, сердечный, хоть бы проститься съ нимъ.

Никитичъ, не торгуясь, купилъ лапотки своему усопшему земляку, и послѣдовалъ за знакомою намъ Малафѣевой въ ея избушку.

На передней лавкѣ лежалъ покойникъ, въ чистой рубахѣ, прикрытый холстомъ. Въ головахъ у него тускло теплилась лампадка передъ мѣднымъ распятіемъ.

Никитичъ войдя перекрестился, поклонился въ землю и заплакалъ.

— Дѣдушка Макаръ, родимый! Еще Богъ привелъ хоть мертваго-то тебя повидать... проговорилъ онъ, утирая глаза рукавомъ: а старуха-то, сердечная, чай ждетъ тебя, и вотъ вѣсточка придетъ, что тебя и въ живыхъ нѣтъ!

Затѣмъ онъ далъ Малафѣевѣ на свѣчки, отъ своихъ

трудоуыхъ грошей, и поспѣшно оставилъ избушку бобылки; свѣтъ и разговаривать долго было некогда, товарищи не ждали.

— Ну, что, отыскалъ дѣда? куда онъ дѣвался? спрашивали бурлаки, когда Никитичъ воротился къ лодкѣ.

— Приказалъ дѣдъ вамъ всѣмъ, ребята, долго жить, отвѣтилъ онъ.

— Царство небесное! воскликнула, крестясь, вся толпа, кромѣ чувашей.

— Ну что? какъ? гдѣ? слышались затѣмъ вопросы.

— Да здѣсь на селѣ, еще не похороненъ лежитъ. Сейчас попрощался съ нимъ, — пояснилъ Никитичъ, садясь въ лодку.

Лодка отвалила.

VII.

Петръ Васильичъ сдержалъ слово и исполнилъ свое желаніе, потому что, спустя немного дней послѣ суматохи, въ дѣтской, въ домѣ Отрубеуыхъ появился высокій, сѣдой и молчаливый лакей, съ краснымъ обрюзглымъ лицомъ, въ корпичевомъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Это былъ Исай Агѣичъ, дядька Ѳеи, на котораго Наталья Ивановна очень неласково поглядывала, но, не смѣя прекословить мужу, немедленно для сына и новаго слуги приказала приготовить комнату на антресоляхъ, возлѣ комнаты Павла Петровича. Много было слезъ у Ѳеи при разставаньи съ своей старой няней, много было причетовъ у Михайловны, которая изъ дѣтской переселилась на кухню и проклинала няньку Ѳедору, будто-бы виновницу этой горькой для нея переменѣны, вѣроятно не смѣя никого болѣе обвинять вслухъ.

Агѣичъ называлъ Наталью Ивановну барынею (на что она сердилась) и смотрѣлъ свысока на всю прочую прислугу.

— Ну, что онъ за фря такая? говорилъ за столомъ въ кухнѣ Тимофей: что галстухъ-то бѣлый! Такъ что-жъ, вотъ ѡдетъ хозяиня именинникъ и я не хуже его подфоршусь... А ужъ что у него да на немъ! Такъ только фракъ-то,

братцы, и есть; и подъ бокомъ, и въ головахъ, и сверху — все тотъ же фракъ; дядька — одно званіе. Развѣ я не съумѣлъ бы, что-ль, эдакъ-то ходить за Ѳедоромъ Петровичемъ? Съумѣлъ бы, небось, кабы приказали...

— Ужъ и не говори, родной, Тимофеюшка! задрезжала нянька Михайловна: ничего, ничего нѣтъ въ немъ хорошаго, такъ вотъ Петру Васильичу меня-то горемычную хотѣлось обидѣть — больше ничего. Ужъ я-ли имъ, кажется, не служила, ну теперъ вдругъ безъ вины виновата стала: отняли у меня моего соколика, Ѳедора Петровича, котораго я вывнучила, да выводила безъ всякаго изъяна. А все Ѳедора виновата! все она на меня хозяевамъ наговаривала! Ну, Богъ ей судья!.. Старуха плакала. — Вчерась идетъ, мой голубчикъ, Ѳединька по двору съ дядькою-то своимъ, увидѣлъ меня, какъ бросится, за шею мнѣ уцѣпился. Слезы меня прошибли; а онъ, злодѣй, за ручку его какъ отдернетъ отъ меня, — не приказано, говорить, вамъ съ нянькою находиться; а не то, говорить, папенькѣ скажу, — и увелъ моего сокола-то отъ меня. А я выла, выла, и выть не знала какъ.

— Свысока глядитъ на нашего брата, нечего говорить, сказалъ Тимофей.

— Ужъ нечего, рано, рано зазнался противъ своего брата. А самъ-то развѣ не такой-же холопъ? — кричала хоромъ честная компанія.

— Пойдите, ужъ не одобровать же ему здѣсь! не долго наvertятся!.. Знаю я одинъ секретъ; поймаю-же я его на удочку... молвилъ глубокомысленно Тимофей.

— И подѣломъ, и подѣломъ! задрезжала нянька. Въ шею-бы его, злодѣя, родной Тимофей Никифорычъ.

— А вотъ повидимъ; штука есть... Пожалуй, открою всѣмъ!

— Что, что? вскричали всѣ.

— Да просто на-просто услышалъ я отъ него давеча, сиволадемъ больно разить... Ну, ребята, не зѣвай, подстерегай, кто какъ умѣетъ... заключилъ Тимофей, и вслѣдъ затѣмъ всѣ голоса рѣшили: изгнать, во что бы то ни стало, поваго пришельца, неумѣвшаго или нехотѣвшаго сблизиться съ ними.

Прошла недѣля, другая; Исай Агѣичъ сдѣлалъ привычку засыпать послѣ обѣда мертвымъ сномъ, чему Оеда былъ очень радъ и не сказывалъ о томъ матери, потому что въ это время приходила къ нему Михайловна, отъ которой мальчикъ не могъ отвыкнуть и сидѣла съ нимъ часа два. Если же Наталья Ивановна ложилась послѣ обѣда отдыхать, то нянька уводила его въ кухню, гдѣ онъ со Степкой пускался на всѣ возможные шалости.

Между тѣмъ Тимофей, зорко смотрѣвшій за дядькою, которому завидовалъ, однажды, стоя у воротъ, замѣтилъ, отъ послѣдній вышелъ изъ сосѣдней штофной лавочки, не совсѣмъ твердою поступью. Проходя въ ворота, какъ-то особенно громко сопѣлъ. Тимофей послѣдовалъ за нимъ наверхъ и видѣлъ, какъ Агѣичъ что-то сунулъ въ коридоръ за пустой сундукъ; когда дядька ушелъ въ комнату, старожилъ-слуга осмотрѣлъ: за сундукомъ былъ полуштофъ водки.

Наступалъ уже вечеръ; Павелъ Петровичъ возвратился изъ лавки; отца и матери не было. Онъ, по обыкновенію, зашелъ въ комнату Оеди и видѣлъ, что мальчикъ вырѣзалъ мужичка изъ бумаги, а дядька сидѣлъ, облокотившись на окно. При входѣ Павла Петровича, онъ едва привсталъ со стула и на вопросы отвѣчалъ какими-то неясными звуками. Молодой Отрубевъ замѣтилъ, что лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго.

— Здравь-ли ты, Агѣичъ? спросилъ молодой хозяинъ. Дядька отвѣчалъ, что у него голова очинно болитъ и увелъ Оедию къ себѣ, чтобъ поиграть съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ Павелъ Петровичъ, услышавъ въ Оединой комнатѣ стукъ, и поспѣшно войдя туда, увидѣлъ опрокинутый стулъ, и Агѣича лежащаго на полу безъ чувствъ. Молодой Отрубевъ нестолово зазвонилъ въ колокольчикъ, проведенный съ верха въ кухню. Явился Тимофей и вслѣдъ за нимъ горничная и нянька Михайловна, постоянно заботящаяся о томъ, чтобъ не случилось чего съ ея дорогимъ Оедо-ромъ Петровичемъ.

— Тимофей, бѣги сейчасъ за фельдшеромъ! видишь, съ Агѣичемъ ударъ. Любашка, ступай въ спальню къ маменькѣ; тамъ долженъ быть гдѣ-нибудь нашатырный спиртъ. Да

что стойте! подайте хоть укусу!... говорилъ Павелъ Петровичъ, ошупывая голову и-грудь дядьки. Тимофей, развяжи ему поскорѣй галстухъ.

— Галстухъ? ужъ извѣстно галстухъ-то надобно развязать, а до *фершала*-то и прочаго инаго, я чаю, не дойдетъ. Вотъ я вылью ему на башку ведро колодезной воды, такъ не бойтесь, очнется... сказалъ Тимофей, не-хотя принимаясь развязывать галстухъ Агѣича. А еще въ комнатахъ живетъ! еще хозяйское дитя поручено, этакому свиньѣ! Ужъ позвольте, Павелъ Петровичъ, его на кухню стащить, а-то правое, не хорошо-съ... вѣдь онъ ужъ какъ есть свинья безчувственная-съ...

— Ты съ ума сошелъ, Тимофей!.. За что ты ругаешь его? сказалъ Павелъ Петровичъ.

— Еще-бы не ругать, — досада беретъ, судырь. Ужъ позвольте намъ общими силами стащить его отсюда-съ? Стоялъ на своемъ Тимофей.

— Тамъ послѣ; а теперь... Да чтожъ Любашка! Я вѣрно не тебѣ говорю, чтобы ты шла за спиртомъ,—оборотился хозяинъ къ горничной, которая не трогалась съ мѣста.

— Помилуйте, Павелъ Петровичъ, — да к чему ему спиртъ-то? Никифорычъ правду сказалъ, что его, окаяннаго, водою отливать надобно, замѣтила злобно старая нянька.

— Отчего вы не слушаетесь, когда вамъ приказываютъ?.. Ступайте всѣ, куда велятъ!... почти вскричалъ Павелъ Петровичъ, выходя изъ себя: Вы просто всѣ съ ума сошли!...

— Никакъ-нѣтъ-съ, мы всѣ, судырь, въ умѣ, а вотъ Исай-то Агѣичъ, такъ всѣмъ дурману въ глаза напустилъ; подите-ка, какъ отговаривался, когда ваша мменька впервые рюмку ему поднести приказали: не пью-молъ, хмѣльнаго въ ротъ не беру, а теперь какъ налопался. Этакое животное! Ну, вставай что-ли, бревно! Въ хлѣвъ тебя стащить, больше не стойшь!—говорилъ Тимофей, поднимая за плечи еле-дышущаго дядьку, голова котораго качалась то въ ту, то въ другую сторону.

— Что это такое!.. Тимофей! неужели онъ пьянъ? спросилъ въ недоумѣннн Павелъ Петровичъ.

Еще-бы! Развѣ вы не изволите видѣть, вонъ давеча по-

луштофъ прпнесъ, а теперь въ немъ ни капли; значить весь выцѣдиль.... Ну, вставай!... Но вопреки понукавьямъ Тимофея, Агѣичъ не только встать, не могъ и пошевелиться.

— Умреть безъ покаянія проклятый; долго-ли до бѣды. Любашка, принеси ведро, дребезжала Михайловна, суетяся и проклиная дядьку.

Горничная убѣжала и вмгъ явилась съ ведромъ колодезной воды. Павелъ Петровичъ не спорилъ болѣе съ прислугою, но только просилъ, чтобъ какими-нибудь средствами привела Агѣича въ чувство.

Между тѣмъ старшіе хозяева возвратились и прямо попали на сцену, какъ Тимофей съ женщинами тащили Агѣича внизъ, всего мокраго, и едва шевеливагося. Павелъ Петровичъ, стоя наверху, слѣдилъ за ними, чтобъ они его не ушибли; а Федя, перевѣсивъ голову черезъ перила, дразнилъ языкомъ Степку, который внизу прыгалъ на одной ногѣ и билъ въ ладоши, смотря на растрепаннаго дядьку.

— Что это значитъ!.. вскричалъ удивленный Петръ Васильичъ.

— Что случилось? спросила въ испугѣ Наталья Ивановна.

— Ничего-съ; такъ маленько охмѣлѣли-съ, отвѣчалъ улымаявшійся Тимофей.

— Какъ? Агѣичъ пьянъ! Да правда-ли это? повторилъ хозяинъ.

— Ужъ и какъ-же не правда, Петръ Васильичъ! задрезжала старая нянька, поддерживая голову Агѣича. Да онъ, злодѣй, долженъ вѣкъ-по-вѣки Бога молить за Павла Петровича; кабы не онъ, мой соколикъ, да мы не подоспѣли на помощь, такъ сгнулъ-бы, пьяница проклятый, издохъ безъ покаянія, вотъ до чего нарѣзлся... Цѣлое ведро воды на него вылили.

— Вотъ и дядька! — проговорила Наталья Ивановна.

— Ужели въ самомъ дѣлѣ? спросилъ опять хозяинъ, окончательно выходя изъ себя. Правда, Паша?...

— Точно такъ-съ, паненка-съ, отвѣчалъ сверху сынъ.

— Ей-Богу-съ, примолвилъ Тимофей: да вотъ я его въ хѣвъ, лучше отрезвится, фронтъ-баронтъ.

— Вотъ и дядька хваленый! сказала опять, покачавъ головою, Наталья Ивановна.

— Ужъ не говори, сударыня!.. пристала Михайловна. Этакой злодѣй при Оединкѣ-то находился! жалость, подумашь.

Но раздосадованный Петръ Васильчъ, не сказавъ болѣе ни слова, пошелъ въ комнаты.

Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза въ прихожей, была странница Марья Степановна, или, какъ она себя называла, сестра Мамельфа.

— Ты зачѣмъ? спросилъ строго Петръ Васильчъ, не зная на комъ взорвать сердце.

— Я, батюшка, къ твоей благовѣрной супругѣ, отвѣчала съ поклономъ странница, не робѣя нисколько.

— Зачѣмъ тебѣ нужна моя супруга? и какъ это... Эй, Любанка! кто смѣетъ пускать сюда всякихъ побродягъ, когда хозяевъ дома нѣтъ! вскричалъ сердито хозяинъ.

— Зачѣмъ, батюшка, обижать смиренную рабу Божию, говорила параспѣвъ странница, — врагу мѣсто давать въ своемъ сердцѣ; я, я не тебя, батюшка, пришла безнокотъ, а говорю, что твою супругу пожелала посѣтить...

— Слышишь, сударыня!.. обратился Отрубевъ къ стоявшей позади себя женѣ, и чувствовавшей, что теперь разразится буря, — чтобъ это посѣщеніе было послѣднее! Да, я забылъ сказать тебѣ, что случилось съ странниками, которыхъ захватили у Саламатиныхъ: дѣвку выпороли розгами, и возвратили ее барину, Ильѣ Епифавычу, а юродивый оказался непомнящимъ родства бродягою, и его посадили въ острогъ. И такъ я тебѣ окончательно запрещаю принимать къ себѣ этихъ скотовъ, какова-бы роду и званія они ни были, и теперь прошу выпроводить эту незваную гостью. Петръ Васильчъ пошелъ въ спальню.

Наталья Ивановна, очень встревоженная, и, не желая еще болѣе раздражать мужа, дѣлала знаки Марьѣ Степановнѣ, чтобъ она вышла вонъ.

— Добрая моя, возлюбленная моя, говорила, нисколько неструсившая отъ словъ хозяина, сестра Мамельфа, я иду,

на-дняхъ, во святой Кіевъ, да благословитъ Богъ путь мой!.. Пришла я за обѣщаннымъ тобою...

— Ради Бога пойдѣмъ отсюда, Марья Степановна!—говорила дрожащимъ голосомъ Наталья Ивановна, отворивъ дверь въ коридоръ, и почти силою выталкивая туда странницу.

— Какая Марья Степановна,—сестра Мамельфа, твердила послѣдняя.

— Ну, хоть сестра Мамельфа... Подожди ты меня внизу у лѣстницы; я сейчасъ сойду... — сказала Наталья Ивановна. Затѣмъ, обратясь въ спальню, отыскала обѣщанную черную матерію на ряску странницъ, набрала рублей тридцать (ассигнаціями) и снесла ей. Прощаясь и извиняясь, сказала ей: что она болѣе видѣть ее у себя не можетъ, потому что не хочетъ сдѣлать противное воли мужа, и поспѣшила на верхъ.

— Все врагъ, все врагъ лукавый, воздвигаетъ гоненія на людей благочестивыхъ и дѣлаетъ препоны ихъ желаніямъ, разсуждала сестра Мамельфа, выходя за ворота.

— Опять-таки явилась! и гдѣ она пролѣзла? говорила горничная, завидя странницу, и потомъ вскричала ей вслѣдъ: Улепетывай поскорѣй до грѣха, смотри хозяйнѣ дома!..

Сестра Мамельфа смѣло показала горничной кулакъ, и, проворчавъ бранное слово, принялась на улицѣ считать дадныя Отрубевой деньги.

— Тридцать, только тридцать, этакая безстыжая! а еще богачиха!... вѣдь я просила пятьдесятъ, вотъ.... А вѣдь называются добрыми людьми!..

И долго еще ворчала она благодарность Натальѣ Ивановнѣ, въ родѣ вышеприведенной, покуда скрылась за уголъ.

На другой день Петръ Васильчъ дѣлалъ допросы отрезвпшемуся дядкѣ; причѣмъ Тимофей привнесъ, какъ явную улику, пустой полуштофъ. И важный Исая Агѣичъ, пристыженный, уничиженный и даже не защищавшійся, былъ изгнанъ съ позоромъ, ко всеобщему удовольствію служителей и служанокъ Отрубева дома. На мѣсто Агѣича приставленъ былъ къ Оедѣ, въ качествѣ дядки, Тимофей, къ немалому восхищенію послѣдняго. Предварительно ему было приказано

хорошенько выбриться и вымыться; затѣмъ ему былъ пожалованъ старый сюртукъ Петра Васильича; затѣмъ послѣдовалъ приказъ не отходить отъ мальчика. Дѣло пошло отлично. Когда новому дядкѣ прискучивало сидѣть съ Ѳедей, и онъ хотѣлъ помочь въ конюшнѣ кучеру, или посидѣть за воротами, онъ вопреки приказу хозяина, съ рукъ на руки сдавалъ его Михайловнѣ, за что послѣдняя была ему очень благодарна.

Однажды Отрубевы, мужъ и жена, сидѣли въ спальнѣ. Наталья Ивановна, нѣсколько надувшись, глядѣла въ окно; Петръ Васильичъ нахмуривъ брови, перебиралъ какую-то книгу.

— Хоть сердись, хоть нѣтъ, сказалъ онъ помолчавъ, а ты по родству очень смахиваешь на свою сестрицу Катерину Васильевну...

— Обижай, мой другъ, коли тебѣ угодно, а все-таки я ничего такого не сдѣлала, и даже не сказала, надъ чѣмъ бы слѣдовало смѣяться; я хотѣла сдѣлать доброе дѣло, да и все тутъ; пусть бѣдные люди за насъ Бога молятъ, — проговорила супруга дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Кто-же тебѣ не велитъ! Развѣ я запрещаю?...

— Развѣ я запрещаю, — говоришь, а самъ!... —

— Что самъ? Я только говорю, что не хочу изъ своего дома Маврину дочь выдавать; вотъ и все...

— Что-жь, — развѣ этотъ случай безчестье принесетъ нашему дому? сказала съ замѣтною досадою жена.

— Безчестья никакого, да и чести большой не сдѣлаешь, отвѣчалъ Петръ Васильичъ. Онъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, закинувъ руки назадъ, и остановившись передъ супругою продолжалъ:

— Ты, я вижу, забрала себѣ въ голову одно, и тебѣ хочется на своемъ поставить, — ну, скажи-же, ради Бога, чего ты хочешь? ѣхать за невѣстой свахою? Угощать этихъ слесарей, столяровъ, маляровъ?

— Петръ Васильичъ, перебила Наталья Ивановна, развѣ всѣ они не такіе-же люди, какъ и мы? Чѣмъ мы гордимся? Наги родились, наги и умремъ.

— Вонъ какъ! воскликнулъ засмѣявшись невольно Отру-

бевъ. Что это, матушка! не брала ли ты уроковъ у Петра Иваныча? Тотъ сыплеть текстами, и ты тоже начинаешь по-маленьку. Однако, подумай-ка, вся эта честная компанія въ нашемъ домѣ будетъ связана, задшевнаго веселья на-распашку между ними быть не можетъ, наше присутствіе ихъ стѣснить до-нельзя; а въ домѣ Мавры все будетъ въ своей тарелкѣ... Ну что, развѣ я не правду говорю?

— Положимъ, что и такъ, проговорила Наталья Ивановна, но послѣ этого ты пожалуй не прикажешь и къ нимъ мнѣ ѣхать?

— Безъ всякаго сомнѣнія! сказалъ Петръ Васильчъ утвердительно. Да и что ты тамъ будешь дѣлать? До-пьяна ты съ этими гостями не напьешься, въ чемъ я совершенно увѣренъ, — пѣсни пѣть и плясать съ ними не будешь, и только всѣ будутъ совѣститься Наталью Ивановны Отрубевой, всѣ будутъ на-вытяжку, и больше ничего, что помѣшаешь...

— Однако, Петръ Васильчъ, все-же я обѣщала Маврѣ помочь...

— Помоги; я думаю, у тебя сундуки съ тряпьемъ ломаются?..

— Не то, мой другъ, — тутъ нужно и кромѣ тряпья; дѣло свадебное.

— Ну пошли имъ съѣстнаго, вина, всего, чего хочешь.

— Мнѣ-бы нужно денегъ, Петръ Васильчъ, произнесла не смѣло жена.

— Денегъ! а на что?

— Да мало-ль на что; я хотѣла новенькое платьѣ невѣстѣ, салопъ...

— Отдай свой старый.

— Старый! Ну все-же бы лучше, хоть и не дорогой, да нов...

— Отдай свой хорошій, отдай что хочешь, только денегъ не проси, теперь нѣтъ... вскричалъ отрывисто Отрубевъ, и принялся опять ходить по комнатѣ.

Наталья Ивановна замолчала, но, видя, что мужъ не много успокоился и сѣлъ, опять начала:

— Я не много прошу... сказала она робко.

— Ахъ, какая безотвязная женщина! вскричалъ запаль-

чиво Петръ Васильичъ и вскочилъ съ мѣста. Ну, бери тамъ у Малова, что тебѣ нужно, на счетъ... Я тебѣ говорю, что денегъ нѣтъ, деньги нужны...

— Господи, Боже мой! На свои прихоти такъ тысячь не жалѣемъ, а тутъ... прошптала Наталья Ивановна, по взглянувъ на вспыхнувшее лице мужа, который услышалъ этотъ шопоть, смолкла. У Петра Васильевича уже готово было вырваться рѣзкое слово, но онъ удержался, молча подошелъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по стеклу. Успокоясь немного, онъ спросилъ, не глядя впрочемъ на супругу:

— Сколько тебѣ надобно?

Она не отвѣчала.

— Я тебя, сударыня, спрашиваю, сколько тебѣ нужно?

— Да еслибы, рубликовъ двѣсти (ассигнаціями), то и было бы, сказала не смѣло Наталья Ивановна.

Отрубевъ, не сказавъ ни слова, вышелъ и поднялся на антресоли въ комнату сына.

Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ Павла Петровича въ странномъ положеніи, сидящаго на-корточкахъ и всунувшаго голову въ печку.

— Ба! опять табакъ! Смотри, Павелъ, я не желаю тебя въ другой разъ застать въ этой шалости! я не хочу, чтобъ ты куришь! Мать тебя проситъ, чтобъ ты бросилъ эту глупость, потому что ты еще молодъ, слабъ, можно получить грудную боль; а ты обоихъ насъ слушать не хочешь, и дѣлаешь себѣ большой вредъ... говорилъ Петръ Васильичъ сыну, который, увидѣвъ вошедшаго отца, вскочилъ на ноги, спряталъ подъ халатъ трубку, покраснѣвъ какъ ракъ и потупивъ глаза неподвижно и молчалъ.

— Ну, кассиръ! вынька денегъ.... примолвилъ отецъ, бросивъ ключъ на столъ, и сядя на кровати сына.

Павелъ Петровичъ сунулъ трубку въ печку, робко взялъ ключъ и пошелъ къ конторкѣ.

Надобно сказать, что, между разною мебелью, въ комнатѣ молодаго Отрубева находилась конторка, за которой отецъ и сынъ сводили свои торговые счеты; въ ея нижнихъ ящикахъ находились деньги.

— Сколько прикажете, папенька-съ? спросилъ сынъ, отпывая одинъ изъ ящиковъ.

— Вынь двѣсти рублей ассигнаціями, и снеси къ матери, сказалъ Петръ Васильичъ. Пристала ко мнѣ сегодня безотвязно, — ишь, милосердіе напало, Маврину дочь хлопочетъ замужъ выдать, а того не знаетъ, что.... что касса наша пустьетъ съ каждымъ днемъ.... Охъ, тяжелое время!...

— Какъ-же ей не пустьтъ-съ, на приходъ не сокращается-съ, отвѣчалъ сынъ, считая ассигнаціи.

— Да, братъ, Паша. А тутъ мать пристаеетъ — того не знаетъ, что теперь каждая сотня, каждой десятокъ дорогъ... Цѣны на хлѣбъ и на кожу упали, говорилъ въ-раздумьи отецъ.

— Что-жъ, папенька-съ, вѣдь маменькѣ можно-бы было в отказать-съ.

— О! сохрани Богъ! ты у меня смотри, не смѣй ей ничего говорить! и не зайкайся! я не хочу, чтобъ она прежде времени тосковала, да плакала, слышишь? Отнеси ей деньги, двѣсти рублей насъ не разорять; а тамъ что Богъ дастъ....

— Очень хорошо-съ. Павелъ Петровичъ пошелъ уже къ дверямъ, но воротился.

— Папенька-съ, простите-съ, я забылъ вамъ доложить-съ, давеча Чернухинъ два раза безъ васъ въ лавку заходилъ-съ, хочетъ васъ повидѣть-съ, сказалъ онъ.

— Охъ, да! сроки приходятъ.... онъ разбойникъ первой закопошился. Однако надобно къ нему съѣздить, авось уломаю, вексель перенишетъ. Говорятъ, шельма, что деньги въ ломбардъ хочетъ класть. Сбудется это отъ него! Ужъ вѣроятно хочетъ съ кого-нибудь содрать проценты еще побольше, чѣмъ съ меня!... проговорилъ Петръ Васильичъ. Паша, прикажи-ка, чтобъ заложили вороную съ отмѣтною въ дрожки; я хочу теперь-же къ Чернухину съѣздить.

— Мнѣ бы только уломать этого жпда-Чернухина, а тамъ.... Надобно спросить Алексѣя Алексѣича, что ему пишутъ изъ Питера; какія цѣны на хлѣбъ. И комисіонеръ мой молчать, насчетъ кожевеннаго товара; тифника съ кожей должна быть теперь около Твери... И отъ Петра изъ

Рыбной ничего не слышать; всё замолчали.... Разсуждалъ самъ съ собою Петръ Васильчъ по уходѣ сына. Эй, Одея! поди сюда! вскричалъ онъ, постучавъ въ стѣну. Мальчикъ, въ сопровожденіи Тимофея, пришелъ на зовъ отца.

Никогда Петръ Васильчъ не былъ такъ ласковъ съ своимъ маленькимъ сыномъ; онъ ласково спрашивалъ его объ урокахъ, общалъ ему купить игрушку, и поцѣловавъ его въ голову, приказалъ идти внизъ и просить у матери гостинца. Накопецъ вошелъ Павелъ Петровичъ и доложилъ отцу, что лошадь готова.

Не прошло еще и часа по отъѣздѣ Отрубева, какъ въ спальню Натальи Ивановны вошелъ старшій сынъ, блѣдный какъ полотно.

— Маменька, голубушка, ради Бога не пугайтесь.... успокойтесь, прошу васъ.... говорилъ онъ, схвативъ мать за руку.

— Что такое, Пашенька, другъ мой, что сдѣлалось? спрашивала она въ испугѣ! Одея! Фисонька! да говори-же?

— Папенька-съ?...

— Что папенька?... говори, говори!

— Папенька упалъ съ дрожекъ, такъ немного-съ....

Не успѣла Наталья Ивановна встать съ мѣста, какъ Тимофей и какой-то незнакомый ввели Петра Васильча подъ руки, блѣднаго и стонущаго.

— Другъ мой! что ты? вскричала жена.

— Ничего, Наташа, не пугайся.... Охъ! бокъ больно!... Лошадь проклятая.... взбѣсилась.... охъ! Петръ Васильчъ со стономъ повалился на постель.

— Вотъ какихъ вороговъ купилъ! звѣри-то звѣри и есть, землю дерутъ, страхъ! вскричала съ жалобнымъ упрекомъ жена.

Изъ разсказа незнакомца Наталья Ивановна узнала, что застоявшаяся лошадь, съ перваго раза, понесла хозяина, какъ стрѣла. Кучеръ свалился, Петръ Васильчъ самъ успѣлъ подобрать возки, и хотѣлъ ее упереть въ заборъ, но она, закинувъ голову, круто повернула въ сторону, и опрокинула дрожки. Отъ этого толчка хозяина сбросило бокомъ на фонарный столбъ. Съ раздутыми поздюми, съ на-

литыми кровью глазами, съ бьющимися сзади сломанными дрожками, лошадь быстро умчалась; но на площади ее схватилъ проѣзжавшій случайно конный жандармъ.

Петръ Васильичъ не переставалъ стонать отъ боли въ боку. Послали за докторомъ.

Матвѣй Ивановичъ (имя доктора) немедленно явился.

Это былъ высокій, черноватый добрякъ-малороссіянинъ, хирургъ и акушеръ, лечившій по большей части изъ любви къ ближнему, чѣмъ изъ корысти или награды земныхъ, любимыхъ городомъ, и при огромной практикѣ не приобрѣвшій себѣ ничего. Онъ успѣшно оцупалъ больного, и послалъ за фельдшеромъ, чтобъ поставить пиявки къ боку Петра Васильича.

— Знаете, Наталья Ивановна, какую штуку сыграла со мною Пелагея Андреевна Добрецова, сказалъ докторъ хозянкѣ, когда больной успокоился, — присылаетъ за мною: ей повадился акушеръ. Я бѣгу, лечу.... что-жь она, вы думаете? нѣтъ, говоритъ, Матвѣй Ивановичъ, мнѣ акушеръ не пужень, зачѣмъ мнѣ, говоритъ, акушеръ? Каково! я, говорить, здорова. Представьте мое положеніе, а вѣдь прислала же. Ну, да хорошо, что я ящикъ съ инструментами позабылъ взять, а то.... мое почтеніе, она-бы, голубушка, отъ меня не отдѣлалась.... да! А отчего? Все отъ невѣжества это происходитъ.

Наталья Ивановна съ недоумѣніемъ смотрѣла на доктора.

— Что-жь съ ней сдѣлалось? спросила она.

— Обыкновенно что дѣлается, когда женщина послѣднюю пору....

— Помилуйте, Матвѣй Ивановичъ, что вы говорите? воскликнула Отрубева, невольно улыбаясь; Пелагеѣ Андреевнѣ безъ-мала семьдесятъ лѣтъ; она вдова....

— Ничего, сударыня, что вдова.... я васъ честию увѣрю.... продолжалъ докторъ. А отчего? Все отъ невѣжества.... жаль, что инструментовъ не было....

Наталья Ивановна снова посмотрѣла на доктора съ недоумѣніемъ. Найдя неумѣстнымъ у постели больного мужа спорить съ докторомъ, она заключила, что вѣрно не о той

онъ думаетъ, хотя - Матвѣй Иванычъ и божится, что Добрецову онъ знаетъ, какъ свои пять пальцевъ.

На другой день Отрубевъ чувствовалъ едва замѣтную боль въ боку, и только большую слабость во всемъ тѣлѣ отъ испуга.

Къ Натальѣ Ивановнѣ пришла торговка Авдотья Петровна.

— Ну, сударыня вы моя, Наталья Ивановна, говорила послѣдняя: ужъ что вы хотите, а ни женпхъ, ни мать его, не хотятъ другой свахи посылать, земно кланяются; меня просятъ, чтобъ я съ вашей милостью переговорила; знать, придется на-старости грѣха укусить. Чтожь я, безъ всякаго, моя матушка, хваствовства скажу, невѣста жениху больно полюбилась....

— Все это хорошо, Авдотья Петровна; сходи завтра къ Маврѣ Григорьевнѣ. Роспись я напишу, и ей вечеромъ пошлю; а ей отъ меня скажи: чтобъ дочь отдавала за этого жениха, и тамъ улаживайте, какъ знаете. Насчетъ сговорокъ, пусть Мавра ко мнѣ побываетъ, и все забираетъ, что я Дашѣ приготовила, сказала хозяйка.

— Награди васъ Господи, воздай сторично, что вы сироту нашли своей милостью!... — молвила со слезами на глазахъ разстроганная торговка. — Ну что, сударыня, говорятъ Петрѣ-то Васильичъ?...

— Да лошадь ушибла; сегодня лучше.

— Не даромъ говорятъ, что лошадь ворогъ, — замѣтила Авдотья Петровна! — «А вы давно не были, сударыня, у Саламативныхъ?...»

— Давно не была; а что такое?

— Да объ нихъ слухи больно худые прошли, — сказала торговка, наклонясь къ уху хозяйки и прищуривъ лукаво свой карій блестящій глазъ. — Говорятъ, сударыня вы моя, — приходитъ къ Катеринѣ Васильевнѣ будто какой-то офицеръ, и прямо говорить: такъ и такъ дескать отдайте за меня вашу дочь Софью Алексѣвну.... Мать и туда и сюда замѣталась; — какъ, говорить, вы смѣли? мои дочери, говорить, готовятся въ монастырь. А онъ свое, спросите дескать при мнѣ вашу дочку, что она скажетъ; вы, говорить,

ихъ силою хорите въ монастырь запрятать. Благась, благась Катерина Васильевна, дѣлать нечего — позвала дочку, а она и съ того и съ сего, видно ужь давно было слажено.... я, говоритъ, маленька иду за него. Старуха такъ и упала за-мертво. Ну, покуда ее оттерли, офицеръ все дожидается, и когда очнулась, онъ опять присталъ съ своей просьбой: Какъ закричитъ-дескать Катерина Васильевна, значить изъ себя вышла.... «вошь!» говоритъ, «я своихъ дочерей монашеской жизни обрекла, и завтра-же-дескать ихъ не будетъ здѣсь».

— Алексѣй Алексѣичъ не знаетъ что дѣлать, чуть не плачотъ: и дочери-то жаль ему, и жену-то прогнѣвить не смѣетъ, такъ и вѣтся какъ змѣя, да офицера-то упрямиваетъ, чтобъ вошь выщелъ. Офицеръ-то тоже, вѣрно, ужо; подумайте, говоритъ, сударыня; даю вамъ три дня сроку; а если не согласитесь, такъ тамъ дескать буду знать, что дѣлать; вы, говоритъ, монастыремъ не страдайте: мнѣ, говоритъ, ни что ни по чемъ, водъ землю Софью Алексѣевну не спрячете, а коли согласія добровольно не дадите, такъ на меня не пеняйте. Такъ съ тѣмъ и ушолъ.

— Отъ кого-же ты все это слышала? — спросила удивленная Наталья Ивановна, не вполне повѣрившая разсказу торговки.

— Не пересказныя рѣчи, — отвѣчала Авдотья Петровна; — я, моя сударыня, слышала сегодня на рынкѣ отъ ихней ключницы.

Отрубева покачала головой и дала себѣ слово навѣстить Саламатинныхъ завтра-же.

Авдотья Петровна, довольная тѣмъ, что первая сообщила Натальѣ Ивановнѣ такую интересную новость, пошла разсказывать ее другимъ своимъ знакомымъ.

На слѣдующій день утромъ Петръ Васильичъ собрался въ лавку, несмотря, что чувствовалъ еще боль въ боку, хотя докторъ и совѣтовалъ ему оставаться какъ можно болѣе въ спокойномъ положеніи, — какъ вдругъ доложили о приходѣ Ивана Андренча.

Петръ Васильичъ вмѣсто того, чтобъ попрощать гостя въ залу, приказалъ проводить его на антресоли въ комнату Павла Петровича.

Помянутый Иванъ Андренчъ былъ не кто иной, какъ привольскій ростовщикъ Чернухинъ. Снявъ съ себя истасканную шишелешку кофейнаго цвѣта, и сложивъ ее тщательно на стулъ возлѣ дверей, онъ, по приглашенію Павла Петровича, прошелъ на цыпочкахъ впередъ, и помѣстился на самомъ краю стула.

— Здравствуй, Иванъ Андренчъ! какъ поживаешь, какъ Богъ милуетъ? А я, братецъ ты мой, вчера къ тебѣ собрался, да лошадь проклятая подшутила; и теперь еще боку чувствительно, — говорилъ входя Петръ Васильичъ.

— Слышалъ я, слышалъ, отецъ родной! и горевалъ объ васъ! — воскликнулъ гость, поспѣшно вскакивая и чуть не бросаясь на шею хозяина.

— Этакой, подумзешь, случай несчастный! Правду говорятъ, что лошадь *ворогъ*; а ужъ ваши-то лошади, Петръ Васильичъ, сущіе звѣри. Какъ это вы ѣздите на нихъ?

— Ничего, ѣздили, Богъ миловалъ, до вчерашняго дня. Садись-ка Иванъ Андренчъ! Паша! прикажи-ка подать чаю, обратился Отрубевъ къ сыну.

— Ни, ни! не беспокойтеся другъ-пріятель; бывое дѣло! Ничего, ничего не хочу, — возразилъ гость.

— Ну, такъ водочки.

— Помялуй, отецъ родной! еще только девятый часъ; я имѣю привычку, Петръ Васильичъ, ни пить ни ѣсть до тѣхъ поръ, покуда не улажу начатаго дѣла. И такъ, почтеннѣйшій, вы человѣкъ торговый, а я человѣкъ дѣловой, безразсудно намъ обоимъ тратить драгоценное время; а посему и приступимъ къ дѣлу, — проговорилъ старый приказный и понюхалъ табаку.

— Очень хорошо; изволь, сказалъ Отрубевъ, устремивъ глаза на ростовщика и, по обыкновенію, не встрѣтивъ никакого одушевленія въ его безцвѣтныхъ глазахъ. Чернухинъ между тѣмъ откашлялся, опять понюхалъ табаку, и заговорилъ самымъ мягкимъ, задушевнымъ голосомъ, который совершенно противорѣчилъ съ его черствой наружностью.

— Другъ-пріятель, Петръ Васильичъ, конечно-съ вы помните, что моему векселю скоро срокъ.

— Помялуй, Иванъ Андренчъ, какъ не помнить; вотъ я

вчера и хотѣлъ съ тобой поговорить, что нужно переписать.... говорилъ хозяинъ, садясь.

— Нѣтъ, нѣтъ, почтениѣйшій, — перебилъ Чернухинъ, крутя головой.

— Переписывать я не намѣренъ; въ частныхъ рукахъ свой капиталъ оставлять не хочу, вознамѣрился съ божьею помощью положить въ ломбардъ; — хотя тамъ проценты не велики, за-то вѣрны, а то Богъ съ ними, съ большими-то процентами.... Потому и хотѣлъ васъ предупредить.

— Полно, Иванъ Андренчъ, будто я тебя не знаю, — станешь ты хлопотать изъ казенныхъ процентовъ! А вотъ, лучше скажи, что хочешь передать въ другія руки. — Можетъ обѣщаютъ большіе проценты, такъ это дѣло другое, проговорилъ горячо Отрубевъ.

— Ей-Богу, другъ любезный!...

— Нечего всеу имя Божіе призывать, сказалъ хозяинъ: говори лучше прямо, сколько тебѣ дають?

— Откровенно вамъ сказать, Петръ Васильчъ:— дають и двѣдцать, дають и двѣдцать пять, но я вамъ докладываю, что кромѣ казны ни съ кѣмъ не хочу дѣла имѣть....

— Вретъ несытая утроба, прошепталъ Петръ Васильчъ, и потомъ сказалъ вслухъ: послушай, Иванъ Андренчъ! ты говоришь двѣдцать пять, — развѣ это христіанскіе проценты? Вѣдь, смотри, придется умирать...

— Всѣ мы, всѣ мы умремъ, почтениѣйшій, — говорилъ Иванъ Андренчъ, и голосъ его нѣсколько не измѣнилъ ему. Однако, вотъ вы меня хотите уколотъ, обидѣть, а вы-то, Петръ Васильчъ, можетъ на мои деньги добываете и рубль на рубль, да я ничего не говорю... Однако я вамъ о своемъ намѣреніи доложилъ, а потому и приготовьте, другъ любезный, къ сроку....

Отрубевъ кашлянулъ громко и вскочилъ; онъ чувствовалъ, что у него выступилъ потъ на лбу.

— Послушай! сказалъ онъ запальчиво: ты меня, ты меня.... ставишь въ такое положеніе.... въ самое критическое.... я располагалъ не такъ.... еслибъ судно пристало здѣсь, то въ іюлѣ я-бъ раздѣлялся съ тобой сполна; а теперь.... обстоятельства заставили шпеницу послать въ Питеръ, и скоро

ли все это кончится?.. Я прошу переписать вексель на полгода; плачу тебѣ теперь двѣнадцать процентовъ и готовъ дать шатнадцать, — и если ты на это не согласенъ, то я не знаю!...

— Пойдите, любезнѣйшій Петръ Васильчъ! перебилъ ростовщикъ: зачѣмъ горячиться; и съ-чего взяли торговаться со мною? Вѣдь я въ своемъ добрѣ воленъ; я не хочу свой капиталъ оставить въ вашихъ рукахъ и за двадцать пять процентовъ.

Петръ Васильчъ съ изумленіемъ взглянулъ на ростовщика.

— Почему же, Иванъ Андреичъ?

— Хмъ! почему! Знаешь, другъ любезный, жизнь-то наша земная такая коловратная...

— Говори пожалуйста просто, молвилъ Отрубевъ съ зашпрающимъ сердцемъ.

— Когда позволяете, такъ извольте, любезный мой Петръ Васильчъ. Случилось мнѣ недавно заглянуть въ маклерскую книгу... проговорилъ Чернухинъ съ разстановкой, втягивая въ себя табакъ.

— И видѣть векселя, по которымъ я долженъ?.. сказалъ Отрубевъ, съ презрѣніемъ взглянувъ на ростовщика.

— Точно такъ, почтенный другъ.

— Такъ что жъ изъ этого? Теперь справься, не заложены ли у меня заводъ, лавки, домъ...

— Знаю, знаю, что все это не заложено. Однако, любезный Петръ Васильчъ, я вашихъ дѣлъ въ-точности не знаю. Вы закупаете хлѣбъ на пизу... Случается такъ, что имѣнія-то незаложеннаго наберется на двадцать тысячъ, а векселей-то на двѣсти тысячъ. Такъ-то, отецъ родной!

— Ты ошибаешься, Чернухинъ: Отрубевъ подсапомъ не будетъ, сказалъ Петръ Васильчъ глухимъ голосомъ и тяжело опускаясь на стулъ. — Хорошо, Иванъ Андреичъ, деньги твои будутъ готовы; я достану ихъ за двадцать пять процентовъ, только не у тебя...

Онъ облокотился на столъ и подперъ руками голову.

— Очень хорошо, почтенный другъ, очень хорошо-съ...

Счастливо оставаться... Мы еще увидимся. — Чернухинъ дошелъ до дверей. — Прощайте!

— Прощайте, отвѣтивъ за отца Павелъ Петровичъ, во все время стоявшій у окна и смотрѣвшій, какъ на дворѣ Стенка дразнилъ козла.

Петръ Васильчъ только тяжело вздохнулъ. Иванъ Андреечъ взялъ-было уже въ руки свою шинель, но опять ее бросивъ, подошелъ къ хозяину.

— Петръ Васильчъ, другъ любезный, только ради давнишняго моего съ вами знакомства, хочу по-возможности исполнить ваше желаніе. Ей-Богу, мнѣ больно васъ жалко: человѣкъ-семьянинъ просить...

— Безъ предисловія, Иванъ Андреечъ, молвайъ, вставъ быстро, Отрубевъ.

— Чтобъ намъ попустому долго не толковать, вотъ я что вамъ предложу: пожалуйста мнѣ вмѣсто векселя закладную на вашъ домикъ...

Петръ Васильчъ опять сѣлъ и мутными глазами взглянулъ на Чернухина.

— А! вотъ чего ты хочешь!

— Ничего, ничего, окромѣ обезпеченія, другъ почтенный! произнесъ Иванъ Андреечъ самымъ кроткимъ голосомъ.

— Стало-быть мнѣ ужъ не вѣрять, какъ человѣку несостоятельному, безчестному?... Лицо Петра Васильча побавровѣло.

● — Ничего, ничего такого, другъ любезный; но, знаете, нынче, говорятъ, будто умные люди безъ вѣрнаго залога капиталовъ не даютъ... значить многіе проучены... Вы не обижайтесь, Петръ Васильчъ, я это такъ попросту, по-дружески говорю; всякому простиительно пещись о своемъ добрѣ, напримѣръ: вы заботитесь о своемъ суднѣ, а я о своемъ капиталѣ... Э! суета, суета человѣческая! всѣ одинаково безнея жить не могутъ...

— Послушай, Иванъ Андреечъ! сказалъ Отрубевъ, нѣсколько подумавъ и стараясь овладѣть собой. Божусь тебѣ какъ честный человѣкъ, что еслибъ у меня было на эту сумму какихъ нибудь вещей, я бы не говорилъ ни слова передать ихъ сію же минуту въ твои руки; но домъ... ты самъ поду-

май, — залогомъ дома я подорву свой кредитъ, у меня дѣти...

— Другъ любезный, Петръ Васильчъ, кто-жь виновать, что у васъ дѣти? началъ Чернухинъ наставническимъ тономъ. У меня у самого дѣти, и я забочусь о нихъ; Богъ видитъ, какъ забочусь, сколачивая копѣйку на копѣйку. Вонъ въ какомъ сюртукѣ-то хожу! — Онъ указалъ на свой потертый и засаленный сюртукъ: — да-съ! А вы лошадокъ тысячныхъ покупаете, въ колясочкѣ разъѣзжаете; супруга ваша, примѣрно, въ чернобуромъ салопцѣ ходитъ, да-съ! роскошничаете; а на чье роскошничаете? — на чужое.

Петръ Васильчъ не отвѣчалъ; онъ сидѣлъ потупивъ глаза въ полъ и дрожа всѣмъ тѣломъ. Сначала ему хотѣлось зажать ротъ непрошеному наставнику, но, сознавая всю справедливость его жесткихъ словъ, онъ удерживался.

Павелъ Петровичъ все также попрежнему стоялъ у окна; но, по его блѣдному лицу, дрожащимъ губамъ и глазамъ, полнымъ слезъ, можно было догадаться, что онъ не видѣлъ ни Степки, ни козла; что онъ сочувствовалъ страдающему отцу и самъ страдалъ не менѣе его. Несмотря на всю кротость характера, ему хотѣлось плюнуть въ лицо ростовщика, вытолкнуть его, прибить, столкнуть съ лѣстницы; но онъ только ограничился тѣмъ, что сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— А вы, Иванъ Андреичъ, насъ ссужали такъ-съ? безъ процентовъ? Такъ откуда же вы взяли право читать намъ нравоученія-съ? Деньги ваши будутъ при васъ... Но взглянувъ случайно на отца, онъ увидѣлъ, что Петръ Васильчъ сидѣлъ, опустивъ голову, и лицо попеременно-покрывалось то бѣлыми, то багровыми пятнами.

— Иванъ Андреичъ, довольно-съ, можете идти-съ, поговоримъ въ другой разъ... сказалъ молодой человѣкъ, быстро подбѣжавъ къ отцу и показывая гостю на дверь: извольте идти-съ!...

— Вы меня гоните, молодой человѣкъ! Въ-самомъ-дѣлѣ пора на службу царскую, сказалъ Иванъ Андреичъ, подходя къ дверямъ и поспѣшно накидывая на плечи шинель. Прощенія просимъ! Честь имѣю кланяться, Петръ Васильчъ! Не сердитесь, другъ почтенный, а подумайте, подумайте на-

сечь домика. Будьте здоровы-сь! — Въ голосѣ Чернухина слышалась все та же дружелюбная мягкость, какъ-будто ничего особеннаго не произошло между нимъ и Отрубевымъ.

— Папенька, папенька-сь! сказалъ Павелъ Петровичъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, когда дверь за Чернухинымъ затворилась. Что съ вами?...

— Жидь! а я еще просилъ... проговорилъ отецъ и, подумавъ, прибавилъ: что мнѣ дѣлать?...

— Успокойтесь, папенька; ну, Богъ милостивъ, перевернется...

— Тѣ удно, Паша; ты знаешь всѣ дѣла.

— Что-жь такое! только бы намъ отъ Чернухина-то отдѣлаться, а тамъ помаленьку... Надобно подумать.

— Правда твоя, другъ, надобно подумать... Прежде-бы надобно было думать; теперь, не знаю, — не поздно-ли? Только ты у меня, смотри, ни слова матери! я не хочу, чтобъ она прежде времени... Что-то въ глазахъ темно, охъ! прикажи-ка мнѣ подать воды...

Сынъ вышелъ позвонить, но снурокъ у колокольчика оборвался, и снѣ долженъ былъ самъ сойти внизъ.

— Да! сказалъ самъ-себѣ Петръ Васильичъ, когда остался одинъ.

— Правду ты сказалъ, Чернухинъ: я не копилъ копѣйку для дѣтей. И какъ поправиться—какъ? Голова идетъ кругомъ... Убытокъ отъ хлѣба... убытокъ отъ кожи!.. мокшанъ, заводъ, имѣнїе — все уйдетъ на честную раздѣлку съ кредиторами. Ну пусть! по-крайней-мѣрѣ дѣтямъ оставлю честное имя! да! пусть съ честнымъ именемъ идутъ по-міру!.. По-крайней-мѣрѣ люди не упрекнутъ, что я захватилъ чужое... А дѣти-то!.. дѣти развѣ не ставутъ роптать на меня? Развѣ меня безо всего оставилъ отецъ мой? а я!.. И такой мерзавецъ, какъ Чернухинъ, вправѣ говорить мнѣ въ глаза горькую правду... Нѣтъ, не всѣ-вѣдь Чернухины! Есть люди на бѣломъ свѣтѣ—авось сжалятся, разсрочать... Надобно просить, кланяться... Отрубевъ будетъ кланяться!.. Такъ что-жь, не для себя, для дѣтей поклонюсь и заживу, поправлюсь, Богъ милостивъ, ограничу себя... Въ чемъ? какъ? я привыкъ, привыкъ казаться богат... Петръ Васильичъ хо-

тѣлъ встать, чтобъ пройтись; ему сильно тѣснило грудь, но у него потемнѣло въ глазахъ, оцъ опять опустился на стулъ.

Минуть черезъ пять воротился Павелъ Петровичъ съ водой и засталъ своего отца сидящаго съ закинутаю на спинку стула головой, съ опущенными руками и багровымъ лицемъ.

Черезъ минуту по всему дому пронеслось, что съ Петромъ Васильичемъ сдѣлался ударъ. Наталья Ивановна съ сыномъ, въ слезахъ, суетилась около мужа; прислуга сбивала другъ-друга съ ногъ. Наконецъ пріѣхалъ Матвѣй Ивановичъ, пустил больному кровь, и Петръ Васильичъ, вздохнувъ свободно, открылъ глаза.

УШ.

Петръ Ивановичъ, окончательно перегрузивъ хлѣбъ на барки, намѣревался пуститься по одной изъ водныхъ системъ къ Петербургу, какъ вдругъ получилъ письмо отъ сына, слѣдующаго содержания:

«Дражайшій родитель,

Петръ Ивановичъ!

Желаю вамъ здравствовать многія лѣта и прошу вашего родительскаго благословенія на вѣки нерушимаго; а также, и покорная невѣстка ваша, а моя супруга, Александра Павловна, посылаетъ вамъ глубочайшее почитаніе.

О дѣлахъ нашихъ привольскихъ васъ увѣдомляю, что мы по сіе число, вашими святыми молитвами, находимся въ добромъ здоровьи и впредь уповаемъ на милость божію. О хозяевахъ вамъ доложу, что Петръ Васильичъ очинно не здоровъ; сначала лошадка его пятисотенная разбила, а потомъ ударъ приключился. Хотя они ничего не говорятъ, а по городу слухи ходятъ, будто Чернухинъ къ горлу пристаивалъ — денегъ просилъ, тѣмъ Петръ Васильичъ и огорчился. Я ходилъ навѣдаться — онъ очинно слабъ. Лекаръ лечитъ. Наталья Ивановна больно плачетъ; а Павелъ и въ лавку не заглядываетъ; только объ отцѣ реветъ да у матери руки

лижетъ. Жену свою я посылалъ провѣдать, и ей хозяйка ничего не сказала, отъ какой причины съ хозяиномъ ударъ последовалъ; мы и работницу посылали вывѣдать что-нибудь отъ ихней прислуги, и ей ихняя Агафья сказала, что въ тотъ день утромъ былъ у хозяина какой-то старикъ, и что Петръ Васильичъ долго съ нимъ толковалъ наверху въ Павловой комнатѣ, и только старикъ ушелъ, — такъ хозяйка и жлобъ. По моему мнѣнію, это былъ не кто иной, какъ Чернухинъ. Да я о томъ спросилъ-бы и самого Чернухина, только нигдѣ его не встрѣчаю. Неизвѣстно что будетъ впредь; но если хозяйка не встанетъ, то все прахомъ пойдетъ. Павелъ мальчишка *бросовой*, не съумѣетъ ни съ чѣмъ справиться, развѣ олекуновъ благонадежныхъ выберутъ. Однако все это еще дѣло закрытое, живаго мертвымъ назвать нельзя... Я за нужное почелъ о семь васъ увѣдомить на всякій случай...

За сямъ, пожелавъ въ дѣлахъ вашихъ благопріятнаго успѣха, остаюсь вашъ, милостиваго государя, батюшки, покорный сынъ и слуга

Сидоръ Петровъ Отрубевъ.»

— Гмъ!.. произнесъ многозначительно Петръ Ивановичъ, прочитавъ это посланіе, и поспѣшно спрятавъ его въ карманъ, усѣлся на носу барки, и сталъ смотрѣть на толпы крючниковъ, которые, то проворно взбѣгали на мостки, то согнутые подъ тяжестью кулей, тяжело сходили съ нихъ, или наоборотъ. По безучастному его взгляду замѣтно было, что приказчикъ ничего не замѣчалъ вокругъ себя. Онъ бессознательно обкусывалъ бороду и думалъ глубокую думу.

На другой день Петръ Ивановичъ, отслуживъ молебень, отвалилъ съ своими барками отъ рыбницкой пристани.

Долго-ли коротко-ли продолжался его путь съ разными остановками и необходимыми перегрузками въ разныхъ мѣстахъ, намъ вѣтъ до этого надобности, тѣмъ болѣе, что съ нимъ не случилось ничего необыкновеннаго.

Несмотря на то, что еще не было и шести часовъ утра, на О-й пристани кипѣла уже береговая дѣятельность во всей силѣ; народъ толпился на берегу, шла спѣшная перегрузка барокъ. Приказчики шумѣли съ рабочими. Вспо-

могательные крики и брань по обыкновенію раздавались повсюду. И весь этотъ гулъ покрывалъ собою благовѣсть раннихъ обѣденъ.

Очередные лодманы-проводники, съ толпою рабочихъ обоего пола и возраста, входили на барки готовыя къ отплытію, чтобъ вести ихъ чрезъ тѣ страшные пороги, на которыхъ ежегодно, несмотря на всѣ распоряженія правительства, и ловкость испытанныхъ лодмановъ, разбивалось, подсихъ поръ разбивается, понѣскольку барокъ. У судохозяевъ и довѣренныхъ приказчиковъ, въ О-й пристани начинается биться сердце ускореннымъ боемъ, за участь своихъ судовъ, и бьется до тѣхъ поръ, покуда мннетъ опасность, — покуда пройдутъ благополучно пороги.

Несмотря также на раннее утро, ближайшая къ пристани харчевня была уже полна народа. Надъ дверями ея, размалеванная яркими красками, вывѣска огромнаго чайника, чашки и графина съ рюмками, привлекала взоры, и золотая надпись *въ ходъ взавѣденіе* блистала на солнцѣ.

Въ одной изъ комнатокъ, у окна, украшеннаго ситцевыми занавѣсками, и за однимъ изъ столиковъ, покрытыхъ скатертями, очень похожими на старую ландкарту, — сидѣли за чаемъ и связкою баранковъ, нашъ почтенный Петръ Ивановичъ. Онъ то поглядывалъ въ окно на спующую взадъ и впередъ толпу, то на другіе два столика, за которыми сидѣли — за однимъ, туземный мѣщанинъ, въ длинной сибиркѣ съ маленькою черною бородкою, за другимъ — только-что вошедшій парень съ барки, въ бѣломъ азіатѣ, съ бумажнымъ платкомъ на шеѣ, и налитымъ кровью лицомъ.

Долговязый половой, съ бычачьими глазами, и грязно салфеткой на плечѣ, подавъ чай на оба столика, сталъ притолоки.

— А что, *наштенный*, не знаешь-ли ты, гдѣ у васъ докторъ живетъ? — спросилъ, обратясь къ половому бѣль азіатъ.

— Какой докторъ? У насъ нѣтъ докторя, не живетъ, коли надобность лечится, такъ наѣздомъ бываетъ изъ Прпорожья, — отвѣчалъ половой, глядя пальцомъ косякъ.

— Какъ-же это у васъ! Пристань, столько наѣзжа

народу бываетъ, а лекаря нѣтъ? сказалъ, вмѣшавшись, Петръ Иванычъ.

— Это оттого-съ, что у насъ, извольте видѣть, посадъ, а на посадъ лекаря не полагается,—отвѣчалъ мѣщанинъ, обращаясь къ Петру Иванычу, а подлекарь у насъ издавна находится-съ.

— А какал тебѣ, землякъ, до лекаря-то надобность, — кровь что-ли хочешь отворить?—спросилъ половой, подойдя къ бѣлому азяму, и смотря на его напрыжевшееся лицо.

— Може и кровь, что прикажетъ; головою мучусь,—въ глазахъ завсегда словно сѣтка.

— Такъ тебѣ далеко ходить непадоть: у нашего водянаго есть кучеръ коноваль, такой, братъ, хитрецъ, что и изъ лба кровь кидаетъ, ей-Богу! у насъ къ подлекаришкѣ-то почитай никто и не ходитъ, а завсегда къ нему.

— Ахъ ты ананья! Человѣка къ коновалу лечиться посылаетъ! Ха, ха, ха! Петръ Иванычъ засмѣялся.

— Да что ваша милость смѣется! Какъ вы полагаете о коноваль-то? Да онъ озолотился-бы отъ своего ремесла, кабы не баринъ-то его обпиралъ. Вонъ спросил-ка у Михайла Родивоныча, и онъ небось тоже скажетъ,—проговорилъ съ досадою половой, показывая на мѣщанина.

— Что правда, то правда, — поддержалъ Родивонычъ, утирая лицо краснымъ платкомъ; — я самъ, судырь, у него пользовался;—дока, нечего сказать: и кровь заговариваетъ и вывихи отлично-съ править. Теперича кажись онъ домъ-бы каменный имѣлъ, кабы не баринъ-то.

— Что-жъ баринъ его съ нимъ дѣлаетъ?—спросилъ заинтересованный Петръ Иванычъ.

— Что дѣлаетъ? обираетъ, ишь молъ ты много денегъ досташь, такъ и со мною подѣлился, вотъ и *резонтъ* весь,—примолвилъ половой, ставъ на прежнее мѣсто.

— Стало-быть водяной вашъ денежки любить, ананья?

— И... и! да какъ любить-то! За денежки готовъ отца роднова продать. А ваша милость съ барокъ? — Спросилъ Родивонычъ.

— Да, съ барокъ.

Родивонычъ замолчалъ и принялся снова за чай. Опорожнивъ

нѣсколько чашекъ, онъ опять обратился къ Петру Ивановичу.

— Стало-быть, судырь, вы ужъ знакомы съ Попечителейымъ-то пашинмъ?

— Съ какимъ Попечителейымъ?

— Да съ водянымъ-то. Чай ужъ на поклонъ ходили-съ?

— Какъ-же, ходилъ, нельзя, начальство.... сказалъ нашъ приказчикъ.

— Хмъ! да, начальство. Ну, прежде того, ничего, сходило у васъ все благополучно-съ?

— Прежде? Я еще только въ первый разъ здѣсь.

— Такъ-съ! Значитъ порядковъ-то нашихъ всѣхъ до тонкости можетъ не знаете.

Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ въ глаза говоруну.

— Что же это за порядки? Ей-Богу ничего не знаю! сказалъ онъ.

— Хмъ!... вотъ видите батюшка, порожки-то нами вамъ горе, а намъ здѣшнимъ хлѣбъ дѣютъ; и водянаго-то нашего кормятъ, да еще какъ!

— *Ихняя горница тѣмъ и кормится*, сказалъ Петръ Ивановичъ, кусая бороду; не нами свѣтъ начался, не нами и кончится, значитъ, мнѣ еще можетъ придется того-то... скоро думаю отвалить. Спасибо что надоумилъ почтенный: имя отчества не знаю....

Не на чемъ, судырь... Да вѣдъ онъ баринъ-то у насъ не церемонный, прямо скажетъ, сколько онъ хочетъ; только не любить, кто торгуется, п, и! бѣда ужъ тогда!—наведетъ! частехонько, кто жалѣлъ десятковъ, о тысячахъ тужить приходилось, да-съ! Ужъ только брови насунить, да лоцману скажетъ: ты у меня смотри, бестія! ну, и пиши пропало; ужъ непременно бѣда какая надъ баркою стрисется, ей-Богу-съ; а ужъ кто поладитъ съ нимъ, такъ ничего, — обойдется....

Петръ Ивановичъ жадно слушалъ говоруну; его какъ будто что-то кольнуло въ сердце.

— Да ты, почтенный, хорошо, знать, его знаешь? Аль какое дѣло до него было? спросилъ онъ вдругъ, пристально

смотря на Родивонова; но на лицѣ послѣдняго ничего не выражалось, кромѣ охоты говорить.

— У него моя теща въ нянькахъ живетъ; крепостныхъ-то размытарилъ, такъ теперь нанятыхъ держать.

— Развѣ онъ женатый?

— О, и не говорите!—человѣкъ восемь дѣтей, а все прахомъ проходитъ; тутъ обираетъ, обираетъ лѣтомъ-то всѣхъ, а зимою въ Питеръ поѣдетъ, все въ карты спуститъ, опять ни съ чѣмъ,—опять обирать. Такъ все и живетъ... Однако, прощенія просимъ, затолковался я съ вами!—сказалъ, вставая Родивоновъ.

Разказы о взяточничествѣ дистанціоннаго навели Петра Ивановича на глубокую думу.

Между тѣмъ половой давно исчезъ, а также и бѣлый азымъ отправился, можетъ быть, отыскивать знаменитаго коновала.

Когда опомнился и оглядѣлся Петръ Ивановичъ, на мѣстѣ бѣлаго азыма сидѣлъ толстый, лысый старикъ. Борода его, перешедшая изъ бѣлокурой въ сѣдую, казалась огромной прядью льна и покрывала собою всю грудь. Онъ постоянно утиралъ потъ на лицѣ и страшно пыхтѣлъ за чаемъ.

— Ходи сюда что-ли, да пожалуйста поскорѣ!—послышался голосъ за дверью, и вошелъ въ комнату среднихъ лѣтъ мужчина съ бакенбардами, въ сюртукѣ и шляпѣ.

— Э! старина почтенная! Иванъ Терентьичъ, опять здѣсь? И молодая жена не можетъ тебя дома удержать, эй ты! смотри, послѣ не тужи! сказалъ онъ смѣло, обращаясь къ старику.

— Что дѣлать, батинька, Левъ Ивановичъ! не могу дома чаю въ сласть напитокъ, привычка, батинька мой; сорокъ пять лѣтъ въ трактирѣ высидѣлъ, двадцать самъ хозяиномъ былъ, теперь не могу безъ компаніи дня провести; здѣсь и людей увидишь, и услышишь что-нибудь,—отвѣчалъ старикъ.

— Пусть такъ. Да жену-то на кого дома оставляешь, старый чудакъ? Молодыхъ постояльцевъ напустилъ, а самъ дѣлые дни въ трактирѣ!

— Постояльцы, Левъ Ивановичъ, по себѣ, и жена моя по себѣ, — что-жь такое?

— Ничего, ничего. Да какая она у тебя еще молодая! Я безъ тебя какъ-то зашелъ, гляжу — женщина такая сумидная, думалъ твоя дочка, — нѣтъ, говоритъ, жена. Что это, вторая что ли у тебя, Иванъ Терентьичъ?

— Нѣтъ, батинька, третья.

— А! какой-же ты охотникъ жениться-то!

— Полно ты, Левъ Ивановичъ, пустяшничать-то, скажи-ка лучше, скоро-ли отправишься?

— Завтра, Иванъ Терентьичъ, да только до Припорожья; слышно, въ Питерѣ цѣны на пшеницу поднялись, и отъ поставщиковъ ужъ люди наѣзжаютъ въ Припорожье. Смотри — то-то дѣрка пойдетъ. Погляжу, выжду, что Богъ дастъ!.. авось и тамъ сбуду... Левъ Ивановичъ принялся за чай.

— Давай Богъ! проговорилъ Иванъ Терентьичъ.

Петръ Ивановичъ, прислушавшись, подсѣлъ къ Льву Ивановичу, и узналъ отъ него, что многіе судохозяева, заслышавъ, что цѣны поднимаются, рѣшились, выждавъ, продать хлѣбъ въ припорожской пристани, избѣгая лишнихъ путевыхъ издержекъ до Петербурга.

— Хозяинъ! гривенку Шолыгану на похмѣлье, — сказалъ подошедшій къ Льву Ивановичу высокій, черноватый, блѣдный мужикъ, въ китайчатомъ кафтанчикѣ, съ продранными локтями и въ какихъ-то опоркахъ вмѣсто сапоговъ. Черная, раздвоившаяся его борода и волосы были въ беспорядкѣ; глаза глядѣли дяко, воротъ рубахи былъ разстегнутъ; голова и руки дрожали.

— Эхъ, братъ Шолыганъ! Опять запилъ!.. а давно-ли.. заговорилъ-было Иванъ Терентьичъ.

— Что-жь, рази на твое пью, Иванъ Терентьичъ? — изребилъ Шолыганъ, — ну, запилъ... ну, пью...

— Нехорошо, Яковушка... А ребятишки, поди-чай, безъ хлѣба сидятъ...

— А чортъ ихъ тамъ дери, пускай безъ хлѣба сидятъ... Поглядь-ка на меня, Иванъ Терентьичъ, что на мнѣ-то! И сапоговъ-то нѣтъ!

— Гдѣ-жь твои сапоги? Заложилъ?

— Ну, да, заложилъ, такъ что-жь? Слабость моя такая; будутъ деньги — и выкуплю!.. Такъ чтожь, ваша милость, гривенку-то? — прибавилъ Яковъ, обращаясь опять къ Леву Иванычу.

— А если я тебѣ дамъ пятакъ? — отвѣчалъ тотъ.

— Маловато будетъ, сказалъ Яковъ, почесывая затылокъ.

— Ишь, шельма, торговаться сталъ! такъ поди и такъ... Левъ Иванычъ, вынувшій-было кошелекъ, опять спряталъ его въ карманъ.

— Ну! сказалъ Шолыганъ съ усмѣшкой: може и больше дашь...

— А почему-бы?

— Да такъ-ста; еще неизвѣстно, кто твои барки поведетъ, може и Шолыганъ... сказалъ лоцманъ, вторично почесавъ затылокъ.

— А, такъ ты грозить мнѣ, шельма! Хорошо! я буду жаловаться; я сейчасъ-же къ дистанціонному... вскричалъ горячо Левъ Иванычъ.

— Жалуйся, кому хошь, сказалъ хладнокровно Шолыганъ и обратился спиною.

— Я тебѣ! я тебѣ!.. говорилъ между тѣмъ Левъ Иванычъ; но увидѣвъ въ сосѣдней комнатѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, схватилъ шляпу и посиѣшно вышелъ.

— Пусть жалуется! Ужь словно его высокоблагородіе сегодня знаетъ Шолыгана! — заговорилъ лоцманъ, обращаясь къ старику: давно онъ меня знаетъ, подчасъ хоть и поколотить, а пожалуй и отдереть иной разъ, и-то ничего, — а все опять за Шолыгана: Шолыганъ туда! Шолыганъ сюда! Вотъ, напримѣръ, и теперь прогналъ: ступай, говоритъ съ глазъ долой, а поди-ко, завтра и искать пошлетъ Ты. Иванъ Терентычъ, знаешь вѣдь эито? Такъ какъ-же, Иванъ Терентычъ, гривенку-то, а?.. примолвилъ онъ.

— Ужь, братъ Яковъ, не суди — самъ водки отъ роду не пилъ, и никому на водку не дамъ, право-слово, отцу родному откажу — отвѣчалъ старикъ. Вотъ чаю, коли хочешь, пей на здоровье!

— Благодарствую, Иванъ Терентычъ, — сказалъ Шолыганъ; — по другое время, а теперичка ненадоть. Потомъ

прибавилъ онъ, обращаясь къ Петру Ивановичу: ужъ развѣ у твоей милости гривенки-то попросить, хозяинъ? Лодманъ имѣлъ привычку называть хозяиномъ всякаго судовщика.

Во все продолженіе монолога хозяина, приказчикъ не спускалъ съ него глазъ; мысли быстро проходили въ его головѣ: то ему представлялся дистанціонный, котораго такъ рѣзко очертилъ Родивонъчъ, то ему припоминался вычитанный анекдотъ о похмѣльномъ мастеровомъ, который далъ совѣтъ Петру I перелить колокола въ пушки. Идя поспѣшно къ своей цѣли, Петръ Ивановичъ, съ нѣкоторыхъ поръ, началъ пристально оглядывать всѣхъ и каждого, нельзя-ли изъ кого извлечь чего нибудь для своей пользы; такъ и теперь, смотря на лодмана, ему казалось, что онъ видитъ въ немъ нужнаго для себя чловѣка. Не говоря ни слова, Петръ Ивановичъ подалъ Шолыгану двугривенный.

— Отецъ родной! воскликнулъ Шолыганъ, и не успѣлъ приказчикъ мигнуть, какъ лодмана уже не было въ комнатѣ.

— Должно быть запойный? спросилъ Петръ Ивановичъ, обращаясь къ Терентьчу.

— Да, запойный; у него круглый годъ запой, только иной разъ въ сапогахъ, и все какъ быть, а другой, чуть-ли не нагишемъ, все снустить! А вѣдь къ злодѣю деньги-то такъ и сыплются, — отвѣчалъ послѣдній.

— Какъ-же такъ?

— Да такъ, лодманитъ зѣтъ тридцать, лодманъ ловкій; кто его знаетъ, такъ и просятъ Шолыгана безъ очереди, и деньги, значить, даютъ; только ужъ и воръ... охъ, согрѣпили мы, окалпные! ужъ коли захочетъ кого пажать, такъ нажметъ; повредить, батника мой, барку для него ничего не значить, особливо послѣдніе годы, какъ пить больно почалъ; да еще и похвастаетъ опоемъ, — проговорилъ Иванъ Терентьчъ, поглаживая бороду.

— А! какой ананья! чего-же водяной-то смотритъ? спросилъ Петръ Ивановичъ, подлаживаясь къ Терентьчу.

— Водяной, мой батника, много ему спускаетъ, помня его прежнія послуги; когда прѣхалъ къ намъ Понечптелевъ, го сперва этакъ великатился самъ собою, ничего, все Шолыгановыми руками жаръ загребалъ. Ну, а теперь и самъ

объялся, видить церемониться нечего, теперь и безъ Шольгана прямо торгуется, глазъ-на-глазь.

— Такъ, такъ! проговорилъ Петръ Ивановичъ въ раздумьи.

Выходя изъ харчевни, онъ удивился, какъ печально и легко привелось ему узнать о многомъ, что при случаѣ, не приобъгая къ нарочнымъ развѣдываньямъ, онъ могъ обратить въ свою пользу. Занятый разными соображеніями, приказчикъ и не замѣтилъ, какъ очутился на баркѣ. Войдя въ казенку, Петръ Ивановичъ чувствовалъ, что его бросаетъ въ жаръ и въ ознобъ; онъ выпилъ посибнино нѣсколько рюмокъ, но закусить не могъ кусокъ становился поперекъ горла. Онъ отперъ дорожный сундучокъ, и вынувъ довѣренность отъ хозяина на продажу хлѣба, прочиталъ ее нѣсколько разъ, какъ будто не вѣря своимъ глазамъ, и даже готовъ-бы былъ показать ее кому нибудь другому, чтобъ убѣдиться въ томъ, что было въ ней написано, что онъ: «можетъ продать пшеницу во всякомъ случаѣ, по своему усмотрѣнію».

Прошло нѣсколько дней, Петръ Ивановичъ сходился съ прочими судовщиками, разговаривалъ, волновался, думалъ и раздумывалъ, и наконецъ рѣшился, какъ и многіе изъ ихъ, продать пшеницу въ припорожской пристани.

Спустя недѣлю, въ этой-же знакомой намъ харчевнѣ, Петръ Ивановичъ сидѣлъ за столомъ съ Шольганомъ; передъ ними стоялъ графинъ водки и закуска.

— Ну-ка, ашанья, хватилъ! говорилъ приказчикъ, наливая рюмку лощману, «выньсемъ да и закаемся....»

— Добраго здоровья, Петръ Ивановичъ! — сказалъ Шольганъ опорожнивъ рюмку, плюнулъ въ сторону и прибавилъ: — тьфу ты чортъ, голая вода!...

— Ну, теперь, Шольганъ, солянку что-ли?

— По мнѣ все равно, какъ твоей милости лучше, — отвѣчалъ лощманъ и въ раздумьи началъ тихонько постукивать рюмкою по столу.

— Эй, половой! вскричалъ нашъ приказчикъ, видя, что графинъ почти пустъ: подай двѣ бутылки пива!...

— Ваша милость, ужъ ты того-то.... всякимъ-то мещи угощеніемъ, много довольны... — сказалъ Шольганъ съ

усмѣшкою, не переставая смотрѣть на пустую рюмку и постукивать ею.

— Отчего-же не такъ. — Я тебя, ананья, за будущую твою услугу угощаю; я тебя, братъ, выпрошу у его высокоблагородія; — ты видишь меня, какой я человѣкъ-то, ну, только ужь и ты не будь-же свиньей: смотри ананья!... проговорилъ Петръ Ивановичъ.

— Помилуй, ваша милость! Ужь коль, Шолыганъ захочетъ кому сослужить, ужь ты не сумлѣвайся!—Лоцманъ фамилярно потрепалъ по плечу приказчика; — ужь не сумлѣвайся, Петръ Ивановичъ! Я тебѣ по совѣсти скажу: около тридцати лѣтъ я лоцманю, а такихъ купцовъ, какъ ваша милость, не видалъ!

— Что-жь, развѣ я больно хорошъ? спросилъ, притворно смѣясь, приказчикъ.

— Очинно доброхотень, отецъ родной, вотъ что!

Пиво было принесено.

— Смотри ты, ананья, я и за деньгами не постою, только чтобы и съ твоей стороны было честно... А то, говорятъ, что ты иной разъ и напакостншь?

— Да какъ твоей милости сказать-то? — заговорилъ лоцманъ, почесавъ затылокъ и смотря подъ столъ, — я не люблю тѣхъ, кто больно ломается... ну, а для добрыхъ людей мы рады стараться.

— То-то!.. вы заодно съ нимъ. Петръ Ивановичъ, смѣясь, погрозилъ пальцемъ.

— Ничего, ничего, хозяинъ; барины-то добрый, молвилъ Шолыганъ, улыбаясь.

— Больно меня, ананья, что-то имъ напугали?.. прибавилъ приказчикъ, наливая пиво.

— Ничего; съ тобою-то поладить, ей-Богу поладить.

— Хорошо-бы, братъ... Да что-же не пьешь?..

Шолыганъ протянулъ - было руку къ стакану, но опять ее отнял, отеръ рукавомъ потъ съ лица и, взглянувъ на приказчика, сказалъ:

— Петръ Ивановичъ!

— Что тебѣ надо?

— Послушай-ка, что я тебѣ скажу... да ты, смотри, не обидься!...

— Говори!.. Приказчикъ пристально посмотрѣлъ на лощмана.

— Эко глупое слово съ языка нейдетъ, — прошепталъ послѣдній, вода по столу пальцемъ, — хоть я пьянъ... однако... тфу! Да и что я, въ-самомъ-дѣлѣ, ломаюсь, словно деревенская невѣста, — проговорилъ Шольганъ, плюнувъ въ сторону, и смѣло обратясь къ приказчику: не сердись, хозяинъ, а мнѣ вотъ что въ голову приходитъ: ты меня не спроста поишь, ей-Богу, — онъ уставилъ зоркій взглядъ на Петра Ивановича.

— Что ты врешь, Шольганъ! Съ ума ты сошелъ! сказалъ Петръ Ивановичъ, притворно смѣясь, хотя сердце у него и дрогнуло.

— Не отрекайся, хозяинъ, я хоть и пьянъ теперичка, да не такъ, чтобы ужъ больно, — продолжалъ лощманъ, — помню, что мы уже съ тобою пятый день хороводимся. А за что тебѣ меня поить-то? Кабы ты былъ такой же пьяница, какъ я грѣшный, такъ ну, и быть дѣлу такъ, а то ты прросто водохлебъ, ей-Богу водохлебъ; мнѣ полштофъ выпоишь, а самъ за рюмкою сидишь полдня.

Приказчикъ пристально и серьезно посмотрѣлъ въ глаза лощману, и оглянувшись кругомъ, проговорилъ тихо, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Спроста, или не спроста, только лучше, если-бъ ты *вѣлъ тирогъ съ грибами, да держалъ языкъ за зубами*, и сталъ барабанить пальцами по столу.

— Значитъ, *рыбакъ рыбака видитъ издалека*, приговорилъ про себя Шольганъ, осушивъ залпомъ стаканъ пива и взглянувъ искоса на Петра Ивановича. Нѣсколько минутъ оба молчали. Принесли солянку. Потребовалось еще водки, лощманъ выпилъ и принялся ѣсть, но приказчикъ не дотронулся.

Они вмѣстѣ оставили харчевню.

— Эхъ-ма, и хмѣль-то не береть, молвилъ Шольганъ, вѣдя слѣдомъ за приказчикомъ.

— Что-жъ тебѣ, до *сважки*, что-ль? сказалъ Петръ Ивановичъ врачю.

— Начто до свалки? зачѣмъ до свалки? и и такъ твоей милостью удовольствованъ; я сказалъ только къ тому, что водка дурна, больно разбавляютъ, мошенники... Да пора и гулять перестать, *шабашъ!* пора протрезвиться, скоро и въ путь Богъ дастъ

— Однако, Шолыганъ, ты хоть и жалуешься, что водка плоха, только она тебя изрядно по ногамъ стукнула! замѣтилъ Петръ Ивановичъ, увидя, что Шолыганъ пошатнулся.

— Ты думаешь, хозяинъ, что я хмѣленъ? Нѣтъ, эвто такъ, на старыя дрожжи въ ноги вступило, — отвѣчалъ послѣдній.

Петръ Ивановичъ недалеко отъ своихъ барокъ, шагахъ въ пятьдесятъ отъ воды, сѣвъ на опрокинутую лодку, кусалъ бороду и смотрѣлъ молча въ сторону. Шолыганъ помѣстился возлѣ него.

— Хозяинъ! ты, я вижу, осерчалъ, молвилъ лодманъ.

— На что? спросилъ, неглядя, приказчикъ.

— А на то, что я тебѣ давеча сказалъ.

— Чудишь ты, право, мужикъ... я такъ просто задумался о томъ, что если барки-то наши разобьются въ порогахъ?..

— Богъ милостивъ, Петръ Ивановичъ.

— Да мало-ли что можетъ случиться: коль бѣдѣ придетъ, такъ придетъ.

— Ужъ коль такъ, хозяинъ, разсуждать, такъ и вся жизнь-то наша прахъ.. А я, съ своей стороны, радъ стараться для твоей милости.

— А кто тебя знаетъ?

— Я-жъ тебѣ говорю, что хоть Шолыганъ и ныльница, но провести барку...

— Ну, а если проломилъ и вправду? перебилъ Петръ Ивановичъ, что тогда? А?

— Что тогда? Придетъ горе мсей шинѣ, а ужъ все-жъ не твоей милости, молвилъ лодманъ, почесавъ въ затылкѣ.

— Какъ такъ?

— Да, такъ, тебѣ убытку нѣтъ, пшеница-то не твоя, а хозяйская; хоть что нибудь да останется, ты продашь и де-

вѣжки въ свой карманъ положишь, а мнѣ и спасибо не скажешь.

— Какъ-же, развѣ я не отвѣчаю передъ своимъ хозяиномъ?

— Какой твой отвѣтъ, — скажешь, что, молъ, все подмокло, погнибло, лоцманъ виноватъ... вотъ и отвѣтъ весь.

— А тебѣ, ананья, жалко спшны-то? А?

— Еще-бы! впрочемъ водяной-то отецъ для меня родной.

— У тебя, я вижу, Шолыганъ, всѣ отцы родные; ты давеча въ харчевнѣ и меня отцомъ пазывалъ.

— Называлъ; развѣ я отпиралюсь?

— Ну, а теперь говоришь, ананья, что я деньги за пшеницу къ себѣ въ карманъ положилъ, и спасибо тебѣ не сказалъ.

— Эхъ, хозяинъ! на свѣтѣ народу всякаго есть, одни любятъ чужими руками жаръ загребать, а другіе въ мутной водѣ рыбу удить.

— Ахъ, ты ананья! Какія онъ пословицы говорятъ! Ну, а тебѣ этакъ самому приходилось-ли когда въ минутной-то водѣ рыбу удить? Приказчикъ проницательно взглянулъ на лоцмана.

— Какъ же, случалось, отвѣчалъ тотъ усмѣхнувшись.

— Люблю, ананья, такъ и рѣжетъ прямо правду, проговорилъ смѣясь приказчикъ.

— Что-жъ такое! былъ молодцу не укора; я мужикъ прямой, говорю спроста: а вотъ ты-то, Петръ Ивановичъ, такъ все издалека, да и съ *подходцемъ*. А будто я и не смекнулъ тебя?... Давно я смекнулъ.... А по моему бы просто то и то молъ.... Я человекъ услужливый, и давно тебѣ докладывалъ, что для добраго человѣка готовъ стараться.

— Спасибо на добромъ словѣ.

— Не на чемъ....

Минутъ пять длилось молчаніе. Лоцманъ смотрѣлъ на стан голубей, порхающихъ по пристани, а Петръ Ивановичъ чертилъ палкою по мокрому песку; онъ видѣлъ, что попалъ на превосходнаго плута и что теперь пришла рѣшительная минута или отказаться отъ своихъ давно-желѣемыхъ надеждъ, — пажить копѣйку, или заключить съ этимъ человѣ-

комъ союзъ и достигнуть задуманной цѣли. Онъ колебался; крупный потъ выступилъ по всему тѣлу, виски чутко стучали, но жажда приобрѣтенія пересилила нерѣшительность, онъ заговорилъ.

— Хе, хе, ананья, да ты мужикъ-то, какъ я вижу, на всѣ руки Оома, коли этакъ какая кладь на баркѣ пересохнетъ, такъ ты и спрыснуть вѣроятно сзумѣешь.

— На эвто насъ станеть, отвѣчалъ лодманъ не глядя, пожалуй и твою, коли тебѣ того желается.

— Ты пьянъ, ананья, не помнишь, что говоришь, шутку за дѣло принимаешь; какъ можно желать... Петръ Иванычъ закашлялся.

— Кто же тебя знаетъ, чужая душа темна; хоть пной разъ и думаешь, что *раскусишь*....

Петръ Иванычъ какъ будто одумался, онъ не ожидалъ, чтобъ его задушевная мысль была такъ скоро понята лодманомъ; нерѣшительность снова овладѣла имъ, онъ всталъ.

— Погоди, хозяинъ! Куда-жь ты? спросилъ Шолыганъ, схвативъ его нецеремовно за руку. — Эхъ, полно ломаться-то, да меня пьянымъ обзывать! Я хоть и пьянъ, да помню, что я говорю, и что мнѣ говорить....

— Когда такъ, ананья! проговорилъ тихо приказчикъ, садясь опять и ближе придвигаясь къ лодману: послушай, хочешь деньги заработать?

— Отчего-жь не хотѣтъ, хозяинъ; Шолыганъ ни отъ денегъ, ни отъ работы не дръчь, сказалъ, почесавъ затылокъ, лодманъ.

— Мнѣ нужно.... мнѣ нужно.... Петръ Иванычъ закашлялся и кусалъ съ досады бороду, роковое слово не шло съ языка: мнѣ нужно одно дѣльце обдѣлать.... можно?...

— Отчего-жь не можно; все можно за деньги.... Шолыганъ поднялъ камешекъ и бросилъ его въ галку.

Далѣе Петръ Иванычъ не могъ говорить, словно горло у него захватило. Оба нѣсколько минутъ молчали, выжидая другъ-друга.

— Хмъ! ты меня понялъ? спросилъ наконецъ приказчикъ.

— Еще-бы! тебѣ хочется подошвы смочить? Изволь

смочимъ, только какая награда-то будетъ? есть-ли изъ чего хлопотать?

— Будешь, ананья, доволенъ; ты видишь какой я человекъ-то.

— Вижу я, что человекъ-то добрый, однако я слыхалъ, что съ именемъ Иванъ, а безъ имени болванъ; дѣло-то хозяйнъ не плевое, отвѣчалъ лопманъ, поднимая другой камешекъ. Коль из-полу, такъ пожалуй.

— Какъ из-полу? я тебя не понимаю.... почти вскричалъ Петръ Ивановичъ.

— Ужъ будто и не понимаешь? Шутить хозяйнъ. Положимъ подмокнетъ первый рядъ, ну а прочее все пойдетъ за настоящую цѣну. А чья работа-то будетъ? Развѣ не шолыганова? Значить, Шолыганъ и въ барышѣ и въ убыткѣ половинщикъ. Лопманъ усмѣхнулся.

— Много хочешь, ананья; если-бы десять процентовъ, то...

— Я не разумѣю, хозяйнъ, что значать твои проценты, говори-ка попросту.

— Десять копѣекъ съ рубля, то пожалуй.

— Эхъ-ма! какъ онъ въ чужомъ-то добрѣ торгуется! сказалъ Шолыганъ.

— Послушай ты, говорю я тебѣ по душѣ: ну тридцать такъ и быть, а то десять — ишь выдумалъ! да изъ чего тутъ руки-то мнѣ марать, подумай-ка!... Лопманъ, смотрѣлъ убедительно на приказчика и покачивалъ головою; за-то, Петръ Ивановичъ, доволенъ будешь....

— А чортъ тебя вѣдаетъ, можетъ такъ дѣлаешь, что ни Оомѣ, ни Еремѣ.... проговорилъ Петръ Ивановичъ.

— Ужъ въ этомъ не сумѣвайся, не много на солодъ уйдетъ; я тебѣ говорю: тридцать что-ли?...

— Бестія ты, наконецъ вскричалъ приказчикъ, кусая съ досады бороду. Двадцать что-ли? Что и двадцать скажешь мало! А?

— Маловато, хозяйнъ. За-то я еще тебѣ совѣтъ дамъ, да какой совѣтъ-то! такой совѣтъ, что ты за него тысячи не пожалѣешь, ей-Богу!

— Что за совѣтъ такой? спросилъ съ любопытствомъ приказчикъ.

— Совѣтъ мой впереди; тамъ и рада особая будетъ, а теперичка-то кончай, о чемъ рѣчь идетъ; такъ что-ли? соглашаешься на тридцать?

— Чортъ съ тобою; тридцать такъ тридцать! проворчалъ Петръ Ивановичъ, махнувъ рукой.

— Значить по рукамъ? Ну, давай-же руку-то, хозяинъ. Лоцманъ подставилъ свою широкую ладонь, приказчикъ не смотря, хлопнулъ по ней своею рукою.

— Ну вотъ давно-бы такъ; только смотри у меня хозяинъ, Шолыганъ умѣетъ молчать, за-то у него и собачка есть, которая, пожалуй, на весь крещеный міръ заласть, кель слово не сдержишь. Лоцманъ потрепалъ по плечу Петра Ивановича.

— Дуракъ ты, ананья, развѣ не видишь, какой я человекъ-то! Небойся, добровольно въ петлю не полезу, только чтобъ и ты свое дѣло сдѣлалъ честно.... Можетъ, ты боишься? я же теперь зараньше говорю, что если выйдетъ что нибудь съ твоей стороны не ладно, то я тебѣ ничего и не говорилъ, понимаешь?

— Хмъ! какъ не понимать, понялъ я давно, что ты золотой человекъ-то; такъ вотъ я тебѣ хочу хорошихъ совѣтомъ услужить. Послушай-ка хозяинъ, чѣмъ пзъ одной-то барки грѣхъ на душу брать, такъ не лучше ли ихъ всѣ четыре въ карманъ положить! А?

Петръ Ивановичъ въ недоумѣніи уставилъ на лоцмана глаза, не вѣря ушамъ своимъ.

— Что глядишь! мудрено кажется, небось? молвилъ послѣдній, усмѣхаясь. А выходитъ просто; на примѣръ: барка затонетъ, ну хоть потечетъ, мы се на берегъ, и надобно свидѣтельство брать.... тутъ-то и можно, вмѣсто одной, получить свидѣтельство на четыре, — четыре молъ разбились. Да! Шолыганъ тѣшился удивленнымъ видомъ Петра Ивановича.

— Не вздоръ-ли ты мелешь, ананья? спросилъ наконецъ недоувѣрчиво приказчикъ.

— Какой тутъ вздоръ, ей-Богу! уладить можно, только ужъ водной безъ благодарности свидѣтельства не дастъ.

— Конечно, безъ того нельзя... произнесъ Петръ Ива-

бычь въ раздумья, и опять принялся чертить налкой и ку-
сать бороду.

И долго еще въ этомъ тонѣ совѣтовались достойные то-
варищи, долго торговались на чужое добро; наконецъ Петръ
Иванычь всталъ.

— Ну, Шолыганъ; я, ананья, не ожидалъ отъ тебя, при-
знаться, такой прыти; да ты сунцій дьяволъ!

— Можетъ и дьяволъ, да только водяной, отвѣчалъ лоц-
манъ самодовольно.

— Смотри-ка, со стороны-то вѣдь пожалуй подумаютъ,
что мы съ тобой о дѣлѣ толковали, а мы такъ-себѣ шутка-
ми прѣбавлялись; пора, ананья, и по мѣстамъ, молвилъ Петръ
Иванычь засмѣявшись.

Лоцманъ только усмѣхнулся на наивную выходку приказ-
чика.

Они разстались.

По уходѣ лоцмана, Петръ Иванычь долго молился на зо-
лоченый крестъ О—й церкви, ярко горѣвшій въ лучахъ за-
падающаго солнца, и пошелъ на барку.

— Знать, судьба! сказалъ онъ, входя въ казенку; но у
него что-то непріятно шевелилось на сердцѣ. Выпивъ нѣ-
сколько рюмокъ водки, чтобъ развеселиться, приказчикъ плю-
нулъ.

— Тьфу ты, мерзость! правду говоритъ Шолыганъ, что
водка скверная, половина воды.

Но водка не дѣйствовала на приказчика совѣмъ отъ дру-
гихъ причинъ, потому что онъ былъ въ какомъ-то лихора-
дочномъ, напряженномъ состояніи.

Спустя нѣсколько дней, передовая барка въ караванѣ Пе-
тра Иваныча, которую велъ Шолыганъ, ударилась слегка
о камни въ Б—хъ порогахъ, показала течь и была выдвиг-
нута на берегъ, а три остальные благополучно пришли въ
Припорожскую пристань.

Приказчикъ нашъ, не теряя времени, какъ рѣшился пре-
жде, продалъ пшеницу, получилъ половину денегъ, присту-
пилъ къ окончанію задуманнаго дѣла.

Между-тѣмъ, точно также и съ поврежденной барки пше-
ница была продана въ Б—хъ. Подмокшей оказалось немно-

го, по словамъ Шолыгана—немного ушло на солодь, остальное было продано по настоящей цѣнѣ. Лодманъ получилъ свою часть, какъ слѣдовало.

Въ одно утро около квартиры Попечителява, равно какъ на крыльцѣ и даже въ корридорѣ, толпилось нѣсколько человѣкъ бурлаковъ, рабочихъ и лодмановъ.

Въ залѣ, въ глубокомъ молчаніи, дожидались нѣсколько человѣкъ судохозяевъ и приказчиковъ. Изъ внутреннихъ комнатъ доносились то дѣтскій плачь, то рѣзкій женскій голосъ; порою по залѣ изъ дверей въ двери мелькала растрепанная босоногая дѣвка, или проходилъ слуга съ сапогами, съ трубкою, чашкою и проч., и скрывался за дверью кабинета, изъ котораго баринъ еще не показывался ожидающимъ и чающимъ его появленія.

Вошелъ въ залу и нашъ почтенный Петръ Иванычъ, держа въ лѣвой рукѣ картузь, а правою придерживая нѣсколько отдувшійся боковой карманъ.

Увидѣвъ проходящаго слугу, приказчикъ отозвалъ его въ сторону и объявилъ шопотомъ, что онъ желаетъ съ его баринѣмъ видаться наединѣ. Слуга кивнулъ головой и ушелъ въ кабинетъ; потомъ, черезъ минуту выйдя оттуда, поманилъ Петра Иваныча; пропустивъ его въ двери, затворилъ ихъ за нимъ и всталъ возлѣ дверей, въ родѣ часоваго.

Войдя въ кабинетъ, приказчикъ отвѣсилъ нѣсколько низжайшихъ поклоновъ смотрителю надъ барками, который, сидя въ креслахъ, въ красномъ шерстяномъ халатѣ, фескѣ съ огромною кистью и бисернымъ чубукомъ въ рукахъ, едва кивнулъ головой. По обрюзгтому лицу, красному носу и запухшимъ глазамъ Попечителява было замѣтно, что онъ ведетъ не совсѣмъ трезвую жизнь.

— Ну, что ты, любезный, зачѣмъ? спросилъ онъ хриплымъ голосомъ, взглянувъ вскользь на Петра Иваныча и опять отвернувшись къ окну.

— Я съ моею покорнѣйшею просьбой, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ приказчикъ: у меня въ Б—хъ разбило...

— А! знаю, ты за свидѣтельствомъ?

— Точно такъ-съ; ужъ я къ вамъ со всякою благодарностію...

Петръ Иванычъ переминался, придерживалъ карманъ и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, не зная съ чего начать. Хотя Шолыганъ и увѣрилъ его, что смотритель уже былъ предупрежденъ и согласился исполнить его просьбу за извѣстную сумму.

Попечителевъ выбилъ трубку и лѣниво пересѣлъ къ столу, не взглянувъ на приказчика.

— Ужь я, судырь, съ величайшею благодарностію-съ... повторилъ Петръ Иванычъ, подвигаясь отъ дверей.

— Что мнѣ ваша благодарность! проворчалъ онъ сквозь зубы и взялъ перо и лоскутокъ бумаги. Въ Б — хъ порогъ... Ты приказчикъ?

— Точно такъ-съ, по довѣренности-съ... Петръ Иванычъ поспѣшилъ вынуть изъ-за пазухи бумагу.

— Н...ненужно... А сколько барокъ? спросилъ смотритель, принимаясь что-то писать.

— Четыре, проговорилъ приказчикъ.

— Четыре?

— Точно такъ, судырь... При этомъ словѣ Петръ Иванычъ положилъ на столъ толстый, запечатанный въ сѣрой бумагѣ пакетъ и отвѣсилъ низкій поклонъ. Мы благодар...

— Какъ-же такъ? перебилъ Попечителевъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ пакета и оставивъ на приказчика свои опухлые глаза: какъ-же такъ? Мнѣ сказали, что у тебя повредила одна барка, а ты говоришь четыре!

— Точно такъ-съ; для васъ все ра...вно... рѣшительно все равно-съ... чуть не шопотомъ и съ низкимъ поклономъ произнесъ Петръ Иванычъ.

— Какъ! выдать свидѣтельство настоящее или ложное, для меня все равно!.. все равно!.. говорилъ Попечителевъ, все болѣе и болѣе понижая голосъ, который наконецъ перешелъ въ какой-то хрипъ. Ахъ ты мошенникъ! ахъ ты разбойникъ!— Онъ съ громомъ отодвинулъ кресло, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Помилуйте...

— Ты знаешь ли, понимаешь ли, понимаешь ли, чего ты достоинъ за такой поступокъ?.. хрипѣлъ смотритель, остановившись передъ приказчикомъ.

— Помилуйте... отецъ родной!.. шепталъ послѣдній.

— Вѣдь ты идешь подь кнутъ!

— Помилосердуйте!

— Вѣдь ты идешь въ Сибирь! продолжалъ онъ неумолимо.

Петръ Иванычъ блѣднѣлъ и трепеталъ.

— Ты воръ, воръ! гра...би...тель! Ты грабншь своего хозяина!

Приказчикъ перетрусился не на шутку, готовъ былъ раскаяться въ своихъ преступныхъ замыслахъ и просить свидѣтельства на одну только повредившуюся барку; но взглянувъ на пакетъ, Петръ Иванычъ укрѣпился и рѣшился перетерпѣть бурю до конца, во что ни вынесетъ, вспоминая увѣренія лодмана.

Миновать десять смотритель ходилъ по комнатѣ, прибиралъ для приказчика всевозможныя унижительныя названія и грозя всевозможными наказаніями, но послѣдній только кланялся.

Между тѣмъ Попечителевъ успѣлъ мелькомъ прочесть на пакетѣ 10,000, остановился передъ трепещущимъ приказчикомъ и сказалъ:

— У тебя, бестія, вѣроятно есть дѣти?

Петръ Иванычъ схватился за эту мысль.

— Есть... есть четверо крохотныхъ, отвѣчалъ онъ. Хоть ради ихъ помилосердуйте!..

— Ну, только ради ихъ, только ради ихъ избавляю тебя отъ тюрьмы, а-то слѣдовало-бы тебя, да... ради дѣтей! Ступай-же, чортъ съ тобою!.. Приказчикъ вздохнулъ свободнѣе, отвѣснлъ низкою поклономъ и стоялъ.

— Чтожь ты нейдешь!.. молвилъ Попечителевъ, садясь опять въ кресла.

— Какъ же, сударь, свидѣт... приказчикъ закашлялся.

— Приходи вечеромъ, получишь на всѣ... Чортъ съ вами! совсѣмъ покою отъ васъ нѣтъ!..

Петръ Иванычъ, выходя изъ кабинета, отеръ крупный потъ на лбу, къ которому прилипли волосы, вздохнулъ и пощупалъ облегченный отъ толстаго пакета боковой карманъ. Смотри на Петра Иваныча, когда онъ выходилъ изъ квартиры Попечителява, можно было подумать, что этотъ человекъ идетъ топиться, — такъ онъ былъ блѣденъ и разстроенъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ возможности описать состоянія его души, онъ былъ въ положеніи преступника по сознанию, достойнаго наказанія, по которому обѣщали прощеніе: такое состояніе легче вообразить, чѣмъ описать. И совѣсть опасенія его грызла попеременно: — а что, если водной-то Бога не побоятся? А развѣ я-то побоялся Бога? думалъ онъ и вздрагивалъ.

Постыжки Петра Ивановича какое нибудь горе, несчастіе или напраслипа, тогда первымъ долгомъ, какъ простой русской человѣкъ, онъ обратился-бы за утѣшеніемъ къ Богу, но теперь онъ не смѣлъ надѣяться на небесную помощь.

Войдя въ знакомую харчевню, первый предметъ бросился ему въ глаза—непремѣнный Иванъ Терентьевъ, уже довольно познакомившійся съ нимъ, во время пребыванія Петра Ивановича въ О-й пристани.

— Что такъ измѣнился ты? здоровъ-ли, батнышка? спросилъ старикъ.

— Лихорадка знобить, Иванъ Терентьевъ... отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, закусывая бороду. Онъ спросилъ водки, и всегда рѣдко пившій до-пьяна, пилъ теперь какъ воду; она потеряла для него вкусъ, и оживляющее свойство. Цѣлый день онъ просидѣлъ въ харчевнѣ, не видя, что вокругъ его дѣлается, и не слыша что говорится.

Между тѣмъ, въ кабинетѣ Почетителя, лишь только затворилась дверь за приказчикомъ, смотритель отбросилъ свою ценоворотливую важность, всталъ проворно, распечаталъ пакетъ, и тщательно пересчиталъ благопріобрѣтенныя 10,000, сторублевыми ассигнаціями. Потомъ пересмотрѣлъ ихъ на свѣтъ, завернулъ въ чистую бумагу и заперъ въ столовый ящикъ.

— Бестія... мошенникъ... воръ!.. да чортъ съ нимъ!.. проговорилъ онъ, сѣвъ на свое мѣсто, и, позвавъ слугу, приказалъ впустить сѣдаго кунца изъ числа дожидавшихся въ залѣ.

Долго тянулся день для Петра Ивановича, и лишь только началъ смеркаться, онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, отъ страха и надежды, отправился къ смотрителю, который, не страшая

уже болѣе приказчика, различными наказаніями, молча выдалъ ему свидѣтельство.

— Петръ Ивановичъ вздохнулъ свободно, какъ будто у него гора свалилась съ плечъ, и положивъ бумагу въ боковой карманъ, сейчасъ-же отправился въ Припорожье.

— Ну, что, хозяинъ, гроза-то прошла? Поладилъ съ тобою смотритель? сказалъ Шолыганъ. Вѣдь я говорилъ тебѣ, что поладить, баринъ добрый...

— Ну, ананья, ужь и гроза!.. проговорилъ Петръ Ивановичъ. Не думалъ, ужь совсѣмъ не зналъ что дѣлать. А все ты, ананья, меня дернулъ въ такое дѣло... Онъ по обыкновенію принялся обкусывать бороду. Лодманъ тольکو усмѣхнулся.

Впрочемъ, достойные пріатели разстался по-пріятельски, довольные другъ-другомъ. Дополучивъ остальные деньги съ купцовъ купившихъ пшеницу, приказчикъ нашъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ. Накупивъ тамъ винъ и разнаго товара для лавки Сидора Петровича и пославъ въ Привольскъ, опять возвратился въ Припорожье; оттуда онъ послалъ горестное увѣдомленіе къ Петру Васильичу о погибели барокъ, потомъ вскорѣ въ триумфѣ и самъ отправился въ Привольскъ, совершивъ такое блистательное дѣло. Шолыганъ, на полученныя отъ приказчика деньги, выстроилъ домъ, купилъ лодку и, отказавшись отъ лодманства, началъ перевозить разныя разности отъ Припорожья до Питера. Но, не переставая пить мертвую чашу, въ скоромъ времени, какъ и надо было ожидать, все спустилъ... и остался тѣмъ-же Шолыганомъ—оборваннымъ, безъ сапогъ и съ новымъ, страшнымъ укоромъ на душѣ.

IX.

Спустя трое сутокъ послѣ несчастнаго случая съ Петромъ Васильичемъ, къ Отрубевымъ пріѣхалъ Алексѣй Алексѣичъ Саламатинъ.

— Ну, что Петръ Васильичъ, голубчикъ ты мой, какъ здоровье твое? спрашивалъ гость, лежавшаго въ постелѣ хозяина.

— Ничего, лежу, отвѣчалъ слабымъ голосомъ хозяинъ.

— Сегодняшнюю ночь, слава Богу, спокойно провелъ, подсказала Наталья Ивановна, день и ночь не отходившая отъ мужа. Садитесь Алексѣй Алексѣичъ!

— Ну, а я вотъ пріѣхалъ, васъ Наталья Ивановна, къ себѣ въ гости звать, началъ гость, усаживаясь противъ хозяйки; знаю, что Петръ Васильичъ слабъ, не будемъ имѣть удовольствія его у себя видѣть, ну, а вамъ-то можно, не откажитесь.

— Что это у васъ за пиръ, Алексѣй Алексѣичъ? спросила съ любопытствомъ хозяйка, припоминая при этомъ разказъ торговки.

— Эхъ, матушка, пиръ-то веселый, дочь выдаемъ замужъ произнесъ торжественно Саламатинъ, потирая руки.

— Вонъ какъ!

— На-силу-то! произнесли, въ одинъ голосъ, хозяева.

Да-съ, мои любезныя; ужъ и было возпи, печего сказать! Присталъ женихъ, да и разъ...

— За кого-же, за кого? перебила Отрубева.

— За полковаго адъютанта Скворчкова, отвѣчалъ Саламатинъ.

— Какъ ужъ это сестрицу-то Катерину Васильевну уломали!

И не говорите, Наталья Ивановна, не мало было хлопотъ; моя Катерина Васильевна и руками и ногами, слышать не хотѣла. Повѣрите-ли, я словно сумашедшій ходилъ, совсѣмъ голову потерялъ, да все дѣло уладилъ мой Николай Алексѣичъ. Какъ ужъ онъ умудрился свою матушку уговорить, разные резоны ей представить, сказать вамъ не умѣю, однако ее образумилъ, согласилась, говоритъ, дескать, знать, Сонюшкина судьба такая, да-съ! Теперь хлопочеть съ портнихами, и бѣлошвейками... Алексѣй Алексѣичъ понюхалъ табаку.

Наталья Ивановна съ удивленіемъ покачала головою, едва вѣря своимъ ушамъ.

— На-силу образумилась, произнесъ Петръ Васильичъ съ участіемъ. А! братъ, Алексѣй Алексѣичъ, помнишь тогда, я хотѣлъ стянуть за Петрушу-та Шестунова? Жаль, братецъ, что не уладилось!

— Что дѣлать, Петръ Васильчъ, не я въ этомъ виновать, ты, я думаю, помнишь, какъ напустила тогда на тебя Катерина Васильевна, сказала гость.

— Ужь вѣрно Софья Алексѣевна судьба за офицеромъ быть, замѣтила Наталья Ивановна.

— Однако, третьяго-дня, насъ навѣщала сестрица и ничего про то не сказала.

— Такое-ли, матушка, тогда время было! Вы сами себя отъ горя не помнили, до чужихъ-ли дѣлъ вамъ было, сказала Саламатинъ. И такъ, вчера мы жениха съ невѣстой, помолвили, тихоноко, безъ постороннихъ; въ воскресенье будетъ форменный сговоръ. Завтра пришлемъ вамъ, Наталья Ивановна, какъ водятся, билетъ. Теперь я приѣхалъ такъ, по родственному, предупредить васъ. Пожалуйте-же на сговоръ, Наталья Ивановна.

— Благодарю васъ, Алексѣй Алексѣичъ, отвѣчала хозяйка;— если полегчаетъ болѣзнь Петра Васильча, то не премину....

Долго еще толковалъ Саламатинъ насчетъ замужества своей дочери, наконецъ уѣхалъ.

Несмотря на печальныя предсказанія Сидора Петровича, Петръ Васильчъ выздоровѣлъ скоро.

Дѣло съ Чернухинымъ кончилось благополучно; въ немъ принялъ родственное участіе Николай Алексѣичъ Саламатинъ, которому Петръ Васильчъ откровенно высказалъ занутанность своихъ дѣлъ. Молодой Саламатинъ ссудилъ самъ небольшую сумму, остальное помогъ занять у нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, такъ что Павелъ Петровичъ имѣлъ удовольствіе сдержать свое слово и возвратить собственно-ручно каждому кредитору его капиталъ, не допуская Чернухина даже до отца.

Казалось-бы, Петру Васильчу надо было успокоиться, тѣмъ болѣе, что прочіе кредиторы, не споря, переписали свои векселя на слѣдующій срокъ; но несмотря на то, что обстоятельства приняли успокоительный оборотъ, Отрубевымъ овладѣло какое-то уныніе; гнетучая грусть. Было-ли то слѣдствіе ненормальнаго состоянія потрясеннаго орга-

впзма, тайное-ли предчувствіе грядущаго горя, или сознательное опасеніе за будущее, — рѣшить было трудно.

Какъ бы то ни было, только, какъ ни старался развлечь себя Пётръ Васильчъ, никакое развлеченіе на него не дѣйствовало: все та-же грусть всегда и вездѣ его преслѣдовала, и въ-людяхъ и дома; случалось такъ, что по цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ дома, смотря въ книгу и не читая ее, по цѣлымъ часамъ бродилъ иногда по саду, не смотря на проливной дождь.

Всегда задумчивый, иногда онъ не замѣчалъ, что вокругъ него дѣлалось, иногда раздражался всякой мелочью, и ко всему придирался, только для того, чтобъ придратъся.

Замѣчая такую неровность въ характерѣ мужа и догадываясь о причинѣ ея (хотя Павелъ Петровичъ свято исполнялъ приказаніе отца—ничего не говорить матери о Чернухинѣ, какъ причинѣ отцовой болѣзни), Наталья Ивановна не менѣе того грустила, хотя и не говорила ни слова о томъ мужу. За-то часто спрашивала сына — что, какъ дѣла?

— Слава Богу-съ, ничего, маменька, отвѣчалъ молодой человѣкъ, обыкновенно избѣгая всячески взоровъ матери и бродя глазами по комнатѣ.

Такъ шло время. Давно уже Саламатины съиграли свадьбу своей дочери. Свадьба была веселая, съ полковой музыкой. Даже сама Катерина Васильевна, словно переродилась, снявъ съ себя личину ханжества и смиренія; она нарядилась въ новое дорогое платье и пышный чепецъ, и сѣла на первомъ мѣстѣ, любовалась на хорошенькую, молодую дочку, — и, казалось, переживала вторично свою молодость. Лице ея, постоянно холодное и строгое, выражало доброту и ласку въ продолженіи цѣлаго вечера; она не поспорила ни разу съ невѣсткою, хотя и сидѣла съ нею рядомъ. Послѣдняя тоже вела себя прилично и веселилась отъ души. Объ Алексѣѣ Алексѣичѣ и говорить нечего: онъ радостно потиралъ руки, пригонывалъ въ тактъ музыки, и частенько бѣгалъ въ буфетъ, заказывать Якимовиѣ *праздничные* пуншики. Надя тоже, видя себя въ бальномъ платьѣ, не слышала земли подъ собою; а счастливый и ласковый молодой, вытанцвъ въ гостиную младшихъ братьевъ и сестеръ своей

жены, которые робко выглядывали изъ-за дверей буфета, лакомилъ ихъ конфетами.

Отрубевы были въ числѣ гостей. Наталья Ивановна вся въ алмазахъ и въ дорогой шали отъ души сочувствовала общему веселю. Петръ Васильчъ, по обыкновенію, былъ грустенъ и неразговорчивъ, извиняясь недавнею болѣзнію; онъ упорно отказывался отъ праздничныхъ пушишковъ, несмотря на усердные просьбы хозяина.

Вскорѣ также благополучно совершилась свадьба хорошенькой сироты Даши, которая приходила съ молодымъ мужемъ и матерью, на поклонъ къ своей благодѣтельницѣ. Мавра Григорьевна съ слезами благодарности цѣловала руки Натальи Ивановны. Словомъ, время шло. Петръ Васильчъ получилъ нѣсколько писемъ отъ Петра Ивановича; послѣдній писалъ, что все славу Богу помаленьку тянутся къ Петербургу, покуда безъ всякихъ приключеній. Наконецъ настала осень,—Петръ Ивановичъ вдругъ замолчалъ. По расчету Петра Васильча, баркамъ давно уже надлежало быть на мѣстѣ, Отрубева писалъ о томъ въ Петербургъ, свосму комиссіонеру по кожевенной торговлѣ. Послѣдній отвѣчалъ: что въ Петербургъ Петръ Ивановичъ еще не бывалъ, и увѣдомлялъ хозяина, что кожевенный товаръ пришелъ благополучно, но цѣны на кожу упали; между тѣмъ какъ хлѣбъ дорожаетъ.

Первое извѣстіе огорчило Отрубева, второе, какъ слѣдуетъ, порадовало; но все онъ не зналъ, что думать о баркахъ съ хлѣбомъ и Петръ Ивановичъ, и очень о томъ тревожился. Спрашивалъ Сидора Петровича, не слыхалъ-ли тотъ чего объ отцѣ; но и Сидоръ Петровичъ равно увѣрялъ его, что о батюшкѣ ничего не слышно, и что онъ тоже очень заботится насчетъ здоровья старика. Петръ Васильчъ писалъ наудачу нѣсколько писемъ на имя прикащика, въ города лежащіе на его пути, и то нисколько не пособило; думалъ ѣхать самъ, но Наталья Ивановна слезно его упрасивала не пускаться въ путь, представляя недавнюю болѣзнь. Думалъ—было Петръ Васильчъ послать Павла Петровича, но небольшая простуда молодого человѣка помѣшала этому. Наконецъ Отрубева рѣшился послать кого-нибудь чужаго, и прискивалъ человѣка.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, возвратясь отъ поздней обѣдни, все семейство Отрубевыхъ сидѣло въ залѣ за извѣстнымъ круглымъ столомъ, на которомъ привѣтно шумѣлъ семейный самоваръ. Петръ Васильичъ, углубясь въ креслы, просматривалъ Санктпетербургскія вѣдомости. Павелъ Петровичъ въ полголоса рассказывалъ матери, что видѣлъ въ монастырѣ у обѣдни Катерину Васильевну Саламатину, съ молодыми, что зять самъ свелъ ее съ мѣстницы, и посадилъ въ коляску, и проч... Наталья Ивановна, слушая сына, въ то же время наливала чай, и унимала Федю, который пилъ съ блюдечка въ накладку. Порою мать семейства тоже ласково взглядывала на свою маленькую дочку, которая въ алой шелковой шубкѣ, выпушенной бѣлкою, какъ шарикъ быстро бѣгала по залѣ, такъ что нянька Федора едва успѣвала за нею, опасаясь на каждомъ шагу, что дитя упадетъ. Но дѣвочка смѣялась, лепетала и какъ будто поддразнивала няню.

— Упадетъ, упадетъ! нянька, держи ее! вскрикивала иногда Наталья Ивановна, готовая сама бѣжать за дитею.

— Что мнѣ съ нею дѣлать-то, сударыня, отвѣчала нянька:— Фисонька, Анфиса Петровна, перестаньте душечка, пойте-ка сюда, у меня есть *нещичко*...

Но Фисонька снова заливалась смѣхомъ и какъ вѣтерокъ неслась въ другой уголь. Часы заиграли арію; дитя оставалось слушать.

И всю эту семейную картину освѣщало яркими лучами осеннее солнце.

Горничная подала Петру Васильичу письмо.

— Откуда? отъ кого? спросили въ одинъ голосъ мать и сынъ.

— Отъ Петра Иваныча, отвѣчалъ Петръ Васильичъ. — Что это! изъ Припорожья? прибавилъ онъ, взглянувъ на штемпель. — Неужели онъ еще въ Припорожь? Быть не можетъ! ужъ не случилось ли чего? И Отрубева поспѣшно распечаталъ письмо, началъ читать про себя. Жена не сводила глазъ съ мужа, Павелъ Петровичъ всталъ быстро со стула, но не смѣлъ встать за креслами отца, остановился, изображая собою живѣйшее любопытство и ждалъ, что скажетъ отецъ.

Даже и Фисонька присмърѣла, какъ-будто въ ожиданіи чего-то. Одинъ Федя, пользуясь отвлеченнымъ вниманіемъ матери, успѣлъ утащить нѣсколько кусковъ сахару.

Бѣгло взглянулъ Петръ Васильчъ на первыя строки письма; и чѣмъ далѣе онъ читалъ, тѣмъ болѣе дрожала его рука, тѣмъ блѣднѣе становилось его лице. Наталья Ивановна уже готова была вскочить, броситься къ мужу, прервать чтеніе вопросами, но какъ-будто подъ обаяніемъ какой-то невѣдомой силы, только смотрѣла на него, не трогаясь съ мѣста и видѣла, какъ лице его покрыла смертная блѣдность и рука опустилась съ недочитаемымъ письмомъ; его было какъ въ лихорадкѣ. Онъ испустилъ какой-то глухой вопль, похожій на предсмертный стонъ, и уставивъ на жену потухшіе неподвижные глаза, какъ глаза мертвеца.

— Другъ мой! что? — Папенька, что случилось? вскричали бросаясь къ нему жена и сынъ, трепещущіе и блѣдые какъ и онъ самъ. Но Петръ Васильчъ не отвѣчалъ, онъ съ трудомъ переводилъ тяжелое и прерывистое дыханіе. Павелъ Петровичъ схватилъ руку отца, въ которой было письмо; рука была судорожно сжата, и холодна, какъ ледъ.

— Другъ мой, Петръ Васильчъ! сотвори молитву... говорила Наталья Ивановна прерывающимся отъ волненія голосомъ — не знаю что случилось, но прошу тебя, не убивайся, вспомни, что на все воля божья...

— Папенька, что же, что же, что сдѣлалось, позвольте спросить? говорилъ дрожащимъ голосомъ сынъ.

— Ну!.. произнесъ наконецъ удушливымъ голосомъ Отрубевъ, приходя въ сознаніе своего горькаго положенія и тяжело вздохнувъ: — друзья мои! у насъ болѣе ничего нѣтъ, барки въ Припорожьи разбило, хлѣбъ весь потонулъ; все погибло. Жена! дѣти! я банкротъ, вы всѣ нищія!.. Петръ Васильчъ окинулъ всѣхъ невыразимо-грустнымъ взглядомъ, взявъ руку Натальи Ивановны, прижалъ ее къ груди и глухо зарыдалъ. Съ этимъ удушливымъ безслезнымъ рыданіемъ слилось рыданіе и стонъ жены; она другой рукой обхватила шею мужа и обливала горькими слезами его поникшую голову. Павелъ Петровичъ закрылъ лице руками, и трясся всѣмъ тѣломъ. Федя и Фисонька робко прижались къ нянѣкѣ,

которая, пораженная хозяйскимъ горемъ, утирала глаза передникомъ и не знала что ей дѣлать, уйти или остаться тутъ. Нѣсколько минутъ длилась эта раздирающая сцена.

— Ну! сказалъ опять Петръ Васильчъ, проводи рукой по горячимъ сухимъ глазамъ, какъ-будто утирая слезы. «Что дѣлать! вѣрно такъ!. вѣрно такъ сужд... Онъ не договорилъ и бросилъ письмо сыну, примолвивъ шопотомъ: «читай!..»

Павелъ Петровичъ, посадивъ въ кресла рыдающую мать, которая едва держалась на ногахъ, и самъ, пораженный неожиданнымъ ударомъ, не менѣе родителей, опустился на стулъ и принялся читать письмо. Слезы заливали ему глаза, онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не могъ разобрать даже первыхъ строкъ.

Отецъ, думая, что сынъ читаетъ про-себя, проговорилъ едва слышно :

— Вслухъ! Паша, читай вслухъ! Надобно же узнать въ подробности свое несчастье, я не могъ... не могъ дочитать...

Молодой человѣкъ наконецъ собрался съ духомъ, и, утирая слезы, началъ едва слышно :

«Милостивый Государь, судырь-братецъ
Петръ Васильевичъ!

При помощи Божіей, пожелавъ вамъ многолѣтняго здравія, и всему вашему благопріятному семейству, свидѣтельствую мое глубокое высокопочтаніе.

«Увѣдомляю васъ, судырь-братецъ, о весьма несчастномъ приключеніи, постигшемъ вашу милость; но что дѣлать, вѣрно такъ угодно Богу, *«возверзи на Господа печаль!»* глаголетъ царь и пророкъ Давидъ. А также и премудрый Соломонъ пишетъ: *«сыне не пренебрегай наказанія Господня, ниже ослабѣвай отъ него обличаемый, его же бо любитъ Господь наказуетъ, бѣтъ же всякаго сыне его же пріемлетъ.»* И васъ, судырь-братецъ, любя, Господь посѣтилъ такимъ посѣщеніемъ. Не убивайте сами себя отъ печали! Хотя мнѣ прискорбно вѣстникомъ печали для васъ служить, но, зная, потому суждено быти. Послѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, пуценнаго августа 29 числа, мы благополучно дотянулись до 0—й

пристани; перегрузясь какъ слѣдуетъ и помолясь Богу, въ назначенное время пошли черезъ пороги. Барки наши пущены были впередъ гуськомъ другъ за другомъ. На передней былъ лоцманъ знающій, хорошо апробованный, потому что я ни просьбъ, ни денегъ не жалѣлъ для водянаго пристава, усердствуя къ вашей пользѣ. Но по неловкости что ли лоцмана, али какъ я думаю попущеніемъ Божиимъ, вдругъ сильнымъ прибоемъ бросило барку на камни, пересадило пополамъ, и не успѣли мы мигнуть, — даже и теперь мурашки по кожѣ ползаютъ, — какъ она встала впоперегъ. Прочія барки шли на близкомъ другъ отъ друга разстояніи; поднять сигнала не успѣли, и онѣ съ налету другъ на друга набѣжали... И пошла свалка. Господи ты, Боже мой! Я находился на второй баркѣ и думалъ, что смерть моя приходитъ... Не помню я, судырь-братецъ, какъ ихъ всё поломало, и хлѣбъ весь погрузъ; четвертую только кой-какъ лоцманъ успѣлъ на берегъ насунуть, да и въ ней оказалась большая течь, а о трехъ-то и говорить нечего. Народу много множество набѣжало, да ничего не могъ никто сдѣлать. А я ужъ совсѣмъ-было разума лишился, отъ такого великаго горя. И тутъ мы долго *провалялись*, покуда навели слѣдствіе, да мокрые куле кой-какъ собрали; прочее все разнесло, или растаскали. Остальное годно было только развѣ на солодъ, и я, имѣя отъ васъ довѣренность на продажу, продалъ за что попало, дабы и остатки не бросить. Потомъ, получивъ отъ начальства свидѣтельство о семъ несчастномъ случаѣ, намѣревался уже ѣхать въ Привольскъ, но крайне захворалъ отъ печали и оттого, что долго приходилось быть въ водѣ, а время стояло *сиверкое*. Что хотите со мною, судырь-братецъ, то и дѣлайте, но вины своей я тутъ никакой не вижу, кромѣ того, что не увѣдомилъ васъ немедленно; но я былъ такъ убитъ симъ происшествіемъ, что не имѣлъ даже никакого соображенія и дней не помнилъ. Теперь прискиваю попутчика, дабы возвратиться въ Привольскъ, и думаю, что на-дняхъ выѣду.

Не печальтесь, судырь-братецъ, поберегите свое здравіе, для вашего благопріятнаго семейства.

Имѣю честь пребыть и проч....»

Павелъ Петровицъ отложилъ въ сторону письмо, и облокотясь на столъ, подперъ руками голову; слезы душили его. Отецъ грустно смотрѣлъ на сына, мать плакала; нѣсколько минутъ все молчали.

— Другъ мой, Петръ Васильичъ! — сказала она обращаясь къ мужу, — конечно великое насъ постигло несчастье, но что-жь дѣлать, на все воля Божія! — Прошу тебя, не убивайся, побереги свое здоровье для семейства, какъ молвить Петръ Ивановичъ: *возверни на Господа печаль*. Богу угодно испытать насъ.... смирить....

— О Боже мой! Боже мой! Какое страшное горе! прерывалъ Петръ Васильичъ отчаяннымъ голосомъ: Дѣти! дѣти!... и вы.... безъ-всего.... Подите сюда!... Охъ, не знаю, перенесу-ли я этотъ ударъ!...

Федя подошелъ къ отцу, Федора подвела Фисоньку. Петръ Васильичъ, не находя словъ, молча прижалъ маютокъ къ груди, какъ будто, желая вознаграждать дѣтей своею горячею ласкою за то, что было невозвратно потеряно.

Нянька, смотря на эту сцену, закрыла лице передникомъ; хозяинъ грустно взглянулъ на нее.

— Другъ мой, какъ мы несчастны, сказалъ онъ женѣ: что даже она.... наемная служанка, плачетъ о насъ.... И онъ еще крѣпче прижалъ дѣтей и заплакалъ; для него открылся благодатный источникъ облегчающихъ слезъ.

— Папенька, папенька-съ успокойтесь!... говорилъ старшій сынъ, подходя къ отцу, и цѣлуя его руки. Богъ милосивъ, авось поправимся; мы не виноваты въ своемъ несчастьи, оно могло со всякимъ случиться....

— Паша! ты-ли меня утѣшаешь! Развѣ ты не знаешь, не понимаешь всей горечи вашего положенія?...

— Все понимаю, папенька, понимаю, какъ вамъ тяжело-съ, но можетъ быть найдутся люди, сжалятся.... Слезы помѣшали договорить молодому человѣку.

Охъ! не говори!... вспомнить не могу о тѣхъ, кто такъ недавно и довѣрчиво переписали векселя.... Петръ Васильичъ закрылъ лице руками.

— Ужь вѣрно судьба, сказалъ сынъ, чтобы только что нибудь сказать.

— Пусть такъ; но развѣ имъ легче отъ того утѣшенія, развѣ они не теряютъ?...

— Паненька-съ, вы заботитесь о людяхъ едва-ли не болѣе, чѣмъ о себѣ! замѣтилъ сынъ.

— Такъ развѣ для того мы занимали, чтобы не платити?... прервалъ отецъ горячо, поспѣшно отирая глаза. Нѣтъ, я занималъ не для того....

— Позвольте.... позвольте, папенька-съ, перебилъ болѣе смѣлымъ голосомъ молодой человѣкъ, я хотѣлъ вамъ доложить о томъ, что вы всегда говорили-съ, что честь дороже всего-съ....

— Правда, правда Паша, но.... что если поневогѣ придется быть безчестнымъ.... Да! лучше умереть, чѣмъ терпѣть эту муку!... Отрубевъ ударилъ кулакомъ себя въ грудь.

— А развѣ у насъ не будетъ настолько, чтобы расплатиться? сказалъ сынъ.

— А у васъ, у васъ, что останется?...

— Что-жь дѣлать-съ, надобно себя ограничить-съ покуда, а тамъ-съ....

— Другъ мой! ты забылъ, что у тебя мать.... маленькій братъ и сестра.... А я? Меня разразило это бѣдствіе, совсѣмъ разразило. Можетъ придется тебѣ одному о всѣхъ заботиться....

— Я готовъ папенька-съ, готовъ на все, буду стараться, буду просить, чтобы добрые люди одолжили; не одолжать, пойду въ приказчики.... пойду въ работники, пойду-съ дрова пилить, и прокормлю, и васъ и маменьку и брата и сестру. Вѣрно такъ суждено.... говорилъ, съ увлеченіемъ молодой человѣкъ.

Наталя Ивановна глубоко вздохнула, утерла слезы и съ упованіемъ взглянула на образъ, прося у Бога душевной твердости; она чувствовала, что до нея дошла чередъ, утѣшить мужа насколько станеть ей силъ и разсудка.

— Другъ мой, Петръ Васильчъ! — сказала она, — сохранилъ-бы Господь твое здоровье.... О дѣтяхъ толковать

вечего, они еще малы, скоро забудутъ, что родились въ богатствѣ и привыкнуть къ бѣдности.... Вотъ, Паша, другое дѣло, ему конечно тяжело, молодой человѣкъ только на свѣтъ пошелъ; но и тутъ что дѣлать! Надобно разсудить и вспомнить, что цари царства теряли.... Надобно покориться волѣ божей... Няня, уведи дѣтей; — примолвила она, обратясь къ Осдорѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не тронь ихъ. Дѣти мои, семья моя милая, не оставляйте меня! жена! сынъ! дайте мнѣ свои руки... вотъ такъ!... говорилъ Петръ Васильичъ, взявъ за руки Наталью Ивановну и Павла Петровича, между-тѣмъ какъ младшіе дѣти прижались къ колѣнямъ отца. — Вы... вы лучше меня; ты, Паша, даешь мнѣ урокъ.. ты, мой другъ, Наталья Ивановна, спасасшь отъ отчаянія... Онъ затрясся отъ слезъ. Жена и сынъ тоже плакали.

— Вы лучше меня... я васъ не стою и никогда не стоилъ; — человѣкъ познается въ бѣдствіи. И какъ я ничтожень!... Петръ Васильичъ опустилъ голову, и долго оставался въ такомъ положеніи: — Ну, Господь съ вами!.. примолвилъ онъ, какъ будто очнувшись, и, перекрестивъ младшихъ дѣтей, сказалъ: — Оедорушка, уведи ихъ....

По уходѣ дѣтей и няньки, вошла горничная доложить, что столъ накрытъ, и простояла нѣсколько минутъ, пораженная заплаканными лицами хозяевъ.

— Скажи, чтобъ Иванъ сію-же минуту съѣздила за Алексѣемъ Алексѣичемъ Саламатинымъ, и попросилъ его немедленно, если только можно, пріѣхать къ намъ, приказала горничной Наталья Ивановна.

Остывшій самоваръ былъ убранъ со стола, но супруги и сынъ все еще сидѣли на своихъ мѣстахъ; изъ устъ ихъ вырывались то слова сожалѣнія, то слова утѣшенія, но тяжелые вздохи чутко слышались, и платки часто подносились къ глазамъ. Въ этомъ положеніи засталъ ихъ Саламатинъ. Живой старичокъ, удивленный такимъ страннымъ приглашеніемъ, и недобившійся отъ кучера ничего, кромѣ того что, дескать, — Наталья Ивановна проситъ васъ сію минуту, не заставилъ себя долго дожидаться.

— Что такое Петръ Васильчъ! все-ли у васъ здорово?... спрашивалъ гость, поспѣшно входя въ залу: Матушка, Наталья Ивановна.... Но онъ, какъ и горничная, вдругъ остановился среди комнаты, видя, что хозяйинъ привсталъ было съ кресель, но закрывъ лице руками, опять опустился. Хозяйка заплакала. Подошелъ къ нему Павелъ Петровичъ, тоже блѣдный и разстроенный, подаль ему руку, но и тотъ выговорить ничего не могъ.

— Батюшка мой! Да что-жь у васъ надѣлалось? умеръ что-ли кто? вскричалъ Саламатинъ въ недоумѣнн.

— Другъ! Алексѣй Алексѣичъ! Лучше-бы можетъ было, еслибъ я умеръ, но смерти нѣтъ.... проговорилъ Отрубевъ, протягивая руку гостю. Извини, не могу встать, горе совсемъ меня убило....

— Что за горе такое? Расскажи ради Бога, спрашивалъ Саламатинъ, садясь возлѣ хозяйна.

Сбивчиво и непоследовательно, принялись ему рассказывать Отрубева о своемъ несчастіи. Наконецъ Павелъ Петровичъ прочиталъ ему письмо приказчика. Алексѣй Алексѣичъ, душевно сочувствуя ихъ горю, охалъ, охалъ, вздыхалъ и вскакивалъ съ мѣста, и не зналъ, не умѣлъ, какъ утѣшать несчастныхъ.

— И вотъ, другъ, все наше богатство!.. сказала Петръ Васильчъ, грустно покачивая головой.

— Помогн тебѣ Господи перенести это несчастье, Петръ Васильчъ; укрѣпн васъ Господи, Наталья Ивановна.... говорилъ Саламатинъ вздыхая; но что дѣлать, божіе посѣщеніе, мой другъ, божіе посѣщеніе; вы ужъ, сударыня, Наталья Ивановна, не вдавайтесь въ тоску-то, старайтесь су-пруга-то разговаривать.... И долго еще говорилъ Алексѣй Алексѣичъ въ такомъ тонѣ, и между прочимъ сказалъ Отрубевымъ, что вчера онъ проводилъ своего сына, Николая Алексѣича, который уѣхалъ въ Петербургъ, по фабричнымъ дѣламъ.

— Дѣло наживное.... Эхъ! никто какъ Богъ, заключилъ онъ.

Пробило три часа и гость первый вспомнилъ, что онъ еще не обѣдалъ, что только хотѣлъ садиться за столъ, какъ

за нимъ прислали. Наталья Ивановна упросила гостя откупать у нихъ, и для компаніи Алексѣю Алексѣичу отрядила сына въ столовую; но ни сама, ни Петръ Васильчъ, не сѣли въ этотъ день за столъ; имъ обоимъ не шелъ кусокъ въ горло. Мы не ошиблись сказать, что и Павелъ Петровичъ сѣлъ за столъ, только изъ приличія, потому что ничего не могъ ѣсть; онъ молча слушалъ угѣшенія и разныя предположенія Саламатина, кушавшаго и пившаго за двоихъ.

— Послушай-ка, дорогой мой Пашинька, сказалъ гость, уѣзжая и прощаясь съ молодымъ хозяиномъ: я васъ вотъ въ чемъ предостерегу, не оставляйте вы одного-то папеньку, съ отчаянья мало-ли что можетъ въ голову придти...

— Я не понимаю, дяденька, что вы изволите говорить-съ.

— Я говорю, чтобы онъ того... ты знаешь, человекъ онъ горячій. Убирайте вы отъ него подальше ножи, и...

Павелъ Петровичъ поблѣднѣлъ, задрожалъ и судорожно сжалъ руку Саламатина.

Сынъ передалъ матери объ этой предосторожности. Наталья Ивановна не отходила отъ мужа.

Вечеромъ пришелъ къ Отрубевымъ Сидоръ Петровичъ. Помолясь какъ слѣдуетъ, и поклонясь, сынъ приказчика остановился у дверей.

— Ну, Сидоръ Петровичъ, знать и ты получилъ отъ отца вѣсть?... спросилъ Петръ Васильчъ, сидя въ тѣхъ-же самыхъ креслахъ, и взглянувъ въ лице пришедшаго, на которомъ впрочемъ ничего не выражалось, кромѣ природной грубости.

— Точно такъ-съ дядюшка-съ, — отвѣтилъ Сидоръ Петровичъ, — вѣсть нерадостная-съ; вы тоже получили-съ?

— Какъ-же! Сразило, братъ, меня... да! Ну отецъ къ тебѣ пишетъ, вѣроятно, обо всемъ... Хозяинъ не могъ больше ничего сказать.

— Точно такъ-съ. Этакое несчастье-съ!... ужъ мы очень сумлѣваемся и о батюшкѣ-то, — пишетъ, что не очинно здоровъ. Да и какъ ему было перенести! вы сами, дядюшка, изволите знать, его къ вамъ усердіе-съ....

— Знаю, знаю. Да, братъ Сидоръ Петровичъ, вотъ оно

горе-то, пришло нежданное.... Конечно, Петръ Иванычъ не виновать....

— Разумѣется, дядюшка-сь; кромѣ лоцмана въ этомъ несчастіи никто не виновать-сь.... Ужъ вы дядюшка не убивайте себя-сь, знать воля божія на то-сь. Прощенья просимъ, дядюшка-сь....

— Присядь братецъ, посиди, — пригласилъ хозяинъ.

— Покорнѣйше благодарствую. Сидоръ Петровичъ присѣлъ на указанный стулъ.

Оба замолчали.

— Конечно дѣло понятное, что отецъ твой перепугался, сказалъ Петръ Васильичъ.

— Точно такъ-сь; мы объ немъ дядюшка сокрушаемся-сь. Прощенья просимъ, дядюшка, счастливо оставаться! Сидоръ Петровичъ всталъ.

— Сиди, куда торопишься?

— Чтобъ васъ не обезнокоптъ-сь.

— Въ лавку торопишься?

— Точно такъ-сь; дѣло одинокое-сь! Сидоръ Петровичъ перевертывалъ картузъ въ рукахъ.

— Ну прощай, не удерживаю, сказалъ хозяинъ.

Слышъ приказчика помолился, раскланялся, и встряхнувъ волосами, пошелъ къ дверямъ. Навстрѣчу ему шла Наталья Ивановна.

— Мое почтеніе, тетушка-сь; какъ ваше здоровье-сь?

— Не спрашивай, Сидоръ Петровичъ о моемъ здоровьѣ теперь; тебѣ я думаю извѣстно.... Но что ты не посидѣлъ съ дядею? спросила Отрубевъ.

— Извините, тетушка-сь, вамъ нужно можетъ успокоиться-сь, мое почтеніе, счастливо оставаться-сь. И Сидоръ Петровичъ исчезъ.

— Ну ихъ тамъ! не умѣю я роли утѣшителя разыгрывать.... Вотъ батюшка такъ пожалуй угораздился-бы на эти штуки, пожалуй и текстъ-бы успокоительный подобралъ.... разсуждалъ самъ съ собою Сидоръ Петровичъ, уходя изъ дома Отрубевыхъ, — горе, несчастье постигло!.. Еще останется кока-сь-сокомъ; проживуть небось....

По отъѣздѣ Саламатина пріѣхалъ Чемодановъ.

— Говорятъ, — что всѣ други, всѣ приятели до чернаго лишь дня! вскричалъ входя въ залу Илья Епифанычъ: — А вотъ и не правда, я вотъ въ самый черный день навѣстилъ тебя, Петръ Васильичъ! Представьте, какое дьявольское несчастіе случилось съ вами.

— Что дѣлать! что дѣлать, Илья Епифанычъ! вѣрно судьба моя такая... отвѣтилъ Отрубевъ, который былъ вовсе не радъ посѣщенію крикливаго гостя.

— Да, вотъ поди ты — и думай, раздумывай!.. Пусть-бы ужъ худому человѣку воздавалось по дѣломъ его, а то тебѣ-то, братецъ, хо, хо! Чемодановъ покачалъ головой и ударилъ себя по бедрамъ. А ужъ вы-то, Наталья Ивановна, вы-то добрейшая и почтеннѣйшая женщина, ей-Богу, недостойны терпѣть такое несчастіе! прибавилъ исправникъ, обращаясь съ любезностью къ хозяйкѣ.

— Вѣрно такъ Богу угодно, отвѣчала Отрубева.

— И вы, Илья Епифанычъ, узнали о нашемъ несчастіи... вознилъ хозяйка, пригласивъ гостя сѣсть.

— Какъ-же, Петръ Васильичъ не узнать, да теперь въ городѣ, только и трезвонятъ объ этомъ. Ты, братецъ мой знаешь, что Привольцы всегда чужими дѣлами болѣе занимаются, чѣмъ собственными; ужъ у нихъ черта такая, ей-Богу, особенно эти почтенные дамы, такъ вотъ и готовы за малку тебя схватить, только-бы узнать что-нибудь новенькое, ей-Богу-съ! говорилъ исправникъ. Ну, и такъ барки-то твои, Петръ Васильичъ, — такъ-таки, — дружище, всѣ в поволоку?

— Приказчикъ пишетъ, что всѣ.... отвѣтилъ грустно Отрубевъ.

— Гмъ! произнесъ глубокомысленно Илья Епифанычъ. А ты, такъ дружище, не думаешь, самъ туда съѣздить? Гдѣ это далеко-ли несчастье-то случилось?

— Въ Припорожьи, Илья Епифанычъ, но ѣхать туда не могу, убить я больно, да и что? развѣ pomoжешь дѣлу своему бесполезнымъ приѣздомъ? Только лишнія траты, и еще разстроишься болѣе... сказалъ Петръ Васильичъ.

— Ну, дружище, все-таки я думаю.... Да, конечно это

убило тебя, вѣрно что убило, ну если не самъ, такъ сына-бы послалъ, стоялъ на своемъ Чемодановъ.

— Помилуйте, Илья Епифанычъ! ну что можетъ сдѣлать молодой человѣкъ? Онъ нигдѣ не бывалъ; да и что пользы отъ того?...— вмѣшалась Наталья Ивановна. Нѣтъ ужъ знать за грѣхи наши угодно было Богу наказать насъ...

— Вы все не то толкуете, сударыня. Какъ это можно, свой глазъ, свое ухо... Развѣ напримѣръ, приказчикъ вашъ, не могъ тамъ поживиться? Вотъ онъ написалъ вамъ, то и то, турусы на колесахъ, а хлѣбъ-то, кто его знаетъ, — можетъ и не весь до-того попортился, что никуда негоденъ, и онъ нѣсколько тысячъ четвертей очень могъ продать въ свою пользу, ей-Богу такъ! — сказалъ съ увѣренностью Илья Епифанычъ.

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ, Илья Епифанычъ, этого у насъ быть не могло, на приказчика грѣшно думать, говорила нѣсколько горячо хозяйка. Приказчикъ у насъ не чужой, свой, родственникъ.

— Эхъ, сударыня! свой человѣкъ! говори съ вами, а вы свое, то есть, дамы по-дамски и разсуждаете.... А вы на свой-то аршинъ, матушка, ни кого не мѣряйте! — возразилъ Чемодановъ. Что родственникъ, такъ ужъ будто и за грѣхъ почтеть въ мутной водичкѣ рыбки поудить? Ни за кого, матушка, не закладывайтесь. Не правду-ли я говорю? прибавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

Петръ Васильичъ подтвердилъ мнѣніе своей супруги, и увѣрялъ исправника, что подозрѣвать своего двоюроднаго брата въ какой-либо фальшѣ онъ считаетъ грѣхомъ.

Но Илья Епифанычъ упорно держался въ своихъ сомнѣніяхъ. Другъ добродѣтельный, — говорилъ онъ: — я не хочу заставить васъ насильно, дурно думать о вашемъ приказчикѣ, потому что вы его лучше знаете... но... находясь на службѣ, мнѣ иногда приходилось открывать мошенничества, содѣянные такими, повидимому честными и почтенными людьми, что право накажутъ самъ-бы готовъ былъ присягнуть за ихъ добросовѣстность, ей-Богу такъ! И вотъ вълѣдствіе такихъ-то убѣжденій Петръ Васильичъ, я-бы бывши на ва-

шемъ мѣстѣ, поѣхалъ самъ въ Припорожье, все-бы развѣдалъ, разузналъ...

— Вотъ и видѣнъ исправникъ, замѣтилъ Отрубевъ, невольно улыбаясь.— Вы это, Ильи Епифанчъ, говорите изъ одной привычки къ слѣдствіямъ, но повѣрите-ли, что моя поѣздка въ Припорожье не принесетъ ужъ мнѣ никакой пользы; да правду сказать, я и сдѣлать ничего не могу: — болѣнъ душою и тѣломъ.... прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

По отъѣздѣ Чемоданова, приказано было запереть ворота, и никого не принимать, кромѣ доктора и Саламатинныхъ.

Прошло три недѣли, Петръ Васильчъ ни разу ни куда не показывался; его отчаянная тоска уже принимала характеръ тихой грусти. Иногда онъ сидѣлъ задумавшись по цѣлымъ днямъ, не говоря ни слова, иногда смотря на младшихъ дѣтей, плакалъ по цѣлымъ часамъ. Наталья Ивановна, какъ женщина просто и религіозно воспитанная, нашла исходъ своему горю въ молитвѣ; каждую заутреню и раннюю обѣдню, она отганвала въ ближайшей церкви, причемъ приняла на себя нѣсколько разныхъ обѣтовъ. Раздумывая въ безсонныя ночи о своемъ положеніи, она въ глубинѣ души сознавала, что Богъ наказалъ ея мужа за гордость, за пренебреженіе къ бѣднымъ, и со слезами вспоминала свое невольное пророческое слово, когда она сказала мужу, что можетъ быть она будетъ также бѣдна, какъ Мавра. Теперь она молила Бога только о томъ, чтобъ онъ послалъ твердость Петру Васильчу перенести этотъ ударъ, и не пасть подъ нимъ.

Павелъ Петровичъ рѣдко показывался въ лавку, болѣе проводилъ время дома, или на кожевенномъ заводѣ, гдѣ работа, безъ присмотра самого Петра Васильча шла какъ-то въ разладъ, и товаръ отъ небрежности рабочихъ зачастую портился.

Грустно собиралось убитое семейство въ кружокъ, сидѣло за самоваромъ повѣся головы, всякій предавался своимъ девеселымъ думамъ; иногда только слышался леветъ Фисоньки, или смѣхъ Оеди, на которыхъ уныло поглядывали

родители. Впродолженіи этого времени ихъ посѣщали только Саламагины.

И вотъ въ одно туманное и дождливое утро, часовъ въ шесть, Сядоръ Петровичъ, собиравсь въ лавку, случайно взглянулъ въ окно, и увидѣлъ, что къ дому подъѣзжаетъ ямщицкая тройка, и изъ кибитки выглядываетъ его дражайшій родитель. Съ неописанной радостью, достойный сынъ, со всѣхъ ногъ бросился встрѣчать достойнаго отца, помогъ ему выйдти изъ повозки, и облобызавъ родительскую руку; потомъ помогъ внести въ комнату чемоданъ и сундучокъ. Въ прихожей встрѣтила свекра невестка, измѣнивъ кислую мишу на самое почтительное выраженіе, она цѣловала старика, и поздравила его съ пріѣздомъ.

— Ну ты здорова-ли, добрая моя, голубица моя? спрашивалъ ее Петръ Ивановичъ, и потомъ прибавилъ вторично, обнимая сына: Ну, братъ Сидоръ, еще Богъ привелъ васъ видѣть; въ такомъ я, братецъ ты мой, былъ положеніи, такую видѣлъ передругу, что *сердце мое смятсся во мнѣ!*...

— Мы и такъ, батюшка, сокрушались о вашемъ здоровьѣ, когда вы написали, что сдѣлались больны, сказала сынъ, стараясь что-нибудь особенное уловить на лицѣ отца. Но старикъ покуда такъ хорошо замаскировалъ себя, что кромѣ радости свиданіи въ немъ ничего не было замѣтно.

— Ты, я вижу, въ лавку собрался, Сидоръ? замѣтилъ отецъ: погоди, братъ, побесѣдуемъ. Ну-ка, Александра Павловна, похлопочи объ самоварцѣ, обратился онъ къ снохѣ, которая сейчасъ-же и вышла.

— Вотъ, братъ Сидоръ, дѣла-то какія случились! заговорилъ Петръ Ивановичъ, садясь, въ ожиданіи чая, на старую кожаную софу. Жаль братца Петра Васильича, много потерялъ убытку! почти все потерялъ... Что-то онъ бѣдный; — какъ такую вѣсть получилъ — я думаю — его убило? Человѣкъ гордый... привыкъ жить хорошо... Да хотя бы все свое-то было, а то прихвачено много чужова... Да, трудно перенести такой ударъ?.. я вѣрю этому... Петръ Ивановичъ задумался и кусалъ бороду.

Сынъ, сидя напротивъ, наблюдалъ за нимъ изподлобья.

— Ты былъ у нихъ Сидоръ? спросилъ приказчикъ. Ну, что они? говорилъ хозяинъ что-нибудь про меня?

— Какъ-же-съ, былъ, про васъ батюшка Петръ Васильичъ только и сказалъ: что въ этомъ — говорить — Петръ Иванычъ не виновать... отвѣчалъ сынъ.

— Конечно; кто-жъ въ томъ виновать, кремъ лопмана, да и тетя можетъ быть по неосторожности... *на грѣхъ мастера яма*, тутъ Богъ судить... Петръ Иванычъ закашлялся. Ну... а съ моей стороны, все было сдѣлано... А горюють шибко они?

— Разумѣется горюють, да что имъ, еще осталось.. Петръ Васильичъ однимъ форсомъ сѹмѣеть поддержать кредитъ, повѣрять... еще дураки не перевелись, говорилъ Сидоръ Петровичъ, смотря то на носокъ своего сапога, то на вывороченную нитку, какъ будто рѣчь шла о сапогѣ.

Нѣтъ, братъ Сидоръ, плохо имъ придетъ: кожевенный товаръ въ Питерѣ ни почему, заводъ тоже ихъ кажется на мель посадить. Какъ подумаешь, такъ по родству и по человечеству, и жажо Петра Васильича, тоже братъ, семья, хотя онъ и гордился противъ насъ бѣдняковъ... Петръ Иванычъ устремлялъ глаза въ уголь, и потрежнему кусалъ бороду.

Сидоръ Петровичъ не зналъ, принять-ли сожалѣнiе отца за чистое золото, или удивляться его искусству маскироваться.

— Вы высами батюшка, что непродали подмокшую пшеницу; ужели она вся негодилась? спрашивалъ сынъ, желая, чтобы отецъ хоть сколько-нибудь высказался въ томъ, что ему хотѣлось знать.

— Почти что вся, да; продавалъ... готовъ былъ за что-нибудь отдать, а то и остатки бы всю бросили, сгорѣлась болько. Тутъ-то я долго и проконался, не приведи Богъ, какіе были хлопоты... вотъ весь капиталъ, хо, хо, хо! Три тысячи, только три... отдать козянну... Петръ Иванычъ вынулъ изъ бокового кармана большой кожаный бумажникъ, и сталъ считать ассигнаціи, ихъ ни болѣе, ни менѣе оказалось, какъ на три тысячи.

— Вотъ, другой на моемъ мѣстѣ, и то бы въ своемъ кармаѣ оставилъ; не правда-ли Сидоръ? обратился отецъ

къ сыну; между тѣмъ какъ по лицу его мгновенно пробѣжало какое-то дьявольски-плутовское выраженіе, которое не укрылось отъ сына.

— Конечно, батюшка... Вѣдь только вы одни на свѣтѣ-то такіе безмездники, отвѣчалъ послѣдній, и притомъ подумалъ:

— Э!.. что нибудь да есть, старый плутъ!

— Я тебя задержалъ, братъ Сидоръ, въ самомъ дѣлѣ тебѣ пора, ужю потолкуемъ: а я вотъ напьюсь чайку, да и къ хозяину нужно... хоть бьетъ, хоть вѣшаетъ! отдамъ ему деньги, говорилъ приказчикъ, принявъ опять свой обыкновенный, немного грустный и усталый отъ дороги видъ.

— Что это долго самоваръ грѣютъ? До свиданія батюшка; сказалъ Сидоръ Петровичъ, помоляся Богу и поклонился отцу и, поцѣловавъ встрѣтившуюся въ сѣняхъ жену, отправился въ лавку обвѣшивать, обмѣривать и проч...

Напившись чаю, Петръ Ивановичъ, захвативъ съ собою деньги и свидѣтельство о потопленіи барокъ, пошелъ къ хозяину. Дорогою онъ сочинилъ себѣ самую разстроенную и печальную физиономію, и придумывалъ, какъ и что отвѣчать хозяину.

Петръ Васильчъ съ женою находились въ спальнѣ, когда имъ доложили о приходѣ приказчика; хозяинъ приказалъ его позвать.

Завидѣвъ приказчика еще въ дверяхъ, Отрубтъ не утерпѣлъ, закрылъ лице руками и затрясся. Изъ глазъ Натальи Ивановны тоже брызнули слезы. Петръ Ивановичъ помолился на образа, поклонился хозяевамъ, и, остановясь въ дверяхъ, поднесъ къ глазамъ клѣтчатый платокъ, который держалъ наготовѣ.

— Ну, братъ, Петръ Ивановичъ, при худыхъ обстоятельствахъ мы видимся!.. произнесъ прерывистымъ голосомъ хозяинъ.

— Что дѣлать судырь-братецъ, Господь васъ наказалъ, какъ вѣкогда праведнаго Юва... сказалъ съ низкимъ поклономъ Петръ Ивановичъ. Но я, судырь-братецъ, въ этомъ несчастіи ни крошки не причинилъ; вамъ не безъизвѣстно, что всегда и вездѣ я не переставалъ стараться; по мѣрѣ моихъ силъ, о вашей, братецъ, пользѣ... Петръ Ивановичъ такъ хорошо и на-

турально вошелъ въ свою роль, что въ самомъ дѣлѣ у него показались слезы на глазахъ.

— Я въ этомъ никогда не сомнѣвался, сказалъ со вздохомъ Петръ Васильичъ. Но, что дѣлать, вѣрно Богу угодно насъ наказати за грѣхъ...

— Любя, любя, Господь васъ посѣтилъ, судырь-братецъ, истинно такъ! продолжалъ приказчикъ. А я, я всегда усердствовалъ; люди знаютъ это судырь-братецъ. При такомъ несчастномъ случаѣ, повѣрите-ли я чуть живота не лишился...

— Ты писалъ, Петръ Ивановичъ, что захворалъ, проговорила съ участіемъ Наталья Ивановна: вѣрно отъ испугу и безвокоиства?

«Истинно отъ испугу, сударыня, думалъ что жизни лишусь; другой свое теряетъ, такъ этакъ не тоскуетъ, какъ я тосковалъ. Да ужъ и хлопотъ было, Господи ты Боже мой! Кульѣ съ берегу тащатъ! сторожей нанялъ, они-то, воры, сами пуше и воровали. Такъ сударыня приходилось, что дѣлныя ночи на-пролѣтъ самъ просиживалъ.»

«Сядисъ, Петръ Ивановичъ, рассказывай все какъ было; отъ этого ужъ хуже не будетъ,» сказалъ Петръ Васильичъ, указавъ на стулъ.

Наталья Ивановна подперла голову руками и приготовилась выслушать еще разъ печальную повѣсть.

Приказчикъ съ поклономъ присѣлъ на стулъ и началъ все то же, съ небольшими прибавленіями, что писалъ въ письмѣ, разсыпая между рассказомъ самыя почтительныя утѣшенія хозяевамъ, и подкрѣпляя ихъ по обыкновенію текстами изъ священнаго писанія.

Петръ Васильичъ по-временамъ глубоко вздыхалъ; Наталья Ивановна утирала глаза.

«Вотъ, судырь братецъ, и капиталъ весь, тутъ, что я могъ выручить за пшеницу. Тамъ есть кой-какія росписки, но тоже на небольшую сумму,» заключилъ приказчикъ, вручая хозяину три тысячи.

«Сколько тутъ?» спросилъ послѣдній.

«Три тысячи, судырь-братецъ; извольте пересчитать!...»

«Только!...» произнесъ грустно Петръ Васильичъ и принялся-было считать деньги, но рука его судорожно дрожала, глаза

застыла въ туманъ, онъ скопалъ ассигнаци, которыя держалъ, и всѣ пачки бросилъ въ ящикъ стола, за которыми сидѣлъ, примолвивъ: «Послѣ, послѣ, теперь не... могу...»

— А вотъ, судырь-братецъ, и свидѣтельство, выданное въ томъ, что барки дѣйствительно потонули... сказала иѣсколько заикаясь приказчикъ, подавая хозяину бумагу. Подавая бумагу, рука Петра Ивановича замѣтно тряслась, хотя этого никто не замѣтилъ.

Отрубевъ прочиталъ свидѣтельство, покачалъ грустно головой, и его также положилъ въ ящикъ стола.

Приказчикъ былъ приглашенъ хозяевами отобѣдать съ ними. За столомъ тянулся все тотъ-же печальный разговоръ. Петръ Ивановичъ усердно вторилъ вздохамъ хозяевъ.

Послѣ обѣда, въ столовой долше всѣхъ оставалась Наталья Ивановна. За отсутствіемъ горничной, со стола убирала нянька Михайловна.

«Ну ужъ не погнѣвайся на меня, сударыня, за мою глупую рѣчь...» сказала она хозяйкѣ: «А ужъ я думалъ выговорю, чѣмъ въ умѣ держать. Блаженная ты, Наталья Ивановна, прости ты меня Господи! совсѣмъ блаженная...»

— Это что еще такое? — спросила хозяйка.

— Да такъ я говорю, глядя какъ ты Петра-то Ивановича угощаешь, аспида-то этого, согрѣшила я грѣшная!..»

— Ты опять за старое... — перебила Наталья Ивановна. — Послушай, ты, я думаю, помнишь, что я тебѣ худова говорить о Петрѣ Ивановичѣ не приказала, а ты.. Мнѣ право и безъ того грустно и тошно, съ горя на-силу ноги ходить, а тутъ еще вы, съ своими глупостями.

«Не погнѣвайся ты на меня Наталья Ивановна, — развѣ я не жалѣючи, не любя что-ли васъ говорю-то?..» Старуха заплакала.

— Помилуй, нянька, ты совсѣмъ съ ума спятила! Что такое тебѣ Петръ Ивановичъ сдѣлалъ, что ты его ненавидишь? — сказала хозяйка съ досадою.

«Ненавишь? гмъ! Да я его не то что ненавижу, я бы его на самую горькую осину повѣсила...» молвила злобно Михайловна. «Онъ воръ, такихъ бѣдъ надѣлалъ, — суденышки потовилъ съ умысломъ...»

— Я все расскажу Петру Васильичу, и онъ тебя отпра-
внть въ домъ сумасшедшихъ, вотъ что! болѣе съ тобою не-
чего дѣлать... — говорила Отрубевъ, съ негодованіемъ идя
къ двери.

«Да ты постой-ка сударыня, послушай-ка, не сердись на
глупую старуху...» дребезжала ей вслѣдъ нянька: «вѣдь это
говорю не я одна, всѣ говорятъ!...»

— Кто это всѣ?

— Да весь городъ.

— Весь городъ! — почти вскричала Наталья Ивановна,
остановясь.

— Истинно говорю. Давеча была торговка Авдотья Пе-
тровна, говоритъ, — что во всемъ городѣ о томъ гово-
рятъ, — сказала Михайловна увѣрительно.

— Отчего-же мнѣ не сказали, когда торговка при-
ходила?

— Оттого и не доложили, что было приказано чужимъ
всѣмъ отказывать.

— Странное дѣло!.. Отчего такіе слухи, если только
ты не мелешь вздоръ, — промолвила помолчавъ хозяйна, и
обратись къ нянькѣ:

— Но послушай, если хоть капля есть въ тебѣ какого
нибудь понятія, ну для чего Петру Иванычу потопить суда?
Какая ему отъ-того польза?

— А кто его знаетъ, сударыня! чужая душа темна, въ
нее не заглянешь... заключила Михайловна.

Когда Петръ Иванычъ возвратился домой отъ хозяйна,
то спросилъ о сынѣ.

— Вы, батюшка, вѣрно запомнили, что сегодня торго-
вый день, и Сидоръ Петровичъ не ходитъ домой обѣдать!—
сказала невѣстка.

— Забылъ, Павловна, совсѣмъ забылъ! охъ, голова кру-
гомъ идетъ отъ этихъ *пороговъ*... говорилъ свекоръ, отпра-
вляясь въ свою комнатку. Тамъ онъ легъ-было на свою
постель, чтобъ отдохнуть послѣ обѣда, но какія-то мысли
не давали ему заснуть; онъ то быстро вскакивалъ; садился
подъ окно, и глядѣлъ на сѣрый сосѣдній заборъ, еще болѣе
посѣрѣвшій отъ дождя, то опять ложился, и чутко прислуши-

вался къ шагамъ невѣстки, въ сосѣдней комнатѣ, къ чика-
ню маятника старинныхъ стѣнныхъ часовъ, къ жужжанью
единственной оставшейся въ живыхъ мухѣ, и между всѣмъ
этимъ онъ кусалъ бороду и тревожно посматривалъ на ко-
ванный желѣзомъ небольшой дорожный свой сундучокъ, сто-
явшій на лежанкѣ. И лишь только закрывалъ глаза, въ на-
деждѣ вздремнуть, цѣлая толпа призраковъ обступала его
постель,—то были лица, которыя тревожили его воображе-
ніе, а можетъ быть и совѣсть. На первомъ планѣ стоялъ
пьяный Яковъ-Шоляганъ, съ продранными локтями, далѣе
обрюзглый Попечителевъ, грустный Васильчъ, плачущая
Наталя Ивановна и смотрящій изподлобья Сидоръ Петро-
вичъ. Потомъ, толпы народа на берегахъ Припорожья, ва-
лы и камни, караваны барокъ, кули хлѣба... и Петръ Ива-
нычъ опять открывалъ глаза, и опять вскакивалъ и тревожно
поглядывалъ на сундучокъ. Наконецъ, пробившись такимъ
образомъ до сумерекъ, Петръ Иванычъ посиѣшно и рѣши-
тельно началъ одѣваться. Отыскавъ кулечикъ, заперъ дверь
своей комнатки на крючекъ, опустилъ занавѣску у окна, и
доставши изъ кованаго сундучка небольшую желтую шкату-
лочку, оглядѣвшись и прислушавшись, осторожно отперъ ее
ключикомъ, которой носилъ на крестѣ, и приваялся пересма-
тривать крупныя ассигнаціи... Полюбовавшись ими и самодо-
вольно улыбувшись, онъ снова заперъ шкатулку, положилъ ее
въ кулечикъ, взялъ подъ мышку п, отыскавъ свой неизмѣнный
картузь и палку, отправился въ лавку къ Сидору Петровичу.

Въ лавкахъ уже давно были засвѣчены огни, когда до-
шелъ до нихъ по грязной площади Петръ Иванычъ, ощуны-
вая палкою на каждомъ шагу лужи, и оглядывая встрѣч-
ныхъ, какъ будто боясь чьего нибудь пытливаго вниманія,
онъ все крѣпче и крѣпче придерживалъ подъ мышкою за-
вѣтный кулечикъ.

Въ это время Сидоръ Петровичъ, стоя за прилавкомъ,
вѣсилъ четверку чая какому-то деньщику; на скамеечкѣ у
прилавка дождался деревенскій мужикъ.

— Ну, что, Сидоръ, какъ твои дѣлишки? спрашивалъ
заботливый родитель, усѣвшись въ старыя складныя кресла.

— Помаленьку-съ, батюшка, — отвѣчалъ, по обыкнове-
нію скромно, сынъ.

— «Такъ-себѣ! Слава Богу! кто доволсънъ малымъ, то-
му дается и большее. Я тебѣ вотъ что скажутъ можель за-
втра, или послѣ завтра, придетъ товаръ, то... то ты того-
то... прими...» сказалъ Петръ Ивановичъ, смотря въ полъ,
какъ будто нища чего-то глазами.

— Какой товаръ?..

— «Хмъ, какой товаръ!—нашъ товаръ, твой товаръ, ко-
торой нуженъ въ твою лавку...» Петръ Ивановичъ закаш-
лялся.

Сидоръ Петровичъ не вѣрилъ ушамъ, и смотрѣлъ во
всѣ глаза на отца.

— «Сидоръ, къ новому году надобно тебѣ погребокъ от-
крыть, я купилъ въ Питерѣ винъ...»

Сынъ задрожалъ отъ радости, — ему стало все ясно
какъ день; онъ простоялъ минуты двѣ въ нѣмомъ восторгѣ,
потомъ взялъ отца за руку и нѣсколько разъ поцѣло-
валъ ее.

— Вы все-то заботитесь объ насъ, родитель нашъ; какъ
ужъ намъ благодарить -то васъ!.. — проговорилъ онъ.

— «Полно, полно дуракъ, ананья, перестань...» сказалъ
отецъ, отнимая руку.» Кому-же, кому-же дуракъ и заботить-
ся-то объ васъ, какъ не родителю вашему... Ну, смотри
Сидоръ, товаръ принять надобно умненько, понимаешь! со-
сѣди стануть спрашивать, ты приготовься, придумай самъ
какъ отвѣчать; я братъ свое дѣло сдѣлалъ...» Петръ Ива-
новичъ принялся кусать бороду и чертить, по полу концомъ
своей палки.

— Ужъ не безпокойтесь, батюшка; вы знаете, я не очень
люблю лишнее съ сосѣдями болтать.

— Ну, а это, вѣдь, мои трудовыя... уברי Сидоръ на
черный день, дома братъ держать опасно... — молвилъ ста-
рикъ, вынимая изъ кулька шкатулку.

— Очень хорошо... — отвѣчалъ, принимая, сынъ. Ему
страхъ какъ хотѣлось узнать, сколько было въ шкатулкѣ,
но онъ не смѣлъ, или просто не хотѣлъ спросить отца.

— Подальше-же уברי Сидоръ, впрередъ до потребности... да

смотри, не форси у меня прежде времени! чтобы, братъ, люди чего не сказали!.. Нынче, братъ, люди-то и, п! хуже лѣтошнихъ. Ну, прощай! Ты еще посидишь, а я въ мясной рядъ схожу; вотъ и кулечикъ взять... — говорилъ старшій приказчикъ, поднимаясь.

— Ну что, хозяинъ? — спросилъ невольно Сидоръ Петровичъ, взглянувъ на шкатулку, которую поспѣшилъ спрятать подъ полу.

— Хозяинъ-то? Извѣстно, пришла печаль не малая, да что дѣлать будешь! прошлаго не воротишь, Богъ милостивъ, поправится. Ты правду сказалъ, форсомъ возьмешь, несмотря на то, что того-то.... Все такой-же важный, она все такая-же нарядная, въ домъ все такъ-же, какъ будто ничего не произошло особеннаго; да и, братъ, на ихъ мѣстѣ въ петлю-бы кажется полѣзъ, а онъ сперва этакъ заплакалъ, а потомъ и ничего, вѣрно на что нибудь надѣется. Даже деньги-то, которыя отъ меня получилъ, не пересчиталъ, въ столъ бросилъ...

— Ужъ вѣрно на что нибудь надѣется! промолвилъ сынъ.

— Бросилъ!.. Да вѣдь онъ ихъ отъ другаго приказчика и не получилъ-бы...

— Я, братъ, Сидоръ, послѣ согрѣшилъ, пожалѣлъ что отдалъ... Да нельзя было не отдать-то, хоть сколько нибудь, да надобно успокоить въ такомъ несчастіи; надобно имѣть христіанское чувство... Учитесь у меня дѣтки.... Убери-же, ананья, шкатулку-та! Старикъ опять помолился на образъ, и скрылся во мракъ за дверями лавки, какъ злой духъ, который, по народнымъ повѣрьямъ, приноситъ деньги закобалившимъ ему свою душу.

Сидоръ Петровичъ по уходѣ отца, простоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, повертѣлъ въ рукахъ шкатулочку, встряхнулъ ее, взвѣсилъ на рукѣ, и потомъ прошепталъ: — бумажки! — Затѣмъ засвѣтилъ маленькой ручною фонарикомъ, и полѣзъ на подвoločку, прятать сокровище.

X.

А народная молва свое дѣлала.

Служи о томъ, что барки съ хлѣбомъ Петра Васильича затонули не совсѣмъ, что при продажѣ хлѣба много попользовался приказчикъ, стали ходить по Привольску; и какимъ вѣтромъ нанесло ихъ? — Никто не могъ сказать. Другіе говорили, что Петръ Иванычъ, условясь съ какимъ-то поставщикомъ или лоцманомъ, продали пшеницу и сказали нарочно, что барки затонули, но вѣрно никто не зналъ. Павлу Петровичу не разъ случалось объ этомъ слышать, но, увѣренный въ честности своего приказчика-родственника, молодой человекъ, какъ и его родитель, горячо заступался за добросовѣстность Петра Иваныча, и ничего не говорилъ о томъ отцу, не желая его еще болѣе разстроить.

Семейство Отрубевыхъ мало-по-малу начало привыкать къ тяжелой мысли о своей потерѣ и готовиться ко всему. Наталья Ивановна, на общемъ совѣтѣ, предложила какънибудь сократить домашніе расходы, продать лошадей и убавить прислуги.

Петръ Васильичъ, равнодушный ко всему, не противорѣчилъ. Лихая тройка была продана Ильѣ Еппфанычу. Дѣло дошло до прислуги—рѣшили Тимофея, Федина дядьку, обратиться въ кучера; а кучеру Ивану, Михайловнѣ и горничной отказать.

Наталья Ивановна позвала къ себѣ горничную и няньку и объявила имъ свое рѣшеніе, что ихъ отсылаетъ. Первая заплакала, вторая заголосила.

— Сударыня, вѣдь я еще и половины того не зажила у васъ, сколько вы барину заплатили за мой выкупъ, какъ-же вы меня ссылаете? — говорила Любовь.

— Что дѣлать, ты сама теперъ видишь, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вы для насъ лишнія; — отвѣчала хозяйка, у которой тоже навертывались слезы.

Сударыня, Наталья Ивановна, оставьте меня при Фисонькѣ съ; Федоръ вы деньги платите, а я буду заживать своей долгъ.

— Богъ съ тобою, Любовь, и съ долгомъ твоимъ.

— Да какъ-же сударыня! Куда я отъ васъ пойду-та, мать вы наша родная? — Горничная плакала навзрыд

Наталья Ивановна сама утирала слезы

— Не плачь; я пристрою тебя къ Софьѣ Алексѣевнѣ.

— Я-то, я-то, старая дура, куда пойду? — дребезжала нянька: — матушка Наталья Ивановна, куда ты меня отсылаешь, — вѣдь я умру, умру съ голоду.

— Перестань вздоръ молоть, — у Саламатинныхъ няньца еле-дышетъ; Катерина Васильевна говорила мнѣ про тебя, — отвѣчала хозяйка.

— Не хочу я, не пойду къ Катеринѣ Васильевнѣ, представьте меня къ Фисонькѣ; небось не хуже Ѳедоры ее выняньчу.

— Какъ хочешь, а я Ѳедору не могу отослать; Фисонька привыкла къ ней.

— Вѣдь ты, сударыня, ей деньги платишь, а я такъ готова жить, только не гоните меня; неужто, служивши вамъ двадцать лѣтъ, я не выслужила того, чтобъ позволили мнѣ умереть-то въ вашемъ домѣ? Побойся Бога, Наталья Ивановна! А коль вы гоните, такъ отъ дому не отойду, у подворотни вашей какъ собака умру. Нянька рыдала. Наталья Ивановна тоже плакала.

— Судырь мой, Павелъ Петровичъ, соколъ мой ясный! вспомни, что я тебя выняньчила; заступись хоть передъ маменькой-то за свою старую няньку; ненужно мнѣ вашихъ денегъ, позвольте мнѣ умереть-то у васъ, — обратилась старуха къ молодому хозяину случившемуся въ комнатѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, маменька, куда-же она пойдетъ-съ? Ну, Богъ съ ней, пусть живетъ, — сказалъ матери Павелъ Петровичъ.

— Да какъ-же Паша! Ты самъ знаешь мой другъ... Я ужъ право не знаю что дѣлать? Развѣ Ѳедорѣ отказать? — Проговорила хозяйка и велѣла позвать няньку Ѳедору. Последняя немедленно явилась съ Фисонькой.

Ей объявили, зачѣмъ ее позвали. Женщина ударилась плакать и цѣловать дитя,

— Что-жъ дѣлать, няня! Ты сама должна понять поло-

женіе-то наше; безъ того я бы не разсталась съ тобой. Но ты молода, всегда и вездѣ найдешь себѣ мѣсто. Михайловну тоже не хочу отпустить, — куда старуха пойдетъ! — сказала хозяйка.

— Ахъ, сударыня, Наталья Ивановна! развѣ я за жалованьемъ погналась-бы что-ли, кабы *вольной-то казакъ* была? Вѣрите-ли вы, что я Аньису Петровну пуще дити роднова люблю. Да что мнѣ дѣлать-то горемычной, — оброкъ барыня спрашиваетъ, охъ неволя моя горькая доля! Приходится, знать, мнѣ разстаться съ тобою, дитя мое милое! — проговорила Федора съ плачемъ, обнявъ малютку, которая крѣпко обхватила рученками шею няни, какъ будто не желая разставаться.

И такъ чрезъ нѣсколько дней означенныя лица со слезами оставили домъ Отрубевыхъ. Фисонька отдана была на руки Михайловнѣ; Федя перешелъ подъ надзоръ матери.

— Ужъ доложу я вамъ, сударыня Наталья Ивановна, — говорила разъ торговка Авдотья Петровна, сидя у Отрубевои, которал въ отсутствіи мужа пошла ее чаемъ. Надивиться я не могу, откуда это къ Сидору Петровичу богатство привалило! Недѣли двѣ тому къ нему товаръ пришелъ.

— Чтожь такое! Коли торгуетъ, такъ и товаръ нуженъ, — сказала хозяйка.

— Конечно, моя матушка, да вѣдь слышно, изъ Питера.

— Можетъ и изъ Питера, — что диковинки, Сидоръ не первый годъ торгуетъ; дай Богъ, пусть разживается, — отвѣчала Наталья Ивановна, не обращая особеннаго вниманія на слова торговки.

— Все не то, моя голубушка, все не то; конечно, вы никуда не ходите, такъ не слышите... — Авдотья Петровна устремила на хозяйку свой карій, провицательный глазокъ; вообще на лицѣ торговки было замѣтно, что ей хотѣлось сообщить какую-то новость.

— А что такое? — спросила хозяйка.

— Да не больно хорошо про нихъ говорятъ, Наталья Ивановна, куда ни приду, вездѣ одно толкуютъ, что вотъ дескать Петръ Иванычъ обманулъ Петра Васильича, что дескать хлѣбъ вовсе не затонулъ, а онъ его подалъ.

— Перестань пожалуйста, Авдотья Петровна! Все это

взоръ; и кто выдумываетъ? Право! — молвила съ досадою Отрубева.

— Я не знаю, моя голубушка: — говорю, что люди говорятъ; а ужъ, право, куда ни приди, вездѣ о томъ жужжатъ.

Началья Ивановна передала эти слухи Петру Васильичу, хотя сама имъ не вѣрила. Бывшіе въ то время у нихъ старики Саламатныи тоже подтвердили, что такіе слухи дѣйствительно ходятъ по городу, на что Петръ Васильичъ, увѣренный въ честности приказчика, отвѣчалъ, что это только бабьи сплетни, или можетъ завистники Сидора Петровича по торговлѣ, распускаютъ такіе обидные слухи.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ кредиторовъ Петра Васильича посѣтили его и съ участіемъ сочувствовали постигнутому его несчастію; многородные-же изъ нихъ прислали утѣшительныя письма. Все это нѣсколько ободрило Отрубевыхъ и дало имъ надежду на снисхожденіе заимодавцевъ и на поправку дѣлъ.

Такъ дожили они до новаго года.

— Ну, любезный другъ, Петръ Васильичъ, сказалъ Алексѣй Алексѣичъ Саламатный, пріѣхавшій однажды къ Отрубевымъ, — хоть мы съ тобою слухамъ-то и не вѣрили, а пожалуй и похоже на то, что они справедливы, — посмотри-ка, какъ Сидоръ-то пишетъ, только на чьи денежки? неизвѣстно...

— Что такое? спросилъ хозяинъ.

— Ты развѣ не слыхалъ? — да правда и-то все дома сидишь, — вѣдь Сидоръ капиталъ объявилъ, погребокъ открылъ.

— Что-жь, пусть торгуетъ; парень трезвый, порядочный, отвѣчалъ Петръ Васильичъ.

— Ужъ конечно такъ; да откуда-же у него капиталъ-то?

— Полю ты, Алексѣй Алексѣичъ; словно мы съ тобою люди не коммерческіе, не понимаемъ что-ли, что купи товару на тысячу, отпустить на три.

— Совершенная правда.

— Значитъ и толковать нечего.

— Однако, любезный другъ, я думаю въ Петербургѣ у него нѣтъ такихъ благопріятелей, — а вина-то присланы изъ Питера.

— Чтожь необходимошаго? можетъ и черезъ кого ни-

буда. Почему мы знаем; у Лаптева въ потребкѣ оныя не мало времени приказникомъ былъ.

— Да и обуль Лаптева-то изъ сапоговъ въ ланты; а ба-
тунка-то, можетъ, и тебѣ носогорилъ. Все можетъ быть;
другъ любезный, закладываться ни за кого не смей, не да-
ромъ-же въ городѣ трезвонять.

— Какъ тебѣ не стыдно, Алексѣй Алексѣичъ, всткой
сметнѣ вѣрить? Ну, распустили какіе-то мерзавцы, а ты ду-
маешь... Вотъ свидѣтельство-то у меня! чего еще! подозрѣ-
ній никакихъ быть не можетъ, говорилъ горячо Отрубевъ.
Конечно, Сядору многіе завидуютъ, старика-осла не лю-
бятъ; я самъ его не люблю, что ты будешь дѣлать! у Бога
не утаишь, — не люблю его за какое-то лицемерное низ-
копоклонничество; но изъ этого еще не слѣдуетъ замечать,
что оныя человѣкъ дурной; у всякаго свой недостатокъ; мы
съ тобою развѣ совершенны больно? Положимъ, у меня
прямая натура, а другой любитъ выдать, такъ-себѣ, безъ вся-
кой цѣли, но по-привычкѣ.

Такъ Отрубевъ защищалъ своего приказника отъ всякаго
подозрѣнія.

Слустья нѣсколько медаль, Петръ Васильичъ разъ былъ
у Саламатныхъ и, возвратясь домой въ безмятежствѣ, ска-
залъ женѣ:

— Никогда Алексѣичъ возвратился изъ Петербурга, изъ-
дается тебѣ; и въ раздуми сталъ ходить по комнатамъ.

— Странное дѣло, Наташа! — началъ оныя опять: — тѣ
непріятныя слухи все болѣе и болѣе подтверждаются.

— Какіе слухи, мой другъ? — спросила Наталья Ивановна.

— Слухи, что... барки наши иногда не тонули, что оныя
невредимы стояли въ Припорожьи и пшеница продана по на-
стоящей цѣнѣ, — Петръ Васильичъ переводъ думъ, и раз-
стегнулъ сюртукъ и жилетъ, какъ будто все что тѣшное ему
грудь.

— Можетъ-ли это быть! Вѣдь мы этому не вѣрили! —
воскликнула жена.

— Да, не вѣрили, а теперь... Никодана говоритъ, что
оныя, бывши въ Петербургѣ, у двоюроднаго дяди своей же-
ны, Автонома Игнатьича, сошелся тамъ съ однимъ рижскимъ

купцомъ: разговарившись и узнавши, что Николай Алексѣичъ изъ Привольска, гость сказалъ, что нынче онъ въ Припорожской пристани (на имя одного негоціанта) купилъ пять тысячъ кулей пшеницы съ барокъ привольскаго купца Отрубева. Николаша, уже получившій извѣстіе отъ своихъ о несчастіи насъ постигшемъ, увѣрялъ Рижанина, что барки наши разбились; но тотъ тоже увѣрялъ его, что три барки стояли въ пристани невредимы; что онъ былъ на нихъ и помнитъ въ лицо приказчика, у котораго покупалъ. Что ты на это скажешь?

— Удивительно! — проговорила Наталья Ивановна, — неужели, Петръ Ивановичъ?

— Миѣ тяжело самому думать это, другъ мой, — отвѣчала мужъ.

— Однако, Петръ Васильичъ, я думаю, не мѣшало-бы обстоятельно развѣдать.

— Конечно, я такъ это дѣло не брошу. Недѣли черезъ двѣ сюда ждуть Автонома Игнатьича: онъ ѣдетъ черезъ Привольскъ въ Золотухинъ, такъ я дождусь его; онъ можетъ быть дастъ миѣ болѣе ясныя свѣдѣнія, или по-краней-мѣрѣ совѣтъ, какъ обратиться къ его рижскому знакомцу, но.... до поры надобно молчать. Впрочемъ, хотѣлось-бы миѣ чтонибудь вывѣдать отъ самого Петра, какъ нибудь спутать; но думаю характеръ мой миѣ измѣнить: я могу его обидѣть, оскорбить и можетъ быть напрасно... Боже мой! неужели? неужели?... Вотъ оно, свидѣтельство-то... Петръ Васильичъ сѣлъ къ столу, вынулъ бумагу и прочиталъ. — Подписалъ какой-то Помещикъ, — заключилъ онъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Привольскъ и ожидаемый изъ Петербурга Автономъ Игнатьичъ и остановился у Саламатиныхъ. Узнавъ это, Петръ Васильичъ, вмѣстѣ съ сыномъ, поѣхали туда; Наталью Ивановну задержала дома болѣзнь Фисоньки.

Прошло нѣсколько часовъ, и Отрубева въ тревожномъ безпокойствѣ ожидала возвращенія мужа и сына; сердце ея томительно ныло; она то садилась за рукодѣлье, но работа валлась изъ рукъ, то, желая развлечься, разговаривала съ Одей, и мальчикъ только наводилъ ее на досаду; даже при-

немалась молиться, и молитва также не шла на умъ: грустное предчувствіе томило ее, въ-добавокъ еще завyla проклятая собака. И всѣ эти худые знаки Наталья Ивановна относила къ смерти Фисоньки. Напрасно старая Михайловна уговаривала ее, что ребенокъ не опасенъ, что дѣвочку *развасило*, къ росту; но Наталья Ивановнѣ почему-то припомнился первый день въ нашемъ разсказѣ, когда ей также было грустно, также была собака и она готова была плакать.

Въ девять часовъ возвратились и хозяева. Наталья Ивановна съ замирающимъ сердцемъ встрѣтила ихъ, взяла картузъ изъ-рукъ мужа, и взглянувъ на его лице, покрытое смертной блѣдностію, отступила назадъ съ ужасомъ.

— Что ты, другъ мой, здоровъ-ли ты? — спросила она трепещущимъ отъ испуга голосомъ.

— Ничего, ничего... отвѣчалъ онъ отрывисто, вошелъ въ спальню, взялъ изъ стола свидѣтельство дистанціоннаго и пошелъ вслѣдъ за сыномъ въ его комнату. Тамъ, сѣвъ за конторку, Петръ Васильчъ вынулъ счетныя книги, и считалъ съ часъ, не говоря ни слова съ сыномъ, который сидѣлъ тутъ-же. Въ движеніяхъ Отрубевы замѣтна была какая-то поспѣшная рѣшительность; глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ.

Кончивъ счеты, онъ сошелъ внизъ, и приказалъ накрывать ужинать.

— Что мой другъ, видѣлъ пріѣзжаго-то у Саламатиныхъ? робко спросила Наталья Ивановна, потому что видѣла на лицѣ мужа страшное разстройство.

— Видѣлъ, отвѣчалъ онъ попрежнему отрывисто.

— Что говорить?

— Ничего... ничего... Петръ Васильчъ облокотился на столъ, подперъ рукой голову, и сталъ стучать вилкою о тарелку, не дотрогиваясь до кушанья. Наталья Ивановна замолчала, видя что мужъ не расположенъ отвѣчать.

Павелъ Петровичъ также сидѣлъ задумчивый и грустный.

— У насъ Фисонька что-то очень больна, — начала опять мать.

Петръ Васильчъ грустно глянулъ на окружающихъ.

У Натальи Ивановны навернулись слезы.

Проню нѣсколько минутъ молчанія.

— Ну, Наталья Ивановна! сказала вдругъ Отрубевъ, устремивъ ярко блестящія глаза на жену, собери меня въ дорогу, — я завтра ѣду...

— Куда батюшка, Петръ Васильчъ? — воскликнула удивленная супруга.

— Куда! Куда придется: поѣду въ Припорожье, въ Петербургъ, въ Ригу...

— Зачѣмъ-же въ Ригу, маменька-съ? Вѣдь ужъ рижской-то померъ-съ — замѣтилъ сынъ.

— Ахъ! да! вскричалъ Петръ Васильчъ, ударивъ себя по лбу, и закрывъ глаза руками, ну такъ что-жь!.. прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. Поѣду въ Припорожье... авось, узнаю что нибудь... Ахъ, Илья Ефимычъ! не послушался я твоего совѣта... Петръ Васильчъ всталъ изъ-за стола, посмотрѣлъ на часы, которые показывали безъ-малаго одиннадцать, и ушелъ въ спальню, говоря, что пора спать, что завтра цужно въ дорогу.

Въ столовой остались мать и сынъ одни.

— Расскажи ты мнѣ, ради Бога, Паша, что говорилъ у Саламатиныхъ? — пристала съ тревожнымъ любопытствомъ Наталья Ивановна, — что сказалъ пріѣзжій гость?

— Все то же, маменька, что говорилъ по пріѣздѣ и Николай Алексѣичъ, говорилъ, что точно рижской купилъ нашу шеницу-съ.

— Что-же, Пашинька, покуда бы по горячимъ-то слѣдамъ и должно искать!.. Но, Боже мой! что я говорю!.. Неужели Петръ Иванычъ!?

— Вѣрно-съ, маменька; только самому себѣ пошлѣ вѣрь, чужая душа темна-съ. Можетъ децъ и Петра Иваныча предъстиди-съ, — отвѣчалъ грустно сынъ.

— Конечно, конечно, врагъ горамъ качаетъ; такъ маменька и хочеть ѣхать? Я ужъ по смѣла его и спрашивать-то...

— Ахъ, маменька-съ! теперь ужъ поздно-съ; Автономъ Цыдатычъ говоритъ, что рижскій покушникъ померъ съ мѣсяцъ тому назадъ, и я думаю, что все напрасно-съ... отвѣчалъ сынъ, со вздохомъ.

— А можетъ, что нибудь и будетъ... А все я, всея, мой

другъ, виновата, что тогда не послушалась совѣта исправника, и не отпустила тебя въ Припорожье.

— Папенька говорили, что завтра увидятъ-сь съ Ильей Епифанычемъ и посовѣтуются, а также хотѣли спросить и Петра Ивановича, кто именно покупалъ у него, какъ онъ говоритъ, *подмоксу* пшеницу-сь.

Долго еще толковали мать съ сыномъ: первый высказывалъ свою безнадежность, а другая робкую надежду; наконецъ простились и разошлись.

Затворившись въ спальнѣ, Наталья Ивановна увидѣла, что Петръ Васильчъ уже спалъ; по конвульсивнымъ движеніямъ его губъ и бровей замѣтно было, что его мучать безпокойныя грезы.

— Въ три часа утра Отрубевъ проснулся и разбудилъ жену.

— Наташа! Наташа! говоритъ онъ, показывая на окно, по которому морозъ вывелъ чудные узоры, блестящіе какъ серебро, при свѣтѣ лампы, — узнаешь-ли ты издалика, который нашъ-то мокшанъ?

— Господь съ тобою, Петръ Васильчъ, какой мокшанъ! Привидѣлось что-ли тебѣ? — сказала жена, протирая глаза.

— Ты, вѣроятно, ослѣпла; видишь, видишь, вонъ флагъ-то мой имянной! *покой и ома* вышить, видишь?

Наталья Ивановна перекрестилась, перекрестила и мужа, уговаривая его опять лечь.

Но Петръ Васильчъ, вмѣсто того, всталъ и принялся пристально смотрѣть въ окно, хотя сквозь замерзшія стекла ничего нельзя было видѣть. Жена тоже встала и засвѣтила свѣчу, не зная, что о немъ думать.

— Сотвори, мой другъ, молитву. На что ты тутъ смотришь! какія мокшаны, опомнись! Развѣ мы на Волгѣ живемъ! да и Волга-то теперь замерзла; образумься! — говорила Наталья Ивановна, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Какая Волга? что ты вздоръ мелешь! Вонъ пороги, вонъ, вонъ барки-то наши плывутъ! видишь! Смотри-ко, смотри! А! вотъ и Автономъ Игнатьичъ! Здравствуйте, Автономъ Игнатьичъ... Петръ Васильчъ кланялся передъ окномъ.

— Ай, ай! валы-то какіе! Господи! такъ и хлещутъ. Вонъ

одна барка ударилась!... — закричалъ онъ вдругъ нестово: ай! ай! тонуть! погибають! ай, батюшки, батюшки! помогите! ай!.. Онъ стучалъ въ окно кулаками; стекла съ громомъ летѣли. Кровь показала на рукахъ Отрубева.

Наталья Ивановна съ ужасомъ убѣжала въ дѣтскую, разбудила старую няньку, и вскорѣ весь домъ поднялся на-поги.

Петръ Васильичъ сошелъ съ ума. Онъ рвалъ на себѣ волосы, царапалъ грудь, плакалъ и рыдалъ о погибели разбившихся барокъ.

Павелъ Петровичъ, съ помощію Тимофея и всѣхъ женщинъ, едва могли связать его въ простыню и уложить въ постель.

Нужно-ли говорить, до какой степени поразило это неожиданное несчастье домашнихъ!

Лишь только разсвѣло, послали немедленно за докторомъ. Матвѣй Ивановичъ, всегда легкій на подъѣмъ, не заставилъ долго ждать себя.

Но утромъ больной притихъ, припадокъ сумасшествія прошелъ замѣтно; онъ только плакалъ неутѣшно о своемъ несчастіи, узналъ доктора и сталъ рассказывать ему о погибели барокъ.

Наталья Ивановна также со слезами рассказала доктору всѣ подробности перваго припадка болѣзни. — Вѣрно съ нимъ бѣлая горячка, Матвѣй Ивановичъ? — спросила она.

— Ничего, ничего... повторялъ Матвѣй Ивановичъ глубокомысленно, ощупывая животъ больнаго. Я понимаю, что это такое, это spiritus infernalis!

Еслибы Отрубева сію-же минуту обложили шпанскими мушками или горчичниками, то, кто знаетъ, можетъ быть онъ и былъ бы спасенъ, но докторъ вмѣсто того потребовалъ тазъ теплой воды и мыла. Когда все это было принесено, выславъ всѣхъ изъ комнаты, заперся съ больнымъ и снялъ съ себя фракъ.

Больной впалъ въ слабость и не противился эскулапу, который началъ натирать грудь и животъ мыломъ, и все крѣпче и крѣпче давилъ его. Петръ Васильичъ застоналъ, потомъ началъ кричать:

— Батюшки, давятъ! Караулъ! помогите! караулъ!

— Ничего, ничего, потерпите, это не вы, это *spiritus infernalis* въ васъ кричитъ; погодите, сейчасъ выйдетъ... угоривалъ докторъ, все болѣе и болѣе сдавливая больному животъ.

— Караулъ! смерть!... кричалъ неистово, между тѣмъ, Петръ Васильчъ: — смерть, помогите!...

— А такъ ты сталъ кричать! Вотъ я тебя! я тебя! вскричалъ въ свою очередь докторъ, вскочивъ на грудь пациенту и зажимая ему ротъ.

— Господи! что онъ тамъ дѣлаетъ съ Петромъ-то Васильчемъ?—говорила въ испугѣ Наталья Ивановна, смотря изъ дѣтской въ замочную скважину, и не видя ничего, кромѣ сильно колыхавшагося занавѣса надъ постелью, изъ котораго порою выказывались то рука, то нога, потому что въ постели происходила страшная борьба. Силы сумасшедшаго возвратились, — онъ старался сбросить съ себя доктора; доктору напротивъ очень хотѣлось схватить больного за горло. Оба задыхались отъ усилий и хрипѣли. Наконецъ Петру Васильчу удалось освободиться, — онъ вскочилъ съ постели, съ растрепанными волосами, въ разорванной рубахѣ, принялся стучать кулаками въ стѣну и кричать: караулъ.

Докторъ не преминулъ снова напасть на него. Борьба опять началась.

— Боже мой! они убьютъ, убьютъ другъ-друга! — говорила Наталья Ивановна, стуча въ дверь, — отойдите! отойдите, Матвѣй Ивановичъ, отойдите!

Но крику ея никто не внималъ.

Въ спальнѣ послышался стукъ, отъ паденія чего-то тяжелого.

Перепуганные дѣти подняли плачь.

Павелъ Петровичъ, также находившійся возлѣ матери, посмотрѣлъ въ скважину.

— Маменька, чего тутъ ждать! ломать двери!... Боже мой! что такое! Докторъ повалилъ папеньку, и душилъ его....

— Смерть! смерть!... хрипѣлъ удушливо, между тѣмъ, Петръ Васильчъ.

Позвали Тимофея и общими силами сломали дверь; Петръ Васильчъ, блѣдный и измученный, съ закатившимися глазами, лежалъ среди полу и тяжело дышалъ; докторъ сидѣлъ у него на груди и держалъ за горло.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ, подбѣгая, сынъ: что вы такое дѣлаете, Матвѣй Ивановичъ?..

— А! унялся! не кричишь! говорилъ Матвѣй Ивановичъ, не обращая вниманія на вошедшихъ и не сводя глазъ съ своей жертвы.

— Помилуйте, судырь, Павелъ Петровичъ! развѣ не видите, что лекарь-то самъ съ ума спятилъ!... Посмотрите-ка, рожа-то у него какая! сказалъ Тимофей, поспѣшно бросающъ на доктора, чтобъ освободить отъ него еле дышущаго хозяина. Въ-самомъ-дѣлѣ, физиономія Матвѣя Ивановича была ничѣмъ не лучше его пациента. Та же страшная блѣдность покрывала его лице, также дико блуждали горящіе неестественнымъ огнемъ глаза, и уговорить, чтобъ оставить свой способъ леченія, стоило большаго труда. Онъ стоялъ на-своемъ, что онъ «взялся вылечить Петра Васильча, и совѣсть ему запрещаетъ оставить дѣло неконченнымъ, потому что *spiritus infernalis* слѣдуетъ выгнать непременно, а-то онъ разростется....»

Успѣвъ кой-какъ выпроводить сумасшедшаго доктора, жена и сынъ немедленно уложили больнаго въ постель и послали за другимъ врачомъ, который принялъ всѣ нужныя мѣры.

Послѣ обѣда навѣстили несчастное семейство Саламатны.

Слушая разсказъ хозяйки объ удивительной методѣ леченія, изобрѣтенной Матвѣемъ Ивановичемъ, Катерина Васильевна сказала, что недѣли двѣ тому назадъ у ея кухарки заболѣла рука, она отправилась за помощью къ Матвѣю Ивановичу, и онъ, осмотрѣвъ рану, велѣлъ присыпать ее мелкою солью, для отвращенія гніенія. Бѣдная баба исполнила совѣтъ доктора, и въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ едва не сошла съ ума отъ боли.

— Чего тутъ, матушка, Наталья Ивановна, вѣшался Алексѣй Алексѣичъ: съ мѣсяцъ тому назадъ, у младшей дочери Шестуновыхъ сдѣлалась рвота; послали за Матвѣемъ

Иванычемъ, и онъ велѣлъ повѣсить больную за ноги къ потолку, чтобъ поскорѣй ее очистило...

— Говорятъ, Наташенька, онъ уже давно сталъ смахиваться, да какъ-то на это вниманія не обращали, продолжала Саламатина. Еще лѣтомъ миѣ Пелагѣя Андреевна Добрецовна сказывала, что Матвѣй Иванычъ, пріѣхавъ къ ней, увѣрялъ, что она беременна, и хотѣлъ послать за акушерскими инструментами...

— Онъ миѣ про Добрецову говорилъ въ то время, какъ Петра Васильича лошадь разбила, сказала Наталья Ивановна. Но я тогда не поняла, и только теперь стало понятно, что онъ уже тогда, вѣроятно, сталъ мѣшаться въ разсудкѣ.

— А жаль, жаль миѣ Матвѣя Иваныча! Человѣкъ-то былъ добрый, безкорыстный, сказалъ Саламатинъ.

— Я думаю, дяденька-съ, послѣ такого пассажа, какой онъ съ папенькой сдѣлалъ, его рецепты не будутъ принимать, замѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Конечно, мой другъ; да его и самого-то будутъ пользоваться... А отчего, Боже мой! такое несчастье съ человѣкомъ дѣлается!..

— Вотъ уже причина, отъ которой помѣшался Петръ Васильичъ, такъ всякому ясна какъ день, замѣтила грустно Наталья Ивановна.

— Не убивайтесь, матушка, Наталья Ивановна; Богъ милостивъ, Петръ Васильичъ поправится; тогда всѣ общими силами начнемъ дѣлать розыски. Хоть и не много найдемъ, потому что если ужъ Петръ виновенъ и успѣлъ достать свидѣтельство, такъ это даромъ ему не обошлось, по-крайней-мѣрѣ пусть свершится надъ виновными законное наказаніе. Перво-на-перво нужно разузнать, чьи были барки.. И долго еще толковалъ Алексѣй Алексѣичъ, уговаривая разстроенную, грустную хозяйку не падать духомъ и надѣяться.

Между-тѣмъ докторъ ѣздилъ къ Петру Васильичу по три раза въ день, прописывалъ микстуру за микстурою, но больному легче не было; правда, сумасшествіе не возобновлялось. Онъ лежалъ тихо, но никого не узнавалъ. Порою, повернувшись къ стѣнѣ, шарилъ по ней рукою, преслѣдуя какого-то

невидимаго большаго паука. Сынъ проводилъ дни у его постели; жена просиживала ночи.

Иногда приходилъ навѣстить хозяина Петръ Иванычъ или Сидоръ Петровичъ. Больной и ихъ не узнавалъ и не отвѣчалъ на ихъ вопросы. Павелъ Петровичъ въ это время уходилъ; въ его умѣ вертѣлись упреки, но, по пословицѣ: *не пойманъ воръ, не воръ*. Скромный молодой человекъ боялся обидѣть приказчика, можетъ быть, напрасно; у Натальи Ивановны, напротивъ, вырывались слова въ родѣ слѣдующихъ:

— Богу судить, откуда несчастье-то къ намъ пришло. Можетъ и не судьба, а люди виноваты.

— Ужь можетъ и виновать, сударыня, Наталья Ивановна, въ этомъ дѣлѣ лощманъ, говорилъ обыкновенно Петръ Иванычъ, принимая ея слова за сожалѣнiе о баркахъ: такъ неумышленно. Ужь я думаю, онъ и поплатился, несчастный. Вѣдь ихъ тоже за промахи начальство наказываетъ. А лучше должно думать, что васъ, любя, Господь посѣтилъ, — это вѣрнѣе...

— Однако, наказанъ или нѣтъ лощманъ, намъ легче отъ этого не будетъ; посмотри-ка на Петра-то Васильича, — видно, не легко ему... Да что и говорить! — и я-то едва ноги таскаю....

Но Петръ Иванычъ старался всегда припомнить приличный утѣшительный текстъ.

Прошло двѣ недѣли, и Петръ Васильичъ замѣтно сталъ ослабѣвать; онъ иногда цѣлые дни не открывалъ глазъ, и лекарство нужно было противъ воли вливать въ ротъ.

И вотъ, въ одинъ глубокой вечеръ, когда все въ домѣ уже спало, одна Наталья Ивановна сидѣла у постели больного мужа, при трепетномъ блескѣ лампы, Петръ Васильичъ вдругъ приподнялъ голову.

— Ты, Наташа? сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Я, батюшка. Что тебѣ угодно? спросила жена, обрадованная тѣмъ, что онъ наконецъ узналъ ее.

— Миѣ что-то дурно.... дурно.... я что-то плохо вижу... За...свѣти... свѣчу...

Наталья Ивановна поспѣшила исполнить его желанiе.

— Ну, вотъ такъ, посвѣтлѣй!.. Гдѣ ты тутъ?.. дай ру-

ку.... Петръ Васильичъ взялъ за руку жену. Дурно мнѣ... дурно...

— Не послать ли, мой другъ, за священникомъ? спросила она, едва сдерживая приливъ слезъ и рыданій.

— Да, послать; пошли...

Наталя Ивановна разбудила сына и прислугу. Вскорѣ священникъ пріѣхалъ.

По совершеніи обряда, Петръ Васильичъ опять впалъ въ забытѣе.

Часовъ въ девять утра пріѣхалъ докторъ, посмотрѣлъ у него пульсъ, подумалъ что-то, насупивъ брови, сказалъ, что ничего, что это, переломъ болѣзни, и велѣлъ не беспокоить больного ни малѣйшимъ звукомъ, совѣтуя удалить изъ со-сѣдней комнаты дѣтей—и уѣхалъ.

Всѣ его приказанія были исполнены въ точности: дѣтей увели на антресоли. Наталя Ивановна осталась при постели едва переводя духъ, боясь прошумѣть платьемъ, и внутренно молилась.

Часа въ три больной пошевелился, открылъ глаза, но опять закрылъ ихъ. Въ это время дверь тихонько отворилась, вошелъ Павелъ Петровичъ. Мать махнула рукою, предостерегая, чтобы онъ былъ осторожнѣе. Молодой человекъ на-цыпочкахъ подошелъ къ кровати. Отецъ взглянулъ на него, судорожная дрожь пробѣжала по всему тѣлу больного, онъ вытянулся, вздохнулъ и—Петра Васильича не стало.

Нѣсколько минутъ мать и сынъ стояли безмолвно, у постели дорогаго человека, съ замирающимъ сердцемъ, ожидая еще вдоха, еще признака жизни; но, видя, что она уже отлетѣла, они съ воплемъ отчаянія упали въ объятія другъ-друга.

Вскорѣ въ домѣ Отрубевыхъ раздался неутѣшный плачъ.

— Милыя дѣточки, не стало у васъ роднаго папеньки!.. причитала нянька Михайловна, обнимая дѣтей: остались вы сиротами. Не даромъ новѣшній годъ проклятая сѣрка выла!.. Оставилъ насъ судырь-Петръ Васильичъ!..

Глядя на ея слезы, маленькая Фисанька расплакалась;

Феда, рыдая, забился въ свою постельку, и его не могли утѣшить.

Вечеромъ на панихиду собралась вся родня, въ томъ числѣ и Петръ Ивановичъ. Онъ сочинилъ себѣ фizioномію приличную печальному случаю, и стоя въ уголку, съ Маврой Григорьевной, вздыхалъ вслухъ, и сѣтовалъ о суетѣ мірской, о скоротечности земной жизни, и припоминалъ добродѣтели покойника!!

Нужно-ли говорить о горести любящихъ, и любимыхъ покойникомъ жены и сына? Наталья Ивановна ничего не видѣла кромѣ бездушнаго тѣла мужа, но увидѣла Петра Ивановича, когда онъ, по окончаніи панихиды и выходѣ всѣхъ изъ залы, подошелъ прощаться съ тѣломъ хозяина.

— Вотъ кто виною всего горя-то нашего! — вскричала она, всхлиывая, и показывая одной рукой на приказчика, а другой судоржно сжимая руку сына, ее поддерживающаго. — Полно лицемѣрить-то! вспомни Бога-то! — прибавила она отчаяннымъ голосомъ, и зашаталась. Подоспѣвшая во-время Даша, поддержала горестную вдову, и съ помощію Павла Петровича увела ее въ спальню.

При послѣднихъ словахъ хозяйки Петръ Ивановичъ поблѣднѣлъ на-минуту, но быстро оправившись пошелъ вслѣдъ за Натальей Ивановной предложить ей услуги, какъ вдругъ старая нянька, ненавидѣвшая Петра Ивановича, захлопнула дверь спальни передъ самымъ его носомъ.

— «Господи ты, Боже мой! какъ сѣтуетъ неутѣшная вдовица! даже памяти лишилась, — заговариваться стала...» сказалъ Петръ Ивановичъ, опять подходя къ плачущей въ углу Маврѣ Григорьевнѣ.

— Бѣдная вдова! отвѣтила та съ тяжкимъ вздохомъ.

— «Да какъ и не плакать Натальѣ Ивановнѣ», продолжалъ приказчикъ: «какого она сокровища лишилась! О! смерть, неумолимая смерть! *аще и весь міръ приобрящемъ и тогда во гробъ вселимся.*» Постоявъ нѣсколько минутъ, и поднеся нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ, Петръ Ивановичъ низко поклонился тѣлу хозяина, читающему псалтирь дьячку, Маврѣ Григорьевнѣ, и вышелъ изъ залы.

Идя домой, Петръ Ивановичъ чувствовалъ на душѣ ужасно

скверно; въ воображеніи его неотступно и ясно рисовался блѣдный призракъ, съ плотно закрытыми глазами, очень похожій на лежащаго на столѣ Петра Васильича. Изъ-за его выглядывали обрюзгое лицо водяного, и раздвоенная борода лодчмана-Шолыгана.

Приказчикъ кусалъ съ досады бороду, и старался со-творить молитву, но языкъ какъ будто не слушался; а докучливые призраки становились все яснѣе и яснѣе.

Вмѣсто того, чтобъ идти домой, Петръ Иванычъ прошелъ къ сыну въ погребокъ, и, можетъ быть, желая усыпить пошелохнувшуюся на днѣ души спящую совѣсть, безъ всякихъ разговоровъ спросилъ кизлярки.

Говорятъ, что съ этого вечера, старый приказчикъ, сталъ прибѣгать къ этому усыпительному средству въ крайнихъ случаяхъ, когда глупая баба (совѣсть) начинала слишкомъ бурлить; причемъ онъ ее унималъ еще и другимъ вспомогательнымъ средствомъ, увѣряя ее постоянно и настоятельно, что свидѣтельство Попечителява было по всей формѣ законное... Но обратимся къ разсказу.

На третій день похоронили Петра Васильича. Много было народу на похоронахъ, много гостей на поминкахъ, но никто не могъ утѣшить безутѣшныхъ вдову и сына въ ихъ невозвратной потерѣ.

По смерти мужа Наталья Ивановна приняла на себя опеку надъ дѣтьми. Павелъ Петровичъ увидѣлъ себя подпорой семьи, и, помня обѣщаніе въ горькую минуту данное отцу, обѣщаніе посвятить жизнь свою благу семейства, дѣятельно принялся за устройство дѣлъ. Вялость его характера замѣнилась энергіей; все что можно было продать, онъ продалъ, и раздѣлился съ кредиторами, которые, сочувствуя потерямъ несчастнаго семейства, съ своей стороны сдѣлали значительныя уступки. Выдѣлка кожевеннаго товара хотя шла и въ уменьшенной пропорціи, но заводъ держался.

Молодой Отрубевъ, отказавшись отъ серьезноймысли розысковъ въ Припорожьѣ, изъ одного любопытства просилъ письмомъ своего комисіонера въ Петербургъ при случаѣ провѣдать о томъ, въ О—й пристани. И вскорѣ получилъ отвѣтъ, что въ прошломъ году въ О—й пристани, точно

былъ смотрителемъ вѣкто Попечителевъ, но зимою умеръ въ *одно-часье*, оставивъ многочисленное семейство. Павелъ Петровичъ махнулъ рукою... А настоящій виновникъ, которому болѣе всѣхъ извѣстно было это дѣло, ненаказанно жилъ такъ близко.

Впрочемъ, Петръ Иванычъ, схоронивъ хозяина, не ходилъ болѣе въ домъ Отрубевыхъ, принимая явное презрѣніе хозяевъ за спѣсь и подѣ-часъ подсмѣиваясь надъ ними.

Прошло десять лѣтъ; строгой экономіей и умной распорядительностію молодого хозяина дѣла сиротъ Отрубевыхъ совершенно поправились; но Павелъ Петровичъ, имѣя отъ природы слишкомъ нѣжную организацію и любящее сердце, принявъ горячо и смерть отца и заботы не-по-силамъ, получилъ медленную чахотку.

Въ продолженіи этого времени, младшія дѣти подросли; только, къ несчастію, Федя вышелъ непохожимъ на старшаго брата; взросшій при любящей матери, и вѣжномъ до слабости братѣ, онъ сдѣлался порядочнымъ шалуномъ, и въ тѣ лѣта, въ которыя Павелъ Петровичъ, принявъ на себя устройство дѣлъ, не зналъ покоя, Федоръ Петровичъ проводилъ все время въ трактирахъ за биліардомъ, нисколько не заботясь сдѣлаться помощникомъ брату.

Наконецъ томительная болѣзнь уложила дѣятельнаго Павла Петровича въ могилу, къ величайшей горести своего семейства.

Федя женился на богатой дѣвушкѣ, и, какъ дурной хозяинъ, скоро разстроилъ дѣла, такъ прекрасно поведенныя братомъ.

Но, знать, Натальѣ Ивановнѣ суждено было до дна выпить чашу житейскаго горя: она похоронила свою ненаглядную Фисоньку, скромный характеръ которой и доброе сердце служили утѣшеніемъ матери, и сама не долго пережила дочь. Старая нянька Михайловна ихъ всѣхъ оплакала. Долго еще потомъ жила она у Федора Петровича, няньча его дѣтей и умерла ста лѣтъ отъ роду.

Впослѣдствіи Федоръ Петровичъ за долги лишился всего, и жилъ уже на счетъ тещи.

Между тѣмъ торговля Сидора Петровича шла превосходно.

ходно,—семейство его росло и множилось, Александра Павловна толстѣла, и все выше и выше задирала носъ.

Въ экстренныхъ случаяхъ, когда нужны были деньги для распространенія торговли, Сидоръ Петровичъ обыкновенно прибѣгалъ къ родителю, а родитель—къ извѣстной желтой шкатулкѣ; но сколько въ ней было всего-на-все, онъ не открывалъ сыну.

Жизнь Петра Ивановича текла широко и весело, Сидоръ Петровичъ чтилъ его, какъ самый почтительный сынъ; невѣстка оказывала всеможное уваженіе, хотя, можетъ, быть, и наружно; молоденькія внуки (которыхъ у Петра Ивановича было довольно) почтительно исполняли всѣ его желанія. Вышивъ иногда довольно въ своей комнатѣ, вдругъ Петру Ивановичу приходила фантазія идти въ-гости къ сыну, особенно вечеромъ, когда Сидоръ Петровичъ возвращался изъ лавки. Старикъ надѣвалъ сибирку и картузь, бралъ палку и отправлялся.

— Ну, дѣти, я къ вамъ въ-гости пришелъ, говорилъ онъ обыкновенно, помолясь на образъ.

— Милости присямъ, батюшка! добро пожаловать!—отвѣчалъ сынъ, отбирая отъ него картузь и палку.

— Прошу покорно, батюшка, садиться!—подговаривала Александра Павловна, усаживая гостя на первое мѣсто за столомъ.

— Ну, угощайте меня,—говорилъ Петръ Ивановичъ; гостей угощаютъ.

Являлся самоваръ, бутылка рому и закуска.

— Вы, дѣти, должны меня уважать, почитать... говорилъ Петръ Ивановичъ, послѣ перваго стакана пуншу.

— Кого-жъ намъ и почитать, какъ не васъ, батюшка!—произносила невѣстка.

— Вы нашъ родитель,—подхватывалъ сынъ, и затѣмъ наливалъ другой и третій стаканъ.

Петръ Ивановичъ задумывался, и начиналъ кусать бороду.

Сидоръ Петровичъ молча кланялся. Александра Павловна обращалась къ дочерямъ:

— Дѣти! цѣлуйте у дѣдушки ручку, онъ любитъ васъ, заботится о васъ.

Дѣвушки по приказанію бросались облобызать дѣдушкину десницу.

«Ну, что дѣвки! хотите орѣховъ? Вотъ вамъ на орѣхи..» И старикъ выкидывалъ изъ кармана полтинникъ, а иногда и цѣлковый.

Третій стаканъ выпивалъ Петръ Иванычъ молча, обкусывая бороду; послѣ того сынъ и невѣстка отводили отца подъ-руки въ его комнату, уже безъ картуза и палки.

По смерти Павла Петровича, Петръ Иванычъ сдѣлался еще наивнѣе; наприимѣръ: часто вдохновясь винограднымъ сокомъ изъ сыновняго погребка, онъ патріархально садился у его лавки на галереѣ въ складныя кресла, и разсуждалъ съ сосѣдями-купцами о разныхъ предметахъ, пересыпая по обыкновенію текстами и покусывая бороду.

Когда собесѣдники наводили разговоръ на то, что вотъ молъ у Сидора Петровича торговля идетъ теперь слава Богу, бывшій приказчикъ обыкновенно дѣлалъ плутовской видъ, подмигивалъ однимъ глазомъ и говорилъ:

— Да; ужь коли Сидоръ теперь не приложитъ *таланта* къ *таланту*, такъ самъ виноватъ! Я съ своей стороны все для нихъ сдѣлалъ, хотъ грѣшка укусилъ, за-то богатство предоставилъ.

Назвать подлецомъ и воромъ никто изъ почтенныхъ сосѣдей назвать его въ глаза не хотѣлъ, «не наше-молъ дѣло, наше дѣло сторона...» Но между собою говорили во всеуслышаніе, что: «Петръ Иванычъ обокралъ своего двоюроднаго брата, и по его милости, Петръ Васильичъ и въ сыру землю пошелъ...»

Въ одно лѣтнее утро, а именно 26 августа, старая наша знакомая торговка Авдотья Петровна, порядочно уже постарѣвшая, но въ томъ-же неизмѣнномъ камлотовомъ капотѣ, съ большимъ узломъ въ рукахъ, вошла въ домъ знакомой намъ слесарши, красивой Даши, которая, окруженная тройкою маленькихъ миловидныхъ дѣтокъ, проворно хлопотала около печки.

«А, гостья дорогая, Авдотья Петровна! добро пожаловать! Что тебя давно невидать?» воскликнула хозяйка, цѣлуясь съ торговкой.

— Нездорова, Дашенька, была, старость пришла; сиротство одинокое, охъ! — говорила Авдотья Петровна, усаживаясь и переводя духъ: — у тебя вонъ видишь какіе бойле галчата-то, а около меня все чужъ чужемимъ, подать на-питься не кому... не вышла дура замужъ въ свое время... а гдѣ у тебя мать-то?

— Ушла въ церковь...

— Доброе дѣло; а я вотъ толкаюсь съ своими продажами, съ рукъ нейдуть... А скоро, я думаю, Мавра Григорьевна воротится?..

— Не знаю; она еще будетъ панихиду служить.

— По комъ это, Дашенька?

— Какъ по комъ? Знаешь-ли, какой сегодня день-то, какого святаго-то?

— Сегодня Наталья.

— Такъ по тетущкѣ Натальѣ Ивановнѣ память.

— Ахъ, мои батюшки! изъ ума вонъ, мой свѣтикъ! — воскликнула торговка, ударивъ себя по лбу. — Царство небесное, моей сударынѣ Натальѣ Ивановнѣ, пресвѣтлый рай! — прибавила она крестясь.

— Доброе вы дѣлаете дѣло, мои голубушки, что помните.

«Еще-бы! развѣ не она меня пристроила, не она помогла нашей сиротской бѣдности? Да еслибъ не она мать наша, такъ и выдала бы меня маменька за кого попало...» говорила съ чувствомъ признательная женщина. «И еще мнѣ забыть ее! Я и сама-бы въ церковь ушла, еслибы вотъ не эти пострѣляты.» Даша показала на шумящихъ въ углу дѣтей.

— Ахъ, Дашенька! и всѣхъ-то ихъ не стало, моихъ голубчиковъ, дѣтки-то молоденьки померли, одинъ Федоръ Петровичъ остался!... Ей-Богу, какъ пройду мимо ихняго-то дому, сердце ноетъ: такое запустѣніе, да и у Федора-то Петровича тонко-тонко, того и смотри порвется!—говорила Авдотья Петровна,—а вотъ ворогамъ-то ихнимъ такъ Богъ терпять,—живуть да красуются...

— Ну, коль на этомъ свѣтѣ Богъ терпять, на томъ стеметить! — заключила Даша съ глубокимъ вздохомъ.

— Можетъ, еще и на этомъ свѣтѣ отомстится, кто зна-

еть! говорятъ, до четвертаго колѣна... Однако, мой свѣтикъ, пожалуй, что и теперь надъ Петромъ-то Иванычемъ кара небесная началась... Ослѣпъ, сердечный, и память потерялъ, несытость напала, наѣсться не можетъ...

— Господи помилуй насъ!—воскликнула Даша въ ужасѣ.

— Ей-Богу, мой свѣтикъ, я теперь отъ нихъ иду; услышала, что Александра Павловна спрашивала полотна, а у меня два куска было, я и показала ей. Гдѣ ты! знаешь ее, какова спѣсь гордѣвна!—фыркнула, едва взглянула,—толсты, говорить, и ушла. А какія толсты, — распретоненькія. Ну, а я этакъ въ кухню присѣла, слово-за-слово съ кухаркою, вдругъ слышу, Петръ Иванычъ кричитъ изъ своей горницы, ругаетъ кухарку, за то, что обѣдать ему не даетъ.

— Вотъ, — говоритъ кухарка, — старый чортъ, безирестанно этакъ кричитъ; не успѣешь его накормить, онъ опять обѣдать проситъ. Вотъ, матушка, еще обѣдни только, и ужъ онъ въ третій разъ обѣдаетъ. Надоѣлъ; придетъ хозяйка, ей на меня жалуется, что съ голоду уморила; придетъ хозяинъ—ему на невѣстку жалуется, да на внучекъ, что есть ему не даютъ. Мука съ нимъ, не стану жить, уйду. Еще иной разъ и съ палкою придетъ драться, даромъ что ошупью. — И не могла я, Дашенька, надивиться этакому чуду. Вотъ, думаю, поѣлъ хлѣбъ у Петра Васильича, лишилъ ихъ почти всего, вотъ и терпи несытость-то!...

Слушая это, молодая женщина невольно творила молитву и съ удивленіемъ покачивала головою.

— Однако, прости, Дашенька, я отдохнула; узель-то больно тяжелъ... Пора, мой дружекъ, домой—сказала торговка, поднимаясь.

— Посиди, Авдотья Петровна, рѣдко ходишь, скоро маменька придетъ. Чайму съ нами напьешься—унимала хозяйка.

И въ-самомъ-дѣлѣ Авдотья Петровна говорила истинную правду: Петръ Иванычъ года за два до смерти ослѣпъ, и потерялъ память; онъ болѣе десяти разъ въ день просилъ обѣдать: обѣдалъ, и только выходилъ изъ-за стола, опять просилъ; жаловался сыну на невѣстку, на внучекъ и кухарку, что не даютъ ему ѣсть, плакалъ и кричалъ какъ ребенокъ. Иногда, отыскавъ свою палку, ошупью извѣря по стѣнѣ, шелъ

въ кухню (которая недалеко была отъ его комнаты) бить кухарку за то, что его морить голодомъ. Внуки, которыхъ отражала мать дежурить въ его комнатѣ и смотрѣть, чтобъ его кормили, отъ души молили смерти дѣдушкѣ; иногда сама Александра Павловна, заткнувъ уши отъ жалобъ свекра, уходила куда нибудь подальше. Наконецъ и самъ Сидоръ Петровичъ, завладѣвшій безответственно желтой шкатушкой, въ душѣ избывалъ дражайшаго родителя. Кухарка не хотѣла жить изъ-за безпокойнаго старика, своей алчностью онъ надобѣлъ всѣмъ и каждому.

Мы забыли сказать, что младшій сынъ Петра Ивановича, женившись на Тароторкиной и поселясь въ домѣ тестя, являлся къ отцу какъ-то официально, по праздникамъ и торжественнымъ днямъ, а потому не получилъ себѣ части изъ желтой шкатулки.

Но пришло время—и почтеннаго Петра Ивановича позвали туда, гдѣ не принимаютъ и не даютъ ложныхъ свидѣтельствъ!

И многочисленное семейство Сидора Петровича, въ глубокомъ траурѣ, провожило гробъ его. Александра Павловна старалась натереть глаза до-красна, какъ слѣдуетъ почтительной невѣсткѣ. Но Петръ Ивановичъ не унесъ собой въ могилу ничего, что было такъ безсовѣстно имъ награблено.

Послѣ смерти брата поссорились. Степанъ Петровичъ требовалъ законной части послѣ отца, Сидоръ Петровичъ отказывалъ, говоря,—что имѣнье нажилъ онъ. Но такъ какъ Степану Петровичу былъ болѣе или менѣе извѣстенъ источникъ капитала, то онъ, напомнивъ брату о припорожскомъ крушеніи барокъ Петра Васильича, упрекалъ его въ томъ, что онъ всѣ отцовскія деньги затаилъ,—и завелъ съ нимъ судъ да дѣло. Сидоръ Петровичъ, не желая, чтобы его тревожили, рѣшился отступить, и много-ли, мало-ли выбросилъ неугомонному брату. Несмотря на наружное примиреніе, Степанъ Петровичъ жаловался всѣмъ и каждому, что братъ его обидѣлъ.

Выбывшись въ первые ряды купеческаго сословія, Сидоръ Петровичъ сдѣлался необыкновенно спѣсивъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ былъ выбранъ въ городскіе головы, хотя на по-

прищѣ общественной службы и ничѣмъ не заявляя себя, кромѣ сидѣнія въ Думѣ.

Онъ и до-сихъ-поръ здравствуетъ въ Привольскѣ, толстѣеть и богатѣеть: — *грѣхомъ нажитое богатство идетъ строкъ.*

Грустно, какъ подумаешь, что у насъ много такихъ Сидоровъ Петровичей, и еще грустнѣе дѣлается, когда видишь-что общество, забывая ихъ старые грѣхи и только за туго-набитые карманы, набитые посредствомъ всякихъ подлюстей и неправдъ, уважаетъ и облакаетъ ихъ довѣренностію.

АЛЕКСАНДРА КОБЯКОВА.

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЫНЦА.

(МАТЕРІАЛЫ ДІЯ ІСТОРІИ НАРОДА.)

I.

Хотя грустно, что до-сихъ-поръ для исторіи нашего народа мы можемъ представить только не совсѣмъ благовидные факты въ его исторической жизни, факты, повидимому, набрасывающіе тѣнь на чистоту его побужденій, однако утѣшимъ себя мыслью, что невольныя заблужденія его вызваны обстоятельствами, отстранить которыя было не въ его волѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго пониманія историческаго склада государства необходимо знать и оцѣнить, между прочимъ, и такія явленія, которыя повидимому препятствовали успѣшному ходу государственной жизни, останавливали ея развитіе, — однимъ словомъ — явленія регрессивныя. Такими явленіями, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются тѣ препятствія, которыя встрѣчала администрація въ повожьѣ и по всѣмъ крайнимъ провинціямъ въ прошломъ столѣтіи. Препятствія эти правительство встрѣчало въ самомъ населеніи крайнихъ провинцій и особенно въ народѣ, бродячемъ, непривыкшемъ къ мѣсту, и въ бѣглыхъ всякаго рода, а на Волгѣ — въ такъ называемыхъ «сходцахъ» и «понизовой волынцѣ».

Замѣчено, что русскій народъ, не смотря на осѣдлый характеръ, свойственный земледѣльческой странѣ, склоненъ къ бродячей жизни; что безъ видныхъ причинъ онъ покидаетъ родину и идетъ искать чего-то на чужой сторонѣ. Но эта неуживчи-

вость лежитъ, кажется, не въ характерѣ народа, какъ объясняютъ многіе, а есть слѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Если замѣчаютъ, что онъ легко покидаетъ родное село и кладбище отцовъ, то слѣдовало бы замѣтить, что, покидая одно, онъ ищетъ другаго, лучшаго: пойманный и уличенный «Иванъ непомнящій родства,» на вопросъ судьи о причинѣ побѣга, всегда отвѣчаетъ, что не «отъ добра бѣгаетъ,» что «отъ добра добра не ищутъ». Такъ, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, въ XVIII столѣтіи народъ бѣжалъ въ Польшу и за турецкую границу; въ болѣе позднее время, въ нынѣшнемъ столѣтіи, онъ бѣгалъ на Яикъ, «на сытовья воды и кисельные рега,» на «Дарью-рѣку» и на «Новую линію;» нѣсколько лѣтъ назадъ цѣлыя села бѣжали въ Анапу, — потому что невѣдомыя страны эти представлялись обѣтованною землею, гдѣ трудъ не тяжелъ и не благодаренъ, гдѣ человѣку живется легко и свободно. Передъ самымъ царствованіемъ императрицы Екатерины II, во время крестьянскихъ смуть, народъ бѣжалъ цѣлыми вотчинами къ Царицыну и Камышину; цѣлыя села покидали свои родныя усадьбы, забирая лошадей, скотъ и домашнюю рухлядь. По всѣмъ мѣстамъ разгласилась вѣсть, что бѣглецы, переправясь за Волгу, порыли тамъ себѣ землянки и живутъ счастливо. Говорили, что переселенцевъ принимаетъ за Волгой какой-то майоръ Парубучъ *). Съ трудомъ могли остановить это движеніе. Съ давнихъ поръ по всему низовью и за Волгой разбѣяны были вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи «сходцы,» которые нипкуда не приписывались, не обзаводились хозяйствомъ и жили Богъ вѣсть чѣмъ. При заселеніи Петербурга и его окрестностей, сходцевъ требовали на житье въ новую столицу: но эти «подлые люди,» какъ назывались они въ указахъ, бѣгали за Кубань, на Куму, за Волгу и Яикъ въ бухарскую сторону, въ Персію, гдѣ «босурманились,» жили «звѣрски, въ отчаяніи» **). Въ Россію они не хотѣли идти; и если и возвращались, то только за тѣмъ, чтобъ дополнить собой шайки бродягъ. По обнародованіи извѣстнаго манифеста, которымъ приглашались на житье въ Россію иностранцы и вызывались раскольники, послѣдніе толпами стали переходить польскую границу и являться на русскихъ форпостахъ и въ крѣпостяхъ, для внесенія себя въ списки выходцевъ; съ ними шли и бѣглецы помѣщичьи крестьяне. Раскольники, возвра-

*) Полное собраніе законовъ, т. XV. 10.791.

**) XVI. 12,003.

паясь на родину, селились на новоотведенныхъ мѣстахъ, но не могли уже мириться съ новымъ положеніемъ и снова начинали бродячую жизнь. Помѣщичьи крестьяне также неласково принимались своими господами: какъ скоро являлись они въ покинутыя вотчины, гдѣ по ревнскимъ сказкамъ значились въ числѣ бѣглыхъ или вовсе были пропущены, помѣщики прямо вели ихъ въ присутствіе и брили *). Встрѣтивъ такой пріемъ, бѣглые опять покидали вотчины и разсыпались по Россіи. Они снова уходили за польскую границу; уводили съ собой родныхъ, знакомыхъ; бунтовали цѣлыя имѣнія, — и, погулявъ за границей, огромными шайками врываются въ предѣлы Россіи, расходились по всемъ дорогамъ, грабили и разоряли все; они нападали на крѣпости и форпосты; наводили страхъ на жителей; многихъ брали съ собой и удалялись въ Польшу. За ними посылались отряды; они тайно переходили границу, ловили бѣглыхъ, приводили въ Россію и силою водворяли на прежнихъ мѣстахъ **). Но непрочно были такимъ путемъ добытые подданные.

Во время послѣднихъ смутъ крестьяне толпами убѣгали въ Сибирь и самовольно селились тамъ, не имѣя никакого письменнаго вида. Число бѣглецовъ такъ увеличилось, что ихъ велѣно было переписать и положить въ подушный окладъ ***). Къ своимъ помѣщикамъ они не хотѣли возвращаться и скорѣе соглашались жить въ Сибири или всю жизнь шататься по міру, чѣмъ быть въ прежней зависимости. Иные убѣгали въ раскольничьи скиты, разсѣянные по лѣсамъ; основывали новыя пустыни; другіе шли въ православные монастыри, посвящались въ монахи ****), и лучше хотѣли отказаться навсегда отъ міра, чѣмъ воротиться домой. Многіе, особенно послѣ заразы 1770 года, лишившись родныхъ и поддержки, бродили по міру, заходили въ Москву, шатались по выморочнымъ домамъ и грабили *****). Переходя изъ села въ село, бѣглые, на вопросъ воеводъ и комендантовъ — что за люди? — отвѣчали, что выходцы изъ Польши въ силу манифеста 62 года, — и проускались безпрепятственно. Между этими шайками ходили бѣглые солдаты, вездѣ находившіе радушный пріемъ и покойный ночлегъ; самыя войска были не въ блес-

*) Полн. собр. зак. XVI. 12,268, XIX. 13,517.

***) Полн. собр. зак. XVI. 11,894.

****) XVI. 11,860.

*****) XIX. 13. 413.

*****) Полн. собр. зак. XIX. 13,767.

тящемъ положеніи. Отставные солдаты высылались въ казанскую губернію на поселеніе; они ходили безъ конвоя и, разсѣявшись по Россіи, праздно проводили время «къ безславію государства,» пускались на воровства и грабежи. Ихъ велѣно было водить съ конвоемъ *). Регулярныя войска, размѣщенныя по квартирамъ, продолжали чинить жителямъ «дурно,» какъ чинили его при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Иванѣ Грозномъ: ихъ постой былъ ничѣмъ не лучше грабежа и они доводили хозяевъ до того, что тѣ бросали свои дома и убѣгали отъ своихъ постояльцевъ. Былъ даже указъ, которымъ вѣнялось командирамъ войскъ, — не допускать хозяевъ къ побѣгу.

Но больше всего бѣгали арестанты и пересыльные въ Сибирь. Колодники, навязанные на длинныя канаты, — проходили неизмѣримыя пространства: ихъ водили изъ Рогервика и болѣе отдаленныхъ мѣстъ до самого Нерчинска; въ Твери и другихъ поволжскихъ пристаняхъ устроены были особыя суда, на которыхъ везли ссыльныхъ до Казани и Самары **). Дорогой они бѣгали, потому что отправка была плохая и притомъ тяжелая. Всѣхъ сибирскихъ арестантовъ водили для пытки въ Иркутскъ: Нерчинскъ посылалъ пытать своихъ колодниковъ за 946 верстъ, Селенгинскъ за 402 версты, черезъ море, Якутскъ за 2266 верстъ, Охотскъ за 3037; разстояніе между камчатскимъ большерѣцкимъ острогомъ и Иркутскомъ даже было вовсе неизвѣстно: втеченіе года арестанты не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода; другіе бѣгали съ дороги ***). Да и нельзя было не бѣгать даже тѣмъ, которые содержались по тюрьмамъ внутри Россіи: арестанты помѣщались дурно, въ какихъ-то хлѣвахъ сырыхъ и темныхъ, въ подвалахъ и погребахъ; ихъ набивали въ тѣсныя казематы до послѣдней возможности, хотя и не велѣно было помѣщать болѣе трехъ человекъ на одной квадратной сажени, гдѣ три человека могли свободно лечь и умереть; арестантскія дѣла тянулись безконечно-долго; а по прочтеніи приговоровъ и по наказаніи, преступниковъ долго не высылали въ Сибирь, а оставляли въ тюрьмахъ, заставляя ихъ ходить по міру для сбора милостыни; милостыня отбиралась тюремнымъ начальствомъ, а колодникамъ изъ этого подаванія выдавалось по копѣйкѣ кормовыхъ на сутки. За то бѣглецы арестанты дѣлались самыми законнѣйшими разбойни-

*) XVI. 11,617.

**) Полн. собр. зак. XVI.

***) XVII. 12,345.

ками. Къ довершенію сумятицы, между толпами бѣглыхъ крестьянъ, раскольниковъ и арестантовъ, бродилъ по всей Россіи вольный малороссійскій посполитый народъ, цѣлыми массами подвигаясь на востокъ и наводняя собою поволжскія губерніи. Смѣлость бродячаго населенія доходила до того, что они нападали на партіи рекрутъ — новобранцевъ, разбивали конвойные отряды и уводили съ собой будущихъ солдатъ, не допуская до присутствія.

Изъ бѣглыхъ формировались шайки воровъ и разбойниковъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра I, да и вообще съ самаго начала утвержденія общаго гражданскаго порядка въ Россіи съ призваніемъ на престолъ дома Романовыхъ, ни одна правительственная мѣра не преслѣдовалась съ такимъ постоянствомъ, какъ искорененіе воровъ и разбойниковъ. Это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ стараго русскаго общества, которая постоянно напоминала правительству, что административныя формы не уложились еще въ стройныя формы. По всѣмъ концамъ государства ходили, правильно-организованныя шайки разбойниковъ, предводительствуемыя избранными изъ себя атаманами и эсаулами; атаманы назывались почетнымъ именемъ *батюшки* и держали своихъ подчиненныхъ въ непрекословномъ повиновеніи; провинившихся разбойниковъ казнили по приговору собственнаго суда, — вѣшали, — топили, убивали изъ ружья, кололи, или выгоняли изъ артели. Разбойники нападали на обозы, грабили и жгли селенія; вѣшали попадавшихъ имъ въ руки; разбивали караваны по рѣкамъ. Противъ нихъ постоянно издавались указы; учреждены были въ каждомъ уѣздѣ особые сыщики съ военными отрядами, которые завѣдывали судомъ и казнью виновныхъ. Въ 1762 году искорененіе разбойниковъ поручено было губернаторамъ, воеводамъ, комендатамъ крѣпостей, командирамъ войскъ, расположенныхъ по квартирамъ, и самимъ помѣщикамъ. Имъ дана была изъ сената подробная инструкція. Даже при подачѣ ревизскихъ сказокъ велѣно было отмѣчать, что въ вотчинѣ или въ волости нѣтъ ни становъ, ни разбойниковъ, ни приставодержателей. Вездѣ учреждены были заставы, караулы и разъѣзды. Способъ, принятой нынѣ на Кавказѣ для стѣсненія Черкесовъ, употреблялся тогда въ отношеніи къ разбойникамъ: въ степныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ проводились новыя дороги; по обѣимъ сторонамъ дорогъ широко вырубался лѣсъ для прохода отрядовъ; дѣлались лѣсныя просѣки и учреждались стѣзжіе и сторожевые пункты. При появленіи шаекъ, изъ городовъ

и крѣпостей командировались гарнизонные отряды; противъ большихъ разбойничьихъ партій высылались отряды изъ полковъ дѣйствующей арміи; за непмѣніемъ войскъ собирався и вооружался чѣмъ могли отставные унтеръ-офицеры и солдаты, сполнялись вооруженные обыватели и всѣ, кто только могъ владѣть топоромъ или рогаминою *).

Это смутное время, обнимающее цѣлыя два столѣтія, оставило намъ много пѣсенъ, которыя и теперь не забываются народомъ, и въ которыхъ говорится о крѣпкихъ караулахъ и заставахъ, разставленныхъ по дорогамъ.

Впрочемъ не помогали ни заставы, ни крѣпкіе караулы. Разбойниковъ ловили и сажали въ тюрьмы; но непойманные дѣлались еще жесточе. По судамъ разбойничьи дѣла тянулись безконечно долго, потому что дѣло не завершалось до-тѣхъ-поръ, пока не находили всѣхъ оговоренныхъ. Оттого тюрьмы и остроги, съ выходами и подземельями, были наполнены до невозможности. Разбойники, воры, грабители, взяточники, похитители государственной казны и убійцы, говорить сенатъ, сидя по тюрьмамъ, наносили народу страшный вредъ, причиняли ему всевозможныя бѣдствія, истязанія и «невинное кровопролитіе». По прошествіи довольно значительнаго времени послѣ первыхъ допросовъ, арестанты, мстя кому по злобѣ или по наущенію товарищей, оговаривали невинныхъ и доводили до пытокъ; потомъ какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, они «сговаривали» съ нихъ и показывали на другихъ, ни въ чемъ невинныхъ. Сидя цѣлыя годы подъ карауломъ, они находили средства къ побѣгу, разбивали тюрьмы и погреба, въ которыхъ содержались; другіе, отправляемые въ Сибирь и Рогервикъ «на связкахъ», перепутанные длиннымъ канатомъ вмѣсто цѣпи, уходили съ дороги отъ приставниковъ, подвергая ихъ тѣмъ же пыткамъ, которыя сами выдержали, и возвращались «на прежнія свои злодѣйства съ вящимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ,» какъ съ прискорбіемъ выразился сенатъ; особенно доставалось тѣмъ, кто ихъ приводитъ, или показывалъ на нихъ, или открывалъ ихъ станъ: такихъ они «тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и разоряли до основанія,» наводя ужасъ на цѣлыя уѣзды. Они наводили такой страхъ на жителей, что никто не рѣшался ихъ ловить; притомъ всегда брали самого доказчика, оговаривали и пытали вмѣстѣ съ ворами. Разбойныя дѣла велѣ-

*) Указ. Екат. 1779; 65—67.

но было производить спѣшно, въ одинъ мѣсяць, а иногда, — не выходя и въ праздникъ изъ присутствія, тутъ же дѣлались очныя ставки и пытки.

Чтобы поощрить сыщиковъ, пмъ выдавали изъ казны деньги за каждого пойманнаго разбойника: за атамана платили тридцать рублей, за простаго разбойника десять, за пристанодержателя — пятьдесятъ, еслибъ даже его представилъ въ судъ самъ разбойникъ *).

Въ случаѣ отысканія гдѣ либо воровъ или становъ, на все село, къ которому принадлежали разбойники, налагалась *выть* — плата за все пограбленное имущество **) Тогда производились стачки истцовъ съ судьями: обюдное «похлѣбство», скрѣпляемое взяткой, заставляло судью обвинять разбойниковъ въ большихъ грабежахъ, чѣмъ они произвели на самомъ дѣлѣ; въ случаѣ упорства, виновныхъ пытали и принуждали говорить то, чего добивались истцы и судьи. Потому на цѣлыя волости налагались огромныя вытн, и часть собранныхъ денегъ шла въ карманы судей, а другою вознаграждались просители.

Разбой были такимъ естественнымъ дѣломъ, что въ самыхъ столицахъ нельзя было рассчитывать на совершенную безопасность. Даже Петербургъ былъ окруженъ шайками воровъ и разбойниковъ, которые грабили пѣшаго и коннаго; въ шести верстахъ отъ Петербурга разбойники убили французскаго курьера; въ самомъ городѣ попадались на улицахъ мертвыя тѣла, а въ домахъ производились открытые разбой. Столица представляла видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи: въ трехъ главныхъ частяхъ Петербурга расположены были отряды, начальство надъ которыми поручено было генералъ-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину и вице-адмиралу Мордвинову; на всѣхъ перекресткахъ разставлены были рогаточные караулы, по ночамъ ходили частые дозоры и пропускали только того, кто имѣлъ фонарь, всѣмъ караульнымъ положено было имѣть трещотки, и по первой тревогѣ жители выходили изъ домовъ какъ на пожаръ ***).

*) Полн. собр. зак. XVI. 11,750.

**) Полн. собр. зак. XVII. 12,455.

***) Ук. 1762.

Но нигдѣ разбой не принимали такихъ страшныхъ размѣровъ какъ въ поволожьѣ. Впродолженіе всего прошлаго столѣтія исторія поволжья да и всей юговосточной Россіи представляетъ странную картину борьбы стараго порядка съ новымъ, необузданной воли съ администраціей. Колонизація края идетъ довольно успѣшно; правительство обращаетъ вниманіе на водвореніе порядка и тишины въ новонаселенныхъ провинціяхъ; ограждаетъ ихъ укрѣпленными линіями и форпостами отъ вторженія дикихъ азіатскихъ ордъ; вызываетъ изъ-за границы нѣмецкихъ поселенцевъ; поволжскіе города начинаютъ строиться и богатѣть, поля — засѣваться хлѣбомъ. — Но старыи порядокъ менѣе всего уничтожася въ поволжьѣ; дряхлый ХУЦ вѣкъ не робко прятался передъ нововведеніями, а долго напоминалъ о себѣ жестокими сценами, возмущая спокойствіе страны. По Волгѣ и по степямъ, тамъ гдѣ плавали торговые караваны и начинали ходить обозы отъ города до города, — разбѣжали тѣже толпы разбойниковъ съ своими избранными атаманами и эсаузами, грабили суда и обозы, жгли села, убивали народъ или завлекали въ свои шайки. Этихъ шаекъ было безчисленное множество; онѣ собирались мгновенно, по зову атамана, имѣли вездѣ пристанодержателей, отдѣльные разбойничьи станы, прятались въ заводахъ, вложкахъ, по оврагамъ и степнымъ балкамъ; въ случаѣ опасности расходились, потомъ собирались снова и грабили. За ними, какъ и въ остальной Россіи, посылались отряды солдатъ, которыхъ они иногда разбивали, а иногда и сами были разбиваемы, попадались въ руки и жестоко наказывались: ихъ вѣшали, били кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ; они возвращались снова на Волгу къ своимъ станамъ; набирали новыя шайки или приставали къ старымъ, метили за свои спины и вырванныя ноздри; отчаянно нападали на военные отряды; застигали въ распахъ и грабили цѣлыя селенія, жгли хутора и уметы, вѣшали всѣхъ сопротивлявшихся имъ, преимущественно помѣщиковъ и чиновниковъ. Разбѣжая по Волгѣ «въ легкихъ лодочкахъ», они имѣли свои пушки, которыми отстрѣливались отъ военныхъ разбѣздовъ; свободно приставали къ рыболовнымъ ватагамъ, гдѣ часто встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ и съ солью и только изрѣдка защищались имѣвшимися на ватагахъ караульными пушками, которыя доставались побѣдителямъ. Разбойники не страшлись ни воинскихъ высылковъ, противъ нихъ, ни обывателей: о приближеніи командъ ихъ извѣщали пристанодержатели, находившіеся почти въ каждомъ селѣ, особенно по хуто-

рамъ; обыватели не вредили имъ, потому что боялись ихъ мщенія и оговора, а иногда и считали выгоднымъ быть въ дружбѣ

Съ понизовыми бурлаками,
Съ ярыгами кабацкими.

«Понизовые бурлаки» извѣстны были во всей Россіи; ихъ знало правительство какъ самыхъ опасныхъ разбойниковъ; ихъ опасались коменданты крѣпостей, расположенныхъ по юговосточнымъ и восточнымъ линіямъ; ихъ трепетали волжскіе судопромышленники, которыхъ бурлаки каждую весну абординировали на своихъ косныхъ лодкахъ: отбирали ихъ казну, брали товары, ружья, пушки, порохъ и паспорта. Не одна мать оплакивала любимаго сына, ходившаго «во царевъ кабакъ» и завлеченнаго въ разбой понизовыми бурлаками, какъ поется до сихъ поръ въ пѣснѣ:

Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Петерять тебѣ, сыну, буину голову.

Полная лѣтопись походовъ всѣхъ главныхъ шаекъ понизовой вольницы и удовлетворительное объясненіе этого явленія въ русской исторіи, возможны только при хорошей разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, и потому мы передаемъ здѣсь одни извѣстные намъ факты изъ этой внутренней, такъ сказать, домашней и никѣмъ нетронутой исторіи нашего народа, къ которому принадлежала вольница.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, шайки понизовой вольницы начали замѣтно увеличиваться, и поволжье втеченіе двѣнадцати лѣтъ, говоря языкомъ того времени, «было непокойно». Дѣйствія разбойничьихъ шаекъ нижняго края Волги, въ періодъ времени между 1770 — 1782 годомъ, и составляютъ предметъ нашей статьи. Свѣдѣнія, находящіяся въ ней, извлечены изъ одного царьцынскаго архива, и есть основаніе думать, что о другихъ партіяхъ вольницы и атаманахъ можно было бы узнать изъ разбора прочихъ архивовъ поволжскихъ городовъ.

Въ 1770 году, въ апрѣлѣ, плылъ по Волгѣ командированный въ томскій пѣхотный полкъ офицеръ Кретовъ *): верстахъ

*) Царьцын. арх. № 135. Дѣло о командированіи по рѣкѣ Волгѣ Командѣ для истребленія появившихся разбойниковъ. 1770 г.

въ шестидесяти ниже Царицына, на поповицкомъ прыверхѣ, онъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ («снизу бѣгущихъ»), въ числѣ двадцати или болѣе человекъ. Неизвѣстная партія плыла вверхъ по Волгѣ, въ лодкѣ; разбойники вооружены были баграми и ружьями и, поровнявшись съ судномъ, на которомъ плылъ Кретовъ, напали на него и взяли ловкимъ абордированіемъ, къ которому такъ привыкли. Они избили Кретова; многіе порывались заколоть его, но ограничились только грабежомъ. Въ апрѣлѣ же слѣдовалъ Волгою сержантъ Деревягинъ, отправленный съ нѣсколькими солдатами саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ, въ Астрахань, для принятія пороху, свинцу и медикаментовъ: ниже села Золотова, въ урочищѣ Щербаконѣ, въ ночи на 19-е число напала на его судно лодка съ разбойниками, человекъ двадцать. Съ лодки началась пальба. Деревягинъ тоже приказалъ стрѣлять по разбойникамъ и отразилъ нападеніе *).

Спокойно не проходило Волгою ни одно судно.

Губернаторы и воеводы поволжскихъ городовъ получали жалобу за жалобой. Губернаторы упрекали въ безпечности воеводъ и комендантовъ; воеводы и коменданты наказывали разлѣзлыхъ офицеровъ — и все напрасно. Въ маѣ того же года астраханскій губернаторъ Никита Афанасьевичъ Бекетовъ писалъ всѣмъ городovýmъ комендантамъ, астраханскому воеводѣ и астраханской почтовой конторѣ, а также «состоящимъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до города Саратова по станціямъ и простымъ дистанціямъ казачьимъ старшинамъ и другимъ командирамъ», т. е. начальникамъ форпостовъ, расположенныхъ вдоль Волги, что «вольница» на Волгѣ не уменьшается, а постоянно прибываетъ; что шайки разбойниковъ нарушаютъ спокойствіе страны. Напомявъ начальникамъ отрядовъ прежніе свои ордеры «о искорененіи воровскихъ партій и о учиненіи разлѣздовъ», Бекетовъ снова приказывалъ истреблять «злѣдѣевъ» всѣми возможными способами; онъ предписывалъ развѣдывать о нихъ по всѣмъ проѣзжимъ мѣстамъ и, вслучаѣ появленія разбойниковъ, отправлять тотчасъ по дистанціямъ пристойную команду лучшихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ при хорошемъ

*) «Напавъ на судно невѣдомо какіе воровскіе люди въ лодкѣ, въ числѣ человекъ до двадцати, чинили изъ ружей пальбу, токмо поврежденія не сдѣлали; потому и онъ принужденъ былъ чинить отпоръ ружейнымъ же выстрѣломъ, до трехъ патроновъ, съ пули.»

и надежномъ командирѣ, давъ свое пристойное наставленіе», сверхъ того посылать частые разъѣзды отъ города до города, отъ форпоста къ форпосту и отъ дистанціи къ дистанціи; вслучаѣ недостатка въ казенныхъ лодкахъ, онъ приказалъ брать обывательскія, «ибо, добавляя онъ, оное слѣдуетъ для всего общества ко искорененію такого злодѣйства». — Между прочимъ Бекетовъ писалъ объ этомъ къ царицынскому коменданту, полковнику Дебонбергу, потому что Царицынъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южнаго повожья и потому что Волга въ этомъ мѣстѣ и всѣ окрестности Царицына и Дубовки наполнены были разбойничьими шайками и представляли обширное поле для неутомимой ихъ дѣятельности. Онъ давалъ знать Дебонбергу, что «если и за симъ таковыя разбойники искоренены не будутъ, то безъ отвѣта, а въ противномъ случаѣ и безъ штрафа остаться не можете», и велѣлъ о результатѣ поисковъ доносить ему ежемѣсячно; кромѣ того, «для незабвеннаго исполненія» этого приказа, онъ велѣлъ списать во всѣхъ мѣстахъ копии съ него и, гдѣ онѣ будутъ списаны, расписаться на подлинномъ приказѣ, а подлинный выслать къ нему обратно; саратовскому воеводѣ Строеву приказалъ сноситься объ этомъ предметѣ, то есть о нарядѣ командъ для уничтоженія разбойничьихъ шайкъ, съ тамошнимъ комендантомъ полковникомъ Юнгеромъ. Наконецъ, въ заключеніе этого строгаго приказа, Бекетовъ добавлялъ: «а что касается до казачьихъ постовъ, то если отъ сего въ которой дистанціи сдѣлается подобное грабительство, то опытъ мѣсть командиры за слабое ихъ вблизиности себя смотрѣніе не только разжалованы, но и нещадно еще на тѣль штрафованы будутъ».

Вслѣдъ за тѣмъ стали употреблять слѣдующее средство къ поимкѣ и искорененію разбойниковъ: какъ скоро посылаемые отъ города до города на лодкахъ разъѣзды примѣчали плывущее по Волгѣ судно, то подѣзжали къ нему, привязывали къ борту свой катеръ и всѣ всходили на судно; на суднѣ они прятались вмѣстѣ съ оружіемъ, которое при нихъ было, а пустая лодка плыла за судномъ ввидѣ завозни, которыя употребляются при всякомъ промышленномъ суднѣ. Когда разбойники абродировали судно своими баграми, хозяева и лоцмана не препятствовали имъ всходить на палубу. Тогда выходили скрытыя на суднѣ команды и ловили грабителей *).

*) Этотъ способъ поимки разбойниковъ рекомендовалъ былъ Бекетовъ. Какъ вышѣ, говорить онъ, мнѣ извѣстно, что тѣ воровскія партіи

Но это не помогало. Хотя царицынский комендантъ в течение первых четырех мѣсяцевъ со дня этого распоряженія и доносилъ постоянно Бекетову, что «въ прошедшемъ (такомъ-то) мѣсяцѣ опредѣленной по рѣкѣ Волгѣ разъѣздъ чинить былъ да и нынѣ чинится, точію воровскихъ партей въ здѣшной округѣ нигдѣ не предусматривается», — но воровскіе люди за всѣми строгими мѣрами не переставали возмущать поволжье.

II.

Въ то время, когда Бекетовъ придумывалъ вѣрнѣйшій способъ для искорененія разбойниковъ, а мѣстныя власти поволжья «недреманнымъ окомъ» наблюдали за тишиной во вѣрренныхъ имъ мѣстностяхъ, разбойничьи атаманы, которыхъ каждый городъ и пригородъ, каждый уметъ и хуторъ выводили ежегодно на спелу, продолжали формировать шайки воровскихъ людей и грабили пѣшаго и коннаго. Въ 1771 году становится извѣстнымъ атаманъ Ивановъ *) съ своею многочисленною шайкою, которая, вт.

по Волгѣ рѣкѣ производятъ немалые грабежи и о поимкѣ ихъ ни откуда рапортовъ явне имѣю, то почему предвидится — во искорененіи ихъ поступается нерачительно, а по разсужденію моему къ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ предосматривается и таковой легчайшій способъ, чтобъ посылаемые отъ города до города для поимки ихъ команды, какъ скоро какое плывущее по Волгѣ внизъ или вверхъ обывательское судно наѣхать могутъ, то въ всѣхъ лодки своей вошедъ на оное, со всѣми будущими при нихъ ружьи, находились скрытно, ни мало себи не оказывая, а лодку свою при томъ суднѣ вели бѣ, привязавъ порожнюю, какъ обыкновенно при всѣхъ промышленныхъ судахъ каковыя бывають. Когда же тѣ злодѣи по своему наѣзженію сдѣлають на то судно нападеніе и на оное, не видѣвъ той команды, войдутъ, то сами себя къ поимкѣ подвергнуть въ руки; для чего имѣя такую скрытную команду, хозяевамъ тѣхъ судовъ противу таковыхъ злодѣевъ никакого сопротивленія до тѣхъ поръ, дондеже оныя на судно войдутъ, не чинить, а по выходѣ, обще съ командою къ неупустительному всѣхъ переловленію всевозможное стараніе прилагать и, ловя оныхъ, въ отсылкѣ тѣмъ командамъ въ городовыя канцеляріи по данному наставленію безъ отрицанія поступать. Каковое средство въ тѣ отправленныя команды производить разъѣзжалъ городъ отъ города на идущихъ внизъ и вверхъ Волги рѣки судахъ, со всякимъ во искорененіи тѣхъ злодѣевъ стараніемъ. На ордерѣ этомъ въ заголовкѣ написано: *по секрету*.

*) Цар. Арх. Лѣ 188. *Дѣло о содержащихся при царицынской гражданской канцеляріи ворахъ, разбойникахъ и другихъ бѣглецахъ и оклеветанныхъ ими Качалинской станицы атаманъ и казакахъ. 1772 года.*

случаѣ надобности, для совершенія какой либо важной экспедиціи могла дать своему предводителю до ста человѣкъ, что впрочемъ было не въ правилахъ разбойниковъ прошлаго вѣка: атаманъ, предпринимая воровской походъ, бралъ съ собою не болѣе 10 — 20 разбойниковъ, а иногда съ пятью шестью человѣками производилъ самые смѣлые набѣги. Въ 1771 году мы находимъ станъ Иванова не въ степи, не въ лѣсу или гдѣ либо въ дикомъ и глубокомъ оврагѣ, а въ одной изъ многочисленныхъ донскихъ станицъ, именно въ Качалинѣ. Качалинская пристань на Дону, составляя ближайшій пунктъ, гдѣ Донъ подходитъ къ Волгѣ на разстояніи только шестидесяти верстъ, и въ прошломъ столѣтіи служила крайней точкой сухопутнаго волока между Дономъ и Волгою, гдѣ теперь проводится волжско-донская желѣзная дорога. Въ Качалинѣ грузились на суда волжскіе товары, перегружались подвезенные съ верховьевъ Дона, Хопра и Медвѣдцы, и разгружались клади, пришедшія съ низовьевъ Дона, съ азовскаго и чернаго морей. Качалинъ былъ постоянно наполненъ бурлаками изъ верховыхъ городовъ и эти бурлаки весьма легко обращались въ разбойниковъ, когда находили смѣлаго атамана. Такимъ былъ Ивановъ. Хотя онъ и имѣлъ свой станъ въ Качалинѣ, по жилъ тамъ не какъ атаманъ разбойниковъ и не укрывался, а занималъ квартиру у станичнаго казака, по фамиліи Лузанова, и считался его нахлѣбникомъ. Съ Ивановымъ жили у Лузанова еще два или три постояльца, тоже разбойники, и платили своему хозяину за квартиру и столъ *по пяти коплекъ въ сутки*. У Иванова былъ по фамиліи есаулъ Юдинъ, который жилъ отдѣльно отъ своего атамана. Прочіе члены шайки, разбойники Лукинъ, Стряхининъ, Лобановъ и другіе, до ста человѣкъ, жили гдѣ кому Богъ приведетъ: кто на постоянной квартирѣ, а кто гдѣ-день-гдѣ ночь, какъ они сами выражались. Въ числѣ разбойниковъ Ивановской шайки былъ одинъ который слылъ между ними за бѣлаго дьякона города Тобольска. Разбойникъ самъ говорилъ, что онъ изъ Сибири и до побѣга былъ дьякономъ въ тобольскомъ усненскомъ соборѣ; называлъ онъ себя Яковомъ Никитинымъ. Вообще шайка состояла изъ сброда самой разнохарактерной вольницы: тутъ были каторжники, военные дезертеры, дворовые и посадскіе люди, рекруты, помещичьи и экономическіе крестьяне, кунеческіе приказчики; — но самый большой процентъ въ этомъ капиталѣ составляли понизовые бурлаки, люди, давно забывшіе и свою родину, и свои семьи и едва ли помнившіе имена, данныя имъ при крещеніи, потому

что имъ такъ часто приходилось мѣнять ихъ, смотря по обстоятельствамъ и по паспорту, попадавшему имъ въ руки. Это была въ полномъ смыслѣ.

....Смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній....

Разбивъ какое-нибудь плывущее по Волгѣ судно, и идущій по степи обозъ, разбойники одѣвались въ платье ограбленныхъ ими жертвъ, брали ихъ паспорта и прикидывали какой кому клику, къ росту, глазамъ и волосамъ: Ивану приходилось по примѣтамъ назваться Петромъ, бѣгзому каторжнику — купеческимъ сыномъ и т. д. Зимой и лѣтомъ, когда не предвидѣлось воровскихъ экспедицій, шайка Иванова жила въ Качалинѣ мирно, — кто съ паспортомъ, а кто и безъ всякаго письменнаго вида: иной жилъ въ работникахъ у какого-нибудь казака, другой находилъ пріютъ у вдовы-казачки, съ которой сживался любовно; иной работалъ на Дону, — на баркахъ, на паромѣ, въ полѣ и на пожняхъ; были и такіе, которые имѣли свой курень и жили отдѣльно. У этой шайки былъ свой секретарь, какой-то бурлакъ Агапъ, который жилъ у казака Загубникова и приготовлялъ для шайки «воровскіе паспорта».

Лѣтомъ 1771 года, атаманъ Ивановъ водилъ свою шайку на Волгу, на разбой, и ограбилъ восемь судовъ съ товарами. Какъ велика была добыча — видно изъ того, что въ «дуванѣ» (въ дѣлежѣ) каждому разбойнику досталась на долю довольно порядочная сумма денегъ и много разнаго товара. Изъ этого награбленнаго добра они дарили въ Качалинѣ своимъ знакомымъ кулачамъ, платки, деньги и проч.

Послѣ всякаго дувана, если не предвидѣлось новыхъ воровскихъ походовъ, разбойники расходились по разнымъ мѣстамъ, и къ осени, когда на Волгѣ становился ледъ и навигація прекращалась, они возвращались въ Качалинъ на зимнія квартиры и жили тамъ до новыхъ походовъ. Такъ они возвратились и послѣ лѣтнихъ экспедицій 1771 года. Но въ это время мѣстныя военныя власти, вѣроятно, провѣдали о мѣстопребываніи шайки Иванова, потому-что вскорѣ, именно весной 1772 года, командированъ былъ въ Качалинъ сотникъ Горскій съ отрядомъ казаковъ и захватилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ; вслѣдъ за тѣмъ отряжена была небольшая партія нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ капитана Куткина, который также переловилъ нѣсколько человекъ. Взятъ былъ и атаманъ Ивановъ съ соуломъ Юдинымъ. Пойманныхъ воровъ привезли въ Царицынъ и при-

ставили къ нимъ караулъ. Впрочемъ большая часть шайки Иванова спаслась отъ рукъ Горскаго и Куткина, и продолжала жить въ Качалинѣ, а надъ пойманными наряжена была судная комиссія, презусомъ которой назначенъ былъ секундъ-майоръ Казадаевъ; комиссія открыла свои засѣданія допросами арестантовъ.

На допросахъ разбойники показали, что начальникъ Качалинской станицы, атаманъ Сухановъ, станичный писарь Поповъ и многіе изъ казаковъ и казачекъ знали о ихъ промыслѣ, но лгали имъ потому, что получали отъ нихъ подарки и пивали съ ними въ кабакѣ: Разбойникъ Стряхнинъ, напримѣръ, сознавался, что «пристань имѣлъ въ Качалинской станицѣ, у вдовы казачьей женки Катерины Фроловой, съ воровскимъ паспортомъ, который объявленъ былъ станичному атаману Тихону Потапову (Суханову), которому изъ грабленныхъ далъ кумачъ, а сверхъ того ево-жъ пивалъ въ кабакѣ вино». Эсаулъ Юдинъ говорилъ, что «по приходѣ, въ качалинской станицѣ жилъ у казака Марка Кустова, безъ пашпорта, завѣдомо вора, о чемъ былъ извѣстенъ и станичный атаманъ» и т. д. Такихъ «оговоренныхъ» нашлось до двадцати человекъ, между которыми попадаетъ имя казака трехъ-островской станицы, Ивана Семенникова, принимавшаго въ этомъ же году дѣятельное участіе въ заговорѣ извѣстнаго лже-Петра III, — самозванца Богомолова *). Всѣхъ оговоренныхъ тотчасъ же забрали подъ караулъ и привезли въ Царицынъ.

Но въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля атаманъ Ивановъ бѣжалъ изъ-подъ ареста. Съ нимъ бѣжали нѣкоторые изъ его товарищей, какъ-то: Лукинъ и Стряхнинъ. Между тѣмъ, оговоренные не признавались ни въ чемъ, особенно станичный атаманъ и писарь. Первый, на обвиненія Стряхнина (послѣ бѣжавшаго), отвѣчалъ: «Иванъ Стряхнинъ вѣдомства моего въ станицѣ у казачьей женки Катерины Фроловой съ печатнымъ пашпортомъ жительство имѣлъ; а что тотъ пашпортъ былъ воровской или нѣтъ, того я не зналъ, и въ томъ что онъ былъ несумнительный, много былъ смотрѣнъ; грабленаго-жъ кумача отъ него никакого не биралъ, и что онъ разбойникъ, о томъ я подлинно не зналъ и вина съ нимъ въ кабакѣ никогда не пивалъ». На другія обвиненія онъ отвѣчалъ почти такими же фразами:

*) См. нашу статью — «Самозванецъ Богомоловъ» — въ Парусѣ № 1-й 1859 года.

подобными же фразами защищали себя и прочіе оговоренные. «Показаннаго дьякона Никитина, говорилъ станичный писарь, чтобъ онъ былъ бѣглою дьяконъ, я не зналъ, а въ работѣ на перевозномъ паромѣ ево видалъ и считаю ево за работнаго человѣка, а не за дьякона; съ пашпортомъ ли же онъ или безъ пашпорта, я о томъ неизвѣстенъ, а о томъ долженъ знать войсковой сборщикъ» и т. д. Слѣдовательно, трудно было ожидать истины отъ ихъ показаній.

Военносудная коммиссія не рѣшила однако участи разбойниковъ изъ шайки Иванова: ея назначеніе было изслѣдовать только степень виновности качалинскаго станичнаго атамана Суханова, станичнаго писаря и прочихъ двадцати оговоренныхъ арестантами, а судъ надъ разбойниками производился особо. Сухановъ съ писаремъ и нѣкоторые казаки были хотя оправданы, но оставлены однако въ подозрѣніи; нѣсколько же человѣкъ изъ жителей Качалина были присуждены къ наказанію, потому-что улики ихъ виновности были ясны и неопровержимы, и въ сношеніяхъ съ разбойниками они виновались сами.

Это происходило за три дня до бунта, вспыхнувшаго 25-го іюня въ Царицынѣ во имя Лжепетра III Богомолова, котораго народъ желалъ силой освободить изъ-подъ караула; когда происходила въ городѣ такая жаркая схватка между народомъ и войскомъ, и самъ комендантъ Цыплетевъ едва не былъ убитъ; вслѣдствіе чего, находя присутствіе лжеимператора въ безпокойномъ Царицынѣ не безопаснымъ, его, вмѣстѣ съ его государственнымъ секретаремъ, на другой же день, т. е. 26 іюня, еще до свѣту вывели тайно изъ Царицына въ Черный Яръ.

Надъ разбойниками и надъ дѣйствіями всей шайки Иванова производилось еще особое слѣдствіе, но исхода его мы не знаемъ. Незвѣстно также, что случилось съ ея атаманомъ, кто онъ былъ, откуда родомъ, собиралъ ли своихъ молодцовъ послѣ бѣгства изъ Царицына, водилъ ли ихъ на новые разбои и чѣмъ кончилъ свою удалую жизнь: съ ружьемъ ли и пожемъ въ рукѣ, на Волгѣ или въ полѣ, умеръ ли подъ ударами кнута, пріютился ли его Сибирь въ своихъ золотыхъ рудникахъ.

Знакомство съ архивами прошлаго вѣка все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ мысли, что правительство, повидимому столь сильное извнѣ, было бессильно у себя дома и не въ состояніи было спасти страну отъ крайней неурядицы. Болѣзнь крылась глубоко и палліативы были недостаточны для успокоенія массъ. Нисколько неудивительно, что въ описываемое намъ время

сами блюстители порядка, долженствовавшие «недреманнымъ окомъ» смотрѣть за спокойствіемъ страны, поступали иногда не хуже понизовыхъ бурлаковъ: солдаты, оберегавшіе волжскіе караваны отъ разбойниковъ, иногда сами ихъ пощипывали, въ случаѣ оплошности судохозяевъ. Такъ военносудная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора Казадаева, назначенная для изслѣдованія виновности лицъ, оговоренныхъ шайкою атамана Иванова, въ одно и то же время должна была разбирать *дѣло о грабѣжѣ у слѣдующаго отъ Суворона до города Астрахани на суднѣ съ разнымъ хлѣбомъ, въ дачахъ города Царицына, пахотнаго солдата Козмы Полякова, напавшими разбойническими людьми его. Полякова и работниковъ его папортовъ и денегъ.* (Цар. арх. № 198. 1772 г.) А изъ дѣла этого видно, что «разбойническіе люди», ограбившіе судно, были солдаты царидынскаго 2-го батальона, намѣревавшіеся воспользоваться украденными паспортами для побѣга!

III.

Обходя молчаніемъ внезапное появленіе и такое же внезапное исчезновеніе предшественника Пугачева — царидынскаго Лже-петра III — самозванца Богомолова, какъ происшествіе уже извѣстное, и не касаясь событій народной драмы 1771—75 годовъ и всѣхъ ея эпизодовъ, группирующихся около Пугачева (что должно составить содержаніе особаго, обширнаго труда, предпринятаго нами), мы перейдемъ къ историческимъ проявленіямъ народной жизни въ эпоху, слѣдующую за смертью Пугачева. Но приступая къ передачѣ событій послѣ 1775 года, напомнимъ только, что связью между временемъ Пугачева и слѣдующимъ служитъ явленіе атамана Заметаева, въ которомъ народъ видѣлъ преемника Пугачева и котораго графъ Панинъ, въ печатныхъ объявленіяхъ, рассылаемыхъ по Россіи, называлъ «чудовищемъ», а Суворовъ считалъ опасною личностью *).

Почти въ одно время съ Заметаевымъ начинаетъ дѣйствовать разбойничій атаманъ Кулага, котораго въ официальныхъ бумагахъ того времени величали иногда *славнымъ разбойникомъ* **).

*) См. нашу статью — «Заметаевъ» — въ Рус. Дневн. 1859 г. NN. 7 и 8.

**) Цар. арх. N. 337. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ, именуемомъ Кулагою, съ шайкою его. 1773*

Около 1755—56 года изъ нижегородскаго имѣнія княгини И. Я. Голицыной, изъ деревни Отеревой, неизвѣстно куда скрылся молодой крестьянинъ, Константинъ Васильевъ Дудкинъ. Нѣсколько лѣтъ этотъ добрый молодецъ шатался, какъ самъ говорилъ, по разнымъ мѣстамъ, преимущественно по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ; спознавался добрый молодецъ «съ понизовыми бурлаками, со ярыгами кабацкими», и наконецъ очутился въ Астрахани, въ главномъ разбойничьемъ притонѣ, откуда бродягамъ лежалъ широкій путь на всѣ четыре стороны — къ Киргизамъ, къ донскимъ казакамъ, на Уралъ и въ Персію; лучшіе притоны были на взморьѣ, на ловецкихъ ватагахъ, гдѣ атаманы набирали свои шайки и водили ихъ оттуда на расшивахъ, на косныхъ и ловецкихъ лодкахъ, вооруженныхъ иногда пушками, вверхъ по Волгѣ, къ персидскимъ границамъ и къ Киргизамъ за устье Эмбы и за Мертвый Култукъ, гдѣ подвизался Заметаевъ. Въ Астрахани бродяга Дудкинъ попался въ руки къ мѣстному начальству, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ и свое имя, и свою кочевую жизнь простаго бурлака. Пойманный безъ всякаго письменнаго вида, Дудкинъ назвался бѣглымъ рекрутомъ Степаномъ Кулагинымъ, и съ тѣхъ поръ слытъ въ народѣ подъ именемъ *Кулаг*.

Мнимаго рекрута засадили подъ караулъ, судили въ Астраханской военной комиссіи и опредѣлили въ солдаты въ Самарскій полкъ съ фамиліею Кулагина, гдѣ онъ прослужилъ тринадцать лѣтъ. Но въ это время княгиня Голицына узнала, что Дудкинъ, столько лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти и уже считавшійся погибшимъ, служилъ въ Самарскомъ полку подъ ложнымъ именемъ; она послала въ полкъ довѣренное лицо, убѣдилась въ истинѣ слуховъ, и приказала «поверстать» его въ зачетъ рекрута, съ отдачею въ астраханскій баталіонъ. Кулага снова поступилъ на службу, но уже пробылъ въ ней недолго: солдатская подначальная жизнь не могла удовлетворить его натуру, давно свыкшуюся съ буйной волей, такую жизнь не хотѣлъ сносить будущій атаманъ разбойниковъ, извѣдавшій и прелесть и горечь бродячей жизни. Кулага бѣжалъ.

Это было въ 1770 году. Въ первое же время своей независимости Кулага началъ подбирать себѣ шайку и готовить популярность своему имени. Еще не будучи извѣстенъ за опытнаго разбойничьяго атамана, Кулага успѣлъ навербовать товарищей, на первый разъ двѣнадцать человекъ, и они съ помощью людей одного астраханскаго чиновника, секретаря Торпакова, огра-

били его домъ и избили до полусмерти его жену. Но едва разбойники успѣли раздѣлить добычу, какъ были схвачены и засажены въ казематъ, находившійся при Троицкомъ монастырѣ. Военно-судная коммиссія, назначенная надъ преступниками, опредѣлила прогнать ихъ сквозь строй («прогнать сквозь шпичь-рутенъ»). Но монастырская тюрьма не могла удержать Кулагу: въ августѣ 1774 года, въ то смутное время, когда Пугачевъ прошелъ уже Саратовъ и подвигался все къ югу, и когда всѣ уцѣлѣвшіе остроги были набиты арестантами, ждавшими освободителя, мнимого Петра III, Кулага бѣжалъ изъ монастыря, и съ нимъ ушло другихъ колодниковъ до 25 человѣкъ.

Съ этой поры популярность Кулаги утвердила за нимъ титулъ атамана и почетное между разбойниками названіе *батюшки*. Впрочемъ бѣжавшихъ изъ Троицкаго монастыря были переловлены. Самъ Кулага едва спасся бѣгствомъ на взморье и принужденъ былъ всю зиму укрываться въ урочищѣ Бертюлѣ. Но весной онъ рѣшился организовать свою шайку и занялся вербованіемъ молодежь, въ которыхъ не было недостатка. Однимъ изъ первыхъ его товарищей былъ семинаристъ Силантьевъ. Силантьевъ былъ родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа, воспитывался въ казанской семинаріи и неизвѣстно по какимъ причинамъ бѣжалъ оттуда, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ явился въ Астрахань и поступилъ въ прикащики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занималъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшился идти въ разбойники, соединился съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ, и успѣвъ пригласить только двухъ человѣкъ въ свою партію, прежде всего разграбилъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ его былъ несчастливъ: грабители были схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ одну тюрьму съ Кулагою, который, какъ мы сказали, содержался въ Троицкомъ монастырѣ. Вѣроятно, здѣсь они познакомились, потому что семинаристъ, спасшись отъ наказанія, прежде всѣхъ присталъ къ шайкѣ Кулаги. Силантьевъ спасся изъ монастыря въ числѣ 25 человѣкъ и притомъ въ одно время съ Кулагою. Кулага скрывался всю зиму въ Бертюлѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ высокихъ камышахъ. Весною 1774 года они соединились для предстоящихъ подвиговъ. Другимъ отважнымъ сподвижникомъ Кулаги и товарищемъ его злополучій былъ нѣкто Тарабаринъ, бѣглый солдатъ, служившій прежде въ астраханскомъ четвертомъ батальонѣ. Онъ оставилъ свой батальонъ

только въ іюлѣ 1775 года, нѣсколько времени жилъ въ камышахъ, скрываясь отъ сыщиковъ, и уже въ августѣ поступилъ въ шайку Кулаги. Еще раньше Тарабарина пристаѣлъ къ Кулагѣ разбойникъ Шумниковъ, родомъ изъ Владимирской губерніи, пѣтъ экономическихъ крестьянъ села Ославскаго. Шумниковъ, какъ самъ говорилъ, отданъ въ рекруты «во второй наборъ подѣ Турка» и, по приведеніи къ присягѣ, отправленъ былъ въ полкъ; пройдя съ партіею Владиміръ, онъ бѣжалъ съ дороги и пробрался на Волгу, въ городъ Дмитріевскъ (Камышинъ), на соляную пристань; здѣсь онъ нанимался въ работники къ разнымъ хозяевамъ и работалъ на солевозныхъ судахъ всю зиму 1771 года; оттуда сошелъ, по обыкновенію всѣхъ бродягъ, въ Астрахань, гдѣ шатался между чернорѣченскими ловцами въ продолженіи трехъ лѣтъ, не находя для себя занятія по сердцу. Но весной 1775 года онъ познакомился съ Кулагою и въ его шайкѣ нашелъ искомую волю и дѣятельность. Когда Шумниковъ съознался съ кулагинскою шайкою, онъ былъ еще очень молодъ: ему было только двадцать лѣтъ, потому что шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ рекруты. Еще мальчишкой, послѣ бѣгства изъ полка онъ бродилъ по Россіи. Наконецъ, въ шайкѣ Кулаги былъ еще одинъ такой же юный разбойникъ, Федоръ Васильевъ, уроженецъ богатаго села Лыскова, «помпщикъ Грузинскаго царевича Егора Вахтундича крестьянинъ *).» Васильевъ также отданъ былъ въ солдаты въ Нижнемъ и «по учиненіи присяги,» когда рекрутскую ихъ партію гнали въ Москву, бѣжалъ изъ города Павлова. Потомъ въ селѣ Подловьевѣ онъ соединился съ неизвѣстными бурлаками, такими же какъ самъ онъ бродягами и всѣ вмѣстѣ «въ лодкѣ сбѣжали до города Астрахани.» Въ Астрахани Васильевъ не имѣлъ постоянного жительства и оставался тамъ недолго, а пробрался въ море, гдѣ и жилъ между ловцами. Наскучила ли ему эта жизнь на морѣ, хотѣлось ли ему повидать свою родину, только молодой бродяга «намѣреніе возымѣлъ, чтобъ пройтить пока вверхъ,» и случайно ли столкнувшись въ Астрахани съ Кулагою, или привлеченный въ его шайку мозгой его имени, уже извѣстнаго и по взморью на всемъ понизовѣ, онъ поступилъ подѣ начальство этого разбойника.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь лицъ, семинариста Силантьева, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ Тарабарина, Шумникова и Васильева, въ шайкѣ Кулаги находилась не одна отважная голова;

*) Въ другомъ мѣстѣ — *Вахтундича*.

только эти четыре разбойника были, какъ кажется, всѣхъ ближе къ нему: притомъ Спидантьевъ, какъ сынъ протопопа и воспитанникъ семинаріи, могъ служить ему въ качествѣ секретаря, потому что самъ Кулага былъ безграмотенъ. Впрочемъ, шайка Кулаги, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась прибытіемъ новыхъ лицъ, то уменьшалась: иные разбойники, сдѣлавъ два-три набѣга, оставляли шайку; иногда, конечно, они тайно скрывались отъ атамана, а иногда онъ самъ, по личнымъ расчетамъ, уменьшалъ составъ своего маленькаго ополченія. Ополченіе это было дѣйствительно невелико, хотя умѣло тревожить край, наводило иногда большой страхъ на жителей понизовья, причиняло тревогу властямъ, и вообще надѣлало много шума.

Кулага, какъ всѣ вообще поволжскіе разбойники прошлаго вѣка и атаманы, державшіе разбой на Каспійскомъ морѣ, былъ по преимуществу пиратъ. Какъ и Заметаевъ, онъ предпочиталъ дѣйствительно ходить на легкой косиѣ или рыбацкой лодкѣ, а не на большомъ суднѣ. Эта «легкая лодочка» поволжскаго разбойника довольно извѣстна изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя теперь уже рѣдко поются. Но въ первое время Кулага не имѣлъ у себя ни судна, ни лодокъ, а дѣлалъ свои переходы сухимъ путемъ; онъ производилъ грабежи, сообразуясь съ силой своей шайки и не рѣшаясь предпринимать такихъ нападеній, какія могли удаваться только при помощи огнестрѣльнаго оружія и на водѣ, гдѣ онъ могъ рассчитывать на свою ловкость и увертливость, на умѣнье гребцовъ обращаться съ веслами и парусами. Къ этимъ сухопутнымъ походамъ Кулаги, вѣроятно, принадлежитъ нападеніе на Башмаковку, гдѣ разбойники ограбили иштейный домъ, запаслись водкой и отправились на новые промыслы. Послѣ погрома башмаковскаго кабака, одинъ изъ товарищей Кулаги, разбойникъ Шумниковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ покинулъ свою шайку и снова, въ качествѣ простаго бурлака, отправился на ловецкіе станы, гдѣ и работалъ за деньги.

Скромные сухопутные грабежи скоро перешли въ отважные разбои, когда шайка Кулаги завладѣла гдѣ-то, или просто укра-ла большую заводню, родъ небольшого судна, которое называлось «досчаникомъ.» Кулага посадилъ на него свой отрядъ и отправился въ первую морскую экспедицію, которая какъ нельзя болѣе удалась ему. Не имѣя въ своей маленькой командѣ ни пушки, ни ружей, ни сабель, Кулага съ жалкимъ бурлацкимъ вооруженіемъ, какое нашлось у его шайки, отправился вверхъ отъ взморья и слѣдовалъ нападеніе на старую ватагу купца Сковор-

пова. Въ то время ватаги, мѣста рыболовныхъ становъ, были не то, что въ настоящее время: частыя нападенія разбойниковъ, Киргизъ-кайсаковъ и Калмыковъ заставляли хозяевъ имѣть на своихъ ватагахъ вооруженную стражу, которая могла бы дать отпоръ всякому насилію и оружіе отразить оружіемъ; на болѣе богатыхъ ватагахъ всегда имѣли запасъ пороха, ружей, пикъ и проч.; на иныхъ находилась артиллерія, конечно плохенькая, какія нибудь двѣ-три чугунныя пушки, но все-таки достаточная для отраженія непріятели; рабочіе на ватагахъ и самыя ловцы могли въ одно время быть и промышленниками и солдатами. Плохо ли былъ защищенъ станъ Скворцова, или Кулагѣ помогла его отвага, только станъ былъ взятъ и ловцы ограблены, Кулага забралъ у нихъ деньги, взялъ также шесть ружей «съ приборами,» двѣ шашки, ловецкую одежду, хлѣбъ, рыболовныя сѣти и паспорта. Паспорта тотчасъ были разобраны шайкою «по сходству примѣтами», чтобы на всякій случай имѣть подъ руками законный видъ, которымъ можно было бы прикрываться въ опасности. Разбойникъ-семинаристъ, конечно, прочиталъ своимъ товарищамъ эти добытые паспорта, и въ какомъ изъ нихъ примѣты болѣе подходили къ наружности котораго либо изъ разбойниковъ, тотъ и доставался на его долю.

Ограбивъ ватагу Скворцова, Кулага взялъ для себя двѣ лодки, на которыхъ удобнѣе было производить разбой, а свой досчаникъ бросилъ на ватагѣ. Шайка пересѣла теперь на легкія лодочки и отправилась на новые подвиги...

Что сверху-то было Волги-матушки,
 Что плыветъ гребетъ *лека-лодочка*;
 Хорошо-то была лодка изукрашена,
 У ней носъ, корма раззолочены,
 Что расшита легка лодочка
 На двѣнадцатеры веселочки;
 На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
 На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
 По краямъ лодки добры-молодцы,
 Посреди лодки красна-дѣвица,
 Эсаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбовница и т. д.

Правда, лодка, на которой ѣхалъ Кулага, не была изукрашена и раззолочена; самъ атаманъ, конечно, смотрѣлъ простымъ бурлакомъ и добрые молодцы, быть можетъ, одѣты были въ

лохмотьяхъ; не было у нихъ и красной дѣвицы; но легкая лодочка, предводительствуемая Кулагой, нападала также храбро, какъ и раззолоченныя. Кулага знала, что съ лодками легче было управляться; лодку можно было спрятать въ любомъ камышѣ; ее можно было перетащить черезъ широкую песчаную косу и отмель; лодка могла плыть невидимою и незамѣченною подъ самымъ бортомъ судна, которое разбойники собирались абординовать; лодка на двѣнадцать веселъ могла убѣгать отъ преслѣдователей, какъ птица на крыльяхъ.

Въ это время Кулага раза два посѣтилъ своего прежняго товарища Шумникова, бывшаго сподвижникомъ его при разграбленіи питейнаго дома на Башмаковкѣ. Шумниковъ, какъ мы сказали, находился на ловецкихъ ватагахъ и почему-то бросилъ ремесло разбойника, хотя, можетъ быть, на время. Кулага приѣзжалъ къ нему, и Шумниковъ снабжалъ своего атамана — батюшку съѣстными припасами.

29 іюня во второмъ часу полуночи, Кулага съ одной только лодкою на десять веселъ и съ десятью только разбойниками явился на щучинской ватагѣ купца Шарыпина. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ выбралъ 29 іюня, потому что, по случаю праздника Петрова дня, Кулага ожидалъ, что всѣ люди на ватагѣ должны быть или пьяны или въ отлучкѣ. Дѣйствительно, онъ не засталъ тамъ почти никого и потому не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Ватага была обобрана, какъ и прочія мѣста, куда являлась кулагина шайка. Не оставаясь здѣсь долго, разбойники съ щучинской ватаги отправились далѣе и прибыли къ табуну Шарыпина, который находился за рѣкою Болдою. Вѣроятно, разбойники искали хозяина и его денегъ, или имъ нужно было получить какія-либо свѣдѣнія отъ табунщика, Калмыка Лозана Танкіева, только они, неизвѣстно по какой причинѣ, жестоко «смертельно» избили нагайками этого бѣднаго пастуха и Калмычку, жену его, избили такъ, что нельзя было даже надеяться, останутся ли въ живыхъ эти несчастные. Послѣ этого Кулага снова поплылъ внизъ по рѣкѣ Болдѣ къ каспійскому взморью*). Въ этихъ походахъ прошла ночь Петрова дня

*) Въ подяномъ въ Астраханскую оберъ-комендантскую канцелярію отъ астраханскаго купца Степана Шарыпина объявленіи написано: «минувшаго-де іюня 29 числа, во второмъ часу пополуночи, въ небытность на щучинской ево ватагѣ работныхъ людей, приѣхавъ на оную ватагу съ одной лодкѣю на десять веселъ воровской атаманъ, называемой Кулага, съ това

На другой день, рано утромъ, когда еще только начало разсвѣтать, небольшой отрядъ «разъѣздной команды» поручика Иванова, находившійся на рѣкѣ Болдѣ для охраненія окрестностей отъ нападенія разбойниковъ и состоявшій изъ капрала и нѣсколькихъ солдатъ, случайно усмотрѣлъ лодку, которая плыла на веслахъ внизъ по Болдѣ. Извѣстно, что разъѣздныя команды или *высылки*, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, съ самаго пачала XVII столѣтія постоянно разъѣзжали по Волгѣ на лодкахъ, оберегая безопасность судоходства и преслѣдуя воровскія партіи отъ дистанціи до дистанціи. Такая высылка находилась въ то время на Болдѣ *). Когда плывшая по этой рѣкѣ лодка поравнялась съ рыбнымъ плотомъ, находящимся на Трехъизбинской ватагѣ упомянутаго купца Шарыпина, разъѣздная команда стала окликать ее, спрашивая по обыкновенію: что за люди? — «Добрые люди» — давъ былъ отвѣтъ съ лодки этими «невѣдомыми людьми», и, не тронутые высылкою, неизвѣстные пловцы приблизились къ ватагѣ. Они подѣхали къ кухнѣ этого заведенія, пристали къ берегу — и вдругъ изъ лодки выскочилъ «воровской атаманъ разбойникъ Кулага и съ нимъ воровская его партія». — Ограбивъ иучинскую ватагу, Кулага про-

рыщи своими десятью челоуьками, съ ружьями, палашами, большими ножами, которые по приѣздѣ взяли на той ево ватагѣ изъ его припасовъ и у протчихъ нѣсколько экипажа, и побывъ на той ево ватагѣ самое малое время, и съ оной ватаги поѣхали въ собственный ево конной табунъ, имѣющейя при той ватагѣ за Болдою рѣкою, и въ ономъ табунѣ находящагося пастуха, калмыка Лозона Танкіева, били ево и жену ево нагайками смертельно, и, будутъ ли отъ тѣхъ ихъ побой впередъ живы или нѣтъ, неизвѣстно, и съ того табуна оные разбойники поѣхали внизъ по рѣкѣ Болдѣ.»

*) Вотъ одна старая разбойничья пѣсня, въ которой проклинаются эти *высылки* и воевода, отправляющій ихъ для поимки добрыхъ молодцовъ:

Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное,
Еще лихъ ли на нашъ супостатъ злодѣй.
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ отъ Казани часты высылки,
Высылаетъ все *высылки стрѣлецкія*,
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцовъ,
Называютъ насъ ворами, разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволожскіе,
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ, —
Воровства, грабительства довольно есть.

бирался къ каспійскому взморью и по дорогѣ рѣшился снова попытать счастья на другомъ заведеніи Шарыпина. Къ счастью его, и на Трехъ-избинской ватагѣ почти никого не было, потому что и работные люди почти всѣ на срокъ отпущены были для расчѣту въ Астрахань, а потому, обманувъ разѣздную команду ложнымъ отвѣтомъ на ея окликъ, Кулага могъ свободно управиться съ оставшеюся на ватагѣ прислугою и рассчитывать на успѣхъ. Но разѣздная команда, замѣтивъ, что въ движеніяхъ невѣдомыхъ людей было что-то недоброе, тотчасъ вооружилась противъ «онихъ злодѣевъ» и открыла ружейный огонь. «И какъ усмотря онихъ злодѣевъ, капралъ и солдаты тотчасъ противу ихъ вооружились и стрѣляли по ворами изъ ружей; но напротиву того воровской атаманъ Кулага съ товарищи своими по солдатамъ изъ ружей и пистолетовъ палилже, и была сильная пальба со обоихъ сторонъ, и по той пальбѣ было сраженіе, отъ которой стрѣльбы нѣкоторые воры были и ранены, также и солдаты. На послѣдокъ тѣ воры, усилившись съ сандовми (?) и дротиками, изъ рукъ у солдатъ ружья выбили, которыхъ солдатъ, по преодолѣніи, тѣ воры били нещадно, имѣющіяся жъ при промыслѣ его (Шарыпина) на водѣ ловецкія ево и протчія лодки изрубили и затопили».

Послѣ этой жаркой схватки, когда команда была обезоружена и солдаты избиты «нещадно», однакоже не умерщвлены, и когда Кулага увидѣлъ себя полнымъ господиномъ ватаги, онъ ограбилъ ее и ни минуты долѣе не оставался на берегу. Шайка его, съ нѣкоторыми ранеными, опять вошла въ лодку и продолжала свой путь къ морю. Одно, вѣроятно, негодное, ружье было брошено на ватагѣ.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда Кулага производилъ этотъ смѣлый разбой на Трехъ-избинской ватагѣ, знаменитый Заметаевъ, пойманный за пять дней передъ этимъ, сидѣлъ въ Кумшацкой станицѣ, закованный въ желѣза. Вообще разбой этихъ двухъ самыхъ популярныхъ атамановъ, производившихъ въ одни и тѣ же мѣсяцы, только Заметаевъ совершалъ свои воровскія экспедиціи большею частію на Каспійскомъ морѣ, имѣлъ схватки съ Киргизами и доходилъ до азіятскаго берега Каспійскаго моря, а Кулага рыскалъ преимущественно въ устьѣ Волги и по взморью. Наконецъ, вслѣдъ за послѣднимъ сраженіемъ, онъ также выплылъ въ открытое море и направился къ такъ называемому морскому бибииковскому стану, принадлежавшему

тоже купцу Шарышину. Что дѣлалъ Кулага на этомъ станѣ и куда потомъ отправился, мы не знаемъ.

Но скоро вѣсть о Кулагѣ и его подвигахъ достигла Астрахани. Астраханское начальство, встревоженное незадолго до этого страшными успѣхами Заметаева и незнавшее о поимкѣ его, еще болѣе встревожилось, узнавъ, что кромѣ Заметаева существуетъ еще какой то Кулага-атаманъ. Оберъ-комендантъ города Астрахани, генералъ Левинъ, тотчасъ разослалъ ко всѣмъ поволжскимъ комендантамъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, строжайшіе ордеры о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ противъ новаго опаснаго разбойника. Онъ приказалъ, во что бы то ни стало выслѣдить и искоренить его безъ *всякаю упущенія, не принося никакихъ въ томъ невозможностей*; «предписывалъ и» разѣзднымъ командамъ накрѣпко подтвердить, подъ опасеніемъ, есть ли въ томъ хотя малая оплошность и упущеніе послѣдуетъ, поступленія по всей строгости законовъ «и вслѣдъ» по часту репортовать» о томъ, что будетъ происходить. Подобное предписаніе получено было также въ Царицынѣ и Цышлетевъ отвѣчалъ на него Левину, что «находящимся въ разѣздахъ по рѣкѣ Волгѣ и сухопутно господамъ командирамъ, чтобъ они по точности вышесаннаго въ ордерѣ вашего превосходительства предписанія, въ сыску и поискѣ воровъ, *а наипаче важныхъ разбойниковъ, имѣли всеусердное и неусыпное стараніе, безъ упущенія, наискрѣпчайше отъ меня подтверждено.*»

Между тѣмъ слухи о Кулагѣ и о томъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ, совершенно замолкли. Онъ точно безъ вѣсти пропалъ. Такъ прошло три мѣсяца. Наконецъ, 1-го октября царицынской комендантъ узналъ отъ кого-то частнымъ образомъ, что Кулага, неизвѣстно какими судьбами, съ Каспійскаго моря очутился уже въ Дубовкѣ и тамъ пойманъ съ своими товарищами, а между тѣмъ въ тотъ же день прошелъ по Царицыну слухъ, что четыре разбойника изъ его шайки были недавно въ этомъ городѣ, и, нѣсколько часовъ назадъ, отправились вверхъ по Волгѣ на плывущей съ солью расшивѣ. Не медля ни минуты, комендантъ послалъ въ Дубовку нарочнаго, царицынскаго казака Корецкова, выѣхавшаго вслѣдъ за расшивой, въ пятомъ часу пополудни, съ указомъ, въ которомъ сообщалъ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ, чтобы она приняла слѣдующія мѣры: если дѣйствительно Кулага пойманъ и еще не отправленъ въ Царицынъ, — то останавливать всѣ плывущія снизу по Волгѣ суда, брать съ нихъ рабочихъ людей и, спросивъ паспорта, приводить каждаго изъ нихъ къ Ку-

лагъ; если Кулага на вопросъ, принадлежности взятыхъ съ судна рабочихъ — къ его шайкѣ, скажетъ, что дѣйствительно принадлежали, то не смотря ни на что, если бы даже эти уличенные имѣли паспорта, брать подъ караулъ, оковывать въ крѣпкія желѣза и присылать въ Царицынъ» за крѣпкимъ присмотромъ, дабы оныя въ дорогѣ утечки учинить не могли.» На другой день Волжская войсковая канцелярія увѣдомила Цыплетева, что Кулага дѣйствительно пойманъ, вмѣстѣ съ четырьмя соучастниками, въ волжскомъ войскѣ, и уже совсѣмъ приготовленъ былъ къ отправкѣ въ Царицынъ, какъ пріѣхалъ въ Дубовку посланный Цыплетевымъ казакъ Корецковъ и остановилъ проводы разбойниковъ. Между тѣмъ за проходившими мимо Дубовки судами стали слѣдить внимательно. Едва успѣлъ воротиться Корецковъ, Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Дубовку другаго курьера и требовалъ, чтобы также взяты были съ судовъ и другіе подозрительные люди и привезены въ Царицынъ;— но чтобы хозяевамъ судовъ не дѣлали ни остановокъ, ни притѣсненій, а велѣли слѣдовать «своимъ трактомъ».

Понимка Кулагы была дѣломъ совершенно случайнымъ: въ ночь на 25-е сентября, часу въ третьемъ пополудни, войсковою старшина волжскаго войска Андрей Персидскій и квартирмейстеръ Филиппъ Кріулинъ замѣтили, что по Волгѣ, въ такую позднюю пору, видимо, пользуясь темнотою ночи, подозрительнымъ образомъ пробиралась вверхъ съ невѣдомыми людьми лодка; лодка была перехвачена и находившіеся въ ней четыре человѣка взяты и приведены въ войсковую канцелярію. Сначала неизвѣстно было что это за люди; но случай опять выдалъ Кулагу: въ Дубовкѣ находился въ это время астраханской губернской канцеляріи сказочный Аванасій Ивановъ; однажды онъ зашелъ въ кабакъ и увидѣлъ тамъ человѣка, лицо котораго было ему знакомо; этого человѣка онъ видѣлъ прошлой зимой въ Астрахани, когда тотъ сидѣлъ въ острогѣ, и теперь узналъ въ немъ извѣстнаго атамана. Примѣченный въ кабакъ незнакомецъ дѣйствительно былъ Кулага, которому, при его популярности, трудно было укрыться. Лицо разбойника было знакомо многимъ, особенно въ Астрахани, гдѣ онъ надѣлалъ столько шуму и тревогъ, а потому Ивановъ, узнавъ его, отправился въ войсковую канцелярію и донесъ, что Кулага въ Дубовкѣ. Это было 25 сентября, именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ канцелярію привели неизвѣстныхъ четырехъ бродягъ, пойманныхъ ночью на Волгѣ — Персидскимъ и Кріулинымъ. Вѣсть, пе-

реданная Ивановымъ дубовскимъ властямъ, заставила подозрѣвать, нѣтъ ли Кулаги между этими четырьмя взятыми бродягами, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ былъ въ числѣ ихъ. Съ нимъ находился также и товарищъ его Тарабаринъ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Кулагу, при взятіи Трехъ-избинской ватаги на Болдѣ и при пораженіи разбѣдной команды. Послѣ того онъ выѣхалъ въ море. Изъ архивныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, не видно, долго ли онъ пробылъ на морѣ и какіе еще производилъ грабежи; но по всей вѣроятности, опасаясь все болѣе и болѣе распространявшихся о немъ слуховъ, будучи увѣренъ, что разбѣдныя команды ищутъ его по всемъ направленіямъ и имя Кулаги не разъ произносилось въ комендантскихъ да гражданскихъ канцеляріяхъ, писалось и переписывалось въ ордерахъ и промеморіяхъ, повторялось шопотомъ и на базарахъ, — однимъ словомъ, — испугавшись своей популярности, Кулага рѣшился оставить мѣста, гдѣ его знали. Онъ покинулъ море и снова вошелъ въ Волгу. Неизвѣстно какъ онъ пробрался мимо Астрахани, только, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы встрѣчаемъ его уже за Дубовкой. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ попытать счастья гдѣ нибудь въ верховыхъ городахъ, и, собравъ самыхъ вѣрныхъ товарищей, Тарабарина, бурсака Сялантьева, Шумникова, Васильева и двухъ Ивановыхъ, отправился въ Русь на зимовку. Такимъ образомъ изъ всей шайки его осталось только шесть человѣкъ, съ которыми онъ и доплылъ до Царицына въ двухъ лодкахъ, не слишкомъ опасаясь преслѣдованій и не боясь иногда завернуть въ царевъ кабакъ, который и былъ причиной его гибели. Нѣсколько ниже Царицына, разбойники раздѣлились на двое: Кулага и Тарабаринъ сѣли на одну лодку, взявъ съ собой еще какихъ-то двухъ незнакомыхъ прохожихъ, а прочіе товарищи, съ другою лодкою, остались въ Царицынѣ, гдѣ намѣревались приобрѣсти лошадей и ѣхать на Донъ — «для якобы работъ». Кулага, Тарабаринъ и два незнакомые прохожіе *), какъ мы видѣли, взяты уже за Дубовкой;

*) Послѣ оказалось, что прохожіе не были разбойники и даже не бродяги. Одинъ изъ нихъ, — муромскій крестьянинъ Григорьевъ, — находясь въ Астрахани, потерялъ свой паспортъ, и, вслѣдствіе манифеста, публикованнаго послѣ смерти Пугачева, получилъ въ Астрахани новый видъ, «съ тѣмъ, чтобъ онъ шелъ въ домъ прямейшимъ трактомъ;» случай столкнулъ его съ Кулагой: увидѣвъ на Волгѣ лодку этого разбойника, Григорьевъ, «совокупясь еще съ товарищемъ, подошедъ просили, чтобъ доѣхать въ Дубовку, почему они и пріѣхали сюда (въ Дубовку), а что они бѣглые солдаты

оставшіеся при другой лодкѣ также раздѣлились по-двое: бур-сакъ Силантьевъ и Васильевъ, бросивъ лодку, покинули своихъ товарищей, нѣсколько дней прожили въ Царицынѣ на квартирѣ и потомъ отправились въ путь пѣшкочъ; недалеко отъ Волги, на бечевникѣ, они были пойманы казаками и приведены въ Дубовку. Два остальные разбойника изъ партіи Кулаги, оставшіеся при лодкѣ, Ивановы, продали ее въ Царицынѣ и нанялись на какое-то судно, въ качествѣ бурлаковъ. Несмотря на то, что всѣ суда, плывшія вверхъ, осматривали въ Дубовкѣ и рабочихъ приводили къ Кулагѣ, — Ивановыхъ не нашли, или, какъ сказано въ дѣлѣ, Ивановы, «по осмотру имъ, Кулагинимъ, на идущихъ свизу судахъ, не угаданы.» Но вмѣсто нихъ случайно былъ пойманъ Шумниковъ, оставившій, какъ мы видѣли, шайку Кулаги, вскорѣ послѣ разгрома питейнаго дома на Башмаковкѣ. Сговорился ли онъ съ Кулагою пробраться «въ Русь» или самъ рѣшился оставить морскія ватаги, только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Кулага уже давно проплылъ Астрахань, онъ подговорилъ съ собой бѣглаго астраханскаго солдата Петрова, приобрѣлъ особую для себя лодку и явился въ Царицынъ; здѣсь они продали лодку и отправились искать по хуторамъ работы; на дорогѣ пристрали къ нимъ еще одинъ бѣглый солдатъ, и уже на рѣчкѣ Пичугѣ они были пойманы. Такъ переловлены были всѣ главные товарищи Кулаги.

9-го октября всѣ они были привезены въ Царицынъ, а 13-го отправлены по форпостамъ въ Астрахань на судъ.

Въ сопровожденіе арестантовъ, «по ихъ важности, какъ оныя въ чиненіи сильныхъ разбоевъ не малое время упражнялись безъ недостатка,» командированъ былъ сильный конвой подъ начальствомъ офицера Ахапкина, которому дана была особая инструкція относительно надзора за преступниками *).

и разбойники, того не знали, съ которыми и взяты за караулъ (изъ допроса Григорьева). Другой прохожій — уржумскій крестьянинъ Имидиковъ, тоже жилъ въ Астрахани, гдѣ просрочилъ свой паспортъ и, также какъ Григорьевъ, получилъ новый, добрался до Царицына, выпросилъ себѣ мѣсто на лодкѣ у Кулаги, и, подобно Григорьеву, взятъ былъ съ Кулагою въ Дубовкѣ. Мы думаемъ, что прохожіе эти были нѣкогда въ войскѣ Пугачева, а не потеряли паспорта.

*) Инструкція эта сама по себѣ составляетъ очень любопытный историческій матеріалъ и кромѣ того показываетъ, какое значеніе могъ имѣть Кулага въ глазахъ правительства. Ахапкину повелѣвалось:

1) Съ гобвахты отъ караульнаго господина офицера принять показаннаго атамана, скованнаго въ наручни и на обѣихъ ногахъ въ колодки, а

IV.

Въ слѣдующемъ году начальники волжскаго войска, собственно той части, которая осталась непереселенною на Терекъ, будучи заподозрѣны въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ разбойни-

прочихъ, какъ въ наручняхъ, такъ и въ такихъ же колодкахъ осмотря, гораздо укрѣпить.»

2) «А потомъ принявъ изъ комендантской канцеляріи запечатанные конверты, рапортъ къ астраханскому оберъ-коменданту, господину генералъ-маіору Василю Василювичу Левину, и сообщеніе господину подполковнику и Черновярскому коменданту Айдарову и подорожную для вашего благородія на двѣ лошади, да прогонныхъ денегъ какъ до Астрахани, такъ и на обратный путь, всего 14 руб. 88 коп., да кормовыхъ денегъ 70 коп., отъ военской канцеляріи, слѣдовать въ путь, при наряженномъ съ вами конвоемъ съ линіи для разстановленія по состоящимъ отъ Царицына форпостамъ и въ Черной Ярѣ командѣ казаками, и, будучи въ трактѣ, оставляя назначенное, гдѣ сколько слѣдуетъ, по форпостамъ число казаковъ, а съ послѣдняго, съ Мазайскаго, тожь и съ подлежащими въ Черной Ярѣ 15-ю человекъ слѣдовать до Астрахани, принявъ тѣхъ разбойниковъ 7 человекъ отъ стоящаго при гобвахтѣ караульнаго офицера, заклепавъ всѣхъ въ крѣпкія ручныя и ножныя колодки, посадивъ на подводы, распределить къ нимъ изъ конвою къ каждому по рассмотрѣнію вашему.»

3) «Будучи въ пути имѣть крѣпкую предосторожность, дабы утечки учинить не могли, подъ опасеніемъ за оное лишенія чести и по законамъ наказанія, осматривать всегда колодки и наручнн въ пути, окружась конвоемъ, а на почлегахъ и ночевьяхъ въ форпостныя землянки сажать и при нихъ часовымъ смотрѣть для недопущенія ихъ до разговоровъ и чтобъ не могли другъ другу помогать въ сбиваніи колодокъ, къ лучшему смотрѣнію стараться на ночь доставать на свѣтъ жиру или лучины, и сверхъ того, то мѣсто окружать особыми часовыми, ибо отъ такихъ злодѣевъ ничего не можно ожидать, какъ при всякомъ послабленіи сдѣлать уходъ, и обратиться на прежнія злодѣйствы не оставлять, то вамъ въ томъ нужда состоитъ, чтобъ они ежечасно были подъ вашимъ самозличнымъ смотрѣніемъ, а и ночью имѣете караульныхъ осматривать и накрѣпко имъ подтверждать о семъ, дабы находились осторожны.»

4) «На пропитаніе ихъ купить здѣсь сутки на трое хлѣба, употребя по 2 коп. на человекъ въ сутки, и онымъ удовольствоваться.»

5) «По прибытіи въ Черный Ярѣ къ тамошнему господину коменданту явись по здѣшному сообщенію при подачѣ онаго донести, чтобъ на дальней путь конвоемъ и пропитаніемъ не оставилъ онъ снабдить по своему распоряженію, и въ Епотаевской крѣпости равно отъ тамошняго господина коменданта всѣмъ снабдиться, а по прибытіи въ Астрахань, того жъ часа представить къ его превосходительству и, по отдачѣ оныхъ, просить отпуску и слѣдовать обратно и явиться въ командѣ какъ наискорѣе.»

ками, выставляли передъ правительствомъ какъ важную услугу, оказанную Россіи, то обстоятельство, что стараніемъ ихъ пойманъ «онъи славный разбойникъ Кулага».

Люди, принимавшіе на себя имя императора Петра III, были всё изъ солдатъ, казаковъ и рекрутъ: самозванецъ Кремневъ былъ солдатъ, Богомоловъ — казакъ легионной команды, Пугачевъ — донской казачій офицеръ, Ханяиъ — отставной казакъ; точно также всё разбойничьи атаманы, предводители шаекъ, большая часть изъ эсауловъ и разбойниковъ были солдаты, военные дезертеры и молодые рекруты: знаменитый Заметаевъ былъ дезертеръ, Жеребцовъ (эсаулъ Заметаева), атаманъ Кулага, его товарищи Тарабаринъ, Шумниковъ и Васильевъ, Брагинъ и Зубакинъ — также бѣжавшіе изъ войска; Сучковъ, Хохловъ, Данилинъ, Збойковъ, Иванъ Рыжій и много другихъ, о которыхъ мы будемъ говорить, также всё военные бѣглецы. Атаманъ Наумъ Филиповъ *), о которомъ идетъ теперь рѣчь, родился въ крестьянскомъ семействѣ, самарскаго уѣзда, въ селѣ Марквашѣ, въ имѣніи графа Девіера. Въ 1756 году онъ былъ отданъ въ рекруты, въ тенгинскій пѣхотный полкъ, а изъ него перечисленъ въ томскій, который въ 1770 году былъ назначенъ въ Грузію. Когда томскій полкъ выступилъ изъ Царицына по кизлярской дорогѣ, Филиповъ бѣжалъ. Такъ и Калуга оставался въ полку лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, но потомъ, какъ и Филиповъ, рѣшился искать счастья въ бродячей жизни поволжскаго разбойника. Филиповъ прежде всего пробрался на Донъ, въ самый центръ бурлацкихъ притоновъ, гдѣ атаманы, при нуждѣ, могли собирать до ста добрыхъ молодцевъ, именно въ Качалинскую станицу, гдѣ уже въ то время имѣлъ свой станъ атаманъ Ивановъ съ шайкою. Но Филиповъ не вступилъ въ шайку Иванова, а нанялся къ одному казаку — промышленнику въ рабочіе и съ качалинской пристани уплылъ на плотѣ своего хозяина внизъ по Дону, потому что плотъ слѣдовалъ въ Черкасскъ. Плаванье по Дону и бурлацкія обязанности вѣроятно не понравились Филипову, и онъ, не доѣзжая до Кочетовской станицы, притворился тяжело больнымъ. Ему выдали заработанныя деньги и ссадили на берегъ. Съ рублемъ мѣди въ карманѣ мнимый больной пришелъ въ Кочетовскую станицу, поселился въ кабацѣ и дня два шлъ «на оныя деньги» зелено ви-

*) Дѣло о разбойникѣ Степанѣ Сучковѣ съ товарищи. 1775. Цар. Арх. N. 323.

но; кабацкая жизнь свела его съ кочетовскимъ казакомъ Топорковымъ, которому Филиповъ признался, что сбѣжалъ изъ вотчины, и былъ нанятъ Топорковымъ въ работяки, съ платою по семи рублей въ годъ и съ хозяйской одеждой. Топорковъ взялъ Филипова на свой хуторъ, стоящій на Донцѣ верстахъ въ шести отъ кочетовской станицы, и держалъ его два года; но потомъ, по признанію самого Филипова, Топорковъ выслалъ его изъ своего хутора, сказавъ: «мнѣ тебя уже болѣе держать не можно». Филиповъ рѣшился выйдти на Волгу, поискать счастья въ вольномъ поволжѣ и пошелъ вверхъ рѣкой Дономъ и Медвѣдницей. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ селѣ Руднѣ, шацкаго уѣзда, на рѣкѣ Терсѣ, впадающей въ Медвѣдицу; тамъ встрѣтился съ знакомымъ солдатомъ Иваномъ Кирпишниковымъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ рекруты; узналъ, что Кирпишниковъ, подобно ему, сбѣжалъ изъ арміи и живетъ у руднинскаго малороссіянина Лифарева, Филиповъ просилъ познакомить его съ Лифаревымъ, который и послалъ ихъ обоихъ на свой хуторъ, на рѣчку Щелканъ, гдѣ бѣглецы и прожили два года, въ качествѣ работниковъ. Но потомъ и Лифаревъ, сказавъ имъ — «вы уже мнѣ болѣе не надобны,» — отослалъ отъ себя, вѣроятно, боясь попасться съ ними въ подъяческія руки, потому что это былъ уже 1774 годъ, когда противъ партій Пугачева и противъ всякихъ «невѣдомыхъ» людей принимались предосторожности. Филиповъ и Кирпишниковъ прошли за Волгу и противъ самого Камышина нанялись на казенный перевозъ въ работяки, гдѣ и оставались до самаго прихода въ Камышинъ Пугачева.

У Пугачева, во время слѣдованія его изъ Казани къ низовымъ городамъ, отправлены были Волгою цѣлыя караваны судовъ съ съѣстными припасами, казной, награбленными товарами и тяжелой артиллеріей; на этотъ флотъ самозванца поступили и Филиповъ съ Кирпишниковымъ. Во время слѣдованія флота мимо Дубовки, Кирпишниковъ высадился на берегъ и вмѣстѣ съ другими принадлежавшими къ войску Пугачева поступилъ въ конницу этого самозванца, а Филиповъ остался на одномъ изъ судовъ и продолжалъ плыть къ Царицыну. Верста за пять до этого города, судно, на которомъ находился Филиповъ, пристало къ Денежному острову, но было атаковано, съ сухаго пути, высланнымъ изъ Царицына военнымъ отрядомъ. Такъ какъ Денежный островъ былъ недалеко отъ берега, то судно не могло спастись отъ атакующаго отряда и принуждено было сдаться;

однако Филиповъ счастливо избѣжалъ плѣна. Когда съ берега сдѣлано было на нихъ нападеніе, Филиповъ и съ нимъ человекъ пятнадцать изъ находившихся на суднѣ соумышленниковъ Пугачева сѣли въ лодку, находившуюся при суднѣ, и бѣжали отъ отряда вверхъ по Волгѣ *). Они доплыли такимъ образомъ до караванской станицы, оставили свою лодку въ безопасномъ мѣстѣ и пошли въ станицу.

Всѣмъ извѣстно, что вскорѣ послѣ того Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ и волжская флотилія самозванца уничтожена. Спасшіяся отъ войскъ Михельсона и Суворова толпы пугачевского ополченія разбрелись по всей Россіи. Съ ними исчезаетъ изъ виду и товарищъ Филипова Кирпичниковъ. Между тѣмъ Филиповъ, съ пятнадцатью бѣглецами, изъ караванской станицы прошелъ на хуторъ казака Морозова, гдѣ надѣялся встрѣтить радушный пріемъ, потому что одинъ изъ его партіи, малороссіянинъ Власъ Якимовъ, жилъ прежде у Морозова и женатъ былъ на его крѣпостной дѣвкѣ. Морозовъ дѣйствительно позвали ихъ переночевать у себя, хотя зналъ, что они бѣжали изъ пугачевского ополченія, и взялъ за это отъ бѣглецовъ нѣсколько дорогихъ подарковъ **). Утромъ вся партія разошлась въ разныя стороны, а на хуторѣ остались только Филиповъ, Хохловъ, Сучковъ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, и Власъ Якимовъ. Скоро Филиповъ свелъ короткое сердечное знакомство, или, какъ самъ выражался, — «спознался» съ сестрою волжскаго старшины Ощепкина, Ирину, которая жила на морозовомъ хуторѣ, и передалъ ей на сохраненіе часть своего добра ***). Дня черезъ четыре бѣглецы встрѣтили на хуторѣ караванскаго казака, по фамиліи Вдовина, котораго зналъ Хохловъ, и этотъ послѣдній спросилъ у него:

— Не можно-ли намъ въ станицѣ у тебя въ домѣ сколько-нибудь пожить?

*) Не доплывя одного (Царицына) верстѣ съ пять (говорилъ послѣ Филиповъ на допросѣ), пристали къ Денежному острову, гдѣ высланною изъ Царицына воинскою командою оное судно съ сухова пути было атаковано; тогда мы испужавшись оного, сѣвъ въ имѣющуюся при томъ суднѣ лодку, человекъ до 15-ти, избѣгая себѣ помки и наказанія, поѣхали вверхъ по рѣкѣ Волгѣ.»

***) Отъ насъ съ Васильемъ Хохловымъ (слова Филипова) отобралъ платковъ малюскакихъ разныхъ цвѣтовъ пять, цѣной каждой по 3 рубли, да отъ пршедшаго съ нами одново бурлака взялъ тогда жъ сукна алова тонкова шесть аршинъ.»

****) ... рубашки двѣ — александрийской пестреды, и изъ нихъ одна съ золотымъ позументомъ, третья отласная травчатая, съ золотомъ же, всего по цѣнѣ болѣе 20-ти рублевъ.»

Бѣглецы имѣли свои виды переселиться ближе къ Волгѣ, ибо жизнь на хуторѣ у Морозова не представляла имъ никакихъ особенныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ Волга являлась широкимъ полемъ для ихъ дѣятельности.

— Тебя вся станица знаетъ, сказалъ Вдовинъ Хохлову, — то и Филипову по тебѣ въ ней жить можно.

Бродяги отправились въ станицу и жили у казака Вдовина съ недѣлю. Послѣ этого хозяинъ велѣлъ имъ идти къ станичному атаману и къ старшинамъ и у нихъ просить позволенія на житье въ станицѣ. Филиповъ и Хохловъ явились къ атаману, которымъ въ то время былъ нѣкто Кузнецовъ, и на этотъ разъ застали у него старшинъ Бирюлькина и Ощепкина, брата Ирины, съ которой Филиповъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По обычаю того времени, когда власти и мѣстные чины не имѣли кабинетовъ, въ которыхъ бы они могли принимать просителей для «секретныхъ» объясненій, Филиповъ вызвалъ атамана попросту въ сѣни и «поклонясь» начальнику станицы пятью рублями, просилъ его дозволить имъ съ Хохловымъ прожить зиму въ ихъ станицѣ. Атаманъ, получивъ взятку и вспомнивъ о своихъ гостяхъ, которые также участвовали въ управленіи станицею, сказалъ Филипову:

— Надо поклониться и старшинамъ.

Филиповъ вошелъ, въ покой атаманской и предписаннымъ старшинамъ на первый случай далъ по полтиннику.

— Живите до лѣта въ станицѣ, сказали старшины, — и есть-ли вы будете до насъ добры, то и мы васъ не оставимъ *).

Послѣ того Филиповъ уже ходилъ на домъ къ старшинамъ «для благодаренія» и далъ каждому изъ нихъ «по четыре рубли съ полтиною». Болѣе недѣли они снова прожили у Вдовина, какъ попечительный атаманъ опять призвалъ ихъ къ себѣ и говорилъ:

— Что вы живете у бѣднаго человѣка? Вамъ лучше хотя и заплатить за постой, жить у исправнаго казака; а у него вамъ ни пить ни ѣсть нечего.

Съ такимъ отеческимъ попеченіемъ заботились тогдашніе власти о бѣдныхъ бродягахъ. Дѣйствительно Филиповъ и Хохловъ перешли на квартиру къ казаку Рябцову, у котораго и жили до самой весны.

Но впродолженіе зимы Филиповъ не сидѣлъ сложа руки. Онъ замышлялъ сдѣлаться атаманомъ и сталъ искать охотниковъ,

*) Подлинныя слова, взятые изъ допросовъ.

«чтобы лѣтомъ,» — какъ самъ выражался, — «прибравъ партію, начать разбой». Начались между бродягами сходки и совѣщанья, — избраніе атамана, эсаула, хлопоты о приобрѣтеніи лодокъ, оружія, пороху — точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ, которая и теперь иногда раздается по Волгѣ:

Не черныя вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкую думушку заедино.
Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Понавѣсимъ мы веселочки ветловыя, —
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ по Волгѣ.

Филиповъ, какъ мы выше замѣтили, имѣлъ при себѣ неотлучно другаго бродягу, Хохлова. Василій Хохловъ былъ землякъ и односелець Филипова. Онъ также былъ крестьянинъ графа Девьера, въ 1770 году взятъ въ рекруты, а черезъ четыре недѣли бѣжалъ. Изъ Симбирска онъ прошелъ черезъ Саратовъ, и направился во вновь поселяемыя нѣмецкія колоніи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, нуждались въ рабочихъ для стройки домовъ и охотно принимали всѣхъ пришельцевъ, не спрашивая кто они и откуда; Хохловъ перебрался за Волгу, въ луговую сторону, и явившись въ колонокъ Кустаревъ, что выше села Золотаго, нанялся къ одному подрядчику въ работники. Тамъ онъ работалъ до самой осени, а послѣ Покрова дня съѣхалъ въ Камышинъ, нанялся на соляную пристань и скоро свелъ знакомство съ однимъ изъ волжскихъ казаковъ, которые своимъ свободолюбивымъ духомъ, склонностью къ смутамъ и исканью казацкой воли, ничѣмъ не отличались отъ яицкихъ и донскихъ казаковъ, какъ будто для нихъ не существовало ста лѣтъ, лежавшихъ между временемъ царя Алексѣя Михайловича и тѣмъ, въ которое они жили. «У насъ живутъ вашей братья много: поѣдемъ со мною и у меня жить будешь,» сказалъ Хохлову казакъ Мухинъ въ отвѣтъ на сѣтованья его, что-вотъ приходитъ зима, а ему, бѣглецу, жить негдѣ и негдѣ достать работы для пропитанія. Хохловъ принялъ предложеніе Мухина и они отправились въ караванскую станицу, гдѣ Хохловъ и оставался до лѣта 1772 года, когда часть волжскихъ казаковъ должна была выступить въ Моздокъ. Съ ними вмѣстѣ вышелъ изъ станицы и Мухинъ, оставивъ Хохлова на произволъ судьбы. И съ-тѣхъ-поръ началъ Хохловъ переходить со двора на дворъ, сказываясь то «осиротѣвшимъ крестьяниномъ,» то бродягой, непомятымъ роду-племени; онъ.

жилъ и у Морозова, и у Доншанкина или Лихоманкина, и у вдовы Маланьи Васильевой, по прозванію дворянини, и у казака Защепина, у котораго дѣлалъ телѣги для отправленія въ Моздокъ, и наконецъ у казака Гурова. Такъ онъ промаялся до 1774 года, а въ этомъ году опять побрелъ въ Камышинъ работать на соляной пристани, гдѣ и оставался «до приходу злодѣйской Пугачева толпы». Съ пристани онъ взялъ былъ въ пугачевскую флотилію вмѣстѣ съ землякомъ Филиповымъ и съ-тѣхъ-поръ не разлучался съ нимъ. Когда Филиповъ сталъ формировать свою шайку, Хохловъ первый пошелъ къ нему въ товарищи. Вмѣстѣ съ Хохловымъ онъ пригласилъ бѣглаго драгуна Кондакова, шатавшагося въ окрестностяхъ Караванской станицы. Кромѣ того въ шайку Филипова поступилъ и Степанъ Сучковъ, такой же дезертеръ какъ и всѣ прочіе товарищи атамана. Сучковъ прежде служилъ въ 22 й легкой полевой командѣ, которая, во время осады Пугачевымъ Оренбурга, находилась въ яичкой крѣпости. Генералъ-маіоръ Мансуровъ, находившійся тогда съ войскомъ въ Яикѣ, не имѣя возможности сноситься съ осажденнымъ Оренбургомъ потому что всѣ дороги были заняты толпами пугачевского ополченія, отправилъ съ депешей къ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу этого Сучкова вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, чтобъ они тайно пробрались сквозь армію Пугачева и доставили Рейнсдорпу необходимыя свѣдѣнія. Но недалеко отъ рѣки Илека они были пойманы пугачевскими сыщиками (а можетъ быть и сами бѣжали — неизвѣстно) и приведены въ лагерь Пугачева; депеша у нихъ была взята, а сами они поверстаны въ войско самозванца. Черезъ мѣсяцъ Сучковъ бѣжалъ отъ Пугачева, пришелъ опять въ яичкую крѣпость; но, боясь наказанія за утрату депеши, снова бѣжалъ и пробрался черезъ Иргизъ и Малыковку (нынѣ городъ Волгскъ) въ Саратовъ. Здѣсь онъ жилъ работою до самого прихода Пугачева въ Саратовъ, то-есть до 6-го августа 1774 года, занимаясь къ разнымъ лицамъ поденно, а ночи проводя на берегу Волги, въ порожнихъ судахъ. По взятіи Пугачевымъ Саратова, Сучковъ поступилъ на флотилію самозванца и слѣдовалъ на судахъ внизъ по Волгѣ до денежнаго острова, откуда и бѣжалъ съ Филиповымъ, когда ихъ судно было атаковано отрядомъ войскъ правительства. Зиму онъ проживалъ то у казака Морозова на хуторѣ, то на мельницѣ, жилъ и въ станицѣ у старшины Ощепкина, потому что пока у него были деньги, его вездѣ охотно держали; потомъ вмѣстѣ съ малоросіянниномъ Якимовымъ онъ поселился въ землянкѣ, у какого-то

безрукаго старика, и жить уже у него тайно, не показываясь въ станицѣ, а иногда только совѣтуясь съ Филиповымъ относительно предстоящихъ разбоевъ.

И такъ, мы видимъ, первыми товарищами Филипова были все люди военные. О другихъ мы не говоримъ. Въ приготовленіяхъ и сходахъ прошла зима, а съ наступленіемъ весны, на праздникъ пасхи, Филиповъ, Хохловъ и Кондаковъ отправились къ Морозову на хуторъ, въ гости къ приятельницѣ Филипова Кривѣ Ощепкиной. Время было такое, что пора-бы и на Волгу: ледъ на рѣкѣ прошелъ, товарищи готовы, суда начали показываться на Волгѣ и спокойно проходили мимо станицы. По дорогѣ къ хутору Филипову съ товарищами повстрѣчалась партія прохожихъ, въ числѣ семи человекъ, такіе же какъ и они бродяги, которые, проживъ зиму по разнымъ казацкимъ хуторамъ на Дону, шли теперь промыслять на Волгу. Филиповъ пригласилъ и ихъ въ свою шайку, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ пасхи съѣхаться гдѣ нибудь на берегу Волги и немедля начать разбой. Ниже Караванской станицы находился пустой форпостъ оставленный вѣроятно во время нашествія Пугачева. Не смотря на то, что форпостъ не имѣлъ ни пушекъ, ни прочнаго укрѣпленія, разбойникамъ онъ представлялъ удобное мѣсто для стана, потому что въ форпостѣ они могли найти ночлегъ въ оставленныхъ казаками землянкахъ, и, въ случаѣ нападенія, могли защищаться. Положено было всѣмъ съѣхаться на этомъ форпостѣ и потомъ уже, по общему согласію, приступить къ обдуманнѣйшимъ дѣйствіямъ. Последняя партія, въ числѣ семи человекъ, отправилась по направленію къ сестрянскимъ хуторамъ, откуда она должна была выйдти на Волгу, а Филиповъ съ товарищами, переночевавъ у Морозова на мельницѣ, на другой день опять прибыли въ станицу.

Въ пятницу пасхальной недѣли Филиповъ вывелъ наконецъ на Волгу свою маленькую партію. Недалеко отъ станицы они нашли свою лодку, спрятанную въ ерикѣ еще въ прошломъ году, въ то время когда они спасались отъ царичинскаго отряда преслѣдовавшаго ихъ судно; въ буеракѣ они отыскали свое ружье, спрятанное вмѣстѣ съ лодкой, пистолеть, пику, свинецъ и порохъ. Около форпоста они взяли въ свою шайку еще двухъ человекъ, бѣглыхъ же, бродившихъ всю зиму по окрестностямъ, а теперь занимавшихся рыбною ловлею. Три дня провела шайка на форпостѣ, въ пустой землянкѣ, выжидая другую партію, которая должна была пріѣхать сверху. Между тѣмъ, эта другая

партія, не дожидаясь распоряженій атамана, начала свои воровскіе подвиги, потому что ей представился удобный случай.

Зимой 1775 года командированъ былъ изъ Царицына въ Москву, «для препровожденія въ придворную ея императорскаго величества контору рыбы и икры,» солдатъ Степановъ. Исполнивъ порученіе, Степановъ возвращался въ Царицынъ и сначала, до Нижняго, слѣдовалъ сухимъ путемъ, а изъ Нижняго пересѣлъ въ ловецкую лодку и плылъ Волгою; поѣздъ, сопровождавшій его, состоялъ изъ шести такихъ лодокъ и на каждой изъ нихъ были рабочіе люди. Въ апрѣлѣ онъ влѣзжалъ уже въ земли волжскаго войска и проѣхавъ антиповскую станицу, приближался къ караванской. Не доѣзжая семи верстъ до Караванокъ, поѣздъ замѣтилъ разбойничью лодку, которая, показавшись съ луговой стороны, быстро неслась по направленію къ этому маленькому каравану, сопровождавшему Степанова. Разбойники грозили и кричали, чтобъ поѣздъ присталъ къ берегу. Ловцы, ѣхавшіе съ Степановымъ, оробѣли. Степановъ ободрялъ ихъ, говорилъ, что они должны защищаться, требовалъ сдѣлать отпоръ разбойникамъ, но напрасно: «видя обыкновенною ихъ трусостію наполненныхъ, принужденъ былъ тогда повиноваться строгому разбойническому приказанію». Поѣздъ присталъ къ берегу. Разбойники бросились на свои жертвы и всѣхъ ловцовъ обобрали тиранскимъ образомъ, такъ что не оставили не точію чего на пропитаніе, но и послѣднія рубашки съ нихъ сняли.» Степановъ вздумалъ было защищаться; но разбойники, «бивъ его смоленнымъ толстымъ пенковымъ линкомъ немилосердно, сняли съ него казенный кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули,» и оставили несчастнаго въ «одномъ только казенномъ камзолѣ *). Разбойники отобрали у Степанова деньги, товаръ, закупленный имъ въ Нижнемъ, тонкія кружева, множество холстовъ и нитокъ. Обобранныя лодки остались съ раздѣтыми до-нага ловцами.

Разбойники, ограбившіе поѣздъ Степанова, принадлежали къ шайкѣ атамана Филипова: это была та партія, которая направи-

*) Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разбойники «всѣхъ ихъ обрали, не оставя и для прикрытія наготы платья; а какъ онъ, Степановъ, имъ было попротивился, за что претерпѣлъ нѣсколько ударовъ толстымъ канатнымъ отрывкомъ, и снявъ съ него казенные кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули.»

лась къ сестрянскимъ хуторамъ и которую Филиповъ ждалъ къ себѣ на форпостъ въ воскресенье Өоминой недѣли.

Несчастный поѣздъ ловцовъ, съ голыми рабочими и съ начальникомъ, прикрытымъ однимъ только камзолъ, въ такомъ жалкомъ видѣ долженъ былъ ѣхать до самой караванской станицы, вышелъ на берегъ и въ такомъ же странномъ костюмѣ явился въ станицу. Степановъ тотчасъ отправился къ станичному атаману и, объявивъ ему и старикамъ о постигшемъ его несчастіи, просилъ помощи и команды для розыска разбойниковъ. Атаманъ, какъ послѣ объявлялъ Степановъ, «съ холодностію» *) отвѣчалъ ему:

— Поѣзжай! А команда для сыску разбойниковъ послана будетъ.

Холодность и грубость станичнаго атамана, показалися Степанову подозрительными; онъ заключилъ изъ нихъ, что отношенія самого атамана къ разбойникамъ были нечисты; что онъ знаетъ, какая партія теперь буйствуетъ на Волгѣ и что дѣло это можетъ разыгратъ столько же дурно для атамана разбойниковъ, сколько и для него, атамана станичнаго. Получивъ отказъ, Степановъ долженъ былъ опять ѣхать одинъ съ своими ограбленными и робкими ловцами, не имѣя съ собой не только оружія, но даже пищи и одежды. Но едва они отъѣхали отъ станицы верстъ шесть и пристали къ ловецкому стану отогрѣть свое почти ничѣмъ не прикрытое тѣло, какъ ловцы, бывшіе на этомъ стану, сказали имъ, что разбойники, ограбившіе Степанова, заѣзжали къ нимъ на станъ, и взявъ у нихъ рыбу и хлѣбъ, хвастались своимъ разбоемъ и грозили непремѣнно убить Степанова.

— Напрасно мы солдата отпустили, не бросили въ воду, говорили они: — ежели еще попадется къ намъ въ руки, то смерти неминуетъ... Всячески старатца будемъ, въ поѣздъ его изъ караванской станицы, поймавъ умертвить».

Эта фраза не могла не испугать Степанова, у котораго еще были въ свѣжей памяти «немилосердные» удары линьковъ, и потому онъ упросилъ своихъ ловцовъ тотчасъ же возвратиться въ караванскую станицу. Но едва они успѣли отъѣхать съ версту отъ рыболовнаго стана, какъ съ обѣихъ сторонъ Волги показались бѣгущія на нихъ разбойническія лодки, съ явнымъ намѣреніемъ исполнить угрозу. Къ счастью Степанова попутный ни-

*) Въ другомъ объявленіи — «съ грубостію.»

зовый вѣтеръ ударилъ въ поднятые паруса; лодки понеслись быстро, такъ что разбойники, не имѣя парусовъ, отстали и принуждены были прекратить погоню. Степановъ спасся въ станицѣ. Тамъ онъ опять обратился за помощью къ станичному атаману, снова просилъ дать отрядъ казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ; но снова получилъ отказъ. На всѣ просьбы Степанова атаманъ отвѣчалъ «съ большою азартностію:»

— Я не имѣю отъ войска грамоты для сыску воровъ... одна команда уже послана, а другой не дамъ.

Изъ словъ атамана видно, что даже для пресѣченія преступленій нужна была особая войсковая грамота, а потому понятно, въ какомъ положеніи находилась страна.

Отвѣтъ атамана возмутилъ находившагося тамъ отставнаго капрала легионной казачьей команды Серебрякова, и онъ сталъ упрекать атамана, говоря:

— Ты не стараешься сыскывать воровъ и дѣлаешь тѣмъ потачку.

На это атаманъ отвѣчалъ:

— Если ты такъ старателенъ, то поѣзжай самъ, — а я команды не даю: — команда отъ меня послана для сыску воровъ по рѣкѣ Волгѣ.

Тогда Серебряковъ, пригласивъ своего брата и нѣсколько другихъ казаковъ изъ станицы, а вмѣстѣ съ нимъ Степановъ и ловцы, сѣвъ на лодки, отправился на поиски. Скоро они встрѣтили станичные разъѣзды, посланные атакманомъ вверхъ по Волгѣ, подъ начальствомъ эсаула. Серебряковъ упрекалъ эсаула въ ослабленіи разбойникамъ:

— Ты не стараешься поймать воровъ...

Упрекъ былъ справедливъ, какъ оказалось впоследствии.

— Видѣлъ ли ты разбойниковъ? спрашивалъ Серебряковъ.

— Нѣтъ, не видалъ; а нашелъ только за Волгой огни, у которыхъ, видно, они стояли.

Серебряковъ, Степановъ и ловцы соединились съ отрядомъ эсаула и всей массой отправились внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до пустаго форпоста, гдѣ былъ разбойничій станъ, высылка замѣтила лежащаго на берегу человѣка, а потому нѣкоторые изъ отряда, выскочивъ изъ лодокъ, схватили его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ убѣжать. На допросы Степанова пойманный сначала говорилъ, что онъ бродяга, шатавшійся всю зиму около караванской станицы, а теперь вышелъ на Волгу кормиться; но когда капралъ Серебряковъ уличилъ бродягу, сказавъ, что видѣлъ

его прежде въ Караванской станицѣ, — что зналъ его, какъ бѣглеца, служившаго подъ знаменами Пугачева и, по взятіи ихъ судна у Денежнаго Острова, скрывшагося въ станицѣ, — пойманный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно бѣжалъ изъ арміи Пугачева, когда она была разбита, потомъ жилъ въ Караванкахъ, и согласившись съ товарищами производить на Волгѣ разбой, поступилъ въ шайку Филипова. Съ помощью угрозъ Степановъ узналъ отъ него, что онъ оставленъ былъ на берегу въ качествѣ караульнаго для наблюденія за проѣздомъ по Волгѣ судовъ и, въ особенности, для извѣщенія своей шайки о проѣздѣ Степанова, въ случаѣ если онъ покажется на Волгѣ; пойманный говорилъ, что разбойники дѣйствительно согласились убить Степанова; а теперь одна партія находится на пустомъ форпостѣ, въ землянкѣ. Степановъ, Серебряковъ и станичный эсаулъ рѣшили взять разбойниковъ обманомъ, потому что, не смотря на множество лодокъ и людей, которыми они располагали, они не надѣялись поймать хитрыхъ воровъ: для этого они послали впереди себя одну лодку, «для выману тѣхъ разбойниковъ», а сами слѣдовали за нею въ отдаленіи, позади лѣсу, такъ что разбойники могли видѣть одну только беззащитную лодку. И точно, разбойники, увидѣвъ ее, бросились изъ форпоста къ своей лодкѣ, которая стояла у берега, но замѣтивъ около лѣса множество другихъ лодокъ, бѣжали съ берега въ горы. Степановъ, Серебряковъ и ловцы бросились за ними и поймали четырехъ человекъ; но одинъ изъ разбойниковъ, за которымъ погнались казаки разъѣздной команды, «по понаровкѣ» ихъ, успѣлъ убѣжать. Степановъ обвинялъ казаковъ въ стачкахъ съ разбойниками, говоря, что «казаки ловить ихъ ничего не стараются, да и съ глазъ своихъ одного отпустили, и видно, что они дѣлали и всѣмъ имъ понаровку.»

Какъ-бы то ни было, но атаманъ, эсаулъ и нѣсколько другихъ разбойниковъ были пойманы и Филиповъ обманулся въ своихъ надеждахъ: разбой его были для него не совсѣмъ счастливы: въ самомъ первомъ дѣлѣ онъ былъ пойманъ и уже не могъ рассчитывать на свободу. Разбойники признались Степанову, что атаманъ ихъ шайки — Филиповъ, а эсауломъ при немъ состоялъ пріятель его Хохловъ. Степанова удивило, что «бывшіе съ нимъ той (караванской) станицы казаки тѣхъ разбойниковъ, тожь и разбойники казаковъ называли, по знаемости, именами.» Мы знаемъ напротивъ, что разбойники даже со станичными властями, — съ атаманомъ и старшинами были въ самыхъ короткихъ

отношеніяхъ. Пойманные разбойники говорили, что Степановъ ограбленъ не ими, а другою партією изъ шайки Филипова, плывшею сверху Волги на сборное мѣсто, назначенное въ пустомъ форпостѣ; что послѣ та партія пріѣзжала къ атаману на станъ, перемѣнила свою лодку, чтобы не быть узнаною, и, взявъ хлѣба, рыбы и котель для приготовленія пицци, отъѣхала внизъ, за балыклейскую станицу, для того, чтобы караулить тамъ Степанова и убить его; атаманъ говорилъ, что та партія имѣетъ очень мало оружія — два ружья и одинъ дротикъ, «и ихъ-де, прибавляя Филиповъ, вамъ переловить легко можно.» Степановъ перевязалъ разбойниковъ веревками и разложилъ по ловецкимъ лодкамъ, чтобы отвезти ихъ прямо въ Царицынъ и сдать на руки военному начальству. Ему хотѣлось также воспользоваться указаніемъ атамана и неожиданно напасть на шайку, отъѣхавшую за балыклейскую станицу, чтобы тѣмъ и самому избавиться опасности быть утопленнымъ, или зарѣзаннымъ, или застрѣленнымъ или наконецъ повѣшеннымъ, какъ обѣщали разбойники. Степановъ просилъ ставичнаго эсаула, дать ему нѣсколько казаковъ изъ его отряда, потому что съ одними своими далеко нехрабрыми ловцами, которые притомъ должны были караулить связанныхъ и разложенныхъ по лодкамъ разбойниковъ, онъ не отважился бы напасть на партію, которая уже однажды такъ варварски его ограбила и насмѣялась надъ нимъ. Но эсаулъ ему «съ серцовъ» въ томъ отказалъ, приговоря:

— Я своихъ казаковъ тебѣ не дамъ, — тѣ разбойники не въ нашихъ дачахъ.

При такомъ пониманіи мѣстными властями своихъ прямыхъ обязанностей, Степанову ничего не оставалось какъ взять съ собою уже пойманныхъ разбойниковъ и продолжать свое опасное плаваніе; но эсаулъ приказалъ своимъ казакамъ отнять у него атамана Филипова съ товарищами, и когда Степановъ не согласился уступить ему свою добычу, эсаулъ сказалъ:

— Мы и сами съумѣемъ переслать ихъ къ своей командѣ.

Потомъ приказалъ развязать разбойникамъ руки и ноги, крѣпко стянутыя веревками, и своими кушаками велѣлъ перевязать имъ только руки «чрезмѣрно слабо.» Степановъ принужденъ былъ ѣхать далѣе съ одними ловцами и рассчитывать на неизбежную смерть; но такъ какъ, по показанію атамана, разбойники стерегли Степанова верстахъ въ пяти или шести ниже балыклейской станицы, то поѣздъ благополучно проплылъ все пространство Волги между Караванками и Балыклейками и вскорѣ Сте-

пановъ явился къ атаману этой послѣдней станицы; потерявъ все свое платье во время перваго разгрома поѣзда разбойниками, Степановъ принужденъ былъ снять кафтанъ съ одного изъ товарищей атамана Филипова, чтобы только самому одѣться. Въ Балыклейкахъ онъ не засталъ станичнаго атамана, но объявивъ о происшествіи эсаулу, просилъ его о снаряженіи разъѣздной команды. Однако и здѣсь пришлось ему услышать такой-же отвѣтъ, какой не разъ приходилось выслушивать отъ властей караванской станицы.

— У насъ воровъ нѣтъ!.. да и для сыску ихъ, чтобъ посылать команды, не имѣется отъ войска грамоты, сказалъ станичный эсаулъ.

Вслѣдъ за Степановымъ пріѣхалъ изъ караванской станицы тотъ эсаулъ, съ которымъ они ловили разбойниковъ. Эсаулъ требовалъ, чтобы Степановъ возвратилъ ему снятый съ разбойника кафтанъ, что онъ не разбойничій, а казачій. Отдавъ требуемое, Степановъ, съ своей стороны, просилъ балыклейскаго эсаула посадить подъ караулъ эсаула караванской станицы, жалуясь, что онъ отнял у него разбойниковъ, дѣлалъ имъ «облегченіе и попаровку,» развязалъ ихъ и даже отказалъ дать ему изъ своего отряда казаковъ для преслѣдованія покушавшихся на его жизнь разбойниковъ. Эсаулъ былъ посаженъ подъ арестъ. Степановъ просилъ держать его до присылки изъ станицы пойманныхъ имъ воровъ, но эсаулъ, неизвѣстно по какому поводу, былъ въ ту же ночь освобожденъ. Степановъ опять долженъ былъ ѣхать одинъ; но на этотъ разъ разбойники, вѣроятно предупрежденные своими товарищами или мѣстными властями, очень къ нимъ ласковыми, не покушались уже на новое нападеніе. Проплывъ до Дубовки, Степановъ донесъ обо всемъ войсковому атаману, которымъ въ то время былъ полковникъ Василій Персидскій, уже нѣсколько извѣстный читателямъ по нашимъ прежнимъ очеркамъ. Наконецъ Степановъ, въ концѣ апрѣля достигъ и Царицына, и 1-го мая подалъ во 2-й Царицынскій батальонъ къ батальоннымъ дѣламъ объявленіе обо всемъ, происходившемъ въ дорогѣ. Объявленіе это сочинилъ ему сержантъ Ромашевъ, тотъ самый, который, три года тому назадъ, способствовалъ къ прекращенію въ донскихъ станицахъ возстанія, вспыхнувшего въ народѣ для спасенія мнимаго императора Петра III (Самозванецъ Богомоловъ). Степановъ, говоря о нападеніи на него «воровскихъ невѣдомыхъ людей,» о преслѣдованіи ихъ съ помощью разъѣздной команды, объ открытіи «воровскихъ» становъ въ луговой и нагорной сто-

ронахъ Волги, въ пустомъ форпостѣ, наконецъ о поимкѣ «воровскаго» атамана, эсаула и другихъ разбойниковъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ начальниковъ волжскихъ станцъ, и жалуюся на нихъ, прибавляя: «что я, видя такіе поводы, убоясь, чтобъ еще со мною не приключилось какой напасти, сѣвъ на ловецкія лодки, уѣхалъ въ путь.»

Объявленіе Степанова требовало немедленнаго принятія мѣръ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались письменныя извѣстія и ходили слухи, что все поволжье неспокойно, что пѣтуни проходу, ни проѣзду отъ воровскихъ шаекъ. Но какъ ни казались важными эти событія, какъ ни безнадежно было положеніе страны, лучшаго не откуда было ждать, и отъ кого зависѣло счастье обнищавшихъ и опустошенныхъ провинцій, тѣ равнодушно смотрѣли на то, что дѣлалось въ захолустьяхъ, а ближайшіе къ этимъ захолустьямъ представители власти, видя пронесшуюся мимо нихъ страшную бурю, крестились и снова засыпали.

Полгода провалялось между кучъ рапортовъ, ордеровъ и промеморій, писавшихъ все о такихъ же «разбойныхъ случаяхъ и чинимыхъ повсюду злодѣйствахъ,» объявленіе Степанова, и только въ ноябрѣ назначена была военносудная коммиссія по этому дѣлу. Всѣ эти слѣдственные дѣла до того интересны, на нихъ такъ живо сохранился отпечатокъ времени и притомъ они такъ хорошо характеризуютъ эпоху и самую жизнь нашихъ провинцій прошлаго вѣка, что мы считаемъ ихъ важнѣйшими матеріалами для народной исторіи и извлекаемъ изъ нихъ все, что должно быть принято во вниманіе будущими историками нашего народа.

. Волжское войско, запутанное съ головы до ногъ въ эти темныя воровскія дѣла, чувствуя много грѣховъ на своей совѣсти, всегда старалось прикрывать дѣянія добрыхъ молодцовъ, а вмѣстѣ съ ними и себя лично. Оно-бы желало замать и это дѣло, но не было возможности придать ему благовидное извиненіе, и оно выигрывало по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что тянуло время или прямо отказывалось повиноваться ближайшимъ властямъ. Засадивъ въ казематы атамана Филипова съ товарищами, оно замолчало и не заботилось ни о какихъ послѣдствіяхъ. Тогда царицынскій комендантъ спрашивалъ волжское войско, что пойманные въ пустомъ форпостѣ разбойники отъ караванской станцы «застребованы-ль, и нынѣ подъ караулъ отданы-ль; а ежели не требованы, то чего ради упущено.» Потомъ онъ приказалъ —

«разбойниковъ, равно атамана и эсаула, взявъ изъ станицы, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать, къ поступленію съ ними по указомъ, въ комендантскую канцелярію.» Волжское войско отиѣчало что еще прежде оно приказывало явиться въ Дубовку караванскому станичному атаману, старшинамъ, эсаулу и казакамъ для объясненія по дѣлу о Филиповѣ; но теперь препровождая въ Царицынъ разбойниковъ, войсковою атаманъ оправдалъ ихъ, говоря, что они только «имѣли намѣреніе производить проѣзжающимъ по Волгѣ рѣкѣ людямъ разбой, только еще не чинили»; онъ увѣрялъ Цыплетева, что разбойники пойманы станичными старшинами Ѳедоромъ Букановскимъ и Алексѣемъ Сказоватовымъ, эсауломъ Селивантьевымъ и казаками разъѣздной команды, а не такъ, какъ объявлялъ ограбленный Степановъ; что разбойники тотчасъ-же отпращены были въ балыклейскую станицу подъ присмотромъ старшины Букановскаго, котораго Степановъ и посадилъ тамъ подъ караулъ — на сутки, а совсѣмъ не эсаула. Наконецъ войсковою атаманъ добавлялъ, что онъ не посылаетъ въ Царицынъ ни станичнаго атамана караванской станицы, ни эсаула, какъ напрасно обвиненныхъ Степановымъ, и выставялъ волжское войско съ хорошей стороны, говоря, что казаки безпрестанно ловятъ разбойниковъ и отсылаютъ въ Царицынъ.

Между тѣмъ, когда пойманные Степановымъ воровскіе люди еще сидѣли въ Дубовкѣ, въ городѣ произошелъ пожаръ, и во время этой суматохи изъ каземата бѣжали два арестанта, принадлежавшіе къ шайкѣ Филипова, въ числѣ которыхъ былъ драгунъ Кондаковъ, отъ котораго можно было много узнать объ отношеніяхъ чиновъ волжскаго войска къ разбойникамъ. Какъ бы то ни было, но главные предводители шайки — атаманъ Филиповъ, эсаулъ Хохловъ и Сучковъ оставались еще въ рукахъ царицынскаго коменданта и надъ ними наряженъ былъ судъ. Такъ какъ разбойники говорили, что они не производили ни грабежей, ни воровства, а волжское войско подтверждало ихъ слова, то Цыплетевъ требовалъ самого тщательнаго изслѣдованія этого дѣла, прибавляя: «какъ отъ разрушенія злодѣйской (Пугачева) толпы минуло не малое время, сумнительно повѣрить, чтобъ они не были на разбояхъ» (выше мы говорили, что Филиповъ, Хохловъ и Сучковъ — всѣ были въ арміи Пугачева и сами признались въ этомъ). Притомъ, по словамъ Цыплетева, въ комендантской канцеляріи нашлось «приличество» по этому дѣлу, именно — объявленіе Степанова о нападеніи на него разбойни-

ковъ; а потому велѣно было истребовать въ комиссію самого Степанова, чтобъ онъ уличилъ подсудимыхъ, если они въ самомъ дѣлѣ были виновны. Презусомъ военносудной комиссіи назначенъ былъ секундъ-маіоръ Константинъ Петровъ, ассессорами — офицеры Махвиловъ, Зыбаровъ, за аудитора — Хромовъ. Комиссія открыла свои засѣданія съ обыкновенными формальностями, въ 8-мъ часу утра 26 ноября. По обыкновенію, присутствовавшіе «отъ ирезуса уговариваны были, дабы при начинающемся, даже и до окончанія сего дѣла поступали по самой чистой совѣсти», и хранили его въ глубокой тайнѣ; по обыкновенію подсудимые были приведены и спрошены, будутъ-ли они довольны судомъ, присутствующимъ прочитана была, «для напоминовенія» присяга и т. д.

Прежде всего начался допросъ Сучкова. На предложенные ему семь обыкновенныхъ формальныхъ вопросовъ онъ отвѣчалъ *):

*) Вопросы, предлагавшіеся военнымъ подсудимымъ, выражались слѣдующимъ образомъ: 1) Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, сколько тебѣ отроду лѣтъ? Въ службу ея императорскаго величества съ котораго году, мѣсяца и числа и съ какихъ чиновъ опредѣленъ? Грамотѣ читать и писать умѣешь ли? Въ церковь Божию ходишь ли? На исповѣди у священниковъ и у святаго причастія бывалъ ли? —

2) О вѣрной ея императорскаго величества службѣ ты присягалъ ли? Военной артикулъ и приличныя къ тому указы тебѣ читаны были ль и что кому за какіе преступленія штрафы чинить велѣно, ты знаешь ли?

3) На предъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ ли?

4) Будучи ты въ рекрутахъ денежное жалованье и провіантъ все сполна получалъ ли? Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія тебѣ не было ль?

5) Ныѣшній побѣгъ учинилъ ты когда, откуда и отчего, и съ кѣмъ именно, и при томъ побѣгѣ не снесъ ли ты чего казеннаго или у товарищей своихъ партикулярнаго, и будучи въ ономъ, жительство и пропитаніе имѣлъ гдѣ и у кого именно, завѣдомо бѣглаго или незавѣдомо и не имѣлъ ли при себѣ воровскаго пашпорта, и по немъ имя спос и прованіе не перемѣнялъ ли?

Потомъ предлагаются другіе вопросы, сообразныя съ обстоятельствами дѣла, и если подсудимый подозрѣвается въ преступленіяхъ, его спрашиваютъ, — не былъ ли на воровствахъ и разбояхъ, и смертнаго убійства, домамъ поджоговъ или какого другого злодѣяства не чинилъ ли, не зналъ ли бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и наконецъ — *«напренія чтобъ притить за границу не имѣлъ ли?»* Послѣдній вопросъ состоялъ въ томъ, самую ли «истинную правду» показалъ подсудимый и не утаилъ ль чего?

«Степаномъ меня зовутъ, Ѳедоровъ сынъ, Сучковъ, отъ роду мнѣ 25 лѣтъ. Въ службу ея императорскаго величества взятъ я въ 1773-мъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзду, села Черновскаго, вотчины помѣщика Ѳедора Иванова сына Ермолаева изъ крестьянъ, и опредѣленъ въ 22-ю легкую полевую команду. Грамотѣ читать и писать не умѣю. Въ церковь Божию хаживалъ, на исповѣди и святаго причастія бывалъ».

«О вѣрной ея императорскаго величества службѣ я присягалъ. Военный артикулъ и приличные къ тому указы мнѣ читаны были, и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, я знаю.

«Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ».

«Будучи я въ 22-й легкой полевой командѣ, денежное жалованье, провіантъ, мундирныя и аммуничныя вещи получалъ сполна. Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія мнѣ не было».

Слѣдующими за тѣмъ отвѣтами Сучковъ объяснялъ обстоятельства своего побѣга, свою бродячую жизнь, знакомство съ Филиповымъ, Хохловымъ и другими разбойниками и наконецъ поимку. Послѣ Сучкова приведенъ былъ къ допросу самъ атаманъ, который видимо старался избѣгнуть положительнаго признанія, и потому утаилъ нѣкоторыя обстоятельства, уже извѣстныя слѣдователямъ. Онъ говорилъ, что вскорѣ послѣ побѣга изъ томскаго полка, онъ работалъ на соляной пристани, что противъ Камышина, и оттуда вмѣстѣ съ какимъ-то малороссіяниномъ они отправились будто-бы на озеро Узени «для ловли рыбы и звѣря», гдѣ, устроивъ землянку, жили ровно четыре года, питаюсь выручаемымъ отъ разныхъ проѣзжихъ людей на ту рыбу и на звѣря хлѣбомъ; что въ 1774 году онъ возвратился снова на пристань, гдѣ и пробылъ «до приходу толпы государственнаго злодѣя Пугачова» и т. д. Относительно поимки ихъ на пустомъ форпостѣ онъ говорилъ, что дѣйствительно имѣли въ виду производить на Волгѣ разбон, «однако еще того своего злаго намѣренія исполнить не могли»; но что погубила ихъ лодка, оставленная имъ какими-то «незнаемыми» людьми, такъ какъ эта лодка оказалась принадлежавшею разбойникамъ, ограбившимъ Степанова съ ловцами. Хохловъ также путался въ своихъ показаніяхъ; но всѣ согласно показывали, что начальники караванской станицы и казаки были къ нимъ очень мило-

ствы. Комиссія не оставалось ничего болѣе, какъ вытребовать въ судъ всѣхъ оговоренныхъ, которые, какъ она выражалась, — «изъ одного своего *лакомства*» потворствовали разбойникамъ, именно: старшинъ Ощепкина и Бирюлькина, бывшаго станичнаго атамана Кузнецова и вновь избраннаго Кумскова, казака Морозова и пріятельницу воровскаго атамана Ирину Бирюлькину. На первое требованіе, отъ 4 декабря, волжское войско не отвѣтило; тогда 16 января 1776 года послана была «дубликатная промеморія», а Цышетева комиссія просила «наискрѣпчайшимъ образомъ» подтвердить, чтобы оговоренные чины караваинской станицы были непременно присланы въ комиссію, такъ какъ именнымъ императорскимъ указомъ 1763 года велено «становщиковъ и пристанодержателей съ крайнею прилежностію съспикивать и дѣла оканчивать въ мѣсяцъ». Вытребованъ былъ въ комиссію для обличенія разбойниковъ ограбленный ими Степановъ; назначены были новые слѣдователи по этому дѣлу, «презусъ» Авлиловъ и нѣкоторые другіе ассесоры, которые передъ началомъ допросовъ дали слѣдующую присягу въ присутствіи священника: «Мы къ настоящему воинскому суду назначенные судіи кленемся всемогущимъ Богомъ, что мы въ семь судѣ, въ приличающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей; ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, вопиющимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хотимъ, право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ христовѣ, въ чемъ да поможетъ намъ Онь, нелицемѣрный судія».

Между тѣмъ 27 января получена была наконецъ отвѣтная промеморія изъ волжскаго войска, и начальники его видимо отказывались повиноваться распоряженіямъ, которыя именовъ правительства дѣлались въ Царцынѣ. Войсковой атаманъ Персидскій между прочимъ писалъ въ комиссію, что «хотя оныя бѣглеы по разбитіи отъ злодѣйской (Пугачева) толпы по пріѣздѣ въ дачехъ Караваинской станицы и шетались, но до разбитія злодѣя (Пугачева) они жительства не только не имѣли, но въ станицѣ не бывали, и по разбитіи злодѣя оныя пойманы караваинскою станицею посланные изъ оной отъ атамана старшинами и казаками въ разбоѣ, то ихъ показанія на поимщиковъ, злобствуя за то, что они ими переловлены, едваль можно въ силу законовъ вѣрить, а особливо есть-ли за поимку будутъ бы-

лые разбойники показывать и за то помщиковъ забирать къ слѣдствію и чинить въ прождахъ убытки, то каждому предъ къ помикимъ таковыхъ ревность можетъ быть отнята». Вслѣдствіе этого комиссія, принимая въ соображеніе, что волжская войсковая канцелярія и «по прежде производившимся въ комиссіи военнаго суда въ таковыхъ-же держаніяхъ фергерамъ и криксрехтамъ вѣдомства своего старшинамъ и казакамъ, защищая ихъ въ толь-противныхъ законамъ проступкахъ, отзываясь разными необстоятельными причинами, упорствуя, суду присылки не чинила», — опредѣлила допросить однихъ разбойниковъ, сначала съ увѣщаніемъ отъ лица присутствующихъ, потомъ черезъ священника, а наконецъ съ «пристрастіемъ, подъ битіемъ батога». Затѣмъ разбойники улчены были Степановымъ и признались во всемъ, кромѣ одного Сучкова, который не дождался конца слѣдствія и лежалъ въ тяжкой болѣзни. Такимъ образомъ, чтобы не тянулось дѣло, комендантъ приказалъ его кончить «по упорству» волжскаго войска, безъ допросовъ начальниковъ караваинской станицы.

Такъ какъ послѣдніе листы въ дѣлѣ объ атаманѣ Филиповѣ утрачены, то мы не знаемъ, какое наказаніе постигло разбойниковъ; знаемъ только, что тягость преступленія ихъ увеличивалась, помимо улики въ составленіи шайки, еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, именно — «похищеніемъ казеннаго интереса», потому-что разбойники обвинялись въ снятіи съ Степанова «казеннаго кафтана и штановъ съ пуговицами *»). О второй половинѣ шайки атамана Филипова, спасшейся отъ преслѣдованія разъѣздной команды, въ дѣлѣ также нѣтъ свѣдѣній: можетъ-быть, на мѣсто Филипова она избрала себѣ новаго атамана и продолжала тревожить проходившіе по Волгѣ караваны.

Какъ-бы то ни было, но къ октябрю 1775 года въ рукахъ правительства находилось уже нѣсколько предводителей разбойничьихъ шайкъ. Царицынъ и Дубовка представляли въ это время любопытное зрѣлище: не было дня, чтобы по улицамъ этихъ городовъ не проходили конвои съ связанными въ колодки раз-

*) Интересно, что военносудная комиссія дѣлала запросъ баталіонному начальству, «во сколько цѣною положены по штату солдатскій кафтанъ и штаны штыля, и получила отвѣтъ, что солдатской кафтанъ съ пуговицами шитой по штату положенъ два рубли шездесять две копейки пять шестыхъ на десяты (2 р. 82²/₁₀ к.) штаны съ пуговицами шездесять девять копеекъ съ половиною дѣль трети одна осмая (!! 69¹/₂ + ²/₂ + ¹/₁₀ коп.).

бойниками; те везли въ гелѣгѣ, окруженной казаками, какого-нибудь атамана, те приводили съ Волги и съ окрестныхъ степей его разсѣявшуюся шайку; сегодня народъ бѣжалъ на площадь смотрѣть на раздачу шницъ-рутенонъ къ предстоящей экзекуціи, завтра — на мрачные проходы наказанныхъ. Въ тотъ день когда провожали изъ Дубовки въ Царицынъ атамана Филипова, казаки вводили въ Дубовку атамана Кулагу съ Тарабаринимъ; когда Кулага сидѣлъ въ казематѣ — въ это же время арестовали разбойника Зубакина, коновода другой шайки, ходившаго съ своимъ воровскимъ отрядомъ во внутреннія губерніи Россіи *). Филиповъ засталъ въ Царицынѣ атамана Заметаева, послѣ ужаснаго наказанія отправлявшагося въ Саратовъ для другой публичной казни, а въ Дубовкѣ Заметаевъ нашелъ Кулагу, еще не отправленнаго въ Царицынъ. Наконецъ, около этого же времени черезъ Царицынъ и Дубовку провезли, по распоряженію генераль-аншефа гр. Ал. Потемкина, еще трехъ преступниковъ: малороссіянина Свирида Тарелкина (онъ же и Шевыревъ), разбойника изъ казачьихъ дѣтей Григорія Данилина и Будуджанова владѣнія калмыка Зотбу Гецуля Ножикова **). Эти — «по самоважнымъ дѣламъ колодники» пробыли въ Царицынѣ четыре дня и увезены въ Сибирь.

Между-тѣмъ суровые зимніе мѣсяцы представляли тяжелое испытаніе для разбойниковъ. Съ наступленіемъ холодовъ шайки ихъ мало-по-малу начинали рѣдѣть, потому-что при сильныхъ осеннихъ дождяхъ, яркіе костры, разводимые въ безопасныхъ мѣстахъ, въ чащѣ лѣса и въ оврагахъ, подъ прикрытіемъ ночи, мало грѣли тѣхъ, у кого была плохая обувь и кой-какая лѣтняя одежда. Это была пора добыванія паспортовъ, чтобы, подъ запитою законнаго свидѣтельства, можно было найдти гдѣ-нибудь въ заголустѣ пристанище на долгую и холодную зиму; а между тѣмъ съ какими опасностями соединенъ былъ промыслъ добычи паспортовъ, сколько нужно сдѣлать разбоевъ и воровства, чтобы добыть годное свидѣтельство, подобрать прихѣты, ростъ и волосы; сколько нужно было пересвидѣтельствовать носовъ и подбородковъ, глазъ сѣрыхъ и черныхъ, сколько разъ напрасно

*) Объ атаманѣ Брагинѣ и разбойникѣ Зубакинѣ имѣеть быть въ ско-ромъ времени напечатана особая статья въ Русскомъ Вѣстникѣ.

**) Дѣло о разбойникѣ Свирадѣ Тарелкинѣ съ товарищи. 1776 г. Цар. арх. N. 348.

огрabitъ или изувѣчить прохожаго и потомъ бросить его паспортъ, не подходящій къ примѣтамъ разбойника или просроченный. Но вотъ и Волга стала замерзать, по ней уже не тянутся караваны судовъ, рѣдко-рѣдко прокрадется по зарѣ маленькая лодченка, въ которой все лѣто мыкали горе понизовые бурлаки, теперь ищутъ на зиму пріюта. Некого грабить на Волгѣ... Пора добрымъ молодцамъ кланяться батюшкѣ-атаману и вѣрнымъ товарищамъ. И вотъ разбойники заводятъ свои лодки въ далекіе затоны, въ непроходимые камыши, прячутъ по лѣсамъ свои ружья и сабли, пикн и пистолеты, сожгутъ не мало стоговъ сѣна и старыхъ дуплистыхъ пней, согрѣвая свои окоченѣлыя члены, и потомъ разойдутся на всѣ четыре стороны, до весны, до краснаго солнышка. Погуляютъ потомъ тихонько въ кабакахъ, послушаютъ говору людскаго, нападуть на хорошихъ людей и живутъ у нихъ до лѣта; а другіе между тѣмъ пойдутъ въ степь, въ глухіе казачьи хутора, за Волгу, или на Иловлю и Медвѣдицу, найдутъ пристанище, кто за деньги, кто за имя Христова; иные выпопаютъ себѣ землянку и живутъ въ ней какъ пустынники.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

МОПИЗОВАЯ ВОЛЫНИЦА.

V.

Впродолженіи зимнихъ мѣсяцевъ лучшіе притоны для понизовыхъ бурлаковъ представляли уединенные казачьи зимовники во Илюгѣ, Медвѣдицѣ и Хонру. Изъ дѣлъ царицынскаго архива мы видимъ, что зиму 1775 года на Медвѣдицѣ, въ числѣ множества другихъ разбойниковъ, скрывался атаманъ Гаврила Буковъ. Въ этомъ же году онъ былъ пойманъ и содержался въ новокоперской крѣпости, но, послѣ сдѣланныхъ ему допросовъ, въ январѣ 1776 года сбѣжалъ изъ крѣпости. За нимъ разосланы были во всѣ мѣста поиски, и между прочимъ комендантъ новокоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, 19 января сообщалъ объ этомъ въ Царцынѣ, коменданту Цынлетеву, и писалъ, что «не производимымъ въ канцеляріи новокоперской крѣпости разбойнымъ дѣланъ, открылось, что по болышой части разбойники и всякаго рода бѣглецы проживаютъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ землянкахъ, а разбойническій атаманъ Гаврила Буковъ между прочими допросами показалъ, что онъ прошлаго 1775 года зиму проживалъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ урочищѣ, въ Черни *), у живущаго въ лѣсу березовской станицы у казака, а какъ звать не знаетъ, на ичельникѣ востриженнаго монаха Льва, и съ нимъ обще зимовалъ же березовской станицы отставной казакъ Лукьянъ Исавъ, сынъ Малышевъ, который разбойникъ Буковъ по допросѣ сбѣжалъ». Вслѣдствіе этого бригадиръ Аршеневскій просилъ Цынлетева отпрать въ это урочище «пристойную волюскую команду» въ надеждѣ, «не зимуетъ ли оный Буковъ и

*) Это, по всей вѣроятности, урочище-Каменновы хутора, на рѣчкѣ Черной, принадлежащее донскимъ помѣщикамъ Каменновымъ. Урочище это и теперь Малороссійане называютъ — Черна. Послѣ мы увидимъ, что въ этихъ мѣстахъ имѣли притонъ и другіе разбойники.

нынѣ въ означенномъ урочищѣ у предписаннаго монаха Льва или казака Малышева».

Цыплетевъ, по полученіи этого сообщенія, предписалъ «находившемуся по Бузулуку у сыску воровъ и разбойниковъ, войска Донскаго господицу старшиннѣ», чтобы онъ отрядилъ съ надежнымъ командиромъ достаточное число донскихъ казаковъ для розыска Букова и другихъ воровъ и велѣлъ-бы — «какъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ, такъ неоткроется-ль объ нихъ слухъ и въ другихъ мѣстахъ, чинить поиски и буде тотъ разбойнической атаманъ Буковъ съ товарищами ево пль одинъ поиманъ, или-жь гдѣ въ пристанодержательствѣ у кого изловленъ будетъ, то и съ тѣми людьми, не обращая въ Царицынъ, отправить за безопаснымъ конвоемъ къ реченному господицу бригадиру Аршеневскому». О дальнѣйшей судьбѣ Букова *), монаха Льва и казака Малышева мы ничего не знаемъ **).

Черезъ два мѣсяца послѣ отправленія съ Бузулука отряда для поисковъ за Буковымъ, началась новая гонка разлѣздныхъ командъ по Волгѣ и по всѣмъ окрестнымъ степямъ. Съ наступленіемъ весны, когда ледъ на Волгѣ тронулся, показались суда съ московскими и персидскими товарами, понизовые бурлаки снова выползли изъ своихъ труппъ, покинули хутора и ихъ скучную однообразную жизнь, бросили свои медвѣдичьи землянки, поправили лодки, отыскали свое старое оружіе, пристали къ своимъ атаманамъ и вышли на Волгу. Затѣмъ изъ Астрахани, изъ баталіоновъ, снова начались дезертировки солдатъ, которые шли или на взморье, или плыли вверхъ по Волгѣ, составляя шайки и останавливая каждое плохо-защищенное судно. Астраханскій оберъ-комендантъ генералъ Левинъ снова писалъ всѣмъ комендантамъ городовъ нижняго Поволжья, чтобы они принимали мѣры противъ появившихся разбойниковъ. «Понеже, писалъ онъ Цыплетеву, нынѣ Волга рѣка льдомъ вскрылась и мнѣ есть не безъизвѣстно, что по оной появляются воровскія разбойничьи шайки, того ради, ваше высокоблагородіе, извольте всѣмъ вѣдомства вашего людямъ наистрожайше подтвердить, дабы они отъ тѣхъ воровъ приняли крайнюю предосторожность и имѣли какъ водою, такъ и сухопутно, днемъ и ночью всегдѣшніе разлѣзды, дабы оныя воровскія шайки конечно прекращены были,

*) Не Буковъ ли воспѣтъ народомъ подъ названіемъ гора — Гаврюшеньки и Гаврюшки, упоминаемаго въ мѣстныхъ пѣсняхъ?

**) *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Гаврилѣ Буковѣ и поражателѣхъ его казакѣ Малышевѣ и монахѣ Левѣ.* Цар. арх. No 399. 1776.

да и особенно стараться праздно-шатающихся и безпаспортных ловить, ибо изъ Астрахани, изъ военнослужащихъ дезертировано немалое число, то и ежели кто изъ воровскихъ шаекъ или и дезертировъ и праздно-шатающихся безпаспортныхъ пойманы будутъ, присылать ко мнѣ при рапортахъ, да и какое о поимкѣ тѣхъ злодѣевъ и протчихъ людей исполненіе чинено будетъ, ко мнѣ почасту рапортовать». Впрочемъ еще раньше этого предписанія разъѣздныя команды изъ Царицына и Дубовки разосланы были по всѣмъ дистанціямъ и сторожевыя лодки безпрестанно навѣдывались о томъ, что дѣлается на Волгѣ, — а на Волгѣ между тѣмъ было далеко неспокойно. Только потворствомъ разъѣздныхъ командъ разбойникамъ, или многочисленностію и дерзостію послѣднихъ можно объяснить то, что происходило въ это время въ понизовѣ. Кромѣ постоянныхъ разъѣздовъ и экстренныхъ высылокъ, за тишиной на Волгѣ наблюдали команды съ форпостовъ, расположенныхъ по Волгѣ въ весьма близкомъ отъ другаго разстояніи; не было, кажется, ни одного уголка въ затона, куда не заглядывали-бы разсылные казаки и солдаты, а между тѣмъ разбои происходили почти каждую ночь, да и самый ясный день не спасалъ путешественниковъ отъ внезапныхъ нападеній. «Сего апрѣля въ разныхъ числахъ, съ слѣдующихъ изъ Астрахани судовъ о нападеніи на нихъ разбойниковъ поданыя объявленія», — писалъ Цыплетевъ майору Персидскому и просилъ его помощи въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ, потому что, за разными сухопутными командировками, за высылкою многихъ солдатъ и казаковъ на царцынскую линію, въ расположеннымъ по ней крѣпостцы и на форпосты, наконецъ за разными экстренными командировками, въ Царицынѣ почти никого не было и на Волгу можно было послать только нѣсколько человекъ, — а между тѣмъ въ военныхъ людяхъ, по такому смутному времени, была крайняя нужда. Персидскій въ это время находился съ своимъ отрядомъ тоже на Волгѣ, и Цыплетевъ писалъ ему: «какъ ваше высокоблагородіе съ командою своею расположились уже въ волгскомъ войскѣ и уповательно противъ полевыхъ полковъ о искорененіи и поимкѣ оныхъ (разбойниковъ) имѣете наставленіе, того ради ваше высокоблагородіе, государя моего прошу приложить въ томъ ваше всеудобовозможное стараніе и тѣхъ злодѣевъ ловя, присылать въ царцынскую комендантскую канцелярію, за что отъ главныхъ правительствъ получите достойную похвалу и благодарность; а какъ въ царцынскихъ баталіонахъ въ людяхъ такой недостатокъ, что и караулы содер-

жупца безсѣбно, но однакожь въ двухъ лоткахъ при оберъ-сендерѣ солдатъ и царпынскихъ казаковъ тридцать человекъ внизъ по рѣкѣ Волгѣ къ Черному Яру посланы, а потому ваши разъѣзды нужны какъ къ Дмитріевску, такъ и внизъ хотя до нижней рѣки Пичуги или Ахтубы, и какой въ томъ успѣхъ пролеходить будетъ, для довесенія его превосходительству господижу генералъ-маіору и астраханскому оберъ-коменданту Василью Васильевичу Левину прошу меня увѣдомлять *).

Какъ повидимому ни тщательны были эти предосторожности, какъ ни строги мѣры, принятыя противъ разбойниковъ, но ни предписанія Левина, ни распоряженія Цыплетева и волжскаго войска не имѣли успѣха. Втеченіе всѣхъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1776 года было открыто множество несчастныхъ случаевъ, но не поймано ни одного предводителя разбойниковъ; прошла и зима, наступило судоходное время 1777 года, разбойники продолжали свои «продерзости», нападали «сильною и вооруженною рукою» на расшивы и кладнуши, — а ихъ никто не ловилъ, — ихъ не пугали извѣстіемъ о взятіи такого-то и такого атамана, о разбитіи того или другаго воровскаго стана. Правда, многіе изъ нихъ нападали не такъ смѣло, брали пошлину съ промышленниковъ не попрежнему, не кричали, въ виду разъѣздныхъ командъ и около самыхъ городовъ проходящимъ судамъ свое страшное «сарыңъ на кичу!»**). Многія изъ шаякъ видимо откочевывали подальше отъ Волги, гдѣ въ послѣднее время, особенно въ 1775 году, онѣ лишились столькихъ сильныхъ атамановъ, въ родѣ Заметаева и Кулаги. Какъ-бы-то ни было, но разъѣзднымъ командамъ не удавалось въ это время поймать сколько-нибудь популярную личность. Замѣтно, что лѣтомъ 1778 года нѣкоторыя шайки появляются на степномъ берегу Волги, у рѣки Илавли и начинаютъ сухопутные разбои.

Илавля, впадающая въ Донъ, въ верховьяхъ своихъ очень близко подходитъ къ небольшой рѣчкѣ Камышинкѣ, принимаемой Волгой у самаго города, съ тѣмъ-же именьемъ. Близость разстоянія двухъ небольшихъ рѣчекъ, одной волжскаго бассейна, а другой дономскаго, дала нѣкогда Петру I мысль соединить ихъ каналомъ, хотя мысль эта оказалась неудобноисполнимою. Воровскіе

*) Цар. арх. No. 482. Дѣло о принятіи предосторожностей отъ полчишей по рѣкѣ Волгѣ разбойнической секты (шайки). 1776.

***) Сигнальный крикъ разбойниковъ при нападеніи на суда. Крикъ этотъ еще такъ не давно раздавался на Волгѣ, и онъ очень памятенъ нынѣшнимъ мирнымъ бурлакамъ.

казаки, желая пробраться изъ Дона въ Волгу, проводили свои лодки вверхъ по Илавѣ до того мѣста, гдѣ эта рѣчка близко подходила къ Камышинкѣ; здѣсь лодки перетаскивались сухопутнымъ волокомъ въ Камышинку и разбойники входили по ней въ Волгу, какъ до-сихъ-поръ поется въ старой казачьей пѣснѣ:

Что пониже города было Саратова,
 А повыше было города Царпына,
 Протекала, пролегла мать-Камышинка-рѣка,
 Какъ съ собой она вела круты красны берега,
 Круты красны берега и зеленые луга,
 Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку-рѣку;
 Что по той-ли быстринѣ, по Камышинкѣ-рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два снѣрядные стружка.*)
 Хорошо были стружечки пзукрашены,
 Они копыями, знаменами, будто лѣсомъ поросли;
 На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все донскіе казаки,
 Да еще-ли гребенскіе, запорожскіе;
 На нихъ шапочки сабольи, верхи бархатные,
 Еще смурые кафтаны, кумачемъ подложены,
 Астрахански кушаки полуселкѣвые,
 Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ**),
 Что зеленъ-сафьянъ сапожки, кривые каблукы,
 И съ зачесами чулки, да все гарусные;
 Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
 Они хвалятъ, величаютъ православнаго царя,
 А бранятъ они, клянутъ воеводу,
 Что съ женою и съ дѣтьми и со внучатами: —
 Заедаетъ воръ-сабака наше жалованье;
 Кормовое, годовое, наше денежное;
 Да еще-же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять,
 Внизъ по-матушкѣ по Волгѣ съ дунинаю воспѣвать.

Вообще въ самое отдаленное время Камышинка и Илавля были такимъ-же аренами разбойничьихъ подвиговъ, какъ и Волга, хотя на маленькихъ рѣчкахъ простору было меньше и около этихъ рѣчекъ можно было скриваться только на-время и гра-

*) Въ другой поется:

Выгребали выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ
 Воровскихъ казаковъ.

**) Подобныя рубашки атаками Финляндъ даля на обрѣзніе своихъ любовницъ, Ирнѣ Ощепкиной. (См. выше.)

Бить сухопутные караваны, да изрѣдка нападать на хутора и селенія, перекочевывать потомъ въ глухія степи или снова выходить на Волгу. Такъ мы видимъ, что въ 1778 году разбойничьи шайки видимо стали отходить отъ Волги и устраивать станы по Илавѣ, Медвѣдицѣ и Хопру, не оставляя впрочемъ въ покоѣ и волжскихъ береговъ. Начались опять разбой по хуторамъ и селамъ, расположеннымъ по правую сторону царицынской линіи; хотя имена атамановъ были извѣстны, и ни одно изъ нихъ не раздавалось по окрестностямъ громче другихъ, однако положеніе обывателей было далеко незавидное. Въ это время, какъ извѣстно, волжское войско за присягу на вѣрность Пугачову переведено было на Терекъ; Дубовка, поволжскія станицы, начинающая отъ антиповской до балыкзейской и ниже Дубовки, наконецъ всѣ богатыя земли, принадлежавшія нѣкогда волжскому войску, стали заселяться, по распоряженію правительства, выходцами изъ верховыхъ губерній. Переселенцы, перевозившіе на новыя отведенныя имъ мѣста свое скудное имущество, были тревожимы на всѣхъ дорогахъ; ихъ грабили въ полѣ и въ домахъ, разбивали и жгли ихъ кое-какъ сколоченныя хижинны. Между тѣмъ слухи ходили, что илавлинскія шайки понизовыхъ бурлаковъ день ото дня усиливались, бѣжавшими съ Терека и съ дороги, волжскими казаками, нехотѣвшими переселяться въ такую даль отъ своихъ родныхъ пепелищъ; эти новые помощники понизовой вольницы знали всѣ входы и выходы въ каждомъ селѣ, знали всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ и помещиковъ, сидѣвшихъ издавна по Илавѣ и Медвѣдицѣ, и водили своихъ товарищей на грабежъ, не опасаясь попасть въ засаду, а иногда рассчитывая на доброжелательство тѣхъ немногихъ волжскихъ казаковъ, которые остались въ Дубовкѣ и по станицамъ и обязаны были наблюдать за спокойствіемъ страпы. Изъ Царицына былъ посланъ отрядъ для наблюденія за разбойниками, но отрядъ этотъ нисколько не помогалъ дѣлу. Кромѣ того, что разбойники имѣли по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ пріятелей, которые увѣдомляли ихъ о движеніяхъ казацкаго отряда, шайки умѣли такъ искусно наблюдать за сторожевыми разъѣздами, что никогда не попадались имъ на глаза и потому не имѣли надобности защищаться силой; они, обыкновенно, на другой день грабили то село, откуда, какъ они знали, только—что наканунѣ вышла разъѣздная партія; они нападали и на тотъ хуторъ, куда на другой день ожидали помощь разъѣздчиковъ, то-есть они и слѣдовали за отрядомъ и предупреждали его.

Въ такомъ жалкомъ положеніи была защита страны отъ разбойниковъ. Ничтожная горсть казаковъ находилась съ походнымъ атаманомъ Забуруновымъ на поискахъ, и та была взята для другой надобности. Притомъ и самое требованіе войсковаго старшины Савельева — предоставить защиту страны однимъ волжскимъ казакамъ — кажется намъ нѣсколько подозрительнымъ, при той роли, которую играли въ то время волжскіе казаки. Ослабить разъѣздныя команды на Волгѣ отдѣленіемъ отъ нихъ небольшихъ отрядовъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ казалось крайне опаснымъ, потому что все теченіе Волги отъ Дубовки до Чернаго Яру, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, осталось-бы совершенно незащищеннымъ. Это значило-бы бросить караваны судовъ на произволъ судьбы, или вѣрнѣе — въ руки разбойникамъ. Правда, камышинскій комендантъ, полковникъ Ременниковъ, занявшій въ этомъ городѣ комендантскую должность на мѣсто умерщвленнаго Пугачевымъ Мелнииа, по распоряженію правительства отправилъ по Волгѣ волжскія команды; но и эта помощь была ничтожной защитой отъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе что отряды, посланные Ременниковымъ, должны были оберегать огромное пространство и растянуться верстъ на 300 или 400: одинъ отрядъ, подъ начальствомъ прапорщика фонъ-Пистоленъ-Корса, долженъ былъ наблюдать за разбойниками въ той части Волги, которая простиралась отъ Камышина вверхъ до села Золотого, одного изъ главныхъ разбойничьихъ притоновъ; другой отрядъ, подъ командою прапорщика Пospллова, защищалъ Волгу отъ Камышина внизъ до Дубовки. Они должны были «безпрестанное патрулеваніе свое производить съ перемежною дистанціи,» — вѣроятно, взаимно обмѣниваясь постами во время съѣзда въ Камышинѣ. Ременниковъ просилъ Цыплетева, чтобъ отряды, посланные изъ Царпына, непременно съѣзжались въ Дубовкѣ съ отрядомъ, крейсировавшимъ между Камышиномъ и Дубовкою, «размѣнивались билетами» (какими билетами, мы не знаемъ) и въ случаѣ опасности его давали одинъ другому помощь. Слѣдовательно волжскія разъѣздныя команды, растянутыя верстъ на 700 или 800, ни въ какомъ случаѣ нельзя было ослабить для вспомошествованія ими отрядовъ, посланныхъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ, и по необходимости надо было ограничиваться ничтожными отрядами, находившимися подъ начальствомъ поручика Хомутскаго, походнаго атамана Забурунова и капитана Зайцова, который былъ посланъ сюда отъ государственной экономіи для на-

блюденія за переселенцами и назывался «объѣзжпмъ эконо-
момъ.»

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Цыплетевъ, получивъ отъ волжскаго войска представленіе о необходимости усилить илавлинскіе отряды, приказалъ всѣмъ волжскимъ казакамъ, еще же переселившимся на «ново-возводпмую линію» (на Терекъ), поступить подъ команду объѣзжаго эконома Зайцова; Зайцовъ же долженъ былъ принять главное начальство надъ отрядомъ поручика Хомутскаго, и вмѣстѣ съ донскими и волжскими казаками и ихъ начальниками двинуться противъ разбойниковъ, «учинить надъ тѣми злодѣями всевозможные поиски и всемѣрно постараться переловить ихъ всѣхъ безъ упущенія.» Въ скоромъ времени Зайцовъ извѣщалъ Цыплетева, что разбойничьи партіи умножаются, что вся земля волжскаго войска наполнена воровскими шайками, бродящими около станицъ и въ особенности около хуторовъ;—что разбойники эти «чинятъ живущимъ въ тѣхъ хуторахъ и проѣзжающимъ людямъ грабежи, и выжигаютъ селенія, а сколько извѣстно мнѣ стало нынѣ, и у крестьянъ лошадей множественное число уже покрадено, да и до днесъ среди дня отнимаютъ». Зайцовъ добавлялъ, что крестьяне объявляютъ, будто главные зачинщики смуть сами волжскіе казаки, выводимые на Терекъ. Не имѣя ни откуда защиты, Зайцовъ послалъ приказы въ волжскія станицы, антиповскую, караванскую и балыклейскую, и велѣлъ старостамъ нарядить небольшую партію мужиковъ и чѣмъ нибудь на первый случай вооружить ихъ, «хотя не всѣхъ ружьями, но по меньшей мѣрѣ рогатинами»; онъ велѣлъ, чтобы это крестьянское ополченіе соединилось съ отрядомъ волжскихъ казаковъ, высылаемыхъ изъ Дубовки, куда онъ отправлялся лично, чтобы и въ Дубовкѣ набрать и вооружить крестьянъ для передачи ихъ подъ команду казачьяго начальника; «а пнаково, прибавлялъ онъ въ рапортѣ къ Цыплетеву, буде къ поиску тѣхъ воровъ въ степяхъ однихъ крестьянъ отправить, то какъ они о здѣшнихъ мѣстахъ мало еще свѣдомы и не настояще всоружены, а притомъ и безъ предводительства, почтпаю, весьма будетъ неудобно, къ тому же безъ точнаго на то повелѣнія и смѣлости не имѣю.» Войсковой старшина Савельевъ писалъ между тѣмъ въ Качалинъ, войска донскаго войсковому старшинѣ Грекову, и просилъ у него помощи; Цыплетевъ съ своей стороны просилъ Грекова о командированіи отряда донскихъ казаковъ на Илавию. Грековъ отправилъ требуемый отрядъ и сверхъ того сообщилъ «къ медвѣдичкимъ сыскнымъ

дѣламъ» о присылкѣ вспоможенія илавлинскимъ разбѣдамъ, потому что на Медвѣдицѣ можно еще было располагать нѣкоторою частью казаковъ, не бывшихъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ къ илавлинскимъ разбойникамъ приближалась гроза съ четырехъ сторонъ: изъ Царицына давно выступалъ съ донскими казаками поручикъ Хомутскій, изъ Дубовки выходили волжскіе казаки вмѣстѣ съ крестьянами, взятыми изъ антиповской, караванской и балыклейской станицъ; изъ Качалина двинулся другой отрядъ донскихъ казаковъ, съ Медвѣдницы должна была придти такая же помощь. Только камышинскій комендантъ Ремениковъ отозвался на требованіе Цыплетева, что у него нѣтъ въ распоряженіи коннаго отряда и что онъ не можетъ послать никакаго секурса противъ илавлинскихъ шаекъ.

Вѣсть объ илавлинскихъ и поволжскихъ неурядицахъ дошла наконецъ и до астраханскаго губернатора Якобія, который въ то время стоялъ лагеремъ при *Браунскихъ водахъ*. Ему доносили, что страна для защищенія себя отъ разбойниковъ не имѣетъ достаточно силы и что камышинскій комендантъ совершенно не можетъ подать сухопутной помощи, за неимѣніемъ конницы. Тогда Якобій, не принимая въ расчетъ никакихъ отзывовъ, велѣлъ непремѣнно истребить разбойниковъ.» Какъ генерально указали ея императорскаго величества накрѣпко повелѣваетца всѣ силы вездѣ командующимъ употребить — злодѣйскія, воровскія партіи искоренять (писалъ онъ между прочимъ Цыплетеву), — вслѣдствіе чего и должно каждому о томъ имѣть ежеминутное стараніе, потому и предписалъ я димитріевскому (камышинскому) коменданту, чтобъ по ближайшей дистанціи отъ Дмитріевска волжской антиповской станицы, а отъ нея простираясь даже и до половины казачьяго селенія, для поимки и искорененія тѣхъ злодѣевъ учредилъ онъ отъ себя изъ казаковъ всегдашній разбѣздъ, собравъ ихъ въ такое время изъ ненужныхъ командировокъ, *которой и продолжать до самаго прекращенія злодѣянн*; а другую половину тѣхъ селеній такими-же разбѣздами защищать. позвоите ваше высокоблагородіе и поиски чинить снизу отъ Царицына и всячески прилежать самихъ злодѣевъ въ конецъ истребить и во всѣ окрестныя мѣста о преслѣдованіи ихъ давать знать.»

Наконецъ въ сентябрѣ этого года Цыплетевъ отправилъ на Илавлю еще одинъ отрядъ донскихъ и царицынскихъ казаковъ и поручилъ начальство надъ ними провіантъ-коммисару Ястребенкову, давъ ему словесное наставленіе, какъ дѣйствовать. Тамъ

находились уже другіе отряды донскихъ казаковъ, и однимъ изъ нихъ командовалъ походный атаманъ Мельниковъ. 17 сентября соединился Ястребенковъ съ этими отрядами и они положили идти противъ разбойниковъ общими силами; поэтому командиры отрядовъ раздѣлили свои силы на четыре части, изъ которыхъ каждая должна была идти по извѣстному направленію, производя поиски, и послѣ этихъ розысковъ положено было всѣмъ соединиться въ извѣстномъ сборномъ пунктѣ, чтобы узнать о результатѣ каждой отдѣльной экспедиціи. Такъ и сдѣлали. Нѣсколько дней отряды бродили по всѣмъ направленіямъ, и когда соединились у сборнаго пункта, никто ничего не могъ сказать о разбойникахъ. Поиски были напрасны, потому что разбойники знали о движеніи разѣздовъ и умѣли вездѣ скрыть свои слѣды. Можетъ быть, этой неудачѣ помогла ссора между начальниками отрядовъ, тѣмъ не менѣе разбойники не давались имъ въ руки. Вскорѣ Ястребенковъ прислалъ къ Цыплетеву нарочнаго казака съ извѣстіемъ о безуспѣшности поисковъ и жаловался на походнаго атамана Мельникова, будто онъ «съ своею командою дѣлаетъ непорядки и скрываетъ, по доказательству сосѣдей, пристанодержателей.» Ястребенковъ находился въ это время съ отрядомъ своимъ, какъ самъ писалъ, *для залогу въ скрытномъ мѣстѣ.*

Между тѣмъ приближалась осень; до конца сентября разѣдные отряды не сдѣлали ровно ничего для безопасности страны; разбойники, видя приближеніе холодовъ и не желая имѣть дѣло съ казаками, разбрелись въ безопасныя мѣста. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Есть основаніе думать, что илавлинскіе разбойники, кромѣ тѣсной связи съ волжскими казаками, были въ тѣсныхъ отношеніяхъ и съ донскими, иначе илавлинская экспедиція не кончилась-бы такъ пусто. Ястребенковъ недаромъ говорилъ, что атаманъ Мельниковъ съ своей командой *дѣлаетъ непорядки*, а между тѣмъ отъ этихъ непорядковъ зависѣла жизнь и спокойствіе цѣлаго края. Вообще понизовые бурлаки были счастливѣе на Илавле чѣмъ на Волгѣ*).

Съ наступленіемъ зимы 1778 года, когда разѣдные отряды возвратились съ Илавли на зимнія квартиры, разбойники снова начали собираться партіями и нападать на обозы, проходившіе по степямъ и по Волгѣ, и на отдѣльно-стоящія поселенія, хотя

*) Цар арх. No 716. *Дѣло о поимкѣ воровъ и разбойниковъ появившихся на рѣчку Илавль и Волю. 1778.*

нѣсколько измѣнили свою тактику. Имъ уже нельзя было собираться огромными шайками и цѣлые мѣсяцы проводить въ лѣсу, въ уединенныхъ притонахъ, откуда по временамъ отправлялись экспедиціи въ ближайшія деревни; суровое время заставило ихъ искать убѣжища въ жилыхъ мѣстахъ, у пристанодержателей. Само-собою разумѣется, что, живя такимъ образомъ, трудно было держать частыя совѣщанія, и потому разбойники ограничивались маленькими сходками, человекъ по два по три, и, сговорившись о мѣстѣ соединенія, они выходили на разбой на самое короткое время и скоро возвращались каждый къ своему пристанодержателю. Но прежде чѣмъ скажемъ о зимнихъ экспедиціяхъ, которыя возобновлялись почти каждый годъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, приведемъ нѣсколько свѣдѣній о разбояхъ на самой Волгѣ.

Весна 1779 года опять вызвала понизовыхъ бурлаковъ къ ихъ привычной дѣятельности. Съ появленіемъ на Волгѣ судовъ явились и разбойничьи лодки, а вслѣдъ за ними выплыли для дозора разъѣздныя команды пзъ Камышина, Дубовки, Царицына и Чернаго Яра. Хотя опасное ремесло разбойника едва-ли кому могло казаться привлекательнымъ, однако жизнь бѣднаго населенія была такъ некрасна, существованіе на бѣломъ свѣтѣ для многихъ казалось такой тяжелой обязанностью, кусокъ хлѣба такъ трудно вырабатывался, что даже простой мужичокъ рѣшался иногда, конечно не изъ базовства и не для шутки, не отъ избытка счастья, а съ горя выйти на Волгу и попытаться добыть денегъ, которыя честнымъ трудомъ такъ не легко добывались. Мы вообще думаемъ, что только очень достаточныя побужденія выгоняютъ робкаго мужика на большую дорогу; не легка была жизнь и поволжскаго бурлака. Весной 1779 года начались переговоры между нѣкоторыми крестьянами поволжскихъ деревень *): между прочимъ составила небольшая шайка въ среднемъ ахтубинскомъ городкѣ, приписанномъ къ ахтубинскимъ шелковичнымъ плантаціямъ; нѣсколько человекъ крестьянъ, согласившись «разбивать плывущія по рѣкѣ Волгѣ суда,» подговорили въ свою шайку нѣкоторыхъ изъ жителей верхняго погромнаго городка, и начали готовиться къ выступленію на Волгу. Конечно, когда составила шайка, приступили къ избранію атамана и есаула, и первымъ избранъ былъ Василій Тимофѣевъ, двадцативосьмилѣтній крестьянинъ, казавшійся имъ достойнымъ этого почетнаго

*) Цар. арх. No 776. Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Васильѣ Тимофѣевѣ, есаулѣ Андрѣѣ Татаринѣ, съ шайкою. 1799 г.

званія, есауломъ къ нему выбрали крестьянина погромнаго городка Андрея Татарина. Разбойники приготовили нѣсколько ружей, атаманъ купилъ себѣ кромѣ того пистолеть (за который заплатилъ полтинникъ!), шапку, достали пороху, желѣзный кистень, и 25-го мая, взявъ небольшую лодку, выѣхали на Волгу въ числѣ только шести человекъ и направились прямо къ Денежному острову, лежащему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царицына. Это было самое удобное мѣсто для наблюденія за проходящими по Волгѣ судами, и разбойники избрали его для своей стоянки, остановившись на самомъ «приверхѣ» острова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлитъ Волгу на два рукава. Разбойники провели ночь въ своемъ станѣ, провели и весь слѣдующій день, наблюдая за всѣмъ, что происходило на Волгѣ: наконецъ, на закатѣ солнца они выбрали одно сплавное судно, шедшее сверху, и сообразивъ, что оно не устоитъ противъ нихъ, потому что не было защищено ни однимъ орудіемъ, атаковали его и ограбили. Судно это принадлежало балахнинскому дворцовому крестьянину Овчинникову, провіантскому поставщику, и находилось подъ присмотромъ работника его, экономическаго крестьянина Бѣлухина. Такъ какъ судно нагружено было хлѣбомъ, а не красными или другими цѣнными товарами, то разбойники и не могли собрать на немъ богатой добычи: они взяли желѣзный сундучекъ съ деньгами, какія находились на суднѣ, разное платье, топоры и прочіе инструменты, нужные для домашняго обихода, захватили четверкъ пшена себѣ на кашу, и отпустили судно, не сдѣлавъ никому вреда. Едва они возвратились къ своему стану, на приверхѣ острова, и раздѣлили добычу, какъ увидѣли снова два судна, плывшія сверху, и, пропустивъ первое изъ нихъ, сдѣлали нападеніе на второе. Судно было защищено и, замѣтивъ приближеніе разбойниковъ, встрѣтило ихъ выстрѣлами изъ пушки; не имѣя равнаго оружія, разбойники должны были отступить, и такимъ образомъ судно прошло благополучно. Опасаясь, вѣроятно, чтобы станъ ихъ, на Денежномъ островѣ, не былъ открытъ и они не переловлены царицынскими разъѣздами, въ случаѣ подачи объявленія однимъ ограбленнымъ и другимъ спасшимся судномъ, разбойники не ночевали въ станѣ, а поплыли на другую сторону Волги, на нагорную, и пристали къ берегу выше устья рѣчки Второй Мечетной; тамъ они расположились ночлегомъ, а утромъ опять направились къ Ахтубѣ. Но когда ночью они пристали къ берегу въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, на нихъ напала разъѣздная команда, высланная изъ Царицына, подъ начальствомъ

пятидесятника Протопопова, «ради поиску и пскореніи воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей;» къ разъѣзному отряду присоединились крестьяне ахтубинскаго городка — и разбойники должны были сдаться. Но одинъ изъ нихъ, желая спастись, бросился въ воду, чтобы вплавь перебраться на другую сторону Ахтубы; въ то время, когда онъ уже плыть, раздались выстрѣлы и разбойникъ былъ убитъ кѣмъ-то изъ разъѣздной команды.

На другой день разбойники привезены были въ Царицынъ, одеты, вмѣстѣ съ оружіемъ и пограбленными вещами, въ комендантскую канцелярію, и въ тотъ же день допрошены. Атаманъ признался во всемъ, есаулъ также, а за ними и ихъ подначальные товарищи. Все, что было взято ими съ судна, возвращено по принадлежности, кромѣ денегъ, которые были разобраны ахтубинскими крестьянами при поимкѣ разбойниковъ; сами они отправлены были въ воеводскую канцелярію, «для надлежннщаго по законамъ изслѣдованія и за продержности ихъ наказанія.»

Именнымъ указомъ, отъ 1763 года 10-го февраля, повелѣвалось выдавать изъ казны денежные награды всякому, кто поймаетъ вора или разбойника и приведетъ въ судъ; за разбойничьяго атамана велѣно было платить по 30 рублей, за простаго разбойника 10, а за пристанодержателя 50 рублей. На основаніи этого указа пятидесятникъ Протопоповъ, поймавшій, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, атамана Тимоѣева, его есаула и двухъ разбойниковъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Долго не получая его, онъ подалъ коменданту «домошеніе», которое мы слышимъ ниже *).

*) Пойманные мною съ командою воровской атаманъ, есаулъ и разбойники отъ комендантской отосланы въ воеводскую канцелярію при промеріи, а таково жъ требовано о выдачѣ мнѣ съ командою за поимку тѣхъ разбойниковъ принадлежащихъ денегъ, по точію я и понимѣ неудовольствіемъ; а высочайшимъ именнымъ ея императорскаго величества, состоявшимся 763 г. февраля 10, опубликованнымъ въ народъ указомъ, по 4 пункту между прочаго ясно изображено: «если кто разбойническаго атамана или разбойника поймать приведетъ, таковымъ давать изъ казны нашей за атамана по тридцати, а за разбойника по десяти рублевъ, а возвращать ониля вѣтомъ въ казну,» и откуда, то въ томъ указѣ изъяснено-жъ. Того ради царицынскую комендантскую канцелярію покорнѣйше прошу, всходошею высочайшаго матерпяго ея императорскаго величества (указа), обнародованнаго вѣрноподданнымъ къ поощренію ловить и приводить воровъ, о выдачѣ за то награжденія мнѣ съ командою повелѣннаго за прыводъ ата-

Само-собою разумѣется, что уничтоженіе такой незначительной шайки, какъ Тимоѣева, не имѣло никакихъ послѣдствій для прочихъ поволжскихъ разбойниковъ. Такое болѣзненное явленіе въ русской исторіи, какъ поволжскіе разбой, не могло быть закрыто въ народной жизни одними паліативными средствами, потому что корни его лежали глубоко.

VI.

Истребленіе поволжскихъ разбойничьихъ шаекъ, при всей ихъ многочисленности, не было сопряжено съ такими трудностями, какъ преслѣдованіе воровскихъ партій, бродившихъ по степямъ и лѣсамъ и производившихъ свои набѣги или пѣшими отрядами въ десять, двадцать и тридцать человекъ, или на лошадакъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту дѣйствія. Поволжскія шайки, разъѣзжавшія вдоль береговъ Волги, всегда могли опасаться встрѣтить разъѣздныя команды, наконецъ могли быть атакованы съ берега, въ самыхъ притонахъ, между тѣмъ какъ лѣса и степи съ своими балками и оврагамъ, представляли для разбойниковъ опасныя убѣжища. Притомъ сухопутныя шайки могли скорѣе, въ случаѣ опасности, расхотиться по домамъ, у кого было свое пристанище, или къ становщикамъ, которыхъ можно было найти въ каждой деревнѣ. Въ эти шайки шли не одни понизовые бурлаки и бродячая вольница, но и люди осѣдлые, крестьяне, спокойно возвращавшіеся къ сохѣ и боронѣ, послѣ удачной экспедиціи. Оттого иной разбойникъ, въ разное время, могъ участвовать въ нѣсколькихъ шайкахъ и, бросивъ одного атамана, когда его товарищамъ угрожала опасность, выжидалъ удобнаго случая, чтобъ или самому «подобрать» вѣрныхъ людей или примкнуть къ другому удальцу. Такъ разбойники трехъ шаекъ, грабившихъ въ поволжьѣ въ продолженіе десяти лѣтъ (1771—1781 г.), атамановъ Ивана Рыжаго, Шагалы и Дегтяренка, — одинъ и тѣже лица, — то иногда являются въ шайкѣ одного, то другого *).

мана и трехъ человекъ разбойниковъ, въ числѣ коней и есауль, дабы какъ и, такъ и команда моя, за неудовольствіемъ остатца обиженными быть не могли, о томъ въ царыцынскую воеводскую канцелярію покорнѣйше прошу сообщить еще проemorію, учинить милостивую резолюцію».

*) Цар. арх. № 701. *Дело о разбойникахъ вѣдомства царыцынской канцеляріи, присланныхъ въ подушный окладъ Малороссіянахъ Иванъ Збойковъ и бѣломъ царыцынскаго 4-го баталіона солдатъ Василь Овчинниковъ.* 1778 года.

Этимъ характеромъ отличаются похождения Шагалы, бывшаго и простымъ разбойникомъ у Ивана Рыжаго и атаманомъ другой шайки. Шагала представляетъ собой олицетвореніе типа тогдашняго понизоваго бурлака, о родѣ и племеніи котораго никто, кромѣ его самого, не зналъ; имени опредѣленнаго онъ также не носилъ, хотя и былъ приписанъ къ обществу камышинскихъ Малороссіянъ «нагорной стороны», подѣ именемъ Василья Полякова. Послѣ оказалось, что имя его было совсѣмъ не то, какое стояло въ именныхъ спискахъ камышинскихъ Малороссіянъ и даже не Шагала, какъ онъ слылъ въ народѣ. Относительно этого прозвища онъ говорилъ, когда его впоследствии поймали, «Я же называюсь и Шагала, оттого что назадъ тому года съ четыре послѣ пугачевщины, здѣшній Малороссіянинъ Софронъ Вискалнй, кой и нынѣ живъ, ходя со мною въ осеннее время для работъ, черезъ случившіеся на то время ручейки, усмотрѣлъ меня перепрыгивающимъ, сказалъ: *Будь отнынѣ Шагала.*» О происхожденіи своемъ Шагала рассказывалъ, будто отецъ его былъ родомъ Малороссіянинъ изъ города Рыльска, откуда еще въ молодости переселился на Донъ, и, занимаясь плотничнымъ ремесломъ, жилъ въ разныхъ мѣстахъ. «Между тѣмъ въ Пятипѣйской станицѣ сжился б..... дѣломъ съ россійскою женщиною, Марьею Лаврентьевою дочерью, кою и имѣлъ безъ вѣнца за свою жену, и, живучи въ той станицѣ, отъ ней рожденья; а больше у нихъ дѣтей не было. Я при матери, до смерти ея, былъ лѣтъ восьми, а послѣ той ея смерти, отецъ мой сошелъ со мною въ Волгское войско, въ городокъ Дубовку, и работалъ тамъ, вскармливая меня, по разнымъ людямъ; а студа, оставя меня у волгскаго казака, Кирея Степанова, сына Мигузова, пошолъ онъ работать на Донъ, гдѣ и померъ». Будущій разбойникъ остался послѣ отца лѣтъ пятнадцати и жилъ у казака Мигузова года четыре. Девятнадцати лѣтъ онъ началъ свою бродячую жизнь, оставивъ Мигузова и переселившись въ Дубовку, гдѣ жилъ у казака Семисотнова не больше года; затѣмъ переехалъ въ балыклейскую станицу и нанялся къ казаку Бочарову къ рыбной ловлѣ на лотку, въ веселную работу». Здѣсь онъ прожилъ лѣтъ восемь, и Бочаровъ, за усердіе Шагалы, записалъ его въ Камышинъ, въ число Малороссіянъ, назвавъ сиротю. Когда Волжское войско переведено было на такъ-называемую «новую линію», въ Моздокъ, и Бочаровъ уѣхалъ вмѣстѣ съ другими казаками, Шагала остался въ балыклейской станицѣ и переходилъ отъ одного хозяина къ другому.

Во время этих странствий по дворамъ, перекочевывая съ хутора на хуторъ, въ 1776 году Шагала поселился у камышинскаго бобыля Алексѣя Рускова, на рѣчкѣ Елховкѣ, и женился, говоритъ онъ, на дочери его, «дѣвкѣ Аниѣ, съ которою и вѣнчанъ въ здѣшней (камышинской) городской успенской церкви; но кто былъ священникъ, не припомню. Женился, жилъ у того тестя около году, а потомъ, не захотѣ съ нимъ вмѣстѣ жить, передъ Покровомъ днемъ отошелъ и съ своею женою къ живущему на той же рѣчкѣ Елховкѣ своимъ хуторомъ, не больше какъ въ полуверстѣ, здѣшнему мѣщанину Василью Алексѣеву, сыну Свѣтышину, онъ же прозывается и Разстрѣганъ, и жилъ у него въ особой землянкѣ». Бродячая жизнь сводила его не разъ съ людьми такого закала, для которыхъ не было другого дѣла, какъ «подбирать воровскія партіи», жить гдѣто на волгѣ, на копѣ и съ пикой, а зиму—въ острогѣ. Сидя въ кабацкѣ, бродяги и прочая, «голытьба», обыкновенно заводили рѣчь о трудности своего житья-бытья, о тяжелой нищетѣ, о провинностяхъ, къ которымъ приводила эта же нищета, о томъ, что, рано-ли, поздно-ли, безпаспортная жизнь доведетъ до острога, до тяжелыхъ наказаній, — что не легко выправлять эти паспорта бѣдному батраку, еслибы онъ и хотѣлъ избавиться отъ бродяжничества; говорили и о томъ, что есть-де и богатые люди, которые не боятся остроговъ, во-время ѣдятъ и пьютъ, во-время спятъ и веселятся, тепло одѣты, никѣмъ не обижены. Отсюда рѣчь заходила въ сторону; говорилось, напримѣръ, о томъ, что есть-де и такой народъ, что пьютъ-ѣдятъ некупленное, носятъ платье съ чужаго плеча, никого не боятся; что живутъ они среди степи, знаютъ одного атамана-батюшку, да и тотъ такой же какъ они простой бурлакъ, который слушается артели... Вотъ такой кабацкій знакомый прѣхалъ однажды и къ Шагалѣ. Прѣзжаго звали Иваномъ Чернымъ («онъ же прозывается и Щербакъ, потому что у него нѣтъ во рту одного передняго зуба»), и жилъ онъ, въ качествѣ батрака, у одного Малороссіянина, по имени Островскаго, на княжпхъ или костарепыхъ хуторахъ. Черный звалъ Шагалу на эти хутора въ гости къ Малороссіянину Сумцову, гулять, какъ онъ выражался, нмѣя на самомъ дѣлѣ намѣреніе привлечь его въ шайку, которая собиралась у послѣдняго. Шагала поѣхалъ съ нимъ и нашелъ у Сумцова гостя, прѣхавшаго изъ волжскаго войска, стараго отставнаго казака, Василья Козеспикова съ сыномъ Иваномъ; хозяинъ и гости въяствовали, а вмѣстѣ съ ними стали пить Шагала и Щербакъ и все семейство старика

Сумцова; у Сумцова же, кромѣ того, былъ въ работникахъ бродяга «русскій человѣкъ», Иванъ Рыжій, который также присталъ къ попойкѣ на правахъ разбойника. Между тѣмъ старикъ Сумцовъ и Колесниковъ заговорили о «разбойномъ дѣлѣ»; думали ѣхать въ волжское войско — разбивать богатыхъ людей. Составилась маленькая шайка: старый Сумцовъ съ двумя сыновьями, ихъ батракъ Рыжій, старый Колесниковъ съ сыномъ и Шагала съ Щербаковъ, — всего семь человѣкъ. У каждаго была верховая лошадь, кромѣ молодаго Колесникова и Шагала, у котораго конь не годился для разбоевъ и быстрыхъ переѣздовъ. Нужно было достать лошадей, и Шагала съ Колесниковымъ въ ту же ночь успѣли съѣздить въ сосѣдніе барановскіе хутора, украли тамъ изъ табуна пару коней и воротились къ шайкѣ. Здѣсь произошло избраніе атамана и есаула, и атаманская власть досталась на долю Ивана Рыжаго, волѣ котораго, вѣроятно, всѣмъ было безопасно покориться, да и удалъ его, безъ сомнѣнія, была уже испытана, когда такіе старые люди, какъ Сумцовъ и Колесниковъ признали надъ собой его голосъ. Есауломъ шайки назначенъ былъ молодой Колесниковъ.

Прежде всего разбойники отправились въ предѣлы волжскаго войска, именно на Саламатины хутора, къ знакомому казаку Гусеву, который снабдилъ ихъ на дорогу хлѣбомъ и выпроводилъ въ путь. Въ осеннюю ночь (это было въ концѣ октября 1777 года), они выѣхали отъ Гусева, и атаманъ повелъ ихъ степью, прямо черезъ сыртъ, въ предѣлы Войска Донскаго. Всѣ разбойники были на коняхъ и вооружены, какъ походные ратники. Скоро они пріѣхали на рѣчку Тишанку, въ округъ качалинской ставицы, и напали на хуторъ донскаго полковника Дулимова: окруживъ его домъ, они схватили Дулимова, его маленькаго пасынка и бывшаго съ нимъ крестьянина, перевязали ихъ и начали грабить все, что было цѣннаго въ домѣ; брали деньги, лошадей, кафтаны и другое платье, казачьи арчаки (сѣдла); взяли ружья на погонѣ, *турку* (такъ назывался особый родъ ружей), и сверхъ того захватили «масла коровьева пуда съ два». Ограбивъ Дулимова, они въ ту-же ночь поворотили къ сѣверу, проскакали верстъ двадцать пять безъ роздыха, и явились на Плавль, въ балыклевскихъ хуторахъ, гдѣ жилъ богатый казакъ Трофимъ Монацковъ, можетъ быть, потомокъ того «Сеньки Монацкова злодѣя», который

Крѣпкой думушки съ стариками не думывалъ, —
Думывалъ онъ крѣпкую думушку со ярыжками...

Отд. I.

2

Перекинулся собака ко азовскому нашѣ *).

Въѣхавъ въ хуторъ, разбойники бросились къ усадьбѣ Монацкова, окружили его домъ, желая схватить самого хозяина. Но Монацковъ успѣлъ выскочить изъ дому, бросился бѣжать отъ разбойниковъ, которые замѣтили его и пустились въ погоню. Нѣсколько разъ молодой Колесниковъ, есаулъ шайки, догонялъ Монацкова; нѣсколько разъ, наступивъ бѣглеца, кололъ его («толкалъ») дротикомъ, но или туза была пака, или невѣренъ былъ ударъ, только Монацковъ не падалъ; есаулъ пустил ему наконецъ въ догонку пулю изъ своей винтовки, — но и пуля не убила его. Монацковъ скрылся, добѣжавъ до рѣки. Между тѣмъ другіе разбойники грабили его домъ: забирали деньги и платье, захватили до шестидесяти аршинъ холста, одиннадцать паръ сапоговъ, тринадцать паръ рукавицъ бараньихъ, пятьдесятъ паръ подошвъ, «бешметъ китавиной синей одинъ, сарафанъ женской кумачный одинъ, двѣ женскія сороки съ *подзатыльниками золотого позументу*, шапокъ красныхъ двѣ, зеленую съ ушками одну, кушакъ полупешковой одинъ, рубахъ мужскихъ бѣлыхъ три, портъ тяжкихъ двое, два ружья, арчакъ съ приборомъ и сѣделкой одинъ, масла коровьева четыре пуда, меду полпуда» и т. д. Самъ атаманъ бросился съ огнемъ въ клѣтъ; анбаръ тотчасъ вспыхнулъ; за нимъ загорѣлся чуланъ, бывший въ одной связи съ анбаромъ; въ то же мгновеніе пламя охватило пазу, крытую соломой, — и огонь быстро распространился**).

Въ домъ, въ чуланъ, снали маленькіе дѣти, мальчикъ и дѣвочка. Когда пламя разлилось по всему строенію, разбойникъ Шагала бросился въ чуланъ спасать дѣтей и вынесъ ихъ на своихъ рукахъ совсѣмъ съ постелью***). Оставивъ дѣтей и видя, что хуторъ весь горитъ, разбойники бросились въ сторону, опасаясь погони. «Испугавшись, чтобъ на пожаръ не сбѣжались люди, поѣхали всѣ наскорѣ по рѣкѣ Илаваѣ, и не дождая Соломати-

*) Этотъ Сенякъ Монацковъ измѣнилъ казакамъ и бѣжалъ въ Азовъ. Когда паша спрашивала его, «что думаютъ въ черкаскомъ городѣ», онъ отвѣчалъ, что старики пьютъ-гуляютъ, «но бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ». Тогда паша, чтобъ казаки не прошли въ море, прогнала черезъ Каланчу руку цѣпи, привязавъ къ нимъ струны и «судель ихъ къ звонкимъ колоколамъ». Ни одна лодка не могла пройти, не задѣвъ за цѣпь: «тогда звонили колокола и Турки вооружались», но казаки обманули Турокъ.

**) После разбойники говорили, что атаманъ нечаянно зажегъ хуторъ: доставая со стѣны ружья, онъ поджегъ висѣвшія тамъ конопли.

***) «И я едва успѣлъ изъ чулана вынести спящихъ на постелѣ малолѣтнихъ мальчика и дѣвочку, коня и съ тою постелею отъ негорѣвца спастъ и оставилъ ихъ живыхъ», говорилъ впоследствии Шагала на допросѣ.

ныхъ хуторовъ, въ сырту, пограбленное у Думмова и Монацкова по себѣ раздуванья», говорилъ Шагала. На долю каждаго разбойника досталась довольно цѣнная добыча; награблено было столько, что каждый могъ брать изъ вещей что угодно—«брать отъ товарищей было невозбранно».

Послѣ этого набѣга шайка на-время разошлась, и каждый изъ разбойниковъ поѣхалъ въ свой домъ. Шагала съ Щербаконемъ отправились на Саматинны хутора, къ пристанодержателю Гусеву, о которомъ мы упоминали выше, и отдали ему всю добычу на сохраненіе. Шагала кромѣ того предложилъ хозяинкѣ дома, женѣ Гусева, подарокъ отъ себя, именно кумачный сарафанъ, взятый у Монацкова. На другой день разбойники еще разъ собрались у стараго Сумцова и отпраздновали удачную экспедицію, — «дѣлой день или магарычи». Шагала отправился потомъ домой, въ свою бѣдную землянку, пѣшкомъ, потому что не посмѣлъ ѣхать на краденой лошади и бросилъ ее въ салаватинскихъ займищахъ. Мѣщанинъ Светышевъ, у котораго Шагала занималъ землянку, понявъ, что вестоялецъ его не даромъ пропадалъ около десяти дней и воротился безъ лошади; что сосѣдство такого гостя, какъ Шагала, весьма опасно. Когда Светышевъ спросилъ его о причинѣ отлучки и потерѣ лошади, Шагала отвѣчалъ, что «спьянствовалъ на Илавгѣ у разныхъ знакомыхъ людей, а лошадь продалъ». — «Знать, ты не за добромъ отгуливаешь», говорилъ ему Светышевъ и велѣлъ оставить его землянку: «выбирайся вонъ изъ моего дому, чтобъ мнѣ за тебя не нажить хлопотъ». Прогнанный Светышевымъ, Шагала опять началъ бродить съ мѣста на мѣсто, перетаскивая съ собой и жену, которая ни въ чемъ не была виновата: сначала онъ жилъ у тестя, но покойная жизнь не удовлетворяла его, а бѣдность вынуждала искать средствъ для существованія. И вотъ онъ пригласилъ къ себѣ четырехъ товарищей; чтобы на слѣдующее гѣто отправиться на Елтоинское озеро лопать соль; наняли себѣ за Волгой, въ Николаевской слободѣ, землянку и поселились въ ней. Но судьба какъ бы нарочно толкала бродягу на новыя приключенія, на новыя переходы съ мѣста на мѣсто, на безконечное по бѣлу свѣту мыканье, въ которомъ вполне выражается невеселая жизнь русскаго батрака. Во время этихъ переходовъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ начались его первые разбои; исходилъ все волжское войско, батрачилъ по самымъ глухимъ заколустьямъ, и наконецъ гѣтомъ 1778 года, услышалъ, что нѣкоторые изъ товарищей его по разбою взяты подъ маршаль и преданы суду. Опасно было

возвращаться домой, и Шагала, забывъ жену и свое жалкое хозяйство, снова забирался въ глушь, пока не набрелъ на людей, которые узнали въ немъ разбойника, бывшаго въ шайкѣ Рыжато. Его поймалъ казакъ Забурунновъ, которому впоследствии Шагала заплатилъ разбоемъ за эту поимку. Войсковой старшина Савельевъ штеьми заставилъ Шагалу признаться въ своихъ преступленіяхъ, хотя не вынудилъ у него признанія въ томъ, кто онъ и откуда. Сначала Шагала говорилъ, что онъ бѣглый рекрутъ; но старые казаки уличали разбойника тѣмъ, что знали его еще маленькимъ, когда онъ жилъ въ волжскомъ войскѣ; доказывали, что онъ взросъ между ними. Савельевъ набилъ ему на ноги большія колодки и отправилъ въ Дубовку, гдѣ Шагалу и засадили въ тюрьму. Наконецъ разбойникъ повинился во всемъ, и такъ какъ дѣло о шайкѣ Рыжато производилось въ Камышинѣ, то и Шагалу отправили туда съ двумя конвойными казаками. Ночью они выѣхали изъ Дубовки, захвативъ предварительно въ кабакъ, гдѣ Шагала напоилъ конвойныхъ допьяна и самъ напился; кромѣ того онъ взялъ на дорогу, какъ самъ говорилъ, «хорошую бутылку вина», которая и спасла его въ дорогѣ. До перваго форпоста, что стоитъ въ Широкомъ буеракѣ, они доѣхали благополучно; а когда на другой день утромъ конвойные смѣнились и Шагала приближался къ балыклейскому форпосту, онъ сталъ снова понтъ своихъ караульныхъ. Наконецъ, выбравъ удобную минуту, онъ снялъ съ ноги колодку и, «ударя кулакомъ того казака, что на телегѣ сидѣлъ, по затылку такъ больно, что онъ съ телеги свалился запудумертва, ушелъ въ лѣсъ, и хотя меня другой караущикъ (верховой казакъ) и ловилъ, но не поймалъ».

Глухими дорогами Шагала пробрался на Липовы хутора, къ пристанодержателю Никольскому, бывшему яицкому казаку, перешедшему послѣ въ Волжское войско. Подобно всѣмъ яицкимъ казакамъ, Никольскій мало подчинялся стѣснительному порядку и, если самъ не всегда ходилъ на разбой, то охотно принималъ пописовую вольницу, снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ и снаряжалъ въ воровскіе походы. У Никольскаго Шагала опять встрѣтилъ извѣстнаго атамана Ивана Рыжато, вся жизнь котораго отдана была сформированію шаекъ и безконечнымъ разбоямъ. Отданный въ рекруты еще въ 1771 году, по мірскому приговору государственныхъ крестьянъ села Кріушей, симбирскаго уѣзда, онъ скорѣ послѣ приведенія къ присягѣ, бѣжалъ изъ рекрутской партіи, и восемь лѣтъ бродилъ по всему поволжью, оставая по се-

бѣ память вездѣ, куда ни заносила его кочевая жизнь понизоваго бурлака: жить онъ и у нѣмецкихъ колонистовъ за Волгой, и ломалъ соль на Егтонскомъ озерѣ вмѣстѣ съ прочей вольницей и ходилъ по Волгѣ на судахъ, былъ и въ волжскомъ войскѣ, пробрался наконецъ на Терекъ. Но на одной покражѣ опъ былъ пойманъ отцомъ того казака Забуруннаго, который изловилъ Шагалу, былъ въ Царицынѣ подъ судомъ, получилъ 6,000 ударовъ шпицъ-рутенъ, и отданъ въ царицынскій баталіонъ въ солдаты, откуда, по выздоровленіи, едва зажили на спинѣ кровавые слѣды наказанія, бѣжалъ, на третій день по опредѣленіи въ службу и увезъ съ собой еще трехъ солдатъ, сдѣлавшихся подобными ему разбойниками. У Никольскаго же Шагала встрѣтилъ еще одного разбойника, который слыгъ подъ именемъ *стародубскаго купца Якова* и былъ однимъ изъ лучшихъ пріятелей атамана Рыжаго. Естественно, что Рыжій не замедлилъ пригласить Шагалу въ свою шайку, говоря: *Есть у насъ добрые товарищи, — не хочешь ли съ нами разбойничать?* Шагалѣ ничего больше не оставалось, какъ принять предложеніе атамана, который вскорѣ и объявилъ воровской походъ въ окрестныя степи, на большія проѣзжія дороги. Шайка сошлась у Никольскаго, и Рыжій, котораго разбойники называли *предводителемъ*, повелъ товарищей прежде всего добывать лошадей: каждый взялъ узду, и шайка пѣшкомъ отправилась версть за тридцать, въ урочище Озерки, гдѣ ходилъ въ полѣ богатый табунъ войсковаго атамана Волжскаго войска Василія Персидскаго; разбойники выбрали для себя самыхъ лучшихъ коней, взяли нѣсколько казачьихъ арчаковъ съ приборомъ, ружье, дротикъ, и къ ночи воротились къ Никольскому. Однако вся шайка не въѣзжала въ хуторъ, чтобъ не обратить на себя вниманіе, а остановилась въ сосѣднемъ буеракѣ; разбойники отдали лошадей подъ присмотръ нѣкоторымъ изъ товарищей, отправились въ хуторъ и вскорѣ воротились съ полнымъ запасомъ оружія, съ винтовками, пистолетами, пиками, шашками, арчаками и прочей военной сбруей; захватили въ путь съѣстныхъ припасовъ, дорожнаго платья, осѣдали лошадей, «нарядились точно какъ казаки», и въ ту-же ночь шайка двинулась по направленію къ Волгѣ.

Рѣдко разбойники того времени избирали опредѣленное направленіе для своихъ походовъ, рѣдко имѣли въ виду лицо или мѣсто, а шли куда глаза глядятъ, били того, кто попадался, и сторожили на большихъ дорогахъ пѣшаго и коннаго; иногда впрочемъ дѣлали набѣги на какого-нибудь извѣстнаго богатаго.

человѣка, а на пути брали все, что им встрѣчалось. Рыжій повелъ свою шайку къ караванской станицѣ, гдѣ у него были знакомые, съ которыми ему нужно было переговорить. Разбойники остановились въ степи, недалеко отъ станицы, а атаманъ съ однимъ изъ разбойниковъ, котораго называла Дмитріемъ Легионнымъ, потому что онъ служилъ когда-то въ московскомъ лѣтѣ, заходилъ въ станицу на нѣсколько часовъ, откуда принесъ для шайки хлѣба и еще одинъ пистолетъ. Затѣмъ шайка направила путь къ антиповской станицѣ, все въ ту же ночь, и еще до разсвѣта, за полверсты отъ станицы, атаманъ приказалъ остановиться въ полѣ кормить лошадей, а самъ взялъ съ собою есаула и Легионнаго, и отправился съ ними въ станицу, гдѣ у него, какъ и въ Караванкахъ, были пріятель и становщикъ. На разсвѣтѣ Рыжій воротился и опять принесъ съ собой хлѣба и пару пистолетовъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, что въ тотъ день одинъ изъ его недруговъ и врагъ Шагалы, подпоручикъ Забурунновъ, поѣдетъ въ Камышину. Положено было ограбить Забуруннова. Не медя ни минуты, шайка поехала по направленію къ Камышину и остановилась въ непрокискихъ вершинахъ, гдѣ намѣревалась встрѣтить Забуруннова. Разбойники вывели лошадей на опушку лѣса и, смутавъ ихъ, пустили на поляну пастись, а сами заехали по кустамъ. Легионный назначенъ былъ часовымъ и, для наблюденія за проѣзжими, влезъ на высокое дерево, откуда видна была вся окрестность. Разбойники недолго ждали: «Ѣдетъ!» закричалъ караульный, и въ одно мгновеніе шайка была готова; всѣ сѣли на лошадей, поскакали навстрѣчу Забуруннову, едѣлаи кругъ около его кибитки и повели съ дороги въ лѣсъ, на ту поляну, гдѣ паслись ихъ лошади. Забурунновъ былъ не одинъ: съ нимъ была его жена; на нее слѣбно подѣйствовало появленіе разбойниковъ, которые впрочемъ, какъ сами потомъ увѣрили, обошлись съ своими плѣнными очень великодушно и не произнесли даже ни одного «браннаго слова». «И хотя Легионный Дмитрій (одинъ изъ самыхъ буйныхъ и дѣятельныхъ разбойниковъ) и страдалъ ево, Забуруннова, повѣсить или застрѣлать, прикладываясь нарочно изъ ружья, но какъ на то у насъ условія не было и отъ атамана приказу не отдано, а онъ, Забурунновъ, ни въ чемъ не противился, жена ево и малолѣтней слуга плакали, те, взявъ у него грабежомъ изъ кибитки денегъ двадцать одинъ рубль, саблю оренбургскую съ мѣдною оправкою одну, ружье одно, патронницу съ патронами, платокъ бумажной пестрой одинъ, да сини

съ одной лошади узду и со слуги его панжу, не чиня никакова насилія, не только побой, ниже браннова слова, выпроведа на дорогу, отпустили» *). Ограбивъ Забуруннова, они тотчасъ же оставили еще двухъ проѣзжихъ, слѣдовавшихъ въ Камышинъ, и отпали у нихъ нѣсколько денегъ. Потомъ поскакали въ горы, въ такъ-называемыя Сестренины вершины, гдѣ остановились для дувана пограбленнаго и, раздѣливъ деньги и вещи, поскакали далѣе, по направленію къ Илавль. Но едва разбойники переѣхали эту рѣчку, какъ увидѣли обозъ, подвигавшійся къ Салаватинскымъ хуторамъ. Не медля ни сколько, они поскакали на проѣзжихъ и по обыкновенію окликнули ихъ: «что за люди?» «Камышинскіе!» отвѣчали проѣзжіе торговцы и безъ сопротивленія отдались въ руки шайки. Разбойники и этихъ ограбили. Взяли нѣсколько мѣшковъ мѣдныхъ денегъ, множество платья, товару, три ружья, пороху, два казачьихъ дротика и проч. Дмитрій Легионный, какъ послѣ оказалось, и здѣсь сдѣлавъ по-своему, и ловко успѣвъ припрятать отъ товарищей одинъ мѣшокъ съ деньгами. Впрочемъ и съ этими ограбленными жертвами, какъ съ Забурунновымъ, разбойники обошлись ласково, «не дѣлая имъ никакова зла (!) и побой, потому что они не противились».

Послѣ этого нападенія шайка болѣе двухъ дней оставалась въ лѣсу, околу рѣчки Песковатки, гдѣ пропознелъ новый дуванъ денегъ и пограбленной «пажити», и какъ добыча была очень богата, то въ дележъ шли только деньги, а все прочее дозволено было брать сколько душѣ угодно. Два старыхъ ружья бросили въ Песковатку, потому что въ хорошемъ оружіи уже никто не чувствовалъ недостатка, а съ лишнимъ неудобно было возить въ быстрыхъ походахъ и въ постоянныхъ ожиданіяхъ погонн. Разбойники потому оставались такъ долго на одномъ мѣстѣ, что двое сутокъ шелъ проливной дождь, да кромѣ того нужно было припрятать часть добычи, а иначе трудно было таскать съ собой и мѣшки съ деньгами, и лишнія вещи. Шайка разбрелась по лѣсу и каждый пряталъ свои деньги и свою пажить отдѣльно, таясь отъ товарищей, потому что какъ ни дружна была шайка во всякомъ нападеніи, какъ ни строго таилась тайна ихъ общаго дѣла, однако никто не рѣшался повѣрить своей доли другому: они прятали ее кто куда разсудилъ, таясь одинъ отъ другаго, зарывая въ землю, а пивые по малому

*) Взять былъ также у Забуруннова смятокъ серебра, но кто-то изъ разбойниковъ утаилъ его.

дѣлу оставляли и при себѣ». Только Шагала не зарылъ своихъ денегъ, тайно придумывая, какъ-бы покинуть шайку и пробраться въ свою землянку, къ жевѣ, которую онъ такъ давно бросилъ на произволъ судьбы. Для этого онъ передалъ артели, что ему необходимо побывать въ Камышинѣ, записаться хорошей «сбруей» и порохомя, и просилъ товарищей отпустить его на время. Шагала былъ отпущенъ. Тогда Рыжій повелъ свою шайку за Илавлю, въ глухія медвѣдичьи и саратовскія степи, гдѣ лежала торговая дорога изъ верховыхъ городовъ къ Поволжью; между тѣмъ и самая необходимость требовала немедленно удалиться отъ предѣловъ волжскаго войска, потому что слухи о шайкѣ Рыжаго начали переходить изъ устъ въ уста, и какъ мы прежде видѣли, со всѣхъ сторонъ на Илавлю наряжены были разбѣздныя команды, по селамъ и хуторамъ разсланы были нарочные съ повѣстками, вездѣ читались приказы объ истребленіи разбойниковъ и каждая община обязана была ловить ихъ, указывать ихъ становщикамъ и выдавать тѣхъ и другихъ правительству. Но въ красноярскомъ юрту, недалеко отъ Медвѣдичы, Рыжій снова напалъ на проѣзжихъ Малороссянъ и захватилъ богатую добычу деньгами. Недѣли двѣ онъ держалъ въ осадномъ положеніи всѣ красноярскіе хутора, бралъ съ нихъ поборъ баранамъ и хлѣбомъ; потомъ онъ заворотилъ свою шайку на югъ и привелъ ее къ своему становщику Никольскому, на Липовы хутора; снова произвелъ дѣлежъ награбленныхъ денегъ, арчаки велѣлъ побросать въ буеракъ, сбрую и оружіе раздать, лошадей снова пустить въ табунъ, а товарищей по домамъ, то есть, велѣлъ имъ идти куда кто вздумаетъ, пока снова они ему не понадобятся.

Скоро мы увидимъ, что Рыжій опять встрѣтится съ своими товарищами.

VII.

Мы оставили Шагала на илавлинской степи, у рѣчки Песковатки, гдѣ разбойники шайки Рыжаго зарыли въ землю свои деньги. Получивъ согласіе артели на проходъ до Камышина, Шагала поѣхалъ вдоль Илавли, по направленію къ городу, однако, сознавая опасность своего положенія, не думалъ скоро возвращаться къ жевѣ, а желалъ какимъ-бы то ни было образомъ скрыть слѣды своихъ преступленій и рѣшился укрыться въ такихъ мѣстахъ и между такими людьми, которые его не знали. Не оставалось ничего болѣе, какъ бросить хотя на время, ре-

месо разбойника и выждать, чѣмъ кончится дѣло всей шайки. У Петрушинныхъ хуторовъ, за 25 верстъ отъ Камышина, Шагала сошелъ съ своего коня, снялъ съ него сѣдло и пустилъ въ поле на свободу; свои разбойничьи доспѣхи, — ружье и пику, вмѣстѣ съ арчакомъ, спрятали въ терновые кусты, чтобы оружіе не могло никому попасться на глаза и навести на слѣды преступленій. Мѣшокъ съ деньгами, доставшимися ему по дувану, онъ перекинулъ черезъ плечо, въ видѣ котомки, и опять, какъ бродяга переходжій, потащился пѣшкомъ по глухимъ проселкамъ, обошелъ стороной тѣ мѣста, гдѣ могли узнать въ немъ разбойника, оставилъ вправѣ Камышинъ и выбрался на саратовскую дорогу. Когда Камышинъ остался въ сторонѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣста походовъ шайки Рыжаго, тогда, наконецъ, товарищи не могли уже нагнать его, еслибъ и вздумали, Шагала рѣшился отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ: забравшись въ канаву, оставшуюся еще отъ шлюзныхъ работъ при Петрѣ I, когда думали соединить Волгу съ Дономъ, Шагала пролежалъ подъ землянымъ валомъ цѣлыя сутки. Около нѣмецкой колоніи Каменки онъ зарылъ въ землю свои деньги и снова сталъ такимъ же батракомъ, какъ былъ прежде, нанявшись къ колонистамъ косить сѣно. Затѣмъ онъ подрядилъ какого-то гусара, продававшаго по колоніямъ деготь, отвезти его въ Саратовъ; изъ Саратова онъ переправился за Волгу, жилъ въ Покровской слободѣ, косилъ траву и жалъ хлѣбъ у тамошнихъ Малороссійянъ; затѣмъ сѣлъ на судно и поплылъ къ Царицыну, гдѣ жизнь все-таки была вольнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ понизовые бурлаки могли скрыть и пріютить своего товарища бездомнаго, гдѣ можно было день проводить за работой, а ночью грѣться на разбойничьемъ притонѣ, у горящаго костра. Потомъ судьба занесла его къ одному польскому переселенцу, Петру Полякову, жившему на рѣчкѣ Пичугѣ своимъ хуторомъ, недалеко отъ Царицына. Поляковъ хотѣлъ уже Шагалу записать въ «Малороссійскій окладъ», въ число приписныхъ обывателей Царицына, и Шагала соглашался навсегда остаться въ этихъ мѣстахъ, и конечно вызвалъ-бы къ себѣ жену, — какъ появились изъ Царицына полицейскіе сыщики, разосланные по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ, потому что разбойничьи шайки и безпаспортные наводнили всѣ окрестности города, все среднее и нижнее поволжье и наконецъ всѣ степныя равнины между Дономъ, Медвѣдицей, Хопромъ, Бузулукомъ и Илавлей. Шагала долженъ былъ снова покинуть это покойное мѣсто и снова бродить по бѣлу свѣту. «И сошелъ

я въ Качалпнскую станицу (говорилъ Шагала присутствующимъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ), и тамъ работалъ по-дневно на пристани до самой глубокой осени, и какъ уже работы не стало, то сошегъ я оттуда Донскаго жъ войска въ Лавлинскую станицу и, побывъ тамъ съ недѣлю, видя, что наступать стала зима, а безъ пашпорта нигдѣ держать не стануть, взялъ намѣреніе возвратиться въ домъ къ тестю своему Бобылю Рускому, и въ своихъ разбойныхъ дѣлахъ привести повинную въ дмитріевской гражданской канцеляріи, почему и шелъ, пробираясь Илавлею рѣкою, и сколь скоро пришелъ въ Княжіе хутора, то тѣхъ, малороссійской десятинкъ Прокофей Поташевъ, имѣя отъ канцеляріи и отъ полиціи о поимкѣ меня давно публикаціи съ прочими мірскими людьми взялъ подъ караулъ и привезъ сюда въ городъ, въ малороссійское громацкое правленіе, а изъ онаго при рапортѣ атамана Ильи Косенка представляетъ въ дмитріевскую гражданскую канцелярію. Окромѣ вышезначушихъ разбоевъ, въ другихъ злодѣйствахъ ни гдѣ и ни съ кѣмъ я не бывалъ, смертныхъ убивствъ и пожеговъ не чинилъ, воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей, также бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ не знаю, да и что я на значушихъ разбояхъ былъ, про то жена моя Анна, Алексѣева дочь, ея отецъ а мой тестъ Бобыль Алексѣй Русковъ подлинно никакъ не вѣдаютъ, потому что я къ нимъ ничего изъ воровства не приносилъ, и бывающіи въ отлучкахъ, сказывалъ имъ, что находясь въ работахъ, и въ семь допросѣ объявляю самую истинную правду?»

Такъ заключилъ онъ свои показанія, не зная, что сказать объ атаманѣ Рыжемъ и о судьбѣ его шайки, хотяшима Шагалы и Сумцова наводила начальство на слѣдъ прочихъ разбойниковъ. Впрочемъ Рыжій и не думалъ измѣнять образъ жизни, а составлялъ уже новые планы, ничего не зная объ участи Шагалы. Распустивъ свою шайку и простившись съ нею у пристанодержателя Никольскаго, Рыжій оставилъ при себѣ только Дмитрія Легіоннаго и стародубскаго купца Якова, которые всегда были самыми вѣрными его товарищами. Личность Легіоннаго сама по себѣ представляетъ очень интересное явленіе, какъ типъ разбойника прошлаго вѣка, и какъ онъ еще не разъ встрѣтител намъ впоследствии, то ны и скажемъ о немъ нѣскольکو словъ. — Настоящее имя этого человѣка Дмитрій Писковновъ. Родился онъ между явскими козаками, въ явской крѣпости и первыя впечатлѣнія, окружавшія его дѣтство, были вѣчныя неурядицы и

воисковныя skutы, бутты и рѣзня на уличахъ, вольныя глѣши и недовольство всѣмъ, что нѣсколько и ибшае разину и привольчней свободѣ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ его оставилъ войско и перекочевалъ въ медвѣдицко-доперокскія степи, взявъ съ собою ребенка. Онъ поселился въ Баладвинскомъ городкѣ, за Медвѣдницей, гдѣ черезъ десять лѣтъ умеръ, оставивъ сына круглымъ сиротой. Сынъ Фредяги, дѣвятнадцатилѣтній Димитрій не хотѣлъ оставаться на мѣстѣ, а пошелъ искать счастья на-сторонѣ, потому что ему было все равно гдѣ ни жить, только бы никто не стѣснялъ его привычной воли. Малодой бродяга пошелъ въ поволжье, гдѣ такую завидную славу нашла собѣ понизовая волыница, и сталъ шататься между волжскими казаками, занимаясь въ работу не надолго и не давая своей воли въ тяжкую кабалу. Напаялся потомъ въ казаки, въ военную службу, но не болыше какъ на годъ, и отправился въ Саратовъ. Въ то время черезъ Саратовъ проходилъ Пугачовъ съ своими оборванными полками, оборванными полковниками и бородатыми генералами, и Песковиковъ взялъ былъ въ его армию вмѣстѣ съ другими. Недалеко отъ Царицына онъ оставилъ Пугачова за болѣзнию и воротился къ своимъ прежнимъ знакомымъ, въ волжскія казаки, гдѣ оставался недолго, переходя то къ Волгѣ, то на Илавлю, то на Медвѣдицу; былъ снова въ Баладвинскомъ городкѣ, гдѣ жилъ прежде съ отцомъ, потомъ опять явился въ поволжье, доходя собственнымъ опытомъ, что не такъ легка и весела жизнь понизовой волыницы, какъ ему казалось прежде. Одинъ казакъ предложилъ ему назваться своимъ сыномъ, съ тѣмъ чтобы вмѣстѣ этого сына водъ его писемъ записаться въ казаки въ Московскій легіонъ; объ этомъ просилъ его и атаманъ Ошенинъ (тотъ самый, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ разбойничьимъ атаманомъ Наумомъ Фалиновымъ),—и Песковиковъ продалъ себя, лишь бы только имѣть какое-нибудь имя и не быть бродягой, котораго всякій можетъ и задерживать, и допрашивать, и кутать. Но и въ легіонѣ онъ оставался недолго и, подговоривъ нестнаддаты подобныхъ себѣ товарищей, захватилъ казачьи лошадей, бѣжалъ съ ними изъ легіона, когда отрядъ ихъ нападился на рѣчкѣ Саргѣ. Бѣжавъ изъ войска, они по какой-то странной прихоти, тогда же выѣхали въ Дубовку и добровольно явились къ начальнику волжскаго войска, старшинѣ Самалеву, который, разумѣется, немедленно отправилъ ихъ въ Царицынъ. Дезертеры отданы были водъ караула, но Песковиковъ, взявъ съ собою нѣсколько человекъ.

арестантовъ и тѣхъ же лошадей, на которыхъ они ушли изъ региона, снова вырвался на свободу и сталъ разбойникомъ. Красноярская степь, между Волгой и Медвѣдицей, глухая и ровная, перерѣзанная дорогами и усѣянная сторожевыми курганами. представляла удобное поприще для разбоевъ, и товарищи Посконнова отправились на эту степь, хотя самъ онъ почему-то не могъ ѣхать съ ними. Пошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ по Ила въ и по берегу Волги, Посконновъ снова по какой-то непонятной прихоти, точно въ насмѣшку, добровольно явился къ старшинѣ Савельеву, въ Дубовку, и, само собою разумѣется, отправленъ былъ подъ карауломъ въ Царицынъ вмѣстѣ съ другими колодниками. Изъ Царицына онъ опять бѣжалъ изъ подъ-караула и уже не явился ни къ кому съ повинной. Въ это время онъ столкнулся съ атаманомъ Рыжимъ, разбойникомъ Шагалай, стародубскимъ купцомъ Яковомъ и прочею вольницей шайки Рыжаго. Стародубскій купецъ — это личность нѣсколько загадочная, хотя нѣтъ сомнѣнiя, что имя это было вымышленное. Онъ такъ хорошо зналъ повожье, всѣ входы и выходы, что служилъ проводникомъ своей шайки, и Рыжій съ Лѣгионнымъ, послѣ разлуки съ товарищами, воспользовались его знанiемъ мѣстности.

Стародубскій купецъ провелъ атамана и Лѣгионнаго къ Волгѣ, гдѣ они выше балыклейской станицы, переправились на дубовую сторону, чтобы укрыться отъ преслѣдованiй. Двѣ недѣли они жили въ лѣсу, ничего не предпринимая, и потомъ отправились въ Верхнiй Погроменскiй городокъ, что на Ахтубѣ, и нашли прiютъ у одного цѣловальника. Скучая праздною жизнью, единственной цѣлю которой были разбой, они снова начали думать о томъ, какъ бы наполнить эту жизнь подвигами, сообщившими съ ихъ наклонностями; снова начали сходиться и толковать о разбойныхъ дѣлахъ, о вербованiи новыхъ товарищей въ свою семью; снова являлись на нагорной сторонѣ Волги заходили къ знакомымъ и становщикамъ, узнавали о томъ, гдѣ и какъ устроились ихъ прежнiе сподвижники. Особенно любили они собираться въ саду одного царицынскаго офицера, Носкова, на рѣчкѣ Пичугѣ, гдѣ ихъ радушно принималъ дворовой чело-вѣкъ этого офицера, Сергѣй Гавриловъ, старый знакомый стародубскаго купца. Между тѣмъ этотъ послѣднiй успѣлъ записаться въ число крестьянъ ахтубинскаго шелковичнаго завода, «за взятку» начальствомъ его денегъ; другой разбойникъ изъ шайки Рыжаго, тоже перебравшiйся за Волгу, въ ахтубинскiй городокъ, сблизился съ тамошнимъ священникомъ, нашелъ себѣ

невѣсту, и женился на ней. О разбояхъ стали было забывать; но въ концѣ 1778 года, на святкахъ, Рыжій принесть къ мнимому стародубскому купцу и говорилъ: «Пичужинскіе ребята зовутъ меня на разбой, разбивать обозы»... «А еще есть здѣсь бывший съ нами Димитрій Легіонный» сказалъ купецъ,—и пріатели порѣшили дѣло скоро. Легіонный успѣлъ отыскать еще двухъ товарищей, бывшихъ прежде въ шайкѣ Рыжаго, а самъ атаманъ, при помощи извѣстнаго уже намъ двороваго человѣка офицера Носкова, жившаго въ саду, успѣлъ подговорять новыхъ разбойниковъ съ пичужинскихъ хуторовъ, именно Малороссіянъ Збойкова и Мирошника. Это тѣ именно «пичужинскіе ребята», о которыхъ онъ говорилъ стародубскому купцу. 28 декабря разбойники собрались въ саду Носкова, запаслись оружіемъ, провизіей, и въ тотъ же вечеръ выѣхали на разбой.» Поберегите себя и меня, — сказалъ имъ Сергій Гавриловъ, провожая изъ сада. Разбойники заѣхали въ мечетнискіе хутора, гдѣ захватили съ собой другихъ товарищей, трехъ человѣкъ, которые имѣли при себѣ по пистолету и одинъ дробикъ. Утромъ 29 числа они направились къ Царицыну, встрѣтились на дорогѣ съ знакомымъ Полякомъ Мукосѣевымъ (или Бугай), который снабжалъ ихъ порохомъ и сказалъ, подобно Сергію Гаврилову: «берегитесь сами и меня берегите!» Проѣзжая чрезъ Царицынъ, они взяли вина и отправились внизъ по Волгѣ.

Въ первый же день, къ ночи, разбойники нагнали на берегу рѣки обозъ, слѣдовавшій изъ Москвы въ Сарепту съ товарами, отправленнымъ въ эту колонію членами сарептскаго евангелическаго братскаго общества. При обозѣ, кромѣ поставщиковъ, коломенскихъ крестьянъ княгини Черкасской и графини Скавронской, находилось десять человѣкъ рабочихъ. «Съ чѣмъ и куда ѣдете?» спросили по обыкновенію разбойники, поровнявшись съ обозомъ.—«Съ котлами и краскою въ колонію,» отвѣчали изъ обоза. Когда наступила ночь, разбойники напали на обозъ — «выпала по нихъ начали бить, разбивать и выпрагать изъ возовъ лошадей». Ограбили у нихъ деньги, и продолжали наистовствовать, какъ вдругъ услышали вдали звяканье почтоваго колокольчика. Вскорѣ замѣтили, что скачетъ курьеръ, а за нимъ цѣлый рядъ экипажей. То ѣхалъ изъ Астрахани въ Петербургъ тогдашній астраханскій губернаторъ Иванъ Варолюхѣвичъ Якобій. Надо замѣтить, что путешествіе знатныхъ особъ прошлаго вѣка совершалось огромными кортежами, въ со-

привожденіи вооруженныхъ отрядовъ, курьеровъ, цѣлаго гнѣта чиновниковъ и всякаго рода прислуги. Поѣздъ Якобія смутить разбойниковъ, такъ что они окончательно растерялись, особенно когда узнали, что ѣдетъ такая важная особа, какъ губернаторъ: «тѣ разбойники обрѣвъ и оставя въярженныя у нихъ (у обозчиковъ) лошадей и еще одну свою съ двумя саблями и въ омыкъ широкіи, калачи, шапки, рукавицы и дротикъ, выстрѣли по обозу его превосходительства одинъ разъ, всё разбѣжались.» Дѣйствительно, не смутился одинъ только Димитрій Легионный, повидимому никогда неунывавшій; онъ выстрѣлилъ въ поѣздъ Якобія, — и затѣмъ всё разбойники, безъ шапокъ, несмотря на морозную ночь, бросились въ горы. Вслѣдъ за ними нескочала погоня, но ни одного разбойника не поймали.

Это былъ первый неудачный разбой шапки, предводительствуемой атаманомъ Рыжымъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе неудаченъ, что самъ атаманъ, вслѣдствіе этого несчастнаго происшествія, лишился свободы.

На другой день утромъ ограбленные извозчики подали царницкому коменданту объявленіе о вѣдомомъ происшествіи; представлены были, по приказанію Якобія, покиннутыя разбойниками сабли, шапки и прочія вещи; сквачены были какіе-то подозрительные люди и приведенъ какой-то мальчикъ, показаніями котораго надѣялись открыть слѣды преступниковъ. Самъ Якобій допрашивалъ ихъ, но ничего не могъ узнать *). Тогда Якобій лично приказалъ коменданту Цыплетеву изслѣдовать это дѣло особой комиссіей и отыскать неизвѣстныхъ разбойниковъ. Началось самое дѣятельное слѣдствіе, какое когда-либо производилось надъ разбойниками.

Въ рукахъ слѣдователей находилась нить, по которой они могли дойти до раскрытія истины. Явилось подозрѣніе, что между неизвѣстными разбойниками и обывателями пичужинскихъ хуторовъ, людьми довольно сомнительнаго поведенія, существовала связь и это обстоятельство указало на слѣдъ преступничества. Въ день пріѣзда Якобія въ Царницынъ, 30 декабря, отправленъ былъ на пичужинскіе хутора капитанъ Дударь, которому поручалось вывѣдать что-либо о разбойникахъ. Прискакавъ на хуторъ, Дударь взялъ въ квартиру къ одному тамошнему Ма

*) Но некоторымъ уликамъ приведенныя вѣдомства царницкой всеводской канцеляріи бобыли Каша Васильева дѣти бывшій съ ними мальчикомъ были присутствіи его превосходительства доказываны, и въ томъ разбоѣ не признались. Сколько и намъ извѣстно, никакихъ Васильевыхъ въ шапкѣ Рыжого не было.

малороссіянина и показалъ ему оставшіяся разбойниками шапки, говоря, что нашелъ ихъ на дорогѣ. Въ одной изъ нихъ хозяйки и его жена узнали шапку Малороссіянина Збойкова. За нимъ послали. Оказалось, что Збойкова не было въ хуторѣ, а когда привели его жену, то она сказала, что 29 декабря мужъ ея съ самаго утра уѣхалъ въ Царицынъ и не возвращается оттуда; когда же показали ей шапку, то сначала она отказывалась отъ нея, а потомъ призналась, что шапка эта дѣйствительно принадлежала ей мужу. Дѣлая обыскъ по домамъ, Дударь нашелъ на дворѣ у одного Поляка, именно у Мукосѣева, какое-то сѣдло съ уздой, и Мукосѣевъ говорилъ, что онъ не знаетъ, кому принадлежатъ эти вещи. Вслѣдствіе разныхъ подозрѣній, Дударь захватилъ болѣе десяти человекъ, которые казались ему сомнительными, и привезъ въ Царицынъ. Начались допросы, пытки, пытанья, очные ставки. Всѣ единодушно показывали, что шапка принадлежитъ Збойкову. Тогда явилась одна царицынская солдатка, Аксинья Драконова, и объявила, что 30 декабря, рано утромъ, еще на зарѣ, пріѣхалъ къ ней Збойковъ, верхомъ и безъ шапки; лошадь была въ комутѣ и вся въ поту; на вопросы Драконовой онъ отвѣчалъ, что нанимался буд-то бы у верховыхъ ямщиковъ, за усталю ихъ лошадей, подвозить ихъ кладъ къ Царицыну; что шапку потерялъ на Волгѣ, уснувъ въ саяхъ во время ѣзды. Потомъ ушелъ на базаръ купить себѣ навою шапку и заходилъ къ подиоручнику Носкову, откуда пришелъ уже въ шапкѣ и тотчасъ уѣхалъ со двора. Начались новыя послышки за подозрительными людьми, снова брази царицынскихъ жителей, обвиняемыхъ въ пристанодержательствѣ. Изъ-за какого-то несоблюденія пустой формальности едва не поссорились главные начальственные лица Царицына едва не потеряны были слѣды разбойниковъ; изъ-за того, что комендантъ отнесся къ воеводѣ не «промемерією», а ордеромъ, воевода не хотѣлъ оказывать содѣйствія коменданту въ розыскѣ разбойныхъ людей и писалъ этому послѣднему, что-де по указамъ ея императорскаго величества, въ случаѣ какого воеводскихъ канцелярій съ комендантами сношенія, переписку по законамъ имѣть велѣно благопристойно, сообщеніями, а не ордерами; и такъ-де царицынскою канцелярією опредѣлено—присланный отъ него, коменданта, къ царицынскому воеводѣ ордеръ, съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства, отослать обратно,.... чтобъ онъ никогда впредь воеводу не ордировалъ, а присылать быне на ево одно лицо, но въ воеводскую канцелярію сооб-

щенія, ибо-де оиъ никакого особаго присутствія, кроѣ воеводской канцелярїи не имѣеть».

Но въ то время, когда возникъ этотъ забавный споръ между царьцынскими властями, начальникъ волжскаго войска, войсковою старшина Совеельевъ прислалъ въ Царьцынъ трехъ разбойниковъ, нойманныхъ выше Дубовки, именно: самого атама Рыжого Збойкова и Мирошниковъ. За Димитріемъ Легионнымъ, стародубскимъ купцомъ и еще однимъ разбойникомъ, какимъ-то Николаемъ, посланъ былъ изъ Дубовки розыскъ за Волгу въ погроменскій городокъ; партія посланныхъ имѣла при себѣ одного изъ пойманныхъ разбойниковъ, который долженъ былъ уличить своихъ товарищей.—Однако погроменскіе крестьяне не допустили эту партію до розысковъ и она воротилась въ Дубовку, не сдѣлавъ ровно ничего; точно также ровно ничего не сдѣлалъ офицеръ, отправленный главнымъ смотрителемъ ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, надворнымъ совѣтникомъ Рычковымъ, хотя поиски были произведены по всѣмъ ахтубинскимъ селеніямъ. Тогда взяли къ допросу женъ, замѣшанныхъ въ дѣло обывателей, Збойкова и Мукосѣева, и онѣ уличили разбойниковъ въ томъ, въ чемъ тѣ не сомнѣвались, и навели на слѣдъ другихъ преступленій. Онѣ подробно рассказали, какъ разбойники собирались въ путь, какъ совѣтовались между собою и какое участіе принимали жены въ дѣлѣ своихъ мужей. Жена Збойкова говорила, что работникъ Мукосѣева, Иванъ Мирошниковъ, передъ походомъ на разбой, ночевалъ у нихъ въ домѣ съ 27 на 28 декабря, потомъ пробылъ съ ея мужемъ весь день и уже вечеромъ, послѣ ужина, ходилъ къ своему хозяину, откуда возвратился въ полночь; тутъ они говорили о предстоящихъ разбояхъ, снова ночевали вмѣстѣ, а рано утромъ, 28 декабря, Збойковъ взялъ у Мукосѣева сани, приготовилъ все къ поѣздкѣ, взялъ также два пистолета, которые принесла въ ихъ домъ жена Мукосѣева и вручила разбойникамъ. Черезъ два дня послѣ ихъ отъѣзда, пришелъ къ Збойковой садовникъ офицера Носкова, Сергѣй Гавриловъ, и сказалъ, что мужъ ея и разбойникъ Мирошниковъ, послѣ неудачнаго погрома на Волгѣ, едва бѣжали отъ погони, и теперь лежатъ у него въ саду; Гавриловъ принесъ ей муки и денегъ и обѣщалъ, что самъ Збойковъ будетъ къ ней черезъ два дня. Жена Збойкова вмѣстѣ съ тѣмъ призналась, что въ 1777 году, 26 октября (именно въ то время, когда атаманъ Рыжій вывелъ въ поле свою шайку), мужъ ея и еще два другіе Малороссіянина ограбили въ Сарептѣ лавку съ красными товарами и привезли съ собою

множество суконъ, бархату, полупису, китайки, канифасу и проч.

Съ каждымъ днемъ число оговоренныхъ возрастало и съ каждымъ днемъ открывались новыя обстоятельства, показывавшія, какіе страшные беспорядки и какія темныя дѣла творились въ той части поволжья, съ исторіей котораго связано имя понизовой вольницы. Не было почти ни одного дома, въ которомъ не нашелся бы слѣдъ какого-нибудь запутаннаго происшествія, тайныхъ преступленій, участниками которыхъ были не одни понизовые бурлаки, но и другія лица, повидимому, неимѣющія съ ними ничего общаго.

Самыя мѣстныя власти являются далеко нечистыми отъ подозрѣній. Не станемъ раскрывать всѣхъ скучныхъ подробностей дѣла, связаннаго съ именами Рыжаго, Збойкова, Мирошникова, Шагалы и прочихъ, разбирать запутанныя отношенія властей къ подсудимымъ, какъ напр. офицера Носкова къ вору Збойкову, царицынскаго воеводы Фатьянова къ другимъ ворами, подобнымъ этому послѣднему. Довольно того, если мы скажемъ, что Носковъ, въ качествѣ слѣдователя, воруетъ у воровъ краденые товары, шьетъ себѣ изъ нихъ казакины и плисовые штаны, учить воровъ ложной присягѣ, потомъ безстыдно обманываетъ и ихъ и своихъ главныхъ начальниковъ. Для насъ, конечно, важно и то, какъ подсудимые являются въ праздникъ къ воеводѣ съ *поздравленіями*, — но все это не относится прямо къ исторіи понизовой вольницы, а характеризуетъ другія стороны русской жизни, которыхъ мы, до времени, не намѣрены касаться. Было бы весьма утомительно передавать здѣсь всѣ мелкія подробности безчисленнаго множества злодѣяній, открытыхъ по слѣдствию; каждый изъ взятыхъ въ судную комиссію былъ виновенъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; у cadaго былъ за душой хотя одинъ мелкій нечистый поступокъ и болѣе или менѣе тяжелый грѣхъ. Но лицъ этихъ такъ много, проступки cadaго такъ разнообразны, что нѣтъ никакой возможности все исчислить и привести въ порядокъ. Намъ остается только указать на нѣкоторыя отдѣльные факты изъ жизни этихъ разбойниковъ и только на личности болѣе крупныя. Мы обходимъ молчаніемъ частныя дѣйствія такими лицъ, какъ Збойковъ, Гавриловъ, Мукосѣевъ или Бугай, офицеръ Носковъ со всей своей командой, старостами и разсылными, потому что иначе пришлось-бы заносить на страницы исторіи сотни и тысячи такихъ разбойниковъ, безъ которыхъ болѣе видныя личности сами-по себѣ какъ-то блѣднѣютъ, сту-

шевываются, теряют ту драматическую обстановку, которая сопровождает каждый момент их жизни. За атаманомъ Рыжимъ, Димитріемъ Легіоннымъ и другими, просятся на сцену историческихъ воспоминаній сотни второстепенныхъ атамановъ, у которыхъ были свои шайки, свое поприще и свои жертвы. Вся сущность картины состоитъ въ подробностяхъ, въ мельчайшихъ эпизодахъ, такъ что нѣтъ никакой возможности объять ее разомъ; чтобъ разомъ видѣть всю ея драматичность и жизненность, надо вглядываться близко въ отдѣльныя личности, которыхъ такъ много, что память не можетъ удержать ихъ, — и только такимъ образомъ историкъ и читатель могутъ составить понятіе о цѣлой эпохѣ, ея характерѣ и преобладающихъ стремленіяхъ общества. — Подобно огромной картинѣ, изображающей битву двухъ многочисленныхъ армій, когда войска смѣшались въ общемъ рукопашномъ бою и когда издали ничего не видно, кромѣ дыму, пыли, кое-гдѣ сверкающихъ оружій и крови, и когда даже опытный глазъ полководца не можетъ угадать, на чьей сторонѣ побѣда, — значеніе изображеннаго понимается не въ общемъ видѣ, а въ отдѣльно-поставленныхъ группахъ...

Но возвратимся къ фактамъ. Показанія разбойничьихъ женъ навели комиссію на слѣдъ другихъ преступленій, уже забытыхъ или искусно замаскированныхъ; они разоблачили поступки Збойкова, Мирошниковъ, Мукосѣева и нѣсколькихъ десятковъ другихъ воровскихъ людей, изъ коихъ мы остановимся лишь на личности Мирошниковъ, потому что впоследствии въ 1781 году, мы узнаемъ его, вмѣстѣ съ Димитріемъ Легіоннымъ, въ шайкѣ атамана Дегтяренка, подъ другимъ уже именемъ. Мирошниковъ родился въ Землѣ Войска Донскаго, въ Михайловской станицѣ» и тамо (говорилъ онъ самъ о себѣ), по воспитаніи матерью Анисьею Васильевою, которая волею Божіею умре, остался послѣ ея осмилѣтъ, и будучи тамъ, жителство имѣлъ у разныхъ людей». Это былъ такой же бездомный бродяга, сирота, безъ родныхъ и доброжелателей, какъ и Димитрій Легіонный. Подобно Легіонному, онъ блуждалъ съ мѣста на мѣсто, и нигдѣ не находилъ покоя: вѣчный батракъ, питавшійся поденной работою и голодавшій иногда по цѣлымъ днямъ, онъ не могъ даже выработать столько, чтобы купить себѣ землянку въ десятокъ рублей. Тяжелая жизнь выгоняла его на разбой, потому что терять ему было нечего, кромѣ жизни, которая была такъ некрасна, что онъ цѣнилъ ее очень дешево. Сначала бродяга началъ воровать; былъ пойманъ на воровствѣ, отпущенъ изъ

подъ караула по доброжелательству часто - упоминаемого офицера Носкова, — и наконецъ поступилъ въ шайку Рыжаго, съ которымъ и пойманъ послѣ неудачнаго разбоя на Волгѣ. Вмѣстѣ съ ними и по ихъ улткамъ перебивалъ въ судной комиссіи десятки лицъ, которыхъ или судили въ комиссіи, или отсылали въ воеводскую канцелярію, смотря по сословіямъ, къ которымъ принадлежали подсудимые. Главныхъ разбойниковъ и находившихся съ ними въ сношеніяхъ обывателей разсадили по разнымъ казаматамъ: атаманъ Рыжіи сидѣлъ у предтеченскихъ воротъ вмѣстѣ съ прочими колодниками; Сергѣи Гавриловъ, Мирошниковъ и другіе — на гауптвахтѣ, а Мукосѣевъ, Збойковъ и ихъ жены содержались у царцынскихъ воротъ. Шагала между тѣмъ сидѣлъ въ камышинской тюрьмѣ и скрывалъ свои отношенія къ атаману Рыжему. Случайно обличилась его связь съ этой шайкой. Офицеръ Забурунновъ, ограбленный Рыжими во время поѣздки въ Камышинъ, въ половинѣ января 1779 года, пріѣхалъ за чѣмъ-то въ этотъ городъ и зашелъ на тамошнюю гауптвахту по знакомству съ караульнымъ офицеромъ. Находясь тамъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ тюрьмы вели — «видно-де по тогдашнимъ морозамъ для обогрѣнія въ колодничью караулку — колодника», который находился въ шайкѣ Рыжаго и, вмѣстѣ съ прочими, грабилъ Забуруннова въ широкинскихъ вершинахъ. Забурунновъ заявилъ объ этомъ кому слѣдуетъ, и Шагала разоблачилъ всѣ похождения своихъ товарищей и въ томъ числѣ свои собственныя, такъ что для слѣдователей открылись новыя обстоятельства, о которыхъ они не знали.

Но въ самый разгаръ царцынскаго слѣдствія Рыжіи бѣжали изъ казамата. Популярность этого человѣка, его слава какъ разбойника и прежніе искусные побѣги изъ рекрутской партіи и изъ батальона, недаромъ заставляли царцынское начальство опасаться, чтобы Рыжіи не ушелъ снова. Едва только атаманъ привезенъ былъ изъ Дубовки и посаженъ въ казаматъ у предтеченскихъ воротъ, какъ изъ комендантской канцеляріи уже данъ былъ приказъ стоящему въ караулѣ старшему оберъ-офицеру, чтобы непремѣнно были осмотрѣны на разбойникахъ ножны деревянныя колодки и желѣза и «буде окажутся не суть въ твердости (говорилось въ приказѣ), оныя подкрѣпить, а притомъ, дабы чрезъ злодѣйской ихъ вымыселъ не могли учинить побѣга, *черезъ часъ надсматривать* и никого изъ постороннихъ людей къ нимъ не допускать и всегда содержать въ совершенной строгости, по законамъ; для чего и набить *на однихъ только мужиковъ* наручни и каждое утро въ запискахъ особо объ нихъ по-

казывать». На другой день отданъ былъ новый строжайшій приказъ всѣмъ караульнымъ офицерамъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что «по важности ихъ (разбойниковъ) преступлений, непременно надлежитъ къ строгому за ними присмотру прикомандировать въ городской караулъ одного офицера», кромѣ стоявшихъ уже тамъ; что офицеры эти должны содержать «важныхъ разбойниковъ подъ настрояйшимъ карауломъ и притомъ никого къ нимъ для разговоровъ постороннихъ людей не допускать, дабы сіи злодѣи не могли какимъ случаемъ изъ-подъ караула учинить побѣга», и т. д. Потомъ сочли нужнымъ дать и третій приказъ, чтобы разбойники разсажены были вновь, по-списку, «въ кордегаріи» и, кромѣ часовыхъ, стояли бы при нихъ постоянно «два притина» и проч. Однако, несмотря на всѣ эти предосторожности, Рыжій бѣжалъ, хотя этотъ послѣдній побѣгъ, какъ и послѣдній разбой, былъ для него вполне несчастливъ: — не даѣе какъ черезъ два дня Рыжій былъ пойманъ за Волгой и снова присланъ въ Царицынъ. Онъ бѣжалъ 21 февраля, ровно въ полночь. Надо имѣть необыкновенное здоровье, чтобы вынести то, что вынесла натура этого человѣка, изнуреннаго двухмѣсячнымъ сидѣньемъ въ сыромъ казематѣ, на самой скудной пищѣ и при всѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія испытывалъ преступникъ. Онъ вырвался изъ подъ караула въ холодную зимнюю ночь, совершенно-раздѣтый, въ одной только рубашкѣ, и голыми ногами долженъ былъ бѣжать по снѣгу черезъ Царицынъ, потомъ перебѣжать всю Волгу по льду, пока наконецъ, уже на другомъ берегу этой рѣки, на луговой сторонѣ, онъ могъ надѣть сапоги, которые все время несъ въ рукахъ. Въ одной рубашкѣ онъ провелъ за Волгой всю ночь, продолжая идти по берегу, пока наконецъ къ утру не нашелъ стогъ сѣна, въ которомъ скрылся отъ преслѣдованій и пролежалъ цѣлыя сутки. Но мы перенесемъ въ примѣчаніе собственные слова атамана объ этомъ побѣгѣ*).

*) Сего февраля 21-го числа (говорилъ онъ на допросѣ), будучи въ ручной и ножной колоткахъ, попросился яко-бы для испражненія на дворъ, съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобъ бѣжать, ежели удастся, у часового, внутри караулни стоящаго, Ивана, а прозванья не знаю, въ которое время въ караульной сержантъ сидѣлъ впереди караулни, и тотъ часовой, выпустя меня, сказалъ и другому часовому жъ, стоящему у сѣней, Алексѣю, — прозванія также не знаю, который меня отпустилъ за караулюю, а самъ ходилъ по крыльцу и за мною не пошелъ, — коего видя слабость за мною несмотрянія, снявъ съ себя ручную такъ сильно, что у лѣвой руки съ нисти кожу задернулъ до

Надъ караульными офицерами и часовыми солдатами, по случаю побѣга Рыжаго, наряженъ былъ судъ («Фергеръ и Криксрехтъ»), подробности котораго представляютъ много интереснаго для характеристики того времени; но какъ они не касаются прямо предмета нашей статьи, то мы и оставляемъ ихъ. Замѣтимъ только, что на основаніи «Воинскаго артикула» главы 4, арт. 40, главы 24, арт. 207, и «Уложенія» гл. 21, ст. 17 *), опредѣлено: «подпоручика Хомуцкова, за нечиненіе, будучи на караулѣ у воротъ, повелѣннаго осмотра чрезъ часъ того времени, когда *важный*

кровя, а потомъ и ножную (колодки), и зайдя за состоящую по близости караули избу и прямо къ мясному ряду чрезъ палисадникъ перелѣзъ и побѣжалъ за Волгу, въ одной рубашкѣ и босикомъ, имѣвъ сапоги въ рукахъ, кои при снятіи колодки съ ногъ скинулъ для легчаго чрезъ палисадъ перелазу, а перешедъ за Волгу, обулъ, и пошелъ по берегу до самаго свѣту, и какъ нашелъ стогъ сѣна, лежалъ цѣлыя сутки, а на другой день изъ стога вышедши, увидѣлъ мужика, дрова приготовляющаго, а какъ зовуть и откуда, не знаю, попросилъ одежды, которой, видя меня въ одной рубашкѣ, и далъ съ себя старой суконной зипунъ и кусокъ хлѣба... Мужикъ остался на томъ мѣстѣ, а я пошелъ, вѣдомства ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, въ Нижнее Погромное селеніе, и по прежней знаемости пришелъ къ тамошнему крестьянину Петру Кремлеву на дворъ и, опасаясь, вѣтъ ли у него стороннихъ людей, залѣзъ къ нему въ сѣнницу и зарылся въ сѣно, пробывъ одну ночь, поутру присланными изъ ахтубинскаго городка казаками и того жительства крестьянами въ томъ сѣнѣ найденъ.» Атаманъ говорилъ при томъ на допросѣ, что къ побѣгу его никто не подговаривалъ и самъ онъ не подкупалъ часовыхъ. «Здѣсь въ городѣ я ни къ кому не заходилъ, пищею и одеждою снабденъ никѣмъ не былъ, окромѣ одного мужика, какъ выше сказано, изъ другихъ никто меня не видалъ, и какъ я, скинувъ колодки, бѣжалъ до самой Волги, погони не видалъ же и крику не слыхалъ; изъ помянутаго жъ селенія намѣреніе имѣлъ итти въ Соленой городокъ, что близъ Камышники, и тамъ укрыватца въ имѣющихся близъ соленой пристани землянкахъ у бурлакъ, гдѣ прежде сего я, будучи въ бѣгахъ, укрывался.»

*) 1) «Каждый офицеръ, который въ крѣпости, лагерѣ, на валу, у воротъ или въ полѣ караулъ имѣеть, долженъ въ томъ отвѣтъ дать. Ежели онъ то презреть, что исправить долженъ, или на караулѣ своемъ неосмотрителенъ, и неостороженъ и гнѣивъ будетъ, оный *имѣеть живота лишонъ быти, аркибузировавъ* (въ скобкахъ прибавлено: «разстрѣлявъ»). — 2) «Когда злодѣй караулу или генералъ-гевадигеру или профосамъ уже отдавъ, и онымъ оного стеречь приказано будетъ, а злодѣй чрезъ небреженіе ихъ уйдетъ или отъ нихъ безъ указа отпуститца, тогда оные, которые въ семъ виновны, вмѣсто преступителя имѣють надлежащее наказаніе претрѣпѣть. — 3) «А буде разбойника поймають на разбоѣ вдругіе, и его потому же пытать и въ иныхъ разбояхъ, да будетъ онъ повиненъ только въ двухъ разбояхъ, а убивства хотя и не учинилъ и его за другой разбой казнить смертью, а животы его отдать въ выть истцамъ!»

разбойникъ *Овчинниковъ* (такъ назывался Иванъ Рыжій въ батальонѣ) бѣжалъ, сержанта Шумилна, за неосторожность, будучи на караулѣ при такыхъ важныхъ колодникахъ, употребляемой сонъ, такъ что во время выпуска того колодника черезъ не малое время спустя происхожденія отъ разговоровъ часовыхъ пробудиться не могъ... написать въ рядовые перваго на мѣсяцъ, а послѣдняго до выслуги», а двухъ часовыхъ солдатъ приговорено казнить смертію».

Когда все это происходило въ Царицынѣ, Шагала, сидя въ камышинскомъ острогѣ, искусно запутывалъ слѣдователей своими показаніями: то онъ говорилъ, что бѣжалъ когда-то изъ рекрутства и никогда не принадлежалъ къ тому званію, къ которому причислялъ себя въ прежнихъ допросахъ, то снова сводилъ на свои старыя признанія; путалъ въ свое дѣло всѣхъ, кого только зналъ и видѣлъ въ жизни. Выискался наконецъ въ Камышинѣ Троицкаго собора церковникъ, который говорилъ о Шагалѣ, что зналъ его когда-то, двадцать два года назадъ, когда Шагала жилъ въ Балыклейской станицѣ. «Мы съ нимъ вмѣстѣ съ робячества игравали», говорилъ церковникъ, — «и ему въ то время было около пятнадцати лѣтъ, а кто его былъ отецъ и мать и какова онъ званія и отколь родиною, того я не знаю, да и съ того времени его не видывалъ, и гдѣ онъ имѣлъ жительство, о томъ я неизвѣстенъ». А Шагала все наговаривалъ да сговаривалъ съ знакомыхъ и незнакомыхъ, съ друзей и недруговъ. Его требовали въ Царицынѣ; камышинскія власти не хотѣли отпустить отъ себя разбойника, и только въ октябрѣ 1779 года Шагала былъ перевезенъ въ Царицынѣ, гдѣ находился подъ арестомъ его атаманъ. Время шло, а разбойники все сидѣли, а слѣдствіе все тянулось. Уже успѣли сформироваться новыя шайки, новые атаманы вышли на сцену, по городамъ мѣнялись воеводы и каменданты, разбойничьи притоны переносились отъ Волги въ глубь степей, въ лѣсныя балки, грабежи начались на большихъ дорогахъ, — вездѣ былъ еще просторъ для понизовой вольницы, — а Рыжій и его товарищи все сидѣли по царицынскимъ казаматамъ и ждали рѣшенія своей участи. Черезъ полтора года послѣ поимки атамана пойманъ былъ наконецъ и его ближайшій товарищъ, Димитрій Легіонный, который еще прежде того былъ разлученъ съ стародубскимъ купцомъ, схваченнымъ за Волгою разѣздными командами. Потерявъ послѣдняго старого товарища и побродивъ за Волгой, Легіонный перебрался на нагорную сторону, прошелъ въ свои любимыя мѣста, на Илавлю,

и самъ составилъ маленькую шайку. Шатаясь по дорогамъ, онъ напалъ на партію Малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ, и ограбилъ ихъ, захвативъ, по обыкновенію, деньги и другія вещи, казавшіяся ему цѣнными; ограбилъ потомъ казака Караванской станицы, и уже собирался пройти черезъ Царицынъ въ Моздокъ, гдѣ въ то время, на моздокскихъ степяхъ, заводились новыя разбойничьи партіи, начинали раздаваться тѣ удалыя и грусныя пѣсни, которыя два столѣтія пѣлись на Волгѣ и по степямъ саратовскимъ, царцыльскимъ и хоперскимъ. Понизовая вольница, въ восьмидесятыхъ годахъ, стала перебираться къ Кавказу, въ южныя равнины донскихъ земель — въ степь моздокскую. Туда-то велъ Легіонный своихъ товарищей, но по прїѣздѣ на рѣчку Мечетную, въ село Никольское, набуянилъ и попался въ руки. Оставивъ товарищей за селомъ, онъ поѣхалъ въ кабакъ, чтобъ запастись виномъ, напился пьянъ и сталъ показывать свою удалъ собравшемуся народу: выстрѣливъ изъ пистолета въ кузницу, онъ возбудилъ ропотъ и навлекъ на себя подозрѣніе; одинъ гусарь схватилъ подъ устцы его лошадь, сталъ ругать разбойника, который, «будучи пьяной, осерчасъ, изъ другаго пистолета, заряженнаго мокрымъ пыжомъ, выстрѣлилъ», и попалъ гусару въ голову.... Разбойника тотчасъ же схватили, забили въ колодки, и привезли въ Царицынъ. Другіе его товарищи пропали безъ-вѣсти.

VIII.

Въ теченіе 1780—1782 годовъ положеніе дѣлъ въ поволжьѣ мало измѣнилось, хотя повидимому много произошло перемѣнъ въ колонизовавшихся тогда приволжскихъ провинціяхъ. Въ сущности перемѣны эти касались только наружной стороны жизни, тогда какъ самая жизнь шла своимъ чередомъ, по старой дорогѣ, представляя мало утѣшительнаго. Старое раздѣленіе Россіи на губерніи замѣнилось новымъ; новыя лица вступили въ управленіе провинціями. Верхняя часть средняго поволжья, вмѣстѣ съ Саратовомъ, Камышиномъ и Царицыномъ, вошла въ составъ вновь-открытаго саратовскаго намѣстничества, правителемъ котораго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Поливановъ; вмѣсто канцелярій явилась «верхняя» и «нижняя расправы»; по наружности измѣнилось многое, — хотя въ расправахъ засѣдали тѣ же лица, которыя были въ канцеляріяхъ и руководствовались тѣми-же правилами, оставались при тѣхъ-же понятіяхъ, съ какими родились и воспитались. Жизнь не стала лучше, потому

что причины, дѣлавшія ее тяжкою, не были уничтожены съ переименованіемъ названій и формъ, а такія неблагоприятныя обстоятельства вызывали, конечно, и соответствующія имъ явленія. Правда, не такъ громко раздавались по Волгѣ разгульные и въ то же время тоскливыя пѣсни понизовой вольницы, какъ прежде; опытъ научилъ осторожности и терпѣнію; рѣже плавали отъ притона до притона косныя лодки разбойниковъ; рѣже слышалось страшное *сарымъ на кичку*; — однако зло не было уничтожено въ самомъ корнѣ. Только партіи вольницы сдѣлались не такъ многочисленны, атаманы менѣе популярны и могущественны; крупныя личности исчезаютъ со сцены и на мѣсто ихъ являются простые, робкіе, такъ сказать—мелочные разбойники, жалкіе воры и конокрады. Шайки разбойниковъ разбиваются на мелкіе кружки, удаляются отъ Волги и дѣйствуютъ въ-разсыпную. Названіе атамановъ, съ эпитетами «важныхъ», «славныхъ», «продерзкихъ», переходитъ въ менѣе громкое названіе «душегубцовъ», «смертоубійцъ» и проч.

Въ этотъ послѣдній періодъ времени уничтожена была даже попытка на похищеніе царскаго имени; въ всьмидесятыхъ годахъ схваченъ послѣдній самозванецъ, воспользовавшійся для своихъ цѣлей именемъ покойнаго императора Петра III, слесарь и ружейникъ Максимъ Ханинъ *), заговоръ котораго задушенъ былъ при самомъ началѣ. Ханинъ и его соумышленники дѣйствовали въ одно время съ атаманомъ Рыжимъ и въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ дѣйствовала шайка извѣстнаго разбойника. Они даже судились въ Царицынѣ въ одно и то же время, съ тою только разницею, что атаманъ еще сидѣлъ въ казематѣ, когда самозванецъ былъ уже выведенъ въ Саратовъ, гдѣ и рѣшилась его участь.

Преемникомъ Рыжаго былъ атаманъ Максимъ Дехтяренко, едва-ли не послѣдній извѣстный намъ народный агитаторъ прошлаго вѣка. Въ его шайкѣ были лица, знавшія Рыжаго и дѣйствовавшія съ нимъ вмѣстѣ. Они почти одновременно и погибли. Дехтяренко, подобно прочимъ предводителямъ понизовой вольницы, былъ изъ военныхъ людей, и только горькая жизнь, испытанная имъ во время дезертированія, заставила его сдѣлаться разбойникомъ. Вольницу преимущественно составляли казаки и всякій сбродъ людей, вышедшихъ изъ верховыхъ городовъ, гдѣ жизнь была еще тяжеле, положеніе еще безвыходнѣе, чѣмъ въ

*) См. Рус. Вѣсти. 1860 г. No 6.

повождѣ; ядро вольницы составляли собственно бурлаки и переселенцы — Малороссіяне. Изъ Малороссіянъ былъ и послѣдній повождскій атаманъ, имя котораго сохранилось въ забытыхъ провинціальныхъ архивахъ, Максимъ Дегтяренко, который родился въ «гетманщинѣ», въ острогожскомъ полку, въ слободѣ Отготановой. Въ 1778 году онъ былъ отданъ въ «москаля», то-есть взятъ въ рекруты, и поступилъ въ гусары, въ острогожскій гусарскій полкъ. Само-собою разумѣется, что военная жизнь для посполитаго Малоросса показалась тяжкою и невыносимою; воинскіе порядки, которымъ съ трудомъ подчинялся даже и «россійскій», привыкшій ко всему, людъ, были нестерпимы для Малоросса, знавшаго, хотя по наслышкѣ, о «звычаяхъ казаковъ запорожскихъ». Дегтяренко не могъ примириться съ военною жизнью и бѣжалъ. Онъ прошелъ въ землю донскихъ казаковъ и началъ шататься съ мѣста на мѣсто да прискивать себѣ работы и пропитанія; жилъ недолго у одного донскаго полковника, на рѣчкѣ Чирахъ, а оттуда вздумалъ пройти въ славное повождье, гдѣ, какъ онъ слышалъ, легко жилось на волѣ всякой голытьбѣ и гдѣ голытьба наживала немалыя деньги разбойными промыслами. Скоро Дегтяренко увидѣлъ и повождье, и широкую Волгу, и понизовую вольницу, и нашелъ, что вольница — та же оборванная и бездомная голытьба и что деньги и здѣсь наживаются не легко, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ на Волгу, когда уже миновала пора повождскихъ разбоевъ и о знаменитыхъ атаманахъ оставалась только память въ народѣ да слова въ пѣсняхъ, годъ отъ году искажавшихся. Дегтяренко, не останавливаясь долго ни въ одномъ селеніи и не приставаая ни къ одной шайкѣ, которая еще изрѣдка появлялась выше Камышина, прошелъ въ качествѣ бродяги до колоніи Верхней Добренки и поселился тамъ на время. Здѣсь онъ нашелъ одного Малороссіянина, немѣвшаго, подобно всей вольницѣ, ни коза, ни двора; Малороссіянинъ этотъ рылъ для себя землянку и привялъ Дегтяренка къ себѣ въ товарищи. Эти землянки составляли обыкновенное жилище осѣдой вольницы; перекочевывая съ мѣста на мѣсто, бурлаки на зиму вырывали себѣ въ землѣ ямы и, покрывъ ихъ хворостомъ и дерномъ, жили до свѣтлыхъ весеннихъ дней. Въ этихъ землянкахъ была страшная бѣдность; сюда принимались всѣ безпаспортные и подозрительные люди, воры и атаматы, неуспѣвшіе на зиму запастись хорошимъ притономъ и теплой избой. Такія землянки вырыты были по-всему повождью, около городовъ и селеній, вблизи торговыхъ пристаней и въ самой дикой глуши. Въ такой

же ямѣ поселился и Дегтяренко, въ ожиданіи лучшей доли, которой онъ пришелъ искать въ поволжьѣ, назвавшись выходцемъ изъ Николаевской малороссійской слободы, что противъ Камышина.

Обманувшись насчетъ привольной жизни въ поволжьѣ, Дегтяренко не сталъ жить праздно, и сдѣлался швецомъ и кожевникомъ, выдѣлывалъ овчины, шилъ шубы и кафтаны. Мѣстные власти не обращали на него вниманія, потому что бродяги иногда были люди не бесполезные, а вслучаѣ преслѣдованія ихъ становились страшными мстителями. Какой-то комиссаръ, находившійся въ Добренкѣ, маіоръ Александръ Азферовичъ Пиль, взялъ даже Дегтяренка къ себѣ въ услуженіе и будущій атаманъ находился у него полтора года въ качествѣ казака, пока зависимая жизнь деньщика не надоѣла бродягѣ, какъ и военная служба. Въ полтора года Дегтяренко могъ узнать обычаи поволжской вольницы, познакомиться съ краемъ и его обитателями, насколько это нужно было знать будущему вождю шайки. Въ 1780 году Дегтяренко сталъ думать о наборѣ партіи, открылъ свои планы неизвѣстному бродягѣ, бывшему въ Добренкѣ табунщикомъ, Ивану Губченко, малороссіянину же, и съ начала весны этого года они бѣжали изъ Добренки въ медвѣдицко-бузулуцкія степи. Не имѣя ни опредѣленнаго плана, ни товарищей, они должны были на время оставаться все еще батраками, выжидать охотниковъ, запастись на подъемъ деньгами, лошадьми и оружіемъ. Вслѣдствіе этого они прошли на хутора Березовской станицы, къ казаку Каменному*), который, несмотря на то, что зналъ о ихъ намѣреніяхъ, охотно принялъ бродягъ къ себѣ въ работники. Цѣлое лѣто бѣглецы косили у него сѣно, отбывали всѣ другія работы, зимой плотничали, а на весну 1781 года уже готовы были, чтобъ идти въ разбой. У Каменнаго они сошлись съ старымъ разбойникомъ Алѣшкой Поповичемъ или Бурькинымъ, который говорилъ о себѣ, что онъ *«сзъ Дону, чинить разбой, идѣ тамо случиться»*, и притомъ оказался человѣкомъ грамотнымъ, могшимъ справлять должность секретаря и, вслучаѣ надобности, писать своей шайкѣ какіе угодно виды и паспорта. Дегтяренко подобралъ еще одного товарища, который шатался въ окрестностяхъ и готовъ былъ на всякое сомнительное дѣло. Разбойники добыли себѣ лошадей, которыхъ захватили въ первомъ понав-

*) Это тѣ самые хутора, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывался разбойничій атаманъ Буковъ (въ «урочищѣ Черни», у монаха Льва).

шемся табунѣ, приготовили оружіе, съ которымъ и прежде того охотились въ свободное время. Каменный снабдилъ ихъ порядочнымъ количествомъ пороху, а Алешка Поповичъ написалъ паспорта, сообразно съ наружностью каждаго *). Прежде шайки вѣщали въ себѣ иногда десятки и сотни разбойниковъ; но съ тѣхъ-поръ, какъ понизовая вольница обратила на себя всеобщее вниманіе, большія партіи были слишкомъ подозрительны, скоро волновали населеніе, привлекали вооруженную силу изъ мѣстныхъ полковъ и баталіоновъ, и потому атаманы уже не рѣшались выходить въ поле съ толпою бродягъ конныхъ и пѣшихъ, а начинали разбой ничтожными партіями, отъ пяти до десяти человекъ, и легко избѣгали преслѣдованій, потому что легко укрывались во всякомъ оврагѣ и во всякомъ болѣе или менѣе густомъ кустарникѣ. Въ этихъ видахъ и Дегтяренко взялъ съ собою столько товарищей, сколько казалось нужнымъ. Они прежде всего отъправились на красноярскія степи, о которыхъ мы говорили выше, въ разсказѣ о разбояхъ шайки Рыжаго. Въ тридцати верстахъ отъ Краснаго Яру, за Медвѣдницей, находилось удобное мѣсто для притона, глубокая ложбина «разсыпнаго буерака», мимо котораго шли проѣзжіе тракты. Для своихъ временныхъ становъ, разбойники обыкновенно избирали, когда производили степные разбои, ровныя и возвышенныя мѣста, съ ложбинами или балками, заросшими мелкимъ лѣсомъ; предпочитались большею частію степи проѣзжія, покрытыя высокими курганами, которые могли-бы служить сторожевыми пикетами, и гдѣ-бы проходили торговыя дороги. **)

*) Пули разбойниками не всегда употреблялись литыя, круглыя, но часто стрѣляли *жеребьями*, — продолговатыми и гранеными пулями, грубо нарѣзанными изъ свинца, которыя впрочемъ, на близкомъ разстояніи, били едва ли не удачнѣе овальныхъ пуль. За неизмѣнимъ пуль они употребляли въ дѣло и крупную дробь съ чѣмъ-нибудь смѣшанную. Одинъ изъ шайки Дегтяренка, разбойникъ Мирошниковъ (бывшій прежде подъ начальствомъ атамана Рыжаго) стрѣлялъ дробью, смѣшанною съ *пуговицами*, вѣроятно, металлическими.

***) До настоящаго времени указываютъ въ поволжѣ на такія мѣстности усѣянныя курганами, изъ которыхъ многіе и теперь носятъ названіе «разбойныхъ могилъ» или кургановъ. Со многими изъ кургановъ соединяются имена славныхъ разбойниковъ, или убитыхъ тамъ, или жившихъ тамъ постоянно, или наконецъ прославившихся какимъ нибудь героическимъ или злодѣйскимъ поступкомъ. На курганахъ, говорятъ, разбойники ставили шесты съ соломкою, зажигая которую, часовые извѣщали своихъ товарищей или о приближеніи разѣздныхъ командъ или о проѣздѣ обозовъ съ товарами.

Отъ времени до времени Дегтяренко выѣзжалъ изъ разсыпнаго буерака на степь и разбивалъ проѣзжихъ, а потомъ снова уходилъ въ свой безопасный станъ. Ограбивъ чумаковъ-малороссіяня, ѣхавшихъ въ Камышинъ съ солью, и взявъ у нихъ деньги, разбойники снова повернули къ югу искать болѣе удобныхъ для разбоя мѣстъ, и пріѣхали въ землю донскихъ казаковъ, въ мѣста знакомыя Алешкѣ Поповичу. Впрочемъ, они почти вездѣ находили радушный пріемъ, особенно у малороссіяня и казаковъ, потому что за пріютъ платили щедро, а въ случаѣ отказа и сопротивленія истли всѣми возможными средствами. Такой пріютъ они нашли и въ донскихъ земляхъ, близъ Медвѣдицы, на даниловскихъ хуторахъ, гдѣ и прожили у одного Малороссіянина недѣли три, отдыхая послѣ продолжительныхъ переѣздовъ. Собравшись съ силами, они опять поѣхали къ сѣверу и, колеса по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ, успѣли въ короткое время совершить нѣсколько разбоевъ на рѣчкѣ Латрыкѣ, ниже колоніи Поповки, потомъ за Медвѣдицей у Краснаго куста и недалеко отъ Рудни, куда въ то время народъ собирался на ярмарку. Но притонъ въ разсыпномъ буеракѣ предпочитался всѣмъ мѣстностямъ и Дегтяренко отъ Рудни опять повелъ своихъ товарищей къ старому стану. На дорогѣ охотою пристагъ къ нимъ еще одинъ разбойникъ, выѣзжалъ потомъ вмѣстѣ съ ними на разбой, когда грабили какихъ-то проѣзжихъ, жилъ нѣсколько дней въ станѣ разсыпнаго буерака, и въ одну ночь, неизвѣстно по какой причинѣ, тайно скрылся отъ товарищей. Скучая однообразною жизнью въ станѣ, разбойники вновь покинули его, посѣтили своего прежняго хозяина, казака Каменнаго, отдохнули у него нѣсколько дней, вновь собрались и отправились на промыселъ. Въ эту поѣздку они успѣли перебывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только рассчитывали на удачный грабежъ, и куда только могли донести ихъ кони, измученные безпрестанными странствованіями по степямъ, съ одного тракта на другой. Теперь разбойники поѣхали по направленію къ Илавѣ, гдѣ прежде была такая привольная жизнь для воровскихъ людей, и переѣхали Разщепной буеракъ, не менѣе Разсыпнаго, удобный для разбойничьихъ притонивъ, ночлеговъ и днѣвокъ. Въ колоніи Грязнухъ они посѣтили знакомаго Нѣмца (которые, замѣтимъ кстати, въ прошлой вѣкѣ не отличались особыми гражданскими доблестями и водили иногда дружбу съ разбойниками, хотя сами не годились для разбоя, и, сколько намъ извѣстно, ни разу имя колониста не встрѣчается въ цѣлой сотнѣ именъ, принадлежавшихъ къ пони-

зовой волыницѣ); пьянствовали у него въ гостяхъ, дарили его награбленными вещами и деньгами и совѣтовались съ нимъ о предстоящихъ разбояхъ, о мѣстахъ удобныхъ для притоновъ и проч. Колонистъ указалъ имъ станъ въ буеракѣ, пріѣзжалъ потомъ самъ къ нимъ, снабжалъ ихъ хлѣбомъ, пьянствовалъ съ ними, и вообще дѣлалъ все, что могъ-бы только сдѣлать самый ловкій становщикъ. Неудивительно, что въ колоніи Верхней Добренкѣ, гдѣ два года прожилъ Дегтяренко батракомъ и куда теперь привелъ своихъ товарищей, какъ атаманъ шайки, онъ нашелъ пріютъ даже между Нѣмцами, изъ которыхъ одинъ принялъ разбойниковъ въ своемъ домѣ, зарѣзалъ для нихъ барана, какъ для дорогихъ и опасныхъ гостей, и дозволилъ имъ переночевать у себя.

Но разбойникамъ не сидѣлось на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что самыя выгоды ихъ требовали постоянной перемѣны мѣста, постоянного мыканья по свѣту. Волга не могла привлечь къ себѣ «полевыхъ» разбойниковъ; условія поволжскихъ разбоевъ были не тѣ, что полевыхъ; въ полѣ теперь было больше простора,— и они оставили Добренку для своихъ степей, отъ Волги повернули къ Медвѣдицѣ, переѣхали эту рѣку у Рудни, порыскали по бузулуцкимъ степямъ, гдѣ пристагъ къ нимъ, «изъ своей воли», невѣдомый человекъ, такой же, какъ и они, разбойникъ, называвшійся бѣглымъ солдатомъ, и въ третій разъ пріѣхали на отдыхъ къ казаку Каменному. Требовали отдыха, и лошади были изнурены не меньше своихъ наѣздниковъ, такъ, что нужно было или оставаться на хуторѣ у Каменнаго до ихъ поправленія, или взять свѣжихъ коней для новыхъ экспедицій. Каменный позволилъ имъ взять лошадей изъ своего табуна, потому что за все это разбойники платили щедро, и Дегтяренко, не покидая хутора, успѣлъ сдѣлать удачный набѣгъ на проходившій тамъ изъ Малороссіи обозъ, и ограбить его. Вѣроятно, подъ руководствомъ Алешки Поповича, они предприняли оттуда походъ вглубь донскихъ земель и, доѣхавъ до филиповской станицы, прожили съ мѣсяцъ у становщика Чоблова, но дѣлали тамъ какіе-нибудь набѣги— неизвѣстно. Знаемъ только, что, наградивъ становщика порядочной суммой денегъ, они оставили донскую землю и направились къ Саратову, не опасаясь войскъ и разъѣздовъ, которыхъ тамъ было достаточно. Впрочемъ, они скрывались у села Ахмата, въ безопасныхъ буеракахъ, гдѣ и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX вѣка, часто скрывались шайки бродягъ и военныхъ дезертеровъ, и по вре-

менамъ выѣзжали на дорогу для наблюденія за проѣзжими. Тамъ напали они на какого-то офицера, ѣхавшаго изъ Астрахани, и взяли у него, «безъ всякихъ побоевъ», порядочную сумму денегъ, платье и нѣсколько серебряныхъ вещей, раздѣлили все это между собой и лишнее спрятали недалеко отъ своего притона, въ стогѣ сѣна.

Выше мы говорили, что въ числѣ разбойниковъ шайки Рыжаго сидѣли въ царицынскихъ казачьихъ колодникахъ Дмитрій Легіонный и Иванъ Мирошниковъ. Во время послѣднихъ грабежей Дегтяренка разбойники эти успѣли обмануть стражу и бѣжать изъ Царицына. Впрочемъ, побѣгъ ихъ удался только при помощи конвойнаго солдата, съ которымъ они заблаговременно условились объ этомъ. Въ одно время арестантовъ выслали на казенную работу — носить землю на крѣпостной валъ, — и колодники вмѣстѣ съ конвойнымъ пошли «выпить по чаркѣ вина.» Тайно отъ капраза (признавался послѣ Мирошниковъ), они пробрались въ спасскій питейный домъ, «выпили всѣ трое алтына на два вина; потомъ, взявъ въ базарѣ хлѣбъ и калачей, всѣ, какъ согласились бѣжать, оставя — солдатъ.... пошли вверхъ по Царицѣ-рѣчкѣ». Бѣглецы явились на знакомые имъ пичужинскіе хутора и прямо пришли въ домъ къ поляку Мукосѣву, который, какъ мы видѣли, судился вмѣстѣ съ прочими разбойниками шайки Рыжаго и невзвѣстно по какой причинѣ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Едва Мукосѣвъ увидѣлъ бѣглецовъ, какъ объявилъ, что ихъ уже ищутъ, и велѣлъ на время укрыться въ лѣсу. Скоро прискакалъ изъ Царицына офицеръ, посланный за Мирошниковымъ и Легіоннымъ, все высмотрѣлъ въ домѣ Мукосѣва, но бѣглыхъ не нашелъ и долженъ былъ воротиться въ городъ. Тогда они, сбивъ съ ногъ послѣдніе остатки желѣзъ, оставили хуторъ и вышли въ степь, гдѣ ихъ уже трудно было поймать самому многочисленному развѣзду. У Сажина (конвойнаго) были свои планы и намѣренія, и потому онъ разстался съ разбойниками, думая пройти въ Москву, а Легіонный и Мирошниковъ пошли искать счастья въ старомъ, привычномъ ремеслѣ, тѣмъ болѣе, что о медвѣдичьихъ разбойникахъ ходили уже слухи въ поволжьѣ, а слѣдовательно и можно было присоединиться къ одной изъ медвѣдичьихъ партій. Дѣйствительно, имъ недолго пришлось искать атамана, потому что Дегтяренко, послѣ разбоевъ у Ахмата, когда приставшій къ нему въ бузулудскихъ степяхъ невзвѣстный разбойникъ оставилъ его шайку, опять направился къ Илавлѣ и самъ встрѣтился съ бѣглеца-

ми у Разщепнаго буерака. Легіонный и Мирошниковъ охотно пошли въ его шайку и Дегтяренко повелъ ихъ въ свой станъ, гдѣ и оставилъ на время «за неисправностію,» а самъ съ прочими товарищами, отдохнувъ въ станѣ только четыре часа, снова выѣхалъ въ поле, и снова проѣзжалъ въ сутки сотни верстъ, навѣдывался во всё захоlustья, рыскалъ по всѣмъ проѣзжимъ тропаямъ и дорожкамъ, точно для его маленькой шайки и не существовала усталость. Насъ удивляетъ эта неутомимая подвижность шайки Дегтяренко и ея необыкновенная отвага, когда, въ числѣ четырехъ человекъ, разбойники никому не давали покоя, не пропускали ни одного проѣзжаго и прохожаго, ни одного чумацкаго и купеческаго обоза. Сегодня ихъ видѣли въ одномъ мѣстѣ, а на другое утро Дегтяренко появлялся уже за сто верстъ отъ него; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ разбойники успѣли сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ, только не болѣе трехъ разъ перемѣняя усталыхъ коней свѣжими. Несмотря на однообразіе разсказа объ этихъ походахъ, записаннаго со словъ самого атамана и нѣкоторыхъ его товарищей, разсказъ этотъ, при всей простотѣ и краткости, живо характеризуетъ, описываемую нами годину и, при всей видимой сухости, много говоритъ воображенію, переносящемуся въ эту любопытную эпоху, со времени которой прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, мы уже видимъ Дегтяренко на Волгѣ, въ золотовской волости, издавна извѣстной разбойничьими притонами. Въ золотовской волости всего болѣе свирѣпствовали толпы пугачовской вольницы, къ которымъ присоединились крестьяне и разбойники этой волости, гористая и лѣсистая мѣстность которой всегда давала убѣжище многочисленнымъ партіямъ бродягъ. Около села Золотова Волга представляла самое опасное мѣсто для каравановъ; въ этой волости поволжскіе разбойники соединялись съ полевою вольницею и были непобѣдимы. Сюда же пріѣзжалъ на время и Дегтяренко, гдѣ оставался не болѣе двухъ сутокъ у становщика Дутика, въ Щербаковскомъ хуторѣ. Здѣсь же, недалеко отъ колоніи Морь, партія Дегтяренко встрѣтилась на степи съ проѣзжавшими крестьянами какого-то помѣщика Салтыкова, которые впрочемъ смѣло отразили первое нападеніе разбойниковъ ружейными выстрѣлами. Но когда завязалась перестрѣлка, разбойники побѣдили проѣзжихъ и ограбили. Во время схватки раненъ былъ товарищъ Дегтяренко, Иванъ Губченко, въ горло и въ руку; со стороны проѣзжихъ раненъ одинъ

мужикъ, которому разбойники прострѣли ногу. «И послѣ — говорилъ Дегтяренко — отъ нихъ взять, безъ всякихъ уже побоевъ, денегъ ассигнаціями пятьдесятъ, мелкими двадцать пять рублевъ, одно ружье, два пистолета, тулупъ нагольной одинъ, рубашекъ мужскихъ три, поѣхали къ рѣчкѣ Горючкѣ.» На рѣчкѣ Горючкѣ находился становщикъ ихъ, табунщикъ Буровъ, у котораго разбойники имѣли притонъ, укрываясь въ буеракѣ. Здѣсь они рѣшились отдохнуть и съ помощью Бурова узнать, чтѣ говоритъ о нихъ народная молва. Пустивъ лошадей въ табунъ Бурова, разбойники залегли въ станѣ, а Буровъ отправился въ Саратовъ для развѣдыванія относительно слуховъ и для закупки пороху и вареныхъ кремней къ оружію; раненый Губченко лечилъ между тѣмъ свои увѣчья. Скоро воротился и Буровъ съ покупками и сказалъ разбойникамъ: «Слышно про васъ въ Саратовѣ.» Тогда разбойники, побывъ въ станѣ нѣсколько дней, и «черезъ то поправля себя,» пустились въ путь, и тутъ же на рѣчкѣ Горючкѣ напали на партію Татаръ, ѣхавшихъ изъ Саратова, отняли у нихъ деньги, восемь лошадей, и потомъ поворотили къ Медвѣдицѣ. Въ селѣ Рыбушкѣ, на мельницѣ, они пьянствовали у знакомаго мельника, одаривъ его деньгами и вещами, поѣхали искать оставленныхъ ими Легіоннаго и Мирошникова, которые между тѣмъ приобрѣли себѣ лошадей, успѣли вооружиться, запаслись порохомъ и другими необходимыми принадлежностями.

Но едва партія Дегтяренко съѣхалась съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, у Разщепнаго буерака, какъ была атакована вооруженными мужиками, высланными противъ разбойниковъ изъ ближайшихъ селеній, потому что молва о разбояхъ распространилась съ каждымъ днемъ, всѣ ожидали нападеній Дегтяренко и никто не былъ безопасенъ ни дома, ни въ полѣ. Между разбойниками и мужиками произошла жаркая схватка, во время которой, между *штурмою*, какъ говорилъ самъ Дегтяренко, разбойники убили четырехъ мужиковъ и окончательно отразили нападеніе, не давшись въ руки крестьянамъ. Можно вообразить, какъ отчаянно защищались разбойники, когда на мѣстѣ схватки осталось четыре мертвыхъ тѣла и, безъ сомнѣнія, нѣсколько раненыхъ, а между тѣмъ, какъ можно догадываться изъ словъ Дегтяренка, съ нимъ было только три товарища — Алешка Поповичъ, Легіонный и Мирошниковъ: Губченко, раненый еще прежде, до этой схватки, и послѣдній разбойникъ этой шайки ѣздили къ Ахмату, чтобъ захватить серебро и другія вещи, награбленныя тамъ и спрятанныя въ стогѣ сѣна. Впрочемъ, если

въ дѣлѣ были и всѣ шесть человѣкъ, то и въ такомъ случаѣ безъ особенной храбрости они не могли отбиться отъ вооруженной высылки, не поплатившись кѣмъ-либо изъ товарищей; а между тѣмъ «штурма» кончилась безъ всякой потери со стороны разбойниковъ, по крайней мѣрѣ изъ документовъ не видно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ убитъ или раненъ. Однако, какъ ни счастливы были разбойники, слухи о нихъ дѣлались все громче и громче. Дегтяренко не могъ не понимать опасности своего положенія: но при всемъ томъ, онъ какъ будто презиралъ опасностью и не покидалъ степей, можетъ быть, рассчитывая на малочисленность своей шайки, съ которой онъ могъ вездѣ быть незамѣтенъ, или на многочисленность становщиковъ, которые могли укрыть его въ самую критическую минуту. Какъ бы то ни было, но и послѣднее происшествіе не оставило его, а какъ будто прибавило въ немъ дерзости и безумной отваги. Онъ видитъ, что лошади его товарищей истомлены отъ частыхъ перѣздовъ, и немедленно нападаетъ на табунъ, разгоняетъ табунщиковъ и беретъ свѣжихъ коней; ему не удавалось до сихъ поръ произвести разбой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ходили шайки его предшественниковъ, и онъ проводитъ свою шайку по всему протяженію Илавли и выводитъ ее къ низовьямъ Медвѣдицы, на рѣчку Арчаду; смѣло онъ является въ хуторъ походнаго есауса Маневскаго и даритъ ему, неизвѣстно за что, «отъ своей артели денегъ пятнадцать рублей да двѣ лошади», живетъ у него свободно нѣсколько дней и тутъ же вознаграждаетъ себя тѣмъ, что около самаго хутора беретъ изъ табуна четыре лошади. Онъ начинаетъ сорить деньгами и всѣмъ награбленнымъ имуществомъ; до сихъ поръ онъ щедро награждаетъ становщиковъ и всѣхъ, у кого гостилъ, — такъ онъ платилъ довольно большія по тому времени деньги на даніловскихъ хуторахъ, колонистамъ въ Грязнухѣ и Верхней Добренкѣ, своему прежнему хозяину Каменному, становщику филиновской станицы Коблову, становщику на щербаковскомъ хуторѣ, табунщику Бурову, его товарищу, потомъ мельнику въ селѣ Рыбушкѣ, наконецъ походному есаулу Маневскому; теперь онъ сталъ платить еще щедрѣе: направившись съ Арчады вверхъ по Медвѣдицѣ и приѣхавъ къ Каменному, онъ даетъ ему лошадей, деньги, и тутъ же отѣхавъ нѣсколько верстъ вверхъ по Медвѣдицѣ и своротивъ въ сторону, грабитъ мужиковъ, которые ѣхали на Донъ, и самъ скачетъ къ Дону, является къ прежнему становщику Коблову и отдаетъ ему захваченныя у проѣзжихъ деньги; снова

ѣдетъ въ предѣлы саратовскаго намѣстничества, грабить, или «усильнымъ образомъ» беретъ что ему нужно на мельницѣ, на рѣчкѣ Латрыкѣ; а черезъ нѣсколько времени мы видимъ его уже у становщика Бурова, переносившаго разбойникамъ вѣсти о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ и какіе слухи ходили о Дегтяренкѣ. — «За вами послана высылка», сказалъ имъ на этотъ разъ Буровъ, и разбойники должны были наконецъ подумать о своемъ спасеніи.

Но и послѣ этого Дегтяренко дѣйствуетъ также странно, какъ и прежде. вмѣсто того, чтобъ спастись, онъ ѣдетъ почти прямо къ Саратову, выводитъ свою партію на Волгу, поворачиваетъ на югъ, заходитъ на Буркину ватагу, чтобы заpastись хлѣбомъ, скачетъ къ Камышину и на дорогѣ посѣщаетъ колонію Добренку, гоститъ у знакомаго колониста, даритъ его деньгами, снова возвращается вверхъ по Волгѣ, платитъ деньги на Щербакскомъ хуторѣ и наконецъ опять является къ Бурову, въ свой давнишній притонъ. Видно, что онъ уже дѣйствуетъ безъ цѣли, бросается въ разныя мѣста и ищетъ псохода; его преслѣдуютъ слухи, говоръ; ему грозятъ высылки; степи становятся не безопасны — укрыться негдѣ, надо разстаться съ шайкой или попасться въ руки разъѣзднымъ командамъ. Оставалось три дороги: броситься вглубь Россіи, — но тамъ еще опаснѣе чѣмъ въ повожжѣ; пройти въ «гетманщину», какъ онъ и думалъ, — но это было не такъ легко: бѣжать за Волгу — это всего возможнѣе. Приходилось принять хотя на время послѣднее рѣшеніе. Дегтяренко, покинувъ въ своемъ станѣ товарищей, лошадей и оружіе и простившись съ становщикомъ Буровымъ, взялъ съ собой одного Губченко и вдвоемъ пошли по направленію къ Волгѣ. Выше села Синенькаго они переѣхали на луговую сторону въ ловецкой лодкѣ и пришли въ колонокъ Козицкій, гдѣ и думали переждать самое опасное время повсковъ разъѣздныхъ командъ. Губченко имѣлъ съ собою два паспорта, и разбойники явились съ ними къ старостѣ, который и позволилъ имъ остаться въ колоніи. Но Дегтяренко не могъ ужиться покойно ни на одномъ мѣстѣ, потому что съ вольной жизнью привились къ нему такія привычки, которыя, рано или поздно, должны были погубить его. Нажитыя грабежемъ деньги доставляли ему свободный доступъ во всѣ кабаки, а въ кабакахъ заводились знакомства и въ пьяномъ видѣ говорилось многое, что не легко сказалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Кабакъ свелъ Дегтяренко съ такими людьми, которые выдали тайну его занятій и едва не погубили

его. — Онъ поилъ всѣхъ безъ разбора и также безъ разбора сорилъ деньгами, привлекая тѣмъ вниманіе мѣстныхъ властей. Такъ между прочимъ, «будучи въ питейномъ домѣ — говоритъ Дегтяренко — по знакомству свидѣлись мы, Покровской малороссійской свободы, атамана Степана Мартыненко съ племянникомъ, которой отъ насъ выпилъ чарку вина, на вопросъ сказалъ, что-де скоро прійдетъ въ свои хутора дядя ево, атаманъ, а мы притомъ его просили, естли прійдетъ, тобъ онъ къ намъ побывалъ въ колонокъ. Которой на четвертой день пріѣхавъ, пллъ вмѣстѣ, а между тѣмъ я и Губченко дали ему, атаману Мартыненку, въ подарокъ четыре рубли денегъ». Вѣроятно разбойники желали задобрить подаркомъ атамана, однако напрасно. Черезъ нѣсколько дней Мартыненко явился въ колонію съ вооруженными людьми и захватилъ разбойниковъ. Произошла страшная суматоха, крикъ пошелъ по всей колоніи, «сдѣлался великій шумъ и сбѣжалось много колонистовъ». По праву гостепримства, колонисты отняли разбойниковъ у Мартыненко и повезли ихъ въ другую колонію, къ военному начальнику, для освидѣтельствованія паспортовъ. Но Дегтяренко спасся и въ этомъ случаѣ, потому что паспорты оказались неподозрительными, личности разбойниковъ не внушали никакого сомнѣнія, насчетъ ихъ благонамѣренности, и разбойники были отпущены. Но послѣ того и за Волгой оставаться было не безопасно, и разбойникамъ приходилось думать о гетманщинѣ, куда они прежде желали пробраться. Снова переѣхали они на горную сторону Волги и снова побрели къ стану, къ табунщику Бурову, гдѣ и нашли оставленныхъ товарищей. Не было другого исхода, какъ покинуть саратовское намѣстничество, разстаться съ поволожьемъ, гдѣ окончательно погибала понизовая вольница, и искать новыхъ мѣстъ для удалыхъ походовъ. Притомъ время приближалось къ концу лѣта, всѣ поля были заняты народомъ, убиравшимъ хлѣбъ, жизнь у становщиковъ оказалась невозможною, и Дегтяренко рѣшился разстаться съ товарищами навсегда.

Въ сентябрѣ 1781 года Дегтяренко, въ послѣдній разъ вывелъ въ поле свою шайку и, доведя ее до истоковъ рѣчки Бузулука, распустилъ товарищей въ разныя стороны. Съ нимъ остался только Мирошниковъ, да и тотъ, потерявъ всякую возможность остаться въ поволожѣ, гдѣ его знали еще со времени разбоевъ атамана Рыжаго, думалъ пройти на Терекъ, въ моздокскія степи, куда стала мало-по-малу перебираться понизовая вольница и гдѣ еще можно было погулять и поголодать на сво-

бодѣ. Но Дегтяренко помнилъ свою далекую родину, «Гетманщину,» какъ онъ ее называетъ, и, разставаясь съ повожьемъ, гдѣ шатался безпріютнымъ бродягой, и голодалъ, и ходилъ въ лохмотьяхъ, и терпѣлъ униженіе, гдѣ наконецъ властвовалъ въ небольшомъ кругу, надѣлалъ шуму и тревоги, — хотѣлъ увести съ собой Мирошниковъ *). Однако намѣренія ихъ не исполнились: Алешка Поповичъ, котораго они нашли потомъ на одномъ изъ бузулукскихъ хуторовъ и просили написать имъ паспорта для проѣзда въ Малороссію, былъ схваченъ казаками и преданъ товарищей. Хотя они и были пойманы безъ оружія, однако скоро отыскалось и оружіе, которое они успѣли-было скрыть **). Разбойниковъ сначала повезли на судъ въ Черкасскъ, но съ дороги воротили въ Саратовъ, гдѣ Дегтяренко, послѣ «пристрастнаго» допроса, сознался въ своихъ преступленіяхъ. Но Алешка Поповичъ и Мирошниковъ, несмотря на допросъ подъ «пристрастіемъ батововъ» и на увѣщанія судей и священника, не хотѣли открыть всего, въ чемъ были виновны.

Такъ какъ Мирошниковъ принадлежалъ нѣкогда къ шайкѣ атамана Рыжаго, а онъ до сихъ поръ сидѣлъ въ царыцынской тюрьмѣ и судился вмѣстѣ съ прочими соучастниками своихъ похищеній, то и Мирошниковъ привезли въ Царыцынъ, а Дегтяренко и Алешку Поповича отослали въ мѣста ихъ родины. Уже въ концѣ 1782 года кончился судъ надъ царыцынскими арестантами, преступленія которыхъ подведены были подъ слѣдующія статьи законовъ.

По Соборному Уложенію, главы 2 ст. 4. «А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зажегъ или дворы, и въ то

*) «Намѣревъ былъ (Мирошниковъ), отыскавъ билетъ проѣхать для празднаго жительства на Терекъ, который (Дегтяренко) ему выговорилъ: «Поѣдемъ-де на Бузулукъ, и тамъ съедемъ себѣ подорожную». Обѣщался ево съ собой провести въ Гетманщину».

***) «По доказательству казака Луки Минаева въ стogu вынута ево, Кузнецова (такъ назывался Мирошниковъ послѣ побѣга изъ царыцынской тюрьмы), снаряду два ружья, пистолеть, казачья лялунка, да труска черепашня, егарская, охотничья красной кожи потронница и съ двадцатью тремя порохомъ наполняемыми патронами и вложенною въ нихъ смѣшанною съ пуговками дробью, одна казачья шашка, два дротика, полтора фунта въ мѣшкѣ пороху; снятъ съ него кафтанъ синей китайки, избита лѣвая пола пулею, а сзади дробью, да синей толстаго сукна азиямъ, шапка жаркова сукна, что все значитца къ подозрѣнію реченнаго Кузнецова, кромѣ Дехлярева, кого разбойнической снарядъ взять особо въ куренѣ казака Кобтова, знакомаго намъ становщика».

время или послѣ того зажигалщикъ изыманъ будетъ и сыщется про то ево воровство до прями, и его самого эжечь безъ всякаго милосердія. »Гл. 10, ст. 228.» А будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ и послѣ того онъ будетъ изыманъ и зыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ, и такова зажигальщика казнити сжечь.

Гл. 21, ст. 16. «А будетъ приведуть разбойника и его пытать, да будетъ онъ съ пытки повинитца, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ, и у того разбойника за первый разбой послѣ пытки отрѣзать правое ухо да въ тюрьмѣ сидѣть три года, а животы его отдать въ выти ясамя, а изъ тюрьмы вынимая его, посылати въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ Государь укажетъ, а какъ онъ въ тюрьмѣ три года отсидитъ, послати въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и велѣти ему въ украинныхъ городахъ быти въ какой чинъ пригодитца и дать ему по тому же письмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.»

Ст. 12. «А которые разбойники говорятъ на себя въ распросѣ и съ пытку, что они были на одномъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили убивство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ разбойниковъ и за первый разбой казнити смертію.»

Къ этимъ статьямъ подведены были соотвѣтствующія мѣста Воинскаго артикула, и положено было слѣдующее рѣшеніе: *«По сентенціи присутствующихъ приговорено, въ силу воинскихъ правъ, подпоручика Носкова, капрала Архипова и солдата Горева повѣсить, Овчинникова, Гончарова и Журенкова колесовать и на колесо тѣла ихъ потомъ положить, а Старкова сжечь *)»*.

*) Подпоручикъ Носковъ обвинялся въ приѣмѣ воровскихъ вещей и въ потворствѣ разбойникамъ; а прежде этого, 1777 года, «за непорядочное солдата Драконова наказаніе палками и за неучтивые и грубые передъ командиромъ ево, Носкова, отвѣты, написанные въ рапортѣ ево угрозы, арестовавъ былъ на одну недѣлю на хлѣбъ и воду»; 1788 года, за приходъ въ канцелярію въ ночное время пьянымъ образомъ, за битіе солдата Боброва обнаженнымъ тесакомъ и за порубленіе ему руки и за битые жъ стоящаго на часахъ солдата Карпова пинками и за посаженіе въ тюрьму въ цѣпь, арестовавъ былъ на три недѣли». Капралъ Архиповъ и солдатъ Горевъ его соучастники въ перекражѣ у воровъ воровскихъ вещей. *Овчинниковъ* это настоящая фамилія атамана *Рыжаго*; *Гончаровъ* — товарищъ *Рыжаго*, называвшійся *Стародуевскимъ купцомъ*; *Журенковъ* тоже соучастникъ *Рыжаго*, *Старковъ* былъ не кто другой, какъ разбойникъ *Шагала*, что открыто было уже въ 1762 году, по безыменному письму, поданному неиз-

Прочіе разбойники становщики, знакомые Рыжого, нѣсколько бабъ, какъ разбойничьихъ женъ, такъ и любовницъ, судились въ воеводской канцеляріи въ Царыцынѣ, а соучастники Дегтяренка развезены были по другимъ городамъ, и такимъ образомъ были уничтожены двѣ послѣднія поволжскія шайки.

Восемьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени понижи послѣднихъ разбойничьихъ атамановъ, много измѣнили характеръ понизовой вольницы. Но съ восьмидесятыми годами прошедшаго столѣтія поволжская вольница не умерла окончательно, только разбойничьи шайки мельчали и рѣдѣли и атаманы становились все жалче и безсильнѣе. Долго водились на Волгѣ небольшія партіи этихъ людей, разбойники «шалили» еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія у Самары, въ жегулевскихъ горахъ, но теперь уже ничего не слышно. Года три тому назадъ уничтожены наконецъ гардакютныя команды, нѣчто въ родѣ древнихъ «высылокъ» и «разъѣздовъ», наблюдавшія за спокойствіемъ на Волгѣ, — потому что попизовая вольница обратилась окончательно въ бурлаковъ.

Но народная память, равнодушная къ громкимъ историческимъ именамъ, къ славѣ преобразователей и великихъ администраторовъ, вѣрно сохраняетъ другія имена, незанесенныя на страницы исторіи. Народъ почти ничего не помнитъ изъ прошедшаго нашей родины, но хорошо знаетъ все, что имѣло отношеніе непосредственно къ нему и къ его спокойствію: у него своя исторія и свои громкія имена. Много полусказочнаго, полуправдиваго расскажетъ онъ и теперь про разбойника Быкова, дѣйствовавшаго около Казани въ сороковыхъ годахъ нынѣшня столѣтія, *) про разбойника Гусева, нѣсколько разъ бѣгавшаго изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ сграбившаго соборъ въ Саратовѣ. Народъ не знаетъ гармоническихъ стиховъ Пушкина и не сочувствуемъ пмѣ, а между тѣмъ охотно разучилъ и поетъ, передавая по всему поволжью, нескладную и нелѣпую пѣсню, сочиненную этимъ разбойникомъ, Гусевымъ, въ саратовскомъ острогѣ. Замѣчательно, что самъ народъ говоритъ, что эту пѣсню сложилъ Гусевъ. Мы приведемъ ее здѣсь, какъ образ-

вѣстнымъ человѣкомъ саратовскому намѣстнику Поливанову въ прїѣздъ его въ Царыцынъ. Старковъ воспользовался именемъ умершаго малороссіянина и скрывался съ его паспортомъ.

*) Въ анатомическомъ кабинетѣ казанскаго университета находится бюстъ или слѣпокъ съ головы этого разбойника и скелетъ изъ его костей, потому что онъ, кажется, умеръ въ Казани, во время наказанія. Тамъ же мы видѣли скелетъ и бюстъ разбойника Чайкина.

чикъ новѣйшей народной поэзіи. Странный размѣръ и присутствіе рѣзмы обнаруживаютъ знакомство разбойника съ новѣйшими рѣмованными пѣснями. Вотъ она :

Мы заочно, братцы, распростимся
 Съ бѣлой, каменной тюрьмой,
 Больше въ ней сидѣть не будемъ,
 Скоро въ путь пойдемъ большой.
 Скоро насъ въ Сибирь погонять,
 Мы не будемъ унывать, —
 Намъ въ Сибири не бывать,
 Въ глаза ее не видать :
 Здѣсь дороженька большая,
 И съ пути можно бѣжать;
 Деревушка стоитъ къ пути близко
 На краю — Самаръ-кабакъ,
 Цѣловальникъ намъ знакомый,
 Онъ изъ насъ же изъ бродягъ.
 За полштофъ ему вина
 Только деньги заплатить,
 Кандамы съ насъ поснимаетъ,
 Можно будетъ намъ бѣжать.

Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
 Въ свою сторону бѣжалъ ?
 Никого ты не спросилъ,
 Кромѣ сердца своего.
 Прежде пилъ ты, веселился,
 Какъ имѣлъ свой капиталъ,
 Съ товарищами поводился,
 Капиталъ свой промоталъ.
 Капиталу не сыстало
 Во неволю жить попалъ,
 Во такую во неволю
 Въ бѣлый каменный острогъ.
 Во неволѣ сидѣть трудно,
 Но кто знаетъ про нее ?
 Посадили насъ на подѣлю
 Мы сидѣли круглый годъ.
 За тремя мы за стѣнами
 Не видали свѣтлый день;
 Но небось, Господь творецъ съ нами,
 Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли,
 Мы и тутъ зарю видали
 Мы и тутъ не пропадемъ !
 Часты звѣзды потухали,
 Заря бѣла занялась,
 Какъ зоринька занялась,
 Барабанъ зарю пробилъ
 Барабанушка пробивалъ,

Ключникъ двери отпираетъ ;
 Ключникъ двери отпираетъ,
 Офицеръ съ требой идетъ,
 Всѣхъ на имя насъ зоветъ :
 Одѣвайтесь, ребятенки,
 Въ свои сѣры чапаны,
 Вы берите сумочки, котомки,
 Вы сходите сверху внизъ,
 Говорите всѣ одну рѣчь.
 Что за шутова коляска
 Проявилась въ городу?
 Коней пару запрегають,
 Подаютъ ее сейчасъ ;
 Подаютъ эту коляску
 Ко парадному крыльцу,
 Сажаютъ бѣднаго мальчишку
 Мени задомъ напередъ,
 Подвозили бѣднаго мальчишку
 Къ эшафотному столбу.
 Палачъ Оедька разбѣжался,
 Мени за руки беретъ,
 Становить меня, мальчишку,
 У траурнаго столба,
 Велятъ мнѣ бѣдному мальчишкѣ,
 На восходѣ солнца молиться,
 Со всѣмъ міромъ проститься
 Палачъ Оедька разбѣжался,
 Рубашонку разорвалъ,
 На машину меня клалъ.
 На машину меня клали,
 Руки, ноги привязали
 Сыромятными ремнемъ.
 Беретъ Оедька кнутъ въ руки,
 Закричалъ : братъ, берегись !
 Онъ ударилъ въ первый разъ
 Поились слезы изъ глазъ ;
 Онъ ударилъ другой разъ
 Закричалъ я : помилуйте насъ!... *)

*) Пѣсня эта, вѣроятно, сложена въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Гусевъ, послѣ убійства соборнаго сторожа, былъ вторично (или въ третій разъ) пойманъ и сидѣлъ въ острогѣ. Въ пѣснѣ прощанье съ товарищами и описаніе позорнаго наказанія кнutoвъ; « шутова коляска » — позорная колесница; палачъ Оедька, очень популярное лицо. — Самарь-кабакъ и цѣловальникъ напоминаютъ «Бродягу» И. С. Аксакова.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

АНГЛІЙСКИХЪ КОЛОНИЙ КЪ МЕТРОПОЛИ.

Противоположность, существующая въ политическомъ и юридическомъ отношеніяхъ, обнаруживается рѣзче между метрополіей и ея колоніями, чѣмъ между жителями страны, заключенной въ предѣлахъ одной и той-же территоріи. Относительныя права переселенцевъ другъ къ другу и къ государству, положившему основаніе ихъ поселеніямъ, представляютъ спорные вопросы, постоянно возникающіе въ той или другой формѣ.

Всѣ явленія въ исторіи колонизацій, начиная съ поселеній Финикіянъ на берегахъ Средиземнаго моря и съ учрежденія колоній государствами древней Греціи до завоеваній Испанцевъ и Португальцевъ въ открытыхъ ими странахъ свѣта и до огромнаго переселенія, совершающагося въ настоящее время съ социалью экономическою цѣлью, представляютъ отличительныя характеристическія черты народности. Можно думать, что національный духъ, отдѣляющійся отъ своей исторической почвы и переселяющійся на дальній берегъ, по истеченіи болѣе или менѣе значительнаго періода времени, обнаруживаетъ свои особенности болѣе блестящимъ образомъ, чѣмъ въ странѣ, служившей ему первобытной родиной.

Долго-ли эти особенности въ состояніи сохраниться при совершенномъ измѣнившихся условіяхъ образованія, какой дальнѣйшій процессъ развитія приметъ національный духъ въ колоніяхъ, происходитъ-ли успѣхъ или упадокъ нравовъ и въ какіе періоды со-

вершается физиологическій переворотъ въ обществѣ переселенцевъ, — всѣ эти вопросы не ведутъ ни къ какому общему результату, потому что исторія колонизацій не представляетъ масштаба, по которому разнообразныя до безконечности историческія формы народной жизни, могли-бы быть подведены подъ опредѣленные правила. Только то не подлежитъ сомнѣнію, что принципъ измѣняемости врожденныхъ народныхъ качествъ неразлучно связанъ съ успѣхами колонизацій и съ рѣшеніемъ вопроса, относительно учрежденія новыхъ обществъ. Отрицательнымъ доказательствомъ тому могутъ служить Евреи, распространившіеся по всей поверхности земли, но нигдѣ не образовавшіе колоній. Присоединившись къ чужимъ народностямъ, подобно тому, какъ чужеродныя растенія присоединяются къ хлѣбнымъ, они вполне сохранили свою національную самобытность, не преобразовывая ни самихъ себя, ни другихъ, не обнаруживая призванія къ государственному устройству, но при всемъ томъ, отличаясь способностью къ социальному и экономическому господству, почти можно сказать къ финансовому деспотизму, которыхъ результаты изумительны.

Именно эта основная черта національной способности къ развитію, замѣтная въ переселенцахъ, и которую мы должны считать таинственнымъ зерномъ возрожденія великихъ колонизацій, представляетъ первое затрудненіе для опредѣленія социальна — юридической зависимости колоній отъ метрополии. Перемены національнаго духа, переселеннаго на новую почву, его болѣе быстрыя движенія сравнительно съ развитіемъ на родинѣ, различіе образованія новыхъ идей, которыя при извѣстныхъ условіяхъ слѣдуютъ другимъ законамъ, все это основныя условія необходимости постоянного измѣненія законовъ, касающихся отношенія переселенцевъ къ обществу, положившему основаніе ихъ поселеніямъ.

Истина этихъ воззрѣній подтверждается исторією англійскихъ колоній и въ-особенности двумя явленіями, изъ которыхъ одно имѣетъ характеръ историческій, а другое социальный.

Америка и Австралія служатъ поприщами, на которыхъ англійскій духъ колонизацій дѣйствуетъ въ продолженіе двухъ вѣковъ. Въ прежнихъ американскихъ колоніяхъ, находящихся въ умѣренныхъ полосахъ сѣвернаго полушарія, онъ имѣлъ слѣдствіемъ эманципацію и политическую самостоятельность жителей и начинаетъ преобразовываться въ американизмъ, въ которомъ едва его можно узнать; между тѣмъ, какъ на южномъ полушаріи,

въ одной изъ отдаленнѣйшихъ земель, онъ, несмотря на многочисленныя перемѣны, на взаимную ненависть переселенцевъ и бывшихъ ихъ соотечественниковъ и на самыя рѣзкія противоположности между тѣми и другими, не только сохранилъ, но даже укрѣпилъ свои родственныя отношенія къ метрополи.

Ни одна изъ прочихъ менѣе значительныхъ колоній Англіи не находится въ совершенно одинаковой зависимости отъ метрополи. Самаго поверхностнаго сравненія ихъ достаточно, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. Не только торгово-политическія и экономическія отношенія, но и государственныя права колоній представляютъ различныя степени зависимости отъ метрополи.

Мы не намѣрены описать здѣсь по порядку отдѣльныя колоніальныя учрежденія съ ихъ особенностями, недавно собранныя въ превосходномъ сочиненіи Милля, и представить такимъ образомъ доказательства богатства архитектуры въ зданіи англійскаго колоніальнаго права. Такое наружное сближеніе, при отсутствіи строгихъ историческихъ началъ, имѣло-бы видъ произвола, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, современное состояніе этихъ учрежденій есть слѣдствіе соціальной необходимости. Даже въ Англіи, до сихъ поръ избѣгали отыскивать общія основанія всѣхъ отношеній метрополи къ различнымъ поселеніямъ; довольствовались тѣмъ, что каждую отдѣльную форму колоніальныхъ учрежденій признавали самостоятельною, и удаляли всякую мысль о существованіи государственно-юридическаго соотношенія между колоніями. За-то въ самыхъ колоніяхъ не рѣдко обнаруживалось стремленіе опредѣлить общую, для всѣхъ обязательную норму колоніальныхъ правъ, на сколько это можно сдѣлать на основаніи сходства мѣстныхъ условій. Мы еще недавно видѣли, какъ австралійскія колоніи упирались на дѣйствія малской, которая съ успѣхомъ воспротивилась приказанію англійскаго правительства, не допустивъ высадки транспорта преступниковъ, привезенныхъ съ Бермудскихъ острововъ. Также весьма охотно ссылаются на примѣръ сѣвероамериканскихъ колоній и на причины, которымъ онѣ обязаны своею независимостью.

Вѣрный политическій инстинктъ, очевидно, удерживалъ государственныхъ людей Англіи отыскивать общія начала колоніальнаго права, когда нужно было нарушить основное положеніе относительно зависимости какой нибудь отдѣльной колоніи. Нѣтъ ни одного значительнаго сочиненія по этому предмету, ни одного цѣльнаго законодательнаго акта. Существующая колоніальная литература занимается почти исключительно колони-

ально-политическими и колониально-историческими вопросами, какъ будто, само-собою разумѣется, что социальныя учрежденія, развившіяся въ метрополиі, въ теченіи вѣковъ, могутъ быть перенесены въ отдаленныя страны въ карманахъ переселенцевъ.

Нѣкоторые значительные люди даже до-того были проникнуты блескомъ историческихъ преданій, значеніемъ сословныхъ правъ древней Англіи и всеобщю необходимостью и примѣнностью законовъ управленія, принятыхъ въ англійскихъ графствахъ, что считали возможнымъ переселеніе не только людей, но и государственно-юридическихъ учреждений метрополиі и тщательно создали системы *колонизації права*.

Всѣ попытки, планы, надежды и желанія, стремившіяся къ достиженію этой цѣли, не только не имѣли никакого успѣха, но даже, какъ будто нарочно, вслѣдствіе какой-то злой насмѣшки судьбы, достигали противоположныхъ результатовъ.

Въ хартіи, данной Яковомъ I обществу, устроившемуся для колонизаціи Виргиніи, каждому переселенцу вмѣнялось въ обязанность: *«содѣйствовать постройкѣ зданій для прославленія небеснаго величія Творца»*. Это, другими словами, значило: *«учреждать доходныя мѣста и епископства въ пользу господствующей англиканской церкви.»* *) Еслибъ какимъ нибудь чудомъ Яковъ I могъ воскреснуть и очутиться въ Нью-Йоркѣ, то онъ собственными глазами убѣдился-бы, въ какой степени осуществился его планъ: вмѣсто господства англиканской церкви, онъ увидѣлъ-бы всеобщее распространеніе духа диссентеріи, со всевозможными отгѣнками, начиная съ піетистической и пуританской мечтательности квакеровъ и методистовъ до сумасбродства мормоновъ.

Но еще негнѣе этого заблужденія Якова I и его друга *Бэкона*, раздѣлявшаго его мнѣніе, и еще непростительнѣе, послѣ двухсотлѣтняго опыта, представленнаго исторіею Америки, были понятія многочисленныхъ приверженцевъ вейкфильдской системы и мечтанія тѣхъ, которые считали возможною колонизацію *аристократическую*. Ихъ идеаломъ были огромныя помѣстья, окруженныя парками, отсутствіе непоэтическихъ фабричныхъ трубъ и существованіе сельскаго пролетаріата, лишеннаго всякой надежды достигнуть самостоятельнаго обладанія земельнымъ участ-

*) Подобная же цѣль высказалась недавно въ извиненіе англійскаго господства въ Индіи, когда обращеніе въ христіанство приняли за предлогъ для оправданія уничтоженія людей посредствомъ пушекъ. Уже Геренъ клеймилъ позоромъ подобный образъ мыслей.

комъ, но за-то воодушевленнаго любовью къ земледѣльческимъ работамъ въ пользу большихъ землевладѣльцевъ и за ничтожную плату, и проникнутаго наслѣдственнымъ благоговѣніемъ къ гербу, прибитому къ воротамъ замка, и глубокою благодарностью за дозволеніе участвовать въ качествѣ пажей на охотѣ своихъ господъ въ лѣсахъ Кенгуру. Поэтому, еще въ 1843 году Булверъ и Гайндъ (Hind) предложили въ нижнемъ парламентѣ учредить колониальную аристократію и побудить къ переселенію «джентльменовъ», посредствомъ обѣщанія бароніи въ Австраліи или Канадѣ. Въ то же время защитники вейкфилдской системы поддерживали теорію большаго поземельнаго налога и устраненія въ колоніяхъ образованія мелкихъ владѣній, — теорію, выразившуюся въ распоряженіяхъ министерства тори. Нѣсколькихъ лѣтъ было достаточно, чтобы яснымъ образомъ доказать негѣдность и ошибочность подобныхъ мнѣній. Въмѣсто теоріи аристократическихъ переселеній, въ Австраліи, несмотря на многочисленныя препятствія, распространилось владѣніе мелкими участками, въ такой степени, что оно можетъ служить основаніемъ соціальной организаціи на будущее время. Даже верхній парламентъ, это импонирующее собраніе, состоящее изъ истинно-аристократическихъ началъ, и которому весьма неудачно старались подражать въ другихъ мѣстахъ, не могъ не признать дѣйствительности этого факта. Въ отчетѣ комитета за 1856 годъ, онъ, въ своей резолюціи, настоятельно требовалъ уничтоженія большихъ поземельныхъ налоговъ въ западной Австраліи, чтобы облегчить заселеніе этого края мелкими землевладѣльцами *).

Мы привели оба примѣра въ доказательство, что готовая система англійской организаціи не можетъ отвѣчать цѣли и назначенію колоній и что ни церковный, ни соціальный организмъ общества не можетъ быть *созданъ* по произволу человѣческому долженъ естественнымъ образомъ *развиваться* на основаніи мѣстныхъ общественныхъ условій.

Великій принципъ, высказанный Фукидидомъ въ отношеніи къ колоніямъ самаго свободнаго изъ государствъ древней Греціи, что поселенія должны быть основываемы съ цѣлью вполнѣд-

*) Въ другомъ смыслѣ, Макъ-Куллохъ (Mc. Culloch) признаетъ колоніи полезными для аристократическихъ цѣлей метрополи. Онъ хвалитъ колоніи за то, что онѣ доставляютъ англійскимъ авантюристамъ возможность въ скоромъ времени составить себѣ имуществъ и возвратиться на родину богачами. Подобный же взглядъ имѣли молодые венеціанскіе нобили, какъ это показалъ Сисмонди.

ствія сдѣлаться независимыми, а не оставаться подчиненными метрополиі, кажется, все болѣе и болѣе проникаетъ въ умы англійскаго народа и его передовыхъ государственныхъ людей. Но отъ этой послѣдней историко-философской цѣли должно отличать существующую на дѣлѣ первоначальную зависимость каждаго вновь возникающаго поселенія отъ государства, положившаго его основаніе. Далекое ли должна простираться эта естественная зависимость, въ какіе періоды созрѣваетъ колониальный духъ, и по какимъ признакамъ можно узнать полную его зрѣлость, дающую право на совершенную самостоятельность, — все это вопросы, которыхъ рѣшеніе далеко не разъяснено наукой. Правда, были люди, которые ученіе о государственной измѣнѣ считали удобопримѣнимымъ для всѣхъ странъ земли и измѣряли притязанія колоній на самостоятельность тѣмъ-же масштабомъ, какъ и возмущеніе противъ жизни правителя. Были и такіе, которые принимали семейный бытъ и освобожденіе сына изъ-подъ власти родительской за образецъ для опредѣленія зависимости или независимости поселеній отъ метрополиі. Какъ молодой человѣкъ, достигшій полнаго нравственнаго развитія въ своей экономической дѣятельности не долженъ зависѣть отъ произвола родителя, такъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, каждая колонія имѣетъ право требовать освобожденія отъ метрополиі, какъ скоро она достигла полной *соціальной самостоятельности* и можетъ существовать безъ матеріальной внѣшней поддержки.

Ни ограниченный эгоистическій взглядъ, желающій сохранить жизнь вновь возникшаго общества въ исторически укоренившихся формахъ метрополиі и насильственными мѣрами воспротивиться всякому проявленію въ немъ самостоятельности; ни сравненія, приведенныя выше, основанныя на гражданскомъ правѣ, болъшею частію составленномъ изъ произвольныхъ формулъ — не могутъ служить исходною точкой для опредѣленія зависимости колоній. Только то, по-видимому, не подлежитъ сомнѣнію, что эта зависимость, въ началѣ существованія поселеній, служитъ основаніемъ ихъ всеобщаго развитія, какъ скоро государство, которому они обязаны своимъ учрежденіемъ, овладѣло территоріей, гдѣ совершается отложеніе новыхъ соціальныхъ элементовъ, и что съ теченіемъ времени этотъ территоріальный взглядъ на колониальное владѣніе очень часто уступаетъ мѣсто торгово-политическимъ интересамъ, всегда игравшимъ главную роль въ отношеніяхъ между метрополией и колоніями.

Самымъ яснымъ доказательствомъ тому служить чрезвычайно быстрое развитіе австралійскихъ колоній. Едва прошло семьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ англійское правительство завладѣло новымъ южнымъ Валисомъ, и не болѣе какъ за двадцать пять лѣтъ право его на владѣніе этою страной признано всѣми судами, по случаю покупки *Батманомъ* земель близъ Порта Филиппа въ 1835 году *). Приобрѣтеніе земельныхъ участковъ частными людьми допускалось не иначе, какъ по передачѣ со стороны правительства. Покупка земель отъ туземныхъ дикихъ племенъ, которыя въ силу самаго акта завладѣнія уже лишились въ нѣкоторомъ родѣ права собственности, не одобрялась юрисконсультами, ни въ Англіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ. Американцы въ этомъ отношеніи почти никогда не колебались въ своемъ мнѣніи, какъ-то можно усмотрѣть изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ Ворчестеромъ изъ исторіи колонизаціи Георгіи. Несмотря на все это, въ столь короткое время и подѣ влияніемъ могучаго экономическаго движенія, всякое приказаніе правительства на владѣніе землею давно оставлено *фактически*. Съ 1840 года оно сильно оспаривалось колонистами, которые потребовали, чтобы суммы, вырученныя отъ продажи казенныхъ земель, употреблены были на покрытіе издержекъ по управленію колоній. Еще прежде правительство не смѣло пользоваться своимъ неоспоримымъ правомъ ссужать большія пространства земли, въ видѣ подарка. Раздача обширныхъ участковъ австралійскому обществу земледѣлія и обществу колонизаціи на Лебяжей рѣкѣ суть послѣдніе примѣры подобнаго рода распоряженій.

• Принципъ непосредственнаго территориальнаго владѣнія зем-

*) *Батманъ*, намѣревавшійся заселить порть-филиппскую область колонистами изъ Ванъ-Дименовой земли, приобрѣлъ въ этой области *одинъ милліонъ моргеновъ* отъ начальниковъ туземныхъ неосѣдлыхъ дикихъ племенъ, въ силу заключеннаго съ ними письменнаго контракта, подѣ которымъ они, весьма естественно, не подписали своихъ именъ, а только поставили значки. Условія мѣны или, какъ выражались въ Англіи, покупки состояли въ выдачѣ дикарямъ одновременно извѣстнаго количества колпаковъ, оцѣягъ, ножицъ, зеркалъ и т. д., и въ обязательствѣ со стороны Батмана платить ежегодную дань подобными же предметами. Одинъ лондонскій юрисконсультъ высказалъ по этому поводу мнѣніе, что австралійскіе князья, безъ сомнѣнія, *люди весьма сѣдущіе* и что условія мѣны очень справедливы, но что подобнаго рода сдѣлки не могутъ быть допускаемы безъ согласія правительства, которому принадлежитъ предпочтительное право покупки земель (объ этомъ замѣчательномъ судебномъ дѣлѣ рассказываетъ подробно *Вестгартъ* (Westgarth) въ сочиненіи своемъ *Australia Felix*. Эдинбургъ 1848 г.).

землю дикою, необработанною, населенною только кочующими племенами, не имѣеть никакого прочнаго основанія и при успѣхѣ колонизаціи превращается въ чистую фикцію. При своемъ дальнѣйшемъ развитіи, онъ представляетъ рядъ экономическихъ и юридическихъ явленій, весьма разнообразныхъ, смотря по тому, вносится ли чужой элементъ въ первоначальныя, простыя отношенія между метрополіей и колонистами, и способны ли туземцы, подобно жителямъ нѣкоторыхъ острововъ Тихаго океана, къ занятію земледѣліемъ и къ участію во владѣніи землею, или они, по самой своей организаціи, осуждены погибнуть отъ прикосновенія съ цивилизованнымъ племенемъ.

Наконецъ, право правительства на посредственное владѣніе колониальною землею не можетъ быть допускаемо въ тѣхъ случаяхъ, когда эта земля поступаетъ въ собственность колонистовъ, путемъ, принятымъ за нормальную форму у всѣхъ развитыхъ народовъ.

Ясно, что въ этомъ случаѣ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, не можетъ быть и рѣчи о колонизаціи въ собственномъ смыслѣ этого слова и что названіе *колонія* здѣсь даже относительно невѣрно.

Поэтому Англичане употребляютъ для обозначенія подобнаго рода приобрѣтеній особое выраженіе, опредѣляющее преимущественно юридическое отношеніе Англій къ завоеваннымъ странамъ.

Выраженіе это болѣе опредѣлительно, чѣмъ названіе *колонія*, съ которымъ всегда болѣе или менѣе соединяется понятіе объ историческомъ происхожденіи страны. Всѣ вообще англійскія владѣнія, за исключеніемъ территории соединеннаго королевства, и тѣхъ земель, которыя своимъ заселеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ не обязаны непосредственному влиянію англійскихъ подданныхъ, обозначаются словомъ *dependencies*, то есть владѣнія, находящіяся въ зависимости отъ государства, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Нетолько Остидія или пустынные земли гудзонбейской компаніи, но также острова Британскаго канала и островъ *Менъ* принадлежать къ числу англійскихъ *dependencies*.

Ясно, что такое различіе въ способѣ приобрѣтенія колоній обуславливаетъ и различныя степени зависимости ихъ отъ метрополіи.

До-сихъ-поръ, мы имѣли только въ виду, что зависимость переселенцевъ, требуемая со стороны метрополіи, можетъ-быть представлена какъ слѣдствіе государственно-юридическаго прин-

цпа и поддерживаема какъ право при столкновеніи съ колоніями. Но можно спросить, имѣютъ ли колоніи, съ своей стороны, въ государственно-юридическомъ смыслѣ, право требовать защиты, соотвѣтствующей ихъ зависимости, и неодинаково ли обязательны отношенія между метрополіей и переселенцами для той и другой стороны? Могутъ ли колоніи требовать отъ метрополіи взаимныхъ услугъ?

Послѣдній вопросъ, хотя и менѣе важенъ чѣмъ вопросъ о правахъ метрополіи, можетъ, однако, при измѣненіи англійскихъ морскихъ и при появленіи совмѣстничества со стороны другихъ морскихъ силъ державъ, пріобрѣсти огромное значеніе, въ особенности потому, что въ англійскихъ колоніяхъ, вслѣдствіе твердой увѣренности въ несокрушимость господства Англій на моряхъ, мало принято мѣръ къ развитію оборонительныхъ средствъ и къ образованію особеннаго колоніальнаго войска съ отдѣльною военною организаціею. Австраліискіе колонисты часто недовѣрчиво смотрѣли на малочисленные гарнизоны, находящіеся въ незначительныхъ береговыхъ укрѣпленіяхъ. Англичанинъ, въ настоящее время, вспоминая объ Абукирѣ и Трафальгарѣ, считаетъ свои колоніи совершенно безопасными относительно притязаній какой-нибудь посторонней морской державы. Но при отсутствіи военной самостоятельности въ большихъ австраліискихъ колоніяхъ, судьба ихъ тѣсно связана съ могуществомъ англійскаго флага. Поэтому можно полагать, что когда измѣнятся отношенія, существующія между морскими силами европейскихъ державъ, то колоніи перестанутъ смотрѣть на Англію какъ на непріятельницу, постоянно угрожающую ихъ политической свободѣ; напротивъ, онѣ будутъ ожидать отъ своей метрополіи помощи въ случаѣ нападенія вѣшнихъ враговъ.

Умалчиваемъ о международныхъ комбинаціяхъ, на которыя указываетъ настоящее положеніе дѣлъ и которыя могутъ имѣть чрезвычайно важное вліяніе на дальнѣйшую судьбу англійскихъ колоній. То, однакожъ, не подлежитъ сомнѣнію, что опредѣленіе колоніальныхъ отношеній съ этой точки зрѣнія, именно, въ настоящее время, имѣетъ для колоній весьма важное значеніе. Всѣ писатели о колоніальномъ правѣ Англій или вовсе оставили безъ вниманія этотъ важный предметъ, или упоминали о немъ очень неясно и поверхностно.

Большинство политиковъ признаетъ даже, что колоніальное владычество Англій, разбросанное по всѣмъ частямъ свѣта и обезпечиваемое нестолько ея положительнымъ могуществомъ,

сколько отрицательною слабостью прочихъ морскихъ державъ, стѣсняетъ развитіе внутренней политической силы этой страны и что оно не только не содѣйствуетъ увеличенію ея финансовыхъ и военныхъ средствъ, но можетъ даже, въ случаѣ войны, повлечь за собою раздробленіе военныхъ силъ, съ цѣлью защиты отдѣльныхъ колоній.

Вопросъ о томъ, не будетъ ли для Англіи выгодно, изъ *политическихъ видовъ*, предоставить полную независимость своимъ заморскимъ колоніямъ, для устраненія обязанности защищать ихъ въ случаѣ войны, обратилъ на себя въ новѣйшее время серьезное вниманіе именно тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на этотъ предметъ исключительно съ финансовой точки зрѣнія *).

По мѣрѣ того, какъ увеличивалась потребность въ защитѣ колоній, въ самой Англіи уменьшалось стремленіе къ расширенію колониальныхъ владѣній. Мнѣніе, что господство надъ обширными заморскими странами есть наилучшій признакъ могущества государства и что съ этою цѣлю должно стремиться къ распространенію протектората, надъ полудикими племенами, и къ завоеванію и присоединенію новыхъ земель, признано было ложнымъ, даже прежде горькихъ опытовъ, испытанныхъ Англіею въ Удѣ, и прежде чѣмъ она запуталась въ сложные политическіе вопросы, по поводу государствъ центральной Америки. Ошибки прошедшаго не могли ускользнуть отъ вниманія людей дальновидныхъ.

Прошедшій періодъ англійской колониальной исторіи характеризовался притязаніями метрополіи; будущій, безъ сомнѣнія, охарактеризуется требованіями со стороны колоній. •

Но социальныя основанія этихъ требованій должны по необходимости измѣниться. Не только мѣра зависимости, но и притязанія переселенцевъ на помощь, со стороны метрополіи, опредѣляются способомъ приобрѣтенія колоній и степенью ихъ просвѣщенія и внутренняго развитія.

Для рѣшенія вопроса, касательно этихъ требованій и притязаній — слѣдуетъ обратить вниманіе на то, можно ли изъ принятой классификаціи англійскихъ колоній вывести прочное начало, для опредѣленія *взаимной зависимости*, между метрополіею и колоніями.

*) Сумма, которую Англія ежегодно изъ собственныхъ средствъ издерживала на управленіе колоній, составляла три милліона фунтовъ стерлинговъ.

Дѣленіе колоній, основанное на существующей въ нихъ формѣ правленія, опредѣляется такъ :

1) Владѣнія, получившія представительныя учрежденія, чрезъ дарованіе отъ правительства (by commission, by order in council, by charter). Къ этой категоріи принадлежатъ: *Ямайка, старинныя вестиндскія колоніи, всѣ вообще сѣвероамериканскія владѣнія* (за исключеніемъ Канады и Ньюфаундленда), *Мысъ Доброй Надежды и Мальта.*

2) Владѣнія, которыхъ форма правленія опредѣлена парламентскими актами. Мѣра свободы въ этихъ владѣніяхъ различна, смотря по причинѣ и времени ея происхожденія, а потому и вліяніе жителей на законодательство не одинаково. Къ этой категоріи принадлежатъ: *Канада, Ньюфаундлендъ, Австраліи-скія колоніи, Новая Зеландія, владѣнія на западномъ берегу Африки, островъ св. Елены, Гонгъ-Конгъ, Фалклендскіе острова, Остандія и британская Колумбія.*

3) Владѣнія, относительно которыхъ законодательная власть находится въ рукахъ англійскаго правительства и которыя, по этой причинѣ, называются обыкновенно казенными колоніями. Сюда относятся: *Гѣбралтаръ, Гельголандъ, Лабуанъ, Цейлонъ, островъ Маверикія, Наталь, земля Каффровъ, Тринидадъ, Сентъ-Люція и британская Гвіяна.*

Изъ этой классификаціи видно, что болѣе или менѣе значительное территоріальное протяженіе или болѣе или менѣе значительная степень развитія колоній, хотя болѣею частію, но не всегда служатъ необходимымъ условіемъ существованія въ нихъ свободнаго представительнаго правленія. Нѣкоторыя владѣнія въ настоящее время закрыты для англійской колонизаціи, гдѣ поэтому англійскія учрежденія лишены постоянного посредничества, со стороны демократическаго элемента переселенцевъ, и гдѣ военно-политическое возрѣніе рѣшительно преобладаетъ надъ возрѣніемъ коммерческимъ и социальнымъ, какъ напримѣръ Бермудскіе острова, колонія по западному берегу Африки, Фалклендскіе острова и Гонгъ-Конгъ, имѣютъ представительныя учрежденія, между тѣмъ какъ другія, гораздо болѣе важныя, и болѣе развитыя колоніи, какъ напримѣръ Цейлонъ и островъ Маврикія, находятся подъ непосредственною и неограниченною властью англійскаго правительства.

Причина такого неравенства заключается въ чисто случайныхъ явленіяхъ англійской колоніальной политики, которая иногда руководствовалась болѣе либеральными, а иногда болѣе эгои-

стическими взглядами. Сначала английское правительство имѣло въ виду, предоставить колоніямъ значительную независимость, какъ это особенно видно изъ одного патента, выданнаго королевою Елизаветою, и изъ формы правленія на Бермудскихъ островахъ. Этимъ патентомъ, даннымъ отъ 11-го іюня 1578 года, сэръ Гомфри Джилбертъ (Humphrey Gilbert) уполномочивался открывать всякія отдаленныя и дикія земли, не занятыя еще христіанскими народами или князьями; владѣть этими землями, какъ полною собственностью, съ правомъ передачи ихъ, на тѣхъ же основаніяхъ, наслѣдникамъ или другимъ лицамъ и съ обязательствомъ отдавать английскому правительству пятую часть находямаго тамъ золота или серебра; пользоваться полною судебною властью во всѣхъ пограничныхъ приморскихъ областяхъ; наказывать и миловать преступниковъ; производить по своему усмотрѣнію и разуму судъ и расправу какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя поселятся въ означенныхъ странахъ, и при этомъ руководствоваться законами, статутами и указами, издаваемыми имъ самимъ или его наслѣдниками, для усовершенствованія правленія, но съ соблюденіемъ того условія, чтобы всѣ поселенцы пользовались преимуществами свободныхъ англійскихъ подданныхъ, и чтобы противурѣчающіе тому законы или обычаи считались немнѣющими силы. На Бермудскихъ островахъ, одномъ изъ важнѣйшихъ военныхъ постовъ, съ незначительнымъ населеніемъ, какихъ-нибудь 12,000 душъ, введено еще въ 1619 году представительное правленіе, которое существуетъ и до настоящаго времени. По выраженію одного англійскаго офицера, правительство на этихъ островахъ, за недостаткомъ болѣе важныхъ законодательныхъ вопросовъ, ежегодно занимается составленіемъ актовъ, подтверждающихъ законную силу другихъ актовъ, изданныхъ съ цѣлью отысканія удобнѣйшаго способа *убивать время*.

Мы не будемъ говорить о каждой отдѣльной формѣ колониальнаго правленія, а также о вліяніи англійскаго правительства на изданіе законодательныхъ актовъ въ колоніяхъ. Замѣтимъ только, что два великія, неизмѣнныя начала, сохранившіяся при всѣхъ другихъ перемѣнахъ и которыми англійская колониальная политика рѣзко отличается отъ колониальной политики Франціи, Испаніи и Португаліи, состоятъ въ представительныхъ учрежденіяхъ, существующихъ въ главныхъ колоніяхъ, и въ возможно большей экцентрализаціи правленія, происходящей отъ представительства власти въ отдаленныхъ владѣніяхъ чрезъ чиновни-

ковъ (губернаторовъ), посылаемыхъ туда съ обширнымъ полномочіемъ; между тѣмъ какъ романскія государства, согласно съ своей внутренней политикой, управляютъ колоніями чрезъ посредство центральныхъ присутственныхъ мѣстъ, находящихся въ самой метрополи. На сторону какого принципа перевѣшиваютъ существенныя выгоды управленія — въ этомъ можно убѣдиться изъ сравнительной таблицы колоній французскихъ съ англійскими. Въ первыхъ преобладаетъ рѣшительное насиліе и нищета, заявляемая постоянными протестами угнетенныхъ туземцевъ; во вторыхъ быстро развивается матеріальное богатство и стремленіе къ независимому существованію.

Старинные англійскіе писатели о колоніальныхъ правахъ указывали иногда какъ на явленіе несправедливое, что правительство метрополи въ лицѣ своихъ чиновниковъ имѣетъ непосредственныхъ представителей въ колоніяхъ, между тѣмъ какъ колонисту воспрещается непосредственное представительство въ англійскомъ парламентѣ *). Несообразность и опасность учрежденій, вручающихъ англійскому парламенту законодательную и административную власть надъ отдаленными странами, усмотрѣны были всѣми друзьями колоніальнаго самоуправленія, и ревностный защитникъ колоній, великій Франклинъ, протестовалъ рѣшительно противъ такихъ притязаній метрополи.

Представительство Англій въ колоніяхъ, хотя въ своемъ основаніи никогда не прекращалось, принимало однако въ различныя времена различный видъ, смотря по тому, болѣе или менѣе правительство обнаруживало притязанія на вмѣшательство въ колоніальное правленіе. Первый губернаторъ Новаго-Южнаго-Валиса, капитанъ Филиппъ, получилъ почти такое-же полномочіе, какое дано было Елизаветой сэру Гѣмфри Джилберту. Хотя онъ не владѣлъ колоніальной землей, какъ собственностью, но могъ произвольно раздавать земельные участки, въ видѣ подарковъ, наряжать судъ и расправу въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, и даже миловать преступниковъ, по собственному усмотрѣнію. Въ другое время, напротивъ, правительство Англій увлеклось желаніемъ вмѣшиваться въ администрацію колоній и да-

*) При семъ они ссылаются, какъ на авторитетъ, преимущественно на Адама Смита. См. Wealth of nations. IV. 7.

вать своимъ мѣстнымъ представителямъ, кромѣ номинальныхъ полномочій, разные рескрипты, — явленіе, котораго опасность нерѣдко выставлялась на видъ англійскими государственными людьми. Со свойственнымъ ему могучимъ краснорѣчіемъ Эдмондъ Бьюрке, во время спора съ сѣверо-американскими колоніями, говорилъ парламенту: «Обширный океанъ отдѣляетъ васъ на три тысячи миль отъ переселенцевъ. Никакими усиліями вы не устранили того ослабленія въ дѣйствіи вашихъ административныхъ мѣръ, которое есть слѣдствіе такого значительнаго разстоянія. Волны текутъ и мѣсяцы проходятъ между изданіемъ приказа и его исполненіемъ; невозможность скорого разъясненія одного какого нибудь недоразумѣнія уже достаточно для приведенія въ упадокъ цѣлой системы. Вы испытываете такую же непріятность, какой при всякомъ правленіи неизбѣжно подвергается всякая нація, занимающая огромное пространство. Въ обширныхъ государствахъ отдаленныя части находятся въ меньшей зависимости отъ верховной власти, чѣмъ близкія. Этого требуетъ сама природа. Турки не могутъ управлять Египтомъ, Аравіей и Курдистаномъ такимъ же образомъ, какъ Фракіей. Они не имѣютъ въ Крыму или въ Алжирѣ такой-же власти, какъ въ Бруссѣ или въ Смирнѣ. Таково неизбѣжное положеніе, и таковъ вѣчный законъ отдаленныхъ и уединенныхъ частей государства».

Поэтому *самоуправленіе* составляетъ естественный государственно-юридическій принципъ колоній и гораздо болѣе необходимъ для нихъ, чѣмъ для самой метрополи. Въ одной депешѣ прежняго статсъ-секретаря, лорда Гленельга (Glenelg), этотъ принципъ высказался даже такъ рѣзко, что одинъ законодательный актъ парламента, относительно внутренняго управленія британскими колоніями, признанъ былъ всѣми *незаконнымъ* или *противнымъ* началамъ англійской конституціи (unconstitutional *). Въ частности возникали споры о формахъ самоуправленія и фор-

*) Mills, въ своемъ сочиненіи Colonial constitutions, London 1766, говоритъ по этому поводу: «Упрочить господство надъ колоніями на возможно болѣе продолжительное время, съ возможно меньшими расходами и съ возможно большими выгодами для насъ самихъ: такова задача, занимавшая прежде умы британскихъ государственныхъ людей. Содѣйствовать къ возможно скорому развитію этихъ обществъ въ социальномъ, политическомъ и торговомъ отношеніи и сдѣлать ихъ способными къ самоуправленію, не желая никакихъ средствъ, находящихся въ распоряженіи метрополи: такова въ настоящее время всѣми признанная задача нашей колониальной политики.»

нахъ представительства въ колоніальныхъ собраніяхъ, въ особенноти же о выгодахъ и невыгодахъ двухъ камеръ въ колоніяхъ; но уже то великій шагъ впередъ, что сама Англія убѣдилась въ той цѣли, къ которой должно быть направлено внутреннее колоніальное развитіе. Рядъ практическихъ уступокъ былъ слѣдствіемъ этого убѣжденія. Признавъ внутреннюю колоніальную независимость Австраліи, Англія отказалась отъ своего права, насильственнымъ образомъ принуждать колонистовъ къ приему преступниковъ; она прекратила свои транспортціи ссыльныхъ, *хотя эти колоніи за нѣсколько десятковъ лѣтъ основаны были исключительно англійскими преступниками и исключительно съ цѣлью удаленія ихъ изъ отечества.* Въ то самое время, когда верхній парламентъ признавалъ выгоды ссылки, для исправительныхъ цѣлей, онъ великодушно отказывался отъ этого преимущества, которое могъ бы сохранить, несмотря на сопротивленіе колонистовъ, и которое до той поры несомнѣнно основывалось на положительномъ государственномъ правѣ Англіи. Какъ различенъ такой благородный, возвышенный взглядъ отъ жалкихъ возрѣній нѣкоторыхъ сословныхъ корпорацій, незнающихъ болѣе важной государственной задачи, кромѣ ропота негодованія за лишеніе какого-нибудь положительнаго формальнаго права, пагубнаго для большинства населенія, и о отъ котораго слѣдовало-бы отказаться добровольно для уничтоженія вопіющей несправедливости.

Возвращаясь къ раздѣленію англійскихъ колоній на три категоріи, мы увидимъ, что такая классификація не имѣетъ никакого соціального основанія. Она зависѣла или отъ королевскихъ статутовъ, или отъ распоряженій парламента и даже частныхъ компаній, получавшихъ право на владѣніе большими поземельными участками. Но нельзя не признать рѣзкой фактической противоположности между колоніями, *управляемыми чиновниками, и нѣмкми, которыя имѣютъ представительное правленіе.*

Въ отношеніи къ этой противоположности, способъ приобрѣтенія колоній, съ точки зрѣнія народнаго права, имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ съ самыхъ древнихъ временъ съ каждымъ изъ двухъ способовъ, посредствомъ занятія и посредствомъ завоеванія, соединяются различные соціальные выводы. Въ отношеніи къ первому способу приобрѣтенія, посредствомъ занятія не населенныхъ или дикихъ земель, надо замѣтить:

Что общественное право Англии въ этихъ земляхъ не имѣетъ ровно никакого значенія, а право статutowъ — настолько, насколько оно повидимому примѣнимо къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и что каждый британскій подданный въ такихъ колоніяхъ въ самомъ себѣ носитъ *врожденныя ему политическія права*.

Изъ чего для позднѣйшаго развитія подобныхъ поселеній само-собою, въ видѣ необходимаго слѣдствія, является притязаніе англійскихъ колонистовъ на колоніальное представительство: выводъ, признанный справедливымъ въ объясненіи тайнаго содѣянія правительства, въ 1772 году.

Въ томъ же самомъ объясненіи, въ отношеніи другаго способа приобрѣтенія колоній посредствомъ завоеванія, замѣчено, въ видѣ государственно-юридическаго вывода, согласнаго съ мнѣніемъ сэра Эдуарда Локе:

Что правительство Англии, щадя жизнь покоренныхъ народовъ, приобрѣтаетъ въ отношеніи къ нимъ право собственности (1), вслѣдствіе чего оно можетъ назначать для нихъ законы по собственному усмотрѣнію.

Къ счастью, такое юридическое воззрѣніе, напоминающее своею рѣзкостью деспотизмъ древняго міра, совершенно противное началамъ новаго народнаго права, и на основаніи котораго можно оправдать даже самое рабство, никогда не находило примѣненія. Напротивъ, мы видимъ, что во всѣхъ этихъ завоеванныхъ колоніяхъ, англійскимъ правительствомъ долгое время допускались даже самыя рѣшительныя злоупотребленія въ дѣлахъ, касающихся частнаго права и по тяжбынымъ искамъ. Сожалѣтельство женщинъ въ Индіи считалось согласнымъ съ началами семейнаго права, и при одномъ знаменитомъ слѣдствіи на островѣ Тринидадѣ разсматривался даже вопросъ, должно, или нѣтъ, признать справедливымъ способъ, заимствованный изъ древняго испанскаго права, и на основаніи котораго признаніе, сказанное подъ пыткой, служило достаточнымъ доказательствомъ для обвиненія подсудимаго.

Изъ рѣзкаго юридическаго воззрѣнія на абсолютную зависимость казенныхъ колоній, необходимо вытекаетъ слѣдствіе; что

англіійское правительство во всякое время можетъ отказаться отъ своихъ совершенно одностороннихъ правъ, въ отношеніи къ этимъ владѣніямъ, и мы приходимъ къ заключенію, признанному всѣми, и которое въ частностяхъ, конечно, подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, отъ дарованія переселенцамъ разныхъ правительственныхъ льготъ:

Что совершенной государственно-юридической зависимости колоній соответствуетъ независимость метрополіи, т. е. такая зависимость можетъ быть признана, какъ фактъ, какъ сила завоеванія, но никогда какъ правильное социальное отношеніе.

Въ колоніяхъ, имѣющихъ представительное правленіе, зависимость отъ метрополіи выражается двоякимъ образомъ:

1) въ прямомъ представительствѣ англійскаго правительства въ лицѣ губернатора и въ полномочіяхъ, данныхъ ему въ руководство для колоніальнаго правленія;

2) въ преимуществѣ, какимъ пользуется правительство метрополіи, подъ руководствомъ отвѣтственныхъ министровъ, въ отношеніи колоніальнаго законодательства.

Отношеніе этихъ двухъ началъ колоніальной зависимости таково, что въ важныхъ случаяхъ одно можетъ содѣйствовать другому, что нѣкоторое соглашеніе съ требованиями колоній со стороны губернаторовъ не можетъ повредить влечъ короны, и что рѣшенію представительныхъ собраній можетъ быть противопоставлено двоякое veto. Какое употребленіе, впрочемъ, сдѣлано изъ этого права англійское правительство, можно видѣть изъ засвидѣтельствованнаго Миллемъ факта, что съ 1823 по 1853 годъ изъ числа 8808 американскихъ колоніальныхъ статутовъ только 185 были отвергнуты метрополіею. Но и это малое число, при настоящей либеральной колоніальной политикѣ Англій, казалось бы слишкомъ значительнымъ. Пока вообще будетъ существовать какая бы то ни было связь между этою странюю и тѣми ея колоніями, которыя имѣютъ представительное правленіе, право короны подтверждать рѣшенія колоніальныхъ представительныхъ собраній останется неприкосновеннымъ и будетъ служить предѣломъ для колоніальной независимости. Но всѣ прочія статьи колоніальнаго государственнаго права подлежатъ развитію. Застоя

въ отношеніи къ нимъ даже нельзя себѣ представить; движеніе должно обнаруживаться или по направленію къ высшему колониальному самоуправленію, какъ въ Канадѣ или Австраліи, или по направленію къ рѣшительному упадку колоній, какъ въ западной Индіи.

Почти во всѣхъ колониальныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ по образцу метрополіи, представителями законодательной власти служатъ: *губернаторъ* (какъ непосредственный уполномоченный короны, которой онъ исключительно обязанъ давать отчетъ), *сословные законодательные совѣтники*, съ членами, частію опредѣляемыми, частію избираемыми на мѣсто (какъ въ верхнемъ парламентѣ Англіи), и *законодательныя избирательныя собранія* (соотвѣтствующія нижней палатѣ депутатовъ). Изъ этихъ трехъ законодательныхъ дѣятелей только избирательныя собранія составляютъ твердый оплотъ противъ неприкосновенныхъ правъ метрополіи. Положеніе законодательныхъ совѣтниковъ таково, что они должны обратиться или въ колониальныхъ совѣтниковъ короны, или въ независимыя законодательныя корпораціи, на которыя англійское правительство мало можетъ имѣть вліянія.

Наконецъ, губернаторъ служитъ какъ-бы точкою равновѣсія въ дѣлѣ зависимости колоній отъ метрополіи. Черезъ него эта зависимость превращается въ обоюдную. Въ его правительственныхъ актахъ заключается звено, соединяющее двѣ отдаленныя части обширнаго государства, которыхъ интересы, какъ то доказала исторія, чаще находятся во взаимномъ противорѣчій, чѣмъ во взаимномъ согласіи. Губернаторъ есть посредникъ въ правительственныхъ отношеніяхъ между метрополіей и колоніей и обязанъ согласовать политическіе и соціальныя интересы одной стороны съ потребностями другой. Для занятія такого поста, которому, по значительности, нѣтъ подобнаго въ остальномъ административномъ мірѣ ни на континентѣ, ни даже въ англійскомъ министерствѣ, и въ сравненіи съ которымъ даже неограниченность древнихъ персидскихъ сатраповъ представляется явленіемъ жалкимъ и ничтожнымъ, — безъ сомнѣнія, требуется величайшее государственное призваніе, соединеніе двухъ противоположныхъ способностей: съ одной стороны, съ хладнокровнымъ и расчетливымъ умомъ старца наблюдать за интересами почтенной метрополіи, а съ другой, съ юношескимъ воодушевленіемъ

ніемъ принимать участіе въ стремленіи колоній къ развитію.

Изъ всего сказаннаго видно, что метрополія не можетъ быть независимою отъ колоній, имѣющихъ представительное правленіе; что она всегда будетъ обязана защищать тѣхъ самыхъ англійскихъ подданныхъ, живущихъ въ отдаленной полостѣ, *которые въ самихъ себѣ нѣсутъ врожденныя имъ политическія права*, и что безъ желанія этихъ переселенцевъ никогда не можетъ быть расторгнута соціальная связь, существующая между ними и первобытною ихъ родиной. Мы даже приходимъ къ такому заключенію, котораго истина, по нашему мнѣнію, подтвердится современнымъ:

Что чѣмъ больше развивается независимость колоній, основанныхъ на принципѣ самоуправленія, тѣмъ значительнѣе становится зависимость отъ нихъ метрополіи.

Чѣмъ богаче и разнообразнѣе организуется самоуправленіе колоній, чѣмъ значительнѣе является экономическое развитіе на ихъ дѣвственной почвѣ, ведущее жителей отъ благосостоянія къ богатству, и чѣмъ роскошнѣе накапливаются сокровища ихъ цвѣтушей промышленной жизни, — тѣмъ болѣе возвышается цѣнность этихъ владѣній въ глазахъ постороннихъ завоевателей и алчныхъ деспотовъ, тѣмъ очевиднѣе становится внѣшняя опасность, угрожающая переселенцамъ, и тѣмъ настоятельнѣе дѣлается ихъ потребность въ защитѣ со стороны метрополіи, къ которой они современнымъ должны будутъ прибѣгнуть, подобно тому, какъ дѣти Ніобы, угрожаемыя стрѣлами боговъ, прибѣгли къ лону своей матери. Мы надѣемся, что эта опасность еще далека; но она до-сихъ-поръ никогда не была принята въ соображеніе гордыми Англичанами, сознающими свое могущество. Какими средствами обороны обладаютъ эти драгоценныя владѣнія англійскаго велпчія? — Ровно никакими; по-крайней-мѣрѣ нѣтъ у нихъ организованныхъ военныхъ силъ, которыя можно было бы противопоставить военнымъ силамъ большихъ европейскихъ государствъ. Великія властолюбивыя и хищныя морскія державы, которыя могутъ развиваться современнымъ, въ состояніи будутъ, подобно Норманнамъ среднихъ вѣковъ, высадиться у незащитныхъ воротъ богатой промышленностью страны, если не съ цѣлью завоеванія земель, то съ цѣлью завладѣнія сокровищами

цѣлыхъ народовъ, и разгрома ихъ внутренней спокойной дѣятельности. Еще гораздо серьезнѣе опасность для Англiи со стороны самаго развитiя колонiй. Онѣ современемъ, рано или поздно, подобно Соединеннымъ Штатамъ Америки, возрастуть до независимаго состоянiя и тѣмъ же оружіемъ, которое имъ дала Англія, поразятъ ее же. Это общій законъ молодыхъ здоровыхъ обществъ, вытѣсняющихъ старыя на пути міроваго движенiя челоуѣчества.

ГОЛЬЦЕНДОРФЪ.

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АВСТРИИ.

М. Г.

Исполняя обѣщаніе свое увѣдомлять васъ, насколько возможно коротко, о моемъ странствованіи между Славянами, я опять сажусь за письмо къ вамъ.

Едва ли когда нибудь въ остальной жизни моей придется, въ столь непродолжительный срокъ, такъ много увидѣть новаго, приобрести такое множество знакомыхъ, переѣхать такое громадное пространство и собрать ту массу свѣдѣній, отъ которыхъ до сей минуты не можетъ еще вполне успокоиться голова моя. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ половиною, я проѣхалъ вдоль цѣлой Сербіи, захвативъ часть и юговосточной полосы княжества; пожилъ въ Сремѣ; коснулся Бачки и Баната; въ двухъ пунктахъ оставался дней по десяти въ Кроаціи; посидѣлъ нѣсколько въ каждомъ городѣ Далмаціи; изъ Каттаго пробрался, черезъ Нѣгоши, на Цетинь, отсюда, тѣмъ же путемъ, по Адриатическому морю, высадился на Арбу и потомъ, черезъ Триестъ и Лайбахъ, очутился въ Вѣнѣ. Поправивъ здѣсь свое здоровье, къ 29-му октября я переѣхалъ въ Прагу, въ которой и остаюсь уже двѣ недѣли.

Къ чему такая поспѣшность, перелетность съ одного мѣста на другое? Не лучше ли остаться подождать на одномъ мѣстѣ и сдѣлать что нибудь полезнаго на немъ, чѣмъ рыскать и схватывать лишь то, что можетъ попасться подъ руку на-бѣгу? Другой бы, конечно, такъ и поступилъ на моемъ мѣстѣ, избралъ бы одну страну, одинъ какой-либо народъ и сдѣлалъ бы, можетъ быть, болѣе, не растрачивая вниманія своего на множество наро-

довъ и земель, которые можно узнать лишь вскользь, при данномъ полугодовомъ срокѣ моего путешествія для всѣхъ Славянъ. Но мнѣ тяжело было сдвинуть свое желаніе—увидѣть своими глазами все то, о чемъ впервые услышалъ я отъ васъ и что потомъ дополнялъ собственнымъ чтеніемъ. Вы, вѣроятно, забыли первое объясненіе мое, послѣ одной изъ первыхъ вашихъ лекцій, когда я на пытливый вопросъ вашъ, «да вы развѣ хотите серьезно заняться этимъ предметомъ?» — отвѣчалъ, сколько помнится, слѣдующими словами: «да, я хотѣлъ-бы избрать славянскую филологію главнѣйшимъ предметомъ моихъ занятій, потому что вижу тутъ все свое родное.» Я, разумѣется, не предполагалъ тогда, какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ буду благодаренъ своему выбору. Теперь можно говорить объ этомъ уже положительно и сознательно: прочность личнаго убѣжденія въ хорошемъ выборѣ, при моихъ лѣтахъ, можетъ служить достаточнымъ залогомъ и прочности избраннаго направленія въ занятіяхъ. При такомъ настроеніи съ самыхъ первыхъ дней занятія славянствомъ, могъ ли я оставить хотя одинъ народъ славянскій невидѣннымъ лично, если только не представлялось препятствій къ этому мною непреодолимыхъ, какъ, напримѣръ, опасности въ земляхъ Славянъ турецкихъ? И, признаюсь откровенно, до сей минуты я не раскаиваюсь въ предпочтеніи быстрого, утомительнаго и для тѣла и для духа, переѣзда той тѣсно опредѣленной *локализаци* путешествія, которая могла-бы повлечь за собою болѣе глубокую спеціальность въ изслѣдованіи одной мѣстности. И не потому только не раскаиваюсь, что при подобномъ предпочтеніи могъ я удовлетворить чувству любознательности, а и потому, что, быть можетъ, цѣнность на-скоро собранныхъ въ столь многихъ концахъ свѣдѣній немногимъ уступить, а легко можетъ случиться, что и вовсе не уступить цѣнности спеціализма.

Само-собою понятно, что при такомъ характерѣ путешествія, мнѣ рѣдко приходилось быть самостоятельнымъ дѣятелемъ: чаще всего я только спрашивалъ у другихъ, и собиралъ то, что передавалось ими. Повѣрка могла быть всегда, потому что мнѣ посчастливилось всюду найти искренній отголосокъ на мои запросы. Вы поймете, зная хорошо положеніе Славянъ за двадцать лѣтъ, неизмѣнившееся въ сущности и въ настоящее время, что какъ-бы ни были лингвистичны, историчны, археологичны или литературны вопросы, а въ свѣдѣніяхъ, добытыхъ изъ отвѣтовъ, непременно найдется доля такого, что принадлежитъ къ *чему-то еще*, и это *что-то еще* передается

обыкновенно съ такимъ жаромъ, съ такимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, до-того возбуждаетъ симпатію, что уклады-вается столь же прочно въ массу свѣдѣній и занимаетъ между ними мѣсто иногда виднѣе, чѣмъ данныя по лингвистикѣ, исторіи, археологіи или литературѣ. Конечно, такія неопредѣленныя свѣдѣнія пройдутъ въ моемъ письмѣ лишь мелькомъ, гдѣ трудно будетъ удержаться отъ нихъ; мелькомъ потому, что васъ все-таки, думаю, интересуеть больше учено-литературное состояніе у Славянъ, съ движеніемъ у нихъ народности.

Начинаю съ Сербіи. Въ настоящее время здѣсь почти незамѣтны ни наука, ни литература. Первая сосредоточилась едва ли не главнѣйшимъ образомъ въ трехъ лицахъ: Караджичъ, Янъ Шафаричъ и Даничичъ; послѣдняя также не выходитъ изъ предѣловъ сербскихъ Новинъ и небольшихъ по объему, неотличающихся и особеннымъ достоинствомъ содержанія, изрѣдка являющихся на свѣтъ книжечекъ, подобныхъ «часамъ отдохновенія» Милчевича. Что же дѣлають упомянутые представители науки въ княжествѣ сербскомъ? Караджичъ, кажется, поусталъ, да и семейное горе, по случаю сначала опасной болѣзни, а потомъ и смерти его молодого зятя, бывшего профессора въ лицей, Вукомановича, не могло не отвратить мыслей и заботъ въ другую сторону, и я не въ состояніи указать ни на что, что бы готовилось скоро выдти изъ-подъ опытнаго и полезнаго пера его. Шафарикъ свѣжъ, дѣятеленъ, трудолюбивъ, разносторонне образованъ, довольно сдѣлалъ, дѣлаетъ и по сію пору, да, думается, не броситъ занятій и въ будущемъ. Вы, можетъ быть, уже получили изданные имъ памятники по исторіи сербской, извлеченныя изъ архивовъ Венеціи, куда онъ былъ посланъ, съ ученою цѣлью, въ прошломъ году. Книга вышла по отъѣздѣ моемъ, и я еще ожидаю ее, а потому и не могу сказать о ней что-либо опредѣленное. Шафарикъ собралъ довольно много археологическихкихъ матеріаловъ и для княжества Сербіи, во время неоднократныхъ своихъ путешествій и, вѣроятно, не замедлитъ обнаруживать ихъ. Тутъ не мало встрѣтитъ наука достойнаго вниманія и по части древняго зодчества, и по части старинной исторіи. Я, съ своей стороны, позволю себѣ жалѣть только о томъ, что съ сентября мѣсяца, Шафарикъ съ кафедры исторіи переведенъ на физику, по смерти бывшего профессора Маринковича. Правда, Шафарикъ читалъ физику и прежде, до переѣзда послѣдняго въ Бѣлградъ; тѣмъ не менѣе, исторія съ нумизматикою нѣ-

сколько уже лѣтъ специально занимали Шафарика и лучше бы было не отвлекать его силъ и вниманія въ другую сторону. Впрочемъ, и то надобно сказать, въ Сербіи просвѣщеніе только начинается и нельзя не сообразоваться съ обстоятельствами: по исторіи оказывается легче прійскать достойнаго преподавателя, чѣмъ по физикѣ, и почему же не стѣснить немножко специализма, когда этимъ представляется возможность избѣжать приѣма какого-нибудь иностранца. Преподаваніе исторіи въ лицей возложено на только-что возвратившагося изъ Россіи кандидата кievскаго университета, г. Сретковича, знакомаго читателямъ Русскаго Вѣстника по занимательному описанію горы Космая. Даничичъ, послѣ брилліантоваго трофея, полученнаго за «синтаксисъ сербскаго языка» отъ нашего Государя, представляетъ указатель собственныхъ именъ и замѣчательныхъ по древности выраженій къ *monumento Serbico* Миклопича. Трудно себя представить болѣе трудолюбиваго человѣка, какъ этотъ Даничичъ: онъ неутомимо работаетъ, какъ секретарь Общества Сербской Словесности, наполняя своими статьями и отрывочными замѣчаніями Гласникъ; неутомимо работаетъ и по собранію матеріаловъ для отдѣльныхъ своихъ статей и сочиненій, предметомъ которыхъ исключительно языкъ сербскій. Ни одного раза изъ частыхъ моихъ посѣщеній не заставалъ я его не за письменнымъ столомъ, безъ пера въ рукѣ и безъ книгъ, кругомъ него разложенныхъ. Знакомые съ его трудами печатными, вы, не отдавая даже строгаго отчета въ характеръ этихъ трудовъ, разумѣется, спросите: почему же Даничичъ, неизмѣримо уже болѣе другихъ Сербовъ трудящійся по языку, не имѣетъ мѣста преподавателя въ гимназій или въ лицей, оставаясь такъ долго только секретаремъ Общества и библіотекаремъ въ обѣихъ библіотекахъ — Общества и Народнаго Просвѣщенія? Дѣйствительно, такой вопросъ не разъ задавалъ себя и я, не скрывая своего мнѣнія и отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, всмотрѣвшись ближе въ Даничича и въ направленіе его занятій, при всемъ душевномъ желаніи бѣльшаго ему круга дѣятельности, остановился бы въ назначеніи его профессоромъ, если бы оно зависѣло отъ меня. Причина заключается не прямо въ Даничичѣ, а въ отношеніи его направленія къ состоянію той среды, въ которой бы пришлось дѣйствовать ему. Онъ спеціаленъ до крайности, фактиченъ и матеріаленъ, если можно такъ выразиться, до сухости, даже и для того, кто не прочь отъ выбора языка спеціальнымъ предметомъ своихъ занятій. Все это не мѣ-

ждать ему быть полезнымъ ученымъ, но для слушателей, учениковъ, польза весьма сомнительна; если же принять въ соображеніе слушателей сербскихъ, то едва ли ошибется наблюдатель, когда не признаетъ вовсе пользы, а, пожалуй, укажетъ еще и на вредъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, неприготовленность учениковъ въ Сербіи къ филологическимъ занятіямъ полная; любовь ихъ къ праздно болтовнѣ, къ легкости впечатлѣній воспитывается въ младенчествѣ, въ домѣ родителей, — и исключительная сухость пріемовъ, какою отличается г. Даничичъ, скорѣе, думается, убьетъ въ нихъ охоту къ занятію языкомъ. Въ Сербіи больше, чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо преподавателю имѣть ловкость и быстроту въ оборотахъ рѣчи, искусно, незамѣтно, безъ массы фактовъ, проводить свѣдѣнія, не ограничиваться исключительнымъ дѣйствіемъ на умъ, а имѣть въ виду и воображеніе, которому данъ столь большой просторъ у Сербовъ: ихъ надобно сначала заставить полюбить предметъ, приготовивъ къ занятію имъ; а я не совсѣмъ довѣряю, чтобы уважаемый мною Даничичъ владѣлъ необходимыми для этого условіями. Не знаю, кто занялъ мѣсто профессора сербскаго языка и словесности, по смерти Вукомановича; быть можетъ и Даничичъ. Желаю ему отъ души успѣха, хотя и не въ сплахъ отогнать отъ себя сомнѣнія.

Но неужели на этомъ и останавливается представительство науки въ княжествѣ Сербскомъ? Почти такъ, если не упоминать о профессорской дѣятельности въ стѣнахъ лицей и гимназій, гдѣ, конечно, не въ одномъ имени наука найдетъ достойнаго представителя по отношенію къ искусству и опытности передавать богатства ея молодому поколѣнію. Мало, скажете вы, и тѣмъ справедливѣе скажете, что нѣтъ надежды и въ будущемъ увеличить число ученыхъ дѣятелей. Быть можетъ, хотя отчасти, не ошибаюсь я и въ причинѣ такой холодности къ наукѣ.

Въ Бѣградѣ все разумно-живущее, отъ мужчины до женщины, отъ большаго до малаго, предано политикѣ. Объ ней только говорятъ, объ ней пишутъ, объ ней читаютъ и въ частныхъ домахъ, и въ общественныхъ учрежденіяхъ, и на улицахъ и въ загородныхъ прогулкахъ: какъ-будто весь интересъ жизни у этихъ людей заключился въ одну самую мучительную жажду *знать* и *оцѣнивать* всѣ распоряженія правительства, а вслѣдъ за этимъ и неразлучно съ этимъ *знать* и *соображать* по летучимъ газетнымъ извѣстіямъ, всѣ колебанія въ европейской политикѣ вообще, иногда съ самыми преувеличенными и неожиданными вовсе выводами для дорогой своей Сербіи. Для

удовлетворенія этой жажды, Сербы не дорожатъ ни временемъ, ни спокойствіемъ. Односторонность въ направленіи ума поразительная. Можно бы ожидать при столь распространенной страсти къ политикѣ хотя литературы политической; но Сербы (разумѣю здѣсь княжество и особенно Бѣлградъ) черезъ мѣру предавъ обыденнымъ событіямъ,—его останавливаетъ всякая газетная новость, не рѣдко нестоющая никакого вниманія, онъ слишкомъ восприимчивъ, пламененъ, чтобы остановиться на чемъ-либо серьезно, вдуматься и привести въ стройную систему мысли свои, часто очень вѣрныя, мѣткія и не безполезныя. Сюда нельзя не присоединить и довольно широко распустившейся лѣности: да простятъ меня, любезные мои Сербы, за обнаруженіе недостатка, въ которомъ, убѣжденъ, они охотно сознаются сами. Вотъ гдѣ главная, думаю, причина ученаго застоя въ Сербіи и сосредоточенія почти всей литературы въ численіи административныхъ политическихъ извѣстій въ Новинахъ.

Произнося это сужденіе, я, впрочемъ, весьма далеко отъ того, чтобы обвинять Сербовъ въ ихъ равнодушіи къ наукѣ и литературѣ. Стоитъ только выкинуть въ ихъ политическое положеніе, среди вмѣшательства въ дѣла шести консуловъ съ седьмымъ пашею, въ прежнее разстройство внутренняго управленія и принять во вниманіе пламенное желаніе молодыхъ и образованныхъ умовъ успокоить государство, и, насколько возможно, содѣйствовать благосостоянію народному, такъ сильно потрясенному, чтобы въ очень многомъ оправдать односторонность этого племени. Но я забрелъ-было и самъ въ политику; скорѣе дальше, во внутренность Сербіи, гдѣ нѣтъ ни пашей, ни консуловъ.

Пятнадцать дней ѣздилъ я по внутренней Сербіи. Слышалъ и видѣлъ народъ, узналъ частицу страны, не разъ полюбовался на славянское коло, на разныя, часто спартацкія игры дѣтей, не забылъ посидѣть и при пѣвѣхъ пѣсенъ подъ гусли, получилъ впервые ясное понятіе о гайдѣ, рассмотрѣлъ и костюмъ народный—простой и праздничный, мужской и женскій, — да и мало-ли еще чего не насмотрѣлся, не наслушался и не натерѣлся, но останавливаться на всемъ этомъ теперь, въ краткомъ отчетѣ, значило бы вести его *ad infinitum*. Особенно много пришлось живѣ увидѣть въ Крагуевцѣ, во время пріѣзда туда князя Милоша. Находясь внутри Сербіи, посѣтилъ я и три монастыря, важные по древности постройки, не менѣе замѣчательные и по жалкой судьбѣ, въ періодъ турецкаго господства. Это были очаровательные по мѣстоположенію Манассія и Раваница, и одинъ

изъ первыхъ возникшихъ среди Сербовъ монастырей, — Жича. О рукописяхъ, которыхъ искать и о которыхъ распрашивать не оставлялъ я, не могло быть, конечно, тутъ и рѣчи. Не болѣе 15 — 20 лѣтъ прошло съ той поры, какъ эти монастыри представляли груды развалинъ, отъ которыхъ не воиждѣ освободились и теперь. Внутренняя стѣнная живопись, изображавшая сцены изъ древней царской жизни, со всѣмъ разнообразіемъ костюмовъ, раскрываетъ во всей ясности современному наблюдателю тѣ неистовства, какія производились, еще на памяти старожилуновъ сербскихъ, Турками. Здѣсь встрѣтите вы и царапанья ножами, и пробитыя ямки выстрѣлами ружейными и пистолетными, и неизгладившіеся еще слѣды другихъ варварскихъ дѣйствій. Въ такихъ мѣстахъ нечего искать старыхъ рукописей или остатковъ глубокой древности, разумѣется, кромѣ стѣны и характера постройки. Въ одной Раваницѣ нашелъ я у архимандрита книжку, имѣющую кое-какую претензію на рукопись: это служебникъ святымъ Лазарю и Ромилу, съ краткими ихъ жизнеописаніями. Писанъ въ XVIII-мъ столѣтіи. Понятно, что значенія особеннаго рукописи такая имѣть не можетъ послѣ того, какъ службы и житія давно уже могутъ читаться въ печати. Но я упомянаю объ этой книжкѣ потому, что въ самомъ ея концѣ, между бѣлыми листами бумаги, прочиталъ не замѣченную прежде приписку современнаго лица о судьбѣ монастыря Раваницы сербской и объ отношеніи ея къ Раваницѣ сремской. Сербы не могли не радоваться этому извѣстію, потому что подробности связи между обоими монастырями, равно и всѣ обстоятельства перенесенія мощей св. Лазаря въ Сремъ, давно уже вышли изъ памяти народной. Выписку изъ этой приписки сообщилъ я Обществу, и она будетъ напечатана въ слѣдующей, двѣнадцатой книжкѣ Гласника. Въ Жичѣ не могъ, естественно, не осмотрѣть и не списать для себя дарственной записи XII-го вѣка, начертанной подъ Кулою на стѣнахъ, которую вы могли прочесть въ началѣ Monumenta Serbica. Я не имѣю подъ рукою этого изданія, чтобы свѣрить съ своимъ спискомъ; да время еще терпитъ.

По возвращеніи въ Бѣлградъ, я занялся пересмотромъ, чтеніемъ и извлеченіемъ изъ рукописей, собранныхъ въ двухъ мѣстахъ, въ бібліотекахъ Почетительства Просвѣщенія и Общества Словесности. Не понимаю, чѣмъ оправдывается подобное раздробленіе хранилища рукописей въ одномъ небольшомъ городѣ и, впрямь, при ограниченномъ количествѣ рукописей: въ бібліо-

текъ Просвѣщенія ихъ тридцать, въ Обществѣ не многими больше. Изъ первой я нашелъ полезнымъ сдѣлать нѣкоторыя извлеченія по двумъ только рукописямъ, содержащимъ въ себѣ старинныя лечебники, какъ по всему видно, переводные съ греческаго. Они казались для меня замѣчательными по славянскимъ названіямъ растений и болѣзней, и по тѣмъ средствамъ, противъ послѣднихъ, которыя, надѣюсь, найдутъ значительное сходство съ лечебниками нашими. Тутъ говорится и о временахъ года и объ отношеніи ихъ къ здоровью человѣка, причемъ названіе *лѣта* постоянно замѣняется словомъ *жѣтва*; говорится и о гадательныхъ средствахъ — узнавать исходъ болѣзни — жизнь или смерть — по особому численію лунныхъ и солнечныхъ дней, съ примѣненіемъ къ особой табличкѣ, изображающей крестъ, обставленный вокругъ числами; есть здѣсь и непонятныя заговоры, въ родѣ слѣдующаго: сарандара, сарандара, марандаря, марандарь, рохсетеузы, захаулги, сетирь ульти, и проч. и проч. Наконецъ, не забыты и діететическіе рецепты. Гораздо болѣе встрѣтилъ я замѣчательнаго, по-крайней-мѣрѣ, съ своей точки зрѣнія, между рукописями, хранящимися въ Обществѣ, наибольшую часть которыхъ я перечиталъ съ довольно подробными извлеченіями. Много нашелъ я достойнаго вниманія и по части языка, и по части народныхъ вѣрованій и обычаевъ; нашлась доля и извѣстныхъ историческихъ. Здѣсь укажу вамъ на помоканоны, въ которыхъ упоминаются рѣдкіе термины для *языческихъ* грѣховъ; на житіе св. Лазаря, писанное почти народнымъ языкомъ, съ характеромъ и съ приемами, живо напоминающими народныя русскія сказки; на переводъ одного поученія съ греческаго на болгарскій въ XVIII столѣтіи, замѣчательный по силѣ народнаго языка, несмотря на стараніе переводчика держаться господствующаго языка литературы его времени, церковнаго; укажу и на одинъ сборникъ, заключающій любопытныя повѣсти изъ царства животныхъ, съ правоучительными примѣненіями къ человѣку. Редакція сборника чисто сербская.

Изъ Бѣлграда съѣздивъ я и въ Сремъ, побывъ въ Новомъ Садѣ и Панчовѣ; потомъ былъ въ Крушедолѣ, Реметѣ, Равалицѣ и Оповѣ, осматривалъ и находящіяся при нихъ библіотеки, хотя не нашелъ, на чемъ-бы особенно было полезно и важно остановиться. Тѣмъ не менѣе, не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ частой небрежности, съ какою содержатся книги въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, и изумительнаго невѣжества нѣкоторыхъ монаховъ, толкующихъ о постороннихъ дѣлахъ и вещахъ,

и держащихъ себя во внѣшнемъ отношеніи съ не совсѣмъ приличнымъ ихъ сану и костюму лоскомъ цивилизаціи гостинно-европейской. Бѣдность результатовъ съ этой стороны вознаградилась богатствомъ наблюденій въ другомъ отношеніи. Сремъ былъ для меня первою страной, въ которой сошелся я близко съ Славянами Австрійской имперіи. Я прочиталъ еще прежде громоздкую статью Погодина въ четвертой книгѣ Русской Бесѣды, за 1859 годъ; впечатлѣніе на меня было самое тяжелое. Но что оно въ сравненіи съ тѣмъ, какое долженъ былъ я вынести изъ Срема, а потомъ Бачки и Баната? Сомнѣваюсь, чтобы гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ могли совершаться подобныя явленія и увѣренъ, что ближайшее потомство съ трудомъ будетъ вѣрить столь артистическимъ злоухищреніямъ, какія въ обычаѣ тамъ.

Передъ окончательнымъ отъѣздомъ изъ Бѣлграда я имѣлъ удовольствіе присутствовать въ засѣданіи общества сербской словесности. Къ сожалѣнію, оно было весьма малочисленное, по случаю неокончившихся еще вакацій и, вслѣдствіе того, невозвращенія многихъ изъ профессоровъ, членовъ общества. Подъ предѣлательствомъ товарища попечителя финансовъ, г. Гавриловича, составившаго прекрасный рѣчникъ Сербіи, куда, въ алфавитномъ порядкѣ, вошли въ замѣчательной полнотѣ мѣстныя названія: областей, городовъ, селеній, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д., собралось четыре только члена. Засѣданіе ограничилось чтеніемъ прежняго протокола, увѣдомленіемъ о полученіи книгъ изъ Россіи и слушаніемъ выписокъ Даничича изъ старыхъ рукописей. Мнѣ-бы хотѣлось выслушать тутъ-же и какую-нибудь статью одного изъ членовъ; желаніе мое было тѣмъ, полагаю, основательнѣе, что засѣданіе бываетъ одинъ разъ въ мѣсяць. Я поставилъ-бы даже въ непремѣнную обязанность каждаго засѣданія хотя одну статью, ученую или литературную. Подобное обязательство было-бы весьма полезно для Сербовъ и для ихъ письменности: мало ограничиваться печатаніемъ однихъ памятникъ старины, еще менѣе недостаточно пробавляться чтеніемъ отрывковъ на древнихъ рукописяхъ, изъ которыхъ далеко не все имѣетъ какую-либо цѣнность. Во всякомъ случаѣ, мое замѣчаніе не должно унижать, сравнительно съ положеніемъ страны и народа, высокаго достоинства общества: оно и при настоящей организаціи служитъ прочнымъ залогомъ будущихъ успѣховъ въ наукѣ и литературѣ, и я навсегда сохраню память о томъ удовольствіи, съ какимъ просидѣлъ въ немъ часть времени, иж-

ду учеными Сербамп. Тутъ-же познакомился я и съ г. Верковичемъ, о которомъ вы уже знаете по свѣдѣніямъ отъ г. Гильфердинга. Не знаю, почему, но съ первыхъ словъ Верковичъ представился мнѣ тѣмъ строгимъ подвижникомъ, который однажды навсегда опредѣлилъ цѣль свою и идетъ къ ней, не взирая ни на трудности, ни на препятствія, ни на опасности со всѣхъ сторонъ. Знаніе его мѣстностей въ областяхъ турецкихъ Славянъ поразительное: видно, что онъ исходилъ все, гдѣ только чаятъ что-либо найдти. Отъ него слышалъ я и о приготовленномъ имъ богатомъ собраніи болгарскихъ пѣсенъ, которыя, вѣроятно, не минуютъ вашихъ рукъ и прежде печати. Верковичъ не зналъ объ изданіи болгарскихъ пѣсенъ Безсонова, и я самъ же вынулъ ему изъ библиотеки Общества тѣ два NN Временника, гдѣ были напечатаны онѣ Безсоновымъ; для соображеній онѣ необходимы и, безъ сомнѣнія, г. Верковичъ воспользуется ими также добросовѣстно, какъ добросовѣстно собиравъ и записывавъ онъ пѣсни для своего сборника. Но пора и проститься съ Бѣлградомъ и перебраться въ Загребъ, гдѣ съ удовольствіемъ прожилъ я почти двѣ недѣли, въ кругу истинныхъ Хорватовъ, заставившихъ меня позабыть на время и Россію, насколько позволяя это полицейскій комиссаръ, внимательно сопутствовавшій мнѣ повсюду.

Въ Загребѣ мнѣ пришлось близко сойтись съ тѣми, которые живо еще помнятъ васъ, которыхъ, увѣренъ, не забыли и вы. Правда, втеченіе довольно долгаго промежутка между пребываніемъ вашимъ въ Загребѣ и пріѣздомъ моимъ туда, не могло не произойти значительной переменны. Въ ваше время люди эти были гораздо моложе, обстоятельства благопріятнѣе и, естественно, дѣятельность ихъ была живѣе, мысль текла свободнѣе, обращеніе непринужденнѣе: радость молодости, при первомъ свѣтломъ пробужденіи, надежда на прекрасное будущее, столь свойственная юному возрасту, должны были оказывать сильное дѣйствіе на ихъ подвижность. Теперь, хотя душа ихъ попрежнему полна любви къ родному, хотя, быть можетъ, еще напряженнѣе желаніе трудиться въ его пользу; но исходъ любви и желанія подавленъ, энергія подбита, и они прищцъ къ тому положенію, при которомъ открывается сердце не вдругъ, первая встрѣча происходитъ, даже и съ близкимъ человекомъ, если не съ недовѣріемъ, то съ какою-то пытливою осторожностью. Если въ такомъ положеніи находятся люди, лишившіе себя *цести* принадлежать къ сословію чиновничества,

которые, благодаря находящимся въ рукахъ ихъ средствамъ, могутъ пропитываться независимо отъ *жалованья*, то что же сказать о тѣхъ, на кого судьба наложила обязанность искать поддержки существованія своего въ какой-нибудь канцеляріи? И внимательно надобно всматриваться, ближе слѣдуетъ сойтись, чтобы подъ апатичной внѣшностію открыть душевную силу, въ кабинетныхъ занятіяхъ подмѣтить неугасшій огонь, зажженный впервые незадолго до вашего пріѣзда, и успокоиться отъ перваго впечатлѣнія, обдающаго новоприбывшаго Славянина холодомъ и безнадежностію.

Здѣсь, въ Загребѣ, не познакомился я, кажется, только съ тѣми, съ кѣмъ не предстояло нужды знакомиться или не было возможности, по случаю отъѣзда нѣкоторыхъ изъ города на время вакацій. Кукулевичъ-Сакцинскій, давно уже извѣстный читателямъ академическихъ извѣстій, готовится къ издавію обширное и полное собраніе свѣдѣній о Кроаціи, на латинскомъ и италіянскомъ языкахъ. Начало свѣдѣній идетъ отъ 743 года. Все, что было собрано Кукулевичемъ на славянскомъ языкѣ, передано Миклопичу и вошло въ его *Monumenta Serbica*. Я не думаю, чтобы трудолюбивый ученый дѣятель хорватскій заставилъ долго ожидать изданія своего собранія, почти уже готоваго, какъ казалось мнѣ. По тщательности и добросовѣстности извлеченій, по полнотѣ матеріаловъ, конечно, сборникъ Кукулевича займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди подобныхъ изданій; принимая же въ соображеніе массу памятниковъ, открытыхъ самимъ Кукулевичемъ, во время его поѣздки въ Далмацію и Италію, нельзя сомнѣваться, что онъ пролетѣтъ много яркаго свѣта на туманную старину Кроаціи и Хорватовъ. Я не безъ удивленія смотрѣлъ на богатую бібліотеку Кукулевича, преимущественно по отношенію къ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ глагольскимъ. Какое собраніе у него и актовъ по исторіи хорватской, писанныхъ латиницей, изъ XVI, XVII и XVIII столѣтій! Молодость, соединенная съ безкорыстнымъ трудолюбіемъ, безъ сомнѣнія, не лишитъ возможности самого хозяина, уже доказавшаго свою опытность и ученость многими изслѣдованіями, обогатить науку новыми открытіями. Я бы только посоветывалъ почтенному Кукулевичу поменьше развлекать серьезное вниманіе свое бѣготней за поисками Хорватовъ тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ и усиливаться опровергать отчасти и преувеличенный отзывъ Караджича. Забѣчу мимоходомъ, что г. Кукулевичъ совѣтовалъ мнѣ не забывать, во время путешествія по Далмаціи,

спрашивать народъ: кто онъ?, увѣряя, что онъ чаще станетъ отвѣчать Хорватъ и не скажетъ Сербъ. Я исполнилъ въ точности порученіе, но въ результатъ не оказалось ни Сербовъ, ни Хорватовъ, а лишь спеціальныя названія по мѣсту жительства или по религіи (православный ришчанинъ, католикъ-крштанинъ), со включеніемъ иногда болѣе общаго, но все-таки не общаго, Далматинецъ. А изъ такого результата трудно выводить хорватизмъ Далматинцевъ. Въ Дубровникѣ же и католики образованные позволили себѣ улыбнуться, когда я называлъ ихъ Хорватами, а о православныхъ Котторцахъ нечего уже и говорить: тѣ прямо считаютъ себя Сербами.

Успѣли-ли вы познакомиться съ этимологическою частью грамматики Антуна Мажуранича. Въ настоящее время онъ занимается второю частью, синтаксисомъ. Важнѣйшій отдѣлъ первой, безспорно, и по новости предмета и по отчетливости разработки, принадлежитъ статьѣ объ удареніяхъ и долготѣ. Необыкновенно удачно воспользовался Мажураничъ чанявскимъ поднаръчьемъ, въ совершенствѣ ему знакомымъ, для вывода законовъ долготы и удареній. Статья эта имѣетъ значеніе для системы удареній и въ русскомъ языкѣ и для отношенія ихъ къ долготѣ, утраченной нами и сохраняемой съ полною силою Чанявцами. Меня поразило сходство удареній русскихъ съ чанявскими и легкость опредѣлять причину неустойчивости, переходности первыхъ, при вниманіи къ глубинѣ, растяженности, или осгротѣ и долготѣ у Чанявцевъ. Мажураничъ былъ нагляднымъ доказательствомъ. Вамъ извѣстно очень хорошо, какъ Сербу и Хорвату трудно даются ударенія русскія, а между тѣмъ Мажураничи, обои братья, родомъ Чанявцы, не сдѣлали ни одной ошибки въ произношеніи множества русскихъ словъ, задаваемыхъ мною на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, при минутномъ соображеніи съ произношеніемъ ихъ Чанявцами. Тогда какъ безъ этого соображенія, при обыкновенномъ быстромъ чтеніи русской книги, они не отступаютъ въ ошибкахъ отъ остальныхъ Хорватовъ. Мнѣ очень жалко, что я не имѣю подъ рукой этой грамматики, оставленной вмѣстѣ съ другими книгами въ Загребѣ, еще не полученными мною въ Прагѣ. Не обратитъ ли вниманія на указанную мною статью г. Гротъ, такъ дѣятельно занимающійся русскими удареніями? О вновь изданной грамматикѣ г. Бабукича особеннаго сказать, кажется, нечего.

Въ числѣ ученыхъ, посветившихъ себя занятіямъ близкимъ къ намъ, лично вамъ не знакомыхъ, должно назвать Тва-

лаца, завершившаго свое юридическое образованіе въ гейдельбергскомъ университетѣ, автора «державнаго права Сербіи», изданнаго въ 1858 году. Одаренный яркими умственными способностями, достаточно уже обогатившій себя почитанностію, отчетливо знакомый съ юридическою литературою запада, онъ, конечно, носить въ себѣ полную приготовленность быть однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей на полѣ учено-юридической литературы, вообще славянской и въ частности сербо-хорватской. Пытая уваженіе къ учености и образованности Ткалаца, и надѣясь на блистательное окончаніе важнаго для насъ труда, я нахожу, однакоже, справедливымъ указать и на ту жалкую особенность молодого хорватскаго юриста, которая особенно рѣзко выдѣлется при личныхъ бесѣдахъ. Тамъ, гдѣ наука получила полный просторъ, гдѣ глазъ пріучился видѣть лишь достоинство труда исключительно по отношенію къ раскрываемой истинѣ, какъ, напримѣръ, въ Германіи и въ другихъ центрахъ западнаго образованія, гдѣ корень слишкомъ глубокъ, чтобы единичными личными свойствами вредить общему ходу, тамъ, можно, естественно, и не обращать вниманія на спеціальныя качества *человѣка*, которыя легко можно отнести только къ личнымъ странностямъ, но до которыхъ публика можетъ, безъ всякаго ущерба, и не касаться. Но едва-ли то же слѣдуетъ сказать о Загребѣ съ Хорватскою страной. Здѣсь слишкомъ много и постороннихъ разъединяющихся элементовъ, и слишкомъ нова нива, слишкомъ мало дѣятелей, чтобы не подвергнуться справедливому нареканію тому, кто призванъ самымъ рожденіемъ на эту ниву и кто получилъ всѣ условія быть полезнымъ въ ея воздѣлываніи. Недовольство всѣмъ окружающимъ, порицаніе всего, что совершается ближайшими лицами на пользу слабой еще литературы народной, рѣзкое отчужденіе отъ всѣхъ дѣятелей есть только отрицательное и болѣе мертвящее начало, которое, если и не принесетъ положительнаго вреда въ силу сознательной, тѣсной, чисто братской связи малочисленныхъ учено-литературныхъ членовъ хорватскихъ, то, ни въ какомъ уже случаѣ, не будетъ полезно. Умъ не высказывается въ безусловной вѣрѣ къ себѣ, во взглядѣ на все остальное, какъ на неизмѣримо писшее и стоящее вниманія; гораздо скорѣе заставитъ онъ уважать себя свихожденіемъ, еслибы и была нужда въ свихожденіи, но нѣкоторыя изъ тѣхъ Хорватовъ, которые держатъ въ рукахъ своихъ едва возникшую литературу, пзвѣстны ученому міру не какъ не менѣе, если не болѣе г. Ткалаца.

Людовигъ Вукатиновичъ продолжаетъ заниматься изслѣдованіями по естественной исторіи своего отечества; съ прежнею же точностію завѣдуетъ музеумомъ и удѣляетъ время для статей литературныхъ. Говорить о послѣднихъ я не смѣю пока возможности, потому-что не получилъ еще изъ Загреба книгъ. Въ непродолжительномъ времени, я постараюсь отправить вамъ разборъ всѣхъ новѣйшихъ сочиненій, вышедшихъ у Хорватовъ, само-собою разумѣется, только тѣхъ, которыя и писаны по-хорватски. Здѣсь замѣчу только о Лентирѣ, выходящемъ подъ главнымъ надзоромъ Вукатиновича. Съ первою книгою вы, вѣроятно, уже познакомились; вторая вышла въ свѣтъ уже послѣ меня, но я знакомъ нѣсколько съ ея составомъ, чтобы указать на одну изъ важныхъ сторонъ ея. Особенность во второй книжкѣ Лентира заключается въ томъ, что одна изъ статей напечатана въ немъ кирилловскими буквами, правильнѣе, русскимъ гражданскимъ письмомъ. Обстоятельство это не есть случайное, обязанное прихоти одного или немногихъ лицъ. Вопросъ о распространеніи между Славянами кириллицы сдѣлался въ настоящее время однимъ изъ жизненныхъ вопросовъ. Я съ восторгомъ, хотя и молчаливо, наблюдалъ за движеніемъ его у Хорватовъ; даже, признаюсь, не совсѣмъ какъ-то вѣрилъ дѣйствительности и прочной жизненности этого движенія; но теперь, когда я проѣхалъ Далмацію, когда столкнулся уже, хотя и бѣгло, съ Чехами, могу утверждать положительно о рѣшительномъ стремленіи упрочить нашу азбуку многихъ изъ тѣхъ, кто успѣлъ приобрести значеніе въ наукѣ и литературѣ, и кто заслугами своими получилъ вліяніе на окружающую среду. Между Хорватами, сколько могъ я убѣдиться, ничѣмъ не менѣе желаніе перемѣнить письмо, какъ и въ Прагѣ, и, быть можетъ, еще сильнѣе, по крайней-мѣрѣ тѣснѣе соединяется съ нимъ и другой вопросъ, вопросъ о литературномъ языкѣ. Русскій человекъ можетъ съ восхищеніемъ радоваться вдвойнѣ совершающемуся исрелому, въ результатѣ котораго не трудно подмѣтить впередъ счастіе славянства отъ раздробленности, приносившей пользу однимъ его врагамъ. Какъ Славянинъ, онъ не въ состояніи смотрѣть холодно на готовую чрезъ то возникнуть литературную взаимность цѣлаго племени, въ которомъ такъ много силы, себѣности и жлвости; какъ Русскій, — онъ не можетъ не чувствовать въ этомъ и удовлетворенія своему самолюбію, при видѣ, какъ соплеменники отдають предпочтеніе могучему его языку, и избирають его органомъ для собственной литературной дѣятельности. При всѣхъ пре-

пятствіяхъ, представляемыхъ давнею враждебною славянству рукою, при всѣхъ трудностяхъ, съ какими приходится здѣшнему Славянину доставать средства для успѣшнѣйшаго ознакомленія съ нашимъ языкомъ, изученіе его, тѣмъ не менѣе, скоро должно войти въ существенную потребность молодого поколѣнія. Конечно, дѣло и тутъ не обходится безъ противниковъ между самими Славянами, но мнѣ не случилось встрѣтить сильныхъ противниковъ между Хорватами. Я позволяю себѣ надѣяться, что и между Чехами число противниковъ будетъ съ каждымъ годомъ умаляться, по мѣрѣ того, какъ письмо кирилловское станетъ сильнѣе и сильнѣе проникать въ массу. При словѣ *масса*, быть можетъ, вы улыбнетесь, быть можетъ, даже скажете, что до этого слишкомъ далеко, и рассчитывать на это слѣдуетъ не отдѣльными годами. Конечно, будущее опредѣлить трудно, но мы имѣемъ право судить о немъ по настоящему: а сколько прихвровъ удалось мнѣ видѣть въ настоящее время того, какъ кирилловское письмо смѣнило латиницу и подъ рукою ремесленниковъ! Честь и слава второй книжкѣ Лептира, впервые у Хорватовъ включившаго кирилловское письмо на своихъ страницахъ, при чисто-литературномъ своемъ характерѣ.

Въ Лептирѣ встрѣтите вы и вашего знакома, пламеннаго Боговляча, поэта по наружности, по душѣ и по движеніямъ, на котораго, кажется, не оказываютъ подавляющаго дѣйствія ни лѣта, ни преслѣдованія, ни несчастія. Какъ памяты для меня часы, проведенные въ бесѣдѣ съ этимъ умнымъ и огненнымъ патриотомъ хорватскимъ. Не мѣсто распространяться здѣсь о томъ, что вынесъ этотъ человѣкъ, спустя шесть лѣтъ послѣ вашего пребыванія въ Загребѣ; теперь можно только поблагодарить судьбу, что она не принудила его искать куска хлѣба въ сословіи австрійскаго чиновничества и тѣмъ сберегла его полезную дѣятельность на полѣ народной литературы. Только-что вышедшая изъ типографіи, но мною еще невидѣнная въ печати, драма его, заимствованная изъ народной исторіи хорватской, XVI столѣтія, подъ заглавіемъ *Матія Губецъ*, прочтается, увѣренъ, съ большимъ удовольствіемъ и горячимъ сочувствіемъ всѣми Славянами. Почти приготовлены имъ къ изданію и отдѣльныя стихотворенія, подъ именемъ: *slike i prilike*. Значительнѣйшую часть ихъ я выслушалъ изъ устъ самого автора. Содержаніе заимствовано изъ быта и понятій народныхъ. Поэтъ перебралъ почти всю природу хорватскую и во всякомъ частномъ случаѣ высказалъ сравненіе съ человѣкомъ или примѣненіе къ нему. Превосход-

ный гармоническій языкъ, сла мысли и ловкости переходовъ отъ простой мысли народной къ высоко-нравственному положенію, искусство подъ покровомъ внѣшнихъ, постороннихъ обстоятельствъ выразить политическое состояніе Кроаціи, наконецъ, звучный, воодушевленный голосъ самого автора, произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе. Съ нетерпѣніемъ жду выхода въ свѣтъ этихъ стихотвореній, чтобы имѣть случай прочитать ихъ еще разъ. Виѣсть со мною наслаждались слушаніемъ «сликъ и приликъ» Праусъ и Демертъ. Не знаю, какъ первый, а послѣдній вамъ пзвѣстенъ. Праусъ Чехъ, но вполне уже сжившійся съ Хорватами и давно знакомъ въ хорватской литературѣ. Тяжело вспомнать объ этой личности, созданной вовсе не для дѣятельности при той обстановкѣ и тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находятся современные Хорваты. Праусъ одаренъ черезъ мѣру чувствительною и мягкою душею, чтобы не упасть въ борьбѣ и сохранить необходимую энергію и силу воли. Я всегда съ самымъ грустнымъ чувствомъ слушалъ его и смотрѣлъ на него. Послѣдній процессъ, заведенный по случаю изданія Праусомъ *Süd-Slavische Zeitung*, гдѣ онъ думалъ доказывать несправедливость обвиненій Славянъ Нѣмцами и проводить послѣднимъ истинныя свѣдѣнія о Славянахъ, на томъ основаніи, что Нѣмцы ничего по-славянски не читаютъ, — кажется, окончательно подблялъ всѣ душевныя силы Прауса. Да едва-ли кто и другой, имѣющій человѣческія чувства, безъ глубокаго нравственнаго потрясенія, выдержитъ тѣ испытанія, которымъ подвергся несчастный Праусъ: быть въ заключеніи въ тюрьмѣ, и въ это время лишиться жены и, сколько помнится, двоихъ дѣтей; быть угрожаемому попасть въ солдаты, и растратить все состояніе, свое и женнино, и въ результатъ быть оправданнымъ, конечно, съ отеческими наставленіями на будущее время. Отсюда, понятно, прекращеніе изданія Праусомъ *Невена* въ Загребѣ и перенесеніе его въ Рѣку. Но не привилась къ новой почвѣ *Фалка*, и заглохла къ другому году. Воскреснетъ ли она? А желательно, чтобы воскресла, и мнѣ сдается, что Хорваты не дадутъ ей умереть навсегда. Мудрено ли послѣ этого, что жизнь Прауса въ Загребѣ стала безцѣльною и не естественно ли желаніе его обновить свои силы другими мѣстомъ и другою атмосферою? Отъ души желаю ему полнѣйшаго счастья въ успѣхѣ осуществленія того плана, который сообщилъ онъ мнѣ.

Но что дѣласть добрый Демертъ, родоначальникъ повѣй-

шей драматургіи хорватской? Какое убійственное вліяніе имѣетъ нужда на умственную жизнь человѣка! Дементерь чиновникъ, отвѣтственный редакторъ *народныхъ* загребскихъ Новинъ. По-видимому, тутъ нѣтъ ничего стѣсняющаго, удручающаго, ляпающаго случая упражнять перо свое въ прежнемъ направленіи. Но эти *народныя* хорватскія Новины, украсившись огромнымъ австрійскимъ орломъ по срединѣ листа и ставъ, такииъ образомъ, чисто оффиціальною газетою, не имѣютъ ровно никакого отношенія къ народности, по мысли и характеру: это скорѣе правительственная газета вѣнская. А этого довольно, при обозначеніи внизу листа: *ответственный редакторъ*, чтобы кусокъ хлѣба, приносимый подобнымъ званіемъ, отнять совершенно аппетитъ отъ всякой другой пищи, какъ бы она ни была здоровой и вкусной.

Говоря о хорватскихъ ученыхъ и литераторахъ въ Загребѣ, какъ же пройти молчаніемъ того, кто представлялся пѣкогда установителемъ и первымъ двигателемъ народнаго возрожденія между Хорватами. Въ троекратное свиданіе съ Гаемъ, я слушалъ его только въ первый разъ довольно, даже очень продолжительное время. Я сказалъ *слушать*, потому что, дѣйствительно, мнѣ приходилось только слушать Гаю и движеніемъ головы лишь показывать согласіе или сомнѣніе. Рѣчь Гаю текла такъ быстро, такъ плавно, тонъ былъ такой убѣдительный, что, казалось, захвативъ свѣжаго человѣка, онъ хотѣлъ посвятить его въ первое же свиданіе, быть можетъ, опасаясь за состоятельность втораго, во всѣ таины протекшей своей знаменательной и во многомъ поучительной жизни.

Неужели же это и всѣ дѣятели, спросите вы, по литературѣ въ *хорватской части* Загреба? Да они давно были извѣстны мнѣ почти всѣ, отвѣтите. Гдѣ же молодое поколѣніе, залогъ будущихъ успѣховъ? Тутъ-то и встрѣчается тотъ вопросный пунктъ, за отвѣтомъ на который наблюдатель необходимо долженъ повернуть съ литературы на политику. Вторженіе правительственной системы, основанной на уничтоженіи національныхъ ростковъ въ дѣлѣ воспитанія и религіи, губить всѣ проявленія народнаго духа. При такомъ состояніи дѣлъ, нисколько не удивительно было и мнѣ слушать разговоръ загребскихъ дѣтей почти исключительно по-нѣмецки.

Къ счастью, хорватизмъ по селамъ и маленькимъ городкамъ, при первомъ удобномъ случаѣ, готовъ будетъ перемѣнить роли и въ Загребѣ; онъ сохраняетъ всю живость свою, а развив-

шееся сознание въ массѣ сдѣлало его настолько внимательнымъ, что едва ли не съ увѣренностію должно сказать о мнѣніи той поры, когда можно было думать о его подавленіи; съ другой стороны и тѣхъ силъ, которыя доселѣ служатъ будильниками народности въ Загребѣ, думается, достаточно для поддержанія огня до болѣе благоприятнаго времени, и тѣмъ болѣе, что не одинъ же Загребъ сосредоточиваетъ въ себѣ учено-литературные органы у Хорватовъ. Есть и Осѣтъ, гдѣ хотя и изрѣдка промелькнетъ изданіе, книга или брошюра, свидѣтельствующія о сочувствіи къ народу и направленные на народъ, съ цѣлію укрѣпить въ немъ самобытную жизнь; есть и Рѣка, съ славянскимъ читалищемъ, не лишняя людей, готовыхъ жертвовать всѣмъ во благо интересовъ народныхъ. Лучшимъ образцомъ подобнаго самопожертвованія, соединеннаго съ изумительнымъ трудолюбіемъ, можетъ и долженъ служить вашъ знакомецъ. Въ пребываніе мое въ Рѣкѣ отрыгнулся и увидѣнный Новень любопытнымъ первымъ выпускомъ: *Jadranske Vile-Sbirka i izbor zabaunih, pouinih i znaustoenih clanaka*. Издатель Виль, гимназическій профессоръ Винко Пацель, къ сожалѣнію, настолько слабый здоровьемъ, что, кажется, потеряна надежда на его выздоровленіе; онъ же завѣдывалъ изданіемъ и Новена въ послѣдній годъ его выхода въ Рѣкѣ. Грустно за Хорватовъ, если они теряютъ такого человѣка, и умнаго, и дѣятельнаго, владѣющаго и надлежащею опытностію для столь полезныхъ періодическихъ изданій, каковы ядранскія Вилы. Первый выпускъ (въ 8° въ 130 страницъ) содержитъ три отдѣла: *piesništvo umietno narodno i pripoviedke*—въ стихахъ и прозѣ, наконецъ, *knjizcŭnost*, съ специальнымъ отдѣленіемъ *knjigoris*. Здѣсь встрѣтите вы нѣсколько писателей, впервые являющихся въ свѣтъ; найдете не мало и дарованій, соединенныхъ съ знаніемъ народной литературы и народнаго языка. Въ отдѣлѣ повѣстей, меня особенно остановила историческая поэма: *Vladislav*, написанная Степаномъ Ивичевичемъ и заимствованная изъ смутной эпохи Болгаріи и Далмаціи, начала XI столѣтія. Главная цѣль этого произведенія заключается въ проведеніи мысли: какъ бѣдственно для Славянъ раздѣленіе, какими несчастіями постоянно сопровождалось ихъ взаимное несогласіе, а подчасъ и вражда, какъ отсутствіемъ единства они содѣйствовали лишь своекорыстнымъ цѣлямъ враговъ своихъ. Основа мысли этой удачно, между прочимъ, вложена въ уста далматинскаго князя Владимира, не соглашавшагося ѣхать въ Болгарію на при-

звѣтъ болгарскаго князя Владислава, пзмѣннически убившаго, по прояскамъ греческаго императора Василія, короля болгарскаго Радомира, шурина Владимірова.

Въ числѣ повѣстей помѣщены два перевода съ русскаго: *Zal za gramoty* и *Faust Ioana Turgenjeva*. Ядранскія Вилы не могутъ не порадовать читателя и отстраненіемъ изъ своего языка мѣстныхъ особенностей и сближеніемъ съ языкомъ литературы загребской. Даже *иканье* попадаетъ чрезвычайно рѣдко, и то скорѣе, кажется, отъ недосмотра корректора. Я только посоветываю бы Рѣчанамъ поменьше употреблять бумаги и побольше сдерживать свой жаръ въ спорахъ о томъ: должно ли родительный множественнаго въ именахъ существительныхъ оканчивать на *ah* и т. п.; вопросъ самъ по себѣ не пустой, но онъ требуетъ чисто ученаго, объективнаго изслѣдованія, и мы увѣрены, что съ обнаруженіемъ новыхъ замѣтокъ и наблюденій объ этомъ предметѣ г. Курелаца, самою собою, безъ всякихъ голословныхъ препираній, обнаружится истина или, по крайней мѣрѣ, сравнительное большинство права той или другой стороны. Не забудьте, однакожь, что и къ подобнымъ спорамъ, какъ на первый взглядъ ни кажутся они исключительно научно-спеціальными, у Хорватовъ прицѣпляется если и не политическая идея о Славянствѣ, то идея сближенія и общности языка для всѣхъ Славянъ. Отбросивъ окончаніе *ah*, получите: 1) форму старинную хорватскую, 2) обще-древнюю славянскую, а 3) наконецъ, господствующую форму въ русскомъ языкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Хотѣлъ-было коснуться и рукописей, которыя удалось мнѣ прочесть въ Загребѣ, но какъ записи всѣ мои не прибыли еще вмѣстѣ съ книгами въ Прагу, то я и оставляю дѣло это до другаго раза, а теперь перехожу къ Далмаціи.

Италянскій языкъ до-того укоренился въ городахъ далматскихъ, такъ охватилъ всѣ сословія, что при бѣгломъ путешествіи, при остановкахъ на короткое время, наблюдателю и въ голову не придетъ, считать эти города славянскими и думать, что въ нихъ можно отыскать слѣды дѣятельности литературной славянской. Подобное мнѣніе будетъ казаться ему тѣмъ основательнѣе, даже несомнѣннѣе, что значительная часть жителей совершенно забыла родной свой языкъ, довольствуясь итальянскимъ, а отчасти нѣмецкимъ. Если же и встрѣтился челоуѣкъ, отзывающійся на вашу славянскую рѣчь по-славянски, то языкъ его до-того поразить васъ неправильностью, а произношеніе

уродливостью, что вы ни мпуть не задумаетесь, признать его вовсе чужимъ для этого человѣка. А какъ въ настоящее время распространень славянскій языкъ въ Задрѣ, можете судить изъ того, что я больше часу долженъ былъ ходить по городу съ распросами, и въ отвѣтъ слышать по-итальянски — я не понимаю. Распространеніе итальянскаго языка по Далмаціи поддерживается правительствомъ точно также, какъ въ другихъ мѣстахъ распространеніе нѣмецкаго. Для него всякій языкъ сносите, чѣмъ славянскій: оно, какъ будто, боится послѣдняго и избѣгаетъ повсюду, гдѣ представляется случай. Такъ, напри- мѣръ, на пароходахъ Лойдо вы прочитаете объявленіе на вывѣ- шиваемой въ каютахъ таблицѣ и по-нѣмецки, и по-итальянски, и по-французски, и по-англійски, даже не забыть и ново-греческій языкъ; а по-сербски или по-хорватски напечатать нельзя; между-тѣмъ, какъ наибольшая часть пассажировъ состоитъ изъ Сла- вянъ, и въ каютѣ втораго класса часто такихъ, которые не знаютъ никакого другаго языка европейскаго. Отчего же бы, думается, не сдѣлать угожденія большинству пассажировъ по- стоянныхъ, на пароходахъ, имѣющихъ исключительную цѣль, *приставать къ славянскимъ берегамъ*, когда принять въ сообра- женіе одинъ какой-либо Англичанинъ въ теченіе цѣлаго года? Да зачѣмъ же не воспользоваться правительству давнимъ зна- комствомъ Далматинцевъ съ итальянскимъ языкомъ и не нацѣ- на это всею силою, для рѣшительнаго и повсюднаго въ Далма- ціи преобладанія его насчетъ славянскаго, когда этимъ пред- ставляется само-собою, какъ съ неба свалившееся, средство осу- ществлять завѣтный принципъ свой — *раздѣляй*, чтобы послѣ въ-одночку легче было *управлять*, какъ вздумается? Вѣдь нѣ- мецкій-то языкъ надобно еще вводить, и борьба предстоить не- только съ славянскимъ, а и съ итальянскимъ: успѣхъ далеко не вп- дѣнь. А тутъ оружіе готово, довольно хорошо и наточено, — только слѣдуетъ ухватиться: все равно, свое оно или чужое, лишь бы вело къ цѣли, лишь бы отрѣзало здоровый кусокъ отъ общаго тѣла, а, пожалуй, удастся еще этимъ произвести и *раздоръ*, — вотъ вамъ и мутная вода, въ которой легко будетъ ловить ры- бу австрійскимъ полицейско-политическимъ рыболовамъ. Но едва ли не обманулась жалкая политика; послѣднія событія итальян- скія, какъ-то сильно разшевелили умы итальянскихъ Далматин- цевъ, — и нисколько не мудрено, что гораздо было-бы спокой- нѣе не брать чужаго оружія: не зная хорошо всѣхъ свойствъ его, легко можно отрѣзать вмѣсто чужаго свой собственный ку-

сокъ. — Да къ тому же сомнительно еще, забыть-ли славянской языкъ въ городахъ Далмаціи такъ, чтобы уже не могъ онъ оживиться, встать и снова овладѣть городскимъ народонаселеніемъ. Вѣдь въ Котторѣ итальянскій языкъ не привился; онъ слышится только кое-гдѣ, да и то большею частью изъ устъ военнаго и чиновнаго сословія; а три четверти его народонаселенія служатъ достаточнымъ ручательствомъ, что и впередъ ожидать успѣха тутъ чужому языку не слѣдуетъ. Да и классическій Дубровникъ не слишкомъ поддакъ: въ немъ все еще крѣпко хранится память о цвѣтушемъ нѣкогда состояніи языка, а съ нимъ и литературы, и стоитъ только немного отдалиться отъ магазинно-торговыхъ пунктовъ, чтобы услышать звучную рѣчь славянскую. А что сказать о жителяхъ селъ и деревень, часто около самыхъ городовъ? Взгляните на нихъ, когда они спускаются, въ воскресные и праздничные дни, на городскіе базары, въ своихъ разноцвѣтныхъ національныхъ одеждахъ, и мужчины и женщины съ длинными косами, когда они наполняют собою и весь базаръ и прилежація къ нему улицы: тутъ не услышите уже и звука итальянскаго, — поневолѣ должна забыть на время итальянскій языкъ и гордая горожанка, если не хочетъ проспѣть нѣсколько дней безъ жизненныхъ припасовъ. Обитаяннать же такую массу народа не легко посредствомъ горничныхъ, прачекъ и кухарокъ, которыя, слѣдуя обычной модѣ, поступая въ услуженіе въ городъ, начинаютъ немедленно же ломать свой языкъ на итальянскій ладъ и, забывая въ короткое время свой родной, приучаются къ чужому въ самомъ отвратительнѣйшемъ его видѣ. Письменная дѣятельность, какъ ни слаба она и ни отрывочна, также поддерживаетъ, правда, съ трудомъ и въ небольшомъ кружкѣ, жизнь языка славянскаго въ городахъ Далмаціи. Она сосредоточена въ настоящее время, исключительно въ Задрѣ и Дубровникѣ.

Представителями славянской письменности и славянскаго языка въ первомъ, со стороны католиковъ: Брчичъ и Казали; со стороны православныхъ: Божидаръ Петрановичъ и Сундечичъ. За исключеніемъ Петрановича (юриста, совѣтника при апелляціонномъ судѣ), всѣ остальные профессора: двое первыхъ въ католической семинаріи, послѣдній въ православной. Глагольская хрестоматія Брчиче, намъ, безъ сомнѣнія, известна по тому экземпляру, который отправилъ вамъ авторъ изъ Праги. Теперь готовится онъ грамматику церковно-славянскаго языка и исторію епархіи задрской. Послѣдняя особенно должна быть

любопытна, по отношенію къ рѣшенію вопроса, о господствовавшемъ нѣкогда, господствующемъ отчасти и доннынъ языкѣ славянскомъ, при католическомъ богослуженіи. Въ новѣйшее время, славянскій языкъ въ католической церкви стѣсненъ удивительно: онъ ограниченъ почти одною сельскою епархіей, да двумя-тремя священниками глаголитами на островахъ, — которые, однаможе, далеко не всю службу должны читать по-славянски. Самое число глагольскихъ священниковъ сократилось до-того, что можно было ожидать и совершеннаго ихъ паденія, потому что остановилось обученіе глагольско-славянскому языку. Я видѣлъ одного самоучку Глаголита на островѣ Арбѣ, человѣка умнаго и глубоко преданнаго славянскому богослуженію. Онъ съ грустію говорилъ о прежнемъ времени и упадкѣ обученія, съ крайней проніей отзывался своему товарищу, также священнику изъ Рѣки, моему спутнику изъ Задра, что у нихъ, на материкѣ, оставленъ богатый старій языкъ славянскій и читаются молитвы на нынѣшнемъ языкѣ, равно радовался настоящему времени и выражалъ полную надежду на Брчича, нынѣшняго глагольскаго профессора. Скажу вамъ откровенно, немного приходилось мнѣ въ жизни встрѣчать такихъ людей, какъ Иво Брчичъ. Умное и выразительное лице его носить на себѣ отпечатокъ такой доброты и вмѣстѣ энергіи, готовности трудиться на избранномъ поприщѣ, насколько хватить силъ и средствъ, полно такой горячей и сознательной привязанности къ славянству, безъ различія вѣры и народности, что не полюбить его, не привязаться къ нему, какъ бы ни была, кажется, черства душа столкнувшася съ нимъ, нѣтъ возможности *). Казали, авторъ эпиколирической поэмы

*) Мнѣ весьма было грустно слышать о его стѣсненіяхъ въ ученыхъ средствахъ, какія принужденъ испытывать онъ въ занятіяхъ своихъ, особенно по части русскихъ книгъ и болѣе всего академическихъ извѣстій и записокъ. Недостатка въ деньгахъ у него нѣтъ, но страшно труденъ путь для правильнаго полученія необходимыхъ для него сочиненій. У него есть знакомые въ Прагѣ и, быть можетъ, скорѣе будетъ онъ просить редакцію 2-го отдѣленія академіи о высылкѣ извѣстій и записокъ, за всѣ предшествовавшіе годы: примите участіе въ немедлѣннѣйшемъ отправленіи. Равно, если будетъ свободная минута, черкните тутъ же гдѣ-нибудь уѣдомленіе: получили-ли вы экземпляръ хрестоматіи. Выѣстъ съ экземпляромъ къ вамъ, Брчичъ отправилъ и Востокову, Бодляскому, Григоровичу. Не получая никакого свѣдѣнія, онъ справедливо бонется, что и его книги могли постигнуть та же невѣдомая участь, какая выпадаетъ не рѣдко на долю множества другихъ книгъ, отправляемыхъ въ Россію изъ Австріи и изъ Россіи въ Австрію.

Zlatka, воспѣвающейъ любовь одной Рагузанки и отличающейся основательнымъ знаніемъ языка и благородствомъ чувства (Zlatka. Pjesama P. A. Kazali, u Zadru 1856 (8° 88), авторъ драматическаго дѣйствія — Trista vicah udovicah (U Zadru 1857), не менѣе замѣчательнаго по чистотѣ языка и по легкости стиха, продолжаетъ быть редакторомъ далматинскаго Гласника на италіянскомъ и сербо-хорватскомъ языкахъ (osservatore Dalmato). Божидаръ Петрановичъ трудится надъ исторіею всеобщей литературы, на сербскомъ языкѣ. Первая часть, изображающая письменность древнихъ народовъ: Евреевъ, Китайцевъ, Индѣйцевъ, Халдеевъ, Египтянъ, Грековъ и Римлянъ, съ приложеніемъ обзора церковныхъ сочиненій первыхъ вѣковъ христіанства, уже вышла (исторія Кѣнжевности. Часть I. У Новомъ Саду. 1858. 8° VI + 340). Вторая книга, которая выйдетъ мѣсяца черезъ два, будетъ заключать литературу европейскіхъ народовъ, среднихъ и новыхъ временъ; третья также почти готовая, опредѣлена на обзоръ славянскихъ литературъ, въ четырехъ группахъ. Г. Петрановичъ давно извѣстенъ своими учеными и полезными трудами по части исторіи, законовѣдѣнія и литературы Славянъ; ему обязанъ возникновеніемъ, такъ неожиданно прекратившимся, сербо-далматскій магазинъ; онъ же издавалъ столь богатую матеріалами Правдопошу. Принимая теперь въ соображеніе новыи его трудъ, обнаруживающій въ авторѣ — глубокую, предварительную подготовленность, обширную начитанность, нечуждую отчетливаго знакомства съ современною литературою; умѣнье выбрать изъ громадной массы западно-европейскихъ сочиненій существенное и важное; всматриваясь въ чистоту, правильность и силу непривычнаго еще къ подобнымъ трудамъ языка сербскаго, можно съ увѣренностью утверждать, — что третья часть г. Петрановича будетъ дорогимъ вкладомъ въ обще-славянскій литературъ. Въ концѣ каждой части будутъ присоединены отрывки лучшихъ произведеній лучшихъ писателей, въ переводѣ на сербскій языкъ. Въ первой части это уже есть. Мысль издать исторію общей словесности впервые была высказана г. Петрановичемъ еще въ 1847 году, въ объявленіи, призывавшемъ подписчиковъ на новыи его трудъ; но политическіи событія, потрясшія Австрійскую имперію, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, замедлили выходъ сочиненія на цѣльи одинадцать лѣтъ. Основная цѣль, побудившая автора предпринять подобный трудъ, весьма проста, хотя отъ того нисколько не менѣе истинна и важна: только при отчетливомъ знаком-

ствѣ съ уметвенными плодами чужихъ просвѣщенныхъ народовъ стараго и новаго времени, выразился г. Петрановичъ въ 1847 г. и повторилъ въ предисловіи въ изданной въ 1858 г. первой части, могутъ Сербы надѣяться на правильность и прочность своего образованія и на успѣхи собственной письменности. Безъ этого знакомства, какъ образованіе, такъ и письменность останутся безъ основы. Сундечичъ хорошо уже знакомый публикѣ сербохорватской политическими сочиненіями: «Аналія и Сап-ѳира (у Задру 1848) или ложь казнена.» Срце или различіе пѣсме (у Задру, 1850)» Или драгоцѣное бшера (свезак I, у Задру, 1856)», въ послѣднее время издавъ: «Цвѣтче или покушенія у народно-лиричной пѣваніи (у Задру 1858)». Чистота и правильность сербскаго языка, соединенная съ простотою мысли, служила отличительною чертою поэзіи Сундечича во всѣхъ нечисленныхъ нами произведеніяхъ. Въ послѣднемъ изданіи своихъ отрывочныхъ стихотвореній, онъ избралъ предметомъ значеніе цвѣтовъ въ понятіяхъ простаго сербскаго народа и отношенія ихъ къ красотѣ женской. Авторъ до-того проникся языкомъ народа, до-того усвоилъ всѣ его обороты, всѣ переходы мысли, такъ отзывается взглядамъ народными, что, читая его стихотворенія, невольно переносишься въ безъискусственную живую, полную красоту пѣсенную поэзію Сербовъ. Да, отъ Сундечича можно ожидать успѣшнаго сближенія письменной изящной поэзіи съ поэзіею народною. — Въ Задрѣ живетъ и Николаевичъ, бывший издатель сербо-дазматскаго магазина. Не знаю, знакомы ли вамъ всѣ обстоятельства прекращенія этого во многихъ отношеніяхъ полезнаго журнала, сопровождавшагося перемѣщеніемъ издателя изъ Дубровника въ Задру, преподавателемъ въ семинарію, съ 500 гульденовъ жалованья. Власть свѣтская ловко воспользовалась споромъ съ Николаевичемъ католическаго духовенства, собственнымъ и *дѣйствительнымъ* обманомъ и подлогомъ, вздумавшаго обвинять Николаевича въ *минимомъ* подлогѣ, — при раскрытіи злоупотребленій и порочности боснійскаго и герцеговинскаго католическаго духовенства въ предпоследней книжкѣ магазина. Процессъ веденъ былъ такъ по китайски, что я, въ настоящія минуты, не хочу растранивать ни своихъ, ни вашихъ нервовъ. Дѣло въ томъ, что держать Николаевича въ Дубровникѣ, не по сердцу было католическому духовенству и власти свѣтской: первому не нравилась его любознательность, а онъ могъ, по близости, знать всѣ подробности о дѣйствіяхъ разнообразныхъ орденовъ католическихъ въ Босніи и Герцеговинѣ; а у второй

постоянно была неспокойна душа отъ посѣщенія Николаевичемъ православнаго русскаго консула. Но, скажу вамъ откровенно, я недоволенъ и дѣйствіями самого Николаевича. При его финансовыхъ средствахъ, нельзя довольно надивиться гонимости его за 500-ми гульденовъ, что повлекло, конечно, и къ прекращенію изданія магазина. Сколько мнѣ извѣстно, онъ владѣеть и положительными документами, которыми можетъ ясно доказать обманъ автора или авторовъ громкой «*obranı pravoslavne gemokatolike crkve*»; зачѣмъ же не обнародовать ихъ на страницахъ магазина? Впрочемъ, я могу сообщить вамъ надежду, что магазинъ возобновится....

Въ Дубровникѣ главнѣйшими, если не исключительными, дѣятелями въ славянской литературѣ — графъ Пучичъ и докторъ Казначичъ. Первый, послѣ изданія памятниконъ, объясняющихъ исторію Дубровника, продолжаетъ отыскивать и собирать новые матеріалы, какъ въ рукописяхъ, такъ и въ монетахъ. Но, сколько мнѣ извѣстно, опредѣленнаго какого-либо труда, онъ еще не предпринялъ. Впрочемъ, независимость положенія, богатство собственной библіотеки и малотронутыя еще сокровища библіотеки монастыря доминиканскаго, при любви къ занятіямъ г. Пучича, едва-ли замедлятъ появленіемъ отъ него какого-либо новаго сочиненія или изданія. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, я имѣлъ случай прочитать у него только-что полученный Берати константинопольскій, XVI вѣка, писанный по-сербски, на шелковой матеріи, и опредѣляющій право торговли дубровнической; видѣлъ и золотую монету царя Стефана, безъ сомнѣнія Душана, которую также только-что получилъ Пучичъ. Казначичъ, насколько позволяетъ ему докторское званіе, слѣдитъ за движеніемъ литературы далматской. вмѣстѣ съ этимъ, г. Казначичъ не оставляетъ приводить въ порядокъ и знакомиться съ плодами старой литературы Дубровника, значительная часть которой донынѣ остается еще неизвѣстною читающему міру, и въ составѣ которой можетъ найдтись не мало произведеній, способныхъ стать рядомъ съ богатою поэзіею Джоржичей, Моруличей, Гундуличей и т. п. Однакожь, безъ *no*, не обойдешь и Казначича. Какъ ни превосходно владѣеть онъ языкомъ итальянскимъ, какъ ни занимательны его *Studii critici* (16° 136, Zara 1856), частію вмѣстившіе статьи его изъ *osservatore Dalmato*, частію включавшіе наблюденія еще нигдѣ не напечатанныя, какъ: *Marco Antonio Vidovich*, гдѣ авторъ разбираетъ двѣнадцать сонетовъ послѣдняго на войну крымскую, все-же было бы, ду-

мается, полезнѣе читать подобныя вещи на славянскомъ языкѣ. Да и какая цѣль для чисто славянскаго содержанія избрать Славянину, на славянской землѣ, не славянской языкѣ? Неужели авторъ думѣлъ въ виду ознакомить съ дѣятельностью славяно-далматскихъ литераторовъ публику итальянскую? Ему очень хорошо извѣстно, что въ Италіи едва хватаетъ терпѣнія и времени читать и писать и о своей-то литературѣ, и на Итальянцевъ, навѣрное, не рассчитывалъ г. Казначичъ. Значить, онъ рассчитывалъ на тѣхъ Далматинцевъ, которые забыли свой родной языкъ и въ угожденіе имъ самъ рѣшился забыть писать по-славянски. Но 1) кто забылъ родной языкъ, трудно допустить, чтобы очень интересовался имъ тѣмъ, что пишется на этомъ языкѣ; 2) если г. Казначичъ рассчитывалъ на большинство читателей, и слѣдовательно и на лучший успѣхъ вознагражденія, то я попросилъ-бы его взвѣсить хорошенько массу читающихъ по-итальянски въ Далмаціи съ массою Славянъ во всѣхъ земляхъ славянскихъ, охотно и съ удовольствіемъ прочитавшихъ-бы его критическія наблюденія на прекрасномъ языкѣ Дубровника. Присоединяю къ этому и еще одно замѣчаніе. Если такіе писатели, какъ г. Казначичъ, перейдутъ на итальянскую почву, уже привыкшіе владѣть роднымъ языкомъ и знакомые съ его требованіями, то кто-же въ состояніи будетъ дѣйствовать на ослабленіе чужеземнаго вліянія, а необходимость подобнаго дѣйствія не отвергаетъ и самъ г. Казначичъ. Вотъ почему такъ непріятно, а нѣкоторые изъ юго-западныхъ Славянъ даже непріязненно встрѣтили его имя и въ недавно-вышедшей первой книжкѣ «Annuario Dalmatico (anno 1, Spalato. 1859, 16-e 234)». Красива по наружности эта книжка, не безъ интереса можно прочитать и нѣкоторыя статьи въ ней, но невольно какъ-то косо помотришь на нее, когда увидишь внизу заглавнаго листа славянскій городъ изданія, а въ оглавленіи — славянскія фамиліи авторовъ, частію въ чистой славянской формѣ, какъ и фамилія Казначичъ: частію съ итальянскимъ окончаніемъ, какъ Lucio (Лучичъ). Издатель повородившагося журнала, Vito Morpurgo, уже въ 1856 году задумалъ, какъ говорить въ предувѣдомленіи, образовать литературный органъ, который-бы занялся нравственными и матеріальными интересами родной его области; но, съ одной стороны, потому, что нѣкоторые вовсе не отвѣчали на его приглашеніе участвовать въ изданіи, другіе-же, съ другой, — запоздали присылкою своихъ статей, первая книжка не могла появиться раньше начала лѣта 1859 года. Надѣясь, что въ непродолжи-

тельномъ времени превратится *Annuario Dalmatico* изъ италіанскаго журнала въ славянскій, я укажу на болѣе заслуживающія вниманія статьи въ первой книжкѣ его. Во 1) съ пользою, по собранію историческихъ матеріаловъ, можно прочесть статью о Морлокахъ Лучича, во 2) очеркъ города Сплѣта, гдѣ исторически разобрано основаніе этого города, важность его по отношенію къ древностямъ, значеніе его положенія, его торговля, перечислены и охарактеризованы замѣчательные въ немъ люди, сообщены и нѣкоторыя другія данныя, интересныя для чело-вѣка, любопытствующаго ближе ознакомиться съ городомъ Сплѣтомъ; въ 3) небольшое замѣчаніе о золотыхъ воротахъ Сплѣта, наконецъ, въ 4) библиографическое извѣстіе о книгахъ, вышедшихъ въ Далмаціи и въ другихъ мѣстахъ, о Далмаціи, между 1856—1859 годами, съ краткимъ указаніемъ достоинства означенія каждой книги. Пожалуй, можно присоединить сюда и пять страничекъ Казначича объ Омблѣ или Рѣкѣ, морскомъ заливѣ при Гравозѣ, только никакъ нельзя согласиться съ авторомъ, будто названіе Захолмія (Захлмія, Захумія) имѣетъ въ корнѣ своемъ латинское выраженіе *Umbla*, какъ называли Римляне гравозскую Омблу или Рѣку. Въ заключеніе обзора дѣятельности учено-литературной въ Далмаціи и приморской Кроаціи, упомяну и о замѣчательномъ словарѣ иллирско-италіанскомъ Паричча, вышедшемъ въ 1858 году, въ Рѣкѣ. (*Rječnik Ilirsko-Talianski, polag najnovijih izvorah sastavio ga O. Dragutin A. Párcić*).

Побывавъ изъ Коттора на Цетиня, посмотрѣвъ тамъ на вновь устроенный княземъ арсеналъ, въ которомъ, въ числѣ множества трофеевъ послѣ граховской побѣды, увидѣлъ и три русскія пушки, вывезенныя Турками *) невдалекѣ отъ Слатини, и отбитыя подъ Граховомъ Черногорцами, перебравъ и лежащія въ монастырской сырости нѣкоторыя старыя рукописи, списавъ, наконецъ, пѣсню о граховской битвѣ, я отправился обратно на сѣверъ, и прямо въ Триестъ. Понятно, что цѣлью моею было остановиться подольше у Славянцевъ и собственными глазами и ушами провѣрить то, о чемъ много слышалъ между Хорватами и Далматинцами, и чему не хотѣлось-бы вѣрить, какъ ни необходимо вѣрить людямъ, знающимъ во всѣхъ подробностяхъ край и изъ которыхъ не одинъ былъ уроженецъ славянскій. Къ сожалѣнію, застигшая меня болѣзнь еще на морѣ, гдѣ я простудился, при высадкѣ, подъ дождемъ, на островъ Арбу, и

*) Взятая въ стычкѣ кавалерійской недалеко отъ Калафата.

успившаяся еще болѣе въ Триестѣ и Лайбахѣ, заставила поспѣшить въ Вѣну. Я знаю вашу любовь къ этому краю, знакома съ вашими трудами по его изслѣдованію, могу предполагать и о надеждѣ вашей на успѣшное продолженіе въ немъ того направленія, началу котораго вы могли быть свидѣтелемъ, и мнѣ не совсѣмъ-то пріятно разувѣрять васъ и убѣждать въ противномъ. А между-тѣмъ, дѣйствительно, если уже коснуться собранныхъ мною свѣдѣній, то невольно придется говорить совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ можно было [говорить за 18 или 19 лѣтъ назадъ. Въ послѣднія десять лѣтъ германизация пустила такіе глубокіе корни, что не въ городахъ уже только, а и въ селахъ и деревняхъ не трудно бываетъ встрѣтить Славянцевъ или забывшихъ языкъ свой, или на половину, если не болѣе, примѣшивающихъ къ нему словъ нѣмецкихъ. Въ молодомъ поколѣніи нѣмецкій языкъ сталъ тою модою, при которой хотя и лучшее свое становится низкимъ, грязнымъ, а уродливое чужое признакомъ цивилизации, равенства городскому мѣщанству. Сколько пришлось мнѣ переспросить людей, и встрѣчавшихся въ городахъ, и сталкивавшихся со мною на пути, отъ всѣхъ слышалъ я, что, хотя мы и Славянцы, по уже забыли по-славянски и постоянно говоримъ по-нѣмецки. Около Граца удалось мнѣ видѣть и огромную массу простолюдиновъ, прибывшихъ въ городъ на работу; я долго вслушивался въ ихъ рѣчь, и, право, сомнѣваюсь, найдется ли въ ней трети двѣ словъ славянскихъ. Народомертвящая политика можетъ, по отношенію къ Славянкамъ, хвалиться полнымъ успѣхомъ: теперь нѣтъ больше и неудовольствія на отсутствіе языка роднаго во всѣхъ общественныхъ учреженіяхъ, а этимъ еще болѣе дана возможность спѣшить поскорѣе устранять и то, что еще осталось изъ туземнаго, напоминающаго о народности. Расширеніе военной границы много помогло гибели народнаго среди простолюдиновъ, а нѣмецкіи школы и гимназій, съ нѣмецкимъ чиновничествомъ, добиваютъ остатки его и у послѣднихъ и въ остальныхъ сословіяхъ. Ни въ Грацѣ, ни въ Чельні, ни въ Любляни, ни въ Триестѣ нѣтъ славянскихъ учителей: даже преподаваніе туземнаго языка возложено на Нѣмцевъ. Дѣло понятное, нельзя не опасаться наставника славянскаго, который, если не онѣмеченъ въ корни, не шведеть-же преподаваніе живаго, все-таки роднаго языка, на степень мертваго, и не мудрено, что можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ слушателей своихъ и охоту заняться имъ, полюбить его и развить любовь въ другомъ. Съ какимъ отчаяніемъ гою

рѣлъ мнѣ о быстротѣ паденія народности между Славянами и о скорой возможности, безъ рѣзкой пережѣны обстоятельствъ окончательнаго оцѣмеченія страны однимъ профессоръ гимназій изъ Краинцевъ, загнанный далеко отъ своей родины и, несмотря на многократныя просьбы дать ему мѣсто при гимназій въ одномъ изъ упомянутыхъ городовъ, принужденный, вѣроятно, остаться навсегда на чужбинѣ, хотя жена его, рожденная подъ другимъ совершенно небомъ, и видимо изнываетъ отъ болѣе суроваго климата, а престарѣлые родители лишены счастья видѣть когда-либо вблизи себя единственнаго своего сына и подпору. Неправда-ли, надобно имѣть очень много твердости, чтобы не перестать мыслить по-славянски, чтобы не перенять всего нѣмецкаго и, для вящаго благоденствія въ жизни, не стать лютымъ врагомъ всего своего. Удивительно-ли послѣ этого, что и имя Краинець у всѣхъ южныхъ и даже западныхъ Славянъ сдѣлалось синонимомъ самому ярому Нѣмцу-Австрійцу, какъ терминъ *Штурмента*, въ другой странѣ славянской, обозначаетъ также отъявленнаго врага славянству. Да, во многомъ Австрія похожа на Турцію. Правда, и между Краинцами мелькаютъ иногда славянскія книжки, календарчики и альманахи, но на нихъ смотришь какъ на послѣднія вспышки затухающаго огня. Къ числу одной изъ сильныхъ и отрадныхъ вспышекъ слѣдуетъ отнести и празднество, бывшее въ прошломъ году, въ день рожденія Водника, по случаю исполненія ему ста лѣтъ. Уже сорокъ лѣтъ прошло, какъ умеръ почтенный труженникъ славянскій, горячо любившій народъ свой и одинъ изъ самыхъ первыхъ начавшій писать въ новѣйшее время по-славянски, равно заботиться о собраніи и объ изслѣдованіи всего, что касалось его родины и соотчичей. Не вспомнить такого человѣка и не почтить столѣтнюю его годовщину было-бы непростительно со стороны Славянцевъ и независимо отъ спеціальной точки зрѣнія на Водника, какъ народнаго писателя; Водникъ не менѣе важенъ и потому нравственно образовательному вліянію, какое оказывалъ онъ на своихъ учениковъ, безъ различія языка и происхожденія. И дѣйствительно, 3-го февраля 1858 года, въ томъ же домѣ и въ тотъ же день, гдѣ за сто лѣтъ родился Водникъ (неподалеку отъ Лайбаха), въ присутствіи начальства, происходило торжественное открытіе ему памятника. По случаю празднества, положено было издать альбомъ, въ которомъ-бы приняли участіе всѣ ученые и литераторы славянскіе. Этотъ альбомъ недавно вышелъ и лежитъ у меня подъ-рукою (*Vodnikov Spomenik. Dr. E. H.*

Costa. V Ljublani. 1859, 4-о XI 268). Въ немъ принимали участие и Славяне и Нѣмцы, а потому и состоитъ онъ изъ статей на славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ началѣ приложенъ портретъ Водника, а въ концѣ снимки съ автографовъ его и барона Зиглунда Цоиса, съ которымъ столь тѣсно связана жизнь и учено-литературная дѣятельность Водника. Первая половина книги посвящена извѣстіямъ и характеристикамъ жизни Водника: здѣсь, между прочимъ, помѣщена и переписка его съ Цоисомъ. Во второй части отдѣльныя, коротенькія произведенія, стихотворныя и прозаическія, литераторовъ славянскихъ. Въ филологическомъ отношеніи важно, и то какъ матеріалъ, собраніе Янезомъ Зялекаромъ родственныхъ названій у Славянцевъ, у которыхъ, какъ извѣстно, удѣлѣли они въ наибольшей полнотѣ. Издатель Коста, въ предисловіи, высказалъ, что издаваемый имъ альбомъ долженъ послужить доказательствомъ неугаснувшей любви къ народному языку и къ успѣхамъ народнаго образованія; въ немъ читатель можетъ встрѣтить болѣе восьмидесяти именъ литераторовъ и болѣе 220 отдѣльныхъ статей, что не можетъ не возбудить надежды на будущее. Она можетъ возникнуть и укрѣпиться лишь тогда, когда народный языкъ войдетъ въ жизнь, въ школу и особенно начнетъ раздаваться изъ устъ матерей, часто не понимающихъ, какъ я былъ свидѣтелемъ, ни одного слова по-славянски. Вы, быть можетъ, спросите: какимъ же образомъ въ гимназіяхъ, въ настоящее время, не введенъ еще народный языкъ, послѣ столь торжественно напечатаннаго, въ началѣ лѣта нынѣшняго года, рѣшенія правительства преподавать науки на языкѣ народа? Да, въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда прочиталъ объ этомъ постановленіи въ одной изъ австрійскихъ газетъ, и я радовался *милости* правительства, началъ - было даже уже мечтать о наступленіи того времени, когда и наука и литература Славянъ австрійскихъ пойдутъ, наконецъ, впередъ на всѣхъ парусахъ, но радость и мечты были плодомъ той еще молодости и неопытности, которая вѣсряетъ во всякое обѣщаніе, во всякое слово, когда особенно выкальвается оно, какъ въ настоящемъ случаѣ, передъ цѣлымъ міромъ съ положительными увѣреніями въ рѣшеніи уже вопроса. Да и какъ, кажется, не вѣрить, когда такіа рѣшенія выдаются неотцѣпчиво челоуѣкомъ, а правительствомъ? Тѣмъ не менѣе, радость и мечты мои продолжались не долго: въ Загребѣ онѣ разлетѣлись, какъ мыльные пузыри. Дѣло въ томъ, что состоявшееся, утвержденное и напечатанное рѣшеніе не даетъ еще никакого ручательства за введеніе этого рѣшенія въ практику

Объявляется оно въ такомъ видѣ лишь для того, чтобы веселитяущій міръ могъ читать и дѣлать свои заключенія объ отеческой заботливости правительства о всѣхъ народностяхъ и о радикальной переѣнѣ его взгляда на этотъ предметъ. Для практики же рассылаются министерствомъ народнаго просвѣщенія конфиденціональныя распоряженія по областямъ, съ строгимъ наставленіемъ, что изданный указъ за такимъ-то N^o, гласящій о томъ-то, по отношенію къ такой-то странѣ, не долженъ имѣть никакой силы, что онъ, дескать, касается только гимназій, на счетъ правительства не содержимыхъ, о чемъ, говоря мимоходомъ, въ указѣ ни слова. Это конфиденціональное объявленіе министерства и служитъ нормою для практики. А такъ-какъ правительство давно уже озаботилось, чтобы хотя самымъ ограниченнымъ вспоможеніемъ захватить въ свои руки гимназін, то и понятно, что печатное рѣшеніе не имѣетъ ровно никакого значенія, потому-что въ гимназіяхъ, отъ правительства не вспомоцествуемыхъ, и прежде преподаваніе шло на родномъ языкѣ; да и отъ вспомоцествованія-то отказывались онѣ, руками и ногами, именно для того, чтобы сберець свой языкъ, какъ пинавязывалось къ нимъ правительство. Въ примѣръ укажу на Карловнцкую гимназію, едва держащуюся отъ бѣдности, но съ твердостью отстраняющую готовици правительства: потому что съ такою помощію соединено право не только ввести чужой языкъ, но и распоряжаться преподавателями и начальствомъ гимназін. Вотъ почему не прошло и недѣли радости между Хорватами, послѣ прочтенія указа, какъ ее смѣнила еще большая грусть, чѣмъ прежде. И какъ все умно придумано: в другія правительства и народы будутъ увѣрены, что въ Австріи пользуется свободою народность, да и жалующихся, еслибъ таковыя нашлись, можно припугнуть, что они сами произвольно предпочитаютъ нѣмецкій языкъ вопреки обнародованному постановленію объ употребленіи въ гимназіяхъ господствующаго языка края. Пожалуй, для прикрытія, можно директора перевести и на лучшее мѣсто, а туда послать еще строжайшаго исполнителя конфиденціональной бумаги министерства, невписываемой и въ протоколъ *). Но, подалше отсюда, скорѣе въ Вѣну, гдѣ, завлеченіемъ болѣзни, а потомъ за бесѣдами съ Шемберой и

*) Прошу васъ принять къ свѣдѣнію это *событіе* не какъ слышанное только мною отъ другихъ достовѣрнѣйшихъ лицъ, но и какъ отъ читавшаго собственными глазами и устами копию съ бумаги министерской.

Миклошичъ, некогда будетъ слѣдить за подобными распоряженіями.

Шембера окончилъ уже свой трудъ о границахъ древнихъ поселеній Славянъ въ западной Европѣ. Къ несчастію, трудъ этотъ лежитъ у него въ столѣ, и неизвѣстно, когда будетъ суждено ему поступить на станокъ типографскій. Подобнымъ же образомъ, обречена на лежаніе у него и автобіографія Колляра. И всего-то на ея отпечатаніе надобно 200 или 250 гульденовъ, слѣдовательно, не болѣе полутора ста рублей серебромъ. Да и ихъ Шембера обѣщаетъ уплатить, какъ только выручится достаточная сумма изъ распродажи книгъ. Остальныя, вырученныя деньги, должны поступить въ пользу семейства покойнаго. Былъ я и на лекціи Шемберы. Число слушателей у него весьма ограниченное, не болѣе двадцати человѣкъ; за-то эти двадцать человѣкъ не проронятъ ни одного слова своего профессора. Я полюбился на практичность метода Шемберы въ преподаваніи чешскаго языка, на искусство его раскрывать вкравшіеся германизмы въ языкъ современный и на умѣнье замѣнять ихъ чистыми чешскими словами и оборотами изъ классическихъ писателей стараго времени. И Миклошичъ окончилъ уже почти свое сочиненіе о собственныхъ именахъ у Славянъ. Оно раздѣлено на двѣ половины: въ первой говорится объ образованіи собственныхъ словъ, гдѣ переложены корни и приставки, во второй — о значеніи. Во время путешествія моего на югъ, онъ успѣлъ дополнить и русскія имена извлеченіемъ изъ Собранія Румянцева и изъ актовъ юридическихъ. На ближайшихъ недѣляхъ должно выйдти и изданіе Греческихъ Памятниковъ (diplomata), грамотъ и т. п., хранящихся въ Публичной Военной Библіотекѣ и относящихся къ исторіи Славянъ. При мнѣ былъ принесенъ для корректуры 22-й листъ, въ которомъ находятся и три грамоты патриарховъ Россіи. Изданіе отчетливое и изящное. Всего будетъ около 32 листовъ. Въмѣстѣ съ этимъ готовится онъ къ изданію нашего Нестора съ филологическими комментаріями и съ словаремъ. Миклошичъ высказалъ только сожалѣніе, что давно уже ничего не получалъ онъ изъ русской Академіи, а думаетъ, что въ ея изданіяхъ не мало можетъ найдтись такого, чѣмъ-бы съ успѣхомъ могъ онъ воспользоваться. Почти приготовилъ уже онъ къ изданію новому и свой словарь славянскаго языка, въ который, какъ передавалъ мнѣ Миклошичъ, теперь уже войдетъ до пятидесяти тысячъ словъ, ненаходящихся въ изданной части А. Х. Востокова. Я пожелалъ ему полного успѣха. Въ житейскомъ отношеніи, Ми-

кюшничъ жаловался на то, что ему, при всемъ множествѣ и при всемъ разнообразіи Славянъ въ Вѣнѣ, часто рѣшительно не съ кѣмъ раздѣлить время для разговора филологическаго; причина заключается въ дѣйствительной односторонности Славянъ вѣнскихъ, въ исключительной преданности ихъ одной своей народности. Я не могъ не сочувствовать Миклошичу, хотя, съ другой стороны, и долженъ замѣтить, что и въ Вѣнѣ, между молодежью, исключительность эта начинаетъ исчезать; болѣе и болѣе возбуждается интересъ и къ другимъ славянскимъ народностямъ. Судя по настоящему направленію, можно надѣяться, что черезъ пять или десять лѣтъ и Миклошичъ перестанетъ жаловаться. Но когда же перестанетъ жаловаться весь славянской міръ на свою судьбу?

П. Л.

Прага, 23 Ноября, 1859 года.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

I.

Между тѣмъ, какъ въ старомъ европейскомъ мѣрѣ отдѣльными народностями, разъединенными случайными обстоятельствами, ищутъ національнаго единства, по ту сторону атлантическаго океана, въ Америкѣ, идетъ совершенно противоположное движеніе. Тамъ распадается одна изъ сильнѣйшихъ конфедерацій, одно изъ такихъ демократическихъ обществъ, какого, ни по могуществу, ни по социальному устройству, никогда не было въ старой Европѣ. Явленіе въ высшей степени замѣчательное не столько въ политическомъ, сколько въ нравственномъ отношеніи. Духъ раздора, разрывающаго американскіе штаты, скрывается въ рабствѣ Негровъ, возведенномъ въ систематическое учрежденіе свободнаго народа. Дальновидные умы давно предсказывали эту катастрофу, и основатели американской республики, закладывая будущее общество на самыхъ широкихъ основахъ, отступили отъ вопроса о невольничествѣ; они понимали всю важность его, но не имѣли возможности разрѣшить и даже коснуться до него, потому что всеобщее и глубокое потрясеніе страны, только-что начинавшееся слюченіе ея, отвели ихъ вниманіе въ другую сторону: они основывали союзъ тринадцати независимыхъ колоній и потому всякое разъединяющее обстоятельство старались отклонить, ослабить или забыть. Такимъ образомъ самое антисоціальное

учрежденіе осталось въ основаніи демократической федераціи. Послѣдующія поколѣнія постоянно чувствовали это противорѣчіе, и старались закрыть кой-какими наружными накладками внутреннюю рану, но она не переставала сочиться и заражать здоровыя части тѣла. Время растряпало ее такъ глубоко, что она разлила свой ядъ на всѣ отношенія южныхъ штатовъ, на воспитаніе на образъ миѣній, на законодательство и администрацію. Племя *черныхъ*, угнетаемое населеніемъ *бѣлыхъ*, сдѣлалось главнымъ источникомъ жизни, богатства и безчисленныхъ общественныхъ спекуляцій; нѣтъ ни одного англо-американскаго семейства, которое бы не участвовало въ этой позорной тирании, нѣтъ ни одного земельнаго собственника, который бы не держалъ на цѣпи нѣсколькихъ рабовъ-негровъ,—ни одного жизненнаго интереса, который такъ или иначе не подходилъ бы къ этому всепроникающему началу. И вотъ четыре милліона людей, которыхъ судьбу такъ классически обрисовала Бичеръ-Стоу въ своей потрясающей книгѣ, обратились въ рыночный товаръ, до того выгодный каждому капиталисту, что на немъ построилась огромная промышленная система; съ него начинается всякая эксплуатація и имъ оканчивается. Едва ли кто по совѣсти и въ душѣ сочувствуетъ такому ненормальному состоянію, но каждый старается извинить его обстоятельствомъ, и личною своекорыстію придать какую-то законную форму. Этого мало: рабство, развитое въ неграхъ, перешло отъ нихъ на самое общество. Въ немъ явились защитники и пропагандисты отвратительнѣйшаго ученія, каксе только когда-либо осквернило человѣческую мысль и слово; они возвели его въ релігіозный догматъ, въ философскую теорію, въ педагогическую программу и не стыдились доказывать въ половинѣ XIX вѣка, что невольничество есть самое естественное и лучшее состояніе общества. Съ тѣмъ вмѣстѣ его упорно отстаиваютъ въ законодательныхъ палатахъ, оправдываютъ разными пощенькими, но сладенькими эпитетами въ домашней жизни, ради его ограничиваютъ свободную прессу тамъ, гдѣ она не знала никакихъ стѣсненій и подъ влияніемъ его давить всякую оппозицію общественному злу. Само-собою разумѣется, что такой порядокъ вещей не могъ не отразиться на характерѣ южнаго Американца: онъ рѣзко отличается отъ сѣвернаго. Дѣтство перваго развивается подъ напѣтомъ самыхъ неблагоприятныхъ впечатлѣній; у колыбели его стоитъ несчастный невольникъ, съ грустнымъ выраженіемъ на лицѣ или съ печальной улыбкой на устахъ; онъ передаетъ ребенку исторію своихъ стра-

даніи, показываетъ на рубцы своего изодраннаго тѣла и зара- нѣе знакомитъ его съ проклятіями невольнической жизни; дажѣ, свободный американскій юноша видитъ на площади торгъ людьми, наравнѣ съ вьючными животными, слышитъ свистъ и удары бича на плантаціи, постоянно читаетъ въ газетахъ, какъ мистеръ Дѣдлей или Бпрчъ охотился съ стаей гончихъ собакъ на бѣднаго Негра, бѣжавшаго съ фабрики или конюшни; въ школѣ его учатъ презирать *чернаго* челоуѣка и смотрѣть на него, какъ на существо, рожденное для безусловнаго повиновенія волѣ и капризу *бѣлаго*. За тѣмъ деморализація проходитъ во всѣ изгибы общества, не оставляя ни одного чувства, ни одного помысла, свободнаго отъ ея заразы. Вслѣдствіе этого южный Американецъ склоненъ къ деспотизму и въ то же время къ униженію; онъ любитъ роскошь и лѣдность; его ложное отношеніе къ невольнику пріучаетъ его лгать и въ словахъ и поступкахъ; онъ грубъ и дерзокъ, потому что не знакомъ съ уваженіемъ къ челоуѣческой личности и ея правамъ; онъ *спекуляторъ* по преимуществу, потому что мѣрой его матеріальнаго счастья служить самый грязный промыслъ Неграми. Въ другомъ свѣтѣ представляется намъ гражданинъ сѣверныхъ штатовъ, куда не проникла система рабства; въ характерѣ его гораздо больше независимости, сознанія своего собственнаго достоинства и уваженія его въ другихъ; сѣверный Американецъ отличается болѣе гуманнми понятіями и въ обществѣ и въ семействѣ; онъ трудолюбивъ и дорого цѣнитъ плоды своего труда; онъ предприимчивъ и считаетъ знаніе силой общественнаго благосостоянія; онъ купецъ, но промышленность служитъ ему не цѣлью его жизни, а средствомъ ея; ему доступны самыя высокія нравственныя удовольствія, и онъ ненавидитъ невольничество, какъ оскорбленіе своего національнаго чувства. Въ такомъ видѣ проводить паралель между жителями Южной и Сѣверной Америки путешественники и публицисты. Ясно, что главная черта соціального раздѣла между ними лежитъ въ самомъ характерѣ народа.

Но что значить характеръ народа въ такой странѣ, какъ Америка? Онъ значить все, потому что при индивидуальной свободѣ и новизнѣ, еще шаткихъ государственныхъ учрежденіяхъ, общественныя взгляды, понятія и вѣрованія вырабатываются въ частной жизни и, проверенныя опытомъ, обращаются въ народное мнѣніе. Это мнѣніе создаетъ законы, управляетъ конгрессами и покоряетъ себѣ все, что живетъ и дѣйствуетъ въ чертѣ его власти. И американскія общины сильны силой и един-

своём этого мнѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ зарождается расколъ и обнаруживаются противоположныя стремленія, социальная связь уничтожается и конфедерація можетъ сдерживаться отъ распаденія только внѣшними и случайными обстоятельствами. Такъ, Швейцарія, не располагая ни вѣрными средствами защиты, ни отступленія, развѣ только въ ущелія сполхъ неприступныхъ горъ, по необходимости бережетъ свой союзъ, какъ бы ни были различны его интересы. Съ той минуты, когда политическая связь ея кантоновъ порывается, независимость этой страны дѣлается болѣе чѣмъ сомнительной. Въ этомъ положеніи находится Америка. Отрѣзанная океаномъ отъ другихъ частей свѣта, безопасная въ отношеніи внѣшнихъ враговъ, съ небольшимъ народонаселеніемъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ земель, она чувствуетъ себя совершенно свободной отъ всякаго посторонняго вліянія; надъ ней ни тяготѣтъ ни мечъ завоевателя, ни дипломатическій произволъ самодержавныхъ кабинетовъ: въ этомъ отношеніи она независима, какъ море у береговъ ея. Но чѣмъ меньше стѣсняетъ ее внѣшнее вліяніе, тѣмъ тверже должна быть внутренняя связь ея конфедераціи. Къ сожалѣнію, ее-то и не достаётъ американскому союзу. При всемъ томъ, что національные элементы его составлены довольно стройно, промышленные интересы общіе, представительная система не имѣетъ ничего противнаго мѣстнымъ выгодамъ или лучше она слишкомъ слаба, чтобы нарушать ихъ гармонию, и за всѣмъ тѣмъ принципъ невольничества раздвоилъ самую крѣпкую народность: цѣпь Негра такъ тяжела, что въ состояніи была разорвать политическое звено, соединявшее южные штаты съ сѣверными. И это неудивительно; рано или поздно событіе должно было совершиться. «Я вѣрю, писалъ Джефферсонъ, въ великое будущее нашего союза: я предсказываю ему завидное положеніе между народами, но не могу скрыть отъ себя, что ему угрожаетъ серьезная опасность со стороны невольничества.»

И эта опасность не замедлила осуществиться. 19 прошлаго декабря состоялся актъ отложенія южной Каролины отъ американскаго союза; она единодушно рѣшила, что на будущее время независимость ея признается, на правахъ отдѣльнаго государства, т. е. объявленіе войны, заключеніе мира, устройство промышленной дѣятельности и всѣ международныя отношенія составляютъ ея собственную прерогативу, независимо отъ центрального правительства. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней она поста-

новша пригласить и другіе штаты, имѣющіе невольниковъ — Негровъ, къ участию въ этомъ отложеніи и къ составленію отдѣльнаго южно-американскаго союза. Движеніе продолжается, и неизвестно на чемъ остановится. Поводомъ его было избраніе новаго президента Линкольна, челоуѣка партіи, неблагопріятной вопросу о невольничествѣ Негровъ. Нѣтъ сомнѣній, что южная Каролина, какъ одинъ изъ главныхъ центровъ невольничества, боялась подъ управленіемъ Линкольна, потерять свой голосъ въ палатахъ Вашингтона и тѣмъ усилить оппозицію. Но это только видимая причина, за которой скрывается болѣе существенная сторона вопроса: дѣло въ томъ, что симптомы этого раздора обнаружались уже давно. Въ прошломъ году, по случаю казни Броуна, сѣверные штаты обмѣнились съ южными самыми энергическими спорами и взаимнымъ презрѣніемъ. Кровь благородной жертвы была общимъ сигналомъ возстанія аболиціонистовъ противъ своихъ заклятыхъ враговъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторилась та же сцена, когда возникъ вопросъ относительно перехода Негровъ въ свободные штаты. Поэтому настоящія событія въ южной Каролинѣ были подготовлены гораздо раньше; иначе было бы трудно понять это внезапное возстаніе цѣлыхъ провинцій и такую твердую рѣшимость ихъ. «Какимъ образомъ, замѣчаетъ Times, въ нѣсколько дней десять милліоновъ жителей могли обратиться изъ смарныхъ гражданъ въ бунтовщиковъ: какимъ образомъ люди, воспитанные въ томъ убѣжденіи, что Америка величайшая страна между полюсами, вдругъ стали утверждать, что Союзъ ея — нелѣпность и вашингтонское правительство — тиранія, подобная старой странѣ». Ясно, что свободный и образованный сѣверъ Америки давно былъ раздѣленъ съ невольническимъ и невѣжественнымъ югомъ.

Суди по направленію и размѣрамъ движеній, отложеніе не ограничится одной южной Каролиной. Вѣроятно, начатое ею, оно захватитъ и другія провинціи, населенныя Неграми. Въ перспективѣ предвидится междоусобная война и земля, столь чистая отъ челоуѣческой крови, обольется ея потоками.

Разсматривая этотъ фактъ съ точки международной справедливости, хоть въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ея современная политика, мы не можемъ оправдать поступокъ южной Каролины ни въ какомъ случаѣ. Здѣсь мы напомнимъ читателю главныя условія, при которыхъ возникла сѣверо-американская конституція. Когда началась борьба съ англійской метрополіей тринадцать колоній выступили противъ врага и низложили господство

его; ихъ связывалъ одинъ общій интересъ побѣды и одна общая надежда независимости. Побѣда была выиграна и національная свобода обеспечена. Тогда предстояла трудная задача — внутренней организации страны, стоявшей между угрозами стараго завоевателя и полной анархіей. Съ этой цѣлью, въ 1787 г., было созвано национальное собраніе, замѣчательное по чистотѣ и благородству характеровъ, по уму и государственной опытности. Президентомъ этого собранія былъ Георгъ Вашингтонъ. Кани- тальный вопросъ совѣщанія состоялъ въ томъ, чтобъ устроить взаимныя отношенія освободившихся колоній и соединить ихъ въ одно политическое существо. Передъ законодателемъ ле- жала единственный путь — собрать отдѣльныя части въ стройный федеративный союзъ, но такъ искусно, чтобъ не лишитъ каждую изъ нихъ индивидуальной независимости, основанной на мѣстной автономіи и въ то же время подчинить ихъ центральному пра- вительству. Въ слѣдствіе этого образовался союзъ, съ правомъ верховной инициативы надъ соединенными штатами: эта иници- атива была опредѣлена очень ясно и метко. Всѣ общіе интере- ресы — война, миръ, торговые договоры, составъ войска и во- оруженіе флота, однимъ словомъ, всѣ международныя отношенія были вѣрены федеративному управленію. За-тѣмъ всѣ внутрен- ніе интересы, обнимающіе собой цѣлый союзъ, какъ напримѣръ, пути сообщенія между отдѣльными штатами, также были пере- несены на вашингтонскій сенатъ и палату. Что же касается до мѣстныхъ правъ управленія, то каждому штату оставлена пол- ная независимость дѣйствія. Такимъ образомъ тринадцать от- дѣльныхъ республикъ составили конфедеративный союзъ, въ ви- дахъ вѣншей безопасности и внутренняго благосостоянія. Въ этомъ заключалась главная цѣль Союза, признаннаго доброволь- но всею націей и выраженнаго въ конституціонной хартіи.

Теперь спрашивается, въ силу какого федеративнаго права Южная Каролина, свободно вступившая въ союзъ, отдѣляется отъ него, претендуя на самостоятельное государство? Юж- ная Каролина состоитъ изъ того же племени, съ тѣмъ же языкомъ и религіей, какъ и прочіе штаты; она соединилась съ ними на основаніи свободного договора и болѣе семидесяти лѣтъ пользовалась его защитой. Что же заставляетъ ее отло- житься отъ конференціи? Парламентъ Чарльстона, желая при- дать законную форму отдѣленію, говоритъ между прочимъ о стѣсненіи своихъ правъ и дѣятельности центральнымъ управле- ніемъ. Но если бы въ этомъ показаніи и было сколько нибудь

искренняго мнѣнія, то и тогда произвольное отложеніе не оправдывается ни здравымъ смысломъ, ни политическимъ соображеніемъ. Положимъ, что вашингтонскій парламентъ виноватъ передъ провинціей въ нарушеніи своихъ обязанностей; но Южная Каролина не должна забывать, что кромѣ отношеній ея къ центральной власти, у нея есть обязанности и къ другимъ, равнымъ ей, провинціямъ: доселѣ у нихъ были общія жертвы и выгоды, въ которыхъ они участвовали вмѣстѣ. Притомъ, если бъ вашингтонскій парламентъ и совершилъ какое нибудь преступленіе относительно того или другаго штата, то онъ отвѣчаетъ передъ всею націей и судится ея общимъ судомъ, а не собраніемъ отдельнаго округа. Это первый актъ самоуправства со стороны южной Каролины.

Но второй актъ ея отложенія принимаетъ характеръ политической пзмѣны. Возставшая область не довольствовалася своимъ собственнымъ отложеніемъ, но обратилась и къ другимъ провинціямъ съ просьбой присоединиться къ ея возстанію. Это дерзкій вызовъ на разрушеніе основныхъ началъ Союза, не имѣющій и тѣни справедливости. Если народъ общими силами и волей заложилъ національное единство, то и расторженіе его должно быть утверждено общимъ мнѣніемъ. Между тѣмъ южная Каролина предлагаетъ свой планъ только тѣмъ кантонамъ, которые вмѣстѣ съ нею замѣшаны въ эксплуатаціи Негровъ. Такое неловкое предложеніе открываетъ въ одно и то же время лицемеріе, и своекорыстіе дѣян. Послѣ этого поступка становится ясно, что южная Каролина не надѣется на справедливость своего отложенія и на одобреніе его общимъ голосомъ страны. Она понимаетъ и то, что говорить громко свѣту о своихъ намѣреніяхъ не совѣтъ прилично. Но обмануть общественное мнѣніе также не легко. Теперь всякій видитъ, чего она боится со стороны американскаго союза и чего ищетъ въ своемъ отреченіи отъ него: ей, дѣйствительно, дорога не свобода отдѣльной народности (въ этомъ было бы смѣшно упрекнуть Америку), а дорого невольничество и соединенныя съ нимъ безумныя злоупотребленія; она боится и, конечно, не безъ основанія, что сѣверные штаты современемъ потребуютъ освобожденія Негровъ или посадятъ ихъ на карабли и вывезутъ изъ предѣловъ Америки. Вотъ то опасеніе, которое волнуетъ южную Каролину, и приводитъ ее къ политической измѣнѣ.

Когда мы пишемъ эти строки, еще неизвѣстно, какую роль приметъ федеративное правительство въ этомъ вопросѣ, и какъ

на него взглянуть другіе штаты. Нѣтъ сомнѣнія, что Америка не дозволитъ совершить преступленіе безъ протеста и наказанія, не допустить несчастное племя Негровъ до совершеннаго пораженія его, безъ надежды на свободу и безъ оппозиціи великаго народа.

Нѣсколько утѣшительнѣе идутъ дѣла въ Китайской имперіи. Благодаря угрожавшему бунту въ Пекинѣ, если-бъ хоть одна неприятельская бомба упала въ городъ, и благодаря посредничеству генерала Игнатьева, упорство мандариновъ наконецъ уступило необходимости, и они рѣшились заключить миръ. Нельзя не удивляться великодушію или, какъ выражается Фигаро, простодушію побѣдителей. Они воспользовались почти такими же выгодами отъ своей побѣды, какихъ могли достигнуть и не предпринимая отдаленнаго и убыточнаго похода. Правда они взяли контрибуцію — въ 120 милліоновъ франковъ — но такая ничтожная сумма едва ли покрываетъ расходы войска, пропывшаго около тысячи миль по океану; правда, они поживились на счетъ китайскаго богдыхана, въ его великолѣпномъ дворцѣ, но намъ неизвѣстно, въ какой степени эта добыча была велика. Въ «Монитерѣ» было сообщено официальное свѣдѣніе объ этой чрезвычайной контрибуціи, но подробности ея не были ясно высказаны или представлены легче, чѣмъ можно предполагать ихъ на самомъ дѣлѣ. Тамъ, между прочимъ, было такъ сказано: «Когда явились англійскіе офицеры (дворецъ былъ занятъ, послѣ легкаго сопротивленія со стороны Татаръ, первыми Французами, пригласившими для дѣлежа добычи и Англичанъ), мы обсудили, какъ-бы лучше поступить со всѣми этими богатствами, и потому были назначены по три довѣренныхъ лица со стороны каждой націи: имъ дано было порученіе отложить въ сторону предметы особенной цѣнности или любопытства, такъ чтобъ раздѣлъ можно было произвести поровну. Нечего было думать о томъ, чтобъ все забрать съ собой, при нашихъ ограниченнѣйшихъ средствахъ перевоза. Вскорѣ за тѣмъ, послѣ дальнѣйшаго поиска, была открыта сумма въ 800,000 франковъ, въ маленькихъ золотыхъ и серебряныхъ слиткахъ. Комиссія раздѣлила еѣ между обѣими арміями такъ что на каждаго солдата пришлось по 80 франковъ». Далѣе былъ собранъ военный совѣтъ для выбора особенныхъ подарковъ, предназначенныхъ для поднесенія англійской королеви и французскому императору. Лордъ Эджинъ назначилъ послать той и другой власти по драгоценному скипетру китайскаго владыки. Затѣмъ генералъ продолжаетъ въ своемъ донесеніи: «Нѣтъ возможности, господишь

маршалъ, описать вамъ великолѣпіе многочисленныхъ зданій, расположенныхъ сплошной массой на пространствѣ четырехъ мп.; всѣ эти зданія составляютъ такъ называемый лѣтній дворецъ императора и продолженіе пагодъ, загроможденныхъ золотыми, серебряными и бронзовыми болванами колоссальнаго размѣра. Одно бронзовое изображение Будды около 70 футовъ высоты. Сады, озера и всевозможные рѣдкости, цѣлыми вѣками накопленные въ строеніяхъ бѣлаго мрамора, покрытыхъ разноцвѣтной глиняной черепицей, — прибавляютъ къ этому видъ на очаровательныя окрестности... Но что неприятно видѣть среди этихъ остатковъ старой роскоши — это беспечность и запущенность настоящаго правительства и двухъ или трехъ, предшествовавшихъ ему. Ни малѣйшаго слѣда заботы, и самыя дорогія вещи, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя украшаютъ жилище покои богдыхана, заброшены до отвратительнаго пренебреженія» и т. д.

Изъ этого донесенія видно, что Англичане и Французы не забыли заглянуть и въ ларчикъ бѣжавшаго богдыхана, но нельзя опредѣлить съ точностью, на сколько именно великодушная рука ихъ очистила неопрятныя его палаты. Во всякомъ случаѣ, побѣдитель обошелся съ побѣжденнымъ почеловѣчески. И мы находимъ такое поведеніе въ высшей степени достойнымъ образованныхъ націй, потому что тяжелыя контрибуціи, собираемыя съ восточныхъ правителей, обременяютъ не ихъ самихъ, а бѣдныхъ рабовъ, подвластныхъ имъ.

Къ числу вещественныхъ пріобрѣтеній относится также клочекъ земли, совершенно бесполезный для Китая, но выговоренный Англичанами за тѣмъ, чтобъ образовать изъ него главное депо товаровъ, отправляемыхъ въ сѣверныя провинціи имперіи. И это ничтожное пріобрѣтеніе маленькаго острова едва-ли не во сто разъ выгоднѣе для Англіи, чѣмъ денежная ея контрибуція. Мы увѣрены, что современемъ она обратитъ этотъ пунктъ въ богатую и многочисленную колонію, изъ которой будетъ удобно разбросать сѣть своего промышленнаго завоеванія по берегамъ Китая и, поставивъ въ его портахъ сильный флотъ, — отстранитъ всякое постороннее вліяніе на судьбу небеснаго народа. Замѣтимъ, что съ такихъ, едва замѣтныхъ, пріобрѣтеній началась постепенная агломерация Индіи, Австраліи и американскаго побережья. Подъ британскомъ флагомъ совершалась всемірная побѣда, не столько посредствомъ пушки, сколько при помощи коммерческаго инстинкта и необыкновенной предпримчивости впередъ идущей націи. Она снѣшитъ поставить

на чужой землѣ не арсеналъ и крѣпость, а торговую контору, и черезъ нѣсколько лѣтъ мѣшокъ хлопчатой бумаги обращаетъ въ тронъ своего господства. Въ этомъ все различіе ея громадной колонизаціи съ колонизаціями другихъ народовъ.

Съ тѣмъ же вѣрнымъ инстинктомъ она угадываетъ въ своемъ договорѣ съ Китаемъ два обстоятельства, повидному, пустыя, но впоследствии чрезвычайно важныя. Она настояла на открытіи всѣхъ китайскихъ портовъ европейскимъ купеческимъ кораблямъ, напередъ увѣренная, что лучшими результатами этого пункта, воспользуется она сама; потому что превосходство промышленныхъ силъ принадлежитъ Англіи и, пока Америка будетъ разрабатывать и заселять свои пустыни, у нея нѣтъ соперника на этомъ полѣ. Кромѣ сбыта своихъ фабричныхъ произведеній и обмѣна ихъ на туземные продукты, она утвердить въ этихъ портахъ политическое преобладаніе въ Китаѣ, которое и теперь уже обозначается очень ясно. Затѣмъ она обезпечила тѣнцзинскимъ трактатомъ свободный проѣздъ своимъ подданнымъ во внутреннія части имперіи. Нечего и говорить, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ всѣ промышленные интересы Китая перейдутъ въ ея руки. Объ этомъ мы уже сказали въ прошломъ политическомъ обзорѣ. За всѣмъ тѣмъ Англія недовольна ратификаціей тѣнцзинскаго мирового договора. Она ожидала и въ правѣ была ожидать гораздо большихъ выгодъ за пожертвованія, понесенныя ею во время войны. Но, кажется, она слишкомъ увлекается настоящимъ расчетами, не принимая въ соображеніе будущихъ послѣдствій. Съ однимъ можно согласиться, что она попрежнему не опредѣлила своихъ отношеній къ южнымъ китайскимъ провинціямъ, которыми управляетъ не Гіенфуянь, а другой повелитель, Чунгъ-Янгъ, съ отдѣльнымъ дворомъ и самостоятельной властью. Въ рукахъ этого новаго Аттилы, покрывшаго половину имперіи человѣческими костями и развалинами, находятся лучшія области, откуда доставляется шелкъ и чай. Какимъ образомъ Англичане устроить свои торговыя связи съ этимъ краемъ, не обезпечивъ ихъ ни особенными условіями, ни военнымъ вліяніемъ, — это трудно рѣшить. Имъ остается два средства — поддержать эти связи вооруженной силой или расположить къ себѣ нанкинскаго императора, но въ послѣднемъ случаѣ имъ не слѣдовало называть его самозванцемъ въ официальномъ трактатѣ съ Гіенфунгомъ. Точно также недостаточно опредѣлены и сношенія ея подданныхъ съ внутренними провинціями. Выдача паспортовъ зави-

снть сть англійскнх консуловъ, но подчиняется и наблюденію мѣстнаго китайскаго управленія. Это вмѣшательство китайской администраціи угрожаетъ множествомъ такихъ невыносимыхъ формальностей, что способно отравить положеніе самого терпѣливаго путешественника. Если британское правительство ввело для своихъ купцовъ стѣснительную французскую паспортную систему, то что-же надо думать о китайской, гдѣ произволь, ложь и кукольная игра въ административныя церемоніи доходитъ до классической пошлости. Англичане это знаютъ: они видѣли лпдемѣріе мандариновъ, они не разъ были обмануты правительствомъ, для котораго нѣтъ ни чести слова, ни уваженія къ справедливости и завсѣмъ тѣмъ впади въ ту же самую ошибку. Ужь не соперничество ли съ Французами заставило ихъ быть менѣе требовательными и болѣе великодушными, чѣмъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ? Рѣдко побѣдительно случается предписывать свои условія въ столицѣ непріятеля, но если случается, то они предписываются строго и рѣшительно.

Китайская война бросила новый лучъ свѣта на судьбу одряхлѣвшаго Востока. Она показала всю слабость его и всю несправивность политической системы, которая поражаетъ третію часть міра безвыходнымъ застоємъ. Что будетъ съ Востокомъ съ этимъ историческимъ призракомъ, надъ которымъ пронеслись вѣка, пережились сотни поколѣній, поднялись и упали громадные государства, шумно прошли страшные завоеватели, подобные Тамерлану и Магомету II, а онъ, этотъ таинственный Востокъ, неподвижно каменѣетъ въ своихъ чудовищныхъ формахъ, какъ гранитный обелискъ, занесенный песчаной пустошью. Что могло такъ тяжело палечь на его жизнь и ослабить его политическую логику? Неужели преданіе или религіозный квиетизмъ? — Да, здѣсь есть надъ чѣмъ подумать! Нѣтъ сомнѣній, что возрастающія силы Европы поглотить его полудикія племена и выведутъ его путемъ ужасной неволи и страданій, какъ мы это видимъ на современной Индіи, къ другой жизни, можетъ быть не лучшей, но во всякомъ случаѣ и не худшей.

Г. Б.

Письмо изъ Парижа.

Послѣ знаменитой тревоги, произведенной декретомъ 24 ноября, умы пмѣли довольно времени нѣсколько спокойнѣе обдумать значеніе этой новой эры, которой правительство думало освѣтить всю націю. Теперь понятна причина, вдохновившая подобную великодушную мѣру. Рѣчь шла о томъ, чтобы провести паралель между конституціей Парижа и конституціей Вѣны. Преимущество осталось за первой, которая даруетъ новыя вольности націи, вовсе не требовавшей ихъ. Правда, что если народы, подчиненные скипетру Франца - Юсифа, не выражаютъ особенной признательности либеральнымъ правамъ, которыя вызваны обстоятельствами со стороны австрійскаго правительства, за то Французы далеки оттого, чтобы горячо сочувствовать новымъ милостямъ, о которыхъ они и не думали наканунѣ.

Но чтобы объяснить эту политическую мѣру, надобно спуститься глубже въ причины, которыя ее породили. Императоръ Наполеонъ чувствуетъ, что онъ становится одинокимъ въ своей обширной имперіи. Его книгопечатные станки, его законодательная камера, сенатъ, министерства, префектуры начинаютъ исчезать средъ всеобщаго равнодушія. Старая партія бонапартистовъ рѣдѣетъ, и необходимость искать опоры въ самой преданности страны, въ ея общественныхъ симпатіяхъ правительству, становится не для одной Австріи настоятельной необходимостью. До-сихъ-поръ мыслящее сословіе Франціи, и въ особенности ея моралисты не вполне раздѣлили дѣли и стремленія власти, созданной ударомъ 2 декабря. Газеты, обзорѣнія, администраціи, управляемые самыми посредственными личностями, или же такими отсутствующими, которые, начавъ свою барьеру въ стани либераловъ, оканчиваютъ ее въ министерствѣ Валевскаго или въ префектурѣ столичной полиціи. Не думаемъ, чтобы императоръ искренно вѣрилъ этимъ людямъ, перемѣнившимъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ фрактомъ образъ мыслей и чувствъ, да и они сами едва-ли вѣрить чему нибудь и кому нибудь въ мірѣ, — не менѣе того кругъ ихъ великъ и силенъ. Наполеонъ очень хорошо понимаетъ

и помнить исторію своего дѣди, что положиться на этихъ людей въ трудныя минуты болѣе чѣмъ опасно. Онъ ищетъ истинныхъ друзей между тѣмъ рядами подданныхъ, которые вѣрнѣе служатъ счастію страны и крѣпче любятъ ея интересы. Но едва ли маршалы не ошибаются, что эта *тошна* гораздо дальновиднѣе ихъ и вовсе неспособна увлекаться великодушными обѣщаніями, похожими на сновидѣніе голоднаго бѣдняка, пирующего во снѣ, по просыпающагося съ удвоеннымъ аппетитомъ. Мы откровенно начинаемъ сознаваться, что гражданское воспитаніе Франціи равняется нулю, но мы въ тоже время научены опытомъ не совсѣмъ доверчиво смотрѣть на сочиненіе конституцій въ одну почъ и республикъ въ три дня.

Кажется и правительство сознаетъ эту истину. Столько счастья вовсе не ослѣпило челоуѣка, который въ суровой школѣ несчастія. Онъ помнитъ, что власть падаетъ въ слѣдствіе не нормальной натяжки своихъ принциповъ; онъ знаетъ исторію Поликрата Самосскаго, котораго боги, не смотря на то, что ненавидѣли, все такъ османили самымъ неслыханнымъ счастіемъ. Чтобы избѣжать непремѣнный законъ противоудѣствія и реакціи, напрасно спмисл онъ обезоружить судьбу, неотступно привязавшуюся къ нему и посылавшую удачу за удачами во всѣхъ его предпріятіяхъ; напрасно бросилъ онъ въ глубь моря перстень, лучшую изъ своихъ драгоценностей; онъ снова нашелъ его въ той самой рыбѣ, которую подали къ его столу. Но чрезъ нѣсколько времени, разбитый и понавшій въ плѣнъ, Поликрать умираетъ.

Первымъ послѣдствіемъ реформы, какъ думали, будетъ распространеніе свободы прессы. И дѣйствительно Фіалэнъ де-Персьяны отмѣнилъ взысканіе съ журналовъ, которымъ подверглись нѣкоторые изъ нихъ. Извѣстно, что наблюденіе за литературнымъ благочиніемъ и право предостереженій находится въ рукахъ префектовъ, людей не всегда способныхъ быть судьями науки и журналистики. Были времена, когда они, сообразуясь съ направленіемъ министерства, дозволяли себѣ произволъ, тѣмъ болѣе тяжелый, что при отсутствіи положительныхъ правилъ отвѣтственность авторовъ и редакцій не имѣли никакихъ гарантіи, даже передъ судебнымъ трибуналомъ. Такимъ образомъ иной префектъ считаетъ вреднымъ писать о вывозѣ тростниковаго сахара; другой запрещалъ критическія замѣчанія о достоинствѣ картинъ историческихъ и пейзажныхъ; о литературномъ достоинствѣ господина Жасмена, — поэтъ на-

рикмахера города Ажена. Нѣкоторые журналы подверглись ценсурѣ правительства за то, что печатали вѣроятныя извѣстія, не бывшія предварительно помѣщенными въ столбцахъ Монитера; — за напечатаніе извлеченій изъ католическихъ журналовъ. Другіе были раззорены за то, что писали о конскихъ заводахъ и ремонтѣ; за то, что осмѣлились имѣть свое мнѣніе о портѣ Ла-Жольетъ въ Марсели; помѣщали официальные донесенія, или просто говорили о холерѣ, о посѣвахъ и наземѣ. Жиронда была окончательно приговорена къ смерти. Такія ограниченія литературнаго мнѣнія, естественно, не могли ужиться вмѣстѣ съ новыми фирмами законодательной трибуны. Едва Персиль успѣлъ объявить свой декретъ, какъ министерство было осаждено просьбами о дозволеніи издавать новыя періодическія изданія. Изъ нихъ получили разрѣшеніе 22 журнала, а изъ числа ихъ 18 просили позволеніе назваться словомъ *Свобода*. Девятнадцатый журналъ просилъ о дозволеніи озаглавить себя: *La République des lettres*; на это министръ съострилъ, отвѣтивъ: *non pas, car vous voulez dire les lettres de la République*. Прудонъ, воротившійся въ Парижъ, явился также съ просьбою о возобновленіи своего журнала, *le Peuple*. Нефцерь, бывшій редакторъ *Presse*, основываетъ протестанскій журналъ *Le Temps*. Эмилю Оливье, депутату въ законодательномъ собраніи, отказано въ его просьбѣ объ изданіи журнала, потому что онъ принадлежитъ къ оппозиціи.

Но вѣроятно всѣ эти извѣстія, которыя такъ сильно занимаютъ теперь парижскіе литературные кружки, представляютъ для васъ мало интереса. Что за дѣло вамъ на такомъ далекомъ разстояніи до нашей литературы, которая сама себя произнесла слѣдующій приговоръ устами Вильмессана въ Фигаро, почти въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Солари, Миресы, Перейры—вотъ меценаты нашего времени. Если-бъ биржевая игра была выдумана во время Августа, меценаты этой эпохи награждали бы Горациевъ акціями и купонами съ непремѣннымъ выигрышемъ ихъ. Это нашъ вѣрнѣйшій доходъ. Послѣдшимъ же, артисты и литераторы, подхватить подачку отъ милости капиталистовъ; дуракъ тотъ, кто отвернется отъ нея».—Со стороны Вильмессана довольно было не ловко объявлять себя на жалованьи Миреса въ ту самую минуту, когда касса мецената лопнула. Послѣдняя финансовая операція Миреса, скупившаго на 200,000 векселей де-Морни, могла кончиться счастливо, только при содѣйствіи Мокара (секретаря императора Наполеона).

Вторымъ *осликимъ* дѣломъ Персиныи было дозволить Англичанамъ свободный доступъ во Францію по одному британскому виду, безъ всякихъ формальностей со стороны нашихъ жандармовъ и портовыхъ комиссаровъ. Такъ Англичанинъ признанъ честнымъ человѣкомъ а *rigoré*, между тѣмъ Французъ по прежнему долженъ предъявить свои помѣтки на паспортахъ и черезъ каждыя двѣ мили обращаться за новымъ удостовѣреніемъ. Мы не понимаемъ этого различія между двумя націями, заключившими свободный договоръ обмѣна на равныхъ обоюдныхъ условіяхъ.

II.

Со времени послѣднихъ шести недѣль положеніе Италіи, вѣ несчастію, содѣялось хуже. Въ виду войны противъ Австріи, которая съ каждымъ днемъ готовится грозѣ и грозѣе, въ виду папской власти, обременяющей сердце апенинскаго полуострова, въ виду междоусобія въ Гаецѣ и неурядицъ Неаполя и Сициліи, мы тревожно задаемъ себѣ вопросъ: «будетъ ли Италія въ силахъ предпринять весной осаду страшнаго четверугольника?» Если-бы противъ этого непріятели была одна Италія, трудно было-бы рассчитывать на успѣхъ; но принимая во вниманіе положеніе самой Австріи, поборники италіанской независимости нѣсколько спокойнѣе ожидаютъ будущихъ событій. Если-бы изъ числа двигателей оставался на сценѣ одинъ только ловкій графъ Кавурт, можно было-бы вовсе отложить попеченіе о грядущемъ возрожденіи Италіи; но вопросъ Венгріи обезпечиваетъ благопріятный исходъ начатаго дѣла, и теперь даже дѣти знаютъ, что съ будущей весной, Гарибальди, вмѣстѣ съ тысячами своихъ храбрецовъ, да съ легиономъ Мадырь, направится въ родину Яна Губиаци, чтобы со стороны Дуная произвести диверсію Италіи, въ то время какъ Венеція назначена быть диверсіей для Венгріи.

Возрожденіе Италіи было задержано неоднократно возобновляемыми кризисами. Внутренніе смуты достигли послѣднихъ предѣловъ на югѣ, особенно въ Неаполѣ. столь прославленномъ красотой его моря, неба и окружающихъ горъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожностью его жителей. Только одинъ городъ можетъ еще превзойти Неаполь въ испорченности—это Римъ. Вотъ почему общественное мнѣніе въ Италіи не могло развиваться. Безъ сомнѣнія правительство Виктора Эмануэля должно быть довольнымъ тѣмъ,

что де-Гойонъ воспрепятствовалъ ему войти въ Римъ, гдѣ побѣдитель не легко вышелъ-бы изъ грязн. Въ Неаполѣ-же, этомъ городѣ съ 400,000 жителей, волонтеры Гарibaldi нашли населеніе барышниковъ, въ числѣ которыхъ отыскалось не болѣе 80 человекъ, послѣдовавшихъ за нимъ на берега Вольтурно. Раненные въ сраженіяхъ были принимаемы въ домъ для излеченія только по приказанію высшаго начальства. Общественныя подписки (за исключеніемъ иностранныхъ вкладчиковъ), составили не болѣе какихъ-нибудь сотенъ франковъ. Волонтеры Гарibaldi не рѣдко падали подъ ножомъ тайныхъ убійцъ, въ темныхъ заюлкахъ Неаполя, какихъ-нибудь ружьяно, и на другой день находили ихъ трупы съ красною рубахой, иногда и безъ пел. Дѣшло до того, что иначе нельзя было ходить по Неаполю, какъ съ револьверомъ за поясомъ, или съ кистенемъ въ рукахъ. Фанти, Фарини, всѣ эти личные враги Гарibaldi, наставившіе столько препятствій и затрудненій правительству диктатора, успѣвъ выступить минутно на сцену дѣйствій, вскорѣ показали все свое ничтожество, и теперь, оставленные и потерявшие довѣрїе, сошли одинъ вслѣдъ за другимъ со сцены политической дѣятельности. Кавуръ не зналъ кѣмъ замѣстить ихъ, и назначилъ принца Кариньяно.

Надобно признаться, что Италия, послѣ всѣхъ порывовъ и побѣдъ, находится въ трудномъ положеніи. Народное движеніе, которое во время предводительства Гарibaldi, брало приступомъ города и овлаждало цѣлыми провинціями безъ особенныхъ кровопролитій, теперь становится междоусобіемъ, усложняющимся въ высшей степени исходомъ дѣла; побѣда стала колебаться между дипломатами и генералами, между реакціей и революціей. Къ довершенію затрудненій и чтобы показать свое преимущество предъ Викторомъ Эмануиломъ, Францискъ II дѣлаетъ самыя блестящія обѣщанія о совершенной свободѣ книгопечатанія и даже обѣщаетъ конституціонную хартію.

Отчего-же небо Итали подернулось тучами и въ воздухѣ такъ и вѣетъ вѣтеръ, расслабляющій ея дѣятелей?

Нѣтъ болѣе сомнѣній, что причина реакціи лежитъ въ Кавурѣ, этомъ нестоицимомъ дипломатѣ безъ политической вѣры, который думалъ, что хитростію и извѣстнаго рода спаровкой можно пойти далѣе, чѣмъ съ помощію политики Гарibaldi. Итальянцы не привыкли вѣрнѣ закулиснымъ комбинаціямъ министерства; они понимаютъ и слушаются слова вождя, раздѣляющаго съ ними и горе и радость. Апатія также лежитъ въ слабости римской под-

купности неаполитанской; но и это оказалось недостаточнымъ. Положеніе, въ какомъ находится Италія было подготовлено французскимъ правительствомъ. Нельзя было ничего понять въ его движеніяхъ и передвиженіяхъ въ областяхъ св. Петра, въ его противорѣчащихъ дѣйствіяхъ въ Витерби, Фросиноне, Орвіетто, Террачинѣ. Люди самые дальновидные теряли голову, и не могли распутать таинственнаго присутствія нашего флота передъ Гаетой. Впрочемъ кто привыкъ наблюдать за дѣйствіями парижскаго кабинета, тотъ знаетъ что онъ показываетъ видъ, будто не имѣетъ ни какой политики, т.-е. чтобъ въ одно и тоже время слѣдовать подлуживѣ политическимъ направленіямъ, другъ другу противоположныхъ, чтобы изъ нихъ принять такое, которое навѣрно поведетъ къ успѣху; и чтобы въ тоже время рисоваться предъ глазами ослѣпленной Европы, подобно великому двигателю современныхъ событій.

Мнѣніе относительно нашей политики идутъ далѣе: она не только послала флотъ для продленія сопротивленія въ Гаетѣ, но даже думаютъ, что снабдила Франциска II деньгами, порохомъ, снарядами и содѣйствовала ему вѣстями, передаваемыми агентами Гаваса, Рейтера и Бюлье. При ея содѣйствіи, не разъ распавшаяся армія Франциска, была реформирована въ Римѣ и Террачинѣ, снабженная начальниками, деньгами, инструкціями и отправленная для занятія нѣкоторыхъ горныхъ ущелій, гдѣ 200 человекъ достаточны были-бы задержать армію въ 20,000 вояновъ. Эти-то самыя войска развили междубоснбную войну и вмѣстѣ съ нею разбой на большихъ дорогахъ.

Этого мало; французскій адмиралъ обсуждалъ и давалъ совѣты по всѣмъ операціямъ. Одинъ изъ уполномоченныхъ Кавура рассказывалъ недавно въ парижскихъ салонахъ, что старикъ-адмиралъ, молодой какъ юноша, воодушевленъ молодою королевой, которая такъ молодецки носитъ круглую шляпу съ перомъ, широкіе шаровары, сапожки и военный плащъ.

Послѣ этого неудивительно, что Пиемонтцы, которые могли только шагъ за шагомъ приблизиться къ осажденному мѣсту, и то преодолевая разныя затрудненія, какъ - то грязь, снѣгъ, утесы и гололедицу, стрѣляютъ въ городъ слишкомъ изъ далека, такъ что ихъ бомбы, могутъ безвредно падать на казематы. Съ французской арміей, расположенной станомъ въ Террачинѣ, имѣющей назначеніе защищать Франциска съ суши, съ французскимъ флотомъ, поставленнымъ съ моря, и продолжавшимъ постоянныя сношенія съ Франціей и

Испаніей, съ Баваріей и Австріей, которыя не замедлили послать ему подарки къ рождественскимъ праздникамъ, подъ высокимъ покровительствомъ папы, съ арміей грабителей, и съ толпами крестьянъ — реакціонистовъ въ тылу піемонтской арміи, — при всей этой обстановкѣ, даже безъ особеннаго ума и храбрости, легко держаться за стѣнами одинокой крѣпости.

Но къ чему поведетъ все это — спрашиваетъ общественное мнѣніе Европы. Почему Наполеонъ послѣ своей знаменитой миланской прокламаціи перемѣнилъ политику въ отношеи къ народу, для котораго онъ самъ заставилъ говорить нарѣзные орудія на поляхъ Мадженты и Солферино? Почему вдругъ такая перемѣна? Потому именно, что онъ еще не отказался отъ мысли федеративной Италіи.

Англія встревожена такимъ вмѣшательствомъ со стороны державы, которая считаетъ себя другомъ и союзникомъ сень-джемскаго кабинета. Она подозрительно смотритъ на неопредѣленно-продолженное занятіе Сиріи и возвышаетъ голосъ. Склонившись на просьбы Виктора-Эммануила она послала Наполеону довольно категорическія ноты, вслѣдъ за которыми ей обѣщали, что къ 19 января флотъ оставитъ Гаету. Но чтобы скрыть это обстоятельство передъ публикой, этому отступленію придали смыслъ перемирія, будто-бы *возложеннаго* на Виктора-Эммануила. Французскій флотъ удаляется, сопровождаемый не совсѣмъ пріятными криками всѣхъ истинныхъ патріотовъ Италіи, такъ что сильное слово Англии было тотъ вѣтеръ, который надулъ паруса нашихъ отступающихъ кораблей. Офиціальныя газеты осуждая Англию, заговорилъ и оразрывѣ нашего союза съ ней.

Само-собою разумѣется, что все зависитъ отъ личныхъ распоряженій Лудовика Наполеона, но, можетъ быть, никто неспособенъ такъ покорно склоняться передъ обстоятельствами, какъ властитель Франціи. Онъ дорожитъ союзомъ съ Англіей, и теперь извѣстны, какъ положительные факты, два обстоятельства: 1, всѣ дѣйствія Наполеона тѣсно связаны съ договоромъ, который существуетъ между Франціей и Англіей; 2) Англія довольно сильна, чтобы вести на континентѣ свою собственную политику а не ту, которой слѣдуетъ парижское правительство.

Этотъ новый союзъ, о которомъ мечтаютъ въ высшихъ слояхъ

и думаютъ, что онъ ужъ заключенъ, пришелъ бы кстати по случаю Шлезвигъ-Голштейнскаго вопроса. Вопросъ этотъ самый запутанный, — не въ отношеніи наслѣдственнаго начала, трактатовъ или дипломатическихъ переговоровъ, занимающихъ насъ весьма не много, — но въ отношеніи правъ и народныхъ сочувствій. Съ одной стороны находится Данія, которая не хочетъ отказаться отъ своей провинціи. Ее поддерживаетъ императоръ Французовъ, который для развлеченія Германіи, измѣняетъ въ этомъ случаѣ своей политикѣ о національностяхъ. Пруссія становится въ головѣ движенія, чтобы ознаменовать новое свое царствованіе какимъ нибудь доблестнымъ подвигомъ, а за нею слѣдомъ идутъ ея кровные недруги, Саксонія, Баварія, и даже Австрія, измѣняя свою старинному союзнику, датскому королю. На какую же сторону склоняются сами Голштинцы? Какъ Нѣмцы, они естественно примыкаютъ къ Германіи, тѣмъ болѣе, что высшее общество, т. е. дворяне, которые, находя, что феодализмъ болѣе сохранился въ Германіи, нежели въ Даніи, питаютъ къ ней, поэтому, болѣе сочувствія. Народъ не столько пристрастенъ къ этой идеѣ, но правительство не хотѣло расположить его къ себѣ болѣе либеральной политикой.

Между тѣмъ въ Венгріи продолжаются частныя совѣщанія и протесты за ея старую конституцію и національную независимость. Она все виднѣе выходитъ изъ разряда покоренныхъ странъ, и заявляетъ свою политическую автономію. Комитатъ, собранный въ Арадѣ, для избранія общественныхъ должностныхъ лицъ, принялъ слѣдующую программу: полное возстановленіе законовъ 1848 года; установленіе военныхъ повинностей и наборовъ не иначе, какъ съ согласія венгерскаго сейма и наконецъ признаніе венгерской независимости, подъ влияніемъ неприкосновенныхъ правъ комитата. Точно такое же движеніе обнаруживается и въ другихъ частяхъ славянскаго міра: Кроація, Воеводина, Молдо-Валахія, Трансильванія, всѣ эти области тяготеютъ къ своему національному центру. Чехія и Галиція ждутъ своей очереди.

Греція также чувствуетъ больное тѣло, разлагающееся у нея подъ бокомъ, въ турецкой имперіи. Но разложеніе Константинополя заражаетъ весь балканскій полуостровъ. Отсюда слышутся жалобы, стоны, вездѣ падаетъ натянутая администрація, и нѣтъ никакихъ средствъ поддержать порту. Настоящая роль Греціи могла бы быть блистательной, но правительство ея не въ

состояніи воспользоваться благоприятнымъ ходомъ событій; народное чувство несовсѣмъ равнодушно смотритъ на толпу мюнхенскихъ фермеровъ, расположившихся на классической землѣ Перикловъ и Сократовъ.

Вообще, надо замѣтить, что принципъ національности, поднятый Наполеономъ въ свою пользу, волнуеть Европу по всѣмъ ея направленіямъ.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій, соч. *Ор. Новицкаго*; ч. I. Религія и философія древняго востока; ч. II. Религія классическаго міра и первая половина греческой философіи.

«Предпринимая обзоръ исторіи философскихъ попытокъ чело-вѣческаго духа, мы идемъ въ полномъ смыслѣ этого слова по вершинамъ исторіи человѣка». Такъ говоритъ Гайнъ, приступая къ анализу философскихъ системъ. Дѣйствительно, когда знаніе и жизненныя стремленія народовъ созрѣвали достаточно въ какуюнибудь эпоху исторіи и въ какойнибудь мѣстности, они порождали философскую систему. Она была признакомъ возмужалости общества въ какомънибудь отношеніи и, въ то же время, дѣлалась могучимъ двигателемъ для массы. Около новаго знамени, поставленнаго въ области мышленія, группировались ученія, нравственныя, политическія партіи. Около него собирались люди, которые хотѣли связать свои частныя, житейскіе идеалы съ общечеловѣческими требованіями, собирались люди, нуждающіеся въ формулахъ для оправданія своей дѣятельности предъ собою и предъ другими, но отталкивавшіе старыя формулы изъ-за того уже, что онѣ въ себѣ несли исторію пережитаго времени. Философскія системы были эпохами въ исторіи чело-вѣчества, важнѣе паденій царствъ и династій, покореній территорій и перемѣны титуловъ властителей. Философскія системы при своемъ появленіи были высказаннымъ словомъ дан-

наго періода: въ своей теоретической части онѣ опредѣлили для него главные вопросы науки; въ практической снѣ служили воплощеніемъ идеаловъ человѣческаго достоинства вообще, и общественныхъ идеаловъ въ частности; въ своемъ построеніи онѣ обозначали фазисы развитія человѣческаго духа въ исторіи; наконецъ ихъ особенность была особенностью той личности, которая ихъ создала. Каждый періодъ жизни человѣческаго общества заключаетъ въ себѣ развитіе, составленіе и разложеніе философской системы или философскихъ системъ. Среди господствующаго міросозерцанія являлись факты науки и не предвидѣнные, нравственные вопросы имъ не охваченные. Эти отдѣльныя явленія возбуждаютъ недовѣріе, насмѣшки, гоненіе. Это утопія! это вздоръ! это преступленіе! это ересь! это помѣшательство!—Но отрицаніе остается безсильно. Фактъ живетъ на зло ему. Нравственный вопросъ повторяется, разширяется. Является отрицающее меньшинство, которое вооружается противъ прежняго міросозерцанія безъ принципа, безъ знамени, въ частныхъ вопросахъ. Является примиряющее меньшинство, которое присоединяетъ во что бы ни стало, уступками, натяжками, извращеніями словъ и понятій, новые вопросы къ старымъ началамъ. Борьба идетъ. Защитники новаго, отрицающіе и примиряющіе, разрознены, слабы, несогласны одинъ съ другимъ, иногда несогласны сами съ собою. Стройная, обдѣланная система старыхъ началъ ихъ легко уличаетъ въ противурѣчія, въ неяснотѣ, въ увлеченіяхъ. Ихъ не признаютъ оффиціальныя міросозерцанія, потому что у нихъ нѣтъ ни преданія, ни знамени, ни формулъ. Борьба концентрируется на отдѣльныхъ вопросахъ. Въ этихъ вопросахъ защитники стараго неохотно сознаютъ, что противники могутъ имъ противустоять, и отдѣлываются лишь тѣмъ, что выдаютъ эти вопросы за маловажные. Но эти вопросы дѣлаются жизненными вопросами для общества; масса бросаетъ всю тяжесть своего историческаго сознанія на сторону непризнанныхъ вопросовъ. Прежнее міросозерцаніе существуетъ, но перестаетъ жить. Кафедры его защитниковъ возвышаются среди пустыхъ аудиторій, пустыхъ храмовъ. Его защитники ищутъ всевозможныя средства, чтобы пѣмѣнить духу системы, оставивъ ея формы неприкосновенными. Тогда среди поборниковъ пустыхъ формъ съ чуждымъ содержаніемъ и поборниковъ новыхъ началъ безо всякихъ формъ раздается проповѣдь скептицизма. Это послѣдній кризисъ. Онъ готовитъ людей спокойно, безразлично смотрящихъ на новое и на старое; сознающихъ недостатокъ того и другаго. Онъ по-

сильную критику въ бьющееся сердце новыхъ началъ съ такою же рѣшительностью, какъ въ трупъ стараго преданія. Они могутъ это сдѣлать, потому что не вѣрять ни тому ни другому. Если общество не зрѣло, то борьба долго дѣлается и долго идетъ судорожный споръ туныхъ и боязливыхъ поклонниковъ стараго съ непослѣдовательными, односторонними проповѣдниками новизны, при холодной, безучастной насмѣшкѣ скептиковъ. Но въ средѣ общества являются скороспѣзки, раннія личности. Являются мыслители, развившіеся подъ вліяніемъ исключительно удачныхъ обстоятельствъ; они выходятъ изъ скептицизма на дорогу новой философской системы. Они ставятъ новое знамя. Сначала они одиноки: ихъ не хотятъ знать, потому что одни не хотятъ признавать ничего новаго, другіе пренебрегаютъ всѣмъ, кромѣ частныхъ вопросовъ, третьи ничему не вѣрятъ. Но слово сказано: знамя поставлено; мало по малу являются единомышленники, продолжатели, разработыватели новой идеи. Наконецъ является кто нибудь способный яснѣе другихъ понять и высказать единство новаго міросозерцанія съ наукою и жизненными стремленіями современности, способный, по своей личности, быть однимъ изъ *кроссовъ* человѣческаго мышленія—и формула готова; система торжествуетъ; эпоха зрѣлости общества настала.

За тѣмъ слѣдуетъ та-же самая исторія съ новыми племенами, съ новыми девизами на плащахъ бойцовъ за старое и за новое. Иногда періодъ возрастанія и паденія системы считается вѣками, иногда годами. Порою нѣсколько системъ становятся рядомъ, выказывая дуализмъ стремленій существующей въ обществѣ, пока не явится новое ученіе, сливающее ихъ въ одно стройное цѣлое или замѣняющее ихъ новымъ цѣлымъ. Порою послѣднее явленіе вовсе не встрѣчается и системы, рядомъ существующія, живутъ и управляютъ вѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ философскія системы являются существеннѣйшими элементами въ развитіи общества; безъ нихъ исторія общества односторонняя и иногда безсмысленная. Съ другой стороны исторія общества является ихъ причиною и объясненіемъ; безъ нея они были-бы уродливостью, частнымъ возмѣнательствомъ, пустою игрою фантастическихъ призраковъ. Жизнь общества безъ его философій, какъ философская система безъ жизни общества ее породившей, не полна.

Такимъ образомъ въ исторіи философскихъ ученій, каждая система должна имѣть свое объясненіе въ трехъ началахъ: въ общихъ законахъ феноменологіи человѣческаго духа, въ жизни общества ея породившей, наконецъ въ особенностяхъ личностей

давшихъ ей ту или другую форму. Точно также развитіе и паденіе системы заключаетъ въ себѣ дѣйствіе тѣхъ-же началъ. Система видоизмѣняется по законамъ человѣческаго духа, подъ вліяніемъ историческихъ событій и новыхъ личностей въ ней участвующихъ. Она, входя въ убѣжденія, порождаетъ сама новыя отбѣнки въ духовныхъ явленіяхъ, новыя событія исторіи, возбуждаетъ новыя личности. Ея гибель заключается опять въ борьбѣ съ новыми психическими данными, съ новыми фазисами исторіи, съ новыми личностями, и то, что ее губить, иногда ею же порождено. И такъ для полнаго пониманія всякой философской системы требуется тройное ея уясненіе: какъ факта феноменологии духа въ развитіи явленій послѣдняго, какъ факта исторіи въ процессѣ ея событій, какъ факта личнаго психического процесса мыслителя.

Конечно въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изслѣдователь имѣетъ всѣ данныя для надлежащаго объясненія подобнымъ образомъ философскихъ системъ. Всего легче открыть слѣды перваго, феноменологическаго процесса, и на это преимущественно было обращено вниманіе историковъ философіи. Гораздо труднѣе уже внести надлежащимъ образомъ систему въ процессъ историческаго развитія общества, прослѣдить, какъ современные жизненные вопросы и событія порождали ее и порождались ею, видоизмѣняли и наконецъ погубили ее. Здѣсь многія сближенія могутъ быть только гипотезами, болѣе или менѣе вѣроятными, болѣе или менѣе ловкими, но весьма въ рѣдкихъ случаяхъ вполне убѣдительными. Наконецъ еще труднѣе открыть въ системѣ вліяніе личности ея составителя и доказать это вліяніе неоспоримо, потому что обыкновенно мы имѣемъ для этого самое малое количество данныхъ, и то болѣе случайныхъ. Всего менѣе въ этомъ случаѣ можно вѣрять автобіографіямъ, уже потому, что человѣкъ весьма рѣдко слѣдитъ довольно внимательно за собою, чтобы замѣтить, какимъ психическимъ процессомъ онъ пришелъ къ тому или другому взгляду на вещи, а тѣ, которые пишутъ свою автобіографію въ послѣдствіи, часто смотрятъ на свое прошлое глазами своего позднѣйшаго развитія и неволью вносятъ въ исторію своего развитія фантастическія частности. Лишь бессознательно высказываясь въ перепискѣ, въ частностяхъ, разсказанныхъ безъ намѣренія придать имъ особое значеніе, автобіографъ позволяетъ позднѣйшему изслѣдователю открыть слѣды его развитія. Потому и здѣсь неволью предоставляется широкое поле догадѣ и гипотетическому сближенію.

Неоспоримая трудность задачи надлежащаго объясненія философскихъ системъ не должна насъ побуждать къ искаженію вопроса, для облегченія его рѣшенія. Многія историческія задачи не могутъ привести къ результату вполне удовлетворительному по недостатку данныхъ. Мы должны въ нихъ по необходимости остановиться на приблизительномъ, частномъ, иногда гадательномъ рѣшеніи. Но тѣмъ не менѣе мы должны ясно сознать, чего именно намъ недостаетъ для полнаго изслѣдованія, и что должно брать въ соображеніе, въ случаѣ достаточнаго количества данныхъ. Понятно что, для большей части системъ древности и для средневѣковыхъ мыслителей, мы должны окончательно отказаться отъ надежды прослѣдить психическій процессъ творческой личности, воплощающей состояніе духа въ свое міросозерцаніе. Самая общественная исторія того времени дошла до насъ въ слишкомъ отрывистомъ состояніи, чтобы всегда можно было опредѣлить историческій элементъ системы. Тогда остается обратить вниманіе лишь на отвлеченный элементъ феноменологіи духа. Но это не отнимаетъ отъ насъ обязанности сдѣлать что можно тамъ, гдѣ это можно. Для философовъ новаго времени матеріалы уже доступны въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было не только знать до мелочей движенія общественной жизни, подъ вліяніемъ которой развивалась система, но и прослѣдить во многихъ случаяхъ особенности личности, выразившей себя въ этой системѣ. Только тогда, когда историки философскихъ системъ внесутъ весь доступный матеріалъ историческаго и личнаго элемента въ развитіе системъ, только тогда этотъ отдѣлъ исторіи (какъ мы видѣли выше, вполне необходимый для пониманія цѣлаго) получитъ надлежащее научное значеніе.

Но съ философскими системами тѣсно связанъ рядъ аналогическихъ явленій въ сферѣ народной жизни. Какъ великіе поэты всѣхъ временъ находятся подъ постояннымъ вліяніемъ народной безпичной поэзіи ихъ націи, какъ произведенія этихъ поэтовъ носятъ на себѣ отпечатокъ народной пѣсни, склада народнаго ума, такъ и метафизическія системы являются результатомъ, выработаннымъ въ мышленіи нѣсколькихъ личностей изъ нестройной массы мифологическихъ сказаній, религіозныхъ повѣрій общества ихъ окружающаго. Мифологіи, общественныя и народныя вѣрованія представляются намъ предшественниками философскихъ системъ послѣдующаго времени, философіями массы, еще не различающей научной, религіозной, художественной и философской дѣятельности. Народныя вѣрованія должны сдѣлаться необходи-

мысль введеніемъ въ исторію всѣхъ философскихъ системъ и необходимыхъ элементовъ исторіи послѣднихъ. Исторіи религіи не могутъ быть понятны безъ исторіи метафизическихъ воззрѣній, такъ какъ послѣднія заключаютъ въ себѣ невыдѣлимый элементъ народнаго вѣрованія, все равно, положительно или отрицательно философъ относится къ религіи. Въ греческой мифологіи немалымъ Платонъ, точно также, какъ безъ послѣдняго періода развитія христіанскаго богословія невозможно Фейербахъ. Но за то, наоборотъ, чтобы мифологія героическихъ временъ Греціи сдѣлалась такою какою ее видимъ въ сочиненіи Цицерона и Овидія, надо было древнему обществу пережить рядъ философскихъ школъ; чтобы богословіе Лютера, Вентуры, меннонитовъ могло имѣть мѣсто въ Европѣ, надо было чтобы реалисты и номиналисты, картезианцы и сенсуалисты, кантіанцы и эклектики, Бональдды и Фурье бросили свое ученіе въ процессъ жизни человѣчества. Исторія философіи нераздѣльна отъ исторіи религіи для пониманія развитія человѣческаго мышленія, какъ и явленія свѣтотѣни нераздѣльны отъ явленія цвѣтовъ и радуги въ оптикѣ.

Но конечно, для того, чтобы тѣ и другіе факты расположились въ наукѣ въ надлежащей перспективѣ, необходимо изслѣдователю стать на безразличную, чисто научную точку зрѣнія. Онъ не долженъ перенести изъ прошедшаго въ свое ученіе ни одного идола. Все что онъ хочетъ разбирать должно быть *подчинено* его мышленію, какъ фактъ допускающей критикѣ, а не должно *господствовать* надъ его мышленіемъ, какъ *зараннѣе принятая непреложная истина*, допускающая лишь исследование, а не критику. Если онъ станетъ на эту послѣднюю точку зрѣнія, то область фактовъ должна исказиться отъ искаженія ихъ перспективы, и онъ дастъ не научное а фантастическое произведеніе.

Но иныя могутъ возразить, что судъ надъ чѣмъ бы то ни было невозможенъ безъ собственнаго воззрѣнія. Какъ бы безпристрастно не приступилъ мыслитель къ оцѣнкѣ чужихъ философій, онъ, получая факты, группируетъ ихъ, составляетъ изъ нихъ одно цѣлое, расположенное въ пѣкоторомъ порядкѣ. Только расположивъ ихъ такимъ образомъ, онъ можетъ обозрѣть ихъ въ ихъ цѣлости. Но это обозрѣніе есть уже систематическое воззрѣніе, философія, и во имя этой философіи произносится судъ надъ всѣми остальными философами. Слѣдовательно критика системъ предполагаетъ систему; разборъ чужихъ философій предполагаетъ свою философію; и если, по вышесказанному, ста-

являсь на исключительную точку зрѣнія, мы искажаемъ предметъ нашего изслѣдованія, то съ другой стороны мы не можемъ смотрѣть на него иначе, какъ съ опредѣленной, выработанной нами точки зрѣнія, а потому всякій судъ надъ философами, всякій судъ надъ чужою мыслию невѣренъ и несправедливъ.

Отвѣчу, что большая разница принять за точку пехода начало: такая-то система вѣрованій, такое-то міросозерцаніе есть безусловная истина; или доработаться до нѣкотораго воззрѣнія, какъ до результата безпристрастной критики всего, что мы изслѣдовали. Въ первомъ случаѣ точка пехода не научна и все построеніе фантастично; во второмъ оно до-тѣхъ-поръ оправдано, пока не заключаетъ въ себѣ ни внутренняго противорѣчія, ни противорѣчія съ научными фактами. Мыслитель не виноватъ предъ наукою если его личное настроеніе побудило его принять отсталую систему, чуждую современной жизни, придающую важное значеніе мало важнымъ фактамъ и напротивъ отрицающую значеніе важныхъ вопросовъ его времени. Онъ этимъ осуждаетъ себя, какъ неправильно развитую личность, но еще не какъ строгаго мыслителя. Только противорѣчіе съ самимъ-собою и съ наукою есть обязательное осужденіе его ученія. Ни одно міросозерцаніе не должно имѣть претензіи на безусловную точность и истинность востроенія. Его высшій идеалъ это — *систематическое воззрѣніе, охватывающее всю науку и все жизненные вопросы даннаго народа, съ точки зрѣнія развитой и въ самомъ дѣлѣ чело-веческой личности.*

Читая объясненіе о появленіи на русскомъ языкѣ исторіи сравненія философскихъ ученій древности, и видя что г. Новицкій требовалъ ихъ съ релігиозными вѣрованіями, мы не могли не порадоваться. Потребность подобнаго сочиненія слишкомъ ощутительна въ нашей литературѣ и матеріалъ доставленный иностранными писателями довольно великъ, чтобъ это сочиненіе, если только оно научно, было-бы весьма полезно для молодыхъ людей, не довольно знакомыхъ съ иностранными языками или затрудняющихся германскою терминологіей.

Сочиненіе г. Новицкаго вовсе не удовлетворило нашихъ ожиданій. Признаемъ прямо, что мы вовсе расходимся съ нимъ въ его философскихъ воззрѣніяхъ, но дѣло не въ томъ. Убѣжденіи одного необязательны для другаго, и еслибы книга г. Новицкаго было единственное высказанное убѣжденіе известной партіи, она имѣла такое же право быть признанною въ философской литературѣ, какъ и всякая другая, имѣющая за себя обширную

традицію. Но г. Новицкій еще далеко не одинъ въ своемъ лагерѣ. Намъ дѣла нѣтъ до его предшественниковъ и товарищей по міросозерцанію. Предъ нами книга отвѣчающая сама-за-себя. Если она научно вѣрна, если не заключаетъ въ себя внутренняго противорѣчія, то г. Новицкій правъ со своей точки зрѣнія.

Конечно, нельзя оспорить, что разбираемое сочиненіе имѣетъ въ себѣ много хорошихъ частныхъ, и речательствомъ тому могутъ служить сочиненія, выписанныя г. Новицкимъ, какъ матеріалы его труда, изъ которыхъ многія достойны полнаго уваженія. Самъ г. Новицкій говоритъ (I, пред. стр. XII), что для греческой философіи онъ въ особенности пользовался сочиненіемъ Целлера, и въ этомъ случаѣ можно только согласиться съ авторомъ, потому что дѣйствительно сочиненіе Целлера есть лучшее по названному предмету. Впрочемъ насъ поражаетъ одно обстоятельство. На стр. 56 втораго тома авторъ принимаетъ египетское происхожденіе греческой философіи; то же онъ, съ большимъ еще развитіемъ, повторяетъ въ частности для ученія Ферекида и Пифагора. Между тѣмъ основной пунктъ полемики Целлера противъ Рэта (Röth), Циммермана и др. заключается именно въ томъ, что первый держится чисто эллинскаго происхожденія греческаго мышленія, между тѣмъ египетская гипотеза принадлежитъ его противникамъ. Едва ли г. Новицкій имѣлъ право говорить, что слѣдуетъ преимущественно Целлеру, когда расходится съ нимъ въ существенномъ воззрѣніи. Во всякомъ случаѣ, поступая такъ, онъ обязанъ былъ опровергнуть воззрѣніе Целлера, чего не сдѣлалъ.

Чтобы судить о научномъ достоинствѣ сочиненія, выберемъ пункты, въ которыхъ, по собственнымъ словамъ автора, онъ дѣйствовалъ самостоятельно. Обратимся сначала къ ученію Пифагора, которому авторъ посвятилъ значительный отдѣлъ во 2-мъ томѣ.

Ученіе Пифагора составляетъ одинъ изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ въ исторіи древней философіи. Относительно большей части событій его жизни, относительно года рожденія, года смерти, относительно многихъ главныхъ положеній его ученія господствуетъ совершенное разногласіе. Целлеръ, котораго самъ г. Новицкій признаетъ лучшимъ изъ историковъ греческой философіи, высказываетъ, что о Пифагорѣ свѣденія росли съ удаленіемъ отъ времени его жизни. Разобравъ матеріалы, которые существуютъ для дѣятельности Пифагора, тотъ же историкъ говоритъ: «въ сущности, о развитіи Пифагора и о средствахъ

ему представлявшихся, мы не знаемъ ничего, что бы могло называться историческимъ преданіемъ *)». Никто не обязываетъ русскаго писателя стать на скептическую точку зрѣнія Целлера. Но для перваго *обязательно* предъ наукою сказать читателямъ, почему онъ считаетъ достовѣрными свѣдѣнія, признаваемые многими учеными въ высшей степени сомнительными. Для него *обязательно* сказать читателямъ, что въ этомъ вопросѣ есть другія мнѣнія, кромѣ его собственнаго, и мнѣнія, поддерживаемыя важными авторитетами. Что же дѣлаетъ г. Новицкій? Онъ упомянулъ лишь о словахъ Целлера, что на пифагорово ученіе **) можно смотрѣть различно, и совершенно спокойно излагаетъ путешествіе Пифагора, его жизнь, съ положительными хронологическими данными. Читатель, незнакомый съ иностранной литературою предмета, (а многіе ли съ нею у насъ знакомы?) конечно вынесетъ убѣжденіе изъ чтенія этого отдѣла, что факты приводимые безспорно *научны*, но *философскія* воззрѣнія на нихъ разнообразны. Между тѣмъ дѣло совершенно не въ томъ. Именно *факты* подвергаются многочисленнымъ сомнѣніямъ. Не говоря объ этомъ, г. Новицкій доставляетъ своимъ читателямъ *совершенно ложный* взглядъ на предметъ и дѣлаетъ *научное* достоинство этого отдѣла своего сочиненія весьма сомнительнымъ.

Точно также какъ-то странно, что авторъ относитъ, на стр. 76 первой части, ученіе о двухъ началахъ Янь и Инъ въ Китаѣ къ періоду, предшествовавшему Кхунь-цзы и Лао-цзы. Онъ имѣлъ бы на это право, еслибы это ученіе проявлялось въ сочиненіяхъ обоихъ мыслителей, но оно именно не встрѣчается въ ученіи Лао-цзы. Что же касается до Гуа, которыя въ И-цзинѣ объяснены помощью двухъ началъ, то еще подлежитъ сильному сомнѣнію, дажъ ли этой таблицѣ Кхунь-цзы ея старинное объясненіе или внесъ въ нее *свою* мысль, какъ дѣлали весьма часто послѣ него. Послѣднее предположеніе гораздо вѣроятнѣе, потому что отвлеченные принципы суть *результаты* общественнаго развитія, вырабатываемыя нѣсколькими исключительными личностями, а народу мало доступны. Весьма возможно, что гуа былъ родъ

*) Das Wahre ist, dass uns über den Bildungsgang des Pythagoras, und über die Hilfsmitteln, die ihm hiefür zu Gebote standen, nicht das Geringste bekannt ist, was mit einiger Sicherheit für historische Ueberlieferung gelten könnte. 2 Aufl. I. B. S. 221.

**) Замѣтимъ, что Целлеръ говоритъ лишь объ ученіи *пифагорейцевъ*, не находя возможнымъ опредѣлить съ достовѣрностью ученіе самого Пифагора.

амузета или способа гадания, употреблявшегося въ дремности. Кхунь-цзы, старавшійся именно придать своему учению авторитетъ стариннаго преданія, нашелъ удобнымъ истолковать эти знаки сообразно своему учению, но заключеніе отъ его объясненій къ истинному значенію гуа при ихъ происхожденіи — *ненауочно*. Мы не встрѣтили у г. Новицкаго и намека на сближеніе ученій «пути (Дао) съ первоначальнымъ существованіемъ страстнуюющихъ; бродячихъ людей, которыя могли быть первые Дао-ши до Дао, причемъ нѣкоторые видятъ въ нихъ шамановъ. Эта догадка, высказанная, сколько намъ извѣстно, впервые Нейманомъ *), психологически весьма вѣрогитна. Опять мы имѣемъ слово, употребляемое сначала въ прямомъ, простомъ значеніи; потомъ являетъ ся мыслитель, который не довольствуется этимъ значеніемъ, но придаетъ ему другое, метафорическое, и изъ *бродячихъ учителей* дѣлаются *учителями таинственнаго пути* — разума. *Научное* изложеніе предмета требовало бы вниманія къ *различнымъ* объясненіямъ того же явленія въ исторіи мысли.

Не можемъ также придать никакого *научнаго* значенія прирѣчанію г. Новицкаго на стран. 3—4 второй части о религіи Евреевъ, несмотря на авторитеты, имъ приводимые. Исключение одной формы человѣческой мысли изъ ряда ея формъ можетъ быть сдѣлано во имя неиреожимаго догмата, которому *отруетъ* писатель, во имя системы философской, которую онъ себѣ *создалъ*, но не во имя науки. Для нея нѣтъ избранныхъ фактовъ, какъ для человѣческой справедливости нѣтъ избранныхъ отдѣльныхъ или коллективныхъ личностей. Наука противопоставляетъ всѣмъ *вещноснымъ* формамъ только *вещносныя, противоположныя*, т. е. невозможныя, извращенныя, пелѣныя; и ея задача именно указать *вещносное* происхожденіе и значеніе всего существа.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли, что сочиненіе г. Новицкаго не относится къ наукѣ. Недостатокъ критическаго разбора, того сомнѣнія, на которомъ приходится такъ часто остановиться истинному ученому, недостатокъ сравненія различныхъ мнѣній по самымъ спорнымъ вопросамъ, рѣшительный догматическій тонъ дѣлаютъ невозможнымъ изъ разобраемаго сочиненія узнать каково современное состояніе знаній по различнымъ пунктамъ, подвергаемымъ анализу одинъ послѣ друга-

*) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.

го. Читатель выслушивает г. Новицкаго, дающаго свои аргументы, и не представляющаго аргументовъ другихъ мѣнѣй.

Мы не хотимъ этимъ выразить, что г. Новицкій не возмѣнилъ самъ аргументовъ противниковъ. Мы не имѣемъ на это право, потому что онъ самъ говоритъ (ч. I, стр. 6): «Построеніе... есть только результатъ продолжительнаго и внимательнаго изученія фактовъ». Мы должны вѣрить, что таково было и его построеніе. Но намъ важно лишь, что онъ даетъ читателямъ свою книгу какъ *лостроеііе*, а не какъ научную *критику* фактовъ. Научную сторону онъ оставилъ при себѣ, умолчавъ даже о возраженіяхъ противниковъ; онъ требуетъ *смысла*, что факты его построенія именно таковы, какими онъ ихъ даетъ. Не признавая это *научнымъ* и, на основаніи предыдущаго, приходя къ заключенію, что, какъ научное сочиненіе, трудъ г. Новицкаго долженъ быть употребленъ съ большою осторожностію, поскот имъ теперь его философское значеніе.

Отсутствіе внутреннихъ противорѣчій и стройность систематикъ будутъ намъ въ этомъ отношеніи служить пробнымъ камнемъ, причемъ, конечно, первое условіе есть самое необходимое; второе же, составляющее эстетическое достоинство философій, вовсе не можетъ замѣнять отсутствія перваго, еслибы противорѣчія встрѣтились. Стройность системы только округляетъ ея внутреннюю послѣдовательность. Ученія Бэкона и Гербарта замѣняютъ мѣсто въ первыхъ рядахъ философскихъ ученій, хотя систематика совершенно отсутствовала изъ нихъ философій.

Мы должны отдать полную справедливость стройности систематикъ г. Новицкаго. Она подкупаетъ своею симметричностью. Въ началу онъ кладетъ отношеніе философій къ религіи съ одной стороны, отношеніе мысли къ бытію съ другой. Религія представляется ему какъ естественная — языческая и сверхъестественная — христіанская. Подъ влияніемъ первой развивается философія, но не можетъ ею руководствоваться; вторая развиваетъ и руководитъ философію, открывая ей новыя истины. Время владычества естественной религіи есть также время *космическаго* отношенія мысли къ бытію, довѣрія въ единство *я* и *не-я*. Владычество сверхъестественной религіи есть также время сознательнаго *эмпирическаго* отношенія мысли къ бытію, *я* къ *не-я*. Эти два цикла подраздѣляются каждый на три періода, и въ основаніи этого раздѣленія лежитъ отношеніе философій къ религіи. Въ первый періодъ философія заключается въ предѣлахъ религіи и руководствуется чувствомъ, во второй независима отъ нея во имя раз

судка, въ третій — снова къ ней обращается подъ вліяніемъ разума. Трѣмъ такимъ періодамъ во время владычества естественной религіи соотвѣтствуютъ три аналогическіе періода при владычествѣ религіи сверхъестественной. Такимъ образомъ получаемъ 6 періодовъ въ исторіи философіи.—Въ древнемъ востокѣ философія заключается въ области религіи, остается въ мирѣ съ нею; инстинктивно предполагаются согласія мысли и бытія, сознание довѣряетъ внутреннему чувству и фантазіи; пріемъ философствующей мысли — синтетическій. Въ Греціи философія дѣлается независимою отъ религіи, развивается самостоятельно и часто противоположается общественнымъ вѣрованіямъ; сознание довѣряетъ разуму; «передъ взоромъ разсудка мыслимое бытіе проходитъ отдѣльными группами и представляется съ разныхъ точекъ зрѣнія, преемственно»; пріемъ мысли — аналитическій. Въ александрійской философіи имѣемъ возвращеніе философіи къ религіи, примиреніе съ нею; единство мысли и бытія «полагается непосредственно», но «неожиданно раскрывается между ними противорѣчіе»; сознание довѣряетъ разуму, совершающему соединеніе противорѣчій, и пріемъ мысли есть *синтезъ*, опирающійся на греческій анализъ. Эти явленія имѣютъ себѣ аналогію въ христіанскихъ системахъ. Восточному періоду соотвѣтствуетъ періодъ философіи отцевъ церкви, Аравитянъ и схоластиковъ. Мысль находится въ предѣлахъ религіи. Приобрѣтенное противорѣчіе мысли и бытія приводитъ къ распаденію ихъ въ противоположностяхъ бытія и знанія, разума и вѣры. Эти противоположности сначала разсматриваются «вмѣстѣ съ ихъ единствомъ, еще несознаннымъ, потому въ ихъ непримиримомъ распаденіи»; господствующій пріемъ мысли — синтетическій. Новая философія, аналогическая греческому мышленію, «отрѣшается отъ религіи, вступаетъ на путь самостоятельнаго изслѣдованія вещей и въ своей ревности къ своеобразному развитію иногда явно противопоставляетъ себя пошлѣностямъ откровенной религіи. Мысль и бытіе остаются въ разрозненіи, но для того чтобы сознательно сблизиться.» Господство принадлежитъ разуму. Въ пріемахъ мысли преобладаетъ анализъ, но возведенный на степень сознательнаго, впередъ обдуманнаго метода. Третій «періодъ философіи есть *ожидаемый*, который долженъ соотвѣтствовать періоду философіи александрійской и вмѣстѣ далеко возвышается надъ нею по своему достоинству. Философія должна снова обратиться въ религію, отъ которой выступила, и, по собственнымъ началамъ и основаніямъ, сойтись съ христіанскими истинами. Отношеніе мысли и бытія

должно быть понято съ высшей точки зрѣнія, по высшимъ началамъ разума и вѣры. Господствующею способностью долженъ быть разумъ. Всѣ вообще противоположности, а особенно противоположность вѣры и разума должны слиться въ гармоническое единство въ духѣ христіанской религіи. Господствующій пріемъ мыслей — синтетическій, долженъ возвыситься до сознательнаго, глубоко обдуманнаго синтетическаго метода».

Г. Новицкій не остается только въ области мыслей: онъ показываетъ воплощеніе своей системы и въ жпзни народовъ, въ особенности же въ гражданскихъ формахъ, или созданныхъ. Онъ говоритъ :

«Развитіе жизни человѣчества, въ главныхъ ея періодахъ, соотвѣтственно ходу философскихъ ученій, кратко можно выразить слѣдующимъ образомъ, на Востокѣ частное погружено въ общемъ и потому здѣсь только *одинъ* самостоятеленъ и свободенъ, какъ представитель общаго; всѣ другіе въ сравненіи съ нимъ не имѣютъ личности и самостоятельности. Отсюда первая форма правленія, какую видимъ во всемірной исторіи, есть восточный деспотизмъ. Въ Греціи частное уравнивается съ общимъ, но это равновѣсіе не обнимаетъ еще всѣхъ, и потому въ греческомъ мірѣ, при формѣ правленія демократической, только *нѣкоторые* пользуются правами личной самостоятельности, а прочіе, какъ рабы и варвары, не имѣютъ этихъ правъ. Въ римскомъ мірѣ частное противоборствуетъ общему, угнетаемый народъ аристократіи, а потому и здѣсь пріобрѣтаютъ личную самостоятельность только *нѣкоторые*, при формѣ правленія аристократической. Въ мірѣ христіанскомъ частное преобладаетъ надъ общимъ и потому ищетъ своего примиренія съ нимъ; здѣсь *все* получаютъ самостоятельность и свободу, понимаемую сначала, какъ естественную потребность, затѣмъ какъ разумное требованіе и которую наконецъ должно понять и усвоить, какъ истинно-нравственную самостоятельность и истинно христіанскую свободу, и слѣдовательно, какъ даръ высшей благодатной помощи; форма правленія монархическая. Первую ступень жизни человѣчества выразили народы восточные, вторую — народъ греческій, третью — римскій міръ, четвертую и пятую — народы германскіе, а шестую по справедливости можно ожидать отъ народовъ славянскихъ. Въ исторіи философскихъ ученій главные фазисы ея, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ жизни человѣчества, выражаютъ на Востокѣ Віаса, своимъ всепоглощающимъ пантеизмомъ; въ Греціи Сократъ, поставившій человѣка

исходной точкой философии и Платонъ, указавшій на отношеніи общаго и частнаго, объективной божественной идеи и субъективной человеческой воли; въ Римскомъ мірѣ Шутинъ, открывшій распаденіе идеальнаго и реальнаго міра, въ первомъ періодѣ христіанскаго міра, — Климентъ александрійскій, высказавшій различіе христіанской религіи и философіи; въ Средніе вѣка — Ансельмъ, первый вызвавшій противоположности схоластической философіи; наконецъ во времена появы Кантъ, искавшій приращенія мысли и бытія въ законахъ собственнаго Я. (т. I. стр. 55—57.)

Въ присутствіи этой системы, захватывающей прошедшее и будущее человеческой мысли, представляются слѣдующіе вопросы. Какое мѣсто занимаетъ философія самого автора въ этомъ развитіи системъ? Что такое для него философія? Въ чемъ именно заключаются ея отношенія къ религіи? До какой степени соответствуютъ его догматическимъ положеніямъ его историческіи аналогіи періодовъ? Наконецъ къ какой мѣрѣ лица, выбранныя имъ представителями его системы исторіи философіи, суть дѣйствительно наиболѣе внимательныя лица этой исторіи? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заключается опредѣленіе достоинства системы г. Новицкаго относительно ея связности и цѣлости.

Первый вопросъ уже ставитъ насъ въ затрудненіе. Историкъ философіи конечно не можетъ себя выдѣлить изъ развитія своего предмета, если онъ не становится на чисто научную точку зрѣнія. Да и въ этомъ случаѣ выдѣленіе будетъ только кажущееся, потому что въ расположеніи фактовъ уже присутствуетъ философія писателя, и опредѣляетъ собою ихъ перспективу. Но мы видѣли, что научнаго значенія искать въ разсматриваемой книгѣ нельзя. Итакъ по болѣеишей причинѣ для насъ важно знать на какую точку историческаго развитія мышленія становится самъ г. Новицкій, для обсужденія своихъ предшественниковъ. Нечего и говорить, что ему мѣсто въ философіи христіанскаго вліянія: изъ трехъ ея періодовъ конечно г. Новицкій не думаетъ себя отнести къ періоду отцень церкви и схоластики, періоду гдѣ допускалась безсознательно или сознательно возможность двухъ истинъ: религіозной и философской, или мышленіе *подчинялось* наравнѣ принятому догмату. Мы не потому это говоримъ, что періодъ схоластики кончился: совсѣмъ нѣтъ. Въ наше время весьма много еще есть лицъ, допускающихъ дуалистическую истину или дѣлающихъ изъ мышленія слугу догмата иолатическаго, нравственнаго или религіознаго; самъ г. Новицкій признаетъ

возможность одновременнаго существованія двухъ періодовъ философіи, а именно жестокіе критикн *)), которые такъ-таки и называли его схоластикомъ. Мы не приносимъ здѣсь суда надъ тѣмъ, къ какой философіи относится г. Новицкій и спрашиваемъ только, куда онъ самъ себя ставитъ? и въ этомъ случаѣ не видимъ, чтобы онъ самъ относилъ себя къ схоластикѣ. Второй періодъ или новая философія, по собственному сознанію г. Новицкаго, отрѣшается отъ религіи, подчиняется разуму и вообще принимаетъ направленіе, къ которому г. Новицкій относится отрицательно. Это отрицательное направленіе видно уже изъ того, что авторъ не удовлетворяется этимъ періодомъ мысли, но опредѣлительно ставитъ задачу третьяго періода христіанской философіи, и самъ философствуетъ въ духѣ этого періода, т. е. такъ, какъ онъ рисуетъ читателямъ духъ третьяго періода. Но въ тоже время авторъ говоритъ, что это періодъ *ожидаемый*. Какъ же это самъ г. Новицкій принадлежитъ къ этому *ожидаемому* еще періоду? или онъ *пророчесствуетъ* а не *мыслитъ*? или онъ уже началъ этотъ періодъ, который съ появленіемъ его книги сдѣлался уже не *ожидаемымъ*, а *новонаступившимъ*? или своею книгою г. Новицкій вноситъ противорѣчіе въ свое мышленіе, потому что книга его, какъ часть въ исторіи философіи, хочеть уже быть воплощеніемъ въ настоящее, именно того, что сама относитъ къ будущему? — Не знаемъ, какъ разрѣшаютъ г. Новицкій это противорѣчіе; полагаемъ только, что спъ мышленія скромности не хотѣлъ признать за собою и своими единомышленниками начало новаго періода, а въ мысли считаетъ его уже наступающимъ. Это предположеніе еще подтверждается нѣсколько тѣмъ, что, по мнѣнію г. Новицкаго, славянскимъ народамъ принадлежитъ періодъ *ожидаемой* философіи, въ которой разумъ, «подкрѣпляемый свѣтомъ божественной вѣры», соединитъ «всѣ противоположности мыслимаго бытія... въ высшее, сознательное единство... въ духѣ христіанскаго ученія отцевъ церкви». Если такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, и разрѣшится противорѣчіе, представляемое трудомъ г. Новицкаго, то тѣмъ не менѣе въ книгѣ его оно, пока, существуетъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ его точку зрѣнія, посмотримъ, какъ онъ опредѣляетъ философію. Какъ извѣстно въ этомъ опредѣленіи обыкновенно заключается все философія дамаго мыслителя. Авторъ опредѣляетъ нѣсколько разъ задачу философіи.

*) Современникъ 1880 г. № VI.

«Дѣло философіи, по началамъ лишь разума, изслѣдовать сущность вещей и всеобщіе законы явленій» (с. 5). «Она по преимуществу есть знаніе, почерпаемое нами самими изъ насъ же самихъ, есть развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго человѣческаго духа, что завито въ его идеяхъ, составляющихъ сущность нашего разума, самую, такъ сказать, его разумность» (с. 8). «Философія... есть наука чистаго мышленія» (с. 8). «Бытіе и свойства безусловнаго существа, отношеніе къ нему міра и человѣка, безсмертіе души и нравственныя требованія человѣческой природы — составляютъ существеннѣйшую задачу философіи» (с. 10). «Философія и искусство... суть цвѣты народнаго сознанія» (с. 14). — Въ этихъ выпискахъ мы находимъ нѣкоторыя неясности. Философія, по словамъ автора, есть наука, ея предметъ — сущность вещей и законъ явленій, она развивается все изъ самаго человѣка, она имѣетъ задачей отношеніи высшаго существа къ міру и къ человѣку... Жаль, что г. Новицкій не опредѣлилъ, что такое по его мнѣнію наука и какая разница между ею и философіею. По первому положенію это — *одна изъ наукъ*; по тому, что она, имѣетъ съ искусствомъ, противопоставляется авторомъ религіи, какъ цвѣтъ корню, эта *наука вообще*. Далѣе: она опредѣляетъ *законы явленій* и въ тоже время черпаетъ все изъ *идей*. Желательно знать, какъ человѣкъ почерпнетъ изъ самого себя, ну хоть законы паденія тѣлъ? Впрочемъ, можетъ быть и здѣсь мы возражаемъ только неясности выраженій. Какъ понимать «развитіе того, что положено въ нѣдрахъ безсмертнаго духа»? Если такъ: человѣкъ имѣетъ въ себѣ рядъ представленій, которыя относятъ къ внѣшнему міру, и изъ сравненій которыхъ получаетъ законы явленій внѣшняго міра, представленія о причинахъ этихъ явленій, предположенія о сущности вещей, о высшемъ существѣ, о безсмертіи духа и т. п.; тогда тутъ все ясно, но можно сказать только, что это есть процессъ, о которомъ нечего говорить особенно для философіи: онъ повторяется для всѣхъ эмпирическихъ, логическихъ, метафизическихъ и практическихъ представленій. По всей вѣроятности авторъ понималъ это иначе: эмпирическому знанію изъ представленій, внѣшнихъ предметовъ, онъ повидимому противопоставляетъ философское знаніе, развиваемое изъ идей. Въ такомъ случаѣ мы въ-правѣ спросить, какъ законы эмпирическихъ явленій могутъ получаться изъ мышленія безъ содержанія? Если же намъ возразятъ, что *эти* явленія лежатъ внѣ философіи, то мы скажемъ, что въ такомъ случаѣ философія *не есть* наука о за-

конахъ явленій вообще, а о законахъ *нѣкоторыхъ* явленій. За тѣмъ придется разграничить эти явленія отъ другихъ. Ужь не ограничены ли они тѣми *существеннѣйшими* задачами; которыя въ другомъ мѣстѣ ставитъ авторъ? какъ наука *сущности* вещей, конечно въ нее войдутъ преимущественно эти задачи; но возможна ли наука сущности вещей? Мы не хотимъ здѣсь поднимать этого вопроса, потому что онъ насъ выведетъ изъ философіи автора. Г. Новицкій предполагаетъ дѣйствительность этой науки. Онъ *впритѣ* въ нее, и не зная, что онъ называетъ наукою, нельзя съ нимъ спорить. Мы только остановимъ его вниманіе на противурѣчіи между пониманіемъ философіи, какъ науки *законовъ явленій*, и какъ знанія, черпаемаго изъ идей, *вложенныхъ* въ человѣка.

Постановленіе существеннѣйшихъ задачъ философіи, о которыхъ мы сказали выше, приводитъ насъ къ отношенію философіи къ религіи, краеугольному камню въ мышленіи автора. По мнѣнію автора, содержаніе религіи есть въ тоже время содержаніе философіи (I, 10). «Между истинною религіозною и философическою не должно быть различія» (тамъ же); «философія и религія различаются между собою *способомъ усвоенія* того же содержанія» (11). «Въ религіи безусловное открывается, какъ непосредственное присутствіе его въ человѣческомъ сознаніи, а въ философіи, какъ мысль о безусловномъ» (12). «Религія преимущественно живетъ въ убѣжденіи сердца, а философія въ понятіяхъ разума» (12). «Философія и религія различаются между собою не только своей формой, но и своимъ *значеніемъ* и *достоинствомъ*. Каково бы ни было значеніе философическаго знанія и достоинство самой философіи, вѣра всегда выше этого знанія, религія всегда выше философіи» (тамъ же). «Философія доступна немногимъ; религія всѣмъ» (13). «Область вѣры несравненно шире области философіи» (тамъ же). «Если философія хвалится отчетливостью своихъ понятій въ свойственной ей области, за то эти понятія не имѣютъ той глубины и жизненности, которыя принадлежатъ лишь религіи» (тамъ же). «Все, что имѣетъ значеніе и достоинство для человѣка, находитъ свое послѣднее средоточіе въ религіи» (14). «Всѣ отношенія человѣческой жизни сходятся отдѣльными лучами въ религіи, какъ въ своемъ фокусѣ, всѣ утверждаются и животворяются ею» (тамъ же). «Философія можетъ оказывать религіи своего рода услугу — можетъ очипать религіозное чувство, хотя не въ немъ самомъ, а отъ чуждой ему прирѣси ложнаго пониманія... но и это дѣлаетъ философія лишь

тогда, когда внимаешь голосу того же самого чувства; она только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ это чувство. Наконецъ, философія развивается среди нескончаемыхъ противорѣчій и борьбы понятій; а потому, если она болѣе или менѣе удовлетворяетъ любознательности разума, то не можетъ даровать мира и успокоенія, — не можетъ удовлетворять сердца; она мыслить о безусловномъ, но только мыслить, а не ведетъ къ единенію съ этимъ безусловнымъ, — чего непрестанно алчетъ духъ человѣка; между тѣмъ религія есть такая область сознанія, гдѣ разрѣшаются всѣ загадки міра, гдѣ примиряются всѣ противорѣчія мысли, гдѣ успокоиваются всѣ печали и тревоги сердца, — есть область вѣчной истины, вѣчнаго покоя, вѣчнаго мира; только религія, а не мышленіе о ней, даруетъ человѣку блаженство» (тамъ же). Прочтя предъидущее, невольно спрашиваешь себя: если человѣкъ имѣетъ область духа, гдѣ концентрируются, утверждаются и оживляются всѣ отрасли его дѣятельности; если она, доступная всѣмъ, шире по объему трудной области мысли, доступной весьма немногимъ; если въ ней *вся истина*, примиреніе, успокоеніе, зачѣмъ другія области? какимъ психологическимъ процессомъ немногіе — одаренные лучше другихъ, потому что имъ доступна область философіи, недоступная массѣ — какимъ психологическимъ процессомъ эти немногіе предпочитаютъ области вѣчнаго покоя и примиренія область борьбы, ограниченныхъ понятій? зачѣмъ эти безумцы-мыслители уединяются отъ всѣхъ прочихъ братій, наслаждающихся блаженствомъ? зачѣмъ сами идутъ на гоненія, на преслѣдованія, на изгнаніе, на казнь? какое наслажденіе можетъ ихъ вывести изъ области покоя въ то одинокое положеніе —

Когда толпа съ тобою розно
 Себѣ воздвигла божество;
 Слѣдить съ какой-то злобой грозной
 Движенье сердца твоего;
 Когда указываетъ пальцемъ,
 Тебя завидя далеко...
 О, жить отверженнымъ скитальцемъ
 — Друзья, повѣрьте — не легко!

Всѣ наслажденія: миръ съ собою и другими, полная истина, широкая область знанія, все на одной сторонѣ, а между тѣмъ во всѣ вѣка являются упрямые бунтовщики мысли, которые рвутъ

ся изъ этого блаженства, зовутъ за собою другихъ людей, и толпы восторженныхъ учениковъ бѣгутъ за ними туда, гдѣ блещетъ *одна* мысль, ограниченная и по объему, неудовлетворительная для сердца и доставляющая своимъ послѣдователямъ лишь право на насмѣшку непонимающей массы?—За философіей признаетъ г. Новицкій лишь одно достоинство: большую отчетливость понятій, но на слѣдующей же страницѣ говоритъ, что философія только тогда бываетъ дѣйствительнымъ знаніемъ, когда въ чистотѣ выражаетъ религиозное чувство. Въ такомъ случаѣ и отчетливость понятій философіи вѣдь религіи не имѣетъ мѣста, потому что отчетливо понимать можно лишь дѣйствительное знаніе: во всякомъ призрачномъ знаніи должна быть гдѣ-нибудь непослѣдовательность, темнота, недостатокъ отчетливости. И такъ философія лишена всякаго, рѣшительно всякаго преимущества, и между тѣмъ!... Нѣтъ, какъ угодно, для насъ неразрѣшимо противорѣчіе существованія философскихъ системъ рядомъ съ доступною всѣмъ истинною, въ мышленіи г. Новицкаго. Онѣ не могли явиться, особенно во второмъ циклѣ человѣческой мысли, когда новая истина «очистила и возвысила понятія народовъ, укротила страсти, укрѣпила волю въ добрѣ, открыла человѣку такія тайны... до которыхъ не только не доходилъ человѣческой разумъ... но до которыхъ и не можетъ дойти собственными силами.» Но и въ первомъ циклѣ философія дѣлается не разрѣшимой задачей. «Всякій человѣкъ» говоритъ намъ авторъ «по непосредственному внутреннему чувствованію признаетъ бытіе верховнаго существа, твердо вѣритъ въ свою обязанность дѣлать добро, ... не сомнѣвается въ безсмертіи своей души, въ будущемъ воздаяніи и т. п.» Зачѣмъ-же онъ сталъ философствовать? вѣдь далѣе этого онъ не могъ ничего узнать, и философствованіе, вѣдь религиознаго чувства, не могло ему дать никакого дѣйствительнаго знанія. Тутъ, въ основномъ положеніи автора, мы встрѣчаемъ неразрѣшенное имъ противорѣчіе. Не говоримъ: *неразрѣшимое*, потому что рѣшенія возможны съ двухъ сторонъ. Или наслажденіе мышленія *по своему*, наслажденіе *независимостью* мысли такъ велико, такъ существенно для человѣка, что предъ нимъ блѣднѣютъ всѣ успокоенія, примиренія и житейскія выгоды общенія съ массою по мысли; по это не есть мнѣніе автора, который прямо становится *выше* на противную сторону. Или вся философія есть наводненіе, постоянно обольщающее человѣка адскими призраками для увлеченія его на путь грѣха, заблужденія и гибели, и предъ этимъ искушеніемъ безсильно даже непосредственное от-

крытіе тайнъ, недоступныхъ разуму. Но и это дуализмъ, манихейзмъ, который, повидѣнію, не составляетъ убѣжденія г. Новицкаго. Это важное противорѣчіе намъ кажется столь существеннымъ, что лишаетъ связности и послѣдовательности всю систему автора *).

Но допустимъ на-время отношенія философіи къ религіи, представляемыя авторомъ. Посмотримъ, какъ они оправдываются его системою аналогическихъ періодовъ перваго и втораго цикла мысли. Остановимся въ-особенности на идеалѣ философіи, который воплотился у автора въ *ожидаемый періодъ*. Этотъ періодъ, хотя во всѣхъ отношеніяхъ выше аналогическаго ему періода перваго цикла, но долженъ ему соответствовать. Итакъ о значеніи религіи въ этотъ періодъ надо судить по аналогіи значенія языческой религіи въ періодъ неоплатонизма. Кто же не знаетъ, что сдѣлало изъ язычества это ученіе? Одинъ изъ новѣйшихъ послѣдователей исторіи греческой религіи говоритъ: «Неоплатонизмъ попробовалъ съ большимъ успѣхомъ преобразовать политензмъ, думая ему придать силу и жизнь. Но это преобразование совпало съ ученіемъ, подковавшимъ мало по малу греческую религію и притотовившимъ ея паденіе, въ то время какъ оно предполагало ее усилить» **). И это высказано въ безчисленномъ множествѣ сочиненій. Мысль о параллели между эпохою неоплатонизма и нашимъ временемъ въ отношеніи значенія вѣрованій, есть мысль не новая, но она всегда была выставлена партією, относящеюся къ этимъ вѣрованіямъ отрицательно; и дѣйствительно періодъ полнаго безсилія язычества, подогрѣваемаго всѣми мѣрами среди равнодушія массы, требующей уже другаго, — этотъ періодъ могъ быть признанъ аналогическимъ съ будущностью или настоящимъ положеніемъ мысленія только врагами общественной системы убѣжденій. И г. Новицкій, со своей точки зрѣнія, рѣшается видѣть въ *ожидаемомъ періодѣ* аналогію послѣднему періоду язычества? Онъ предрекаетъ эту будущность своимъ вѣрованіямъ? Онъ самъ подноситъ факель къ своимъ идоламъ и подаетъ оружіе врагамъ своихъ убѣжденій? онъ въ своихъ историческихъ аналогіяхъ думаетъ однимъ словомъ—*омикс*—

*) Не говоримъ о практическомъ противорѣчій, которое уже довольно ярко выставлено въ приведенной критикѣ Современника: зачѣмъ авторъ, признавая, что религія во всѣхъ отношеніяхъ выше философіи, не обращаясь къ первой, но написалъ книгу о второй?

***) Histoire des religions de la Grèce Antique par A. Moury, III, 1859.

оградиться отъ противорѣчiя съ своею догматическою точкою зрѣнiя? — Нѣтъ, г. Новицкiй, отрекитесь скорѣе отъ вашихъ историческихъ аналогiй, перестройте вашу систему: вы перешли, сами того не замѣчая, въ чужой лагерь, и доказали болѣе чѣмъ думали, доказавъ историческою аналогiею несостоятельность своихъ собственныхъ положенiй. Это неагладное внутреннее противорѣчiе.

Но есть еще одно противурѣчiе, осуждающее раздѣленiе на періоды нашего автора, осуждающее самый принципъ—его послѣдствiями. Система г. Новицкаго привела его къ признанiю нѣсколькихъ главныхъ личностей въ исторiи философи. Главныхъ фазисы философскихъ ученiй, главныя степени жизни человѣчества выражаются семью личностями, семью *вершинами* мысли. Повѣримъ это нравственное гипсометрическое измѣренiе. Есть въ древности философъ, который далъ человѣчеству энциклопедiю мысли; послѣ него не было мыслителя, который-бы не оглядывался на этого гиганта мысли, не вчитывалъ и не перечитывалъ его сочиненiй; отъ береговъ Сены до береговъ Евфрата онъ въ продолженiи болѣе тысячи лѣтъ былъ единственнымъ учителемъ; лучшiе мыслители новѣйшаго времени гордились продолженiемъ и исправленiемъ его трудовъ; почти ни одна наука не можетъ въ своей исторiи не отвести значительнаго отдѣла этому гениальному писателю; безпрестанно оказывается, что онъ былъ правъ и въ такихъ вопросахъ, которые послѣ него считались невѣрно рѣшенными имъ. Его нечего называть, потому что всякiй незанимающiйся вовсе философию, пѣзъ всѣхъ мыслителей можетъ быть и знаетъ только имя учителя Александра Великаго. И чтожь между семью вершинами исторiи мысли, назвавъ Платина, Климента Александрiйскаго, Ансельма, г. Новицкiй не помѣстилъ—АРИСТОТЕЛЯ!

Онъ прiблизилъ этимъ послѣднiй приговоръ своему построенiю исторiи философи. Построенiе, сдвигающее съ перваго мѣста Аристотеля, не имѣетъ права даже называться философскимъ построенiемъ.

Мы видѣли научное значенiе книги г. Новицкаго. Теперь мы можемъ судить о ея философскомъ значенiи. Что-же ей остается?

Отчего бы, вмѣсто гордыхъ пророчествъ объ ожидаемой славянской философи, вмѣющей все примирить и объяснить, вмѣсто *нового слова*, которое оказывается не научнымъ, не философскимъ, да пожалуй и не новымъ, —отчего бы не ограничиться переводомъ порядочнаго нѣмецкаго учебника, который, при всѣхъ

своихъ недостаткахъ, былъ-бы несравненно выше, и со стороны философин, того, что предлагаетъ г. Новицкій.

Неохотно мы взяли за перо, чтобъ разбирать книгу, о которой была рѣчь. Но, при недостаточности нашей философской литературы, при возбуждающемся интересѣ къ предмету, мы считали своею обязанностью предупредить читателей, что это за произведеніе. Они могли видѣть изъ выписокъ, насколько направленіе г. Новицкаго соотвѣтствуетъ живымъ вопросамъ современности. Они могли видѣть изъ его обращенія съ Пифагоромъ, насколько онъ уважаетъ науку. Они могли видѣть изъ ряда замѣченныхъ нами противорѣчій (а вѣроятно весьма многихъ мы не замѣтили, другія же оставили въ сторонѣ, чтобы не увеличивать объемъ статьи), насколько его построеніе послѣдовательно и философски стройно. Тѣ, которые владѣютъ пѣмечкимъ языкомъ, пусть лучше обратятся къ Шлегелю, Целлеру, Брандису, Риттеру. Тѣ же, которымъ приходится читать только по-русски, пусть читаютъ г. Новицкаго осторожно, стараясь повѣрять его, гдѣ могутъ, другими источниками и воззрѣніями: пусть стараются сами мыслить надъ вопросами, которымъ онъ даетъ канву, покрытую плохимъ узоромъ. Философія тѣмъ сильна, что возбуждаетъ къ самостоятельному мышленію и даетъ сама средства противъ увлеченій своихъ адептовъ. Она говоритъ всѣмъ: учитесь, учитесь фактамъ, дѣлу — и мыслите сами!

П. ЛАВРОВЪ.

Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Н. Тиблена. Петерб. 1860.

Когда появились первые томы «Исторіи Англіи» Маколей, одинъ честный Англичанинъ откровенно замѣтилъ: «теперь я понимаю, что у насъ есть исторія, и притомъ въ высшей степени интересная исторія». Въ самомъ дѣлѣ, Маколей какъ будто открылъ новую жизнь въ мертвыхъ лѣтописяхъ своей страны, жизнь со всѣми подробностями домашней и общественной обстановки; до тѣхъ поръ, пока не коснулась его гениальная рука одной изъ самыхъ смутныхъ и вялыхъ по интересу эпохъ, мно-

гія событія, дотойсныя вниманія, едва были извѣстны, многіе дѣятели были представлены въ ложномъ и искаженномъ свѣтѣ и благороднѣйшіе изъ борцовъ стояли въ полутѣни передъ взоромъ потомства или оклеветаны пристрастнымъ судомъ партіи. Макозъ возстановилъ память несправедливо забытыхъ именъ и разрушилъ не одню изъ тѣхъ мраморныхъ пьедесталовъ, на которые тупая сила времени и еще болѣе тупой предрасудокъ поставилъ ничтожныя личности, не отмѣтившія своего существованія ни умнымъ словомъ, ни добрымъ дѣломъ. Но не въ этомъ главная заслуга знаменитаго историка. Рано или поздно ученая критика возвратила бы историческую совѣсть умершимъ героямъ и воспроизвела бы факты въ ихъ настоящемъ видѣ: для такого труда могло бы пригодиться и меньшее дарованіе и не такой зоркій взглядъ, какимъ обладалъ Макозъ. Лучшая сторона этого писателя заключается въ идеѣ, которую онъ такъ ясно выразилъ въ своихъ произведеніяхъ и такъ неизмѣнно отстаивалъ въ парламентѣ и въ литературѣ. Какъ защитникъ политической свободы своей страны, онъ имѣетъ особенное право на наше вниманіе. Въ этомъ отношеніи никто изъ современныхъ писателей Англіи не дѣйствовалъ такъ сильно на общественное мнѣніе Европы и не обставилъ свою мысль такими блистательными уроками, какъ Макозъ. Кромѣ умственного наслажденія, какого только можно желать отъ ученаго труда, новѣйшихъ литературъ, онъ обобщилъ множество истинъ, также интересныхъ для Англіи, какъ для Италіи и Венгріи. Только прочитавъ его сочиненіе, мы стали понимать настоящее значеніе и смыслъ британской конституціи, ея успѣхи и недостатки; только онъ распуталъ и разъяснилъ борьбу отдѣльныхъ сословій и означилъ степень участія каждаго изъ нихъ въ общественномъ прогрессѣ; только онъ познакомилъ насъ съ такими драматическими характерами, какъ Мильтонъ, Оливеръ Кромвель и Вильгельмъ Оранскій. Конечно, у него, какъ и у всякаго историка, можно найти пажные промахи; такъ, напримѣръ, онъ не сумѣлъ оцѣнить ни строгой роли пуританъ, ни наивнаго характера кавалеровъ, воплотившихъ въ себѣ духъ и форму временъ Карла I; но Макозъ никогда и не думалъ хвалиться историческимъ безпристрастіемъ, которое скорѣе составляетъ черту бездушнаго доктринера, чѣмъ живаго и воспримчиваго дарованія. Симпатіи критика Бэкона и Гастингса очень ясны: все, что содѣйствовало успѣхамъ народной жизни, принимаетъ подъ его перомъ особеннѣе свѣтлыя очерки, и все, что мѣшало и душило ея развитіе,

выставляется имъ на позоръ, во всей наготѣ отвратительнаго порока и лицемерія.

Но въ чейъ же политическая вѣра Маккоіз? Къ какому разряду мыслящихъ людей мы должны отнести его и какъ назвать его убѣжденія? Намъ говорятъ, что онъ былъ вигъ и тѣмъ хотятъ опредѣлить характеръ его литературной дѣятельности; но такое опредѣленіе не имѣетъ ровно никакого смысла на современномъ языкѣ Англии. Съ того времени, какъ вѣковая борьба за конституціонныя права ея перешла отъ парламента на общественное мнѣніе, какъ между королевской властью съ одной стороны и палатами съ другой, прекратились взаимные споры и чашки вѣсовъ совершенно уравнились, духъ партій потерялъ прежнюю силу: имена торри и виги еще звучатъ кой-какимъ значеніемъ въ правительственной системѣ, но ничего реального не выражаютъ въ общественномъ отношеніи. Прежде это были дѣятели двухъ различныхъ и ясно-означенныхъ направленій. каждое съ своимъ знаменемъ и послѣдственными принципами. Теперь они не имѣютъ ни твердой почвы подъ ногами, ни предметовъ для своего антагонизма. Ихъ власть и вліяніе поглощены другой, болѣе дѣйствительной силой, которая во сто разъ вѣситъ тяжелѣе и въ тысячу разъ дальновиднѣе, — силой общественного участія въ управленіи. Правда, это участіе не облечено ни въ какую officialную форму, не вооружено ни статутами, ни торжественными собраніями въ монументальныхъ залахъ, ни съдыми париками спикеровъ, ни длинными мантиями перовъ; не менѣе того оно постоянно даетъ себя чувствовать, когда правительственная корпорація судитъ и рядитъ интересами націи; оно невидимо присутствуетъ во всѣхъ углахъ королевства, и отъ улицы до семейнаго очага слѣдитъ за каждымъ поворотомъ государственнаго руля. Поэтому, еслибъ торри и виги въ настоящую минуту подняли какой нибудь капиталный вопросъ и стали рѣшать его, какъ было прежде, на основаніи своихъ личныхъ убѣжденій и подъ вліяніемъ своей старой вражды, рѣшеніе ихъ осталось бы мертвой буквой на бумагѣ, еслибъ только общественный голосъ не согласился съ нимъ. Торри хотѣли дать италіянскому вопросу австрійское направленіе, но нація думала иначе, и министерство ушло; виги хотѣли повѣсить доктора Сметгурста за ядъ отравы жены, но жители Лондона взглянули на поведеніе обвиненнаго съ другой точки зрѣнія, и Сметгурстъ былъ освобожденъ отъ смертной казни. Такимъ образомъ, общественный уровень сгладилъ тѣ различія правительственныхъ органовъ,

какія раздѣляли ихъ прежде. Поэтому переходъ отъ одной политической партіи къ другой теперь вовсе не такъ труденъ, какъ въ былыя времена. Робертъ Пиль большую половину жизни стоялъ за консервативныя начала, и вдругъ оставивъ ихъ, принялъ сторону противнаго стана, и такой поступокъ вовсе не показался презрѣнной измѣной или коварнымъ отступничествомъ, какъ приняли бы его въ XVII или XVIII вѣкѣ, а благоразумной уступкой силѣ обстоятельствъ и высшимъ требованіямъ, чѣмъ воображаемой чести его партіи. Точно такое же смѣшеніе мнѣній, понятій и стремленій замѣчается въ членахъ современнаго парламента. На одномъ пунктѣ Брайтъ является радикаломъ, на другомъ онъ уступаетъ въ своемъ либерализмѣ Джону Росселю, который, при всей дѣятельной скромности, иногда идетъ гораздо дальше, чѣмъ можно ожидать отъ его умственной малости. Изъ всего этого мы должны заключить, что когда рѣчь идетъ объ убѣжденіяхъ такого писателя, какъ Макозэ, помѣчать ихъ именемъ вигъ или торъ — значитъ то же, что по цвѣту металла опредѣлять его достоинство или по величинѣ сапога судить о способности головы.

Притомъ не надо забывать, что въ Англии, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, писатель и правительственный дѣятель часто расходится другъ съ другомъ. Мнѣніе одного можетъ быть оригинальнымъ и превосходнымъ на страницѣ журнала и въ то же время нигде негоднымъ въ административной сферѣ. Если бы Гиббонъ или Байронъ стали поддерживать свои убѣжденія въ парламентѣ такъ, какъ они передали ихъ публикѣ въ своихъ произведеніяхъ, то, вѣроятно, ихъ сочли бы за умалишенныхъ, случайно попавшихъ изъ Бедлама въ Уэстъ-министеръ. Точно также сдѣлайте Кобдена первымъ министромъ Англии, и онъ, нѣтъ сомнѣнія, откажется отъ половины тѣхъ идей, за которыя такъ горячо воевалъ въ головѣ соціальной лиги. Это — недостатокъ и, конечно, величайшій недостатокъ общественной логики, разбиваемой въ прахъ отъ малѣйшаго прикосновенія къ оффиціальной сторонѣ жизни. Идея, какъ бы она ни была справедлива и очевидно-полезна, можетъ идти своимъ путемъ развитія и никогда не сходиться на одной линіи съ такъ называемой практикой. Макозэ, какъ администраторъ, отнюдь не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Само-собою разумеется, что онъ не кригилъ душой, подобно восточному рабу-бюрократу, не замѣшивалъ ни чести, ни совѣсти въ правительственныя интересы; онъ не способенъ былъ прикинуться на словахъ демократомъ, а

на дѣлѣ стащить у своего пріятеля нѣсколько тысячъ рублей и потомъ послать свою креатуру ходатайствовать за снисхожденіе къ своей подлости. Такой радикальной беззавраженности не могъ допустить въ себѣ ни дѣломъ, ни помысломъ благородный историкъ; но онъ часто подчинялся тѣмъ внѣшнимъ условіямъ жизни, которыя нагибали его не съ той стороны, съ какой онъ склонился-бы добровольно. Мы могли-бы указать много противорѣчій въ сужденіяхъ Макозэ, какъ сотрудника Эдинбургскаго Обозрѣнія и какъ члена парламента. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ выразился въ своей статьѣ о Мильтонѣ: «многіе политики нашего времени имѣютъ обыкновеніе выдавать за аксіому, что ни одинъ народъ не долженъ быть свободнымъ, пока не достигнетъ умѣнья пользоваться своей свободой. Правдою это достойно того глупца въ старинной сказкѣ, который рѣшилъ не ходить въ воду, пока не выучится плавать» (т. I стр. 27.) Но не такъ говорилъ онъ съ парламентской трибуны, гдѣ, какъ извѣстно, его пугала свобода бѣднаго ремесленника, призваннаго къ подачѣ голоса за свои собственные интересы. Какъ согласить это высокое уваженіе къ личности человѣка, которымъ отличаются лучшія страницы его исторіи, съ холоднымъ равнодушіемъ къ судьбѣ Ирландіи, съ его приговоромъ надъ ея невинными клубами и справедливейшими народными демонстраціями. Онъ рѣшительно утверждалъ, что «есть только два способа управленія націей — посредствомъ меча и общественнаго мнѣнія» (т. I. стр. 31) и въ то же время признавалъ законную силу меча, завоевавшую Индію и Австралію. Очевидно, въ первомъ случаѣ говорилъ кабинетный мыслитель, свободный отъ вліянія окружающей его жизни; а во второмъ — чиновникъ Англіи, подчиненный другой болѣе настоятельной власти, чѣмъ власть его ума и сердца. Мы не станемъ подвергать оцѣнкѣ административную дѣятельность Макозэ; послѣ защиты *Reform Bill*, когда онъ вышелъ на арену парламента, въ свѣтѣ лѣтъ и таланта, она не представляетъ ничего замѣчательнаго; и если въ ней были свои достоинства и недостатки, то онѣ стояли ни выше, ни ниже общей правительственной системы.

Гораздо интереснѣе посмотрѣть на Макозэ, съ другой стороны, въ его ученое кабинетѣ, въ кругу тѣхъ мертвыхъ друзей (Платона, Данта, Мильтона и пр.), которымъ онъ вѣрилъ и сочувствовалъ больше, чѣмъ живымъ, гораздо интереснѣе взглянуть на него, какъ на писателя, независимаго отъ тѣхъ *commoda vitae*, въ которыхъ заключается вся практическая философія его. Макозэ обвиняли въ безстрастномъ темпераментѣ, въ от-

стало отъ современныхъ интересовъ жизни и въ отсутствіи теоретическихъ воззрѣній, т. е. его обвиняли въ недостатокѣ общественныхъ симпатій и метафизическаго образованія. Такія обвиненія походятъ на слѣдующіе наивные вопросы, если-бъ кто-нибудь серьезно предложилъ ихъ вамъ: почему Ньютонъ, вмѣсто «Математическихъ началъ натуральной философіи», не писалъ фельетона для «Лондонской газеты», или почему Вашингтонъ не былъ журналистомъ, поставляющимъ по заказу пзвѣстное число листовъ для каждой мѣсячной книжки? Мы не признаемъ тѣхъ или другихъ врожденныхъ способностей, которыми природа будто надѣляетъ насъ съ той геометрической точностью, какъ журавлей длинными ногами или поросать—щетиной, но мы не думаемъ также, чтобъ человѣкъ, всю жизнь занимавшійся однимъ переплетомъ книгъ, подъ старость могъ сдѣлаться замѣчательнымъ литераторомъ. Дѣло въ томъ, что Макозэ, — вслѣдствіе воспитанія или случайной обстановки его жизни, — былъ историкъ по призванію; его рефлексивный умъ, превосходно изощренная память, его любознательность и терпѣніе въ разчисткѣ историческаго мусора, набросаннаго вѣками и отжившими поколѣніями, — все это обуславливало и послѣдствіи опредѣлило то мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять въ ряду дѣятелей XIX столѣтія. Увлеченный своей колоссальной работой, онъ жилъ въ другой эпохѣ и въ другомъ обществѣ, отчасти не похожемъ на его современниковъ; анализируя прошлыя дѣла людей и поднимая изъ праха одно звено за другимъ въ этой длинной цѣпи намѣреній, желаній и поступковъ зарытаго въ землю міра, онъ естественно сжился съ нимъ, чувствовалъ его чувствомъ и говорилъ его языкомъ. Здѣсь были его симпатіи и антипатіи, его враги и пріятель, и если историкъ съ меньшею любовью и увлеченіемъ относился къ живому обществу, то въ этомъ мы не видимъ ничего удивительнаго. Мы готовы утверждать, что Макозэ зналъ лучше какого нибудь придворнаго скомоороха Якова II, чѣмъ ближайшаго своего сосѣда, жившаго съ нимъ на одной улицѣ и въ одномъ скверѣ. Притомъ на всякой добросовѣстный трудъ нужно время. Просиживая дни и ночи надъ старыми фоліантами, группируя и удерживая въ своей головѣ шена, цифры, года, цитаты и бездну мелкихъ, но необходимыхъ подробностей, онъ не имѣлъ времени, подобно Роберту Нилю, изучать съ кропотливой усидчивостью современные интересы; вѣроятно, у него не достало бы, послѣ его работъ, ни досуга, ни охоты перечитывать каждый день по нѣскольку де

пешь посланниковъ, агентовъ, консуловъ и потомъ изъ всего этого составлять министерскіе отчеты. Такъ, намъ кажется, что нельзя требовать отъ Маколэ той же воспримчивости и вниманія къ обиденнымъ событіямъ жизни, того же отчетливаго знанія ихъ, съ какими онъ занимался историческими фактами. Къ однимъ онъ долженъ былъ питать, по самому свойству его труда и способностей, больше расположенія и сочувствія, чѣмъ къ другимъ. Это очень понятно.

Но если онъ былъ равнодушенъ къ современнымъ интересамъ, то не имѣемъ ли мы право отказать ему въ общественныхъ симпатіяхъ? Чтобъ подтвердить совершенно противное, намъ стоитъ наудачу выписать нѣсколько строкъ изъ сочиненій Маколэ; возьмемъ, наиримѣръ, хоть слѣдующее мѣсто, въ которомъ обрисована не отдѣльная личность, не единичное событіе, а цѣлая эпоха, вставленная великимъ художникомъ въ одну узкую раму: «Ни одинъ Англичанинъ, говоритъ Маколэ, внимательно изучившій царствованіе Карла II, не почтетъ себя въ правѣ предаваться чувству національной гордости передъ «Dictionnaire des Girouettes». Шефтедбери былъ, конечно, гораздо менѣе достоинъ уваженія, чѣмъ Талейранъ, и было бы даже несправедливо относительно Фуше сравнивать его съ Лодерделемъ. Ничто не доказываетъ такъ ясно, до какой степени упало тогда въ нашей странѣ мѣрло политической совѣсти, какъ судьба названныхъ нами государственныхъ людей Англій. Правительству нуженъ былъ злодѣй, чтобы дать ходъ самой грустной системѣ управленія, какая когда-либо падала проклятіемъ на народъ; и чтобъ искоренить пресвитеріанство огнемъ и мечомъ, потопленіемъ женщинъ и страшной пыткой сапога, оно нашло такого человѣка между предводителями возстанія и лицами, подписавшими ковенантъ. Оппозиція искала начальника, который руководилъ бы самыми неустовыми нападеньями, какія были только возможны подъ прикрытіемъ формъ конституціи, и для этого избрала министра, принимавшаго болѣе дѣятельное участіе въ самыхъ вредныхъ расположеніяхъ двора, человѣка, бывшаго душою кабалы, совѣтника, который заперъ казначейство и настаивалъ на войнѣ съ Голландіей. Вся политическая драма имѣла такой же характеръ. Въ этой дикой и чудовищной арлекинадѣ нельзя было найти ни единства плана, ни пристойной естественности характеровъ и костюмовъ. Вся она состояла изъ странныхъ превращеній и дикихъ противоположностей: атеисты превращаются въ пуританъ, пуритане — въ атеистовъ; республиканцы защищаютъ божественное право королей и развратные

царедворцы громко требуют свободы народа; судьи воспламеняют ярость черни; патриоты набивают карманы взятками, получаемыми отъ иностранныхъ государствъ; въ одной части острова папистскій государь выткою принуждаетъ пресвитеріанъ присоединиться къ епископальной церкви, а въ другой пресвитеріане рѣжутъ головы папистскимъ дворянамъ и джентльменамъ. Общественное мнѣніе имѣетъ свои приливы и отливы. Послѣ сильнаго взрыва обыкновенно слѣдуетъ реакція. Но такія необыкновенныя превращенія, какъ тѣ, которыя ознаменовали царствованіе Карла II, можно объяснить только совершеннымъ отсутствіемъ твердыхъ правилъ въ политическомъ мѣрѣ... Уже къ концу протекторства, по многимъ признакамъ можно было предвидѣть близкій упадокъ нравственности. Реставрація же Карла II ускорила и увеличила силу переменъ. Распутство стало доказательствомъ правовѣрности и преданности престолу, усложненіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило совѣсть самыхъ вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на все отрасли литературы. Поэзія разжигала страсти; философія подрывала правила; самая теологія внушала низкое благоговѣніе къ двору, усиливала вліяніе ея дурнаго примѣра. Мы напрасно ищемъ тѣхъ качествъ, которыя придаютъ прелесть заблужденіямъ возвышенныхъ и пылкихъ натуръ; того великодушія, той иѣжности, рыцарской утонченности чувства, которыя, облагороживая похоти, возвышаютъ ихъ до страсти и сообщаютъ самому пороку извѣстную долю красоты, свойственной добродѣтели. Кутежи этого вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходы какой нибудь шайки разбойниковъ, пирующихъ въ кабацѣ съ развратницами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, низость и пошлость, какія можно встрѣтить развѣ въ герояхъ и героиняхъ грязной литературы, поощрявшей подобныя свойства. Одинъ дворянинъ, одаренный большими способностями, шатается вездѣ, какъ фокусникъ; другой держитъ рѣчь передъ толпой, высунувшись изъ окна совершенно голый; третій устраиваетъ засаду, чтобъ поколотить человѣка, обидѣвшаго его. Кружокъ знатной молодежи, людей съ вліяніемъ, сговаривается проложить себѣ путь при дворѣ посредствомъ разсказовъ, имѣющихъ цѣлю погубить невинную дѣвушку, разсказовъ, основанныхъ на одной клеветѣ, на какую не повернулся бы языкъ честнаго человѣка. Во дворцѣ находятъ мертваго ребенка, плодъ любви какой нибудь фрейляны и кого нибудь илѣ.

придворныхъ, а быть можетъ и самаго короля. Вся стая сводниковъ и шутовъ бросается на трупъ младенца и несетъ его съ триумфомъ въ королевскую лабораторію, гдѣ его величество, послѣ грубой шутки, приказываетъ разрѣзать тѣло ребенка, къ удовольствію собранія и, по всей вѣроятности, въ числѣ другихъ и отца этого дитяти. Герцогиня-фаворитка ходитъ по вайтгольскому дворцу, топая ногами и произнося проклятія и брани. Министры, засѣдая въ совѣтѣ, проводятъ время въ гримасахъ и передразниваніи другъ друга на потѣху королю. Перы, при одной конференціи, начинаютъ драться и срывать другъ у друга воротники и парики. Одинъ спикеръ въ нижней палатѣ возбуждаетъ неудовольствіе двора; толпа буяновъ подстерегаетъ его и отрѣзываетъ ему носъ до самой кости. Эти постыдныя выходки или, называя ихъ единственнымъ, собственнымъ ихъ именемъ, это холопство чувствъ и манеръ не могло не перейти изъ частной жизни въ общественную. Циническія шутки, эпикурейскіе софизмы, изгнавъ честь и достоинство изъ одной стороны характера, распространили ихъ и на всѣ другія. Второе поколѣніе государственныхъ людей этого царствованія представляетъ достойныхъ учениковъ школы, воспитавшихъ ихъ — игорнаго стола Граммона и уборной Нелли. Ни въ какомъ другомъ вѣкѣ такой пустой человѣкъ, какъ Боккигамъ, не могъ бы имѣть политическаго вліянія; ни въ какомъ другомъ вѣкѣ не могъ бы открыть себѣ путь къ могуществу и славѣ передъ всѣми мерзостями такой человѣкъ, какъ Чорчилль» (Т. I изд. Тибл. стр. 189 — 193). Теперь мы спросимъ, неужели въ самомъ дѣлѣ, сухой доктринеръ, не имѣющій ни капли теплой крови для сочувствія обществу и ни одного порыва для негодованія или укора, могъ написать такую страницу, если бъ эта страница была единственной, каковую оставилъ намъ Маколэ? Но изъ такихъ страницъ состоятъ едва-ли не двѣ трети его сочиненій. Скажемъ больше, мы не знаемъ историка, который бы такъ горячо преслѣдовалъ свою идею, въ отношеніи къ общественнымъ интересамъ, какъ Маколэ. Увлекаясь этой идеей, онъ иногда преувеличиваетъ фактъ или, по крайней мѣрѣ, кладетъ на него такія густыя краски, что достовѣрность дѣлается сомнительной. Его критика является неумолимой сатирой надъ тѣми политическими тартюфами, которые на самомъ дѣлѣ были просто бездѣльниками, но не злодѣями.

Вслѣдствіе той же общественной симпатіи, въ которой можно отказать Маколэ только за недостаткомъ собственнаго мозга,

онъ не былъ метафизикомъ. Отвлеченное мышленіе, говоря вообще, не въ характерѣ историческаго дѣятеля. Теорія, доведенная до глубокаго и самостоятельнаго развитія, въ томъ видѣ, какъ понимаетъ ее философскій синтезъ, всегда обращается въ своего рода *idée fixe*; къ ней бывають направлены всѣ наши изслѣдованія, и изъ нея вытекають всѣ наши возрѣнія. Въ ней есть тотъ умственный деспотизмъ, который готовъ ломать и уничтожать все, что становится поперекъ ея прямолинейнаго стремленія. Въ организаціяхъ здоровыхъ, съ мощными силами, она уравновѣшивается участіемъ сердца въ холодномъ анализѣ разсудка и достигаетъ самыхъ смѣлыхъ результатовъ въ области науки или искусства; но въ людяхъ рядовыхъ она часто принимаетъ видъ столбняка, на которомъ они замерзають, какъ грибы на голыхъ пняхъ, захваченные быстрымъ морозомъ. Ничего не можетъ быть опаснѣе или скучнѣе, какъ стать въ это положеніе историкъ. Главная задача его въ томъ, чтобъ воспроизвести факты такъ, какъ они дѣйствительно случились, при извѣстномъ степеніи обстоятельствъ, мнѣній и общаго хода народной жизни; ему необходимо измѣнять свои взгляды и убѣжденія вслѣдъ за переменой ихъ въ разныя эпохи и въ разныхъ поколѣніяхъ; онъ долженъ пережить мыслью и чувствомъ нѣсколько отдѣльных направленій, системъ, вѣрованій и общественныхъ переворотовъ; во всемъ этомъ онъ долженъ найти не оправданіе своего душевнаго идеала, а ту вѣрную точку зрѣнія, которая преобладала въ социальномъ движеніи эпохи. Что же до выводовъ изъ этихъ фактовъ, они могутъ быть предоставлены самому читателю, и, вѣроятно, каждый изъ нихъ составитъ свое собственное умозаключеніе, потому что для каждой головы есть своя мѣра мышленія и свое возрѣніе. Напротивъ, если историкъ приступаетъ къ своему труду съ напередъ придуманной теоріей, съ тѣмъ или другимъ идеаломъ своего пониманія, тогда онъ обезобразитъ историческую истину, сдѣлаетъ изъ нея что-нибудь въ родѣ Всеобщей Исторіи или, пожалуй, конскаго лечебника нашего простака Кайданова. Въ эту ошибку попалъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ — Шотландецъ Юмъ. Онъ распорядился съ исторической Англіей точно такъ, какъ распорядился одинъ директоръ въ ботаническомъ кабинетѣ, приказавъ разставить растенія, не по свойству ихъ родовой классификаціи, а по ранжиру, какъ подбирають молодыхъ рекрутъ по условной мѣркѣ. Положительно можно сказать, что Макелэ, избравъ метафизическій методъ въ исторіи, переломалъ бы ея живые чле-

ны и лишилъ бы книгу той огромной популярности, какой она пользуется въ ея настоящемъ видѣ; тогда художественная сторона ея погибла бы подъ грудой безплодныхъ разсужденій, натянутыхъ доказательствъ и все это ради двухъ или трехъ правоченій, въ сущности никому не нужныхъ; ея мѣткія и классически обработанныя характеристки обратились бы въ ученые допросы о томъ, почему Генрихъ VIII сошелъ съ ума прежде, чѣмъ сдѣлался королемъ. Книгу прочтали бы нѣсколько специалистовъ да школьныхъ учителей, изъ секты квакеровъ и пуританъ, которые положительно не нравятся кристальная ясность изложенія въ исторіи Маколэ, какъ ночнымъ мухамъ не нравится утренній свѣтъ.

Независимо отъ историческихъ способностей, Маколэ не могъ остаться въ сферѣ отвлеченнаго мышленія по самому свойству національнаго характера. Мы часто спрашиваемъ: почему Англія никогда не отличалась теоретическимъ образованіемъ или склонностью къ чисто умозрительнымъ направленіямъ? И почему Германія сильна именно тѣмъ, чѣмъ слаба Великобританія? Обыкновенно объясняютъ это воспитаніемъ и системой университетскаго ученія. Но воспитаніе, какъ бы оно ни сложилось у народа, опредѣляется именно тѣми потребностями, которыя чувствуются въ нѣдрахъ самого общества. Если нація не имѣетъ потребности, положимъ, въ распространенія теоріи невольничества, она не введетъ ее, подобно южно-американскимъ проповѣдникамъ, въ систему школьнаго преподаванія. Притомъ общенародныя истины проявляются гораздо раньше, чѣмъ воспитаніе вступаетъ въ права общественнаго авторитета. Мы не знаемъ, наиримѣръ, гдѣ больше занимались теологическими предметами, какъ въ испанскихъ университетахъ, но, если забыть правительство и касту католическихъ поповъ, то въ самомъ народѣ встрѣчается полное равнодушіе къ религиознымъ вопросамъ. Тотъ же контрастъ поражаетъ насъ въ Италіи: здѣсь средневѣковыя коллегіи особенно преобладали юридическими факультетами, и, можетъ быть, нигдѣ не было такъ плохихъ юристовъ и, главное, такого рѣшительнаго отвращенія къ юридическимъ формамъ и неразлучной съ ними туневядной бюрократіи, какъ въ италіанской націи. Все это доказываетъ, что университетское образованіе нельзя принять за точное выраженіе народной мысли и ея потребностей. Не менѣе того, фактъ остается въ полной силѣ: къ Англіи не привилась абстрактная идея, встрѣтивъ пераго противника себѣ въ ея великомъ мыслителѣ — Бэконѣ. Остается

искать объясненіе такому явленію, повторившемуся въ той же народности и по ту сторону океана, — въ Америкѣ, — въ физиологическихъ законахъ націи и социальномъ ея устройствѣ. Относительно перваго условія, вопросъ остается загадкой для нашего времени. Есть мнѣніе, что самыя формы правленія и вся историческая судьба народовъ слагаются подъ вліяніемъ физиологическихъ данныхъ, что складъ черепа и расположеніе нервной системы, можетъ быть, играютъ главную роль въ національныхъ конституціяхъ, что пассивная жизнь Негра и относительно лучшее положеніе Европейца, торгующаго мясомъ африканскаго племени, заключается въ самой ихъ природѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ мнѣніи есть своя доля справедливости, но оно не имѣетъ ни строго-фактическаго основанія, ни логической силы. Гораздо основательнѣе, по крайней мѣрѣ, ближе къ нашему пониманію другая причина—вліяніе историческихъ обстоятельствъ на образованіе племенныхъ и общественныхъ типовъ. Что одинъ типъ рѣзко отличается отъ другаго — это мы ясно видимъ; но насколько исторія одного общества, выдѣливъ его изъ общечеловѣческой семьи, по праву меча или договора, и отбросивъ отъ другихъ обществъ, — участвуетъ въ этомъ раздѣлѣ — опять рѣшить трудно. Въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ случайностей, движенія впередъ и отступленія назадъ, благороднѣйшихъ порывовъ и пошлыхъ результатовъ, въ этомъ постоянномъ круговоротѣ паденія и возвышенія, въ этой незамѣтной зависимости нашей жизни отъ тысячи чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, — отъ голода, мора, наводненія, — въ этомъ необъятномъ хаосѣ теряется всякая цѣльная мысль, всякое конкретное воззрѣніе. Но какъ бы то ни было, а нѣтъ явленія безъ причины, и если Англія не представляетъ намъ, въ своей умственной жизни, метафизическаго образованія, то мы должны согласиться съ тѣмъ, что отсутствіе его не зависитъ отъ кембриджскаго или оксфордскаго университета, а отъ недостатка элементовъ его въ самой народной жизни: для него нѣтъ почвы, на которой бы оно могло взойти и дать плодъ. Но почему же нѣтъ почвы? — возразятъ намъ; это требуетъ нѣкотораго объясненія. Англія — страна индивидуальныхъ стремленій и положительной дѣятельности, нелишенной довольно полнаго содержанія. Здѣсь у cadaго отдѣльнаго лица есть своя специальная цѣль, которую оно преслѣдуетъ въ жизни; за исключеніемъ ста тысячъ поземельныхъ собственниковъ, обезпеченныхъ правомъ твердаго владѣнія, всѣ прочіе члены общества должны искать своего счастья и возможности существова-

нiя въ своихъ личныхъ способностяхъ и, разумѣется, каждый избираетъ свою карьеру по собственному желанiю и усмотрѣнiю: для одного кажется лучшимъ поприщемъ трудъ мѣряка, и онъ охотно принимаетъ его; другому думается, что торговать выгоднѣй, и онъ дѣлается купцомъ. Но какъ бы онъ ни распорядился своимъ выборомъ, Англичанинъ напередъ убѣжденъ, что вся отвѣтственность за его будущее добро или зло лежитъ на немъ одномъ, что ему ни чинъ, ни протенция, ни сословная рѣшетка не помѣшаютъ идти впередъ, если только на то станетъ его доброй воли и ума. При такомъ направленiи, практическiй результатъ составляетъ первое усилiе всякой дѣятельности, безъ чего она не имѣла бы смысла. Работаю ли я въ парламентѣ, или на биржѣ, пишу ли я книгу или копаю землю, — первая мысль моя — для чего я дѣлаю это и въ какой степени оно мнѣ полезно. Поэтому для Англичанина — *the times is money* (время — деньги) имѣетъ дѣйствительное значенiе, потому что каждая минута труда есть личное его благосостоянiе. И онъ увѣренъ въ своемъ трудѣ; приобрѣтенiе его прочно; его не отниметъ ни взяточникъ, ни произволъ судьи, ни интрига сановника; въ его домъ войдетъ буря, но не заглянетъ безъ спросу королева; съ другой стороны, онъ видитъ кругомъ себя безчисленное множество другихъ дѣятелей, столь же свободныхъ и усердныхъ, какъ и онъ: ему предстоитъ постоянная борьба, во-первыхъ, съ подобными ему людьми и, во-вторыхъ, съ природой; его вниманiе должно слѣдить за множествомъ самыхъ мелкихъ обстоятельствъ, онъ долженъ соображать вѣроятность будущаго и ежеминутно быть готовымъ отразить неблагоприятную встрѣчу. Это — дѣятельность огромная, требующая ума живаго, подвижнаго и разносторонне-развитаго. Но она совершенно противоположна глубокому теоретическому образованiю. Кто-то замѣтилъ, что для философиі необходимо досугъ, и кромѣ того сосредоточенность; это вѣрно, потому что теоретическое мышленiе требуетъ особеннаго напряженiя мозга и уединенiя; ему, собственно, нѣтъ дѣла до того, что совершается вокругъ насъ, но чрезвычайно важно знать, что произошло въ самомъ умѣ и насколько расширился тотъ внутреннiй мiръ, въ которомъ работаетъ идея, по собственному произволу. Для Англичанина такая работа нѣсколько походила бы на размышленiе метафизика въ баснѣ Крылова: ему некогда доискиваться начала всѣхъ началъ, когда дѣйствительная жизнь, съ ея осязаемыми интересами и нуждами, со всѣхъ сторонъ волнуется передъ нимъ, и уносить его на

воинахъ своихъ противъ его воли и желанія. Да и было бы странно ему мечтать надъ праздными формулами или спорить о томъ, что сильнѣе — воображеніе или фантазія, когда передъ нимъ лежитъ такая бездна практическихъ вопросовъ, прямо приложимыхъ къ общественному благу. Наконецъ замѣтимъ, что теорія для теоріи, или искусство для искусства есть праздная роскошь, терпимая только тѣми народами, которымъ истинное образованіе недоступно. Чистая теорія, какъ старая придворная поэзія, нарочно покровительствуется тамъ, гдѣ отъ науки требуется не дѣйствительная сила знанія, а одинъ наружный блескъ; здѣсь она разводится въ академическихъ парникахъ, подобно тропическому растенію въ холодномъ климатѣ, не затѣмъ, чтобъ питать своимъ плодомъ, а давать только цвѣтъ и запахъ. И все это ради чести, какъ замѣтилъ Монтескью, т. е. ради того, чтобъ образованіе било въ глаза лоскъомъ, но не заходило слишкомъ глубоко въ народную душу: потому что когда оно не только свѣтитъ, но и грѣетъ, тогда патріархальнаго покровительства для націи становится мало.

Такъ и по историческому характеру, преобладавшему въ умственной организаціи Маколя, и по національнымъ свойствамъ его страны, онъ не могъ остановиться на одномъ теоретическомъ образованіи. Оно было бы для него и тѣсно и бесплодно. И еслибъ мы приобрѣли въ немъ какого-нибудь философа съ эклектическимъ направленіемъ, самымъ жалкимъ изъ всѣхъ направленій, то навѣрное потеряли бы превосходнаго историка-художника.

Всего, что сказано выше, мы коснулись единственно потому, чтобъ оправдать Маколя отъ тѣхъ обвиненій, которыми плевала невѣжественная критика на свѣжій мраморъ его могилы. У него были и будутъ свои комары, которые тѣмъ охотнѣе язвили его, чѣмъ меньше онъ обращалъ на нихъ вниманіе. Одни, разсматривая его произведенія, отступали передъ ихъ блескомъ, не видя за нимъ той колоссальной работы, которая совершенно отвѣчала полнотой содержанія артистической формѣ. Они, какъ дѣти, не сумѣли оцѣнить величайшаго умственного труда, остановившись на одномъ наружномъ его выраженіи, и не простили ему за то, что составляетъ прелесть и непремѣнное условіе истиннаго дарованія. Другіе старались подмѣтить въ немъ мелкіе недостатки, столь неразлучные съ карьерой писателя, почти сорокъ лѣтъ не выпускавшаго пера изъ своихъ рукъ, и при всѣхъ усиліяхъ злой критики, они могли отыскать такъ мало

фактическихъ ошибокъ, что внушили самымъ врагамъ его уваженіе къ нему.

Но возвратимся къ нашему прежнему вопросу: въ чемъ заключается политическая вѣра Макозэ, или та основная идея, которая проходитъ по всѣмъ его сочиненіямъ и составляетъ коренное убѣжденіе его жизни? Какъ публицистъ и какъ историкъ, онъ вѣренъ своему принципу; онъ не былъ ни политическимъ фанатикомъ, ни утопистомъ. Относительно Англіи политическій идеаль его заключался въ ея конституціи; онъ лучше, чѣмъ кто нибудь, понималъ недостатки ея, онъ лично вооружался противъ нихъ во время парламентской реформы тридцатыхъ годовъ, но онъ былъ убѣжденъ и въ ея достоинствахъ: онъ замѣтилъ гдѣ-то, что всякая конституція можетъ быть и хорошей и дурной смотря потому, насколько она поддерживается сознаніемъ и нравственнымъ характеромъ той націи, которая принимаетъ ее. Въ этомъ вся тайна твердыхъ и разумныхъ правительственныхъ системъ. Онѣ только тогда находятъ опору въ національномъ духѣ, когда имъ живутъ и дѣйствуютъ. Поэтому Макозэ смотрѣлъ на длинный рядъ англійскихъ реформъ, какъ на развитіе одной и той же конституціонной мысли, возраставшей по мѣрѣ вліянія общественнаго мнѣнія и народной самодѣятельности. Обращая взоръ къ будущему, онъ предвидѣлъ, что эта идея испытаетъ еще множество переменъ, представитъ много новыхъ сторонъ, но успѣхъ ея развитія долженъ идти вмѣстѣ съ народнымъ образованіемъ и помимо насильственныхъ разгромовъ. Въ этомъ консервативномъ убѣжденіи Макозэ не было ничего антипатичнаго политической свободѣ; напротивъ, всякій восходъ ея, какъ на континентѣ, такъ и въ Англіи, онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ; но только, благодаря своей опытности и историческому такту, онъ смотрѣлъ на нее болѣе положительнымъ взглядомъ, чѣмъ другіе. Онъ зналъ, какъ трудно вырабатывается общечеловѣческой прогрессъ, какихъ страшныхъ усилій и жертвъ, какого пота и крови стоитъ народамъ каждый шагъ ихъ движенія впередъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, его гуманному чувству были противны эти бессмысленныя политическія драмы, которыя оканчивались передъ его глазами безумными реакціями и упадкомъ нравственныхъ силъ народа.

Мы долго не кончили-бы, если-бъ стали говорить о Макозэ, какъ объ историкѣ, администраторѣ, о членѣ парламента и о писателѣ вообще; но нашъ журналъ уже нѣсколько разъ отзывался объ этомъ знаменитомъ дѣятелѣ XIX вѣка. Въ прекрас-

ной статьѣ г. Каченовскаго (іюльск. кн. Р. Слова, 1860), лично знавшаго Маколэ, можно найти нѣсколько интересныхъ подробностей, которыя знакомятъ съ англійскимъ историкомъ въ послѣдніе годы его жизни. Настоящая статья имѣла цѣлю дополнить то мнѣніе, которое мы выразили прежде.

Намъ остается сказать объ изданіи г. Тиблена. Предпріятіе его — перевести всего Маколэ на русскій языкъ достойно столько-же похвалы, сколько уваженія. Для насъ такая книга должна принести существенную пользу. Кромѣ разностороннихъ и точныхъ свѣдѣній объ Англїи, столь ограниченныхъ и искаженныхъ нашими континентальными предразсудками, она способна воспитать въ читателѣ чувство уваженія къ истинной гражданской свободѣ. Переводъ перваго тома, конечно, далеко не воспроизводитъ ни энергїи, ни классической красоты слова Маколэ, но онъ лучше и добросовѣстнѣе, чѣмъ другіе переводы, разбѣянные по журналамъ, передаетъ внутреннюю и внѣшнюю фizioномію оригинала.

Нельзя не пожелать, чтобъ публика поддержала и удачный выборъ и изящное выполненіе настоящаго изданія г. Тиблена. Въ такихъ предпріятіяхъ вниманіе ея вездѣ необходимо, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ критика не стѣсняется ни требованіями совѣсти, ни поползновеніемъ къ кумовству. У нашихъ литературныхъ судей есть также свои; у насъ ничего не стоитъ плюнуть на могилу Пушкина г. Дудышкину и, если угодно, г. Дудышкина произвести въ Пушкины. При такомъ произволѣ и невѣжествѣ, публика должна своимъ собственнымъ инстинктомъ угадывать то, что составляетъ ея умственную силу и честь ея мысли.

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Основа. Южно-Русскій учено-литературный вѣстникъ
№ 1-й.

Такое періодическое изданіе, какъ «Основа», одинъ изъ органовъ малорусской литературы, имѣетъ право на наше вниманіе. Половина этого журнала написана на малорусскомъ языкѣ, недоступномъ большей части читателей. Не входя въ изслѣдованіе зачѣмъ и почему Украинцы пишутъ на своемъ языкѣ, или лучше сказать, предоставляя разсуждать объ этомъ кому и какъ

угодно, я намѣренъ поговорить о малорусскихъ статьяхъ, касаясь и прочихъ, если встрѣтится надобность. По моему мнѣнію, здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ о состояніи современнаго малорусскаго языка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ говорятъ на немъ нѣсколько миллионѣвъ народу. Впрочемъ да не подумаетъ читатель — я не поведу его на обширное поле филологіи и не стану съ видомъ знатока читать лекцію о различныхъ идиомахъ или отгѣнкахъ, неуловимыхъ для большинства, но сдѣлаю самый легкій очеркъ, который служилъ бы основаніемъ для моихъ замѣтокъ, могущихъ безъ этого очерка показаться довольно странными. Самый чистый и безукоризненный языкъ — это языкъ, употребляемый простолюдинами и сохраняющійся въ пѣсняхъ, какъ старинныхъ такъ и современныхъ которыя продолжаютъ слагаться, потому что поэзія не можетъ выродиться въ племени, не утратившемъ своей народности и выросшемъ на преданіяхъ. Малорусъ даже и въ качествѣ колодезца не забываетъ народныхъ преданій, ни пѣсень, ни обычаевъ; онъ несетъ съ собою въ самый отдаленный край — прирожденную своему племени поэзію. По берегу Терека, въ дикахъ ущельяхъ Кавказа раздастся пѣсня, слышанная нами на побережьяхъ Сулы или тихаго Слѣпорода, и удалой линейскій козакъ, гдѣ нибудь на пикетѣ, распѣваетъ «Зіроньку» или «Могилу» съ тѣми же грустно-задушевными переживаниями въ голосѣ, съ какими пѣлъ отецъ его подъ небомъ родной Украйны. Пѣвучесть у малоруса — въ крови, и нужно только особенное чувство, которое вызвало бы его поэтическую натуру, и пѣсня готова самого правильного народнаго размѣра, — на самомъ чистомъ языкѣ. Но есть много печатныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, гдѣ тотъ же народный языкъ по преимуществу, но уже съ значительною долею словъ, заимствованныхъ изъ другихъ языковъ или сочиненныхъ удачно и неудачно, смотря по обстоятельствамъ. Смѣшно было бы возставать на авторовъ за нововведенія: простонародный нашъ языкъ, при всемъ богатствѣ своемъ — а богатство его не подлежитъ сомнѣнію — не имѣетъ названій самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, встрѣчаемыхъ въ образованной бесѣдѣ, а слова эти подвертываются непрерывно, если хочешь выразить какую нибудь мысль, не входящую въ сферу жизни неразвитаго простолюдина. Но есть и въ высшей степени жалкіе бездарные писаки, одни по простотѣ, другіе изъ спекулятивныхъ цѣлей, напечатавшіе нѣсколько книженокъ на такомъ варварскомъ нарѣчій, которое рѣжетъ слухъ и самую

снисходительнаго читателя. Эти производители литературной макулатуры наперерывъ изобрѣтають новыя выраженія, одно другаго чудовищнѣе и если языкъ Котляревскаго грѣшитъ оттого, что, не ложась въ четырехъстоппный несвойственный ему ямбъ, допускаетъ усѣченія и нѣкоторые чуждые ему союзы, то ни въ какомъ случаѣ не походитъ на тотъ пелѣпый языкъ, какимъ напечатаны творенія гг. Карпенковъ съ товарищи, или «Ужинокъ Рідного Поля.»

Въ малорусскомъ языкѣ существуютъ разныя нарѣчія, образовавшіяся, вслѣдствіе географическихъ и историческихъ условій, незная которыхъ, можно впасть въ заблужденіе относительно того или другаго выраженія. Слово, имѣющее одно и тоже значеніе, можно произнести на нѣсколько ладовъ и всѣ эти отгѣнки будутъ правильны въ отношеніи къ данной мѣстности.

По моему мнѣнію чистый языкъ заключается въ Полтавской губерніи, южныхъ уѣздахъ Черниговской, придиѣпровскихъ Киевской, въ Херсонской, Екатеринославской, сѣверныхъ уѣздахъ Таврической и въ Черноморіи. Языкъ, приближающійся постепенно къ бѣлорусскому — въ сѣверной части Черниговской губерніи, съ примѣсю великорусскаго въ Харьковской губерніи, которая кромѣ того сохранила и языкъ задиѣпровскій вслѣдствіе исторической причины; языкъ съ примѣсю польскаго въ западныхъ губерніяхъ. Малоруссы Курской, Воронежской и Саратовской губерній говорятъ подобно харьковцамъ съ небольшими отгѣнками вытекающими изъ заимствованій у ближайшихъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи и чистый языкъ, напр. въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ усвоилъ нѣкоторыя татарскія слова, непонятныя напримѣръ жители сосѣднихъ уѣздовъ. Въ сѣверной части земли Войска Донскаго, по Кинбурнской Косѣ Таврической губерніи и въ Ставропольской губерніи, между Дономъ и Ставрополемъ сталкиваются нарѣчія разныхъ мѣстностей, смотря откуда вышли переселенцы.

Трудно представить данныя въ подкрѣпленіе моихъ словъ, но для изученія этихъ этнографическихъ особенностей я употребилъ лучшіе годы своей жизни, и хотя не могъ, конечно, дойти до совершенства, которое дало бы мнѣ право на авторитетъ, однако я убѣжденъ, что не могу сдѣлать большаго промаха. Въ послѣднее время я имѣлъ случай изучить еще руснацкое нарѣчье въ сѣверномъ уголкѣ Бессарабіи, о которомъ и говорю при описаніи поѣздки по Диѣстру.

«Основа» какъ журналъ, открытый для дѣятельности всего

южно-русского племени, при неизмѣннiи одного общаго литературнаго языка, печатаеть статьи на своихъ нарѣчiяхъ, не подводя ихъ подъ одинъ уровень, и потому въ ней могутъ встрѣчаться слова и обороты, свойственныя одной какой нибудь незначительной мѣстности, неупотребляемые въ другихъ частяхъ Малороссiи, но тѣмъ не менѣе правильныя. Пока не разовьется общiй литературный языкъ, — нельзя авторамъ ставить въ вину этихъ такъ сказать провинциализмовъ. Но вслѣдствiе естественной причины и новыя слова и выраженiя, изобрѣтаемыя для передачи незнакомыхъ предметовъ, могутъ возникать изъ этихъ же разнообразныхъ мѣстныхъ условiй — и вотъ почему здѣсь необходимъ тактъ, чтобы, неподчиняясь влiянiю идиома, создавать слова, по возможности подходящiя къ болѣе чистому языку, сохранившемуся въ устахъ народа; — по крайней мѣрѣ, это мое личное мнѣнiе.

Высказавъ свое *profession de foi*, я съ удовольствiемъ приступаю къ разбору малорусскихъ статей «Основы», журнала, предназначеннаго разработывать многiя сокровища южнаго края, скрытыя отъ отечественной публики, и вызвать къ дѣятельности новыя таланты, которые, можетъ быть, не скоро высказались бы безъ ея появленiя. Что среди нашего люда есть дарованiя — доказываетъ намъ Т. Г. Шевченко, стихотворенiями котораго и начинается 1-й № «Основы».

Большинство публики знакомо съ украинскимъ поэтомъ по имени, потому что переводы, печатанные въ журналахъ и изданные отдѣльною книжкою, едва ли могутъ дать о немъ полное понятiе. Самородокъ этотъ разбилъ свою грубую оболочку и заблистала яркими цвѣтами безъ всякой посторонней помощи. Его незамѣтили, или лучше сказать не поняли даже критики сороковыхъ годовъ и бросили о немъ въ печать неблагоприятные отзывы, но это не могло и не должно было огорчить талантъ, потому что Шевченко пишетъ по малорусски, и Украина сразу оцѣнила его. Онъ занялъ первое мѣсто среди украинскихъ писателей, и мощный звучный стихъ его до того приблизился къ народной пѣснi, что нѣтъ возможности самому лучшему знатоку отличить его произведенiя отъ пѣснi, сложенной гдѣ нибудь на далекомъ хуторѣ.

Подъ заглавiемъ: «Кобзарь» г. Шевченко снова началъ печатать небольшiя стихотворенiя, которыя однакоже и прежде были знакомы почитателямъ его таланта. Я попрошу читателя обратить вниманiе на «посланiе къ Шафарику» и «Пустку» какъ пьесы, отъ которыхъ не отказалась бы никакая литература. И

это я говорю не изъ національной гордости, не изъ личной пріязни къ г. Шевченко, но какъ рецензентъ, уважающій и публику и литературу.

«Посланіе славному Шафарикові при поэмі Іоанъ Гусъ або Еретикъ» написанъ еще въ 1835 году и требуетъ маленькаго поясненія. Г. Шевченко около этого же времени окончилъ свою прекрасную поэму Іоанъ Гусъ, которая потеряна, и поэтъ не можетъ припомнить ее во всей красотѣ къ величайшему сожалѣнію.

Необыкновенно художественна по своей законченности и поэтической грусти пьеска подъ названіемъ: «Пустка.»

«Заворожи мнѣ, волхвъ, сѣдоусый другъ мой! Ты запечаталъ *) ужь свое сердце, но я еще боюсь... Боюсь еще разорять погорѣлую хату, боюсь, мой голубъ, похоронить свое сердце... Можетъ быть возвратится надежда съ цѣлительной и живой водой — со слезами; можетъ быть возвратится она зимовать въ непокрытую пустку, и покроетъ, и нагрѣетъ погорѣлую хату, и вымететъ, и вымоетъ, и разведетъ огонь... Можетъ быть еще разъ проснутся мои думы — дѣти, и я погорюю, поплачу съ дѣтками, и еще разъ хоть сквозь сонъ увижу солнце правды.»

Этотъ вопль сердца отлился въ такіе мелодическіе стихи, какіе не всегда удаются и самому г. Шевченко. Не могу не выписать «Пустки» полагая что послѣ моего перевода она будетъ понятна великорусскимъ читателямъ.

Пустка.

Заворожи мыні, волхве
Друже, сивоусый!
Ты вже сердце запечатавъ,
Ая — ще боюся...
Боюся ще погорілу,
Хату руйнувати,
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховаты...
Може вернетця надія
Зъ тією водою

*) Здѣсь не слѣдуетъ принимать глаголь этотъ въ обыкновенномъ значеніи, потому что поэтъ говоритъ о запечатанномъ сердцѣ, какъ о запечатанной священникомъ могилѣ.

Цілющою, живущею —
 Дрібною слезою;
 Може вернетця въ некрыту
 Пустку зимуваты,
 И укые и нагріе
 Погорілу хату,
 И вымете, и вымые,
 И світло засвітить;
 Може ще разъ прокынутьця
 Мої думы — діты;
 Може ще разъ пожурюся,
 Зъ діткамы заплачу,
 Може ще разъ сонце правды
 Хочъ крізь сонъ побачу» (6).

Теперь слѣдуетъ чрезвычайно пріятный переходъ отъ одного таланта къ другому, что не часто выпадаетъ на долю рецензента: послѣ стихотвореній г. Шевченка я представлю на судъ читателей «Три Доли», повѣсть г. Марка Вовчка, сразу приобрѣвшаго имя какъ въ украинской, такъ и въ русской литературѣ.

Большинство читателей требуетъ у насъ еще отъ новѣсти или романа замысловатой интриги, эффектной развязки, или крайней мѣрѣ великосвѣтскихъ барынь и джентльменовъ; есть у насъ особаго рода дилетанты, которые, на основаніи давно несостоятельныхъ теорій, видятъ художественность лишь въ томъ произведеніи, гдѣ люди взяты не изъ природы, но сочинены по правиламъ, съ характерами, округленными по известной мѣркѣ и съ плавными рѣчами, выражающими quasi — благородныя чувства и стремленія. Ни тѣхъ ни другихъ читателей неудовлетворитъ г. Марко Вовчокъ, какъ потому что въ повѣстяхъ его нѣтъ замысловатой интриги, ни великосвѣтскихъ барынь и джентльменовъ, такъ и потому, что люди взяты у него прямо изъ дѣйствительной жизни, гдѣ и смѣхъ и вопль вырываются прямо изъ сердца, не справляясь ни съ какимъ кодексомъ приличій, ни съ какой теоріей. Г. Марко Вовчокъ посвятилъ свой талантъ простонародному быту, и посмотрите, что уже онъ сдѣлалъ въ самое короткое время. Давно ли показались первыя его повѣсти, а сколько задушевныхъ трогательныхъ сценъ нарисовать намъ этотъ молодой писатель, обладающій какою то особенною, свойственною ему граціозностью. Въ произведеніяхъ его нѣтъ ничего грандіознаго; они не поражаютъ васъ

величіемъ, но нельзя не привязаться къ его героямъ и героинямъ въ сермягахъ и *запасахъ*, нельзя, начавъ одну страницу, не прочесть повѣсть до конца, нельзя иногда удержать слезъ, которыя брызнуть изъ глазъ невольно и готовы скопировать челоуѣка, особенно въ томъ обществѣ, гдѣ заплакать считается болѣе неприличнымъ, чѣмъ высморкаться. А между тѣмъ ничего нѣтъ труднѣе какъ разсказать содержаніе повѣсти г. Марка Вовчка, котораго впрочемъ упрекали за однообразно-грустное направленіе. Среда, въ которой вращаются его дѣйствующія лица, конечно не состоитъ изъ непрерывной цѣпи страданій; но нельзя же ставить въ вину автору, что онъ беретъ изъ этой среды какое нибудь грустное положеніе. Характеръ малорусса, незнакомый большинству, иной разъ покажется страннымъ и неестественнымъ, тѣмъ болѣе, что читатель привыкъ представлять *запла* какимъ то исключительнымъ существомъ не то шутиливо-глупымъ, не то неуклюже-хитрымъ, каждое движеніе котораго непременно должно смѣшнить почтеннѣйшую публику. Но у г. Марко Вовчка характеры чѣрны съ дѣйствительностью и колоритъ этого талантливаго писателя свѣжъ, ярокъ, и натураленъ въ высшей степени. Вотъ уже смѣло можно сказать, что г. Марко Вовчокъ не позволилъ себѣ ни разу съ какой нибудь запасной мыслью преувеличить простоядина. Недостатокъ его, можетъ быть, только въ томъ, что онъ беретъ судьбу индивидуума, сложившуюся нерадостно, и что онъ не рисуетъ какой нибудь веселой беззаботной личности, которая какъ сама, такъ и вся судьба ея исполнены комизма и приводятъ читателя въ веселое расположеніе духа. Но развѣ авторъ можетъ и долженъ насиловать себя, какъ въ выборѣ предмета, такъ и въ его изображеніи?

Послѣдняя повѣсть г. Марка Вовчка «Три Доли» взята изъ простонароднаго, но не крѣпостнаго быта. Содержаніе ея очень просто, дѣйствующія лица живыя, характеры этихъ лицъ встрѣчаются сплошь и рядомъ въ каждомъ селѣ, да и сгруппированы весьма естественно, безъ всякаго замысла на эффекты, и высказываются преимущественно дѣйствіями и разговорами. Въ повѣсти представлены три различныя доли, трехъ молодыхъ дѣвушекъ сверстницъ-сосѣдокъ, семейныя условія которыхъ — поставили ихъ въ самыя близкія отношенія, и одна изъ нихъ въ безыскусственномъ разсказѣ передаетъ малѣйшія подробности этой занимательной хроникъ. Разсказчица родилась въ деревнѣ Пятигорѣ, лежащей на южномъ мѣстоположеніи въ мѣловыхъ

горахъ, гдѣ по преданію какая-то набожная женщина выкопала большія пещеры.

«Какъ выдти изъ этихъ пещеръ, да повернуться спиною къ солнцу, передъ тобою бѣзуютъ только высокія, мѣловыя горы, а межъ этими горами журчить узенькая, глубокая и прозрачная рѣчка. Быстро бѣжитъ она съ версту до самого поемнаго луга и разлившись широко по долину, струится уже подъ рощами и гдѣ-то пропадаетъ между высокими тростниками. Слобода наша раскинулась надъ широкимъ разливомъ на пяти мѣловыхъ горахъ, основанная очень давно на этой мѣстности, когда люди боялись татарскихъ набѣговъ, и высматривая врага съ горъ, прятались заблаговременно. Горы эти зеленѣютъ уже травой, поросли густыми садами. Между бѣлыхъ хатъ цвѣтеть кудрявая вишня и шелеститъ пахучимъ листомъ тонковерхій тополь; надъ иными воротами, словно шатеръ, раскинулась мелколистная груша или зыблется вѣтвистый осокоръ; берегъ поросъ вербами и калиной. Съ горъ стелются къ водѣ роскошные огороды. Тамъ то травъ, плодовъ и цвѣтовъ, тамъ то тропинокъ къ рѣкѣ и къ сѣдямъ, и все это вытоптано легкими дѣвичьими ножками.

«Наша хата стояла на горѣ на самой вершинѣ. Далеко вокругъ видна было оттуда окрестность».

«Какъ-то часто приходятъ мнѣ на мысль молодые годы — гдѣ и что было.... Вотъ ужъ я сѣда старуха, а молодость не позабылась».

«Да, наша хата стояла на верхушкѣ. Выйду, бывало, сяду на завалинкѣ, прислушиваюсь и присматриваюсь. Тихъ вечеръ: солнышко западаетъ за гору, вода блеститъ краснымъ цвѣтомъ и тихо струится, не журчитъ; тамъ гонять съ поля стадо, тамъ поютъ пѣсни, а за рѣкой раздается стукъ молота о наковальню. И вотъ темнѣетъ небо, мало помалу темнѣетъ и утихаетъ земля, и становится тишь. Ночь опустилась. Небо усѣялось золотыми звѣздами, взошелъ ясный мѣсяцъ и все это заблестало въ прозрачной водѣ; зацелкалъ соловей, откликнулся другой гдѣ-то.

«Отца и матери я не помню; еще въ колыбели осталась я сиротою, и меня взялъ мой родственникъ Павло Булахъ. Жена его вскормила меня вмѣстѣ съ своею дочерью, я выросла въ ихъ хатѣ и осталась служить у нихъ» (9—10).

Разсказчица Хима (Ефимія) очеркиваетъ характеръ Павла немногими, но яркими чертами. Это былъ человекъ честный, трудолюбивый, но свосправный и требовавшій отъ семья безуслов-

наго повиненія. Жена его — въ высшей степени добродушная, любящая женщина, не сказавшая въ жизнь свою никому горькаго слова, и на лицѣ ея постоянно видѣлась такая кротость, «слово она только что возвратилась изъ Божьяго храма».

Была у нихъ дочь Катря (ум. Катерина).

«Эта, говоритъ рассказчица, пошла не по матери, пылкая и живая дѣвочка, которой не легко было покоряться отцу. Случалось какъ нахмурить старикъ брови, стиснѣть тонкіе губы и блеснуть черными своими глазами — мы съ матушкой едва дышемъ, а Катря ничего не боится: спрашиваетъ и споритъ, пока старикъ не вскрикнетъ: «годи!»... (довольно) такимъ голосомъ, передъ которымъ и самому смѣльчаку нельзя не утихнуть. Послѣ этого долго еще бывало горитъ личико у Катри, изъ глазъ выкатываются слезинки (11).

Дѣвушка эта одѣвалась богато и со вкусомъ, не знала ни въ чемъ отказу, какъ единственная дочь.

«Пойдетъ бывало она гдѣ много народу, всѣ замолкнутъ и смотрятъ на нее, засматриваются, она же и улыбнется и застыдится».

«Что за веселая, что за живая дѣвушка. Родныхъ у насъ много: тотъ женится, та выходитъ замужъ, навеселишься бывало между своими. И какъ поспѣшала она на свадьбу или на вечерницы, и трудно было перепѣть, или перетанцовать ее».

«А весна? Едва было тронется ледъ, растаютъ снѣга, закаплетъ съ крышъ, потекутъ съ горъ ручейки, солнышко глянетъ изъ за весеннихъ облаковъ, повѣетъ какой-то теплый да дремливый вѣтерокъ, а уже Катря запѣла веснянки.... Идетъ и поетъ по слободѣ, выкликакая дѣвушекъ на улицу».

«Она предводительствовала всѣми дѣвушками, и онѣ ее слушали, и любили, хоть она съ ними по нѣсколько разъ въ день и посмѣется и поссорится и обнимется!»

«Молодость! ушла ты уже за водою!»

«Весна идетъ да идетъ. Вотъ уже и небо чистое, голубое и вода голубая и прозрачная. Солнышко горитъ и блеститъ; росы распускаются, расцвѣтаютъ сады; вечеромъ гдѣ-то запѣла соловушко на широколистомъ кленѣ; кукушка закуковала на высокой березѣ; жужжать пчелы; надъ молоденькой травкой мелькаютъ бѣлые мотыльки; летая гудятъ хрущи. Какой-то говоръ, какіе-то звуки словно изъ подъ земли, или изъ воды, или съ неба....»

«Ожидаемъ вечера, и вечеромъ на курганъ. Едва виднѣются,

рога молодого мѣсяца, все тихо, только мы поемъ, да гдѣ-то стучить мельница, да вода плещется въ берегъ. Въ праздникъ мы бывало рано идемъ въ церковь, а отъ обѣдни за дѣвушками по свободѣ. Катря выкликнется и собираетъ подругъ:

— Пойдемъ, дѣвочки, на курганъ!

— Нѣтъ, пойдемъ въ рощу за земляничкой.

— Лучше въ степь на пологи.

— Нѣтъ въ садъ.

— Тамъ лучше!

— Тамъ веселѣе!

«И тамъ и сямъ вездѣ весело, вездѣ хорошо. И спѣшить весело толпа молодыхъ дѣвушекъ и несутся звонкій смѣхъ и гѣсни.

«Золотое время молодость: что вздумаешь, все можно; все веселить и радовать, — а въ старости словно все смѣяться запрещено человѣку (11--12).

У Булаха была сосѣдка вдова Филиппа — личность очень хорошо обрисованная — женщина ловкая, любящая быть авторитетомъ. Ровестница Булаховой она и подъ старость сохранила прежнія отношенія, и за частую выговаривала сѣ за мягкость и податливость мужу, съ которымъ тоже любилъ несорить. У нее была дочь — третья героиня повѣсти. Вотъ какъ о ней говоритъ Хима:

«Была у вдовы дочь Маруся наша подружка ровесница да такая добрая и милая, что и рассказать трудно. Круглолицая, ясноглазая, губки румяныя словно вишня, высокаго роста, стройная; брови какъ на снурочкѣ... бывало только заговорить, то уже и кажется, что обласкала тебя. И такая тихая, тихая — словно грустила о чемъ-то. Никогда она вдругъ не зарумянится, какъ вотъ наша Катря, не вскрикнетъ, не заплачетъ, не затанцуется до упаду, не разсердится до сеоры. Неизнуренная веселостями и неперемученная горемъ, она походила на тихое лѣто.

Мы съ Катрей очень любили эту Марусю.» (14—45).

Такъ жили вмѣстѣ три молоденькія дѣвочки, изъ которыхъ Катря и Маруся, какъ видите, были два контраста, а третья-разсказчица Хима представляетъ отдѣльную непохожую на другихъ личность. Эта сиротка, выросшая хоть и у добрыхъ родныхъ, но на чужомъ хлѣбѣ, съ раняго возраста сосредоточилась въ себя, и хоть она отдавая всю свою привязанность обѣимъ подругамъ, пользовалась ихъ взаимностью, однако выпадали моменты, когда она разсуждала о своемъ сиротствѣ и одиночествѣ.

Обыкновенныя дѣвичьи забавы, игры, наряды, танцы удовлетворяли молоденькихъ дѣвочекъ, которыя, веселясь на деревнѣ въ обществѣ сверстницъ, вели за частую дома свои интимные разговоры. Милая и добрая созданія эти еще не жили сердцемъ. Но вотъ пришла пора. Явился въ сосѣдномъ селѣ молодой козакъ красавецъ Чайченко, о которомъ молва достигла и къ нашимъ тремъ подругамъ. На свадьбѣ у одной родственницы Булоховыхъ, которая выходила именно въ то село, гдѣ жилъ Чайченко, послѣдній былъ въ числѣ гостей приглашенныхъ женихомъ. Маруся и прежде видала его когда-то, но Катря и Хима встрѣтили впервые. Катря и Маруся почувствовали любовь, но первая съ свойственной живостью плѣнилась чернобровымъ молодцомъ, щеголемъ, и лихимъ танцоромъ. Завязалось знакомство. Мать козака Чайчиха купила хату и на освященіе ея пригласила Булаха. Молодые люди освѣнись, а Чайчиха крѣпко полюбила Катрю и желала имѣть ее своей невѣсткою. Въ такомъ положеніи находились дѣйствующія лица. Катря таплась, Маруся увядала. Обѣ онѣ любили Чайченка. Наконецъ натура Катри не выдержала, и пылкая дѣвушка призналась подругамъ и рассказала какъ встрѣтилась однажды и разговаривала съ козакомъ въ рощѣ. Разговоръ этотъ чрезвычайно натураленъ и граціозенъ. (24—26).

Однажды Катря, подъ предлогомъ добыть запалочки (красной бумаги для вышиванія), отправилась въ сосѣднее село Любички къ роднымъ, а старая Чайчиха зазвала ее въ свою хату. Тамъ она видѣлась съ Яковомъ (имя парня). На обратномъ пути козакъ провожалъ ее, и тутъ рѣшилась участь дѣвушки: молодые люди признались другъ другу. Начались у нихъ ночныя свиданія. Но я полагаю лишнимъ будетъ говорить, что въ этихъ свиданіяхъ нѣтъ ничего предосудительнаго: объ этомъ столько разъ было писано. Хима однакоже замѣтила, что Чайченко грустенъ и обратила на это вниманіе подруги. Катря однажды спросила его объ этомъ, но онъ отвѣчалъ, что въ свѣтѣ больше горя нежели радости.

Дошло до того, что Катря призналась матери; и любящая мать порадовалась ея счастью. Отецъ словно не замѣчалъ переменъ въ Катрѣ, но иной разъ всматривался въ нее пытливыми взорами. Хотя вся семья боялась стараго Булаха, однако никому и въ мысль не приходило, чтобъ онъ могъ противиться замужеству дочери и не желалъ имѣть зятенъ богатаго, красиваго молодого человѣка.

Катря сказала Химѣ и матери, что осенью Яковъ непременно ее посватаетъ; старуха ходила посовѣтоваться съ Филиппхой, та одобрила выборъ дѣвушки, совѣтуя не терять времени и поговорить съ Булахомъ. Улучивъ минуту, заботливая мать начала хвалить мужу Чайченка, но старикъ сказалъ, что уже нашелъ зятя. Просьбы не помогали. Чрезъ нѣсколько времени старуха еще разъ пыталась уговорить мужа и объявила, что Чайченко хочетъ сватать Катрю. Булахъ отказалъ положительно.

Послѣ этой сцены дѣвушки побѣжали въ рошу, гдѣ долженъ былъ рубить лѣсъ Яковъ Чайченко. Подходятъ онѣ къ рощѣ, завидѣли царня. Грустный тонъ его пѣсни встревожилъ Катрю, которая остановилась прислушаться. Козакъ пѣлъ о томъ, что любилъ вѣрно, а ему неожиданно измѣнили, что уже такъ и вѣкъ проживетъ онъ въ горѣ, любятъ его другія, да къ этимъ другимъ не прильнетъ уже его сердце:

Хоть яка ласкава, яка чернобрыва,
Та не буде такъ якъ першая мыла.

Катря выпытывала козака зачѣмъ пѣлъ такую грустную пѣсню, потомъ обѣ подруги рассказали ему неудачу. Чайченко принялъ это съ грустью, но повидямому не сильно былъ тронутъ роковою вѣстью. Отправивъ подругу впередъ, Катря оставалась съ нимъ на единѣ и возвратилась нѣсколько спокойнѣе.

Проходили дни. Въ селѣ затѣвались частыя свадьбы. Молодежь веселилась. Чайченко замѣтно сталъ ухаживать за Катрей больше чѣмъ прежде и нарочно въ присутствіи отца, словно пренебрегалъ волею стараго Булаха. Но послѣдній выразилъ свое неудовольствіе только тѣмъ, что однажды увелъ семью домой раньше обыкновеннаго.

«Пошли мы домой; пошла Катря рыдаючи.

— Не плачь, Катря, не поможется, говорю.

— Ничего, хоть и плачу, а все я счастлива, счастлива, счастлива. Пусть знаетъ отецъ, что Яковъ любитъ меня и я буду любить его до гроба. Хоть я и горюю, а счастлива, — пусть знаетъ отецъ и объ этомъ.

— Лучше не сердить отца, Катря, лучше и Якову обходиться бы съ нимъ мягче... Какое же будетъ ваше счастье, если отецъ не раздумается. Посмотри какъ печальна мать и въ какой она тревогѣ... Не льни къ нему такъ по крайней мѣрѣ, — вѣдь и дѣвушки стануть смѣяться.

— Пускай смѣются, я его люблю, я счастлива.

— А если разсердится отецъ и не пуститъ больше гулять на свадьбахъ: — гдѣ тогда увидишь Якова? По утрамъ запрещаетъ выходить, ночью самъ запираетъ двери.

Обплалась она еще сильнѣе слезами.

— А все таки я счастлива, ей же Богу, счастлива.» (37) Черезъ нѣсколько времени опять Катря съ Химой приглашены на свадьбу. Всѣ веселы какъ и прежде, собрались обычные посѣтители, а Чайченка не видно. Катря не теряетъ надежды, но козакъ не явился, пришла одна старушка мать его, которая на всѣ разпросы отвѣчала, какъ-то нерѣшительно. Катря жрѣпко заплакала, возвратясь домой невидавъ своего черноброваго.

Отгуляли еще нѣсколько свадьбъ, а Чайченко и слѣдъ простыль. Чайчиха отвѣчала, то сына дома нѣтъ, то онъ болѣнъ, а сама печальная и все уговариваетъ Катрю переждать черную годину.

Бѣдная дѣвушка просилась въ сосѣднее село хоть издали посмотрѣть на милаго, но ее не пускали ни мать, ни старая Чайчиха.

Однажды утромъ Булахъ объявилъ женѣ, что будетъ сватать Катрю богатый парень Шеляхъ. Катря помертвѣла, но промолчала. По уходѣ старика Хима и мать уговаривали Катрю покориться отцу, но она объявила на отрѣзъ, что пли за Якова пли ни за кого.

Дѣвушки пошли къ тихой Марусѣ, которая молча любила Чайченка и уядала отъ этой безнадежной любви.

— Маруся, Маруся! сказала Катря: припила я къ тебѣ раздѣлить свое горе, да знаю, что и ты меня осудишь какъ выслушаешь.

— Садись, Катря, да расскажи, говоритъ ся. Мару

— Отецъ не отдаетъ меня за *него*, а хочетъ за *нелюба*. А я, Марусенька, отца и мать покниула бы для него, не пожалѣла... **Что мнѣ!**.. Пусть скажетъ слово, я пойду за нимъ на край свѣта, пойду и ни разу не оглянусь. Мнѣ ничего не надо: пусть другимъ и роскошь и богатство, мнѣ только бы жизньъ съ нимъ **виѣстѣ!**..

— Помогай тебѣ Богъ! промолвила, не подымая глазъ, Маруся.

Я изумилась.

— Ты ли это, Маруся? говорю: такая покорная...

— Сестрица-голубка, сказали Катря, обнимая ее со слезами: **ты** не судишь меня?

Отд. II.

4

— За что? тихо спросила Маруся. Вѣдь ты любишь его.

— Такъ люблю, что и высказать трудно... А на меня всѣ нападаютъ, хотятъ чтобъ я бросила его. А если бы ты любила, Маруся?

— Я не покинула бы.

Я все слушаю мнѣ невѣрится.

— Ты ли это говоришь, Маруся? спросила я. А если-бы твоя мать услыхала?

— Такъ что-жъ? Еслибы я любила, то и боялась бы только того, кого любила.

— Ты развеселила мое сердце, Марусенька. Мнѣ было очень тяжело... хоть никто меня не разуверитъ, но огорчали меня ихъ слова... Спасибо тебѣ, галочка-Маруся.

Маруся ей улыбнулась.

— Не за что благодарить, отвѣчала она: я тебѣ говорю свою правду (39—40).

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора, къ Булаху пришли сваты отъ Шеляха. Послѣ обычнаго приѣма отецъ и говоритъ:

— Я себѣ и не желаю лучшаго зятя, почтенные сваты, но надо спросить дочку.

— Раздумайся же хорошенько, говорю ей.

Она словно ничего не слышитъ. Вошла въ хату блѣдная, но смѣлая и рѣшительная, готовая хоть умереть тутъ же.

Отецъ спросилъ пойдетъ ли она за Шеляха, но спросилъ какъ-то ласково и сурово вмѣстѣ.

— Я парня не оуждаю, но и не пойду за него, отвѣчала Катря, такъ отчетливо будто пропѣла.

Сваты поклонились и гордо вышли. Мы не шелохнемся; Катря стоять... Отецъ тоже не сказавъ ни слова, вышелъ изъ хаты.

У матери не высохали глаза отъ слезъ. Отецъ и не напоминаетъ о сватаньи — словно его не было, — а насъ будто и не видитъ войдешь — не оглянется, заговоришь — не слушаетъ (41).

Отношенія, конечно, рѣдкія, но возможныя въ малорусской семьѣ, гдѣ не смотря на деспотизмъ отца, сохраняется много человѣчныхъ отношеній.

Но Чайченко словно исчезъ, и даже мать его не появляется въ Питигорѣ. Катря порывается идти въ Любчики, мать не пускаетъ, да и подруги не совѣтуютъ въ интимныхъ разговорахъ. Наконецъ Катря проситъ Марусю пойти въ Любчики и развѣдать. Тихая дѣвушка соглашается. Она побывала у Чайчих-и видѣла Якова, но принесла грустные вѣсти. Яковъ печаленъ и

просилъ передать Катрѣ, чтобъ она не приходила. Хима о чемъ то догадывалась и выспросила Марусю. Последняя призналась, что не все передала, и замѣтила, что Яковъ не искренно любитъ Катрю. Послѣ долгой нерѣшимости Хима высказала свои сомнѣнія. Катря засмѣялась и не повѣрила. Но дѣла не двигались. Въ хатѣ Булаха тоска и натянутое положеніе. Отецъ нахмуренъ, мать плачетъ и горюетъ. Катрю больше никто не спаталъ.

«Поздно осенью того года собрался отецъ въ дорогу. Выѣзжая изъ дому, всѣмъ намъ вмѣстѣ проговорилъ: «Бувайте здоровы» (прощайте) и отправился за ворота. Мы идемъ за нимъ проводить его за свободу. Начала мать горько плакать, онъ пріостановился и говоритъ: «Вы дѣлайте себѣ что хотите, а я держусь своего слова: пока живъ не отдамъ дочь за Чайченка. Прощайте». Снялъ онъ намъ шапку и пошелъ по дорогѣ, а мы смотримъ ему вслѣдъ и стоимъ словно пришибенныя морозомъ.»

— Катря, дитя мое, говорила мать: въ какой недоброй часъ полюбила ты парня? Господи Боже мой! ушелъ, едва попрощавшись — когда же это бывало?

Смотрѣла она сквозь слезы по дорогѣ, а отецъ все шелъ дальше и дальше, наконецъ скрылся за гору, но еще долго слышали какъ онъ покрикивалъ на воловъ: «гей! гей!»

Когда уже все утихло, мы поворотили домой.

— Катри! о чемъ задумалась? спросила мать.

— Хочу видѣть Якова.

— О, дити мое, развѣ ты не слыхала, что сказалъ отецъ?

— Я хочу видѣть Якова.

Она не плакала, но на всѣ ласки, совѣты, просьбы матери, отвѣчала одно: «я хочу видѣть Якова» (45).

Любящая мать не могла смотрѣть равнодушно на страданія дочери и согласилась сопутствовать ей съ Химой въ Любчики. Зашли они къ родственнику и узнали, что Чайчиха уѣхала въ Хмелинцы къ сыну, который давно уже гдѣ-то шатался, — но послѣднее время люди видѣли его въ Хмелинцахъ. Яковъ съ матерью и прежде жили въ этомъ селеніи.

«Пошли мы домой, а Катря сворачиваетъ къ Чайченковой хатѣ; склонилась на тынъ и посмотрѣла на тихій, пустой дворъ, а сама блѣдная, какъ полотно» (47).

На возвратномъ пути встрѣтили они сосѣда Иваненка, любившаго развѣзжать по ярмаркамъ. Сосѣдъ этотъ — типъ своего рода, но по объему статьи я долженъ пропускать многія интересныя подробности.

Мать съ Химой были впереди и узнали отъ Иваненка, что Яковъ въ Хмелинкахъ принадлежить къ толпѣ поклонниковъ красавицы вдовы Терничихи, и посовѣтовавшись, сообщили это Катрѣ. Последняя не вѣрять, но сомнѣніе закрадывается въ любящую душу, хотя она и не говоритъ объ этомъ. Нѣсколько разъ ходила она въ Любчики для того только, чтобы взглянуть на молчаливый дворъ милаго и на запертую хату.

Однажды утромъ Катря собралась уже въ свою обыкновенную прогулку, какъ вошла къ нимъ Чайчиха. Старуха наконецъ рассказала всю правду. Рассказъ этотъ необыкновенно художественъ, но я привожу его въ самомъ коротенькомъ видѣ. Давно еще когда жили они въ Хмелинкахъ, Яковъ влюбился въ красавицу Терничиху. Вдовушка эта была страшная кокетка и сводила съ ума молодого человѣка. Мать просила его покинуть вѣтренцу, но видя упорную любовь сына, должна была согласиться на бракъ. Вдовушка однакоже посмѣялась и отказала. Явился какой-то богачъ изъ чужаго села и засватался съ нею. Вдовушка однакоже не унималась и кокетничала съ Яковомъ. Наконецъ мать уговорила Чайченка жениться на дѣвушкѣ, которой онъ когда-то нравился. Но дѣвушка эта, зная любовь его къ вдовѣ, отказала и вышла за другаго парня. Послѣ этого отказа, Терничиха, подойдя къ окну Якова, проговорила ему: «оставайся вѣкъ холостымъ и люби только одни мои ясныя очи!» и пошла заливаясь хохотомъ, а онъ вслѣдъ за нею, рыдая какъ ребенокъ. Мать приписывала все колдовству. Вышла вдовушка за своего богача и уѣхала, но потомъ поссорилась съ его родными и уговорила мужа купить хату въ Хмелинкахъ. Яковъ снова прильнулъ къ кокеткѣ. Мать изъ сожалѣнія къ сыну, продавъ все имущество, переселилась въ Любчики. Яковъ оправился. Встрѣча съ Катрей благотворно подѣйствовала на него. Чайчиха ожидала, что старый Булахъ согласится на замужество дочери. Но вдругъ Яковъ снова измѣнился. Къ Чайчихѣ дошла вѣсть, что кокетка овдовѣла въ другой разъ и дала знать Якову. Все погибло... Чайчиха собралась уже идти въ Пятигоръ рассказать обо всемъ, какъ вдругъ Яковъ блѣдный возвратился домой и почти безъ чувствъ повалился на лавку: кокетка засваталась за какого-то шпикаря.

— Начала я тогда, продолжала Чайчиха: говорить, доказывать, и онъ меня послушался. Думалось какъ упросимъ вашего старика, то и свадьбу отгуляемъ... Но видно, не такъ судилось. Не будетъ кажется ему счастья, маяться ему цѣлый вѣкъ одинокому.

И начала Чайчиха сильно плакать и мать плачетъ. Катря поскорѣе изъ хаты, я за Катрею.

— Катря, Катря! говорю.

Она не отзывается и быстро идетъ по улицѣ. Я беру ее за руку, останавливаю.

— Куда же ты идешь, Катря?

— Не знаю... хочется куда нибудь дальше отъ хаты. Такъ вотъ отчего онъ пѣлъ тогда такую грустную пѣсню? вотъ отчего онъ горевалъ? онъ не меня любилъ, а ее...

— То было, а теперь прошло, и ты не горюй. Хорошо, что онъ одумался — прости ему: нѣтъ того дерева, на которомъ не садилась бы птица.

— Боже мой, Боже мой! онъ не любилъ меня и не любитъ.

— Эхъ, Катря, развѣ у насъ мало еще горя съ тобою! ты лучше поговори съ Яковомъ, пусть самъ расскажетъ обо всемъ, любить ли тебя...

Катря оглянулась и какъ схватить меня за руку.

— Не напоминай мнѣ его имени! я не увижу его больше. Не хочу!

И горькія слезы прервали слова ея... Господи, Какъ она плакала, какъ рыдала! Какими горькими упреками укоряла его, не слушая меня...

Потѣмъ, отеревъ слезы, быстро пошла домой. Въ хатѣ мать горевала вдвоемъ съ Чайчихой.

— Я не пойду за вашего сына! сказала Катря громко.

— Что? какъ? спрашиваетъ Чайчиха, испугавшись и ея голоса и позы.

— Не пойду за вашего сына, повторила еще громче Катря. Не хочу. Хоть и отецъ прикажетъ, не пойду.

Мать подняла руки къ небу, а Чайчиха залилась слезами.

— Чары, говоритъ, чары! Я знаю. Не даромъ сказала она ему: «оставайся вѣкъ холостымъ»!

Всѣ плачутъ. Катря неподвижно стоитъ у стола, только тяжело дышетъ.» (52).

Шло время. Катря страдала. Возвратился старый Булахъ. Его тронулъ рассказъ жены о несчастной любви дочери и о томъ что она сама уже не хочетъ за Чайченка, — но старикъ проговорилъ: «не меня она послушала» задумался и пошелъ къ роцѣ, хотя тамъ не было ему никакой надобности.

И потянулись грустные дни въ этомъ семействѣ, потянулись

томительные вечера, въ продолженіе которыхъ каждый, молча, занимался своимъ дѣломъ.

Мать страдала. Отецъ хоть и не говорилъ ни слова, однако сдѣлался нѣжибе съ своею дочерью. Но для Катри все покончилось.

Въ это время Хима только и слышала, что Маруся съ лица спала, Маруся нездорова; Филиппа бывало тоже говоритъ, что вянетъ дочка, да и сама Хима начала замѣчать болѣзненное состояніе тихой подруги. Однажды разсказчица разговорилась объ этомъ съ Катрѣй, и послѣ разныхъ предположеній, — послѣдняя вдругъ нашла причину: она сказала, что Маруся любитъ Чайченка. Хима немного съ ней поспорила, но потомъ, улучивъ свободную минуту, побѣжала къ Марусѣ и вызвала ее изъ хаты.

«Она выходитъ, а я къ ней съ этими словами:

— Маруся, ты любишь Чайченка?

Маруся вздрогнула и пристально посмотрѣла на меня, — глазки ея сверкнули тихимъ блескомъ, личико покрылось румянцемъ.

— Такъ что-же? сказала она.

— И это правда, Маруся? А я не вѣрила Катрѣ, не думала. И крѣпко ты любишь его? и давно ли?

— Я готова умереть за него, отвѣчала она своимъ добрымъ но твердымъ голосомъ: а люблю давно, давно, люблю съ тѣхъ поръ какъ запомяю.

— Онъ же никогда не ухаживалъ за тобою, а за Катрею, за другою...

— Пускай будетъ счастливъ и съ другою...

— А ты же какъ, Маруся, тебѣ только мука, да горе.

— Я отъ него и горе приму за радость.

— А мать?

— Что-жъ мать? Я ей этимъ не надоѣдаю.

— Вѣдь она замѣчаетъ какъ ты вянешь и горюешь.

— Если-бъ же все дѣлалось по моему волѣ, я была-бы свѣжа и румяна.

— Какъ же ты пойдешь замужъ?

— Я не пойду.

— А мать принуждать станеть.

— Что-же? будетъ мнѣ тяжело!

— Конечно тяжело идти за нелюба.

— Нѣтъ, я говорю — будетъ тяжело, когда мать станеть уговаривать... Но я не пойду.

— Чего-же будешь ожидать? На что надѣяться?

- Я ничего не ожидаю и ни на что не надѣюсь.
- Да вѣдь онъ и не догадывается, что ты любишь его.
- Пусть и не догадывается; лишь бы я любила.
- Горе тебѣ съ этой любовью, а радостей я не предвижу.
- Если не суждено мнѣ счастья, пускай будетъ милое горе.
- Прощай Маруси!
- Прощай!

Она провела меня не много, еще попрощалась и пошла обратно совершенно спокойная.

Я домой. Иду и думаю. Чего-то не бываетъ на свѣтѣ! Не въ барвинкѣ ли купали его, что очаровываетъ такъ дѣвушекъ? Если сказать правду, то и мнѣ онъ снился ме одну ночку... Бредила и я имъ, бредила, пока наконецъ не опомнилась... Подумала, вздохнула, да и сказала себѣ: довольно! И довольно. (59—60).

Хима передала Катрѣ разговоръ съ Марусей. Но Катря никогда не заводила объ этомъ рѣчи съ послѣдней, а такъ разсуждаетъ бывало съ ней издалека о любви.

Катря однако же изнемогла совершенно и слонялась какъ тѣнь. Мать даже не заставляла ее работать, а просила только Химу — не оставлять бѣдняжку. Даже отецъ не говорилъ ей ничего.

Катря любила гулять по степи и по роцѣ. Хима слѣдовала за нею, но объ онѣ молчали.

Однажды очутились дѣвушки возлѣ древней пещеры. Хима не сохѣтовала идти далѣе, по Катря настояла. Вошли въ темное подземелье. На стѣнѣ вырѣзаны кресты, а подъ ними на землѣ ямки, словно кто долго молился тутъ на колѣняхъ.

«Тревожно остановилась тутъ Катря и задумалась. А постѣ какъ рванетъ коралы и бросила ихъ далеко отъ себя такъ что они съ грохотомъ раскатились по полу. Я бросилась подбирать.

— Что съ тобою? говорю.

А она упала возлѣ каменной стѣны и разливается слезами.

— Катря, что ты дѣлаешь?

Она рыдаетъ и не слышитъ.

Едва вывела я ее на свѣтъ Божій. Но какъ остановилась, какъ взглянула она на меня — рѣшительно была не узнаваема. Ну вотъ словно долго бѣдствовала у чужихъ да неожиданно нашла всю свою семью и успокоилась и обрадовалась и вѣстѣ удивляется.

— Хима! проговорила она: я пойду въ монашнни.

Я окаменѣла.

— Миѣ будетъ покойнѣе, продолжала она со слезами.

— Въ монахиин! говорю: а мать, а отецъ!

— Пойдемъ домой, — пускай собираютъ меня въ дорогу. (61 — 62).

Но отецъ не позволилъ и запретилъ даже повторять просьбу. Черезъ недѣлю Катря скрылась. Старикъ проѣздивъ недѣлю, однакожь не отыскалъ дочери. Грустно протянулись осень и зима въ хатѣ Бузаха.

Однажды весною приходитъ дьячекъ и зоветъ стариковъ къ священнику. Послѣдній объявилъ, что Катря уже въ монастырѣ гдѣ-то подѣ Киевомъ и пламенно желаетъ поступить въ монахиини. Онъ получилъ письмо, въ которомъ просятъ его сказать Бузаховымъ — по словамъ Катри достаточнымъ людямъ, — чтобы они прислали вспомошествованіе дочкѣ, находящейся въ крайности, — и не отказывали въ благословеніи — принять монашество.

— Пишите дочери благословеніе, сказалъ священникъ, не упорствуйте и не отговаривайтесь; все равно ее не возвратите, а только надѣласте горя, и будетъ вамъ грѣхъ.

— Такъ она не возвратится? спрашиваетъ мать со слезами: и никогда?

— Конечно. Пишите благословеніе.

— Да благословить же Богъ мое дитя, сказала мать. Пусть онъ благословитъ ее.

А отецъ стоитъ и ни слова.

— Вотъ и хорошо, сказалъ священникъ, поглядывая на отца: я такъ и напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ, отозвался тогда отецъ: за меня — за отца — не пишите, батюшка, я не благословляю.

— Какъ же? да вѣдь это большой грѣхъ!

Отецъ не отвѣчалъ ни слова.

— Перестань! довольно! уговаривалъ священникъ.

Отецъ молчалъ по прежнему,

— Напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ никогда не благословитъ, такъ и напишите, и это будетъ правда. Прощайте.

Поклонился и пошелъ домой.

Мать не проситъ, не отзывается, а только рыдаетъ.

— Чтожь это такое? говоритъ ей священникъ: развѣ вы такъ и покинете свою дочь, словно сироту, на убожество?

Мать тотчасъ бросилась къ отцу за деньгами — а отецъ хоть и не приказывалъ давать денегъ, но и не запрещалъ, —

собрала сколько можно и огнесла къ священнику, чтобъ переслать дочкѣ.

— Хорошо, говоритъ священникъ: когда-нибудь, можетъ быть благословить и отецъ, а теперь напишу, что мать благо словляетъ. (64 — 65).

Со всѣхъ сторонъ осыпаютъ старика вопросами. Мать отвѣчаетъ со слезами и скорбью, отецъ ничего не отвѣчаетъ. Если скажутъ ему: «ваша дочь,» онъ говоритъ всѣмъ: «у меня нѣтъ дочерп.»

Жизнь одинокихъ стариковъ очеркнута слегка, но оставляетъ много на сердцѣ читателя. Въ хатѣ скучно, безжизненно.

Старикъ отецъ сѣдѣтъ; во всю длину высокаго лба его легла глубокая, мрачная морщина.

Такъ оканчивается первый актъ этой тихой, но трогательной драмы. Я представилъ только островъ, изъ приведенныхъ же мѣстъ — читатель можетъ судить о прелести рассказа,

Отсутствіе Катри накинulo мрачную тѣнь на бытъ родителей и Химы. Последней осталась еще Маруся, попрежнему любившая молча, — и увидавшая постепенно. Въ это время герой драмы снова потерялъ свою возлюбленную вдову, которая потѣшившись парнемъ, — повѣчалась съ какимъ-то шинкаремъ. Чайчиха начала навѣщать пятигорскихъ знакомыхъ, да и Яковъ Чайченко появился въ собраніяхъ молодежи такой же красивый и можетъ быть еще интереснѣе послѣ своего горя... Маруся встрѣчалась съ нимъ, и хоть не искала разговоръ, но видимо оживала. Чайчиха очень полюбила дѣвушку, и начала заговаривать съ Филиппихой, что не худо бы имъ породниться. Филиппиха не прочь, но сомнѣвается въ успѣхѣ, потому что дочь не хочетъ идти за-мужь. Оказалось однакоже когда посватался Яковъ, — Маруся охотно изъявила согласіе. Наконецъ Маруся вышла за любимаго человѣка. Хима осиротѣла окончательно.

Каждая строчка рассказа очеркиваетъ характеръ Химы. Что это за благородная личность! Съ первыхъ же словъ сердце привязывается къ этому бѣдному божьему созданію, которое, осиротѣвъ съ колыбели, понимало свою судьбу, полюбило и должно было душисть чувство, видѣть предметъ страсти и не смѣть намѣкнуть ни однимъ словомъ... жить хоть у родныхъ, но въ качествѣ наймички! Эта женственная вполне художественная натура встрѣчается въ быту малорусскаго простолюдина, и хоть многіе скептики готовы отвергать въ средѣ крестьянокъ подобную личность, — однако скептицизмъ этотъ доказываетъ только, что мно-

гѣ смотрѣли на крестьянскій бытъ или слишкомъ съвысока, или никакъ не смотрѣли.

«Повѣнчали ихъ осенью, говоритъ Хима. Мнѣ было тогда тяжело. Все бывало говорю себѣ: — глупая неразумная голова все бывало обдумываю, а не помогаетъ.... Вотъ и начала я чаще ходить къ Марусѣ — легче мнѣ стало. (68).

Хима отъ скуки, изъ участія и изъ любопытства начала при-сматриваться къ быту замужней подруги. Молодые жили тихо, согласно, даже дружно, но любви т. е., со стороны Якова она незамѣчала. Свекровь обходилась съ Марусей какъ съ родной дочерью, а родная мать горевала, отдавъ единственную дочь въ другое село за-мужь.

Филиппиха словно ревновала дочь къ зятю. Вѣдь есть такіе характеры. Это естественно тѣмъ болѣе, что страстно влюбленная Маруся, такъ долго несмѣвшая надѣяться на счастье, неожиданно ставъ женою милаго, конечно въ первое время, можетъ быть, и возобыла о матери. Но старуха сердилась, переставала иногда ходить къ дочери и вообще капризничала.

По смерти матери Чайченка, между Любчпками и Пятигоромъ въ корчмѣ поселился новый шинкарь съ женой красавицей. Замѣтивъ, что зять началъ учащать въ шинокъ, мать сказала объ этомъ дочери. Та поблѣднѣла и промолчала. Филиппиха пошла дальше: подглядѣвъ свиданіе Якова съ кокеткой шинкаркой, изъ котораго однакоже видно, что вѣтреница по-прежнему любила водить за носъ бѣднаго Чайченка, старуха пересказала все дочери. Маруся заплакала и отвѣчала что напрасно мать подсматривала....

Съ-тѣхъ-поръ Филиппиха не была у дочери. Вскорѣ она заболѣла, и хотъ Маруся переѣхала къ ней и ухаживала, — однако старуха и умерла словно въ неудовольствіи.

Жизнь въ селѣ шла по-прежнему, по-прежнему господствовала грусть въ хатѣ Булаха. Старикъ ходилъ по дорогамъ (позвѣзчикомъ) и дряхлѣлъ. Мать хворала и старѣла. Изрѣдка переносывалась съ Катрей, которая бывало иногда пришлетъ нѣсколько строкъ: здорова, молъ, и молюсь Богу за свои и ваши грѣхи.

Чайченко третій разъ возвратился къ своей первой любви и дневалъ и ночевалъ подъ шинкомъ, а чтобы не возбудить въ шинкарѣ подозрѣній, сталъ придерживаться чарочки. Добрые люди поразсказали кое-что шинкарю, но до открытой ссоры съ Яковымъ не доходило, и даже однажды шинкарь былъ съ женою въ гостяхъ у Чайченка. Маруся принимала ихъ привѣтливо. Потомъ Яковъ подраза съ шинкаремъ и заболѣлъ. Впродолженіе

его болѣзни, однажды утромъ народъ нашель въ корчмѣ задушеннаго шинкаря и тутъ же рядомъ шинкарку съ ножомъ въ боку. Произвели слѣдствіе. Чайченко какъ короткій знакомый и подозрѣваемый былъ посаженъ въ тюрьму. Маруся живо распродала по мелочи все состояніе на выкупъ мужа, но не успѣла въ этомъ и добровольно сама пошла къ нему въ острогъ. Много прошло времени пока ихъ оправдали и выпустили. Маруся была еще молода и хороша, но посѣдѣла.

Химу тоже сватали, но она не пошла за мужъ, хоть она и говоритъ почему не хотѣла ни за одного жениха, — но кромѣ этихъ причинъ нельзя не подозрѣвать болѣе дѣйствительной причины.

Старый Булахъ подаелъ и заболѣлъ. Жена побѣжала къ священнику, чтобъ написалъ Катрѣ и послалъ ей денегъ на дорогу пріѣхать прощаться. Когда ему было худо, старуха сказала, что пріѣдетъ Катря. Булахъ приподнялся и пристально посмотрѣлъ на нее, — она повторила. Но Катри не было. Вскорѣ послѣ его смерти получено было коротенькое письмо: «Буду молиться за душу отца, а присланныя деньги отдала на церковь: будутъ поминать, снимать грѣхи.

А жизнь шла своимъ чередомъ, люди умирали, женились, рождались.

«Иногда звали насъ на свадьбу, мы ходили и на свадьбу. Чаще ходила я къ Марусѣ. Ей не такъ жилось какъ намъ.... Шла она хоть горькую, но живую воду.... Ей и солнышко не такъ свѣтило какъ намъ, ей и птички пѣли иначе. (84).

Наконецъ заболѣла мать, и почувствовать, что ей не выздороветь, послѣшила послать къ священнику съ просьбой написать дочери, чтобъ пріѣхала похоронить старуху. Написали и послали денегъ. Мать сильно безпокоилась, все ожидала Катрю; но пришелъ только отвѣтъ, подобный прежнему.

«Помолюсь о душѣ матери, а деньги отдала на поминованіе: будутъ отмаливать грѣхи.

— О, милое дитя мое, не видать уже мнѣ тебя болѣе! проговорила мать.

— Похорони меня, Хима, говорила: похорони хорошенько. Пусть тебѣ останется наша хата. Помяни меня моя голубка. Сядь, милая, ко мнѣ ближе, ближе сядь! все просила меня.

А передъ смертью говорила:

— Можетъ быть когда нибудь увидишь мою Катрю, въ случаѣ она заболѣетъ, — послужи ей, пепокни въ ея. (84).

Послѣ похоронъ матери снова дали знать Катрѣ и увѣдомили,

что осталось наследство—земля и деньги. Тогда Катря отписала, что приѣдетъ сама распорядиться. Наконецъ она приѣхала не одна, а въ сопровожденіи дородной, румяной монахини, которая съ перваго же момента приняла на себя роль хозяйки и плотно позавтракавъ, легла уснуть съ дороги. Катря блѣдная, съ безстрастнымъ взоромъ, въ черной одеждѣ—ни слова еще не сказала Химѣ, а только перекрестила при свиданіи.

Но вотъ уснула монахиня.

«Катря сидѣла, склонивъ голову. Она, кажется, молилась, потому что шептала что-то, и лицо покрылось живымъ румянцемъ. Я подошла къ ней ближе и говорю:

— Катря! не ужели ты совсѣмъ позабыла меня, или не узнаешь?

— Я тебя помню, отвѣчала она.

— Отчего-же ты не ласковая такая? Зачѣмъ не заговоришь со мною.

— Всѣ слова суета. Надобно молиться.

— Знаешь ли ты, Катря, что Маруся замужъ вышла?

— Боже благослови.

— Вышла за Чайченка.

— Боже благослови.

— Она очень несчастна.

— Божья воля.

Отвѣчаетъ она мнѣ, словно читаетъ по псалтырю.

— Вспоминала ли ты когда о насъ? вспоминала о знакомыхъ?

— Я молюсь о васъ и обо всѣхъ.

— Спасибо. А теперь меня уже нисколько не любишь.

— Господь велѣлъ всѣхъ любить, даже и враговъ.

— Такъ ты меня жалѣешь какъ врага, что ли? Развѣ уже у тебя нѣтъ въ мірѣ никого близкаго?

— Мнѣ всѣ равны, я молюсь за всѣхъ.

— И всѣ тебѣ враги?

— Каждый человѣкъ великій, злой врагъ другому, сказала она съ жаромъ.

Глаза ея заискрились, губы задрожали; представилась мнѣ прежняя Катря. Какъ въ старые годы, пахнуло отъ нее огнемъ и пламенемъ.

— А семья? а родные? говорю.

— Всѣ, всѣ. Привлекаютъ душу къ себѣ, и недопускаютъ до Бога.

— Такъ всѣхъ надо и покидать?

— Покидать! Покидать! Въ Богѣ спасеніе.... О, Боже мой, Боже мой! проговорила она грустно.

— Аминь! отозвалась съ лавки сестра Меланія (87).

Авторъ не опредѣляетъ сколько времени Катря пробыла въ монастырѣ, но судя по ходу событій, прожила она тамъ около пяти лѣтъ, хотя очень жаль, что мы не знаемъ ни одного дня изъ ея затворнической жизни. Достигла ли она полнаго забвенія подѣ монашеской рясой заключить трудно, тѣмъ болѣе, что послѣдній вопль ея звучитъ еще земнымъ тономъ; но когда изъ живой, страстной дѣвушки, — ее сдумѣли обратить въ такое существо, какимъ появилась она домой, то безъ сомнѣнія мало-помалу припрядлась она съ прошедшимъ. По моему мнѣнію иной доли и не могло быть для Катри. Если бы она вышла замужъ за перваго встрѣчнаго, это было бы, пожалуй естественно, и можетъ быть многіе найдутъ, что судьба ея идеализирована авторомъ; но читатель видѣлъ съ самаго начала — какое направленіе принялъ этотъ характеръ. Когда въ первыя минуты обманутой любви, оскорбленнаго самолюбія — она не вышла замужъ съ досады, что сдѣлать было легко — стоило только пококетничать съ любимымъ парнемъ, то впоследствии она уже не могла сдѣлать этого, и ей оставалась — или сѣдая коса, или монастырская келія. Тѣмъ, кто смотритъ иначе, на бытъ малорускаго престолюдина, я совѣтовалъ бы взглядѣться пристальнѣе въ народныя пѣсни.

Немного погодя всѣ отправились къ священнику, котораго сестра Меланія просила показать и записать вмѣстѣ все наслѣдство Катри, отданное послѣднею на монастырь. Когда созвавъ сосѣдей, осмотрѣли все имѣніе, записали вещи, и народъ разошелся, сестра Меланія обратилась къ священнику:

— Вы хорошо знаете, что хата подарена покойниками этой дѣвушкѣ? два раза спросила она.

— Знаю хорошо, отвѣчалъ священникъ.

— Да вѣдь она же дальняя родственница, а есть родная дочь!

— Такая была ихъ воля. Они любили дѣвушку.

— И еще кто нибудь знаетъ объ этомъ?

— Какъ же, есть свидѣтели.

— А! проговорила она и больше не спрашивала (88—89).

Но вотъ послѣдняя сцена. Къ Катрѣ пришла Маруся. Но Катря была съ нею такая же безстрастная, какъ и съ Химой. Въ хатѣ сидятъ только три бывшія подружки.

— Катря! отчего ты не промолвишь слова? или хочешь, чтобъ я первая заговорила? Катря!

— Что? о чемъ говорить?

— Видишь, Маруся совсѣмъ посѣдѣла, говорю, снявъ платокъ съ нее.

Катря посмотрѣла.

— Да, сѣдая, сказала она.

Посидѣла молча Маруся и начала прощаться. Катря перекрестила ее.

— Катря! проговорила Маруся: у меня дѣти....

— Боже ихъ благослови! отвѣчала Катря по своему обычаю.

Какъ самоѡ уже не трогало ничто человѣческое, то и не заиѣчала, что у другихъ бьется сердце.

На третій день Катря уѣхала съ сестрой Мелашей. Маруся приходила еще прощаться. Катря прощалась точно также какъ и привѣтствовала.... Хотя бы грусть мелькнула на лицѣ.... хотя бы разочекъ оглянулася....

— Какъ переибилась! проговорила Маруся, смотря вслѣдъ закрытой повожѣ, удалявшейся по дорогѣ.

— А поминишь какая она была? говорю.

— Какже — хорошо помню.

Мы еще постояли, посмотрѣли. Маруся пошла домой. Я проводила ее и немного у нее посидѣла.

Яковъ хворалъ постоянно. Давно уже онъ не въ состоянн былъ работать. Обо всемъ хлопотала Маруся. Много было ей заботъ около дому, много въ сердцѣ печали.

Весело какъ есть съ кѣмъ радоваться, но хорошо если есть о комъ и поплакать. Ей Богу хорошо! Горькая, но живая вода, говорю вамъ.

Выхожу я отъ Маруси. Она меня доводитъ до воротъ, а за нею дѣтки мелко и какъ-то тяжеленько топчуть своими ножками.

— Посмотри, говоритъ она, посмотри, Хима, — всѣ трое удались въ него, мои чернивенькіе.

И притянула ихъ всѣхъ къ себѣ. А они, кто съ палочкой, кто съ хлѣбомъ, кто съ песочкомъ въ рукѣ — смотрятъ такъ весело.... Тихая и убогая хата съ вышвеннымъ садикомъ.

Я спужу себѣ покойно въ своей усадьбѣ. Сосѣди ходять ко мнѣ, я къ нимъ — посѣщаемъ другъ друга. Совѣтуемся, когда засѣваемъ огороды и вмѣстѣ отдыхаемъ по праздникамъ (89—90).

Такъ окаичивается повѣсть г. Марка Вовчка, которую непремѣнно нужно читать въ оригиналѣ, иначе ускользнуть многія красоты и исчезнетъ граціозность. Но вѣтъ сомнѣнія, что даровитый авторъ пойдетъ еще дальше и подаритъ новыми прозведеніями, многочисленныхъ своихъ поклонниковъ, — а у него поклонники всѣ, у кого только не зачерствѣла душа, не окаменѣло сердце.

Мнѣ слѣдовало бы и остановиться на этомъ, но нельзя не пожалѣть, что г. Марко Вовчокъ пишетъ на заднѣпровскомъ нарѣчій, изобилующемъ полонизмами и не столько чистомъ, какъ центральное украинское. Конечно, поэтическое произведеніе не терять достоинствъ, на какомъ языкѣ не было бы оно написано, но, однокроже отчего не усвоить нарѣчій, болѣе чистаго и еще такому таланту и при такомъ глубокомъ знаніи малорусскихъ нравовъ и обычаевъ. Я замѣтилъ нѣкоторыя выраженія, непримычныя уму малоруса, прывычнаго къ говору центральной Украйны, — и показалъ какъ они замѣняются.

«Гучливый» (12). Говорится: *Гудучый, Гудючий*. «Мабіть» (13) *мабутъ, мабуты*. «Горуеть» (16) *Горуеть*. «Світъ вже білий разсвітався» (20). Для этого есть у украинца прекрасное выраженіе: *Уже на світъ благословилося*. «Вѣлико» (25) *Дуже*. «Размажутъ» (26). Мнѣ кажется такъ нельзя сказать. *Разважувать* въ третьемъ лицѣ множест. въ будущ. вр. должно быть *разважлять*, а по другому говору *разважатъ*. «До ні кого». (33) чистѣйшій полонизмъ: малорусъ говоритъ: *Ні до кого*. «Оддалікъ» (33) *Оддалекы*, «Обрадівъ» (43) *Зрадівъ*, «Мимо» (45) *Билля, Коло, Поузъ*. «Прыймать» (46). Глаголь этотъ употребленъ неправильно, потому что здѣсь слѣдуетъ сказать: *шанувать, вытати*. «Здоровый» (49). Въ этой формѣ непремѣнно значитъ *большой*, а надо сказать *здоровъ*. «Ревную» (50) употребительнѣе *рѣмствую*. «Измѣвкы» (57) *Замѣвкы*. «Непомышленно» (59) *непомыльно*. «Чого мы тутъ прыйшли» (61) полонизмъ. Малорусъ говоритъ: *Чого мы сюда прыйшли*. «Наввышкы» (63). *Заввышкы*. «Забывся» (79) полонизмъ. *Убывся, Вбывся*. Малорусъ говоритъ забывся только тогда, когда хочетъ сказать ушибся. Здѣсь опущены легкіе полонизмы.

Конечно я не могу служить авторитетомъ и весьма можетъ быть, что ошибаюсь, но сколько прислушивался къ народному говору и сколько ни бесѣдовалъ съ людомъ на разныхъ мѣстностяхъ, всё хвалятъ языкъ центральной Украины. Впрочемъ повторю, что дѣлаю это замѣчаніе, собственно изъ любви къ родной литературѣ и увѣренъ, что такой прекрасный талантъ, какъ г. Марко Вовчокъ, не сочтеть это за придирки рецензента, потому что я стою въ числѣ самыхъ пламенныхъ его почитателей.

Въ «Основѣ» между прочимъ принято вообще неправильно писать слова: весіле, щасте и т. п. Конечно такъ говорить въ Черниговской губ., — но въ другихъ говорахъ неупотребительно.

Въ статьѣ: «Мѣста жительства и мѣстныя названія — Русинъ въ настоящее время» вкрались нѣкоторые промахи. Такъ онъ говоритъ, что азовскіе козаки живутъ въ Азовскомъ Градоначальствѣ (?). Во-первыхъ, нѣтъ такого градоначальства, во-вторыхъ, они живутъ возлѣ Бердянска. Далѣе авторъ пропустилъ малорусское поселеніе, въ землѣ войска Донскаго. Гетманцами по его мнѣнію называются въ новороссіи жители Черниговской Губерніи и преимущественно южной ея части; между тѣмъ какъ по новороссіи называютъ гетманцами вообще всѣхъ пришеельцевъ изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Капитальныя статьи какъ гг. Костомарова и Кулиша, вѣроятно, вызовутъ разборы специалистовъ; о прочихъ малорусскихъ статьяхъ, я не могу сказать болѣе ничего, по неизмѣннѣю времени и еще потому, что рецензія моя приняла довольно обширные размѣры. Нельзя, впрочемъ, пропустить статьи подписанной Хуторяниномъ. Хотя и видно, что оно принадлежитъ умному и бывалому человѣку, — однако направленіе ея намъ кажется очень страннымъ.

А. ЧУЖБИНСКІЙ.

1861 г. Января 16-го.

Петербургъ.

Великорусскія сказки И. А. Худякова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Цѣна 75 коп. сер. Москва. 1860.

Въ послѣдніе годы всѣми дѣятелями русской мысли окончательно признана важность и необходимость изученія нашей народности, или лучше сказать, вообще русскаго народа, котораго надо сознаться, мы почти совершенно не знали, да и теперь только-что начинаемъ вглядываться въ эту темную массу. Изученіе ея дѣло нелегкое. Доселѣ только такія силы, какъ Пушкинъ, Кольцовъ и другіе, проникали въ этотъ тайникъ съ нѣкоторыхъ сторонъ его, да и то проникали они его скорѣе чутьемъ, инстинктомъ своего таланта, чѣмъ строгимъ и послѣдовательнымъ анализомъ. И неудивительно; чтобы изучить народъ во всей полнотѣ его свѣжихъ и нетронутыхъ силъ, надо сперва прикрѣпиться къ его почвѣ, вырасти, воспитаться на ней, сжить-ся съ его понятіями и вѣрованіями, — и тогда только можно узнать его: а это нелегко. Въ послѣднее время мы почувствовали необходимость сблизиться съ этимъ міромъ и разяснить нѣкоторыя изъ сторонъ его, чтобы современемъ опредѣлить настоящую фізіономію нашего Іеруслана Лазаревича, выступающаго на чреду исторической дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія мы привѣтствуемъ труды гг. Худякова и Варенцова, принимая ихъ посильные вклады въ нашу народную литературу, какъ явленіе, во всякомъ случаѣ, отрадное.

Г. Худяковъ въ настоящемъ выпускѣ помѣстилъ тридцать семь народныхъ сказокъ. Всѣ онѣ записаны лично имъ въ Тобольскѣ, Казани, Москвѣ и въ рязанской губерніи. Впослѣдствіи г. Худяковъ обѣщаетъ подробные комментаріи къ напечатаннымъ имъ сказкамъ. Нельзя не пожалѣть, что многія интересныя сказки изъ этого собранія, какъ объявляетъ самъ г. Худяковъ, не могутъ быть напечатаны, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

Г. Худяковъ въ записываніи своихъ собраній не придерживался системы г-на Аванасьева, который испещряетъ текстъ мѣстными идиотизмами языка и характеристическими отличіями,

что съ извѣстной стороны конечно не бесполезно, хотя и весьма затрудняетъ чтеніе; г. Худяковъ записывалъ сказки общепринятымъ великорусскимъ нарѣчіемъ, позволяя себѣ иногда только вставлять провинціальныя выраженія, гдѣ это оказывалось почему-либо умѣстнымъ или нужнымъ. Только зачѣмъ при этомъ, хотимъ мы сдѣлать ему вопросъ, въ сказкѣ «Мужикъ и царева дочь» (N 7) испещряетъ онъ текстъ безпрестанными *но*? Конечно, это дѣлалось съ цѣлю передать разсказъ въ его простѣйшей, безыскусственной формѣ, но тутъ, сколько намъ кажется, это *но* часто служитъ вмѣсто *ну*, частицы, столь часто употребляемой въ сказочной рѣчи. Мы нарочно выписываемъ одинъ маленькій отрывокъ изъ этой сказки, — пусть судятъ читатели:

«На четвертый день гости всѣ уѣхали; царева дочь стала у своего мужа спрашивать: какъ это ты все могъ сдѣлать, что мой отецъ тебѣ приказывалъ? *Но* онъ ей разсказалъ все подробно, любя ее. *Но* когда ночью легли они спать, то она у него сняла съ руки перстень и сказала: «выйдите отсюда 25 человекъ мастеровъ и выройте вы яму и моего мужа киньте въ яму и надъ ней поставьте столбъ каменный!» *но* его бросили въ яму и у него остались здѣсь любимая его кошка и собака.»

Мы не позволили-бы себѣ сдѣлать этого замѣчанія, если-бы г. Худяковъ во всѣхъ своихъ сказкахъ придерживался Аванасьевской методы записыванія; тамъ-бы это *но* было совершенно у мѣста, въ настоящемъ-же случаѣ эта дисгармонія съ общимъ тономъ остальныхъ сказокъ только бьетъ по уху читателя, и самая сказка, сколько намъ кажется, нисколько не выигриваетъ отъ того, что безпрестанное *но* замѣняетъ въ ней безпрестанное *ну*, которое должно-бы употребляться въ этой рѣчи по требованію логическаго смысла.

Кстати еще объ этой послѣдней сказкѣ. Намъ извѣстенъ одинъ варіантъ ея, сколько помнится, нигдѣ еще не напечатанный, а между тѣмъ варіантъ, какъ кажется, полнѣйшій по богатству подробностей и содержанія. Мы попросимъ у читателей позволенія привести его здѣсь, и обратить на него вниманіе собирателей сказокъ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ и не бесполезенъ для нихъ, какъ вообще всякій новый матеріалъ, которымъ при случаѣ они могутъ воспользоваться.

СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВѢНАДЦАТИ ВИНТАХЪ.

«Жилъ-былъ себѣ въ одномъ селѣ сынъ съ матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иванъ-дуракъ. Жили они въ убогой избенкѣ объ одномъ оконцѣ и въ великой бѣдности. Такая бѣдность была, что окромѣ хлѣба черстваго, почитай, и не ѣдали ничего. а иной разъ и того еще не было. Мать сидитъ, пряжу прядетъ, а Иванъ-дуракъ на печи сидитъ, въ золѣ копаются да знай сопить себѣ. Вотъ только мать и говорить ему: «что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себѣ на печи-то въ золѣ? Шолъ-бы ты куда, къ корчмѣ что-ли, авось либо добрый человѣкъ какой попался, взялъ бы тебя къ себѣ въ батраки, — все хотъ какой нибудь кусокъ хлѣба былъ, а дома-то кормиться намъ нечѣмъ.» — Ну, ладно, я пойду, говоритъ дуракъ, взялъ и пошолъ себѣ къ корчмѣ. Навстрѣчу ему человѣкъ попадаетъ. — Куда идешь Иванъ-дуракъ? Въ службу иду наниматься. — Ступай ко мнѣ служить, вотъ тебѣ столько-то я жалованья положу и все прочее. Согласился Иванъ, пошелъ къ нему въ службу. А у того человѣка сука была и оценилася эта сука; Иванушкѣ очень ужъ понравился одинъ щенокъ и выходилъ онъ этого щенка. Проходитъ годъ, пора и къ расчету за службу. Даетъ хозяинъ Ивану деньги, благодарить его, а Иванъ и говорить ему: не надо, говоритъ, мнѣ вашихъ денегъ, а дайте вы мнѣ лучше того щеночка, что я у васъ выходилъ. Тотъ и радъ что денегъ-то платить не надо, отдалъ ему щенка. Пришелъ Иванъ домой, мать какъ узнала, давай на него плакаться: всѣ люди какъ люди, одинъ ты у меня дуракъ! и то ѣсть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чѣмъ кормить собаку-то будемъ? Иванъ-дуракъ ничего себѣ не отвѣчаетъ, сидитъ-себѣ на печи, самъ сопить да знай только въ золѣ копаются и собачка его съ нимъ. Проходитъ мало-ли, много-ли времени, опять мать говорить ему: «что сидишь-то безъ толку? Шолъ бы къ корчмѣ, авось либо добрый человѣкъ какой попался, взялъ бы тебя въ батраки!» — Ну, ладно, я пойду, говоритъ дуракъ, взялъ собачку свою и пошолъ. Навстрѣчу другой хозяинъ ему. — Куда идешь, Иванъ-дуракъ? — Въ службу, говоритъ, наниматься. — Ступай ко мнѣ служить! — Ладно! Договорились они и пошолъ дуракъ опять въ батраки. А у хозяина у этого кошка была; вотъ она и окотилася. Пелюбился дураку одинъ котеночекъ, онъ и выходилъ его. Приходить

время къ расчету, Иванъ - дуракъ и говоритъ хозяину: не надо, говорить, мнѣ вашихъ денегъ; а отдайте мнѣ того котеночка.— Изволь, говоритъ. Вотъ пришло дуракъ домой, мать еще пуще того стала плакаться: всѣ - то люди какъ люди, одинъ ты у меня дуракъ уродился! и то ѣсть было нечего, а теперь еще двѣ лишнихъ души кормить надобно? Горько стало Ивану слушать это, взялъ онъ свою собачку да кошку и пошелъ-себѣ въ поле. Видитъ посередь поля костеръ горитъ и большущій костеръ такой пребольшущій. Какъ подходитъ онъ ближе къ этому самому костру, видитъ, въ немъ змѣя корчится и горитъ на каленыхъ угольяхъ. Сама горитъ, а сама кричитъ ему человѣческимъ голосомъ: эй, Иванъ-дуракъ, спаси ты меня, я тебѣ большою выкупъ дамъ за свою душу! Взялъ Иванъ палицу и палицей той выкинулъ змѣю изъ костра. Какъ выкинулъ онъ ее, глядитъ — а передъ нимъ не змѣя, а красная дѣвица стоитъ, и сама говоритъ ему: ну, спасибо тебѣ, Иванушка, сослужилъ ты мнѣ великую службу, сослужу я тебѣ еще и больше того! Пойдемъ, говоритъ, къ моей матери, будетъ она тебѣ давать мѣдныя деньги; ты, говоритъ, не бери, потому это уголье, а не деньги; будетъ давать серебряныя, такъ не бери; то будутъ щепки, а не серебро; будетъ выносить тебѣ золото, и того не бери, потому что вмѣсто золота тамъ будетъ черепье да кирпичь, а проси ты у нея въ награду перстень о двѣнадцать винтахъ: тяжело ей будетъ отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдастъ его. Вотъ все такъ и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень. Вотъ идетъ Иванъ по земь и думаетъ себѣ: что-же я теперь съ этимъ перстнемъ буду дѣлать? Только глядитъ, догоняетъ его эта самая дочка и говоритъ: ты, говоритъ, Иванъ, чего ни пожелаешь только, все это тебѣ будетъ; стань ты только вечеромъ на порогъ, отвинти всѣ двѣнадцать винтовъ и явится передъ тобою двѣнадцать тысячъ человѣкъ; что захочешь, то имъ и приказывай — все тебѣ будетъ исполнено. Пришелъ Иванъ домой, ничего не сказалъ матери, а самъ сѣлъ себѣ на печь, сопитъ да въ золѣ копается. Вотъ пришелъ вечеръ, легли они спать; Иванъ выждалъ время, выходитъ на порогъ, отвинтилъ въ перстнѣ всѣ двѣнадцать винтовъ — и явились передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ: «ты нашъ господинъ, мы твои люди, приказывай намъ чего душа пожеластъ!» И говоритъ имъ Иванъ: сдѣлайте вы мнѣ, говоритъ, чтобы на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ дворецъ, какого и въ свѣтѣ нѣтъ, и что-

бы я спалъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ, и мать моя тоже само, и чтобы кучера и фореиторы и лакеи и всякіе сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мнѣ. «Ложись себѣ съ Богомъ, говорятъ ему люди, все будетъ по слову твоему исполнено.»

Просыпается Иванъ-дуракъ на утро и даже самъ испугался. Смотритъ: спитъ онъ на золотой кровати, на лебяжьей перинѣ и стоять тугъ высокія хоромы и такія богатыя, что даже и у царя-то ихняго нѣтъ такихъ, а по двору ходять кучера и фореиторы и лакеи, и всякіе сильные и важные люди и служатъ ему. Подивился дуракъ, думаетъ: ладно! Глянулъ въ зеркало — и самого-то себя не узнать: сталъ такимъ красавцемъ, что ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать. — какъ слѣдъ, по хоромамъ и господинъ. Вотъ только просыпается тѣмъ часомъ и царь, (а въ томъ мѣстѣ царь ихній жилъ,) смотритъ онъ, — стоять супротивъ его дворца высокія хоромы, и стоять они сами словно жаръ горять золотомъ. Посылаетъ царь провѣдать, чьи такія? и пускай, молъ, ко мнѣ пріѣдетъ показать себя, каковъ онъ такой есть. Докладываютъ Ивану: «А сказать ему, говорить, что Ивана-царевича хоромы, а коли хочетъ видѣть меня, такъ не великъ господинъ, пускай самъ пріѣдетъ.» Нечего дѣлать, поѣхалъ царь къ Ивану-дураку, познакомились они и опосля этого поѣхалъ и Иванъ-дуракъ къ царю-то. А у царя распрекрасная дочька королевишна была. И она, эта дочька угощенія Ивану подносила и тутъ больно ужъ полюбилась ему. Сталъ просить царя, чтобы замужъ за него отдать. Вотъ теперъ и царю въ свой чередъ тоже поломаться захотѣлось. «Отдать-то, говорить, отчего и не отдать, только ты, Иванъ-царевичъ, послужи мнѣ прежде того службу: дочь моя роду не простого и потому вѣнчаться ей надо какъ ни-на-есть лучше во всемъ народѣ. Сдѣлай ты мнѣ, чтобъ отъ твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла, а черезъ рѣку чтобы былъ у меня мостъ, да непростой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона серебрянная полоса и на рѣкѣ чтобы плавали всякія птицы рѣдкія, гуси и лебеди, а по ту сторону рѣки пускай церковь стоитъ, да не простая, а вся восковая и вокругъ нея пускай зацвѣтають восковыя яблони и спѣлыя яблочки родятъ. Коли ты мнѣ, говорить, сдѣлаешь все это, быть дочери за тобою, а не сдѣлаешь — на себя пеняй! «Думаетъ царь, что ну вотъ теперъ уже вволю насмѣялся надъ Иваномъ, а Иванъ

и въ усь себѣ не дуетъ, — «Ладно, говоритъ, извольте; готовьте къ завтраму свадьбу!» съ тѣмъ и уѣхалъ.

Вечеромъ, какъ всѣ спать улеглись, сталъ онъ на порогѣ, отвинтилъ въ перстнѣ всѣ двѣнадцать винтовъ — встали передъ нимъ двѣнадцать тысячъ человекъ. — «Ты нашъ господинъ, мы твои люди, приказывай намъ, чего душа пожелаетъ. Такъ и такъ, говоритъ, нужно мнѣ то-то и то-то. «Ладно, говорятъ, ложись себѣ съ Богомъ.»

Просыпается царь на утро, подходитъ къ окну — а глаза ему такъ и ослѣпило, ажно отскочилъ на три сажени: это значить, мостъ-то, одна полоса серебряная, другая золотая такъ горитъ и свѣтится; на рѣкѣ гуси и лебеди и всякая птица рѣдкая, а на томъ берегу церковь бѣлая, восковая и вокругъ церкви яблони стоятъ, только безъ листьевъ, голые прутья торчатъ. «Ну, думаетъ царь, дѣло то не ладное, надо снаряжать дочку къ вѣнцу.» Снарядили и поѣхали. Выѣхали изъ дому, а на яблонькахъ почки проступили; ѣдутъ по мосту, а яблоньки листвою одѣваются; подъѣзжаютъ къ церкви, а на яблонькахъ бѣлые цвѣточки распускаются; какъ только что время выходить имъ отъ вѣнца, а тутъ встрѣчаютъ ихъ слуги и всякіе люди и на золотомъ блюдѣ подаютъ спѣлыя яблоки.

Такъ они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и былъ тамъ пиръ у нихъ три дня и три ночи.

Послѣ того мало ли, много ли времени прошло, стала королевшна приставать къ Ивану: скажи ты мнѣ, супругъ мой любезный, какъ ты все это дѣлаешь, что и мостъ въ одну ночь строишь и церковь восковую ставишь? Иванъ-дуракъ долго не хотѣлъ говорить ей, иначе такъ какъ ужъ очень ее любилъ и очень она у него просила, такъ онъ и сказалъ ей, что у меня де перстень о двѣнадцати винтахъ и такъ-то вотъ надо обходиться съ нимъ. Ну, вотъ такъ и живутъ они; только на бѣду полюбился королевшнѣ одинъ лакей ихній, изъ себя видный, здоровый и красивый такой; она съ нимъ и сговорила, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а сама бы уйдти бы жить за море. Вотъ только какъ пришелъ вечеръ, вынула она потихоньку перстень, стала на порогѣ, отвинтила всѣ двѣнадцать винтовъ — и явились передъ нею двѣнадцать тысячъ человекъ:—«Ты наша госпожа, мы твои люди, приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!» Она говоритъ имъ: «возьмите вы этотъ дворецъ и какъ есть совсѣмъ перенесите его за море, а на семь мѣстѣ пускай станетъ прежняя избушка съ моимъ муженькомъ»

Иваномъ-дуракомъ». — Ложись себѣ съ Богомъ, говорятъ ей люди, все будетъ по слову твоему исполнено.

На утро Иванъ просыпается — смотритъ: лежитъ онъ на рожкѣ, дырчавымъ зицуномъ покрытъ, а хоромъ и сѣда нѣтъ. Горько восплакался онъ и пошелъ къ царю своему тestyнкѣ; приходитъ во дворъ, проситъ доложить, что пришоль-де зять. Тотъ какъ увидалъ его — «ахъ ты такой сякой, безпорточный, какой ты мнѣ зять! у меня зятя въ золотыхъ хоромѣхъ живутъ; въ серебряныхъ каретахъ катаются! Взять его и замуровать въ каменный столбъ!»

Сказано — сдѣлано: взяли и замуровали Ивана въ каменный столбъ, а собачка съ кошечкой отъ него не отстаютъ, тутъ же сидятъ вмѣстѣ съ нимъ, и прорыли они себѣ лазейку, и черезъ нее поѣсть ему пищу приносятъ. Только вотъ разъ и вздумали онѣ себѣ: что жъ это мы съ тобою, собачка, сидимъ здѣсь, сложа руки! сбѣгаемъ-ка мы за море да достанемъ перстень! Какъ надумали онѣ себѣ это, такъ и сдѣлали. Переплыли черезъ море, видятъ: стоитъ ихній теремъ и королевшна съ тѣмъ лакеемъ по саду гуляетъ, мужа своего судачить. «Ну, собачка, пообожди ты пока здѣсь, а я проберуся въ теремъ, да кольцо достану,» говоритъ кошечка и пошла-себѣ. — Мяу-мяу! подъ дверь. Услыхала королевшна: «А, это кошка того мерзавца, говоритъ, впустите да накормите ее!» Вотъ ее впустили и накормили, а она все ходитъ по комнатамъ да высматриваетъ перстня; только и видитъ стоитъ печька, а на печкѣ стеклянная банка, а въ банкѣ той перстень. Обрадовалась кошечка, «ну, думаетъ, слава Богу, теперь только бы дождаться ночи, а тамъ достану перстень и домой.» Только какъ всѣ улеглись, она вскочила на печьку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка схватила перстень въ ротъ и притаилась подъ дверь. Въ домѣ всѣ проснулись, сама королевшна встала; увидала что банка-то разбита. — «Ахъ, говоритъ это вѣрно кошка того мерзавца разбила, выгнать ее вонъ!» Выгнали кошечку вонъ, а она и рада, бѣжить къ собачкѣ: — ну, братъ собачка, достала перстень! теперь только поскорѣй бы домой!» и поплыли онѣ черезъ море. Плывуть, плывуть себѣ, долго плывуть... Коли устанетъ собачка, сядетъ она на кошечку, а коли кошечка устанетъ — сядетъ на собачку — такъ онѣ и обходятся. Ужъ не далеко и до берега имъ осталось, только собачка стала взнемогать, кошечка видитъ это и говоритъ ей: «садись на меня, ты ужъ устала; какъ сказала она это, а перстень-то изо-рта у ней бултыхъ : в

воду! Что тут дѣлать! Доплыли до берегу, ходять-себѣ да слезно плачутъ, а сами ужь тѣмъ часомъ и проголодались. Собачка бѣгаетъ по полю, ловить себѣ птичекъ воробышковъ, и кошечка ходитъ по берегу, ловить мелкую рыбицу, которую волной выбиваетъ — тѣмъ они и кормятся. Только вдругъ кошечка и кричитъ: «ой, ты собачка! ступай скорѣе ко мнѣ! Я-то вѣдь перстень наша! поймала рыбку, стала ее ѣсть, а въ рыbkѣ-то и былъ этотъ перстень! Ну, вотъ обрадовались они сильно, побѣжали къ Ивану и принесли ему перстень. Иванъ дождался вечера, отвинтилъ всѣ двѣнадцать винтовъ и явились передъ нимъ двенадцать тысячъ человѣкъ. — «Ты нашъ господинъ, мы твои люди, — приказывай намъ, чего душа пожелаетъ!»

Разнесите, говоритъ, сейчасъ же этотъ каменный столбъ, чтобы и праху отъ него не осталось, а изъ за моря перенесите мои хоромы, со всѣми кто тамъ есть и какъ кто тамъ спитъ и поставьте ихъ на прежнемъ мѣсто! «Тотчасъ же все такъ и случилось.»

На утро ѣдетъ Иванъ къ своему тестю-царю. Тотъ его встрѣчаетъ, на первое мѣсто сажаетъ. «Гдѣ любезный зятюшка, побывать изволил? — Я, говоритъ Иванъ, былъ за моремъ. — То-то, говоритъ за моремъ! видно по спѣшному дѣлу, что къ тестю и проститься даже не заѣхалъ... А тутъ говоритъ, безъ тебя приходитъ ко мнѣ какой-то голоштанникъ, и называется моимъ зятемъ; я его приказалъ въ каменный столбъ замуровать, тамъ онъ, говоритъ, и сгинулъ, вѣрно! Ну, а ты, любезный зятюшка, говоритъ, гдѣ побывать изволилъ, какіе виды видывалъ?»

— А видывалъ я, говоритъ, разные виды: за моремъ одно такое дѣло было, что никто не знаетъ какъ и разсудить.

— Какое жь такое это дѣло?

— А вотъ какое! и коли ты теперича умный человѣкъ, такъ вотъ и разсуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, отъ живаго мужа завела себѣ душеньку, обокрала съ этимъ душенькой мужа-то и ушла-было съ нимъ за море, а теперь спитъ съ нимъ на одной кровати. Что по твоему надо сдѣлать съ такою женой?

— По своей царской мудрости я, говоритъ, скажу такое слово: взять ихъ обонхъ, привязать къ конскимъ хвостамъ и пустишь въ чистое поле — тутъ имъ и казны!

— Ну, коли такъ, такъ ладно же! говоритъ Иванъ, поѣдемъ теперь ко мнѣ въ гости, я тебѣ покажу другіе виды и другое диво!

Поѣхали они, входятъ въ сназнью, — а тамъ королевшна обнявшися съ тѣмъ лакеемъ спить на золотой кровати, на лебяжей перинѣ и знать ничего не знаетъ. Ну, ужь тутъ нечего дѣлать! По царскому слову, взяли привязали ихъ къ конскимъ хвостамъ и пустили жеребцовъ въ чистое поле—тутъ имъ и казнь была! А Иванъ опослѣ этого женился на той красной дѣвицѣ раскрасавицѣ, которую онъ изъ огня спасъ и стали они жить да поживать, да добра наживать.»

Иногда приходится выслушивать въ литературѣ такія мнѣнія, будто истинное искусство не должно допускать поэта черпать свои образы и даже содержаніе изъ народныхъ источниковъ; на какомъ же основаніи? не разъ спрашивали мы. На томъ основаніи, отвѣчали намъ, что эти образы и это содержаніе принадлежатъ *грубой, не очищенной эстетическими требованіями фантазіи народа*, — на томъ основаніи, что это *старое, отжившее* періодъ своей свѣжести и сохраняющееся въ народѣ только какъ преданіе. А Калашниковъ лермонтовскій? возражали мы. Калашниковъ вещь прекрасная по мысли, *но не законная по формѣ*. А пушкинская медвѣдиха, сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ? Все это вещи прекрасныя, отвѣчали намъ тѣ же критики, и прекрасныя именно потому, что принадлежатъ чисто творческой фантазіи поэтовъ, но ужь никакъ не народному вымыслу. Въ то время мы еще не могли представить достаточно сильныхъ опроверженій олимпійски непогрѣшительнымъ критикамъ, теперъ же, благодаря г. Худякову, мы покорнѣйше просимъ ихъ обратить вниманіе на сказки: Волшебница (стр. 45) и Заколдованное дерево липка, (стр. 132). Первая является рѣшительно прототипомъ гоголевскаго Вія, конечно въ самой бѣдной и простѣйшей формѣ; вторая же есть ничто иное, какъ та же самая «сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ», съ тою только разницею, что въ этой ролѣ золотой рыбки играетъ заколдованная липка, которую старикъ ѣдетъ рубить въ лѣсѣ. То же самое обаятельное вѣяніе чисто народной простоты и поэзіи, которое охватываетъ васъ при чтеніи пушкинскаго произведенія, ощущается вами и при чтеніи этой безискусственной сказки. Вотъ въ какомъ еще отношеніи важны эти сборники народныхъ пѣсенъ и сказокъ; они уясняютъ намъ, насколько наши лучшіе поэты были присупи русской почвѣ, насколько понимали и проникли они ее своимъ поэтическимъ чутьемъ въ лучшихъ своихъ созданіяхъ. Что ни доказывай себѣ, гг. — бовъ и Дудышкинъ, купно съ юродствующимъ Викторомъ Аскоченскимъ, о ненародности и ничтожности Пушкина, сколько ни кричите себѣ при-

саяжные цѣнители о ложности и незаконности русскаго рода и въ-особенности русской формы (какъ уже отжившей и негодной) въ нашей литературѣ, мы никогда не согласимся съ ними, не согласимся потому, что еще недалѣе какъ прошлаго года мы сами видѣли лубочное изданіе (на большомъ листѣ) лермонтовскаго Калашникова съ картинками — и народъ съ жадностью читалъ его и платилъ свои пятаки, раскупая это изданіе. Значить, народъ понимаетъ его, значить ему по плечу приплась эта форма; что же касается до сказки о рыбацкѣ и рыбкѣ, то открытая теперь сказка о лпцкѣ сама-собою разбиваетъ всѣ доводы нашихъ противниковъ.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о фантазиі или поэтичности нашихъ русскихъ сказокъ, мы не станемъ вдаваться въ изысканія ихъ происхожденія или сравнивать ихъ съ изобрѣтеніями фантазиі другихъ народовъ; мы взглянемъ теперь только на отношеніе народа къ нѣкоторымъ явленіямъ гражданской жизни, на пониманіе его этихъ явленій и нѣкоторыхъ его обычныхъ дѣйствующихъ типовъ, взглянемъ на основаніи самихъ же народныхъ сказокъ.

Главное дѣйствующее лицо почти всѣхъ нашихъ сказокъ, это неперемѣнно третій сынъ у отца — Иванушка, по большей части, *дуракъ*. Личность, олицетворяющая собою доброту и прямодушіе, — качества, за которыя преимущественно покровительствуетъ ему судьба и ея тайныя силы, личность честная, любящая, иногда и хитрая, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему надо извернуться въ борьбѣ съ змѣями и богатырями, которые любятъ загребать жаръ руками Иванушки. Народъ называетъ его *дуракомъ*, но это названіе не приписываетъ онъ въ положительномъ смыслѣ Иванушкѣ; въ этомъ названіи звучитъ своя глубоко ироническая и тонкая струна: Иванъ кажется дуракомъ въ глазахъ богатырей, въ глазахъ сказочныхъ разумниковъ, тогда какъ подъ конецъ дѣйствія почти каждой сказки значеніе и ироническій смыслъ ролей ихъ измѣняется: вы уже видите дурака никакъ не въ Иванушкѣ — примѣромъ можетъ служить даже хоть и приведенная нами сказка про перстень. Это личность, въ которую народъ положилъ всю свою любовь съ ея смѣхомъ и горемъ, все свое сочувствіе, всю свою глубокую симпатію.

Другое дѣйствующее лицо нашихъ сказокъ — это король, лицо, въ которомъ отразились черты двухъ типовъ, глубоко выхваченныхъ изъ русской жизни и русской почвы. Король въ этомъ случаѣ, такъ-же какъ и Иванушка, есть небогѣе, какъ

пзвѣстная, разъ навсегда установленная эпическая форма. За примѣрами ходить недалеко: вотъ хоть на первый случай изъ сказки «три брата».

Шелъ Иванъ-царевичъ нѣсколько времени и пришелъ въ свое царство ночью. Ни въ одномъ мѣстѣ нигдѣ не было огня; былъ огонекъ въ одномъ маленькомъ домикѣ. Онъ постучалъ и отперли ему и видятъ: сидитъ здѣсь башмачникъ и шьетъ башмаки. Онъ у него спрашиваетъ: «Кому же ты это шьешь башмаки?»— «Я, говоритъ, шью: нашъ царь хочетъ жениться на Марьѣ царевнѣ и велѣлъ шить ей башмаки, золотомъ шитые, алмазомъ усыпанные, *только безъ мърки*, и если не потрафлю, то голову снесутъ.

«Видитъ Иванъ царевичъ въ другомъ мѣстѣ огонекъ; больше нигдѣ не было огня; постучался — отперли ему. И видятъ сидитъ портниха и шьетъ платье. Онъ у ней сталъ спрашивать: «кому-же это ты шьешь платье?» — Марьѣ царевнѣ; она хочетъ идти замужъ за нашего царя; *да вотъ боюсь, что дезъ мърки не угадаю*, а какъ не угадаю въ пору, то казнятъ.

Вотъ другой примѣръ: въ сказкѣ «богатыри» (стр. 188) царь объявляетъ всенародно, что его царская дочь побѣжить къ колодцу за водой и *если кто ее перегонитъ, то за того ее замужъ отдадутъ*, а не перегонитъ, тому голову долгой».

Вотъ, наконецъ, и еще одинъ, третій примѣръ: «у царя померла дочь волшебница. (См. ск. Волшебница, стр. 45). Никто нейдетъ ее хоронить. Только всѣ мужики пошли къ царю съ большими подарками, одинъ мальчикъ съ одной булочкой пришелъ. Онъ на него осердился, что онъ ему мало принесъ и *заставляетъ его дочь свою караулить*. Мальчикъ откараулил, а на утро государь посылаетъ: подите, посмотрите: она его съѣла! «Они пришли, а онъ Богу молится». Точно такъ и на другую ночь послалъ онъ его караулить, а на утро посылалъ посмотреть, какъ съѣла его дочка царская; когда же послѣ третьей ночи она воскресла и отъ бѣсовъ избавилась, царь призываетъ къ себѣ мальчика и очень просто говоритъ ему, бери-де за себя ее замужъ.»

Это типъ сказочный, но есть и еще три типа, имѣющие историческій смыслъ и значеніе. Владиміръ святой, Иванъ Грозный и Петръ Первый—вотъ эти историческія личности, сохранившіяся въ народной памяти. Конечно, каждая изъ нихъ рефлектировалась извѣстнымъ образомъ въ сознаниіи и представленіи народа, но тѣмъ не менѣе характерная идея каждой видна совершенно ясно.

Въ Додонѣ и разныхъ королевичахъ мы видимъ такъ сказать исторически-безсознательное, дѣтское отношеніе къ идеѣ гражданственности; то же самое сходство замѣчается и у западныхъ народовъ, и у Германцевъ въ ихъ сагахъ о Карлѣ Великомъ и проч. Теперь взглянемъ на это отношеніе народа въ его историческомъ проявленіи. Съ этой стороны у насъ есть три, уже поименованныя личности.

Вотъ какъ рисуется въ народномъ сознаніи Иванъ. Мы приведемъ слова былины; умирающая царица Софья Романовна на смертномъ одрѣ говоритъ ему:

Ужь ты слушай, царь, послушай-ко,
 Что я тебѣ царица повыскажу:
 Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 До своихъ младыхъ двухъ царевичей;
 Когда будутъ они во полномъ умѣ
 И во твердомъ будутъ разумѣ,
 Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
 Еще слушай, царь, ты повыслушай-ко,
 Что я тебѣ царица повыскажу:
 Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 До своихъ до князей, до думныхъ бояръ:
 И тутъ твоя дума крѣпкая!
 До своихъ солдатусекъ служащихъ:
 И тутъ твоя сила вѣрная!
 Еще слушай, царь, ты повыслушай-ко,
 Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
 До всего народу православнаго.

Другая былина поетъ про царя московскаго: грозенъ былъ царь нашъ батюшка, первый царь Иванъ Васильевичъ. Этотъ-то «первый царь», какъ продолжаетъ та же самая былина, ска- залъ однаждырѣчью громкою:

«У меня-де есть всяки мастера,
 Есть такіе разны дохтуры.
 Но всѣ спрячутся старый за малаго
 И хоронятся — мадый за стараго;
 А одинъ изъ нихъ лишь не спрячется,
 То малютка-папачъ, то Гурбатовъ сынъ.
 «Ну пойдн-ко сюда, гой Гурбатовъ сынъ!
 Сослужи-ка небось службу вѣрную,
 Службу вѣрную службу неизмѣнную.»

Во палаты ступай, въ царски каменны,
 Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
 Распоясни съ него шелковый поясъ,
 Золотой перстенець со правой руки,
 Отведи самого на Москву-рѣку,
 Впрямъ на мѣсто на то — мѣсто лобное,
 И на плаху на ту, что на лпову,
 И сними тамъ съ него буйну голову,
 А миѣ къ явкѣ подай саблю вострую,
 Саблю вострую въ горючей его рудѣ».

Отвѣтчиками за царскій гнѣвъ, конечно, были бояре:

Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
 На поминки собралъ поголовно народъ.
 Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать,
 Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать,
 А поповъ приказалъ во кули зашивать,
 Во кули зашивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать,
 Что царевича не защитили.

Что касается до народнаго сознанія о Петрѣ, то лучше всего можетъ характеризовать его пѣсня секты Морельщиковъ. Въ этой пѣснѣ хотя *самая личность* и не рисуется, но страхъ ея чувствуется сильно; вообще о Петрѣ болѣе характерныя преданія сохранились въ раскольничьихъ скитахъ. Вотъ эта пѣсня:

Послушайте, мои свѣты:
 Последнія пришли лѣты.
 Народился злой антихристъ,
 Напустилъ онъ свою прелесть
 По городамъ и по селамъ,
 Наложилъ печать свою на людей,
 На главы ихъ и на руки,
 Что на руки и на персты.
 Кто его печать принимаетъ,
 Тому житіе пространно;
 А кто его печать не принимаетъ,
 Тому житіе гонимо.
 Убирайтесь, мои свѣты,
 Во лѣса, въ дальнія пустыни,
 Засыпайтесь, мои свѣты,
 Рудожелтыми песками,
 Вы песками, пепелами!

Умирайте, мои свѣты,
 За крестъ святой, за молитву,
 За свою браду честную!

Другая пѣсня той же секты Морельщиковъ еще яснѣе высказываетъ эту идею:

Пришло времячко гонимо:
 Народился злой антихристъ;
 Въ сію землю онъ вселился,
 На весь міръ вооружился.
 Стали волю его творити,
 Усы, бороды стали брѣити,
 Латынскую одежду носить,
 Трепроклятую траву пити.

В. К—ИЙ.

Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ, В Варенцова.
 Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860.

Нельзя не сказать добраго слова объ этомъ новомъ и чрезвычайно полезномъ изданіи, во-первыхъ потому, что оно обогащаетъ число нашихъ сборниковъ по части народной литературы, а во вторыхъ потому, что оно проливаетъ свѣтъ на одну довольно еще темную сторону народнаго быта и умственной жизни. Сколько разъ каждому изъ насъ чуть ли еще не со школьной скамьи приходилось слушать въ назиданіе и поученіе громкія фразы такого рода, что народъ русскій крѣпокъ и силенъ своею глубокою религіозностью и т. п. Многие изъ насъ и увѣривали, что онъ крѣпокъ на религію. Сборникъ г. Варенцова поясняетъ этотъ вопросъ немножко иначе, чѣмъ мы думаемъ. Вглядитесь ближе въ народные духовные стихи: васъ съ перваго же взгляда поразитъ скудость и даже безобразіе формы многихъ, если не большей части изъ нихъ: то тяжелые славянскіе обороты, то рубленный русскій стихъ, то вдругъ такая конструкція рѣчи, о которой рѣшительно не знаешь, что сказать, славянская ли она или русская? Ясно только одно, что она антилогична. Замѣчательно еще то, что какофонія въ строкахъ, чего вы почти никогда не встрѣчаете въ былинѣ или въ пѣснѣ, въ этихъ сти-

хахъ безпрестанно рѣжетъ слухъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Бѣдность воображенія, скудость изобрѣтенія и фантазій поразительны въ этихъ произведеніяхъ. Повсюду видите вы рѣшительное отсутствіе яснаго и свободнаго взгляда; напротивъ, постоянно чувствуете удушливый гнетъ мертвящей схоластики и морали, которую новѣйшая литература знаетъ подъ названіемъ «византійской». Этотъ контрастъ представляется вамъ тѣмъ разительнѣе, — что въ народныхъ сказкахъ, былинахъ и пѣсняхъ народная фантазія пріобрѣтаетъ широкій полетъ; тамъ повсюду чувствуете вы, что эти стихи слагала народная любовь, что она согрѣвала ихъ теплотой своего генія и положила въ нихъ долю своего сердца и души. Ничего этого нѣтъ въ духовныхъ стихахъ. Вотъ, на выдержку, два довольно краснорѣчивые примѣра; первый представляетъ стихъ о *Гадамъ*, т. е. объ Адамѣ:

Праведное сонцо
 Въ раю освѣтло
 Всеё райскою пишшу.
 И расплатется Адамій,
 Передъ раемъ стоѧ:
 «Раю мой, раю,
 Прекрасенъ рай бысти!
 Меня ради, Адама,
 Сотворенъ рай бысти;
 Евги ради, раю,
 Заключенъ рай бысти;
 Евга согрѣшила,
 Законъ преступила,
 Адама прельстила,
 Весь родъ нашъ отгнала
 Отъ святова отъ рая
 Отъ всеё райскою пишши.

А вотъ и другой образчикъ:

Солнце, мѣсяць-луна померкла,
 Небо-земля потряслася,
 Весь міръ на землѣ прослезился,
 Завѣса церковная на двое *раздрахомъ*,
 Каменіе *распадехомъ*.
 На Христѣ ризу *разорвахомъ*,
 По жребію *разметахомъ*,
 Между собой *жидове раздпляхомъ*.

Эти *домы* даже грамматического смысла не имѣютъ, того смысла, котораго естественно требуетъ природное чувство языка.

Отчего это? является прямой и естественный вопросъ. Оттого, отвѣчаемъ мы, что народъ русскій сохраняетъ въ себѣ свой мѣръ вѣрованій, оттого, что въ немъ сохранилось еще доселѣ много непочатой, неспорченной и чистой нравственной силы и здороваго сознанія, оттого наконецъ и это важнѣе всего — что онъ постоянно былъ чуждъ сухой и мертвой схоластики и нисколько не сочувствовалъ ея проявленіямъ. Стихи же эти составляютъ достояніе меньшинства—нищей братіи, но никакъ не всего народа. Замѣчательно, что и раскольничьи пѣсни почти совершенно не носятъ на себѣ отпечатковъ этого сухаго схоластическаго элемента; характеръ ихъ чисто пропагандическій и гражданскій. Въ подтвержденіе нашей мысли, мы позволимъ себѣ привести еще одно слѣдующее замѣчаніе: тѣ изъ духовныхъ стиховъ, въ которые народъ положилъ свою скорбь, свою глубокую печаль и горе, тѣ пѣсни полны глубокаго и поэтическаго достоинства; онѣ отличаются правильной и изящной формой. Таковы стихи о Лазарѣ убогомъ, о двухъ Лазаряхъ, про Егорья свѣта храбра, про Аньку воина, стихъ о вознесеніи христовѣ и стихъ про удачу добраго молодца. «Невеселы были эти образы, говоритъ собиратель, однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ самого себя, оскорбленнаго, забытаго богатымъ, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ — мошною. Религія въ этихъ стихахъ казалась ему грозной и карающей; она требовала жизни, полной отреченія, требовала лишеній и жертвъ; ему все грезилась огненная рѣка и страшныя муки, которыя будутъ за ней; все грезилось мытарства и грозные ангелы. Такіе образы, казалось, могли бы вызвать на борьбу съ жизнію силы души и развить энергію въ народѣ; но когда онъ не находитъ въ нихъ ничего, кромѣ грозы и страха, горя и лишеній, когда ему такъ рѣдко слышится слово любви и примиренія,—духъ его падаетъ, наконецъ, подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ, томительныхъ призраковъ; народъ становится подавленнымъ, запуганнымъ, и робко клонитъ голову, не выступая на борьбу. И жизнь, и смерть — равно представляются ему чѣмъ-то враждебнымъ: въ жизни нѣтъ свѣтлыхъ радостей, а есть только отреченіе отъ міра, муки да казни; смерть—холодная, безрадостная, въ чистомъ полѣ, далеко отъ дому и друзей...

Таковыя большею частію характеръ этихъ стиховъ. Въ заключеніе мы передадимъ сдѣсь содержаніе одного стиха—о вознесеніи: наканунѣ вознесенія Христа нищія братія стала тужить и говорить ему:

На кого-то ты насъ оставляешь?
 На кого-то ты насъ покидаешь?
 Кто насъ поить-кормить станетъ,
 Одѣвати станетъ, обувати,
 Отъ темныя ночи укрывати?

Христось утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что оставитъ имъ послѣ себя крутую и большую золотую гору, но Іоаннъ Златоустъ отъ лица нищей братіи говоритъ на это Христу, чтобы онъ не давалъ имъ эту золотую гору, потому что

Зазнаютъ гору князи и бояра,
 Зазнаютъ гору настыри и власти,
 Зазнаютъ гору торговые люди:
 Отоймутъ отъ нихъ гору золотую
 По себѣ они гору раздѣлятъ.
 По князьямъ золотую разверстаютъ,
 Да нищю братью не допустятъ.
 Много у нихъ будетъ убійства,
 Много у нихъ будетъ кровопролитства,
 Промежду собою уговлоствія;
 Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
 Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтпся,
 Отъ темныя ночи пріукрытпся.
 Дадимъ мы нищимъ-убогимъ
 Имя твое святое:
 Будутъ нищии по-міру ходити,
 Тебя—Христа, величати,
 Въ каждый часъ прославляти;
 Будутъ они сыты и довольны,
 Обуты будутъ и одѣты,
 И отъ темныя ночи пріукрыты.

В. К—ій.

СУДЬБА Евреевъ въ СРЕДНІЕ вѣка и ОБЫЧАИ ихъ въ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. Москва 1860 г.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Иудея пала подъ ударами римскихъ легионовъ, имя народа израильскаго, какъ политической единицы, исчезаетъ со страницъ исторіи. Баръ-Кохба былъ послѣдній «сынъ звѣзды», подъ знаменами котораго воскресли на мгновение несбыточныя надежды и стремленія сыновъ іудинныхъ; въ послѣдній разъ, съ нѣмымъ ожесточеніемъ, съ предсмертнымъ усиленіемъ сразились они за свою политическую самостоятельность: это была страшная борьба на жизнь и смерть, при воспоминаніи о которой кровь холодѣетъ въ жилахъ. Ихъ послѣднія успія были подавлены, ихъ послѣднія надежды были разсѣяны, позорное имя, которымъ обманутый народъ заклеилъ Баръ-Кохбу, было послѣдней, неблагоприятной насмѣшкой бѣдной націи надъ своимъ богатымъ прошлымъ. Это прошлое жилось; благородныя силы, въ немъ растраченныя, оказались непродвижительными для самихъ трудившихся, и плоды ихъ пожаты другими. Медленно, втеченіе многихъ столѣтій подвигался народъ израильскій на пути своего историческаго развитія; но ему не удалось бросить якорь въ обѣтованной пристани: его раздавила та самая могучая сила, которую онъ выработалъ изъ собственной плоти и крови. Съ-тѣхъ-поръ проклятіе исторіи, проклятіе прогресса отяготѣло надъ нимъ; изъ народа избраннаго онъ сдѣлался хранителемъ отжившихъ стихій всемірно-исторической жизни. Съ каждымъ годомъ все уже и уже стягивался кругозоръ его религіозныхъ воззрѣній, пока наконецъ обрядъ и буква не оковали его вѣчной неподвижностью.

Средневѣковая эпоха — самая печальная и вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли не самая важная въ исторіи еврейскаго народа: это цѣльный и законченный періодъ его нравственнаго перерожденія. Оторванная отъ своей родной почвы, подбѣченная подъ самый корень своего политическаго быта и единства, эта нація явилась среди новаго, незнакомаго ей міра, гдѣ она не могла прижннуться ни къ какому историческому явленію, ни къ какой соціальной корпораціи: варварство, феодализмъ, рыцарство, европейская монархія — все это было для Евреевъ не свое, не родное, все это

возникало и падало помимо ихъ личнаго участія и содѣйствія. У нихъ не было подъ ногами той почвы, на которой они чувствовали-бы слѣды своего прошлаго существованія, своей прошлой дѣятельности, и на которой могли-бы утвердить фундаментъ своего будущаго національнаго развитія. Они были въ средне-вѣковой Европѣ не жизненнымъ звѣномъ нововозникшаго римско-германскаго общества, а тощими паразитами, занесенными съ другаго берега. Они не видѣли передъ собою ничего впереди и не могли имѣть своей исторіи: въ средневѣковомъ періодѣ они являлись не національной единицей, а только дополненіемъ къ общей исторической картинѣ. Они не имѣли ничего роднаго съ жизнью феодальной Европы, и однакожь судьба ихъ связана почти съ каждымъ значительнымъ явленіемъ средневѣковой эпохи: крестовые походы, рыцарство, борьба съ Маврами въ Испаніи, первыя реформаціонныя движенія въ Германіи, — все это запечатлѣно кровью безчисленныхъ жертвъ этой кочующей націи. Вездѣ являлись Евреи какъ что-то пассивное, будто насильно вставленное въ общую картину средневѣковаго варварства и изуверства, чтобъ освѣтить ее нѣсколькими яркими искрами. И эта пассивная роль, которую судьба надѣлила Евреевъ въ среднюю эпоху, это тяжелое ярмо нищеты и рабства, гнетъ вѣчнаго, безвыходнаго томленія въ состояніи безправія и дѣтской слабости, совершили нравственное перерожденіе націи: народъ библейскій выродился въ племя Шейлоковъ.

Средневѣковая эпоха миновала, миновало изуверство и варварство; народы вздохнули свободнѣе, и Евреи, вмѣстѣ съ другими, увидѣли нѣкоторое облегченіе своей участи. Въ ихъ мірѣ началось новое движеніе, обнаружились новыя стихіи.... Нѣтъ сомнѣнія, все это приведетъ къ благимъ результатамъ и новое жизненное звѣно явится въ современномъ мірѣ; но, въ ожиданіи этого, мы думаемъ, что едва-ли найдеть юдаизмъ въ собственныхъ своихъ нѣдрахъ новую Внесезу.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ ФИЗИОЛОГИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОТРАВЛЕНИЯ. Диссертация на получение степени доктора медицины. Лекаръ Сѣченовъ. Санктпетербургъ, 1860, въ 8-ю дол. л. стр. 64.

Интересующіеся предметомъ прочтутъ эту статью съ величайшимъ удовольствіемъ. Темою ся — разрѣшеніе спорнаго вопроса, которому, повидимому, слѣдовало давно уже быть рѣшеннымъ и который, если вѣрить поборникамъ различныхъ теорій, давно уже рѣшенъ. Алкоголь, спиртные напитки — предметы народной діететики; послѣдствія употребленія его болѣе или менѣе извѣстны даже простолюдину; оставалось адентамъ науки сказать свое слово. Наука изслѣдовала дѣйствіе алкоголя, насколько можно было преслѣдовать, простымъ глазомъ и вооруженнымъ, вліяніе спирта на наружную поверхность тѣла и составляющую продолженіе кожи слизистую ткань, выстилающую всѣ полости, сообщающіяся съ наружною поверхностью тѣла. При тѣхъ способахъ анализа, которыми владѣетъ наука въ настоящее время, изслѣдованіе это было дѣломъ нетруднымъ. Затрудненія были, впереди. За этими двумя тканями, кожей и слизистою оболочкою, словно за кулисами, лежитъ сложнѣйшій въ цѣломъ мірѣ механизмъ, только частими открывающійся взору наблюдателя и приводимый въ движеніе неизслѣдованною окончательно силою, что дѣлается съ алкоголемъ за этими кулисами, и какими путями приводитъ онъ этотъ сложный механизмъ къ тому состоянію, въ которомъ представляется намъ человѣкъ въ различныхъ фазахъ своего опьяненія? Вотъ вопросы, предстоявшіе рѣшенію науки; само собою разумѣется, что приступая къ разрѣшенію этой задачи, слѣдовало прежде всего рѣшить, измѣняется или нѣтъ, алкоголь послѣ перехода своего въ кровеносную систему, — вопросъ, надъ которымъ наука билась, словно «механикъ» Крылова надъ ларчикомъ, а ларчикъ — просто открывался. Были, правда, простаки въ этомъ отношеніи, Перси, Тидеманъ, Мажанди, утверждавшіе, что алкоголь, прошедши по всѣмъ кровеноснымъ сосудамъ, разнесенный съ кровью по всѣмъ органамъ и тканямъ тѣла, присутствуетъ, словно новый Архей, при всѣхъ отравленіяхъ, при всѣхъ актахъ, жизненныхъ и умственныхъ

совершающихся въ организмѣ, и даже руководить ими, болѣе или менѣе обуславливая теченіе ихъ, и потомъ, прошедши къ отдѣлительнымъ органамъ, отдѣляется ими въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ въ кровь, выдыхается неизмѣненнымъ легкими, отдѣляется неизмѣненнымъ вмѣстѣ съ мочою, вмѣстѣ съ испариною. Но такое мнѣніе было слишкомъ просто и ясно, чтобы не показаться ревнителямъ науки подозрительнымъ. Судьба алкоголя осязательно показала, до какой степени легко впадали въ заблужденія, примѣняя теорію къ фактамъ, не повѣряя, обратно, самое приложеніе этихъ фактовъ.

Но Либиху всѣ діэтетическія вещества раздѣляются на азотныя и безазотныя. Послѣднія, какъ состоящія преимущественно изъ углерода и водорода, служатъ по мнѣнію знаменитаго химика къ тому, чтобы поступивъ въ организмъ, соединиться при проходѣ ихъ по кровеноснымъ сосудамъ, съ кислородомъ, извлеченнымъ изъ воздуха, и, такимъ образомъ, содѣйствуя медленнымъ, скрытымъ, химическимъ сгораніемъ своимъ къ поддержанію необходимой въ тѣлѣ теплоты, они, въ тоже время, гостяють на себѣ то разрушительное вліяніе кислорода, которое онъ непременно оказалъ бы на организмъ по свойству своему окислять органическія вещества. Вотъ, причина, по которой житель полярныхъ странъ находитъ инстинктивное наслажденіе, поглощая огромныя количества тюленьяго или рыбнаго жира. Низкая температура воздуха требуетъ усиленнаго развитія ея въ тѣлѣ; густой воздухъ, вводя въ тѣло большую массу кислорода, ускорилъ бы разрушеніе организма, если бы Эскимось или Лапландецъ не противодѣйствовалъ инстинктивно тому и другому злу снабженіемъ организма цѣлой массой горючаго жирнаго матеріала, который, окисляясь или сгорая, удовлетворяетъ за одинъ разъ двумъ потребностямъ организма. Подобнымъ же инстинктивнымъ побужденіемъ, и въ тѣхъ же самыхъ видахъ, объясняетъ себѣ Либихъ всеобщее распространеніе спиртныхъ напитковъ. И послѣ этого принять, чтобы алкоголь не пзмѣнялся въ тѣлѣ чловѣка? Теорія была слишкомъ увлекательна, чтобы допустить такое рѣзкое противорѣчіе. И Либихъ, а за нимъ и цѣлая фаланга учениковъ его, руководствуясь теоретическими воззрѣніями и опытами сомнительной достовѣрности, считали алкоголь пропавшимъ, какъ только онъ переступалъ за Рубиконъ—застѣнку желудка. Къ несчастію, однакожь, щеголеватой теоріи, явились скептики—Бухгеймъ, Перренъ и другіе, которые рѣшились прсмотрѣться къ дѣлу собственными глазами, не доволь-

ствуясь авторитетомъ, царившимъ въ Гиссенѣ. Присмотрѣлся, и оказалось, что алкоголь выходитъ изъ тѣла *измѣненными*. Опыты, произведенные г. Сѣченовымъ, привели къ тѣмъ же результатамъ. Между многими другими интересными заключеніями, выведенными ученымъ нашимъ докторомъ, весьма замѣчательно подтвержденіе другаго важнаго факта: что съ принятіемъ внутрь алкоголя *уменьшается количество углекислоты, выдыхаемой легкими*. Чтобы понять важность этого факта, необходимо вспомнить, что углекислота, образующаяся въ тѣлѣ, есть только продуктъ взаимнаго объѣма между разносимиыми въ кровѣ по всему тѣлу питательными началами съ одной стороны, и отжившими свой періодъ существованія элементарными частицами организма съ другой стороны; такъ что количество образующейся въ организмѣ углекислоты прямо пропорціонально дѣятельности этого объѣма, а, слѣдовательно, и степени жизнедѣятельности, потому что послѣдняя обуславливается и выражается именно дѣятельностію этого біохимическаго объѣма. И такъ, если отъ употребленія алкоголя уменьшается отдѣленіе углекислоты изъ тѣла, то это доказываетъ, что алкоголь дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на всѣ біохимическіе (жизненные химическіе) акты, которые совершаются въ организмѣ, и объясняетъ вредное вліяніе большихъ пріемовъ или продолжительнаго употребленія спирта. И много другихъ, не менѣе замѣчательныхъ и поразительныхъ выводовъ найдетъ читатель въ брошюрѣ г. Сѣченова, который, не вдаваясь ни въ какія теоріи, принимаетъ доказаннымъ только то, въ чемъ удостовѣряется собственными опытами надъ человѣческимъ организмомъ и животнымъ. Простота и ясность изложенія не оставляютъ и тѣни педантизма на сочиненіи, которое, по оффиціальности своего назначенія, принадлежитъ къ категоріи сочиненій, по преимуществу педантическихъ. Явленіе исключительное въ этомъ отношеніи — книжка г. Сѣченова достигаетъ апогея своеобразности на послѣднихъ двухъ страницахъ, на которыхъ авторъ рѣшается на рѣдкое нововведеніе — произнести судъ надъ собственнымъ трудомъ своимъ, оправдывая этотъ подвигъ тѣмъ, что тутъ лежитъ основною истина, а не лицемерная скромность или слѣпая любовь къ собственнымъ подвигамъ. Мы увѣрены, что прочитавшіе брошюру охотно согласятся похвалиться съ авторомъ, за доставленное имъ удовольствіе, принятіемъ оправданія его; но при всемъ томъ мы жалѣемъ, что авторъ рѣшился на такое самоуправство въ собственномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что не было ни малѣйшей не-

обходности въ такомъ изъраженіи права. Вычисляя достоинства собственнаго своего сочиненія, авторъ не приноситъ пользы ни себѣ, ни читателю. Не постыдятся, не усомнятся похвалами этими недоброжелатели г. Сѣченова; не убѣдятся ими некусившіе еще яблока познанія, и не увлекутся ими знатоки дѣла, но, напротивъ того, расположеніе ихъ къ автору, вызванное неотъемлемыми достоинствами диссертациі его, безъ сомнѣнія охладится самовосхваленіемъ автора. И за кого считаетъ ихъ г. Сѣченовъ, если онъ намерѣнъ необходимымъ указать пачъ достоинства своей брошюры? Врожденное человѣку отвращеніе къ азбучнымъ и какому-бы тамъ ни было инаго рода указкамъ, можетъ легко отразиться и на сочувствіи къ нему собратій по наукѣ, а между тѣмъ невѣроятно, чтобы авторъ не дорожилъ этимъ сочувствіемъ. Есть правда изреченіе, и чуть-ли не арабское, что тотъ, «кто чувствуетъ цѣну себѣ — стоитъ цѣны», — однакожъ шаткость этаго хвастливаго девиза наѣздника пустыни слишкомъ очевидна, чтобы доказывать ее. Нельзя, конечно, не радоваться, что этотъ восточный афоризмъ сполна оправдался на г. Сѣченовѣ, но нельзя, въ тоже время и не пожалѣть, что авторъ не предоставилъ самому читателю согласиться съ убѣжденіями его и признавать, что, дѣйствительно, сочиненіе г. Сѣченова пополняетъ одинъ изъ пробѣловъ въ медицинскоіи литературѣ, разсматривая явленія опьяненія въ ихъ естественной связи и послѣдовательности, и придавая имъ тамъ, гдѣ можно, физиологическій смыслъ, указывая пробѣлы въ изслѣдованіяхъ и открывая пути новымъ; что, сверхъ того, въ немъ, т. е. въ сочиненіи г. Сѣченова, на основаніи собственныхъ изслѣдованій автора, установлено нѣсколько спорныхъ капитальныхъ вопросовъ, устранены два, три физиологическихъ грѣшка новыхъ авторовъ и, наконецъ, открыто нѣсколько новыхъ фактовъ, не лишенныхъ, вѣроятно, въ будущности, значенія въ разъясненіи сущности опьяненія». — Можетъ быть и правда, но правда и то, что если существуетъ неприемлимый къ труду г. Сѣченова эпиграфъ, такъ это — *смирение паче гордости*.

Опытное ученіе о золотушныхъ и бугорчатыхъ болязняхъ, ЛЕБЕРА, члена разныхъ ученыхъ обществъ. Соч., удостоенное преміи парижской медицинскоіи академіи. По порученію Военно-Медицинскаго Департамента, перевелъ съ французскаго Докторъ Г. Маллчъ. Санктпетербургъ 1860. Въ 8-ую дол. л. стр. XX и 963.

Есть вопросы, въ разъясненіи которыхъ наука, достигая нѣкоторыхъ успѣховъ, попадаетъ потомъ на преграды, повидимому, непреодолимыя и, чтобы не изнемочь въ борьбѣ съ послѣдними, оставляетъ на время щекотливую тему и переходитъ на другія тропинки, ведущія ее, словно радіусы, къ уразумѣнію главной центральной истины, предпоставленной всей ея сферѣ. Къ такимъ вопросамъ принадлежитъ и вопросъ о сущности бугорка и леченіи организма, подпавшаго его вліянію. Вотъ почему, — не смотря на десятокъ слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, когда Леберъ написалъ свое сочиненіе и удостоился преміи Порталя за самое удовлетворительное рѣшеніе вопроса «о сходствѣ и различіи между золотухою и бугоркомъ», — переводъ этой книги не принадлежитъ къ числу анахронизмовъ, а, напротивъ того, вызываетъ чувство благодарности.... Да не подумаетъ читатель нашей рецензіи, что тутъ дѣло идетъ *единственно* о рѣшеніи вопросовъ, — что такое бугорокъ и, есть ли нѣтъ сходство или различіе, и въ чемъ именно, между золотушнымъ продуктомъ и бугоркомъ? Если бы авторъ ограничился только категорическимъ отвѣтомъ на эти вопросы, то громадность его книги скорѣе обратилась бы въ осужденіе ему, чѣмъ въ похвалу; «нѣсть бо спасенія во многоглаголаніи» тѣмъ болѣе, что и самое рѣшеніе перваго вопроса только проблематическое, допуская предположеніе, что элементарный *бугорокъ есть только недоразвитая органическая личейка, развитіе которой было задержано ненормальною плотностью, стужею окружающей ее маточной среды (blastema)*; а рѣшеніе втораго вопроса, отрицательное относительно существованія особеннаго золотушнаго вещества, и положительное относительно различія между послѣднимъ и туберкуломъ, патологическою элементарною тканью, умѣщается у автора всего на согнѣ страницъ. Исслѣдованіе того и другаго вопроса занимаетъ 132 страницы, составляющихъ первую часть сочиненія. Во второй читатель получаетъ, подъ рубрикою семи главъ, семь пространныхъ монографій, рассматривающихъ бугорчатую и золотушную болѣзни, съ патологической и терапевтической точки зрѣнія, по мѣсту ихъ развитія: 1) въ наружныхъ железахъ, 2) въ кожѣ, 3) въ подкожной клетчаткѣ, 4) въ органахъ чувствъ, 5) въ сочлененіяхъ, 6) въ костяхъ и 7) во внутреннихъ органахъ. Каждая монографія, поясняя патологію и терапію довольно удовлетворительными исторіями болѣзней, обнимаетъ предметъ съ изумительною полнотою и оканчивается сводомъ представленныхъ ею достовѣрныхъ данныхъ.

Хотя, при всемъ желаніи и обѣщаніи автора избѣгать всякихъ умозрѣній и теорій, въ сочиненіи его проглядываютъ или слишкомъ скороспѣлыя или черезъ-чуръ одностороннія сужденія, которыя едва ли встрѣтятъ сочувствіе въ массѣ практикующихъ врачей, однакожь, тѣмъ не менѣе переводъ этой книги на русскій языкъ—явленіе весьма утѣшительное. Нельзя не замѣтить, что авторъ впадаетъ, мѣстами и даже довольно часто, въ повторенія, неизбежныя впрочемъ при избранномъ имъ порядкѣ изложенія предмета. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что, помимо исключенія всѣхъ этихъ повтореній, можно было бы еще болѣе сократить громадную книгу, выустивъ изъ нея множество излишнихъ подробностей, сообщаемыхъ авторомъ, черезъ-чуръ сообщительнымъ. Но такъ какъ всѣ эти, впрочемъ извинительныя, недостатки не могутъ быть поставлены въ укоръ г. переводчику, то намъ остается сказать, что трудъ г. Малича выполненъ добросовѣстно; рѣчь его русская, довольно свободная. Проскакиваютъ, правда, у него мѣстами идиотизмы; но какъ уберечься отъ нихъ на 963 страницахъ убористой печати? Коротче сказать, книга хороша сама по себѣ, а не потому что она увѣнчана преміей Порталя и не потому что она переведена при посредствѣ нашей медицинской администраціи, распорядившейся переводомъ ея именно потому, что книга хороша.

Книга природы или энциклопедія естественныхъ наукъ, содержащая популярное изложеніе физики, астрономіи, химіи, минералогіи, геологіи, физиологіи, ботаники и зоологіи. Посвящается всѣмъ любителямъ естественныхъ наукъ, преимущественно гимназіямъ, реальнымъ и высшимъ училищамъ Док. *Фридрихомъ Шодлеромъ*, учителемъ естественныхъ наукъ въ Вормской гимназіи, бывшимъ ассистентомъ при химической лабораторіи въ Гиссенѣ. Съ 400 полнотипажей, литографированной картой звѣзднаго неба и раскрашенной геологической таблицей. Переводъ съ десятаго нѣмецкаго изданія *И. Д. Папова*, съ многими измѣненіями и дополненіями, преимущественно относящимися къ *Россіи*. Москва. Въ 8-ую д. л. Часть 1-я, 1855 г. Стр. XI, 685 и XXV. Часть II-я, 1860 г., стр. 407. Цѣна второй части 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Первая часть этой литературной толщи вышла въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ, въ 1855 г., съ обѣщаніемъ г. переводчика представить вторую въ *непродолжительное время*. По какимъ именно причинамъ вторая часть появилась только теперь, въ 1860 г.,

г. переводчикъ не объясняетъ, и если мы обращаемъ вниманіе на эту задержку, то потому только, что она возбуждаетъ другой, болѣе важный вопросъ: нужно ли было вообще присту- нать къ переводу второй части сочиненія Шодлера, котораго первая часть содержитъ въ себѣ физіку (209 стр.), астрономію (114 стр.) и химію (363 стр.), а второй, лежащей теперь передъ нами, томъ: минералогію съ геогнозіею (129 стр.), ботанику (100 стр.) и зоологію (146 стр.). Втеченіе пятилѣтія, раздѣ- ляющаго изданіе первой части отъ выхода въ свѣтъ второй, многое измѣнилось въ литературѣ и нашей отечественной, и заграничной. Измѣнились воззрѣнія педагоговъ, измѣнились требованія публики относительно метода преподаванія; явилось множество популярно изложенныхъ руководствъ по предметамъ естественныхъ наукъ, занявшихъ видное мѣсто въ программѣ народнаго образованія. Само собою разумѣется, что въ виду это- го литературнаго *embarras de richesses* публика можетъ быть вызы- скательнѣе, требовательнѣе ко второй части энциклопедіи Шод- лера, чѣмъ къ первой; тѣмъ болѣе, что пятилѣтіе, чтобы тамъ ни говорилъ себѣ г. переводчикъ, срокъ достаточный, чтобы по- ставить вторую часть дѣйствительно въ уровень съ настоя- щимъ состояніемъ популярной литературы. Рецензія первой ча- сти принадлежитъ прошедшему; мы займемся второю, предпола- гая, что конецъ вѣнчаетъ дѣло. *Ende gut -- alles gut.*

Начнемъ съ того, что въ этой книгѣ, какъ учебникъ мине- ралогіи, ботаники и зоологіи, эти три предмета разработаны весь- ма неравномѣрно, и неравномѣрность эта въ высшей степени нелогична. Посвятить не болѣе 22 страницъ общему обзорѣню ми- нераловъ; авторъ переходитъ къ частному описанію ихъ на *ста* страницахъ, между тѣмъ какъ у него общій отдѣлъ бота- ники занимаетъ 97 стр., а частный только 32 стр. Нѣтъ сомнѣ- ній, что авторъ совершенно правъ, вошедши въ болѣе подроб- ное изложеніе физіологическаго отдѣла ботаники и морфологіи растений, въ томъ вѣроятно предположеніи, что тутъ впервые раскрываются учащемуся явленія жизни въ болѣе доступной ра- зумѣню формѣ и предметъ ближе касается обыденной жизни, чѣмъ минералогія. Подробное изложеніе физіологіи растений было тѣмъ болѣе необходимо, что имъ подготовлялся переходъ къ высшему порядку сложныхъ явленій животной жизни. Все это такъ, какъ эти же данныя, оправдывающія болѣе подробное изложеніе общаго отдѣла ботаники, осуждаютъ автора за непонятное, не-

новѣрвое сокращеніе отдѣла частнаго описанія растений, сжатого до такой степени, что описаніе это приводится рѣшительно къ нулю, и посвященные ему 32 страницы совершенно бесполезны учащемуся и могли бы быть выкинуты изъ учебника; на этихъ жалкихъ двухъ печатныхъ листахъ авторъ перечисляетъ многочисленныя семейства растений, не характеризуя ихъ присущими имъ общими признаками и, очевидно, нисколько не думая о томъ, къ чему бы могъ послужить читателю этотъ безжизненный перечень, въ которомъ, подъ рубрикою каждаго семейства, точно также безцѣльно перечисляются главнѣйшіе роды растений поименно, но безъ главнѣйшаго обозначенія ботанической ихъ характеристики, за исключеніемъ только двухъ растений — омега и собачьей петрушки; да и тутъ упоминается, въ трехъ или четырехъ строчкахъ только о раздѣльности листа и покровахъ эпитима. Не странно ли видѣть, что предметы, практическое изученіе которыхъ гораздо доступнѣе минералогин, остаются почти незнакомыми учащемуся, съ научной точки зрѣнія, между тѣмъ какъ минералы, рѣдко выпадающіе вниманію его, и еще рѣже представляющіеся ему въ естественномъ ихъ видѣ, описаны съ необыкновенною, относительною подробностію? Гдѣ увидитъ учащійся тяжеловѣсный шпатель или баритъ, апатитъ, магнезитъ, хіастолитъ и сотню другихъ неорганическихъ формъ? Къ чему ему, въ такомъ случаѣ, знать степень ихъ плотности, удѣльный вѣсъ, изломъ, кристаллическую форму и прочіе признаки, тогда какъ онъ не въ состояніи будетъ, усвоивши себѣ всю энциклопедію Шоддера, опредѣлить ни одной изъ безчисленныхъ формъ растительной жизни, на каждомъ шагу представляющихся глазамъ его или понираемыхъ его ногами? Переводчикъ предупреждаетъ читателя, въ предисловіи своемъ къ первой части, что «описаніе родовыхъ признаковъ растений у животныхъ не могло *возойти* (?) въ составъ этой книги», но почему-же, если въ книгу могло *возойти* описаніе минераловъ? Переводчикъ, какъ видно, не предложилъ себѣ этого вопроса, иначе онъ втеченіи пяти лѣтъ, вѣроятно, разрѣшилъ-бы его въ пользу ботаники. Онъ не остался бы при своемъ приглашеніи читателя — обратиться къ другимъ спеціальнымъ изданіямъ, забывая, что въ такомъ случаѣ энциклопедія его уже не энциклопедія, и что «*книга природы*», — къ которой необходимо приобщить: руководство по физикѣ, въ родѣ Писаревскаго; дѣльную руководящую хпмію, въ родѣ учебника Штеккерта; по частн ботаники — «картины растительности» Мазіуса; по част

зоологін—сочиненіе Мазіуса *)—становится уже излишнимъ балластомъ. Таже несоразмѣрность поражаетъ читателя и въ отдѣлѣ зоологін, общему изложенію которой, анатоміи и физиологін, посвящено 70 страницъ, что весьма справедливо, относительно общаго отдѣла минералогін, но мало, если вспомнимъ, что этотъ отдѣлъ занимаетъ въ ботаникѣ 97 страницъ. Въ частномъ описаніи животныхъ та же несообразность, что и въ частной ботаникѣ. Нигдѣ не обращено вниманія на характеристическія отличія даже самыхъ интересныхъ животныхъ, а тамъ, гдѣ авторъ рѣшается подарить читателя такую роскошью, онъ объясняется устами г. переводчика. Беремъ на выдержку слѣдующій примѣръ: а) *Различаютъ дѣя породы слоновъ: Азіатскій слонъ, который гораздо больше (чего или кого?), умнѣе (кого?) и имѣетъ короткія уши, и Африканскій, отличающійся кромѣ того (т. е., кромѣ того, что онъ больше, умнѣе и имѣетъ короткія уши) вытуклымъ лбомъ и живущіе (!) стадами слоны въ влажныхъ лѣсахъ Азіи и Африки*. И такъ азіатскій слонъ умнѣе и больше африканскаго, и, наоборотъ, второй умнѣе и больше перваго; у обоихъ короткія уши; за кѣмъ-же, г. переводчикъ, остались длинныя уши?—Читаемъ далѣе, на той-же 342-й стр: «Бегемотъ (*hyppopotamus*), живущій только въ водѣ и грязныхъ лѣсахъ (?) жаркой Африки и только по своимъ короткимъ ногамъ можетъ быть сравниваемъ съ лошадыю». И такъ, изъ этой великолѣпной характеристики слѣдуетъ, что нѣкоторыя мѣста у Африки грязны, и что лошадь отличается короткими ногами! Въ энциклопедіи Шодера природа представляется учащемуся только умозрительно; ознакомившись кое-какъ съ явленіями органической жизни, ученикъ нисколько не сближается съ нею, потому-что представители ея, и именно тѣ формы, которыя преимущественно предъ прочими напрашиваются на особенное вниманіе человѣка, міръ растительный, остаются ему чужими, мертвыми буквами, не имѣя для него ни имени, ни значенія. Занимательнѣйшій отдѣлъ зоологін, нравы животныхъ, даже вовсе не затронуть ни авторомъ, ни переводчикомъ, дополнившимъ автора. Изложеніе, сплошь сухое и безжизненное, отличается сверхъ того неточностію, неопредѣлительностію въ объясненіи терминовъ; недостатокъ, весьма непростительный во всякомъ учебникѣ, и замѣчательный въ переводѣ такой книги, за достоинство которой ру-

*) См. Русское Слово, сентябрь, библиогр. стр. 55—59.

чается гиссенская знаменитость. Въ доказательство приводить примѣры, опять на выдержку, но, на этотъ разъ, изъ минералогіи. Стр. 10-я: «если въ минераль или камень нельзя рассмотреть кристаллообразнаго расположенія частицъ, то сію называютъ плотнымъ» (?). Такъ ли, г. переводчикъ? «Кристалльными друзами (щетками) называются промежутки нѣкоторыхъ каменныхъ массъ, наполненныхъ группою мелкихъ кристалловъ». Итакъ, по мнѣнію г. переводчика щетка (въ смыслѣ минералогическомъ)—промежутокъ! Читаемъ дальше. Стр. 19-ая: «прибавленіе (!) соды или буры къ пальной пробѣ называется флюсомъ» (!), то-есть, актъ прибавленія сплава къ пробѣ переводчикъ называетъ флюсомъ; любопытно-бы знать, какъ называется по его мнѣнію самый сплавъ? Развертываемъ еще разъ книгу, на удачу, попадаемъ на стр. 22-ю и читаемъ опредѣленіе минерала: «Собственно минераломъ называется тотъ, который по химическимъ составнымъ частямъ и свойствамъ представляется какъ нѣчто особенное» (!). Мы считаемъ эти выписки достаточнымъ доказательствомъ справедливости нашего приговора надъ книгою, которая заглавіемъ своимъ обѣщаетъ такъ много. Если хотитѣ, въ ней дѣйствительно много матеріала, и изложеніе доступнѣе, нежели въ какой-нибудь ботаникѣ Диппеля, исковерканной г. Цабелемъ; но вся эта масса матеріала такъ безжизненна, что не только не возбуждаетъ въ учащихся любви къ предмету, но съ перваго же приступа въ состояніи убить въ немъ всякую охоту къ занятію естественными науками. Книга переведена съ десятаго изданія, что говоритъ, повидимому, за достоинство ея. Но, во-первыхъ, мы, Русскіе, вовсе не такіе рьяные любители энциклопедій, какими съ давнихъ временъ извѣстны сосѣди наши — Нѣмцы; во-вторыхъ, мы, Русскіе, не имѣемъ счастья читать энциклопедію Шодлера въ оригиналѣ, но читаемъ ее, къ несчастію, въ переводѣ г. Панова; въ-третьихъ, если гдѣ педагогизмъ нашелъ себѣ теплый уголокъ, такъ это опять же у нашихъ сосѣдей — Нѣмцевъ. Прибавьте ко всему этому авторитетъ Либиха, у котораго г. Шодлеръ былъ ассистентомъ въ гиссенской лабораторіи, и вы объясните себѣ, читатель, успѣхъ энциклопедіи, помимо дѣйствительныхъ ея достоинствъ. Оставалось бы узнать, что побудило знаменитаго ученаго, специалиста по химіи, снабдить сочиненіе г. Шодлера блестящимъ аттестатомъ, въ которомъ книга г. ассистента названа лучшимъ учебникомъ естественныхъ наукъ? Мы готовились было пуститься въ подробное изложеніе неосновательности мнѣнія знаменитаго ученаго, какъ вдругъ въ углу

нашего кабинета, въ ворохѣ бумагъ, что-то зашевелилось и тѣмъ же самымъ голосомъ проиницала мамъ:

.....Молчи; все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума.

Что-жь? можетъ быть и такъ, читатели?

Естественная исторія для юношества. Изданіе Кораблёва и Сирякова. Царство перчатыхъ. Съ 183-мя рисунками. Санктпетербургъ. 1860. Въ 8-ю д. л. стр. II и 593.

До-сихъ-поръ, многія книги, выходившія изъ рукъ нѣкоторыхъ гг. издателей, до такой степени отличались крайнею добросовѣстностью и совершеннымъ пониманіемъ потребностей образованнаго общества, что мы почти привыкли, не безъ основанія, считать за ранѣе книгу хорошею, какъ скоро на оберткѣ ея значилась, что она принадлежитъ къ числу изданій извѣстнаго мамъ книгопродавца. Какъ ни неосновательна въ наше время слѣпая довѣренность къ чему-бы-то ни было, хотя бы даже основанная на опытѣ прошедшаго, однакожь несмотря на привитую и привившуюся намъ привычку полагаться только на личное удостовѣреніе въ дѣлахъ литературныхъ, — привычку, которою мы особенно обязаны соединеннымъ усиліямъ нѣкоторыхъ изъ гг. сотрудиакѣвъ бывшаго торговаго дома Струговщикова, Пехитонова и Водова, — мы должны признаться въ нашей слабости. Мы признаемся въ томъ предубѣжденіи въ пользу изданій нѣкоторыхъ изъ гг. книгопродавцевъ, которое мы напрасно думаемъ искоренить въ себѣ и которое съ появленіемъ каждой новой книги этихъ гг. издателей еще сильнѣе укореняется въ насъ. Къ этому всегласному признанію нашей слабости привело насъ лежащее передъ нами въ эту минуту изданіе «*Дарство перчатыхъ*», которое составляетъ продолженіе изданной въ 1849 г. «*Естественной исторіи для юношества*», заключающей въ себѣ отдѣлъ млекопитающихъ животныхъ. Скромное предисловіе гг. издателей говоритъ, что книга издана не съ ученою и не съ учебною цѣлью, но съ тою только, чтобы ознакомить юношество съ разнообразіемъ и богатствомъ всѣхъ родовъ животныхъ, населяющихъ міръ. Издатели сами отрицаютъ у книги строго-научный характеръ, и предостерегаютъ читателя, что оиъ не найдетъ въ ней подробнаго аналитическаго описанія строенія

птицъ и физиологій ихъ. Они обѣщаютъ только общепонятное, доступное юношескому возрасту изложеніе, въ послѣдовательномъ порядкѣ, по системѣ Кювье, существенной характеристики пернатыхъ, съ описаніемъ ихъ нравовъ, образа жизни и привычекъ.

Коротко и ясно. Затѣмъ рецензенту остается сказать, въ какой степени книга оправдываетъ обѣщанія гг. издателей. Скажемъ прямо; мы желали-бы болѣе пространнаго изложенія общаго отдѣла, болѣе жизни въ этомъ общемъ очеркѣ созданій, преимущественно предъ прочими, трепещущихъ жизнью. Но гг. издатели могутъ отвѣчать намъ, что на всякое чиханье не наздравствуешься, и были-бы совершенно правы. Мы могли-бы посѣтовать, что въ этой книгѣ шестиклассная система Кювье предпочтена новѣйшей, восьмиклассной классификаціи Грея, которая кажется рациональнѣе. Не странно-ли, напримѣръ, видѣть, что въ классѣ или порядкѣ голенастыхъ птицъ, въ которомъ «соединены птицы, живущія болѣе или менѣе на водѣ или вблизи воды (стр. 430), помѣщено семейство *короткокрылыхъ*, строусовъ и казуаровъ, которые *вводятся въ мѣстахъ сухихъ и пустынныхъ*» (стр. 433), отличался отъ всѣхъ прочихъ родовъ и порядковъ многими другими рѣзкими характеристическими чертами. Грей возвелъ это семейство на степень порядка, составляющаго переходную форму между голенастыми и порядкомъ лапчатопытыхъ птицъ. Но гг. издатели могли-бы назвать наше сѣтованіе придиркою, тѣмъ болѣе, что помимо упомянутой нами разницы система Грея отличается отъ классификаціи Кювье еще только тѣмъ, что въ ней семейство голубиныхъ родовъ отдѣлено отъ куриныхъ и возведено также на степень порядка или класса. Затѣмъ, намъ не остается ни малѣйшаго повода къ какому бы то ни было порицающему замѣчанію. Въ систематическомъ порядкѣ, длиною вереницею проходить передъ глазами читателя замѣчательнѣйшіе представители пернатого царства. Краткая, но вѣрная характеристика указываетъ каждому изъ нихъ его мѣсто. Отдавъ эту необходимую дань чисто-научной сторонѣ предмета, книга рисуетъ читателю коротко, но картинно и вѣрно, обыденную жизнь птицы въ естественной ея обстановкѣ. При этомъ описанія обращено особое вниманіе на породы, принадлежащія русской формѣ и, что чрезвычайно важно, соблюдена строгая соразмѣрность въ подробностяхъ. Прекрасные, многочисленные рисунки, приложенные къ книгѣ, хотя и не иллюминированы, какъ нельзя лучше дополняютъ текстъ, поясняя характеристическія

научныя отличія изображаемыхъ при породѣ и видахъ. Мы желали-бы побольше увлеченія, болѣе живописности въ описаніяхъ, той увлекающей теплоты разсказа которая мѣстами поражаетъ читателя въ «зоологіи Мазіуса» *), но за то читатель, сдерживаемый нѣсколько строгимъ тономъ разсказа въ разбираемой нами книгѣ, обратитъ вѣроятно нѣсколько болѣе вниманія на научный отдѣлъ, едва-ли не совершенно ускользающій изъ виду при чтеніи Мазіуса, тѣмъ болѣе, что и рисунки въ книгѣ послѣдняго далеко отстаютъ въ научномъ отношеніи отъ рисунковъ разбираемой нами книги, нисходя мѣстами на степень виньетокъ. Какъ-бы то ни было, эти двѣ книги могутъ служить, по нашему мнѣнію, прекраснымъ дополненіемъ одна другой. Намъ остается сказать, что гг. издатели слишкомъ скромны, назначая книгу исключительно юношеству. Есть у насъ въ провинціяхъ господа, далеко не юноши, которымъ она доставила-бы пріятное и полезное развлеченіе, если-бы они въ состояніи были пожелать, чтобы ихъ рыцарскія наслажденія природою получили болѣе, человѣчное назначеніе и значеніе.

Курсъ элементарной общей химіи, составленный *А. Кагуромъ*, экзаменаторомъ по химіи при выходѣ воспитанниковъ изъ императорской политехнической школы, пробиреромъ на монетномъ дворѣ въ Парижѣ, кавалеромъ ордена почетнаго Легіона, членомъ филантропическаго Общества Руанской Академіи Наукъ и проч. Переведенъ и издавъ подъ редакціею *Н. Ильина*. Со многими политипажамъ въ текстѣ. Санкт-петербургъ. 1860. Въ 8-ую долю. Часть первая. Отдѣленіе 1-е стр. VI и 367; отдѣленіе II-е, стр. 447. Цѣна 2 р. с., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Мы приведемъ передъ собою первую часть сочиненія Кагура, заключающую въ себѣ неорганическую химію и подраздѣленную на два отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ описываются металлы и соединеніе ихъ, а во второмъ металлы, сплавы и соли ихъ. Распространяться о переводѣ мы считаемъ излишнимъ, потому что книга переведена подъ редакцію г. Ильина, къ которому, по переводу втораго отдѣленія, присоединился г. Д. Аверкиевъ. Переводъ отличается обыкновенными достоинствами такой редакціи: плавностію и чистотою слога; точностію и ясностію

*) См. Русское Слово, сентябрь, библиогр. стр. 55—59.

перезоженія. Самое сочиненіе Кагура, задуманное и исполненное по плану Дюла, само по себѣ прекрасный учебникъ химіи, въ которомъ, не смотря на всякое отсутствіе притязаній на популярность, предметъ изложенъ съ надлежащею ясностію и полнотою. Разумѣется, что эта полнота только относительная; она соотвѣтствуетъ цѣли автора представить всѣ законы химическаго соединенія тѣлъ, останавливаясь только на тѣхъ изъ нихъ съ большею подробностію, которыя имѣютъ не только научное значеніе, какъ вещественныя формулы извѣстнаго соотношенія тѣлъ, но получили особенное приложеніе въ общественномъ бытѣ. Мы считаемъ однакоже необходимымъ предупредить читателя, что курсъ Кагура, при всей ясности изложенія, хорошъ только какъ учебникъ, такъ что читатель, который захотѣлъ-бы приобрести эту книгу съ цѣлью заняться изученіемъ химіи безъ посредства руководителя, встрѣтилъ-бы съ первыхъ-же страницъ чрезвычайныя затрудненія. Этимъ обстоятельствомъ курсъ Кагура рѣзко отличается отъ незамѣнимаго до сихъ поръ и, вѣроятно, надолго, руководства Штуккерта, что, разумѣется, не можетъ быть поставлено въ укоръ Кагуру, потому что, какъ мы уже сказали, назначеніе его сочиненія совершенно другое. Изданіе цеголевато. Рецензіей этой части, которой первое отдѣленіе появилось въ 1859 г., а второе въ 1860 г., и составляющей что-то въ родѣ лебединой пѣсни гг. компаніонровъ бывшаго торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова, мы кончаемъ нашу бесѣду съ этими достойными ревнителями отечественнаго просвѣщенія. Мы постоянно принимали трудъ обращать ихъ вниманіе на хорошія и темныя стороны ихъ предиріятій; указывали имъ на ошибки, неизбежныя при тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, которыхъ достигла ихъ дѣятельность, вызванная настоятельною потребностію русскаго общества. Мы громили словомъ правды спекулятивное соучастіе въ этомъ дѣлѣ людей, но недосмотру безъ сомнѣнія попавшихъ въ кругъ достойныхъ исполнителей прекрасно задуманнаго плана. Мы судили по крайнему нашему разумѣнію, судили безпристрастно; мы приводимъ съ подтвержденіемъ нашихъ приговоровъ доказательства, которыя мы заимствовали *каждый* разъ изъ самой книги, осуждаемою нами, не признавая за собою права абсолютнаго не погрѣпимаго суда. Намъ не отвѣчали на рецензіи наши; но, хотя молчаніе имѣетъ двусмысленное значеніе и точно также можетъ быть выраженіемъ согласія, какъ и доказательствомъ пренебреженія; однакоже, мы считаемъ себя въ правѣ придать этому молчанію именно первое значеніе, къ чести гг. компаніонровъ. Мы

основываемъ это лестное для рецензента заключеніе пменно на томъ неоспоримомъ фактѣ, что гг. редакторы-сотрудники торговаго дома, признанные нами, на основаніи ихъ собственныхъ трудовъ, несостоятельными—съ минуты произнесенія надъ ними гласнаго приговора, не появлялись болѣе на чуждомъ имъ поприщѣ и, вѣроятно, совершенно сошли со сцены. Мы убѣждены, что отступленіе такихъ господъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ ручательствъ за успѣхъ будущихъ предпріятій гг. компаніоновъ, основавшихъ товарищество «общественная польза», о дѣйствіяхъ котораго мы безъ сомнѣнія будемъ имѣть скоро случай и удовольствіе побесѣдовать съ читателями Русскаго Слова.

КАРТИНА РАСТИТЕЛЬНОСТИ. Для чтенія взрослыхъ дѣтей. Изъ сочиненія *Германа Мазюса «Naturstudien»*. Переводъ *Ф. Резенера*. Санктпетербургъ. 1861. Въ 8-ую долю. Стр. 121.

Чудесная книга передъ нами, читатель, отъ которой не отказался-бы и величайшій, краснорѣчивѣйшій пѣвецъ красотъ и законовъ природы—Гумбольдтъ. Цѣль автора возбудить въ дѣтяхъ впечатлительность къ красотѣ природы. И цѣль эта будетъ достигнута чтеніемъ книги, если только извращенное воспитаніе, педагогическая провинціальная розга не порвали, въ душѣ юнаго читателя, лучшей душевной струны его, отзывающейся всему прекрасному и изящному. Заговорить это чувство, заглухшее, можетъ быть, въ тревоженіяхъ городской жизни, и въ васъ, читатель, если только вы возметесь за книгу, не смущаясь неумѣстною по нашему мнѣнію оговоркою гг. издателей что книга эта назначается для взрослыхъ дѣтей. Беритесь за книгу, и вы не оторветесь отъ волшебныхъ страницъ, рисующихъ картины родной вамъ сѣверной природы. Ведеть-ли васъ авторъ на лугъ, на этотъ коверъ, въ который природа влетаетъ самыя богатые цвѣточные арабески, вамъ такъ и видится великолѣпная картина заката солнца подъ равниною. Потокъ сумрачнаго свѣта течетъ по дремлющимъ стебелькамъ; красныя метелки шавеля дрожатъ, облитыя багрянцемъ; вѣдушные колоски лоснятся золотою пылью; солнце закатилось большимъ пылающимъ кругомъ, и съ земли поднимается таинственный бѣлый паръ, а изъ сумрачной синевы долетаетъ послѣдняя пѣснь жаворонка. Вы покидаете плодородную равнину; луга тощатъ; почва песчанѣетъ и становится волнистой: древесная растительность ограничивается березой и осиною и тѣмъ предвѣщаетъ *осрецианъ*, у же

высылающій къ намъ отдѣльныя полосы. Наконецъ исчезаютъ жилища, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряется тропинка, и послѣ часовой ходьбы по поросшимъ осокой и циннѣмъ (иммортиелями) холмамъ, вы среди верещака. Вездѣ тѣ же пустынные холмы, тотъ-же бурый цвѣтъ, тоже печальное молчаніе. Все какъ-бы вымерло, напоминаетъ мумію. Самая растительность, которая съ непреодолимымъ упорствомъ подчинила себѣ страну, состоитъ изъ какихъ-то призраковъ, которыхъ не оживляетъ своимъ прикосновеніемъ ни одно время года. Непрерывная, покрытая сѣрокоричневыми вѣтвями вереска, равнина кажется морскимъ дномъ, внезапно поднятымъ съ коренившееся въ немъ водорослю, изсохшею подъ непривычными ей лучами солнца; она представляетъ картину охладѣвшей души, подавленной въ себѣ всякую жизнь. Но верещакъ дѣйствуетъ на насъ не только своею пустынностію и обмираниемъ; къ возбуждаемой имъ непріятной робости, примѣшивается какая-то тайная прелесть—прелесть дикой природы. Да, и эта спаленная солнцемъ, истощавшая равнина привлекаетъ потому что и она свободная природа. Вы вступили въ лѣсъ—смотрите или припомните, и повѣряйте. Бархатная мурава перемежается поросшими мхомъ валунами. Дорога то ползетъ вверхъ, то спускается, ведя сквозь темныя пиши, мимо облитыхъ солнечнымъ свѣтомъ полей. То перебѣжитъ по ней, извиваясь, красивая ящерица, то мелькаетъ орѣшковая мышь и, псугавшись, исчезнетъ между корней. А направо и налево, между стволами и вѣтвями, волнуется бездонное море зелени. Тамъ стоятъ, какъ будто схватившись для борьбы, богатыри дубы; береза покачивается облитой солнечными лучами вершиной; кленъ и букъ развернули свои вѣтви; благоухая возвышается жимолость каприфолия. Высоко, на вѣткѣ, качается бѣлка. Вотъ она, вперивъ умные глазки, прислушивается; вы видите скачекъ, слышите свистъ—и нѣтъ ея, только качаются вѣтви. Въ сторонѣ воды игриво сверкаютъ и кишатъ въ сотнѣ желобовъ. Издали пазваниваютъ стада. Окружающее спутывается плотице и прелестнѣе. Сквозь зеленую рѣшетку прорываются серебристые лучи, вездѣ стоятъ нѣжное благоуханіе. Все отливается разными цвѣтами, дышетъ, волнуется и снова замираетъ, какъ подъ вліяніемъ чары. Даже бабочка сидитъ неподвижно на вѣрѣ напоротника, и коршунъ какъ-бы заснулъ въ сплывѣ неба...

Спѣшите насладиться природою. Наступаетъ осень. Уже небо заволакивается, и по цѣлымъ днямъ не срываетъ съ себя покрыва. Оно похоже на глазъ съ набѣжавшей слезой, которая

при каждомъ взглядѣ можетъ скатиться. Чуть повѣтъ вѣтерокъ, и съ дерева, колеблясь, падаетъ листь за листь; если и прорвется солнечный лучъ, то обнаруживаетъ только новые признаки увяданія. Надъ лѣсомъ и равниной стоятъ рѣдкій туманъ, и вмѣстѣ съ нимъ отдѣляется, сопровождающій разложеніе растительности—сырой, осенній запахъ. Все обмираетъ, готовится къ зимнему спу или скрывается. Отлетѣли ласточка и жаворонокъ, исчезаютъ съ паствы стада; поспѣвшіе свозятся съ поля оставшіяся на немъ копны. Подбирающая колосья бѣдная старуха, нищій мальчикъ съ вязкой хвороста—послѣдніе гости природы. Отъ былой роскоши остаются только покачиваемые вѣтромъ шесты и обнаженный отъ листьы и навѣвающій боязнь лѣсъ.

Rien n'est beau que la vrai.

Разказы о природѣ и ея явленіяхъ. А. Разина. Съ 107-ю полтипажами въ текстѣ. Санктпетербургъ 1861. Въ 8-ю д. л. Стр. 379.

Сборникъ популярныхъ статей по различнымъ предметамъ, который можетъ доставить пріятное и полезное препровожденіе времени не только юношеству, но даже кое-кому изъ взрослыхъ представителей нашего образованнаго общества. Тутъ рѣчь идетъ объ астрономіи, кометахъ, планетахъ, громоотводахъ, термометрѣ, о слухѣ, алхиміи, живописи и свѣтописи, и проч., и проч. Большая часть статей весьма занимательна, рѣчь большею частию чистая русская. Судя по переплету, въ которомъ мы получили экземпляръ, разбираемой нами книги, она должна служить подаркомъ къ предстоящимъ праздникамъ; подарокъ пріятный и полезный. Но при всемъ желаніи нашемъ воздерживаться, гдѣ только можно, отъ порицанія, мы считаемъ неумѣстнымъ и вреднымъ молчать тамъ, гдѣ упущеніе со стороны автора или издателя могло бы отозваться вредомъ для читателя, вводя его въ заблужденіе, а для автора или издателя, потворствуя въ немъ той безпечности, которая бываетъ естественнымъ послѣдствіемъ ложнаго убѣжденія въ непогрѣшимости труда его или поддерживается въ авторѣ познаніемъ слабыхъ сторонъ собственнаго произведенія его. И чѣмъ обширнѣе сфера дѣятельности автора, тѣмъ требовательнѣе можетъ и долженъ быть рецензентъ во имя публики, интересы которой онъ сохраняетъ безпристрастнымъ отзывомъ, о достоинствахъ сочиненія. Онъ долженъ быть зыскательнѣе, какъ скоро дѣло идетъ о популярномъ изданіи,

которое, не вдаваясь въ доказательства приводимыхъ фактовъ, требуетъ и находить въ читателяхъ безусловную вѣру въ достовѣрность сообщаемыхъ данныхъ. Наконецъ, еще взыскательнѣе долженъ быть рецензентъ, когда такая книга выходитъ за подписью *педагога*. Кому, какъ не ему, педагогу, понимать необходимость крайней осмотрительности въ выборѣ и изложеніи фактовъ? А между тѣмъ, мы беремся и считаемъ нашимъ долгомъ, обвинить г. Разина именно въ этой неосмотрительности и, по обыкновенію нашему, не обвинять голословно, приведемъ, безъ дальнѣйшихъ окопчностей, доказательство нашему мнѣнію или обвиненію.

Возьмемъ, напримѣръ, статью «солнце и планеты», статью въ высшей степени занимательную. Мы находимъ въ ней, на стр. 27-ой, слѣдующую фразу: *всѣ тридцать пять планетъ, принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ, различны*. И такъ, по автору, у насъ, къ настоящей минутѣ или по крайней мѣрѣ втеченіе нынѣшняго года, считается всего 35 планетъ. Что это не описка и не опечатка доказывается и тѣмъ, что въ слѣдующей статьѣ «астероиды» (стр. 43-я) авторъ, предложивши вопросъ: *сколько же ихъ наконецъ, этихъ астероидовъ?* самъ отвѣчаетъ, что «въ одномъ 1852 году ихъ открыто восемь, а теперь уже ихъ всѣхъ 27». Слѣдовательно, всѣхъ планетъ по счету автора опять оказывается 35. — Потрудитесь заглянуть въ календарь на 1860 годъ, тамъ на стр. 73—74, помѣщены элементы пятидесяти шести астероидовъ, такъ, что слѣдуя календарю, приходится считать къ нынѣшнему году всего 64 планеты, т. е., 29-ью болѣе, нежели ихъ насчитываетъ г. Разинъ. Кому вѣрить, г. педагогу или академіи наукъ? Дѣло въ томъ, что г. Разинъ изволитъ разумѣть подъ словомъ *теперь* не 1861 годъ, выставленный на заглавномъ листѣ, его книги и даже ни 1860-й, а 1853 (см. выноску на стр. 26-ой) годъ. Приготовляя книгу въ подарокъ къ 1861 году, г. педагогъ не принялъ труда повѣрить цифры и факты, изложенные въ статьѣ 1853 года; прочитай г. Разинъ статью свою хоть разъ, но со вниманіемъ, онъ безъ сомнѣнія исправилъ бы *ошибку* (!), тѣмъ болѣе замѣтную, что она выражена не цифрою, а цѣлою фразою, и притомъ не разъ, а дважды. Итакъ, это небрежность?

Заглянемъ въ другую статью «свѣтопись и живопись». Цѣлѣ статьи — доказать, что живопись стоитъ неизмѣримо выше фотоскопѣи и что послѣдней никогда не сравнится съ первою. Начемъ основываетъ г. педагогъ свое заключеніе? Потому, между

прочимъ, что свѣтописью достигается математически вѣрнѣе изображение предмета, достигается не только сходство, но тождество, и что именно потому, что сходство въ изображеніи имѣетъ высшее значеніе, нежели тождество (!), живопись, имѣющая цѣлью достигнуть не тождества съ предметомъ, но сходства, стоитъ (!) выше фотографіи. Г. Разинъ утверждаетъ, что *сходство и символъ — одно и то же* (стр. 354), забывая, что символъ на столько обращается въ сходство, на сколько воображеніе зрителя способно воссоздать это сходство, нашедши въ символѣ только исходную точку своей дѣятельности, и что, слѣдовательно, сходство, достигаемое изображеніемъ символа, есть только результатъ, болѣе или менѣе искусившагося въ этомъ дѣлѣ мышленія, но не заключается въ самомъ символѣ. Путемъ своеобразной логики своей, авторъ доходитъ до заключенія, (стр. 355), что *«изображеніе въ наилучшемъ зеркаль гораздо меньше похоже, чѣмъ хороший портретъ»* (стр. 355). Какъ доказать это? Очень просто. Если бы я начертилъ, говорить авторъ, при васъ, даже не очень хорошо, животное съ довольно тонкими ногами, съ толстымъ животомъ, съ тонкими хвостикомъ и парю длинныхъ, отвислыхъ ушей, вы сказали бы: это осель. Однакожъ, этотъ очеркъ никоимъ образомъ не подобенъ настоящему ослу, за то онъ такъ подобенъ тому попятию, какое у насъ составилось объ ослѣ, что вы *тотчасъ вдругъ и вполне (вспоминаете, воображаете, г. авторъ, но не видите)* настоящего осла. Велите принести зеркало и сдѣлайте такъ, чтобы въ немъ отразился настоящій осель, и въ зеркалѣ вы не скорѣе (!) и не познѣе (!) узнаете его, нежели въ рисункѣ. Въ зеркалѣ онъ похожъ (*только похожъ, г. авторъ?*) такъ; но развѣ потому, что онъ подобенъ? Нисколько (*такъ почему же, г. Разинъ?*), потому что вотъ рисунокъ, который похожъ точно также (!?), а не подобенъ ему. — Авторъ забываетъ, повторяемъ, что осель въ виньеткѣ его настолько похожъ на настоящаго, насколько воображеніе способно дополнить потребности, недостающія виньеткѣ, для уподобленія ея настоящему ослу. Перенеситесь, г. Разинъ, воображеніемъ въ какое-нибудь училище; учителя итъ въ классѣ; сидитъ себѣ одинъ изъ учениковъ передъ книгою и задумался. Подходить къ нему сзади одинъ изъ его товарищей, и приставляетъ къ обѣимъ сторонамъ его головы, торча кверху, сложенные въ складку полы своего сюртука; товарищи видятъ эту продѣлку и громкій крикъ — осель, осель; выводятъ жертву изъ задумчивости ея. Слѣдуя логикѣ автора, ребенокъ съ приставленными къ вискамъ его, полами сюртука учителя его,

такъ подобенъ въ этомъ случаѣ тому понятію, какое ученики пѣбуютъ о настоящемъ ослѣ, что они *тотчасъ же, одружъ и смолкъ* признали въ товаришѣ осла. Нарисуйте, г. Разинъ, любое животное съ длинными ушами, затушуйте все тѣло его такъ, чтобы нельзя было разобрать съ точностію очертаній его, и спросите учениковъ, что это за животное? Иной задумается, иной вамъ отвѣтитъ, что это осель; но не ясно ли, что тутъ не можетъ быть и рѣчи ни о тождествѣ, ни о сходствѣ, ни о подобіи? Все дѣло въ силѣ воображенія. И послѣ всего этого г. Разинъ, обращается къ здравому смыслу съ слѣдующею рѣчью:—Итакъ, о здравый смыслъ, не судите же съ такою самоувѣренностію, будто или отраженіе въ зеркалѣ болѣе подобно предмету, такъ ужъ оно и болѣе похоже; скорѣе согласитесь, что искусство того, кто сдѣлалъ очеркъ (*а искусство того, кто приставилъ товарищу ослиныя уши?*), гораздо могущественнѣе сходства, нежели всѣ удивительные и точнѣйшіе законы оптики. Поощадите оптику, г. Разинъ; вспомните, какому понятію уподобляетъ зритель сдѣланный вами очеркъ осла? какому понятію, г. Разинъ, если не именно тому, которое разъ навсегда составилось въ немъ сознаниемъ изображенія настоящаго осла, отразившагося на нервной сѣткѣ глаза, именно на основаніи точнѣйшихъ законовъ унижаемой вами оптики? Кажется, это ясно, но едва ли это будетъ ясно г. автору, который, надсмѣхаясь надъ здравымъ смысломъ, слѣдуетъ *своей логикѣ и своей физикѣ*, а на это мы опять приведемъ доказательства.

Воротимся къ первой статьѣ сборника «небеса повѣдаютъ славу Божию». Тамъ на стр. 12-ой, авторъ, говоря объ лунѣ, задаетъ себѣ вопросъ, есть-ли жители на лунѣ или нѣтъ, и рѣшаетъ задачу тѣмъ, что такъ какъ на лунѣ нѣтъ ни воды, ни воздуха, необходимыхъ для всѣхъ земныхъ существъ, то на ней не можетъ быть ни жителей, ни животныхъ, напоминающихъ сколько нибудь своимъ видомъ тѣхъ, которыя водятся на землѣ. «Но кто знаетъ,» продолжаетъ онъ, «можетъ быть луна *населена существами въ формѣ зѣрковъ*, иногда гармонирующихъ между собою въ чудномъ хвалебномъ гимнѣ Творцу.» Вглядитесь въ эту фразу и сообразите, сколько тутъ безпощадныхъ ударовъ здравому смыслу и наукѣ. До сихъ поръ наука понимала звукъ какъ сознание впечатлѣнія, производимаго въ органпзмѣ на слуховые нервы сотрясеніемъ воздуха, такъ, что звукъ, не существуя въ природѣ, существуетъ только въ мозгѣ животного. Населяя луну звуками, авторъ признаетъ за ними самостоятельное

существованіе. — Если же понимать слова автора такъ, что луна населена не звуками, а существами, имѣющими форму звуковъ, т. е., сотрясеній воздуха, то какъ же было автору забыть, что безъ воздуха, котораго нѣтъ на лунѣ, не можетъ быть и звука; и что если на ней не можетъ быть ничего похожего на земное существо, всегда обусловленное присутствіемъ воды и воздуха, то, слѣдуя той же логикѣ, на лунѣ не можетъ быть ничего похожего на форму (и какъ и гдѣ подмѣтилъ эту форму г. авторъ?) звука, всегда обусловливаемого присутствіемъ воздуха? Мы утверждали, что у автора своя физика и, какъ читатель теперь убѣдился, доказали это.

Заключенія автора несогласны съ здравымъ смысломъ, но это нисколько не затрудняетъ г. Разина. Объяснивши рѣшительную отчаянную войну здравому смыслу, онъ утверждаетъ (стр. 355), что *«ме всегда правъ и здравый смыслъ.»* Но если такъ, то чѣмъ же повѣряетъ г. авторъ правильность своихъ заключеній, какъ скоро онъ нищетъ этой повѣрки внѣ сферы дѣйствія здраваго смысла. И если, въ какомъ бы то ни было случаѣ, здравый смыслъ не правъ, то это уже не здравый смыслъ. Въ парадоксѣ, софизмѣ нѣтъ здраваго смысла. — Теперь только, когда мы кончаемъ нашу рецензію, мы замѣчаемъ, что сдѣлани непростительный промахъ, возражая автору, потому что какъ бы крѣпко мы не держались здраваго смысла, г. Разинъ можетъ возразить намъ, что здравый смыслъ можетъ быть не правъ. Предъ такимъ убѣжденіемъ всякое возраженіе бессильно.

Эпилогъ. Прощай бѣдная наука логика! Къ своимъ ты приходила и свои тебя не узнали. Но не сердись. Какъ же было узнать тебя? Вѣдь ты была одѣта не по-свойски.

В. ХАШКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Histoire de la maison de Savoie par M-me la princesse Christine Trivulce de Belgiojoso. Paris. 1860. Un vol. (Исторія савойскаго дома, княгини Бельджойзо.)

Современныя событія въ Италіи выдвинули Пиемонтъ на первое мѣсто; они составили ему такую роль, какой не играло ни одно конституціонное государство настоящей эпохи. Въ мѣсяцъ оно превратилось изъ маленькаго владѣнія въ огромное королевство, которое поражаетъ въ трехъ блнстательныхъ побѣдахъ одну изъ самыхъ сильныхъ имперій, заявляетъ свой голосъ передъ всей Европой и, переходя на сторону мирнаго управленія страной, принимаетъ титулъ италіянскаго королевства.

Такая роль образовала вокругъ Виктора-Эммануила и Кавура особенную партію, которая разсматриваетъ италіянскій вопросъ съ точки зрѣнія пиемонтской политики. Книга Бельджойзо принадлежитъ къ этому разряду, и замѣчательна какъ по живости изложенія, такъ и по личности княгини, участвовавшей въ политическихъ переворотахъ своего отечества въ 1848 и 49 годахъ.

«Эта книга, говоритъ авторъ, должна поддержать мою партію; легко понять, что мнѣ не доставало времени, чтобъ искать новыхъ фактовъ, новыхъ доказательствъ и обстоятельствъ еще неизвѣстныхъ. Я довольствовалась изложеніемъ событій относящихся къ моему предмету такъ, какъ они изображены у писателей, пользующихся по справедливости нѣкоторымъ авторите-

томъ. Всякое критическое разсужденіе, по моему мнѣнію, должно было запутать пни, по крайней мѣрѣ, *замедлить ходъ промышленности*» (avant-propos).

Изъ этихъ строкъ видно, какъ Бельджойзо смотритъ на предметъ: исторія становится для княгини политическимъ памфлетомъ, и государямъ савойскаго дома произносится пышный панегирикъ, потому-что ей не достало времени провѣрить свои сужденія критикой. Это отсутствіе критическаго элемента помѣшало ей также представить исторію народа и показать значеніе Савои въ итальянскомъ развитіи.

На самомъ дѣлѣ до революціи архіепископской *), Пиемонтъ и Савоя представляли выраженіе военной аристократіи и постоянно являлись враждебными всякому коммунальному движенію. Со временъ Берольда, баснословнаго родоначальника Савойскаго дома, начинается торжество архіепископовъ, но не надолго; графская реакція торжествуетъ, архіепископъ выгнанъ изъ Турина, надъ которымъ почти одновременно разражаются война и язва. Двадцать четыре года оставался городъ въ заустѣніи и архіепископъ въ изгнаніи; но по прошествіи этого времени Гумбертъ II примирился съ нимъ, потому-что почти во всемъ Пиемонтѣ обнаружилось движеніе въ пользу архіепископовъ и консуловъ. — и савойскіе графы могли лишиться власти въ Италиі.

Но успокоивъ народъ временными уступками, преемники Берольда не теряли изъ виду увеличенія своихъ владѣній завоеваніями. Съ одной стороны ихъ побуждало властолюбіе, съ другой политическая необходимость. Географическое положеніе Савои обуславливало ея политику.

Франція, Австрія, Миланъ — постоянно грозили ей погнѣблѣю; въ первое время грозными соперниками были даже маркизы монфератскій и салуцкій. Принужденные дѣйствовать уклончиво, савойскіе графы въ стремленіи своемъ сдѣлаться самостоятельными государями, должны были освободиться отъ совѣтовъ Франціи, похожихъ на приказанія; отъ вмѣшательства папы и императора и отъ вліянія реформаціи. Последняя имъ была опасна, потому-что вмѣстѣ съ религіозными идеями, вносила новыя политическія понятія. Невѣжество бѣдныхъ горцевъ и іезуитизмъ казался королямъ сардинскимъ лучшими средствами противъ внутреннихъ переворотовъ. Въ дѣлахъ внѣшней полтики они играли постоянно двуличную роль, переходили отъ одной сторо-

*) См. Ист. итал. революціи Феррары. Р. Слово, июль, 1859.

ны къ другой; иногда выигрывали, иногда проигрывали, смотря по обстоятельствамъ, и всегда впдѣли страну свою опустошенною войною. Безстрашные на полѣ сраженія, большею частью искусные полководцы, государи савойскаго дома слишкомъ односторонне понимали обязанности свои къ народу, и мы не знаемъ, на какомъ разумномъ основаніи ими восхищается княгиня Бельджойю.

Первые савойскіе графы вели полную приключеній жизнь авантюристовъ: набѣги за набѣгомъ, пиръ за пиромъ наполняли ихъ существованіе; основавшись въ какомъ-нибудь укрѣпленномъ мѣстѣ, они подобно дикому звѣрю бросались оттуда на оплошнаго противника. Петръ, прозванный *маленькимъ карломъ*, укрѣпившись въ Шильонѣ, скоро сдѣлался ужасомъ окрестной страны.

Филиппъ I, Амедей V слѣдовали по стопамъ его, съ тою только разницею, что болѣе занимались дѣлами внутренними. Преемникъ Амедея, Эдуардъ, былъ государь съ болѣе свѣтлыми понятіями: онъ не чуждался буржуазіи и былъ внесенъ въ списокъ фрибургскихъ гражданъ; сверхъ того онъ позволилъ Евреямъ селиться въ Савоѣ.

Амедей VI, Зеленый графъ, названный такъ по цвѣту своихъ доспѣховъ и одежды, провелъ большую часть жизни на конѣ. Съ тринадцати лѣтъ онъ началъ участвовать въ турнирахъ: слава его росла съ каждымъ днемъ: въ 1366 г. онъ былъ выбранъ въ посредники императоромъ Иваномъ Палеологомъ въ спорѣ его съ болгарскимъ королемъ; черезъ три года потомъ игралъ ту-же роль между Бернабо Висконти и владѣтелемъ Вероны и, вообще, втеченіи своего царствованія пользовался не одинъ разъ подобными знаками довѣренности и уваженія отъ Венеціанъ, Генуезцевъ, короля кипрскаго, византійскаго императора и другихъ. Это былъ жороль-рыцарь, смотрѣвшій на все, кромѣ военной аристократіи, свысока, презиравшій буржуазію: при осадѣ Сіона, онъ не поколебался предать смерти 400 гражданъ, осмѣлившихъ защищать свою родину противъ сеньора графа.

Усиливавшееся могущество Амедея VI заставляло Францію вмѣшаться въ споръ его съ маркизомъ Салюдо; дѣло было отдано на судъ парламента, но Амедей, зная, что судьи предубѣждены противъ него, не поѣхалъ въ Парижъ.

Смерть постигла Зеленаго графа, когда онъ вернулся изъ

Неаполя, куда съѣзжалъ походъ съ цѣлью помочь Лудовику анжуйскому.

Большая часть историковъ Савои, въ томъ числѣ и Чибраріо, называютъ этого графа одной изъ самыхъ чистыхъ личностей савойскаго дома. Намъ кажется они слишкомъ ослѣплены его военною славой; слишкомънисходительно смотрятъ на него глазами того времени. Стоитъ вспомнить только, во что обошлась народу безумная пышность этого государя, и его постоянныя войны, чтобъ опредѣлить настоящее мѣсто ему *).

По смерти Амедея VI регентство досталось Боннѣ де-Бурбонъ, потому что сынъ ея, по словамъ княгини Бельджойзо, не достигъ еще совершеннолѣтія. Мы въ этомъ случаѣ не можемъ согласиться съ ней и готовы принять показанія другихъ историковъ, относящихъ время рожденія Амедея VII къ 1360 году.

Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ привести знаменитый турниръ графа при осадѣ Булонн. Графъ Гединтонъ (вѣроятно Гунтингдонъ), одинъ изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ рыцарей, явившись въ лагерь Французовъ, вызывалъ желающихъ сразиться съ нимъ. Пемброкъ и Арундель были его секундан-

*) Приедемъ нѣсколько болѣе поразительныхъ цифръ его издержекъ. Во время войны содержаніе графа и тысячи копій стоило ежемѣсячно 276,000 франковъ; лошади, купленная для подарка Галеаццо Висконти, 20,000 франк.; сверхъ того онъ дарилъ многимъ баронамъ лошадей отъ 2000 до 4000 франк. Ежемѣсячное содержаніе отеля Бонны бурбонской обходилось до 38,000 фр. На каждую собаку тратили отъ 80 до 60 сантимовъ въ день, тогда какъ на содержаніе пѣвника опредѣлялось только 25 сантимовъ. Чтобъ дать понятіе о тогдашней стоимости денегъ, представимъ нѣсколько данныхъ, заимствованныхъ у Чибраріо:

Насмъ Большаго дома въ годъ стоилъ около . . .	75 фр.
Сетье (setier = 45,22 литр.) вина въ Шамберн . . .	36 —
Возъ дровъ	1 — 53 сент.
Фунтъ говядины	— 24 —
Фунтъ телятины	— 30 —

Слѣдствіемъ безпрестанныхъ пойнъ и тяжелыхъ податей было уменьшеніе народонаселенія во многихъ общинахъ, въ другихъ же весьма незначительная прибыль. Такъ населеніе:

Этона (Aytons) въ 1377 было 395 душъ, въ 1399 только 380,
Брикеразіо — 1363 — 1050 — — 1377 — 400,
Маретта — 1363 — 730 — — 1377 — 645,
Риволи — 1377 — 2463 — — 1415 — 2300.

Правда, въ другихъ городахъ населеніе возрасло значительно, но это относится только къ городамъ укрѣпленнымъ и торговымъ. Это показываетъ, до какой степени терпѣли сельскіе жители отъ безпрестанныхъ войнъ.

тази и также воевалъ себѣ противниковъ. Послѣ настоятельныхъ просьбъ графъ савойскій получилъ наконецъ согласіе короля, и выѣхалъ на поприще, въ сопровожденіи герцоговъ Берри, Бурбона, Анжу и другихъ. Черное бархатное платье его было покрыто золотымъ шитьемъ и усѣяно драгоценными камнями. Шлемъ его былъ окруженъ золотой короной, осыпанной рубинами, алмазами и жемчугомъ; на гребнѣ шлема красовалась голова крылататаго льва.

Сраженіе началось; сначала графъ савойскій былъ раненъ, но потомъ, оправившись, нанесъ своему противнику такой ударъ, что тотъ вылетѣлъ съ лошадыю покотился на землю и долго лежалъ безъ чувствъ; Амедей немедленно приказалъ обмыть его розовою водою смѣшанною съ уксусомъ. Когда графъ Геддингопъ очнулся, битва возобновилась; соперники переломили сорокъ семь юний и наконецъ Англичанинъ получилъ ударъ, пронзившій ему плечо: тогда только онъ призналъ себя побѣжденнымъ. Послѣ того Амедей сразился на мечахъ съ графомъ Арунделемъ, которому раздробилъ черепъ и на сѣкирахъ съ Немброкомъ, котораго повергъ на землю. Великодушный послѣ побѣды, онъ подарилъ ему великолѣпный брилліантъ и золотую цѣпь. Осада Булони была въ 1383 году; нельзя-же предпологать, чтобъ юноша молоде двадцати лѣтъ могъ совершить такіе подвиги. Но вся эта слава не послужила ни къ чему. Жители Марно, Санто-Паоло, Серены и Фоссано отложились отъ него; онъ проливалъ савойскую кровь и расточалъ савойское золото для выгоды Франціи, которая, въ благодарность за это, приняла въ спорѣ его съ марнизомъ Салюцо сторону послѣдняго.

Правленіе Амедея VIII, перваго герцога савойскаго, ознаменовалось сближеніемъ съ императоромъ и распространеніемъ вѣдѣловъ Савои; въ этомъ стремленіи къ увеличенію своихъ владѣній, къ преобладанію въ сѣверной Италіи сошелся онъ съ Висконти; искусный политикъ, онъ умѣлъ не только избѣгнуть сѣтей лукаваго Филиппа, но еще присоединить къ Піемонту Верчелли съ его округомъ и подчинить себѣ совершенно мариза монферратскаго.

Отреченіе Амедея отъ престола и избраніе его въ папы послужило къ новой славѣ савойскаго дома, который приобрѣлъ при немъ Фрибургъ и окончательно подчинилъ Женеву *).

* Оставивъ герцогскій санъ сыну, Амедей VIII удалился въ уединеніе близъ монастыря Ривайя (Rivaille), подчинилъ себя монастырскому уставу,

Съ Лудовика начинается тѣснѣйшее сближеніе съ Франціей и страданіе Савойи.

Княгиня Бельджойзо, порицая перемѣну политики Лудовика, находятъ, что союзъ съ императорами былъ нормальнѣе, что савойскіе герцоги не должны были принимать ни чьей стороны и держать постоянный нейтралитетъ.

Савойскіе графы преслѣдовали двѣ цѣли: увеличеніе своей территоріи и увеличеніе власти. Союзъ съ императорами какъ нельзя лучше удовлетворялъ ихъ намѣренія: императорскіе викаріи, они смотрѣли на Италію какъ на предметъ завоеваній, они готовы были оторвать отъ ней нѣсколько ключковъ подъ защитою цесарей, но теперь императорская власть надъ Италіею стала только номинальна; гораздо сильнѣе ихъ были миланскіе владѣтели и отношенія къ нимъ савойскихъ герцоговъ походили на отношенія другихъ сосѣднихъ государствъ, желающихъ при всякомъ удобномъ случаѣ отхватить кусокъ земли другъ у друга. Висконти очевидно становились ближе къ цесарямъ, усилія ихъ были обращены преимущественно на Италію; тогда какъ савойскихъ герцоговъ занимала преимущественно романская Швейцарія, Провансъ и Монферратъ. Союзъ съ Франціей, стремившейся постоянно къ централизаци, долженъ былъ радовать Лудовика и его преемниковъ, которые также хотѣли ограничить феодальную власть бароновъ, не ставившихъ часто ни во что королевскія повелѣнія; такъ Лудовикъ Роноло, глубоко ненавидя Бернардо Матсе, рѣшился удовлетворить своей ненависти, узнавъ что онъ пошелъ въ плѣнъ къ Франческо Сфорца. Для этого, во время мирныхъ переговоровъ, онъ увѣрилъ послѣдняго, что государю его весьма пріятно будетъ, если онъ возвратитъ Бернардо свободу. Сфорца согласился и передалъ своего плѣнника синьору Роноло, но тотъ бросилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и погибъ. Всѣ старанія семейства несчастнаго рыцаря были на-

но не произносили окончательнаго обѣта до-тѣхъ-поръ, пока не узналъ, что его избрали въ папы.

Уступивъ папскую тіару въ пользу Николая V, бывшій герцогъ предложилъ слѣдующія условія, которыя были приняты лозанскимъ соборомъ и утверждены повимъ папою: онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ, архіепископомъ сабинскимъ, постояннымъ намѣстникомъ св. престола во всѣхъ владѣніяхъ савойскаго дома, Лионнѣ, Швейцаріи, констанцкомъ округѣ. Основавшись въ Женовѣ, новый архіепископъ ограничилъ коммунальныя права города подъ видомъ утвержденія ихъ.

прасны: оно не нашло правосудія ни у маркиза монферратскаго, ни у герцога савойскаго, ни у Сворца.

Другой случай еще поразительнѣе. Президентъ Фейсинъ, посланный для производства слѣдствія надъ барономъ Монтемайоромъ, былъ имъ арестованъ и заключенъ въ темницу. Оскорбленный герцогъ угрожалъ мятежному барону всѣмъ гнѣвочъ своимъ, хотѣлъ конфисковать его замки, но тотъ, не обращая на это вниманія, не только не выдалъ пѣнника, но прогналъ судей, присланныхъ герцогомъ для изслѣдованія и назначилъ своихъ комиссаровъ, которые и приговорили несчастнаго Фейсинъ къ смертной казни.

Приговоръ былъ исполненъ, а виновный баронъ остался безъ наказанія.

Подобные случаи дѣйствительно могли вывести изъ терпѣнія самаго снисходительнаго государя и возбудить въ немъ желаніе укротить мятежныхъ бароновъ, но савойскіе герцоги горько ошиблись, думая найти во Франціи помощь и сочувствіе. Ихъ естественными союзниками были буржуазія и народъ, но они не поняли этого и съ помощію войска хотѣли произвести реформу; отъ этого произошла только страшная неурядица и непрочность большей части новыхъ учрежденій.

Принятію Франціей стороны маркиза Салюцо обошлось Савоѣ дорого: войска Карла VII втеченіе 12 лѣтъ опустошали страну и только выѣшательство дофина, которому Лудовикъ подарилъ 20 т. золотыхъ экю, прекратило войну.

Принадки эпиленсін герцога передали регентство въ руки Юланды. Бургундія и Франція угрожали Савоѣ, требуя ея союза. Пораженіе Карла Смѣлаго Швейцарцами доставило перевѣсъ французской партіи. О бракѣ Филиберта съ Маргаритой Бургонской нечего было и думать. Лудовикъ XI назначилъ ему супругою Бланку Сворца и, не довольствуясь такимъ насиліемъ, не только освободилъ изъ подъ власти савойскихъ герцоговъ Нижній Валъ, и часть кантона де Во, (Vaud), но даже заставилъ ихъ отказаться отъ протектората надъ Берномъ и Фрибургомъ. Вліяніе Лудовика не ограничилось этимъ: онъ умѣлъ раздѣлить туринскій дворъ на враждебныя партіи и поочередно покровительствуя каждой изъ нихъ, ежедневно усиливался и распоряжался въ Савоѣ, какъ у себя.

Карлъ VIII продолжалъ политику своего предшественника и заставилъ савойскаго герцога возвратить маркизу Салюцо всѣ его

владѣнія кромя двухъ городовъ. Походъ французскаго короля въ Италию подвергнулъ Пиемонтъ всемя ужасамъ войны.

Восшествіе на престолъ Филиберта II облегчило участь страны, потому что онъ умѣлъ поддержать объявленный имъ нейтралитетъ, хотя и дозволялъ солдатамъ своимъ вступать во французскую армію.

Преемникъ его Карлъ III поставилъ государство свое на край гибели. Безхарактерный, тупоумный, жестокий, онъ на великомъ шагу дѣлалъ промахи. Сдѣлавшись противъ воли участникомъ камбрейской лиги, онъ участвовалъ въ пораженіи Венеціи союзниками, но не получилъ никакой выгоды отъ этой войны, потому что, при заключеніи договора съ Лудовикомъ XII, не объявилъ своихъ условій. Въ войнѣ Италиі противъ Франціи онъ остался вѣренъ послѣдней и потерялъ за то Вальтеллину. Леопольдъ X, не обращая вниманія на нейтралитетъ Карла, послалъ свою кавалерію въ Пиемонтъ для содѣйствія Швейцарцамъ въ защитѣ горныхъ проходовъ. Правда, савойскій герцогъ предупредилъ Франциска объ этомъ, доставилъ ему средства пройти черезъ Альпы неизвѣстными тропинками, участвовалъ въ переговорахъ съ швейцарскими кантонами и, въ благодарность за то, получилъ депешу отъ Франциска, тотчасъ послѣ заключенія мира, въ которой тотъ требовалъ для герцогини Апулезской ея часть отцовскаго наслѣдства, для Франціи Ниццу и Верчелли и для Рене савойскаго конфискованнаго у него владѣнія. Вмѣшательство Швейцарцевъ остановило войну.

Союзъ съ императоромъ былъ пагубенъ для Пиемонта не меньше союза съ Франціей: Карлъ V, избранный посредникомъ въ спорѣ савойскаго герцога съ Венеціей за Кинръ и съ Гонзаго за Монферратъ, рѣшилъ дѣло въ пользу послѣднихъ; но, чтобы нѣсколько вознаградить его за эти потери, подарилъ ему графство Асти и предложилъ послать сыновей въ Испанію для окончанія курса вмѣстѣ съ Филиппомъ. Оба эти одоженія оказались впоследствии новыми заданьями хитраго императора: владѣніе графствомъ Асти вовлекало въ войну съ Франціей; воспитаніе при испанскомъ дворѣ грозило сдѣлать изъ будущаго герцога покорнаго раба Карлу V.

Во внутреннихъ своихъ распоряженіяхъ герцогъ савойскій оказался также несостоятельнымъ: онъ не понималъ значенія реформации, не понималъ, что она могла доставить ему людей, а не машинъ, союзъ съ Швейцаріей и даже, можетъ быть, поддержку Франціи. Такие люди, какъ Вертелле, Леприэ и Бопинваръ, могли

принести большую пользу Карлу III; но онъ, вмѣсто того чтобы воспользоваться ими, преслѣдовалъ ихъ; ворвавшись въ Женеву *), онъ приказалъ арестовать Бертелье; смѣлый гражданинъ не хотѣлъ бѣжать, хотя и былъ предувѣдомленъ о намѣреніи деспота. Ему угрожали смертью, требуя, чтобы онъ просилъ прощенья у герцога; Бертелье отказался, написалъ на стѣнѣ своей темницы *«non moriar, sed narrabo opera Domini»* (не умру, но возвѣщу дѣла Вышняго), и пошелъ безтрепетно на казнь. Совѣтникъ Левріе, осужденный на смерть за то, что сказалъ, что Карлъ не государь Женевы, идя на эшафотъ, пѣлъ латинскіе стихи, которыхъ смыслъ можно передать слѣдующими словами: «какое зло мнѣ можетъ сдѣлать смерть? добродѣтель растетъ послѣ смерти: ее не могутъ истребить ни гоненія, ни мечъ тирановъ.» Бонниваръ, пріоръ св. Виктора, важнѣйшая опора народной партіи, богатый, независимый, другъ свободы, который, имѣя подданныхъ, думалъ только о томъ, какъ бы заслужить титулъ гражданина, былъ схваченъ креатурами герцога савойскаго и заключенъ въ замокъ Гроле **) (*La Suisse Hist. par Gallieur*).

Къ чему же привело это Карла III? Французская армія разграбила его владѣнія и овладѣла почти всею государствомъ; императоръ помогалъ неохотно и при заключеніи десятилѣтняго перемирія пожертвовалъ своимъ союзникомъ, позволивъ Франціи занимать втеченіе этого времени Савойю, а себя оставивъ Піемонтъ; такимъ образомъ у герцога осталась одна Ницца. Эммануэль Филиберъ, пройдя все степени военной іерархіи и отличившись храбростью и преданностью императору, успѣлъ получить отъ него нѣсколько городовъ. Заслуги Филибера во время войны доставили ему при заключеніи мира въ Като Камбресисѣ еще нѣсколько городовъ. Смятенія, послѣдовавшія во Франціи за смертью Генриха II, заставили Екатерину Медичи возвратить ему Туринъ и другіе города, кромѣ Пиньероля, Перузы и Савиліано. Тогда молодой государь обратилъ вниманіе свое на Швейцарію и, по совѣту папы и Филиппа II, началъ съ ней войну, чтобы завоевать земли, потеряныя Карломъ III. Война эта была для него несчастлива; онъ увидѣлъ двуличность своихъ совѣтниковъ

*) Архіепископъ жевевскій, Иванъ VII, передалъ право свѣтской власти савойскому дому. Женевская коммуна протестовала. Карлъ III занялъ Женеву и началъ свои преслѣдованія.

**) Заключение Боннивара въ Шиллоль относится къ послѣдшему герцогу.

и поспѣшили заключить съ кантонами миръ. Однимъ изъ условій этого мира была свобода вѣроисповѣданія, дарованная страпѣ, находившейся подъ управленіемъ Берна. Княгиня Бельджойзо вазываетъ это дѣйствіе примѣромъ необычайнымъ со стороны государя искренно католическаго, «но Филибертъ, говоритъ «она, стояла выше предразсудковъ своего вѣка, и его совѣсть «никогда не упрекала за то, что имѣло цѣлью и слѣдствіемъ мирное «развитіе народнаго благосостоянія.» Мы осмѣливаемся не согласиться съ этимъ, потому что этотъ пунктъ былъ подписанъ савойскимъ герцогомъ только послѣ настойчивыхъ требованій Швейцарцевъ и внесенъ въ число секретныхъ статей. Другими доказательствами приверженности герцога къ католицизму служитъ помощь посланная имъ Генриху III и декретъ о непосѣщеніи подозрительныхъ мѣстъ. *) Пребываніе Французовъ и Испанцевъ въ Савой и Пиемонтъ оставило глубокіе слѣды: первые вездѣ вводили свои обычаи и законы, назначали своихъ чиновниковъ; вторые покупали дворянство;—цѣль обоихъ была та, чтобы истребить въ сердцахъ народа всякое воспоминаніе о прежнихъ владѣтеляхъ; можетъ быть это и удалось-быимъ, еслибъ правленіе ихъ было поучше. Для уничтоженія слѣдовъ иноземнаго владычества Филибертъ принужденъ былъ преобразовать конституцію, ограничить права дворянства и духовенства, потому что порча болѣе проникла въ эти классы.

Карлъ-Эммануилъ явился достойнымъ ученикомъ іезуитовъ. Прежде всего онъ пытается овладѣть Женевою съ помощью заговора, но намѣреніе его обнаруживается и онъ не успѣваетъ.

Смерть Генриха III открыла новое поле честолюбію герцога. Онъ является въ числѣ претендентовъ на французскую корону и, вспомоцствуемый Филиппомъ II, ведетъ войну съ Генрихомъ IV. Война эта раззорила Савою и оторвала отъ ней нѣсколько округовъ. Заключивъ миръ, Карлъ Эммануилъ принялся за гоненіе протестантовъ и съ этою цѣлью поручилъ воспитаніе юношества іезуитамъ. Не довольствуясь этимъ, онъ захотѣлъ уничтожить

*) Edit à nos sujets de ne fréquenter les lieux-suspects à notre religion, гдѣ, между прочимъ, предписывается юношамъ, обучающимся въ протестантскихъ школахъ, вернуться на родину; предписывается трактирщикамъ не готовить скоромной пицци въ постные дни и наблюдать, чтобы посѣтителі не роворили о католической религіи сомнительнымъ тономъ и не спорили о ней; запрещается держать запрещенныя книги, какъ-то: сочиненія Кальвина, Маго, Бѣза, Варе, Фарели, Лютера и т. п.; запрещается пѣть на улицахъ неприличныя пѣсни и псалмы въ переводѣ Маро.

гнездо ереси Женеву и вздумалъ овладѣть ею печально. Солдаты его были уже на стѣнахъ, но разъяренный народъ опрокинулъ ихъ, а взятыхъ въ плѣнъ казнилъ. Вмѣшательство Франціи остановило войну и заставило герцога признать новую республику.

Между тѣмъ планъ политическаго равновѣсія созрѣлъ въ головѣ Генриха IV, и онъ предложилъ Карлу-Эммануилу гарантировать брюссельскій трактатъ, обѣщая за то возстановить для него королевство Ломбардовъ. Герцогъ съ радостью схватился за это предложеніе, но князь Равальяка разрушилъ мечты его. Нельзя не отдать въ этомъ случаѣ справедливости политическому смыслу Карла-Эммануила: онъ первый понялъ, что для самостоятельности Пиемонта необходимы Миланъ и Монферратъ; до него савойскіе герцоги довольствовались клочками этихъ провинцій, и колебались только, кому должно принадлежать миланское герцогство — французской или испанской партіи. Честолюбіе герцога повлекло его въ новыя войны съ Испаніей и Австріей за Монферратъ и по поводу вопроса о Вальтелинѣ; но при заключеніи мира никто не подумалъ объ его интересахъ. Въ слѣдующую кампанію онъ принялъ сторону Испаніи, но, опасаясь новаго вѣроломства, заключилъ вскорѣ отдѣльный миръ съ Франціей. Такое поведеніе взумило и огорчило императора, и онъ послѣшилъ усилить свою армію въ Италіи 30 т. человекъ. Съ другой стороны Ришелье не позволялъ герцогу вооруженнаго нейтралитета и требовалъ съ его стороны дѣятельнаго содѣйствія своимъ видамъ. На отказъ его онъ отвѣчалъ занятіемъ большей части его владѣній; другая часть была занята союзниками его Австрійцами, стоявшими непріятелей. Посреди безпрестанныхъ переворотовъ военнаго счастья Карлъ-Эммануилъ умеръ.

Разсматривая далѣе исторію савойскаго дома, мы видимъ, что Викторъ-Амедей былъ нѣсколько разъ игрушкою и жертвою Франціи; регентша Христина перенесла отъ ней всевозможныя огорченія и едва не лишилась государства; Карлъ-Эммануилъ II былъ обманутъ въ вопросѣ о Монферратѣ.

Во внутреннемъ управленіи эти союзы отзывались на преслѣдованіи протестантовъ и на чрезмѣрномъ развитіи арміи, что поглощало большую часть производительныхъ силъ страны.

Эта зависимость отъ Франціи такъ наскучила Виктору-Амедею II, что онъ рѣшился сблизиться съ аугсбургскою лигой. Изгнавъ прежде протестантовъ по приказанію Людовика XIV, онъ позволилъ имъ теперъ возвратиться. Хотя позволеніе это было

секретное и переговоры велись въ величайшей тайнѣ, Лудовикъ узналъ объ нихъ и рѣшился покорить Пиемонтъ; но для того, чтобы овладѣть имъ съ возможно меньшею потерею, онъ потребовалъ отъ герцога два полка пѣхоты для войны во Фландріи и 500 человекъ противъ гугенотовъ въ Севеннахъ. Получивъ ихъ, онъ приказалъ маршалу Катина направиться къ Пиемонту, предписавъ ему потребовать присоединенія пиемонтской арміи къ французской и сдачи крѣпостей Веррю и Туринна. Никакія уступки не были приняты и война запылала. Чудеса храбрости оказали Пиемонтцы и наконецъ послѣ шестилѣтней борьбы получили выгодный миръ. Въ числѣ условій стояли нейтралитетъ Савои и Италіи. Черезъ три года трактатъ павійской обязалъ Францію, Испанію и имперію не вмѣшиваться въ дѣла Италіи.

Война за испанское наслѣдство снова вызвала герцога на военное поприще; онъ присоединилъ войска свои къ французскимъ, но дѣйствовалъ нерѣшительно потому что не видѣлъ для себя никакой пользы въ успѣхахъ Французовъ; съ другой стороны Викторъ-Амедей терпѣлъ отъ дерзости маршала Вилъруа. Желая выйти изъ этого двусмысленнаго положенія и заставить Лудовика XIV предложить выгоднѣйшія условія, герцогъ вступилъ въ переговоры съ графомъ Арембергомъ. Король французскій, узнавъ объ этомъ, приказалъ маршалу Вандому обезоружить савойскія войска и арестовать самого герцога, но его успѣли предупредить о послѣднемъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ поставленъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе: французскія войска занимали большую часть его территоріи и отдѣляли его отъ австрійскихъ силъ; шесть тысячъ лучшихъ его солдатъ были обезоружены. Но Викторъ-Амедей угадалъ, въ чемъ настоящая сила савойскаго дома: онъ сдѣлалъ позваніе къ народу и народъ отвѣтилъ ему единодушнымъ возстаніемъ. Въ нѣсколько дней онъ сформировалъ 12 пѣхотныхъ полковъ, усилилъ гарнизоны Туринна, Веррю и Верчелли и отрѣзалъ сообщеніе между французской арміей и ея подкрѣпленіямъ; не отчаяваясь въ успѣхѣ, онъ не торопился заключить съ императоромъ союзъ, который могъ быть ему невыгоденъ своей твердостью и заставилъ Лепольда подчинить ему 20 т. корпусъ и по заключеніи мира уступить округи александрійскій, ломеллинскій и нѣкоторыя другія области, въ то же время онъ старался о допущеніи Савои въ швейцарскую конфедерацію и достигъ этимъ нейтралитета Шаблэ и Фоспьянъ...

Утрехтскій трактатъ, кромѣ Монферрата и обѣщанныхъ окру-

говъ, доставилъ Виктору-Амедею отъ Франціи нѣсколько должнъ и крѣпости Ерсиль и Фенестреллу, а отъ Испаніи Сицилію съ титуломъ королевства. Но не долго принадлежала ему Сицилія. Испанскій флотъ, по приказанію Альберони, когда тотъ задумалъ возвратить Испаніи утраченное величіе, овладѣлъ островомъ почти безъ сопротивленія. Иначе не могло и быть: Сицилійцы слишкомъ долго были развращаемы Испаніей, чтобъ сочувствовать Піемонту: разница въ нравахъ, обычаяхъ, законодательствѣ была неизмѣримая; но взаимнѣ Сициліи Викторъ-Амедей получилъ Сардинію, что было для него гораздо выгоднѣе.

Во внутреннемъ устройствѣ страны стремленіе сардинскаго короля къ абсолютизму заставило его лишитъ іезуитовъ прежняго значенія. Съ одной стороны они служили постоянно интересамъ Лудовика XIV, съ другой — способствовали притязаніямъ папы. Эта же жажда власти внушила новому королю самыя несправедливыя мѣры для увеличенія доходовъ казны: онъ потребовалъ, чтобы всѣ собственники представили документы на право владѣнія, и если въ этихъ документахъ встрѣчалось хоть малѣйшее отступленіе отъ буквы закона, они были объявляемы ничтожными, а земли конфисковались въ пользу государства. Французская централизація начинала прививаться къ Піемонту и грозила представить въ будущемъ новый примѣръ наружнаго блеска и величія при внутренней слабости и нищетѣ: частная дѣятельность была поглощена, безчисленные декреты стѣсняли ее и указывали направленіе, которое она должна была принять; увеличенная чрезмѣрно армія пестрѣяла большую часть государственныхъ доходовъ. Викторъ-Амедей забылъ, что онъ былъ обязанъ всѣмъ націи и теперь давилъ ее формами насильственнаго прогресса.

Политика Карла-Эммануила II состояла въ томъ, чтобъ поддерживать равновѣсіе Франціи и Австріи, онъ зналъ, какъ вредно преобладаніе одной изъ этихъ державъ и потому никогда не пользовался случаемъ къ совершенному ослабленію другой.

Это ему удалось, но цѣною чрезвычайныхъ пожертвованій, такъ что выгоды, полученныя имъ отъ войны за австрійское наслѣдство, были ничтожны въ сравненіи съ тѣми потерями, которыя понесла страна во время военныхъ дѣйствій. Надо отдать справедливость Карлу-Эммануилу: онъ старался облегчить участь своихъ подданныхъ строгой экономіей, но покровительство духовенству и большая армія ежегодно стоили ему огромныхъ суммъ. При немъ централизація продолжаетъ свое дѣло. Онъ даетъ свободу рабамъ, чтобъ увеличить число вассаловъ, уничто-

жаеть независимость долины Аосто и сенать въ Казалѣ и бросаетъ несчастнаго Джіаппоне въ туринскіе казематы за то только, что онъ написалъ ясеннистскую книгу.

Преемникъ Карла-Эммануила, не имѣя его талантовъ, наследовалъ всѣ его недостатки: онъ не понималъ духа времени, не понималъ, что пришла пора государственныхъ реформъ, не чувалъ, что въ воздухѣ дохнула живительная свѣжесть и что народъ очнулся отъ долговременнаго сна. Дѣятельность новаго короля обратилась на постройку различныхъ зданій и освѣщеніе улицъ; реформы, произведенныя имъ въ арміи, ограничились новыми формами и комбинаціями трехъ и четырехъ въ составѣ полковъ. Во вѣдшихъ сношеніяхъ онъ принялъ сторону Франціи, и думалъ остановить потокъ революціи своей 60 тысячной арміей; — но ожиданія его были разрушены и генералъ Бонапартъ заставилъ его заключить парижскій трактатъ, по которому Франція пріобрѣтала Савою, Ниццу, Тенду и Брениль; сверхъ того онъ обязался скрыть стѣны вѣкоторыхъ крѣпостей и, въ случаѣ требованія, доставить Французамъ пушки и провіантъ безденежно.

Карлъ-Эммануилъ II (король) пошелъ въ реакціи еще дальше. Неуступчивость и непониманіе его принудили многихъ Пиемонтцевъ требовать реформъ съ оружіемъ въ рукахъ. Мщеніе короля было ужасно; изъ 400 человекъ, взятыхъ въ плѣнъ, сто было разстрѣляно; до 750 погбло въ бою и преслѣдованіи... Припужденный послѣ своего отреченія удалиться на островъ Сардинію, Карлъ-Эммануилъ тщетно протестовалъ противъ такого насилія, напрасно мечталъ о возвращеніи на прежнее мѣсто: побѣды Суворова открыли ему дорогу въ отечество, но Австрія воспротивилась этому и замедляла подъ разными предлогами возвращеніе короля, надѣясь присоединить Пиемонтъ къ Ломбардіи. Такимъ образомъ одинокъ изъ союзниковъ савойскаго дома еще разъ оказался безъ насни; съ другой стороны и Французы поступали не лучше: тяжелыя подати, бюрократія, — вотъ что подарили они джизальниской республикѣ и впоследствии италіянскому королевству. Безспорно, оно сдѣлало успѣхи въ торговлѣ и промышленности, украсилось великолѣпными зданіями, провело новыя дороги; но развитіе личности, развитіе народнаго духа было стѣснено централизующими формами новаго государственнаго устройства.

Но такое положеніе можно назвать райскимъ, сравнительно съ тѣмъ, что ожидало Сардинію въ 1814 году, послѣ возвра-

исненіи Виктора-Эммануила I въ отечество. На другой день вступленія своего въ Туринъ, онъ однимъ указомъ уничтожилъ все, что было установлено французскимъ правительствомъ; отставка разомъ массы чиновниковъ и офицеровъ произвела замѣнительство въ администраціи; занятіе Пьемонта австрійскою арміею истощило и раззорило его: оставляя страну, Австрійцы не постыдились разрушить въ Александріи великолѣпныя постройки Наполеона; возстановленіе старинныхъ законовъ и обычаевъ подчинило страну игу духовенства и дворянства. Слѣдствіемъ было чрезвычайное развитіе тайныхъ обществъ. Одно изъ нихъ, «федералисты» *), считало главою своей принца кариньянскаго Карла-Альберта. Воспитаніе его въ либеральномъ духѣ давало ему надежду на полученіе отъ него желаемыхъ реформъ; но онъ не принялъ во вниманіе трудности его положенія. Въ Карль-Альбертѣ не было рѣшимости: онъ былъ человекъ полумѣръ и въ то же время скрытенъ до чрезвычайности. Мартонскія воланія въ Пьемонтѣ въ 1821 г. заставили Виктора-Эммануила I отречься отъ престола въ пользу Карла-Феликса, который въ это время находился въ Моденѣ. Регентство принялъ принцъ кариньянскій. Обязанный властью либеральной партіи, онъ принужденъ былъ дать конституцію, но черезъ три дня Карлъ Феликсъ объявилъ незаконнымъ и ничтожнымъ все, что было сдѣлано послѣ отреченія брата его и въ то же время предписалъ Карлу-Альберту собрать войска, оставшіяся вѣрными ему, и присоединить ихъ къ арміи Лигура, собранной у Новары для поддержки его. Карлъ-Альбертъ не показалъ никому этого приказанія и исполнилъ его въ точности; тѣмъ не менѣе онъ подвергся оскорбленіямъ: генералъ Бубна насмѣхался надъ нимъ, Карлъ-Феликсъ не принялъ его; — онъ принужденъ былъ удалиться ко двору герцога тосканскаго. Здѣсь онъ оставался до 1823 г.; до экспедиціи Франгузовъ въ Пенанію, къ которой присоединился, чтобъ оправдать себя въ глазахъ королей, въ особенности въ глазахъ австрійскаго императора, который старался отстранить его отъ наслѣдства престола.

Вступленіе Карла-Феликса на престолъ открыло эпоху ужасовъ: военная комиссія приговорила къ смерти 73 человекъ изъ 178; исключила изъ службы 220 офицеровъ изъ 694; королевскими указами были закрыты университеты туринскій и генуэзскій и провинці-

*) Партія, думавшая образовать изъ Италіи три королевства.

альная коллегія; амнистія, дарованная 30-го сентября, заключала такія многочисленныя исключенія, что почти никто ею не воспользовался....

Июльская революція отразилась и въ Италіи; въ Пиемонтѣ были открыты заговоры: Брофферіо, Дурандо и многіе другіе были арестованы; процессъ противъ нихъ начался, но смерть Карля-Феликса остановила его. Карль-Альбертъ *), вступивъ на престолъ, простилъ ихъ — этимъ и ограничилось его милосердіе. Ни широкихъ реформъ, ни дозволенія изгнаннымъ возвратиться! Но въ душѣ новаго государя сохранилась жажда мести противъ Австріи — и онъ дѣятельно принялся за организацію арміи; сардинскій король думалъ воскресить преданіе савойскихъ герцоговъ; думалъ, опирался на іезуитовъ и войско, образовать итальянское королевство. Безирестанно опасаясь кнѣжала карбонаровъ и шокolata іезуитовъ, онъ колебался во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, обнадеживалъ всѣ партіи и ничѣмъ не хотѣлъ рисковать; его посланники были преданы Австріи и онъ не отзывалъ ихъ; онъ позволилъ поднести Гарибальди почетную шпагу и, въ то же время, запретилъ офицерамъ участвовать въ подпискѣ на нее; сперва запретилъ, потомъ позволилъ обращеніе въ своихъ владѣніяхъ книги Джоберти «Новый Іезуитъ» и, между тѣмъ, приказалъ уничтожить его портреты и не упоминать о немъ въ печати.

Но въ то время, когда мрачный и молчаливый король предавался колебаніямъ и аскетизму въ обществѣ іезуитовъ, «Юная Италія» начала свои дѣйствія, хотя неуспѣшно: вторженіе патриотовъ въ Пиемонтъ въ 1833 и 1834 годахъ окончилось пораженіемъ ихъ; затѣмъ слѣдовали казни и изгнанія, но это не остановило распространенія новаго общества, и оно съ каждымъ днемъ пріобрѣтало новыхъ послѣдователей. Духъ возрожденія вѣялъ надъ Италіею; потребность реформъ чувствовалась живѣе съ каждымъ днемъ. Самъ Карль-Альбертъ понималъ это и нечувствительно склонялся на сторону прогресса. Когда Пій IX началъ эру реформъ, сардинскій король послѣдовалъ его примѣру; 30-го сентября 1847 года онъ издалъ манифестъ, которымъ дозволялъ публичность преній, открытое судопроизводство, кассационный судъ, избирательные муниципальные совѣты; сверхъ того онъ уничтожилъ исключительные суды и далъ нѣкоторыя другія права. Не смотря на всю незначительность подобныхъ ре-

*) О Карль-Альбертъ см. Монтанелли, Р. Слово 1860, июль, и Надежды Италіи, 1859, май.

Формы, онъ были приняты съ восторгомъ. Во время путешествія своего по Пиемонту, король былъ принимаемъ вездѣ съ энтузіазмомъ; радостные клики повсюду раздавались вокругъ него, но онъ, казалось, остался холоденъ къ этимъ выраженіямъ народнаго сочувствія; тѣмъ не менѣе онъ не могъ остановиться на пути прогресса; толчокъ былъ данъ, должно было уступить народному движенію или рисковать быть увлеченнымъ имъ. Карлъ-Альбертъ рѣшился на первое, хотя неохотно: онъ допустилъ Сантарозу требовать конституцію открыто, но не рѣшался еще удовлетворить этому требованію, не смотря на то, что оно было поддержано всѣми журналами. — Убѣжденія англійскаго посланника, что это единственный исходный пунктъ для избѣжанія революціи, рѣшили его, и 7-го февраля 1848 г. была обнародована конституція. Съ этихъ поръ судьба короля была рѣшена: ему оставалось броситься въ объятія либеральной партіи: онъ такъ и сдѣлалъ; но ошибка его состояла въ томъ, что онъ промедлилъ, теряя драгоценное время на соблюденіе пустыхъ формальностей; онъ и въ этомъ случаѣ оказался сардинскимъ королемъ, савойскимъ аристократомъ, но не освободителемъ Италіи; его плѣнила жезъная ломбардская корона и мечь Австріи; онъ оставался холоденъ къ идеѣ, которой онъ жилъ представителемъ; онъ слишкомъ разсчитывалъ на свои силы и отвергнулъ помощь Франціи; онъ имѣлъ право не полагаться на послѣднюю, но въ такомъ случаѣ ему предстояла необходимость сдѣлаться главою демократической партіи; если-же хотѣлъ вести войну какъ король, то не долженъ былъ отвергать союза Франціи. Княгиня Бельджойзо напрасно обвиняетъ матсвинистовъ въ неудачѣ кампаніи и въ препятствіяхъ, которыя ставили они ему. Дѣло въ томъ, что матсвинисты видѣли промахи Карла Альберта и порицали ихъ. Сардинскій король понялъ это; но было уже поздно и онъ отреченіемъ спѣшилъ искупить свои ошибки и въ уединеніи искалъ забвенія.

Послѣднія событія слишкомъ памятны для всѣхъ, чтобъ вновь говорить о нихъ....

Такимъ образомъ, разсматривая исторію савойскаго дома, мы видимъ, что ни графы, ни герцоги, ни короли не поняли настоящаго своего положенія, не поняли въ чемъ состояла ихъ сила. Поставленные между двумя сильными государствами, они могли остаться независимыми, соединившись съ Швейцаріей; но они предпочли лучше подвергаться безирестаннымъ опасностямъ, чѣмъ лишиться своего значенія, какъ королей аристократіи. Въмѣща-

тельство Франціи и Имперіи постоянно оказывалось гибельно для страны, но оно не излечило савойскихъ государей отъ однажды принятой привычки, обращаться за помощью къ иноземнымъ государямъ. Протестантство представляло имъ новыи источники силы, но они отвергли его. Приминая къ Италиі, они никогда не являи въ виду общецентральнаго движенія, и самыя честолюбивыя изъ нихъ ограничивали свои желанія присоединеніемъ Ломбардіи. Опираясь на армію, на право завоеванія, они не новили исторіи итальянскаго развитія... Въмѣсто того, чтобы слѣдовать по пути прогресса, савойскіе герцоги при всякомъ усиленіи своей власти стремились къ реакціи и развращенію народа, иначе мы не можемъ называть отдаче воспитанія въ руки іезуитовъ. Только несчастія, которыми такъ богата исторія савойскаго дома, только неизбежныя опасности заставляли савойскихъ государей давать народу новыи права. Проходила опасность и наступали прежнія времена. Если преслѣдованія ихъ не принимали обширныхъ размѣровъ, это надо приписать небольшому пространству страны, позволявшей въ скорое время удаляться виновнымъ; внимательству иностранныхъ державъ *) и безпрестаннымъ войнамъ, издававшимъ государямъ заниматься специально искорененіемъ вредныхъ ученій. Мы видѣли, что какъ скоро представлялась имъ возможность, они содѣйствовали реакціи всѣми силами, особенно когда опирались на Австрію. Истинная сила савойскаго дома заключалась въ народѣ довѣрчивомъ, благородномъ и храбромъ. Какъ скоро государи его обращались къ нему, онъ всегда откликался на зовъ ихъ; онъ вставалъ поголовно и жертвовалъ послѣдней копейкой для освобожденія родины.

Викторъ-Амедей обязанъ ему сохраненіемъ короны; побѣдоносныя полки Людовика XIV растали какъ снѣгъ передъ народнымъ возстаніемъ. Карлъ-Альбертъ усомнился въ народѣ и заплатилъ за то униженіемъ и престоломъ. Регулярная армія ничего не значитъ тамъ, гдѣ всыхиваетъ народная война: примѣръ Испаніи и Россіи доказываетъ это. Италия теперь вѣрнее въ такомъ положеніи, что можетъ опасаться только нашествія арміи, но не націи. Маттеи превосходно понималъ это, когда совѣтовалъ Виктору-Эммануилу обратиться къ народу.

*) Такъ Кромвель припудилъ Карла-Эммануила прекратить гоненія на протестантовъ.

«Государь, писалъ онъ, вы сильны непообѣдимымъ могуществомъ двадцати шести милліоновъ народа, соединеннаго для одной цѣли.... Вы говорите о независимости — Италия возстала и дала вамъ 50,000 волонтеровъ; но это одна половина проблемы: скажите ей о свободѣ и единствѣ и она дастъ вамъ полмилліона.... Забудьте на минуту, что вы король, и являетесь первымъ вооруженнымъ апостоломъ націи.... объявите, что вы готовы, и мы всѣ будемъ съ вами. Пойдемъ въ священный крестовый походъ во имя Италия, не обращая вниманія ни на что, во имя вѣчной справедливости, вѣчнаго права — и мы побѣдимъ, съ помощью націи».

Въ этихъ словахъ заключается тайна итальянскаго вопроса и политикн савойскаго дома; только съ Карла-Альберта понялъ онъ свое обще-итальянское значеніе, но не рѣшилъ еще, какіе способы должно употребить, чтобы достигнуть своихъ цѣлей. Первая половина кампаніи сдѣлана съ помощью Франціи и волонтеровъ. Викторъ-Эммануилъ избѣгнулъ этимъ ошибкой своего отца, но въ то же сталъ, въ отношеніи къ Франціи, въ положеніе своихъ предшественниковъ. Дальнѣйшіе планы его уже встрѣчаютъ препятствія; народъ, выраженіемъ котораго служить Гарибальди, уже отдѣляется отъ него и только личныя достоинства короля и высокое нравственное развитіе начальниковъ народной партіи мѣшаютъ положенію дѣлъ сдѣлаться еще хуже. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь произвести реакціонное движеніе труднѣе чѣмъ за сорокъ лѣтъ назадъ; нѣтъ сомнѣнія, что народъ по первому слову короля сомкнется около него; но признавая, мы желали-бы, чтобы окончательные результаты итальянскаго вопроса получились съ возможно-меньшимъ пролитіемъ крови; мы желаемъ, чтобы двуличная политика и централизація, (которую мы отличаемъ отъ еднства) не имѣли дальнѣйшаго участія въ судьбахъ полуострова и, чтобы народъ, который такъ благородно и храбро велъ себя во все время послѣднихъ событій, получилъ наконецъ награду за свои страданія и долго-терпѣніе.

В. ПОПОВЪ.

Литературная корреспонденція.

Не назовемъ брошюры г-на Габенека «Иезуиты въ 1860 г.» явленіемъ замѣчательнымъ, но она для насъ можетъ быть интересна, потому что говорить о предметѣ, духомъ котораго болѣе или менѣе проникнуты многія событія нашей эпохи.

Памфлетъ Габенека—не что иное, какъ большая журнальная статья, между тѣмъ какъ изъ cadaго ея параграфа можно разработать цѣлое сочиненіе, гдѣ авторъ могъ бы поглубже раскрыть эту язву современнаго общества, которой онъ касается только слегка. Какъ бы то ни было, брошюра читается не безъ удовольствія и не безъ пользы. Мы узнаемъ, что общество иезуитовъ, ненавидимое инстинктивно всѣми народами, почувствовало необходимость перемѣнить свое названіе и отдаться подъ покровительство Винцента де-Поля, котораго они обезславятъ, также какъ обезславили имя прежняго своего патрона.

Винцентъ, при жизни, былъ человекъ честнѣйшій: скромный, кроткій, онъ простиралъ свою преданность до самоотверженія. Онъ былъ зараженъ социализмомъ;— и не вѣрнулъ въ одинъ изъ основныхъ догматовъ католической религіи. Не рѣшаясь открыто подвергнуться гнѣву папскаго трибунала, бѣднякъ похоронилъ свои убѣжденія въ завѣщаніи, которое было вскрыто только черезъ два столѣтія послѣ его смерти. Въ этой исповѣди, Винцентъ выражалъ надежду, что, съ успѣхами просвѣщенія, католическая церковь обратится къ его вѣрованію. Онъ сильно ошибся! Въмѣсто всякихъ обращеній, мы дожили до провозглашенія папою догмата иммакулатнаго зачатія, и на злополучнаго Винцента наложено запрещеніе; его называютъ *Saint de-Paule*, и что всего ужаснѣе, онъ сталъ патрономъ Иезуитовъ, которыхъ онъ искренно ненавидѣлъ.

Кто бы могъ подумать, что Франція, провозглашенная средоточіемъ либеральныхъ идей, выставяющая себя вождемъ въ дѣлѣ прогресса, до-сихъ-поръ наводнена иезуитами, этими черными людьми, съ сѣвера до юга, и дѣятельнѣйшій муравейникъ которыхъ находится въ Ліонѣ, истинной столицѣ вооруженнаго

католицизма... Римъ остается только официальнымъ мѣстомъ церковныхъ торжествъ и церемоніальныхъ процессій.

Нынѣшній *генераль* Іезуитовъ, отецъ Бекъ, извѣстный наставникъ молодаго австрійскаго императора Франциска-Іосифа, былъ до-сихъ-поръ постоянно доволенъ своимъ ученикомъ и внушилъ ему идею слишкомъ знаменитаго конкордата.

Во Франціи насчитываютъ до 8000 религіозныхъ общинъ, имѣющихъ явную или тайную связь съ Іезуитами и управляемыхъ официально или украдкой посредствомъ ихъ принципаловъ или агентовъ.

Однѣхъ общинъ, подъ именемъ Винцента де-Поля существуютъ до 2500, хотя обыкновенно число ихъ выставляется не болѣе 1700 во всѣхъ частяхъ свѣта; но не надо забывать, что изъ этого числа цѣлая половина приходится на одну Францію. Такимъ образомъ около 700000 завербованы въ эту духовную армію, не считая легіоны глупцовъ и идіотовъ, которыхъ заставляютъ дѣйствовать помимо ихъ воли, не считая всѣхъ бѣдняковъ и нищихъ, вынужденныхъ продавать свою совѣсть за нѣсколько копѣекъ въ недѣлю.

Названія, подъ которыми это общество скрывается, чрезвычайно разнообразны: ассоціаціи, конгрегаціи, конференціи, братства, архибратства, и проч. и проч. Кругъ дѣятельности ихъ также весьма обширенъ. Въ Италіи, Іезуиты—санфедисты и солдаты папы, во Франціи они преимущественно занимаются воспитаніемъ и шпионствомъ. *Les frères ignorantins*, напимѣръ, обладаютъ цѣлою ученою системою для привитія юношеству кривыхъ понятій и малодушія, нравственной порчи, которая въ тысячу разъ хуже всякаго невѣжества, и въ ихъ-то руки попадаютъ дѣти и отроки бѣдныхъ классовъ; курсы образованія богатыхъ молодыхъ людей въ іезуитскихъ коллегіяхъ и семинаріяхъ, — конечно, обширяѣе, но зато и несравненно опаснѣе, чѣмъ въ казарменныхъ лицахъ буржуазіи.

Взрослыхъ Іезуиты стараются воспитывать посредствомъ библіотекъ, составленныхъ изъ такъ-называемыхъ книгъ нравственнаго содержанія, посредствомъ безконечнаго множества изданій, баснословно дешевыхъ. Такъ напимѣръ можно абонироваться на иллюстрированное изданіе въ годъ—за *двадцать-пять сантимовъ*. Правду сказать, что, и при этой дешевизнѣ, іезуитскія брошюры еще очень дороги, потому что трудно вообразить себѣ что-нибудь неглѣпѣе этого вздора.

Іезуиты завели множество кружковъ, родъ духовныхъ клу-

боцъ, гдѣ занимаются душеспасительными уроками и слушаютъ мистическія проповѣди, послѣ которыхъ можно и позабавиться, поиграть на билліардѣ, все, конечно, подъ руководствомъ смѣренныхъ отцовъ.

Кружокъ или общество, извѣстное подъ названіемъ—*l'Oeuvre de St. Francois Régis* узаконяетъ непозволительныя связи и ставитъ пона между мужчиной и женщиной.

L'oeuvre des avocats de familles—занимается преимущественно дѣлами и процессами людей благомыслящихъ, около которыхъ всегда можно понагрѣть руки.

L'oeuvre des militaires—заботится о томъ, чтобы военные ходили въ церковь.

L'oeuvre de la Sainte Enfance—братство, члены котораго вносятъ по одному су въ педѣлю, собираемые официально—на церковь, а на самомъ дѣлѣ—на жалованье генералу Ламорисьеру.

L'oeuvre des domestiques—образуетъ изъ слугъ семейныхъ цціоновъ.

L'oeuvre des voyageurs—выдаетъ паспорты и открытые листы, доставляющіе средства сообщникамъ путешествовать съ небольшими деньгами, или даже вовсе безъ денегъ, переходя отъ одного покровителя къ другому, отъ одной станціи ханжества до другой.

Существуютъ также конторы приходскаго кредита, избравшія подвигомъ—подрывать дѣла либеральныхъ и здоровыхъ умовъ негодіантовъ; составлять списки благотивныхъ торговцевъ, которымъ слѣдуетъ помочь сбывать съ рукъ негодные товары.

Особенно надо указать на братство покровительства, которое вербуетъ сотни рабочихъ отъ двѣнадцати до восемнадцатилѣтняго возраста, составляющихъ подвижную армію... благотивные патроны льстятъ себя надеждой, при первомъ удобномъ случаѣ, спустить эту молодежь на уличный бой противъ отцовъ и братьевъ, работниковъ свободного образа мыслей.

Въ заключеніе, укажемъ на общество оеки, которая замысловато раскидываетъ свои сѣти, забирая въ руки прелестнѣйшихъ сиротокъ и едупенькихъ, но богатыхъ витоміицъ аристократіи.

Всѣ эти благотивныя учрежденія вполне достигли своей цѣли. Набожныя члены ихъ, сначала не шѣвнне угла, куда бы преклонить голову, владѣютъ нынѣ въ одной Франціи недвижимымъ имуществомъ, которое цѣнится во сто милліоновъ франковъ, а всю сумму ихъ капиталовъ, заключающихся въ акціяхъ,

обидчивыхъ и бабковыхъ biases, и въ возможности печатать.

Прибавлять ко всему сказанному, кажется, нечего; хотя по случаю приведенныхъ фактовъ достало бы размышленій на цѣлый томъ. Легче будетъ вамъ прочитать стихотвореніе Виктора Гюго въ книжкѣ его *Les Châtiments*: послѣдователи Лойолы обрисованы тамъ превосходными красками.

Напрасно думаютъ, что вліяніе іезуитской партіи ослабло въ современную эпоху. Напротивъ, оно сдѣлалось тѣмъ опаснѣе и гибельнѣе, чѣмъ эта партія тише и таинственнѣе начала дѣйствовать. По-крайней-мѣрѣ, мы чувствуемъ ся лишкѣй и всеразлагающій ядъ повсюду — въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ юношескомъ воспитаніи, въ войскѣ, въ извѣстныхъ кружкахъ общества, въ семейной и политической жизни.

Въ послѣднее время она разсыпалась по всѣмъ лучшимъ провинціямъ южной Франціи и перенесла свои рыбацкія мрежи даже въ алжирскія колоніи. Нельзя не изумиться живучести этого чудовищнаго сословія, задушившаго лучшіе зародыши въ социальномъ развитіи полуденной Европы.

Иезуиты — эта европейская секта *Туговъ*. Индійскіе *Тум* давятъ людей, Іезуиты убиваютъ духъ. *Тум* не крадутъ; Іезуиты же подмѣниваютъ завѣщанія, и не затрудняются въ средствахъ при вымогательствѣ дарственныхъ записей отъ богатыхъ на слѣдницѣ. Индійскій *Тумъ* жестокъ; Іезуитъ подлъ и низокъ.

Но обратимся къ болѣе отраднымъ явленіямъ.

Между историческими изданіями въ настоящую минуту, безспорно — самое интересное — собраніе «Документовъ и подлинныхъ бумагъ Венеціанской Республики, оставшихся по смерти бывшаго президента ея Даніила Манини». Вотъ исторія истинная и неоспоримая, потому что ничѣмъ не одолжена историку: она развивается съ непреодолимою самостоятельностью, изъ массы памятникотъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію: факты сами за себя говорятъ.

Этотъ сборникъ официальныхъ бумагъ читается съ такимъ же интересомъ, какъ самый страстный романъ, такъ-какъ дѣло идетъ о минутномъ возстановленіи и паденіи венеціанской свободы. На первомъ планѣ стоитъ отважная личность Даніила Манини, человека скромнаго и бѣднаго, который силой своихъ убѣжденій и преданностью общему дѣлу нашелъ средство возстановить Венецію, свое отечество, и даже цѣлую націю: такъ-какъ отъ него исходитъ формула, возрождающая въ настоящую мину-

ту Италію и давшая маленькому піемонтскому королю — имя короля Великой Италіи. Въ этихъ преданіяхъ недалекаго прошедшаго находите и зародыши настоящихъ событій и задатки на будущее.

Изданіе, о которомъ мы говоримъ, конечно, увеличитъ общую симпатію къ итальянскому дѣлу. Читая подлинныя документы, мы не можемъ не сочувствовать героическому подвигу горсти людей, отстаившихъ свою независимость впродолженіе тринадцати мѣсяцевъ. Обманутые англійскимъ министерствомъ, оставленные Карломъ-Альбертомъ и всей Италіей, Венеціанцы не хотѣли положить оружіе до-тѣхъ-поръ, пока, буквально, не истощились у нихъ послѣдняя пуля въ боевомъ ящикѣ и послѣдній сухарь въ солдатскомъ ранцѣ.

Этотъ сборникъ, по свидѣтельству издателей, плодъ трехлѣтнихъ трудовъ. Бумаги, оставленныя покойнымъ Даниломъ Манини, послужили главнымъ источникомъ этихъ официальныхъ документовъ, унесенныхъ въ изгнаніе и сохраненныхъ такимъ образомъ для отечества знаменитымъ Венеціанцемъ. Здѣсь уже представлены его собственные проэскты и письма. Во всѣхъ этихъ трудахъ мы сами принимали участіе, по довѣрію сына и друзей покойнаго.

«Цѣлью нашею было не только облегчить историковъ въ изысканіяхъ, часто затруднительныхъ, представляя имъ готовые и существеннѣйшіе матеріалы главной исторіи, которая разсказывается здѣсь, такъ-сказать, сама-собою; мы имѣли особенно въ виду — представить образованному міру всѣ документы, касающіеся великаго дѣла, занимающаго нынѣ вниманіе Европы.

Зная, какихъ трудовъ стоитъ подобное изданіе, мы считаемъ долгомъ упомянуть объ усердіи благородныхъ друзей Манини, и особенно г-на и г-жи Планъ де-ла-Фай, вполне заслуживающихъ признательность публики, которая должна знать сущность всякаго дѣла и ни на минуту не оставаться въ-потьмахъ. Кто любитъ истину и знаетъ, съ какими усилиями она добывается, тотъ пойметъ всю важность сборника, о которомъ мы говоримъ; и согласится съ нами, что издатели его оказали несомнѣнную услугу Италіи и особенно Венеціанской Республикѣ.

Ж. ДЕФРЕНЬ.

Руководство къ живописи. Нѣмецкая, фламандская и голландская школа. На основаніи книги Куглера составилъ *Уэгенъ* (*Handbook of painting; The german, flemish and dutch schools, band on the book of Kugler, enlang. and for the most part re-written by Dr. Waagen.*) London, 1860.

Raphael d'Urbin et son père Giov. Santi, par Passavant, édit. revue et annotée par P. Lacroix. Paris, 1860.

Историческое пониманіе искусства сдѣлалось уже давно въ Европѣ потребностью всякого, занимающагося этимъ предметомъ. У насъ еще такъ мало писано въ этой отрасли литературы, что мы съ радостью встрѣчаемъ книги, заглавія которыхъ выставлены выше, и которыя обѣ представляютъ весьма совѣстливое изученіе предмета, хотя, конечно, личный взглядъ авторовъ не могъ не внести недостатковъ въ дѣло, до-сихъ-поръ неопирающееся ни на какой положительный научный законъ, но видоизмѣняющееся съ личнымъ настроеніемъ писателя. Обѣ книги можно разсматривать и какъ новыя и какъ старыя, потому-что въ обѣихъ сохранилось старое зерно, но передѣланное и дополненное новыми розысканіями и данными.

Книга Пассавана считается однимъ лучшимъ сочиненіемъ о жизни и твореніяхъ Рафаэля. Авторъ воспользовался во 2-мъ своемъ изданіи всѣми свѣдѣніями, появившимися до нашего времени о великомъ живописцѣ, и дополнилъ ихъ во многихъ случаяхъ собственными изысканіями. Онъ ѣздилъ съ этою цѣлью въ Урбино, родину художника, осмотрѣлъ всѣ его картины, прочелъ все написанное о немъ и, такимъ образомъ, составилъ самую полную біографію, въ которой можно найти множество, неизвѣстныхъ до-сихъ-поръ подробностей, бросающихъ яркій свѣтъ на жизнь Рафаэля.

Картины послѣдняго тщательно изучены и разобраны съ знаніемъ дѣла. Авторъ слѣдитъ подробно за мѣстомъ пребыванія и за дѣятельностью художника, приводитъ и комментируетъ сочиненія о немъ, находящіяся въ бібліотекахъ Италіи, Германіи, Англіи и Франціи, и, на основаніи подлинныхъ документовъ, воспроизводитъ вѣрную картину общества, въ средѣ котораго жилъ

и развивался гений. Собраны также свѣдѣнія о различныхъ членахъ семейства Рафаэля. Отецъ его, Джіованни Санти, былъ также живописцемъ, достойнымъ уваженія; Пассаванъ посвящаетъ ему цѣлую главу и дѣлаетъ обзоръ его картинъ, встрѣчающихся до-сихъ-поръ въ нѣкоторыхъ церквахъ.

Рафаэль былъ ученикомъ въ мастерской Перуджино; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ сдѣлался мастеромъ.

Папа Юлій II, пригласивъ его въ Римъ, заказалъ ему важныя работы, и исполненіе ихъ упрочило славу молодого художника, которая еще болѣе возрасла при Львѣ X.

Пассаванъ, конечно, не находитъ достаточно восторговъ для послѣдней и знаменитѣйшей картины Рафаэля, *Прображеніе Господне*, которую многіе писатели называютъ «образцомъ изъ образцовъ».

Что касается до картинъ неоконченныхъ художникомъ, то необходимо, при обсужденіи ихъ, говорить отдѣльно объ участіи учениковъ Рафаэля, которые дописывали эти картины, и Пассаванъ, какъ знатокъ, разбираетъ достоинства и недостатки каждаго изъ нихъ.

Прибавленіе къ первому тому заключаетъ въ себѣ интересныя подробности о семействѣ Санти, о самомъ Рафаэлѣ и разныхъ лицахъ той эпохи. Во второмъ томѣ помѣщены: описаніе и разборъ картинъ, рисунковъ Рафаэля, дѣланныхъ съ нихъ гравюръ, также картинъ его отца.

Лакруа присовокупилъ нѣкоторыя любопытныя примѣчанія и полезное для читателей оглавленіе. Вообще, можно сказать, что это сочиненіе заслуживаетъ полнаго вниманія въ особенности по тѣмъ исправленіямъ и дополненіямъ, съ которыми оно явилось теперь въ свѣтъ, точно также какъ по важности и занимательности содержанія. Изданіе весьма тщательно и къ нему приложенъ хорошій портретъ Рафаэля.

Обращаемся къ изданію Уэгена, переносящему насъ въ другую область искусства и основанному на извѣстной книгѣ Куглера.

Каждый новый издатель Куглера дополнилъ его книгу новыми свѣдѣніями, и первоначальное небольшое руководство дошло до размѣровъ двухъ томовъ. Много недостатковъ было у прежняго Куглера, но до сихъ поръ, во многихъ случаяхъ это изданіе служитъ основаніемъ для историковъ искусства. Въ свое время, смотря по средствамъ, которыми онъ располагалъ, Куглеръ далъ превосходное руководство; но время идетъ, и то, что

было превосходно для 1837 г., конечно, весьма недостаточно въ 1860, и немудрено что Уэгенъ нашелъ возможность, съ своей стороны сдѣлать весьма многія хорошія дополненія. Книга Уэгена не есть простое руководство, какъ предшествовавшія изданія, а довольно подробная исторія, одной изъ отраслей искусства. Конечно можно пожаловаться во многихъ мѣстахъ, что сдѣланныя прибавленія ограничиваются фразами, нисколько не дополняющими прежнихъ краткихъ данныхъ, но зато есть много и новыхъ свѣдѣній, въ особенности нѣсколько полезныхъ хронологическихъ поправокъ. Куглеръ слишкомъ исключительно занялся художниками первыхъ періодовъ; что же касается до отдѣла нѣмецкой школы въ его сочиненіи, то Уэгенъ говоритъ справедливо, что: «Въ сравненіи съ трудомъ, посвященнымъ покойнымъ д-ромъ Куглеромъ, художникамъ XV и XVI столѣтій, слишкомъ коротко упомянуто, о значительномъ числѣ замѣчательныхъ живописцевъ позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, нѣсколько страницъ посвящены Альбрехту Альтдорферу, а о такомъ живописцѣ, какъ Кейпъ (Суур), сказано лишь нѣсколько словъ, и не указано ни одно изъ его произведеній; а другой великій пейзажистъ, Филиппъ де-Конинкъ, совершенно пропущенъ».

Впрочемъ, едва ли Уэгенъ имѣлъ право очень упрекать Куглера за пропускъ Конинка (Koninck или Koningh), самъ онъ посвящаетъ этому живописцу едва пол-страницы, хотя дѣйствительно это замѣчательный пейзажистъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, можетъ соперничать съ Рембрандтомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ стоитъ выше послѣдняго; одинъ Рубенсъ, превосходилъ его колоритомъ. Перспектива его картинъ удивительна. Уэгенъ говоритъ, что его виды привлекаютъ изумительной вѣрностью, съ природой, чувствомъ разстояній (sense of distance), превосходной кистью, теплымъ и большей частію свѣтлымъ колоритомъ, смѣлой и въ тоже время *оконченной*, отдѣлкой *impasto*.

Мы не согласимся съ авторомъ въ словѣ *оконченности*; въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно принимается, т. е. мелочной выработки, въ де-Конинкѣ; — трудно найти эту оконченность даже въ его первыхъ планахъ, часто слабыхъ и нѣсколько грубыхъ; но настоящая оконченность состоитъ въ полномъ соотвѣтствіи мысли, съ знаніемъ эффектовъ и расположенія свѣто тѣни, что всегда встрѣчается въ среднихъ и дальнихъ планахъ, всѣхъ произведеній этого необыкновеннаго художника. Надобно сказать, однакожъ, что деревья его первыхъ плановъ

часто бывают неправдоподобны. Произведенія его рѣдки, лучшія находятся въ Англіи родился онъ въ 1619 г., а умеръ въ 1689 г.

Уэгенъ приводитъ въ примѣръ картины, доступныя англійскимъ читателямъ для сравненія, доставляетъ порою тщательныя свѣдѣнія о живописцахъ, которые и гравировали или рѣзали на деревѣ по собственнымъ рисункамъ. Много свѣдѣній находимъ о Мартинѣ Шонгауэрѣ (ученикъ Рожье ван-дер-Вейдена старшаго), однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ художниковъ этого разряда, для примѣра приложено нѣсколько гравюръ, исполненныхъ очень удовлетворительно. Повидимому, Уэгенъ не вполне оцѣнилъ значеніе Шонгауэра, въ произведеніяхъ фантастическаго міра, смѣшивающихъ ужасное съ гротескомъ. Этотъ родъ господствовалъ въ Германіи въ періодѣ времени, современный Шонгауэру, и едва ли послѣдній не имѣлъ въ этомъ отношеніи вліянія на самого Альберта Дюрера. Высокое мнѣніе Итальянцевъ о Шонгауэрѣ, можно видѣть изъ разсказа Вазари, о томъ что Мижело снялъ очеркъ, перомъ, съ шонгауэрова Искушенія св. Антонія.

Замѣчательныя свѣдѣнія находимъ мы въ изданіи Уэгена объ иллюминированныхъ рукописяхъ отъ VI до XVI столѣтія. «Вся заслуга указанія пути по этому предмету принадлежитъ *Д'Аженкуру*, въ его извѣстномъ твореніи», такъ говоритъ самъ Уэгенъ; «слѣдуя за нимъ, осмѣлюсь сказать, по тому-же пути, но распространяя розысканія, я представилъ полное описаніе многихъ рукописей, украшенныхъ миниатюрными изображеніями, какъ въ моей книгѣ *Treasures of Art in Paris and in England*, такъ и въ одной статьѣ нѣмецкаго журнала *Kunstblatt* за 1850 годъ. *Куплеръ*, можно сказать, слѣдовалъ въ этомъ отношеніи за мною.»

Какъ, повидимому, ни скромно мнѣніе о себѣ, выраженное Уэгеномъ, но оно слишкомъ высоко. Достоинство его труда заключается болѣе въ научной оцѣнкѣ фактовъ, повѣркѣ хронологическихъ данныхъ и т. п.; но, какъ эстетическому критику, ему нельзя придать такого значенія. Напримѣръ, онъ говоритъ о рукописи стихотвореній Христіны Пизанской:

«Другой манускриптъ, Британскаго Музея, а именно: стихотворенія Христіны Пизанской (Harleian, N° 4431), содержитъ въ себѣ разные хорошіе рисунки нидерландскихъ художниковъ, очень замѣчательныя, какъ образцы воспроизведенія свѣтскихъ предметовъ, равно какъ и заимствованныхъ изъ мифологіи. Между ними находятся изображенія: красивой молодой женщины, колѣнопреклоненной передъ мужчиной, и свадьбы Пелея,

и здѣсь яства помѣщены на трехъ столахъ современнаго устройства.»

Но тотъ, кто видѣлъ въ Лондонѣ названную рукопись, конечно, замѣтилъ въ концѣ (кажется, предпоследній) рисунокъ, красота котораго должна-бы заставить Уэгена гораздо выше цѣнить произведенія того періода времени. Рисунокъ этотъ изображаетъ двухъ любовниковъ, въ саду, прислонившихся къ рѣшеткѣ, обвитой розами; вдали видны остриженные кусты во вкусѣ той эпохи. Это изображеніе превосходить въ отношеніи искусства всѣ прочія въ этой-же книгѣ, и гораздо выше рисунковъ Молитвенника, о которомъ Уэгенъ говоритъ предъ тѣмъ и въ которомъ находитъ больше достоинства.

Приводимъ отрывокъ изъ того времени, которое Уэгенъ называетъ второю эпохою германскаго стиля (1420—1530).

«*Братья фон-Эйкъ*. Нидерландская школа, съ давняго времени ознаменовавшая себя искусствомъ живописи, была и первая воспроизведшая свой особенный тевтонскій элементъ. Этотъ послѣдній выказывается въ стараніи выразить духовный смыслъ, который художники такъ глубоко чувствовали, въ образахъ дѣйствительной жизни; онъ выказываетъ въ передачѣ этихъ образовъ съ крайней отчетливостію и истиной въ рисункѣ, въ колоритѣ, въ перспективѣ и свѣтотѣни; онъ выказываетъ и въ наполненіи картинами и сценами, заимствованными изъ природы, или произведеніями человѣческихъ рукъ и тщательною передачею малѣйшихъ подробностей. Здѣсь должно пояснить важность подобнаго развитія реалистическаго чувства въ живописи, чувства никогда еще достаточно непризнаннаго. Къ нему мы относимъ полнѣйшія свидѣтельства энтузіазма къ религіи и къ искусству, проникнуваемаго германское племя.

Что касается Итальянцевъ — великихъ рудоводителей въ дѣлѣ искусства между романскими народами — то отношеніе ихъ къ искусству точно также какъ къ христіанству имѣетъ совершенно другой характеръ. Именно національная особенность ихъ картинъ духовнаго содержанія по своей сущности весьма отлична отъ особенности истинно тевтонскихъ, германскихъ художниковъ въ томъ же случаѣ. Древнее романское племя составляетъ основаніе итальянскаго народонаселенія. Германскія полчища, вторгнувшіяся въ полуостровъ, только частію вошли въ его населеніе и были постепенно поглощены въ новомъ единствѣ. Поэтому, германское эстетическое чувство и пониманіе христіанства, значительно измѣнились вліяніемъ господствующаго класси-

ческаго элемента. Къ тому же, многочисленные памятники древняго искусства, находящіяся въ странѣ, отъ времени до времени производили сильное вліяніе на все художественное развитіе. Хотя соединеніе этихъ условій счастливо выказалось въ красивѣйшихъ произведеніяхъ христіанскаго искусства, но, сравнивая его съ древнимъ, особенно съ греческимъ искусствомъ, — мы не замѣчаемъ въ италіанскихъ произведеніяхъ самобытной живописи раннихъ нидерландскихъ школъ; первыя скорѣе должно считать успѣшнымъ переходомъ отъ древняго эстетическаго чувства къ германскому. При этомъ нидерландское искусство перваго времени, въ его независимости отъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній, показываетъ намъ противоположность между естественнымъ взглядомъ на искусство Грековъ и Германцевъ (такъ какъ эти два племени суть главные представители образованности въ древнемъ и въ новомъ мірѣ). Ни въ какой другой формѣ эта противоположность не выражается такъ ясно и опредѣлительно. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается важное значеніе нидерландской школы въ исторіи искусства.

Для греческаго искусства характеристична идеализація не только типовъ идеальнаго міра, но даже обыкновенныхъ портретовъ: упрощеніе формъ и рельефное выставленіе важнѣйшихъ частей художественнаго произведенія. Старая нидерландская школа, напротивъ, придаетъ видъ обыкновенныхъ портретовъ даже идеальнымъ типамъ Богородицы, апостоловъ, пророковъ и мучениковъ, а въ настоящихъ портретахъ старается передать случайности предметовъ природы. Между тѣмъ какъ Греки облекали различныя вещества видимаго міра, какъ-то: рѣки, ручьи, горы, деревья и проч., въ отвлеченныя человѣческія формы, — нидерландскіе живописцы старались передавать ихъ такъ, какъ ихъ видитъ глазъ, съ вѣрностью, простирающеюся до мельчайшихъ подробностей. Въ средѣ нидерландскаго племени развилась школа чистаго реализма и пейзажная, въ противоположность идеализма Грековъ и влеченія ихъ къ олицетворенію. Въ этомъ отношеніи остальные германскія племена довольно близко подходятъ къ жителямъ Нидерландъ, именно сначала Нѣмцы, а потомъ Англичане.

Для иностранца нѣсколько странно это самовосхваленіе германскаго племени, когда еще нельзя опредѣлительно сказать до какой степени эта единица: германскія или тевтоническія племена представляютъ нѣчто реальное. Существуютъ германскія языки, это безспорно, и столько же безспорно, что языкъ представ-

ляетъ весьма важный элементъ національности. Но это одинъ элементъ. Географическія условія, экономическія условія, политическія условія составляютъ элементъ столь же сильный, и совокупность ихъ вырабатываетъ національную особенность, видоизмѣняющую самое нарѣчіе, но въ особенности складъ ума и то, что въ естествознаніи получаетъ общій терминъ: *habitus*. Что общаго между національностью Нѣмца, Швейцарца и Вѣнца? а языкъ ихъ одинаковъ. Между Янки и Джономъ Булемъ существуетъ исторически-прослѣдимое родство; періодъ появленій новой *морды* весьма коротокъ, а какъ различенъ *habitus* Англо-Саксонца на двухъ берегахъ океана. Впрочемъ оставимъ этимъ миеологическимъ Тевтонамъ ихъ мистическое родство; по-крайней-мѣрѣ на основаніи его они повторяютъ извѣстный анекдотъ о господинѣ, который былъ спрошенъ: играетъ ли онъ на скрипкѣ? и отвѣчалъ: нѣтъ, но мой двоюродный братъ играетъ на флейтѣ. Нѣмцы политически ничтожны: имъ стыдно за Гессенъ съ его Гассенфлугомъ, за Саксонію выдающую Текели, за Баварію осуждающую Арндта; правда, но — его двоюродные братцы Англичане и Американцы имѣютъ такія прекрасныя конституціи.

Англичанинъ, выходя изъ себя, чтобы прославить своихъ *земкиль* артистовъ, въ душѣ сознаетъ ихъ слабость, но — его двоюродные братцы въ Нидерландахъ имѣли Рембрандта, Рубенса, Ванъ-Дэйка; его двоюродные братцы Нѣмцы имѣли Дюрера и Гольбейна; а потому да здравствуетъ единое германское племя, распространенію котораго посвящаетъ одну карту (всемірную!) каждый порядочный географъ, *считающій себя за честь* къ нему принадлежать, точно также какъ во всѣхъ синхронистическихъ таблицахъ *добропорядочною направленія*, историкъ считаетъ за обязанность поставить годъ сотворенія міра, смерти Адама, годъ всемірнаго потопа и т. под.

Что касается до противоположенія направленій въ пластическомъ искусствѣ сѣверной Европы и древней Греціи, то оно безспорно, и мысль Уэгена, хотя не новая, стоитъ, чтобы читатель обратилъ на нее вниманіе. Въ этой противоположности, отражающейя и въ литературѣ, какъ бы воплощаются сперва бессознательно, потомъ сознательно, два воззрѣнія на міръ. Грекъ считаетъ человѣка способнымъ все почерпнуть изъ самаго себя, видитъ лишь въ немъ идеалъ мудрости и красоты; для Грека самые боги не унижены человѣческими страстями, и онъ противопоставляетъ человѣческому міру олимпійскаго ареопага и греческихъ республикъ, безличную мрачную судьбу. Челю-

вѣкъ новаго міра видитъ себя слабымъ, среди невидимыхъ силъ его давящихъ со всѣхъ сторонъ; его идеалы безличны, безстрастны, безтѣлесны; всѣ мелочи жизни, весь формализмъ обстановки, всѣ частности окружающаго міра имѣютъ на него вліяніе, имѣютъ для него таинственное значеніе; онъ долженъ обращать вниманіе на все, что его окружаетъ. Поэтому древній Грекъ пренебрегаетъ многимъ, чтобы остановиться на существенномъ; онъ пренебрегаетъ обстановкою въ искусствѣ, стремясь къ главному — къ человѣческой красотѣ, цѣли всякаго искусства. Новый художникъ не пренебрегаетъ ничѣмъ; онъ собираетъ общее обаяніе, красоты изъ всѣхъ частныхъ впечатлѣній, которыми дышетъ на человѣка все его окружающее; предметъ природы, вещь, особенность костюма, эффектное освѣщеніе — все это собирается для составленія гармоническаго впечатлѣнія, потому что человѣкъ есть — *одно* изъ твореній, *одинъ* изъ предметовъ; человѣкъ не можетъ себя мыслить безъ обстановки; его значеніе какъ *человѣка* для него непонятно; его достоинство зависитъ отъ внѣшности. Но его форма, перенесенная на миеологическій идеалъ, дѣлаетъ послѣдній божественнымъ; но безформенная, недоступная искусству сила составляетъ достоинство его личности. Эта сила можетъ присутствовать въ другой формѣ, можетъ присутствовать и въ безобразіи, и вотъ въ этомъ мистическомъ элементѣ новоевропейскаго настроенія скрывается тайна такъ называемаго реализма новаго искусства, скрывается его неуверенность въ вопросѣ: безобразное не есть ли одна изъ формъ красоты? Но возвращаемся къ книгѣ Уэгена.

Очертивъ исторію нѣмецкой школы до начала XVI-го столѣтія, авторъ разсматриваетъ причины ея особенностей, и сознаётъ превосходство надъ нею лучшихъ италіянскихъ живописцевъ — въ отношеніи идеальности мысли, простоты и красоты формы, граціи движеній и т. под. Авторъ приписываетъ эти очевидныя преимущества различію во врожденномъ эстетическомъ чувствѣ и выгоднѣйшимъ условіямъ, въ которыя поставленъ южный житель, относительно красоты человѣка, природы и климата, его окружающаго. Кромѣ того авторъ говоритъ слѣдующее:

«Хотя средневѣковая любовь къ фантастическому дала нѣсколько прелестныхъ и одушевленныхъ произведеній, но неблагопріятствовала стремленію къ чистой красотѣ. Эта любовь, давно уже исчезнувшая въ Италиі, была еще въ этомъ періодѣ сильна въ Германіи; сцены изъ Апокалипсиса, Пляски Смерти и проч., встрѣчаются между любимѣйшими сюжетами для искусства.

Съ другой стороны Нѣмцы такъ плохо понимали способъ живописнаго изображенія предметовъ древней литературы, этого міра, изобилующаго прекрасными образами, что они вносили въ изображеніе этого міра тѣ же фантастическія формы, приходя часто къ ребяческимъ произведеніямъ, лишеннымъ всякаго вкуса. Мы должны замѣтить еще, что среднее воспитаніе различныхъ классовъ общества, государей, дворянъ, гражданъ, необходимое для поощренія изящныхъ искусствъ, находилось на гораздо низшей степени въ Германіи, чѣмъ въ той благословенной странѣ, которая, съ начала XV-го столѣтія стояла въ главѣ прочихъ. Вслѣдствіе этого, въ Италіи любовь къ искусствамъ была гораздо болѣе распространена и достоинство художественныхъ произведеній, оцѣнялось гораздо выше. Это подало поводъ къ болѣе высокому личному положенію художниковъ въ обществѣ; это положеніе, въ Италіи, было не только что одно изъ самыхъ уважаемыхъ, но, благодаря денежному вознагражденію, одно изъ самыхъ независимыхъ. Германія же, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, была такъ неразвита, что даже геній Альберта Дюрера Гольбейна, былъ жалкимъ образомъ, стѣсненъ и задержанъ въ своемъ развитіи, бѣдностью и мелочностью окружающей ихъ среды. Извѣстно, что никто изъ германскихъ государей, кромѣ курфирста Фридриха мудраго, не заказывалъ Дюреру картинъ, и письмо адресованное этимъ великимъ живописцемъ въ нюрнбергскій магистратъ, показываетъ намъ, что родной его городъ никогда не давалъ ему работы, хоть бы цѣною на 500 флориновъ. Въ тоже время его картины шли за такую ничтожную плату, что для пріобрѣтенія средствъ къ существованію, какъ онъ самъ говоритъ, онъ долженъ былъ посвятить себя гравированію. Вышеупомянутое письмо показываетъ, что человѣкъ подобный Дюреру, могъ быть оцѣненъ, несравненно лучше въ Италіи и въ Нидерландахъ; онъ говоритъ, что ему предлагали 200 дукатовъ въ Венеціи, и 300 филиппгульденовъ въ Антверпенѣ если онъ захочетъ жить въ одномъ изъ этихъ городовъ. А Гольбейну было чуть ли не хуже: нѣтъ и признака, чтобъ, когда-либо, какой нѣмецкій государь подумалъ о великомъ живописцѣ, и въ Базелѣ его труды были такъ мало оцѣнены, что онъ принужденъ былъ отправиться въ Англію, гдѣ геній его способный на величайшія произведенія исторической живописи, ограничился сферою портретовъ. Наконецъ послѣдними препятствіями къ преуспѣянію, нѣмецкаго искусства, такимъ образомъ отвращеннаго отъ настоящаго пути своего,

была реформація, которая съузила сферу произведеній церковнаго искусства и послѣдовавшее за нею гибельное подражаніе великимъ итальянскимъ художникамъ.»

Уэгенъ отдалъ только справедливость Дюреру. Едва ли онъ достаточно оцѣнилъ, по мысли поклонниковъ этого художника, особенность его таланта и его живописныя поэмы: *рыцарь, смерть и дьяволъ, меланхолія* и др. Нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ авторомъ, о гибели произведеній аль-фреско Голбейна въ Люцернѣ, или его же *триумфовъ богатства и бѣдности*, картина которую Цуккеро ставилъ по достоинству наравнѣ съ произведениями Рафаэля.

Мало кто согласится съ мнѣніемъ автора, будто-бы Фандейкъ превосходилъ Рубенса, въ выраженіи глубокихъ чувствъ, и многіе критики искусства удивятся, что можно найти «истину» въ произведеніяхъ ван-дер-Мейлена.

Личному характеру Рембрандта отдана авторомъ справедливость, и опровергнуты клеветы распространенныя относительно этого великаго художника. Рембрандтъ не былъ ни скряга, ни расточитель, а щедрый знатокъ покупающій порою и слабыя произведенія, и гениальныя творенія. Замѣчательнѣйшія изъ открытій его, это Лаокоонъ, античный купидонъ, и бюсты Гомера и Сократа. Очень жаль что менѣе страницы посвящено гравюрамъ Рембрандта.

Вообще трудъ Уэгена есть трудъ весьма серьезный, полезный, хотя далеко нельзя раздѣлять всѣ его мнѣнія о живописцахъ. Жаль что онъ не внесъ въ свое сочиненіе указателя по той системѣ, которую принялъ Истэко въ итальянскомъ изданіи Куглера. Указатель весьма важенъ въ подобныхъ книгахъ. Рисунки, приложенные къ сочиненію, весьма удовлетворительны и увеличиваютъ его достоинство послѣдняго.

О. О.

СМЪСЪ.

Нѣсколько замѣтокъ о земскихъ банкахъ.

Реформа въ области кредита, производимая трудами комиссiи, составившей проектъ земскихъ банковъ, такъ велика и радикальна, что сама комиссiя признаетъ необходимость переходныхъ мѣръ отъ старой системы кредита къ новой. Такими переходными мѣрами она признаетъ: 1) дозволенiе учреждать земскiя отдѣленiя въ приказахъ общественнаго призрѣнiя; 2) допущенiе открытiя отдѣленiй съ меньшимъ числомъ членовъ заемщиковъ противъ земскихъ банковъ и съ залогомъ меньшаго количества имущества по цѣнности; 3) уменьшенiе размѣра ссудъ, выдаваемыхъ изъ отдѣленiй, сравнительно съ земскими банками и главное 4) обезпеченiе исправности платежей земскихъ отдѣленiй посредствомъ ближайшаго наблюденiя, со стороны правительства, за дѣйствiями отдѣленiй.

Последняя мѣра составляетъ огромное нововведенiе. Доселѣ думали, что обезпеченiемъ въ кредитныхъ сдѣлкахъ можетъ служить только то, что имѣетъ какую нибудь цѣнность, то, на что можетъ быть обращено взысканiе, въ случаѣ несправности платежей несостоятельныхъ лицъ или общества. Комиссiя думаетъ иначе и признаетъ обезпеченiемъ ближайшее наблюденiе правительства, которое не имѣетъ ровно никакой матеріальной цѣнности само по себѣ и не влечетъ за собой никакой имущественной отвѣтственности ни со стороны правительства, ни со стороны его представителей, т. е. невременныхъ членовъ приказовъ, чрезъ которыхъ будетъ производиться ближайшее наблю-

деніе. Въ этомъ видѣ ближайшее наблюденіе является чисто отвлеченнымъ понятіемъ и потому никакъ не можетъ служить обезпеченіемъ въ дѣлѣ кредита, по-крайней-мѣрѣ, въ прямомъ и точномъ значеніи этого слова. Кромѣ того, допуская такъ называемое обезпеченіе посредствомъ ближайшаго наблюденія, которое есть ни что иное, какъ вмѣшательство администраціи въ дѣла частнаго кредитнаго общества, комиссія впадаетъ въ непослѣдовательность и нарушаетъ сію же самой установленныя начала; она признала необходимыми, для земскихъ банковъ, полную независимость и совершенную свободу дѣйствій, она признала безусловно-вреднымъ всякое вмѣшательство администраціи въ дѣла этихъ банковъ; а для земскихъ отдѣленій, которыя суть тѣ-же, только маленькіе земскіе банки, комиссія признаетъ стѣсненіе свободы дѣйствій и административное вмѣшательство не только полезнымъ, но даже считаетъ это все обезпеченіемъ!

Ближайшее наблюденіе ставитъ земскіе банки въ положеніе весьма похожее на положеніе частнаго лица, не могущаго завять денегъ безъ поручительства, если-бы поручитель, принявъ это званіе, отказался отвѣчать за заемщика своимъ имуществомъ, но обѣщалъ-бы наблюдать за исправнымъ исполненіемъ его обязательствъ. Такое ручательство или обезпеченіе можетъ только окончательно подорвать кредитъ заемщика, оно сдѣлаетъ для всѣхъ очевиднымъ то обстоятельство, что самъ поручитель не вѣритъ въ состоятельность покровительствуемаго имъ лица. Наблюденіе правительства имѣетъ, разумѣется, больше значенія, чѣмъ наблюденіе частнаго лица, но все же обезпеченіе частныхъ кредитныхъ учреждений, только посредствомъ ближайшаго наблюденія, составляетъ ни болѣе, ни мѣнѣе, какъ изъявленіе недовѣрія правительства къ этимъ учреждениямъ. Если земскіе банки и земскія отдѣленія такъ тверды, что не нуждаются въ дѣйствительныхъ обезпеченіяхъ со стороны правительства, то о нихъ не должно быть и рѣчи — если же обезпеченія необходимы, то они должны быть дѣйствительныя и существенныя, а невоображаемыя. Правительство можетъ и должно наблюдать за исполненіемъ правилъ правленія земскихъ банковъ и отдѣленій; такое наблюденіе не нарушаетъ свободы дѣйствій частныхъ кредитныхъ учреждений и ни въ какомъ случаѣ не составляетъ обезпеченія въ томъ смыслѣ, въ которомъ обыкновенно принимается гарантія правительства въ дѣлѣ кредита и промышленности; оно просто войдетъ въ кругъ обыкновенныхъ его правъ и административныхъ обязанностей. Ближайшее наблюденіе совсѣмъ другое

дѣло; оно есть прямое, безотчетное и безотвѣтственное участіе правительства и администраціи въ управленіи дѣлами частнаго предпріятія, что безусловно-вредно и признается вреднымъ самой комиссіей. Дѣйствительно, трудно предпологать, чтобы членъ приказа, не заинтересованный въ операціяхъ земскаго отдѣленія и неотвѣчающій имуществомъ за свои дѣйствія и распоряженія по управленію дѣлами отдѣленія, могъ предотвратить и остановить ошибки или злоупотребленія со стороны другихъ членовъ того же управленія, членовъ избранныхъ въ должность цѣлымъ обществомъ засмичиковъ, членовъ, которые прямо и непосредственно заинтересованы въ успѣхѣ дѣла, которымъ призваны управлять и за которое они отвѣчаютъ всѣмъ своимъ имуществомъ.

Мы держимся самой реальной стороны въ дѣлѣ кредита, полагая необходимымъ, чтобы прямыя обезпеченія представляли, въ этомъ случаѣ, непремѣнно имущественную цѣнность, хотя и признаемъ существованіе и пользу нѣкоторыхъ другихъ, косвенно дѣйствующихъ гарантій. Но ближайшее наблюденіе не можетъ быть даже косвенной гарантійей, потому что оно есть вредное вмешательство администраціи въ частное дѣло; оно способно только ослабить частную дѣятельность и наблюдательность, а комиссія всадѣ старается неослаблять, а возбуждать эту дѣятельность, которая дѣйствительно необходима для успѣха частныхъ кредитныхъ учрежденій. Мало этого; въ случаѣ дѣйствительныхъ ошибокъ, упущеній или даже злоупотребленій со стороны правленія земскихъ кредитныхъ отдѣленій, административное лицо, которому непосредственно поручено ближайшее наблюденіе, будетъ участникомъ сдѣланныхъ ошибокъ, упущеній или злоупотребленій и потому будетъ навѣрно противодѣйствовать раскрытію неправильныхъ дѣйствій; такъ что членамъ земскихъ отдѣленій придется бороться не съ однимъ уже выборнымъ правленіемъ, но и съ совершенно независимымъ отъ нихъ, съ преобладающимъ даже административнымъ элементомъ, а это должно непремѣнно затруднить частный контроль. Какъ косвенная гарантія, несравненно выше стѣгать тѣ мѣры, на которыя указываетъ, между прочими, г. Головачевъ въ статьѣ о земскихъ банкахъ. Мѣры эти — пересмотръ существующихъ законовъ по кредитной части и введеніе гласнаго судопроизводства, точно также необходима и полная независимость суда отъ всякаго административнаго вліянія; только при этихъ условіяхъ можно надѣяться на быстрое и прочное развитіе кредита и довѣрія вообще.

производства и независимости суда нельзя замѣнить ни административнымъ покровительствомъ, ни ближайшимъ наблюдениемъ и потому чрезвычайно жаль, что комиссія не признала полезнымъ указать на необходимость этихъ косвенныхъ, но, въ тоже время, въ высшей степени важныхъ и дѣйствительныхъ гарантій.

Что касается второй и третьей переходной мѣры, то онѣ тѣсно между собою связаны. Уменьшеніе размѣра ссудъ изъ земскихъ отдѣленій есть прямое и естественное послѣдствіе дозволенія открывать отдѣленія съ меньшимъ числомъ членовъ — заемщиковъ и съ меньшимъ количествомъ залоговъ, по цѣнности, противъ того числа и количества, которые признаны необходимыми для полной и совершенной твердости земскихъ банковъ. Это уменьшеніе есть прямое послѣдствіе уменьшенія стоимости и дѣйствительности круговой поруки членовъ заемщиковъ, вслѣдствіе уменьшенія числа ихъ. Круговая порука и отвѣтственность имѣють тѣмъ большую прочность, дѣйствительность и стоимость, чѣмъ на большее число лицъ и имуществъ она распространяется. Уменьшеніе размѣра ссудъ изъ земскихъ отдѣленій протнводитѣйствуетъ уменьшенію представляемаго ими обезпеченія закладныхъ листовъ, вслѣдствіе уменьшенія числа лицъ и количества имуществъ, отвѣчающихъ за нихъ. Въ земскихъ банкахъ большее число закладныхъ листовъ представляетъ каждое изъ заложенныхъ въ банкѣ имуществъ, но за то отвѣтственность круговой поруки распространяется на большее число имуществъ; въ земскихъ отдѣленіяхъ на оборотъ, — круговая порука распространяется на меньшее число имуществъ и потому дѣлается менѣе дѣйствительной, но за то меньшее число листовъ представляетъ, въ обращеніи, каждое изъ заложенныхъ въ отдѣленіи имуществъ, что вполне возстановляетъ дѣйствительность обезпеченія и придаетъ земскимъ отдѣленіямъ ту же самую степень твердости, которая можетъ только существовать для земскихъ банковъ; вслѣдствіе этого едва-ли есть надобность изобрѣтать для земскихъ отдѣленій такія тонкія и отвлеченныя гарантіи, какъ ближайшее наблюдение; если же необходимость правительственной гарантіи существуетъ для земскихъ отдѣленій, то она должна существовать и для земскихъ банковъ. Необходимость уменьшенія размѣра ссудъ изъ отдѣленій, признанная комиссіею, служить лучшимъ доказательствомъ ничтожности обезпеченія посредствомъ ближайшаго наблюденія; если-бы наблюденіе это составляло дѣйствительную гарантію со стороны правительства, то будучи предоставлено однимъ земскимъ отдѣленіямъ, она соста-

вило-бы значительное преимущество ихъ предъ земскими банками и могло-бы вполнѣ вознаградить уменьшеніе въ нихъ дѣйствительности круговой поруки и тѣмъ устранить необходимость уменьшенія размѣра ссудъ; но такъ какъ комиссія признаетъ уменьшеніе размѣра ссудъ необходимымъ, то она сама доказываетъ, что признаетъ обезпеченіе, посредствомъ ближайшаго наблюденія, ничтожной, ни къ чему не ведущей мѣрой на практикѣ.

Послѣдняя переходная мѣра — открытіе земскихъ отдѣленій въ приказахъ, есть прямое послѣдствіе вновь изобрѣтенной гарантіи посредствомъ ближайшаго наблюденія. Между приказами и земскими отдѣленіями нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго. Комиссія говоритъ въ проэктѣ, что приказамъ можетъ быть временно разрѣшено производить ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ: но это только говорится такъ, а въ сущности ссуды будутъ выдаваемы не изъ приказовъ, а изъ земскихъ отдѣленій при приказахъ. Ссуды будутъ производиться не деньгами, какъ прежде, а закладными листами, совершенно сходными съ листами, выпускаемыми земскими банками, листами, за которые приказъ не будетъ ручаться и отвѣчать, все обезпеченіе листовъ будетъ основываться на заложенныхъ въ отдѣленіи имѣньяхъ. Связь земскихъ отдѣленій съ приказами будетъ чисто внѣшняя и совершенно формальная, она выразится исключительно въ участіи непремѣннаго члена приказа въ управленіи дѣлами отдѣленія; но такая чисто внѣшняя смазка двухъ учреждений совершенно противоположныхъ другъ-другу, по внутреннему устройству и духу, врядъ ли можетъ быть полезна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить переходомъ отъ одного учрежденія къ другому.

Связь земскихъ отдѣленій съ приказами можетъ даже помѣшать открытію и образованію отдѣленій, потому что врядъ ли найдется частное общество заемщиковъ, которое согласится допустить вмѣшательство въ свои дѣла безответственнаго предъ нимъ административнаго элемента; а между тѣмъ возможность образованія отдѣленій можетъ быть весьма полезна; она дастъ возможность меньшему числу желающихъ составлять частныя кредитныя общества. Можетъ случиться, что гдѣ нибудь и не наберется назначеннаго числа лицъ или количества имуществъ, но цѣнности, для образованія прямо земскаго кредитнаго общества, образовать же отдѣленіе будетъ невозможно, потому что при этомъ пришлось-бы допустить вмѣшательство администраціи

въ частное дѣло, что неудобно; въ этомъ случаѣ мѣры, назначенныя для поощренія, облегченія образованія частныхъ кредитныхъ обществъ, будутъ прямо противодѣйствовать этому образованію.

И такъ изъ четырехъ переходныхъ мѣръ, предлагаемыхъ к омпссіею, только двѣ могутъ назваться мѣрами практическими и дѣйствительно-переходными; эти мѣры слѣдующія: дозволеніе открывать земскія отдѣленія и уменьшеніе размѣра судъ изъ отдѣленій противъ земскихъ банковъ. Что же касается до связи отдѣленій съ приказами и до обезпеченія посредствомъ ближайшаго наблюденія со стороны правительства, то эти двѣ мѣры могутъ имѣть только вредное вліяніе.

Комиссія желала, кажется, придать болѣе твердости отдѣленіямъ, предлагая большее участіе правительства въ ихъ судьбахъ. Къ сожалѣнію, она приходитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ; а между тѣмъ участіе и пособіе правительства, направленные только иначе, могутъ принести огромную пользу успѣху частныхъ кредитныхъ учрежденій. Пособіе правительства должно быть обращено на образованіе запасныхъ капиталовъ для земскихъ банковъ и для земскихъ отдѣленій. Комиссія находитъ ненужными, для земскихъ банковъ, образованіе денежнаго фонда. Это совершенно справедливо; денежный фондъ необходимъ только для тѣхъ банковъ, которые выпускаютъ бумаги безсрочныя, мѣняемыя на деньги по первому требованію предъявителей; этого послѣдняго условія не существуетъ для закладныхъ листовъ, они выпускаются на сроки и выкупаются правильнымъ тиражемъ: закладные листы и безъ денежнаго фонда, вполне обезпечиваются землей, заложенной въ земскихъ банкахъ и погашаются процентами, платимыми членами заемщиками. Со сѣмъ другое дѣло запасной капиталъ его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобъ служить средствомъ для покрытія временнаго, случайнаго дефицита въ доходахъ банка, обезпечивать постоянную исправность его платежей. Такой капиталъ рѣшительно необходимъ для земскихъ банковъ и для земскихъ отдѣленій. Можетъ случиться иногда, что нѣкоторые изъ членовъ заемщиковъ скажутся временно или окончательно несостоятельными; непоступленіе въ срокъ слѣдующихъ съ нихъ платежей поставитъ банкъ въ самое критическое положеніе, если онъ не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи запаснаго капитала. Банкъ не имѣетъ права даже временно приостанавливать своихъ платежей,—это было-бы дѣйствительно опасно; онъ ни

можетъ рассчитывать и на заемъ, потому что не располагаетъ свободными залогами, а безъ залоговъ врядъ-ли кто дастъ ему денегъ, особенно при затруднительныхъ обстоятельствахъ. Что же ему дѣлать? Комиссія думаетъ устранить всѣ затрудненія посредствомъ круговой ответственности членовъ заемщиковъ банка и потому постановляетъ, что всякая недоимка раскладывается на состоятельныхъ членовъ заемщиковъ и немедленно съ нихъ взыскивается, съ вознагражденіемъ ихъ черезъ продажу залога, представленнаго несостоятельнымъ членомъ. Это дѣйствительно можетъ обезпечить поступленіе недоимки рано или поздно, но не обезпечиваетъ поступленія этой недоимки въ назначенный срокъ, а потому не обезпечиваетъ и постоянной исправности платежей банка. Можетъ случиться, что несостоятельность иного заемщика произойдетъ вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ: такихъ обстоятельствъ, которыя потребуютъ даже пособія въ пользу несостоятельнаго; сама комиссія предвидитъ возможность подобныхъ случаевъ и позволяетъ разсерочки платежей и пособія, но забываетъ, къ сожалѣнію, рѣшить вопросъ о томъ, откуда банкъ возьметъ средства для оказанія пособій и чѣмъ онъ замѣнитъ при платежахъ суммы, не поступившія въ его распоряженіе вслѣдствіе разсерочки недоимокъ. При тѣсномъ кругѣ дѣйствій земскихъ банковъ, можетъ явиться и другое затрудненіе,—мѣстныя случайныя бѣдствія, напримъ, неурожай, надежи скота и т. п. могутъ сдѣлать несостоятельными очень значительное число членовъ заемщиковъ, раскладка всей недоимки членовъ состоятельныхъ можетъ сдѣлаться чрезвычайно обременительной. Она можетъ даже многихъ состоятельныхъ членовъ обратить въ несостоятельныхъ, а это не только не выгодно, но даже и не безопасно для банка. Наконецъ не говоря уже о чрезвычайныхъ случаяхъ и оставаясь въ предѣлахъ самыхъ обыкновенныхъ, нельзя не замѣтить, что даже самая незначительная недоимка будетъ составлять огромное затрудненіе для земскихъ банковъ, если они не будутъ имѣть запасныхъ капиталовъ; не получивъ известную сумму, банкъ долженъ немедленно сдѣлать раскладку недоимки и увѣдомить состоятельныхъ членовъ о падающихъ на нихъ дополнительныхъ платежахъ; все это потребуетъ времени, многие изъ состоятельныхъ членовъ могутъ не располагать постоянно достаточными денежными средствами, чтобъ немедленно удовлетворить банкъ: ихъ придется или тоже обратить въ несостоятельныхъ и дѣлать новую раскладку недоимки, или дать имъ время на пріисканіе денегъ. Если-бы даже этого и не слу-

чилось, то и тогда поступленіе дополнительныхъ платежей не можетъ совершиться скоро, особенно при недостаткѣ у насъ путей сообщеній и правильныхъ почтовыхъ сношеній между губерскими городами и деревнями, часто разбросанными на значительныхъ пространствахъ. Какъ банкъ ни старайся, а одного круговаго ручательства мало; оно можетъ и должно обезпечивать поступленіе недоимки рано или поздно, но не можетъ обезпечивать этого поступленія именно въ данный срокъ, отчего и постоянная исправность банковыхъ платежей остается необезпеченной; эта исправность можетъ быть достигнута только при обезпеченіи ея запаснымъ капиталомъ; только этотъ послѣдній можетъ постоянно представлять въ распоряженіе банка необходимыя для него денежныя средства. Полная-же твердость земскихъ банковъ можетъ быть достигнута только при совмѣстномъ обезпеченіи ихъ операціи круговымъ ручательствомъ всѣхъ заложенныхъ въ банкѣ имуществъ и запаснымъ капиталомъ. Необходимость запаснаго капитала сознается и комиссіей: она указываетъ на постепенное образованіе его посредствомъ взноса заемщиками извѣстнаго ежегоднаго процента, посредствомъ взиманія нѣкоторой пошлины за квитанціи въ платежахъ и т. п. Это все возможно, только недостаточно; это даетъ средства образовать запасной капиталъ въ далекъ мѣ будущемъ, а онъ, между тѣмъ, рѣшительно необходимъ въ настоящемъ и въ настоящемъ, можетъ быть, даже болѣе необходимъ, чѣмъ въ будущемъ, потому что въ первое время банкамъ гораздо труднѣе пріобрѣсть довѣріе, чѣмъ послѣ; самое новое положеніе не будетъ представлять надежащей твердости, какъ состояніе переходное, состояніе всегда тяжелое, невыгодное и опасное. Средства, предлагаемыя, въ этомъ случаѣ, комиссіей, совершенно недостаточны, и потому чрезвычайно жаль, что она не признала полезнымъ заяться рѣшеніемъ вопроса о составленіи запасныхъ капиталовъ при самомъ открытіи земскихъ банковъ. Объ образованіи этихъ капиталовъ членами заемщиками посредствомъ складчины, не можетъ быть и рѣчи,—у заемщиковъ не можетъ быть свободныхъ капиталовъ; если-бы капиталы эти существовали, то обладатели ихъ не стали бы прибѣгать къ займу. Заемъ для образованія запасныхъ капиталовъ, для землевладѣльцевъ и земскихъ банковъ, невозможенъ; у нихъ не будетъ свободныхъ залоговъ, такъ какъ всѣ имѣнія будутъ служить обезпеченіемъ вкладныхъ листовъ, а безъ залоговъ врядъ ли кто дастъ имъ денегъ. Въ этомъ затрудненіи остается одно средство—помощь со стороны правительства, но такъ какъ пра-

вительство тоже не располагаетъ свободными капиталами, то помощь его можетъ выразиться только въ видѣ прямой и дѣйствительной гарантіи займа земскихъ банковъ для образованія или запасныхъ капиталовъ; гарантія правительства даетъ возможность не ограничиваться, для займа, внутреннимъ денежнымъ рынкомъ, а сдѣлать его и на рынкахъ заграничныхъ, что безъ сомнѣнія облегчитъ операцію. Гарантія займа, для образованія запасныхъ капиталовъ, не можетъ быть обременительна для правительства уже потому, что запасной капиталъ долженъ составлять только нѣкоторую часть капитала, представляемаго закладными листами, выпущенными въ оборотъ. Кромѣ того предлагаемая гарантія не поведетъ правительство къ потерямъ и убыткамъ; земскимъ банкамъ нѣтъ никакой надобности держать запасной капиталъ въ деньгахъ, онъ можетъ быть обращенъ въ закладные листы, т. е. при выпускѣ закладныхъ листовъ, заемщикамъ можетъ быть выдаваема соответственная часть ссуды монетой, изъ запаснаго капитала; затѣмъ число листовъ, пропорціональное величинѣ запаснаго капитала, розданнаго въ ссуду, не пускается въ оборотъ и хранится въ земскомъ банкѣ. Въ случаѣ надобности, банкъ всегда можетъ добыть денегъ подъ залогъ хранящихся у него закладныхъ листовъ. Листы, какъ представители недвижимой собственности, составятъ вѣрное и вполне благонадежное помѣщеніе для запаснаго капитала и вполне обезпечатъ правительству безопасность его ручательства. Такое помѣщеніе запаснаго капитала представитъ и ту выгоду, что уменьшитъ число закладныхъ листовъ, поступающихъ въ продажу, а это непременно выгодно подѣйствуетъ на поддержаніе ихъ курса. Платежъ процентовъ на капиталъ, занятый для образованія запасныхъ капиталовъ и погашеніе его могутъ быть основаны на процентахъ, приносимыхъ закладными листами, выключая процентъ погашенія этихъ послѣднихъ; на ежегодныхъ платежахъ членовъ заемщиковъ, назначенныхъ на образованіе запаснаго капитала, въ будущемъ, по проекту комиссіи; на пошлинѣ за квитанціи и т. п. Постоянное и постепенное погашеніе займа, сдѣланнаго банками, при посредствѣ правительства и за его ручательствомъ, придастъ содѣйствію послѣдняго временной и переходный характеръ; обратитъ постепенно запасный капиталъ въ собственность общества заемщиковъ и придастъ земскимъ банкамъ окончательно частный характеръ, котораго такъ желаетъ комиссія. Содѣйствіе образованію запасныхъ капиталовъ въ земскихъ банкахъ, посредствомъ гарантіи будетъ, съ стороны пра-

вительства, дѣйствительнымъ и существеннымъ пособіемъ дѣлу развитія частнаго кредита и устройства частныхъ кредитныхъ учреждений. Оно придастъ земскимъ банкамъ такую твердость, въ которую нельзя будетъ не вѣрить. Подобныхъ результатовъ нельзя достигнуть никакимъ, даже ближайшимъ наблюдениемъ, ниже самымъ ревностнымъ административнымъ покровительствомъ. Комиссія, обѣщая земскимъ банкамъ покровительство со стороны правительства, ничего не говоритъ о томъ, въ чемъ именно будетъ состоять это покровительство; если оно будетъ также мало существенно, какъ и ближайшее наблюдение, то его разумѣется нельзя принимать въ расчетъ. Отвлеченное административное покровительство бесполезно, а сдѣлавшись дѣятельнымъ, оно можетъ обратиться, подобно ближайшему наблюдению, во вредное вмѣшательство администраціи въ частное предпріятіе, что будетъ прямо противорѣчить принятымъ комиссіею началамъ свободы дѣйствій и независимости земскихъ банковъ. Кроме того, основанія банковъ должны быть такъ тверды, чтобы сдѣлать всякое покровительство бесполезнымъ; иначе банки не будутъ пользоваться довѣріемъ и не могутъ существовать. Покровительство правительства, можетъ, какъ уже было замѣчено, обратиться въ пустую формальность, а при неопредѣленности его формы и усердія со стороны администраціи оно можетъ сдѣлаться вреднымъ; направленное же извѣстнымъ образомъ и поставленное въ точныя и опредѣленныя границы, оно можетъ принести дѣйствительную и большую пользу и потому нельзя не пожалѣть о томъ, что комиссія такъ туманно выразилась по этому вопросу и не признала нужнымъ достаточно разработать его.

Самая трудная и самая важная операція для земскихъ банковъ — это помѣщеніе закладныхъ листовъ; отъ успѣха или неуспѣха этой операціи зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ частныхъ кредитныхъ учреждений. Разсматривая этотъ вопросъ, нельзя скрыть, что закладные листы находятся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ относительно сбыта. Всѣ листы, безъ исключенія, должны поступить въ продажу; они назначаются для замѣны денежныхъ ссудъ и потому должны быть непременно обращены въ деньги, безъ этого закладные листы не только не принесутъ пользы землевладѣльцамъ, но причинятъ имъ убытки, потому что выпускъ ихъ непременно повлечетъ за собой расходы. Поступленіе огромнаго числа закладныхъ листовъ въ продажу, должно непременно уронить цѣну ихъ; это одинъ изъ первыхъ законовъ политическаго экономіи. Комиссія не только не принимаетъ ника

кихъ мѣръ противъ паденія закладныхъ листовъ, но даже даетъ имъ такую форму, вслѣдствіе которой листы, по сознанию самой комиссіи, не могутъ быть ни орудіемъ мѣны, ни предметомъ спекуляціи, а должны служить только для долгосрочныхъ затратъ капиталовъ, ищущихъ постояннаго помѣщенія за умѣренныя, но вѣрные проценты. Число подобныхъ капиталовъ не можетъ не быть чрезвычайно ограничено; даже и въ этомъ помѣщеніи закладнымъ листамъ придется бороться съ страшнымъ соперничествомъ долгосрочныхъ государственныхъ бумагъ, наприм., пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ. Во всякомъ случаѣ закладные листы, при безграничномъ предложеніи, могутъ рассчитывать на самый тѣсный и ограниченный кругъ покупателей, что составляетъ прямое нарушеніе экономическаго закона о необходимости гармоніи между спросомъ и предложеніемъ; нарушеніе этого закона не можетъ пройти безнаказанно.

Огромный недостатокъ закладныхъ листовъ составляетъ характеръ неподвижности, придаваемый имъ комиссіею; недостатокъ этотъ тѣмъ чувствительнѣе, что закладные листы назначаются для замѣны денежныхъ ссудъ, а деньги — орудіе мѣны въ высшей степени подвижное. Характеръ неподвижности придается закладнымъ листамъ различными обстоятельствами; такъ, напримѣръ: онъ сообщается имъ тѣснымъ кругомъ дѣйствій земскихъ банковъ, отсутствіемъ связи между банками, слишкомъ высокой цѣной наименьшей стоимости, допущенной для закладныхъ листовъ. — Желая придать какъ можно больше свободы дѣлу развитія частнаго кредита, открыть широкое поле конкуренціи и, тѣмъ, дать возможность землевладѣльцамъ, дѣлать займы на болѣе выгодныхъ условіяхъ, комиссія допустила неограниченное число земскихъ банковъ и полную независимость ихъ другъ отъ друга. Это все очень хорошо и совершенно необходимо, но влечетъ за собою нѣкоторыя неудобства; и если не принять мѣръ къ устраненію этихъ неудобствъ, то они могутъ разрушить всѣ благотворныя послѣдствія свободы конкуренціи. Такъ совершенная разобщенность земскихъ банковъ стѣсняетъ до крайности обращеніе закладныхъ листовъ. Не имѣя взаимной связи, земскіе банки могутъ допустить выдачу процентовъ по своимъ закладнымъ листамъ и уплату срѣзности закладныхъ листовъ, вышедшихъ по тиражу, только въ мѣстѣ своего нахожденія; а это будетъ въ высшей степени стѣснительно и неудобно. Комиссія думаетъ пособить горю, дозволивъ банкамъ открывать агентства и конторы вездѣ, гдѣ они того пожелаютъ, и входить между со-

бою въ сдѣлки на счетъ взаимной уплаты по закладнымъ листамъ. Это все можетъ быть и будетъ возможно въ будущемъ, но не устранить затрудненій земскихъ банковъ въ настоящемъ. Открытіе и содержаніе агентствъ и конторъ, будетъ стоить дорого и потому сдѣляется возможнымъ только, при значительномъ развитіи операций земскихъ банковъ; а между тѣмъ необходимость повсемѣстнаго удовлетворенія владѣльцевъ, закладныхъ листовъ и ихъ процентныхъ купоновъ, явится немедленно по выпускѣ тѣхъ и другихъ, т. е. при самомъ началѣ операций земскихъ банковъ, когда средства послѣднихъ будутъ совершенно ничтожны. Возлагать содержаніе агентствъ и конторъ на заемщиковъ невозможно; имъ и безъ того придется нести много тяжелыхъ платежей; кромѣ того, ни заемщики, ни земскіе банки не могутъ постоянно располагать достаточными свободными капиталами для того, чтобы имѣть возможность, производить платежи по всѣмъ закладнымъ листамъ, вышедшимъ по тиражу и по процентнымъ купонамъ, немедленно по ихъ предъявленіи въ какой бы то ни было изъ конторъ банка; для этого нужны огромныя денежныя средства, а ихъ-то компрессія и не даетъ земскимъ банкамъ; она признала даже ненужнымъ для нихъ денежный фондъ; какими же средствами банки будутъ производить повсемѣстные платежи по своимъ бумагамъ? Подобная операція скорѣе возможна для банковъ акціонерныхъ, но отнюдь не для банковъ землевладѣльческихъ. Чтобы убѣдиться въ невозможности, повсемѣстнаго открытія конторъ и агентствъ, для земскихъ банковъ, стоитъ обратить вниманіе на то ничтожное число конторъ, которое признавалъ полезнымъ содержать бывшій коммерческой банкъ; если правительственное кредитное учрежденіе должно было ограничиваться, въ этомъ случаѣ, только главнѣйшими городами, то какъ же можно рассчитывать на большее или даже на повсемѣстное открытіе конторъ земскими банками — учрежденіями частными, новыми и нерасполагающими никакими денежными средствами? Не располагая свободными капиталами, земскіе банки не могутъ входить и въ соглашеніе насчетъ платежей по чужимъ листамъ.

Что касается до цифры наименьшей стоимости, принятой для закладныхъ листовъ, то она принята равной цифрѣ наименьшей стоимости пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ; но такое уравненіе частныхъ бумагъ съ государственными, врядъ ли справедливо и основательно. Государственныя бумаги имѣютъ слишкомъ много преимуществъ, особенно у насъ, гдѣ частный кредитъ

совершенно не развитъ. Высокая стоимость закладныхъ листовъ представляетъ то огромное неудобство, что стѣсняетъ обращеніе ихъ, дѣлаетъ ихъ доступными меньшему числу покупателей; а закладные листы находятся уже въ самомъ невыгодномъ положеніи, относительно сбыта и всякая новая стѣснительная мѣра будетъ для нихъ особенно неблагоприятна. Трудно предполагать, чтобы комиссія боялась сблизить закладные листы съ кредитными билетами, принявъ для первыхъ небольшую, капитальную стоимость, закладные листы, какъ-бы они ни были малы, всегда останутся процентными бумагами, тогда какъ кредитные билеты всегда останутся бумагами безпроцентными — между тѣми и другими никогда не можетъ быть ничего общаго. Если комиссія боится придать, небольшой стоимостью, слишкомъ много подвижности закладнымъ листамъ, сообщить имъ характеръ орудій мѣны, и тѣмъ сдѣлать ихъ опасными для кредитныхъ билетовъ, то опасенія эти врядъ ли справедливы, кредитные билеты — бумаги государственныя, пріемъ ихъ, по нарицательной цѣнѣ, для всѣхъ обязателенъ; закладные листы напротивъ — бумаги частныя и обращеніе ихъ основывается на взаимномъ соглашеніи, отдающаго и получающаго. Между кредитными билетами и закладными листами, нѣтъ никакой связи и паденіе кредитныхъ билетовъ повсе не зависитъ отъ выпуска закладныхъ листовъ; оно можетъ произойти только отъ избытка, въ обращеніи самыхъ кредитныхъ билетовъ; въ слѣдствіе этого искусственное пониженіе цѣны закладныхъ листовъ, не можетъ ни спасти кредитные билеты отъ паденія, ни поднять ихъ курсъ; оно можетъ принести только огромный вредъ частному благосостоянію землевладѣльцевъ, съ которыми всегда тѣсно связаны интересы общественнаго хозяйства. Поднять кредитные билеты, въ случаѣ ихъ паденія, можно или извлеченіемъ части билетовъ изъ обращенія или развитіемъ потребности въ денежныхъ рынкахъ, какъ орудіяхъ мѣны, чего достигнуть можно только развитіемъ производительныхъ силъ въ государствѣ и всѣхъ промышленныхъ оборотовъ; принесеніе же закладныхъ листовъ, въ жертву кредитнымъ билетамъ, несправедливо и совершенно бесполезно. Въ Пруссіи существуютъ закладные листы въ 10 талеровъ (около 10 р.) и это нисколько не мѣшаетъ отличному курсу прусскихъ кредитныхъ билетовъ. Комиссія думаетъ устранить дурное вліяніе слишкомъ большой стоимости закладныхъ листовъ, дозволяя выдавать при нихъ отдѣльные процентные купоны, за нѣсколько лѣтъ впередъ и допуская отдѣльное обращеніе ку-

поновъ отъ листовъ. Процентные купоны, представляя маленькія суммы, будутъ, разумѣется, обращаться въ публикѣ легче, но это обстоятельство нисколько не облегчитъ обращенія самыхъ закладныхъ листовъ; напротивъ отдѣльное обращеніе процентныхъ купоновъ, поведетъ листы къ окончательному паденію, потому что обратитъ ихъ въ бумаги безипроцентныя на все время, на которое будутъ отдѣлены отъ нихъ купоны, такъ какъ право полученія процентовъ на закладные листы будетъ принадлежать не владѣльцамъ листовъ, а владѣльцамъ купоновъ. Купоны, въ свою очередь, будутъ тоже бумагами безипроцентными. Положимъ, что закладные листы и процентные купоны, обратившись въ безипроцентныя бумаги, не будутъ опасны для кредитныхъ билетовъ; но за то выпускъ огромнаго числа безипроцентныхъ бумагъ не можетъ не причинить огромныхъ потрясеній на нашемъ денежномъ рынкѣ, тѣмъ болѣе, что онъ и безъ того уже переполненъ безипроцентными бумагами. Обращеніе закладныхъ листовъ и ихъ процентныхъ купоновъ въ безипроцентныя бумаги должно непремѣнно принести огромный вредъ владѣльцамъ этихъ бумагъ. Если землевладѣльцы вдумаются воспользо-ваться дозволеніемъ комиссіи и пустятъ въ оборотъ одни процентные купоны, безъ закладныхъ листовъ, то врядъ ли найдутъ покупателей на самые листы, такъ какъ они будутъ мертвымъ капиталомъ. Если бы, вопреки этому, и нашлись покупщики на листы, то покупщики эти, разумѣется, будутъ предлагать за нихъ цѣну, гораздо ниже ихъ дѣйствительной стоимости и мѣра, стремящаяся облегчить обращеніе новыхъ кредитныхъ бумагъ, прямо приведетъ ихъ къ совершенному паденію. Мѣра, предлагаемая комиссіей, можетъ сдѣлаться до того вредной, что вредъ этимъ вредомъ совершенно исчезнуть неудобства, могущія произойти отъ ничтожной даже нарицательной стоимости закладныхъ листовъ; неудобства эти вполне вознаграждаются тѣмъ, что небольшая нарицательная стоимость закладныхъ листовъ облегчаетъ продажу и обращеніе ихъ, особенно если будетъ допущенъ повсемѣстный учетъ процентовъ по листамъ, равно какъ и учетъ самой стоимости листовъ, вышедшихъ по тиражу, какъ въ государственномъ банкѣ и его конторахъ, такъ и въ уѣздныхъ казначействахъ. Легкость обращенія закладныхъ листовъ будетъ много содѣйствовать усѣбному образованію частныхъ кредитныхъ учреждений, потому что только при этомъ учредители, могутъ надѣяться на выгодный сбытъ закладныхъ листовъ. Кромѣ всего сказаннаго, огромный недостатокъ проекта комиссіи, составляетъ односторонность и

исключительность его направленія; онъ стремится удовлетворить только одной изъ двухъ потребностей землевладѣльцевъ, именно временной потребности ихъ въ деньгахъ, и совершенно оставляетъ безъ вниманія ихъ постоянныя потребности, потребности тѣмъ болѣе важныя, что оказываютъ ежеминутное вліяніе на ходъ общественной экономіи. Доселѣ сельская промышленность могла обходиться безъ оборотнаго капитала, онъ замѣнялся обязательными отношеніями; но отношенія эти будутъ совершенно невозможны при новомъ порядкѣ вещей; несостоятельность обязательныхъ отношеній вообще и обязательнаго труда въ особенности уже давно и окончательно признана. Если бы обязательный трудъ и былъ удержанъ на время, если бы и напились охотники примѣнять его, то кажется можно смѣло предсказать пмъ скорое и полное разочарованіе; обязательныя отношенія были возможны, при существованіи крѣпостнаго состоянія, но становятся совершенно неудобомыслимы при его уничтоженіи. Замѣна обязательнаго труда вольнонаемнымъ непозбѣжна при новомъ порядкѣ вещей, а замѣна эта возможна только въ томъ случаѣ, если землевладѣльцы будутъ располагать постоянными денежными средствами, т. е. оборотнымъ капиталомъ. Поэтому земскіе банки должны быть такъ устроены, чтобы представлять землевладѣльцамъ возможность составлять, при ихъ пособіи, оборотные капиталы, иначе самая главная, самая существенная изъ потребностей землевладѣльцевъ останется неудовлетворенной. Закладные листы никакъ не могутъ служить постояннымъ оборотнымъ капиталомъ, потому что если бы землевладѣлецъ вздумалъ удержать листы у себя, то ему пришлось бы платить самому себѣ проценты, что было бы нелѣпо; закладные листы должны быть проданы непременно, они могутъ служить подобно всякому займу, для удовлетворенія только временныхъ, случайныхъ потребностей. Обращеніе въ постоянный оборотный капиталъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи закладныхъ листовъ, представляетъ то неудобство, что лишаетъ землевладѣльца возможности, прибѣгать къ займу, въ случаѣ временныхъ бѣдъ или затрудненій; лишаетъ ихъ возможности удовлетворять временнымъ, чрезвычайнымъ потребностямъ въ деньгахъ. Кроме того, необходимость продажи всѣхъ закладныхъ листовъ и другія неблагоприятныя обстоятельства влекутъ за собою пониженіе курса листовъ, а слѣдовательно и потерю части капитала ими представляемаго; наконецъ вырученный остатокъ капитала, долженъ быть вновь обращенъ въ процентныя кредитныя бума-

ги, что опять сопряжено съ хлопотами и расходами. Кажется не может подлежать сомнѣнію то, что образованіе постоянного оборотнаго капитала можетъ быть произведено, для большинства землевладѣльцевъ, только чрезъ продажу пми капитализированной повинности крестьянъ за землю, находящуюся у нихъ въ пользованіи. Поэтому земскіе банки должны быть непременно такъ устроены, чтобы имѣть возможность содѣйствовать землевладѣльцамъ, образовать постоянные оборотные капиталы, чрезъ выкупъ крестьянами, ихъ капитализированной повинности въ пользу землевладѣльцевъ. Въ этомъ случаѣ интересы землевладѣльцевъ совершенно сходятся съ интересами общественными; насколько землевладѣльцамъ полезно и даже необходимо образованіе запасныхъ капиталовъ, на столько же обществу полезно и необходимо совершенное прекращеніе, обязательныхъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами, потому что отношенія эти все таки остатокъ крѣпостнаго права; это обстоятельство придаетъ временно кредиту и земскимъ банкамъ не исключительно частный, но и общественный характеръ, что вполне согласно и съ самымъ названіемъ земскихъ банковъ. Слово земскій имѣеть и всегда имѣло значеніе общественнаго, а не частнаго учрежденія, и врядъ ли комиссія приняла такое названіе, для новыхъ кредитныхъ учрежденій безосознательно; это названіе прямо указываетъ на общественное, а не на частное значеніе новыхъ кредитныхъ учрежденій; въ послѣднемъ случаѣ учрежденія называются, обыкновенно, частными кредитными обществами или кредитными компаніями землевладѣльцевъ.

Одностороннее направленіе кредита представляетъ множество неудобствъ, такъ, наприм, оно открываетъ только одинъ способъ удовлетворять потребностямъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, хотя потребности эти могутъ имѣть совершенно различный, даже противоположный характеръ; этимъ землевладѣльцы, нуждающіеся въ деньгахъ, какъ бы вынуждаются непременно закладывать или перезакладывать ихъ имѣнья, хотя это можетъ быть вовсе и не согласно съ ихъ расчетами и желаніями; многіе могутъ пожелать сохранить за собою возможность залога и перезалога имѣній на случай чрезвычайныхъ и непредвидѣнныхъ затрудненій и удовлетворять своимъ постояннымъ нуждамъ въ деньгахъ другими способами, представляемыми кредитомъ; закрывать имъ, или даже только неоткрывать эти способы совершенно несправедливо и не рационально. Новые кредитныя учрежденія, въ томъ видѣ какъ они проектированы комиссіей, вовсе

не могутъ содѣйствовать землевладѣльцамъ въ образованіи оборотныхъ капиталовъ и потому они не удовлетворяютъ одной изъ самыхъ существенныхъ и насущныхъ ихъ потребностей. Одно-стороннее направленіе кредита представляетъ и то неудобство, что влечетъ за собой огромный и исключительный выпускъ закладныхъ листовъ, бумагъ, въ высшей степени, неудобныхъ къ сбыту и обращенію, по крайнѣйшій мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ ихъ предлагаетъ комиссія; одна уже огромность выпуска есть вѣрное ручательство паденія цѣны на закладные листы. Выкупныя бумаги имѣютъ совершенно другой характеръ и представляютъ гораздо больше твердости, чѣмъ закладные листы. Выкупныя бумаги представляютъ капитализированную повинность крестьянъ въ пользу помѣщика; проценты съ нихъ будутъ представлять ренту за землю, отданную крестьянамъ; рента будетъ платиться крестьянами и составитъ постоянный доходъ землевладѣльцевъ, которымъ не будетъ необходимости непремѣнно продавать выкупныя бумаги, тогда какъ необходимость эта существуетъ для закладныхъ листовъ. Выкупныя бумаги могутъ представлять постоянный оборотный капиталъ землевладѣльцевъ, проценты съ этого капитала могутъ быть употребляемы на введеніе вольнонаемнаго труда и вообще на удовлетвореніе постоянныхъ нуждъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, нуждъ, имѣющихъ возникнуть вслѣдствіе устройства ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Если бы землевладѣльцу понадобились деньги вдругъ и при томъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ годовые проценты, приносимые выкупными бумагами, то онъ всегда можетъ получить деньги подъ залогъ бумагъ, не прибѣгая къ продажѣ ихъ или къ залoгу всего имѣнья; залогъ этотъ остается возможнымъ на случай новыхъ чрезвычайныхъ потребностей. Такъ какъ главная цѣль полученія выкупныхъ бумагъ землевладѣльцами будетъ состоять въ образованіи постоянныхъ оборотныхъ капиталовъ при ихъ имѣньяхъ, то можно смѣло рассчитывать на поступленіе въ продажу только самаго незначительнаго числа этихъ бумагъ, что будетъ лучшимъ ручательствомъ твердости ихъ курса. Наконецъ малое поступленіе выкупныхъ бумагъ въ продажу, дастъ возможность назначить имъ значительную номинальную стоимость и тѣмъ избѣжать неудобствъ выпуска въ обращеніе слишкомъ мелкихъ кредитныхъ бумагъ, о чемъ такъ хлопочетъ комиссія. Выкупныя бумаги не назначаются для замѣны денегъ, получаемыхъ черезъ ссуду и потому не нуждаются въ такой подвижности какъ закладные листы. Дозволеніе земскимъ банкамъ содѣйство-

вать образованію постоянныхъ оборотныхъ капиталовъ для землевладѣльцевъ, чрезъ выкупъ крестьянами, наложенной на нихъ повинности, представляетъ то огромное удобство, что открываетъ землевладѣльцамъ возможность удовлетворить всѣмъ ихъ потребностямъ въ кредитѣ; наконецъ выпускъ выкупныхъ бумагъ содѣйствуетъ уменьшенію выпуска закладныхъ листовъ, ограничиваетъ число поступленія ихъ въ продажу и тѣмъ оказываетъ благотѣльное вліяніе на поддержаніе ихъ курса.

На основаніи двойственности потребностей землевладѣльцевъ въ денежныхъ средствахъ, долженствующихъ получить удовлетвореніе при посредствѣ кредита, было бы полезно дозволить и даже поощрять образованіе земскихъ банковъ пзъ двухъ отдѣленій — изъ отдѣленія закладнаго и обдѣленія выкупнаго. Цѣль перваго отдѣленія — удовлетворять временнымъ чрезвычайнымъ потребностямъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, посредствомъ ссудъ; оно должно замѣнить, по возможности, бывшія казенныя кредитныя учрежденія. Цѣль втораго отдѣленія — удовлетворять постояннымъ потребностямъ землевладѣльцевъ въ деньгахъ, содѣйствовать образованію постоянныхъ оборотныхъ капиталовъ при ихъ имѣньяхъ. Это отдѣленіе должно, въ тоже время, содѣйствовать окончательному прекращенію обязательныхъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами. Первое отдѣленіе можетъ удовлетворить исключительно частнымъ цѣлямъ и потребностямъ; второе можетъ и должно удовлетворять и частнымъ и общественнымъ нуждамъ, что будетъ вполне соответствовать названію «земскіе банки», принятому комиссіей для новыхъ кредитныхъ учрежденій. Для исполненія своего назначенія, закладное отдѣленіе можетъ выпускать закладные листы, обеспеченные круговымъ ручательствомъ всѣхъ заложенныхъ въ отдѣленіи имѣній; выкупное отдѣленіе должно выпускать выкупные листы, обеспеченные круговымъ ручательствомъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ, выкупающихъ землю у помѣщиковъ. обезпеченіе посредствомъ круговаго ручательства крестьянскихъ обществъ, будетъ чрезвычайно твердымъ обезпеченіемъ, оно очень близко подойдетъ къ обезпеченію закладныхъ листовъ посредствомъ круговаго ручательства землевладѣльцевъ. Разъ землевладѣльцы согласились съ крестьянами о выкупѣ повинности крестьянъ и получили выкупные листы, земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ, перестаетъ быть собственностію помѣщиковъ и становится собственностію крестьянскихъ обществъ, а потому можетъ служить обезпеченіемъ долговыхъ обязательствъ

этихъ обществъ. Разница въ обеспеченіи закладныхъ и выкупныхъ листовъ будетъ состоять въ томъ, что закладные листы будутъ выпускаться только на часть стоимости земель, заложенныхъ въ банкѣ, а выкупные листы должны быть выпускаемы на всю стоимость капитализированной повинности крестьянъ. Вслѣдствіе этого, обеспечение посредствомъ круговой поруки крестьянскихъ обществъ будетъ нѣсколько менѣе твердо, чѣмъ обеспеченіе посредствомъ круговой поруки землевладѣльцевъ; недостатокъ этотъ можетъ быть восполненъ гарантіей со стороны правительства, которое легко можетъ обеспечитьъ банку исправность платежей крестьянскихъ обществъ. Это представитъ и ту выгоду, что устранить необходимость продажи земель несостоятельныхъ обществъ, дать имъ возможность, въ случаѣ временныхъ затрудненій, справиться и выплатить все съ нихъ слѣдующее сполна. Участіе правительства въ дѣлѣ выкупа вполнѣ естественно и справедливо, потому что выкупомъ удовлетворяются не однѣ частныя, но и общественныя потребности; достигнуть выкупа исключительно частными средствами невозможно. Выкупные листы должны приносить нѣсколько меньшій процентъ сравнительно съ процентомъ, изъ котораго капитализирована крестьянская повинность; это уменьшеніе будетъ вполнѣ справедливо потому, что полученіе ренты съ выкупныхъ листовъ не будетъ сопряжено для землевладѣльцевъ, ни съ расходами, ни съ потерями, ни рисками, подобно тому, какъ это будетъ неизбежно при полученіи ренты непосредственно съ крестьянъ. Что касается до содѣйствія выкупа со стороны земскихъ банковъ, при томъ устройствѣ, которое имъ дано комиссіей, на что нѣкоторые рассчитываютъ, то содѣйствіе это совершенно невозможно, во-первыхъ потому, что цѣль учрежденія банковъ совершенно другая, а слѣдовательно и устройство ихъ несоотвѣтствуетъ возлагаемымъ на нихъ надеждамъ; земскіе банки, въ томъ видѣ, какъ они проектированы комиссіей, могутъ только производить ссуды подъ залогъ недвижимой собственности; всѣ другія операціи для нихъ закрыты. Во-вторыхъ, при содѣйствіи выкупа, земскимъ банкамъ, а слѣдовательно и землевладѣльцамъ ихъ членамъ, пришлось бы болѣе или менѣе, прямо или косвенно, отвѣчать за выкупъ или за нѣкоторыя его операціи; что совершенно невозможно, такъ какъ землевладѣльцы являются кредиторами крестьянъ, а кредиторы не могутъ быть, ни прямо, ни косвенно, отвѣтчиками или поручителями по собственному своему долгу; участіе земскихъ банковъ въ дѣлѣ выкупа и содѣйствіе ихъ тому выкупу можетъ быть очень выгодно для правительства, но оно

возможно только при образованіи банковъ изъ двухъ отдѣленій изъ выкупнаго и закладнаго. Гарантія выкупныхъ листовъ не можетъ быть опасна для правительства, потому что она составляетъ только дополненіе круговой отвѣтственности всѣхъ крестьянскихъ обществъ, выкупающихъ землю при посредствѣ банка; порука эта вполне обезпечиваетъ поступленіе крестьянскихъ платежей рано или поздно, такъ что пожертвованія правительства, еслибы они и потребовались, будутъ имѣть видъ временной ссуды. Кромѣ того выкупное отдѣленіе должно имѣть, подобно закладному, свой запасной капиталъ; капиталъ этотъ можетъ быть образованъ изъ суммъ, собираемыхъ правительствомъ для содѣйствія выкупу крестьянскихъ повинностей; въ случаѣ недостаточности этихъ суммъ, онѣ могутъ быть пополнены посредствомъ займа. Запасной капиталъ выкупныхъ отдѣленій не долженъ храниться въ деньгахъ, а можетъ быть помѣщенъ въ выкупныхъ и закладныхъ листахъ, съ предоставленіемъ правленію банка права залога этихъ бумагъ, въ случаѣ внезапной потребности въ деньгахъ. Погашеніе запаснаго капитала и постепенное обращеніе его въ собственность членовъ выкупнаго отдѣленія можетъ быть основано на процентахъ, приносимыхъ бумагами, въ которыхъ капиталъ будетъ помѣщенъ; для этой же цѣли могутъ быть взимаемы съ крестьян маленькіе проценты, плата за квитанціи во взносахъ платежей и т. п. этотъ способъ содѣйствія выкупу, со стороны правительства, будетъ чрезвычайно дѣйствителенъ, устранить всякій произволъ въ распредѣленіи пособій и устранить возможность какихъ бы то ни было злоупотребленій; кромѣ того, содѣйствіе выкупу приметъ характеръ постоянный твердый и совершенно равномерный. Онъ представляетъ и ту выгоду, что не требуетъ отъ правительства безвозвратныхъ пожертвованій и можетъ сохранить въ его распоряженіи даже тѣ суммы, которыя оно назначаетъ на содѣйствіе выкупу крестьянскихъ повинностей; онѣ постепенно возвратятся ему при обращеніи запаснаго капитала въ собственность выкупнаго отдѣленія, — долгъ если онъ будетъ сдѣланъ для образованія запасныхъ капиталовъ выкупныхъ отдѣленій, тоже постепенно погасится, что все очень облегчитъ тяжесть и риски гарантіи для правительства. Въ пользу крестьянъ могутъ быть организованы и частныя пожертвованія, какъ это подробно указано въ самарскомъ выкупномъ проектѣ; пожертвованія не должны быть только вводимы въ банковый расчетъ, какъ нѣчто неопредѣляемое и не совѣмъ вѣрное. Трудно допустить, чтобы дѣло полнаго и окончательнаго

освобожденія крестьянъ не встрѣтило сочувствія со стороны большинства, надо только разбудить и направить это сочувствіе. Изъ частныхъ пожертвованій можетъ быть образованъ, при выкупномъ отдѣленіи, особый крестьянскій капиталъ, служащій дополненіемъ къ капиталу запасному, хотя оба должны быть строго раздѣляемы; пожертвованія должны быть внѣ банковыхъ ра-
 ечетовъ, они могутъ служить только чрезвычайнымъ пособіемъ. Образование крестьянскаго капитала въ высшей степени важно и полезно для правительства, потому что капиталъ этотъ придаетъ лишнюю твердость выкупному отдѣленію, увеличиваетъ средства крестьянъ и тѣмъ уменьшаетъ риски правительства по гарантіи выкупныхъ листовъ. Крестьянскій капиталъ, послѣ окончанія выкупа и по изысканіи или разверсткѣ недопомокъ между несправными обществами, долженъ быть обращенъ въ собственность крестьянскихъ обществъ и можетъ служить для образованія мирскихъ капиталовъ, устройства и содержанія школъ, богоугодныхъ учреждений и т. п.

При разсмотрѣннн вопроса о томъ, подъ какіе залоги могутъ быть выдаваемы ссуды изъ земскихъ банковъ, встрѣчаются двѣ системы; по одной можно дозволить выдачу ссудъ только подъ залогъ той земли, которая остается въ непосредственномъ распоряженіи землевладѣльцевъ; по другой ссуды могутъ быть разрѣшаемы подъ залогъ всѣхъ помѣщичьихъ земель, даже тѣхъ, которыя будутъ отданы въ пользованіе крестьянъ съ тѣмъ, чтобы ссуды подъ послѣднія выдавались по расчету капитализированной денежной повинности крестьянъ. Комиссія останавливается на чемъ-то среднемъ между этими двумя системами, она дозволяетъ земскимъ банкамъ производить ссуды подъ залогъ повинности платимой крестьянами за пользованіе полевой землей и запрещаетъ ссуды подъ залогъ ренты за землю усадебную, хотя обѣ повинности имѣютъ совершенно одинаков. . . . л . . .
 характеръ. Комиссія осповываетъ различіе на томъ, что продажа усадебной земли для помѣщиковъ обязательна, а продажа полевыхъ земель необязательна и можетъ происходить только по взаимному соглашенію землевладѣльцевъ и крестьянъ. Такое положеніе для различія врядъ ли основательно. При выдачѣ ссуды подъ залогъ какой бы то ни было собственности, для банка важенъ не принципъ обязательной или не обязательной продажи заложенной собственности, а фактъ перехода собственности, служащей залогомъ изъ однихъ рукъ въ другія; возможность перехода отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ существуетъ какъ для

усадебныхъ, такъ и для полевыхъ земель и потому нѣтъ достаточнаго основанія отличать ренту, платимую за полевую землю, отъ ренты, платимой за землю усадебную; относительно залога обѣ представляютъ совершенно одинаковое обезпеченіе. При этомъ слѣдуетъ только наблюдать, чтобы при выкупѣ заложенной ренты то количество выкупныхъ листовъ, которое будетъ соответствовать величинѣ ссуды, произведенной подъ залогъ ренты, удерживалось въ банкѣ и не выдавалось землевладѣльцу собственнику, впрямь до погашенія лежащаго на немъ долга; это необходимо для того, чтобы въ обращеніе не вошло двойнаго числа бумагъ, обезпеченныхъ однимъ и тѣмъ же имуществомъ и достигнуть этого будетъ очень легко при совмѣстномъ дѣйствіи выкупнаго и закладнаго отдѣленій. Недопущеніе же ренты, платимой крестьянами за усадебную землю, къ залогу, есть напрасное стѣсненіе для землевладѣльцевъ.

Разсматривая вопросъ объ образованіи земскихъ банковъ нельзя не обратить вниманія на положеніе нашего денежнаго рынка. Положеніе это отнюдь не благоприятно для выпуска какихъ-бы то ни было новыхъ бумагъ особенно частныхъ; на рынокъ и безъ того уже обращается множество бумагъ какъ частныхъ такъ и государственныхъ, послѣднія особенно опасны для закладныхъ листовъ, такъ какъ онѣ пользуются положительнымъ предпочтеніемъ у насъ. Большинство бумагъ и въ настоящее время продается ниже ихъ нарицательной стоимости, слѣдовательно закладныхъ листовъ можно рассчитывать на продажу по нарицательной цѣнѣ развѣ только при очень значительномъ процентѣ, но этотъ послѣдній составляетъ уже не малое затрудненіе и даже препятствіе къ образованію земскихъ банковъ. Ликвидация бывшихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій вызвала выпускъ значительнаго числа новыхъ процентныхъ и безъ процентныхъ бумагъ; (см. послѣдній отчетъ г. министра финансовъ), и выпускъ этотъ, увеличивъ уже существовавшія затрудненія нашего денежнаго рынка, тѣмъ самымъ затруднилъ и образованіе земскихъ банковъ. Подобное неблагоприятное вліяніе предвидится на долго и въ будущемъ, потому что государственными банкомъ будутъ постепенно выпускаемы въ обращеніе особые банковые билеты на сумму 100,000,000 р. сер.; билеты эти будутъ особенно препятствовать номѣщенію закладныхъ листовъ, а слѣдовательно и образованію земскихъ банковъ потому, что, кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ преимуществъ государственныхъ бумагъ, они будутъ пользоваться привилегіей исключительныхъ

платежей по нимъ звонкой монетой. Эта привилегія должна привлечь къ государственнымъ банковымъ билетамъ капиталы и тѣмъ воспрепятствовать помѣщенію всякихъ другихъ бумагъ, особенно частныхъ, неимѣющихъ возможности производить своихъ платежей звонкой монетой.

В. БАБКИНЪ.

Провинціальныя тѣни.

Изъ записной книжки Омы Брута.

«Et tu, Brute?»

„И я, тятенька!“

I.

Какъ ни велика, повидимому, сила времени, сглаживающаго иногда самыя сильныя впечатлѣнія до уровня самыхъ спокойныхъ воспоминаній, но эта сила не настолькоъ всемогуща, чтобы безразлично затушевывать, въ нашей памяти, однообразными, безцвѣтно — сѣрыми тѣнями и хорошее и дурное. Обращаясь къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ, я къ удивленію замѣчаю, что впечатлѣнія шестилѣтняго пребыванія моего въ провинціи, ни отъ времени, ни отъ обстоятельствъ, не теряютъ для меня ни своей оригинальности, ни прелести новизны; хорошее не рисуется въ моемъ воображеніи лучшими, умилительное — все также умиляетъ, какъ и прежде умиляло, и кажется, что даже наивная пошлость, если бы только порѣже встрѣчалась въ провинціи, не потеряла бы въ моихъ глазахъ всей своей привлекательности, хотя бы я вспоминалъ о ней изъ самаго прекраснаго далека, положимъ изъ Москвы или Петербурга. Въ памяти моей по-

стоянно проходить одно за другимъ воспоминанія пережитаго, видѣннаго и слышаннаго, — бойкая губернская жизнь, почти ничѣмъ неуступающая столичной, и болѣе скромное уѣздное житье, волнуемое такими же, то недурными, то довольно пошлепскими людскими страстями, какъ и житье губернское, съ его мировыми и мѣстными интересами, съ проблесками лучшихъ человѣческихъ стремленій и самыхъ жадныхъ дрызгъ, — и не дороги и не противны мнѣ эти воспоминанія пережитаго и прочувствованнаго въ жизни, проведенной въ почтительномъ отдаленіи отъ всего, что надудо, но въ близости того, что не кусается и не дуется. Въ памяти моей, какъ въ калейдосконѣ, одни за другими проходятъ и вполне хорошіе и не совсѣмъ хорошіе люди; воспоминанія не совсѣмъ отрадныхъ происшествій смѣняются воспоминаніями положительно грустныхъ и невозмутительныхъ; то рисуются блѣдныя фантомныя незлобивыхъ и недалекихъ мелкихъ чиновниковъ, то румяныя лица такихъ же незлобивыхъ, но и такихъ же недалекихъ начальниковъ; безполезныя существа выступаютъ рядомъ съ существами, которыхъ и полезность и безполезность является въ самомъ сомнительномъ свѣтѣ. Я постараюсь быть справедливымъ и къ фактамъ и къ лицамъ. Въ этомъ случаѣ, кажется, я чуть ли не перещеголялъ безпристастіе Тацита. Притомъ, ничто видѣнное мною не было для меня новымъ и поразительнымъ, потому что изъ четвертой помнится аудиторіи петербургскаго университета, гдѣ я въ послѣдній разъ отвѣчалъ на повашійся мнѣ билетъ изъ экспериментальной философіи, я отправился въ провинцію, не какъ новичекъ, брошенный въ глушь противъ воли, но какъ человѣкъ уже довольно знакомый съ провинціей и ея нравами, и, притомъ, не увлекающійся. Жизнь въ провинціи не обманула и не разочаровала меня, не разбила моихъ завѣтныхъ мечтаній, которыя у иныхъ юношей получаютъ довольно странное направленіе и разлетаются въ прахъ отъ прикосновенія къ такъ — называемой суровой дѣйствительности. Нѣтъ, у меня провинція ничего не разбила, не помяла, говоря высокими словами, ничего свѣжаго, не застудила моего внутренняго жара, можетъ быть, потому, что ни разбивать, ни мять, ни студить было нечего, къ моему крайнему сожалѣнію. Напротивъ, она показала мнѣ много такого, о чемъ я и не думалъ прежде, о чемъ намъ съ Горацио и не снилось; она окончательно утвердила меня въ иныхъ убѣжденіяхъ, и окончательно пошатнула то, что было и прежде достаточно шатко.

Но отчего, когда я обращаюсь къ прошедшему, когда сно-

како перезираю въ памяти все прожитое въ провинціи время, прожитое, повидяому, недаромъ, въ постоянномъ наблюдѣніи за всѣми жизненными явленіями въ разныхъ слояхъ общества, и спрашивую себя, что же отраднѣе могъ принести моему сознанию этотъ довольно добросовѣстный анализъ разнородныхъ явленій въ окружающей меня, повидяому, такой бойкой жизни, отчего все отраднѣе и утѣшительнѣе какъ-то робко прячется за менѣе отраднѣе и менѣе утѣшительнѣе, все хорошее отходитъ на второй планъ? Можетъ быть, иные упрекнутъ меня въ излишнемъ пессимизмѣ, скажутъ, что самое дурное свойство памяти охотно останавливаться только надъ тѣмъ, что слѣдовало бы поскорѣй забыть и не вспоминать больше. Смѣю увѣрить читателя, что онъ ошибается; изъ моихъ очерковъ онъ можетъ заключить о совершенно — противоположныхъ качествахъ моей памяти; онъ, безъ сомнѣнія, упрекнетъ меня даже въ излишнемъ оптимизмѣ, однако и въ послѣднемъ случаѣ будетъ неправъ. Во мнѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Я только могу предупредить ихъ, сказать, что впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ этой жизни, не на столько радуютъ, сколько можно и должно было бы ожидать. Читатель безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что я останавливаюсь на этомъ введеніи нѣсколько долѣе, чѣмъ слѣдовало бы. Можетъ быть, это правда. Но я считаю необходимымъ опредѣлить точку зрѣнія, съ которой намѣренъ судить объ окружающихъ меня явленіяхъ. Я чуждъ холоднаго скептицизма, но еще болѣе далекъ отъ того, чтобы восхищаться и умиляться всѣмъ безъ разбора.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ на наше провинціальное общество (мы говоримъ только о немъ), нельзя не замѣтить той странной черты, что въ немъ какъ-то особенно поразительно бросается въ глаза вѣчная разладница, даже, можно сказать, непримиримая вражда между идеею и примѣненіемъ ея къ жизни. Это, кажется, замѣчено многими, хотя достаточно не объяснена причина такого явленія, менѣе забавнаго, чѣмъ грустнаго. Одной наружностью, вѣнскими проявленіями жизни, словами и мало ли еще чѣмъ мы можемъ обмануть самого опытнаго наблюдателя. Все въ насъ говоритъ въ пользу нашей дѣятельности, всѣ губерскія вѣдомости, а за ними и столичныя журналы и газеты, на основаніи довольно поверхностныхъ извѣстій, сообщаемыхъ беззащитными корреспондентами, хвалятъ проявляющіеся въ насъ начатки прогресса и умилятельной гуманности; у насъ заводятся воскресныя школы, гдѣ образованные преподаватели очень вѣж-

ливо обращаются съ босоногими и неумытыми мальчуганами, говоря имъ «вы» и наставляя ихъ въ грамотѣ и письмѣ; у насъ есть училища для арестантовъ, иногда жадно, иногда гѣниво слушающихъ чтеніе нехитрыхъ статей изъ разныхъ народныхъ изданій, и благодарно принимающихъ искреннее слово утѣшенія; у насъ заводятся общественные столы для бѣдныхъ, библиотеки въ смиренныхъ и рабочихъ домахъ; умныя книги выписываются для домовъ умышленныхъ; мы открываемъ публичныя книгохранилища и жертвуемъ на нихъ порядочныя суммы, не спрашивая даже отчета въ этихъ суммахъ; мы, провинціалы, открываемъ училища въ селахъ для крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, открываемъ женскія гимназій и говоримъ объ эмансипаціи нашихъ женъ и дочерей, о свободѣ труда, наконецъ—о пользѣ власности; мы составляемъ общества трезвости, проповѣдуемъ о вредѣ немощныхъ улицъ, объ искорененіи гнусныхъ изытокъ, и проч., и проч. Однимъ словомъ, мы, повидному, далеко, очень далеко ушли впередъ, такъ что духъ захватываетъ отъ восторга и самоуслажденія, когда оглянешься назадъ да посравнишь «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій.» Мы хвалимъ себя, и, съ нашего голоса, хвалятъ насъ столичные братья, не думавшіе прежде, что мы на все способны, и не думающіе теперь, что захватить человека очень недолго. — Но не увлекаемая ли мы, а вмѣстѣ съ нами и наши столичные друзья? Это было бы очень прискорбно, хотя едва ли не справедливо. Чего бы, кажется, намъ еще желать, послѣ того, что мы сказали выше? Литературныхъ вечеровъ въ пользу воскресныхъ школъ? — они есть и въ провинціи. Чтеній въ пользу нуждающихся въ талантѣ провинціальныхъ писателей? — есть у насъ и это. Можетъ быть нѣтъ городскихъ и земскихъ общественныхъ банковъ? — такъ нѣтъ, и они есть. Да у насъ наконецъ все есть, что нужно, даже большіе чѣмъ нужно. Однако, при всемъ томъ, глупое сомнѣніе въ дѣйствительной важности этихъ явленій невольно приходитъ въ голову, когда посмотришь на нихъ вострыми глазами, безъ увеличительныхъ стеколъ натянутого самовосхищенія. Все зависитъ отъ того, съ какой стороны будемъ разсматривать предметъ и какое настроеніе будетъ преобладать въ насъ: если мы поддадимся обаятельному настроенію нѣкоторыхъ губернскихъ вѣдомостей и нѣкоторыхъ провинціальныхъ корреспондентовъ, то мы многое будемъ видѣть въ розовомъ цвѣтѣ; если же наша логика пересилитъ всѣ возможные настроенія, то розовый цвѣтъ смардетъ. Явленія, созерцающіяся теперь у насъ много могутъ при-

вести въ восторгъ, другаго порадовать очень мало, третьяго все не порадовать, четвертаго глубоко опечалить; много наконецъ, нервнаго и особенно слабодушнаго человѣка, неумѣющаго владѣть собою, эти явленія повергнуть въ мрачное уныніе. Заимѣтивъ, что жестоко преслѣдуя незлобивыхъ, копѣчныхъ мхонницевъ, мы не умѣемъ отдернуть руку, когда другой некопѣчный протягиваетъ намъ спюу, — здраво разсуждая объ общественныхъ пользахъ, мы кладемъ бѣлый шаръ тому глупому кандидату, который, на своихъ роскошныхъ обѣдахъ, кормитъ и поитъ насъ до отвала хваля мужиковъ за трезвость и трудолюбіе, мы сами пьемъ очень много и трудимся очень мало; стараясь объ эмансипаціи женщинъ, мы не можемъ эмансипировать себя отъ разныхъ негѣвыхъ предрассудковъ и церемоній; замѣтивъ это несогласіе съ тѣмъ, что пишется и говорится въ нашу пользу, нервный и малодушный человѣкъ дѣйствительно опечалится. Но что касается до насъ, то мы откровенно скажемъ, что печалиться не за чѣмъ.

Заговоривъ о провинціальныхъ корреспондентахъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, мы не долго будемъ продолжать рѣчь объ этомъ предметѣ и главнымъ образомъ коснемся положенія редакторовъ въ губернскихъ газетахъ, о которыхъ у насъ никто еще не сказалъ дѣльнаго слова. Кромѣ того намъ еще о многомъ придется говорить въ нашихъ воспоминаніяхъ.

Провинціальные корреспонденты — это такія грустные явленія, съ которыми, къ счастью, не была знакома западная Европа, а вваче развитіе ея было бы приостановлено надолго; зло это тѣмъ болѣе опасно, что общество до сихъ поръ не понимаетъ всей силы скрытаго въ немъ тайнаго яда. Эти злѣйшіе враги прогресса были главною причиною распространенія ложныхъ слуховъ о нашемъ преуспѣяніи и разныхъ идиллическихъ самоуслажденій. Если бы не существовало на землѣ корреспондента А, неутомимо прославляющаго городъ В, то мы не были бы обмануты иными слухами о небываломъ благоденствіи жителей этого города; если бы, наконецъ, корреспондентъ Д, сломилъ себѣ пѣю и не успѣлъ написать своей статьи о томъ, что въ городѣ Е течетъ медъ и млеко, мы не поѣхали бы въ этотъ городъ и тѣмъ избавились бы отъ жесточайшаго разочарованія, постигнаго насъ, когда мы пожили въ прославленномъ городѣ и вмѣсто меда и млека нашли только желчь и уксусъ. Правда, провинціальные корреспонденты, большею частію, люди благонамѣренныя, невинныя по эта; самая ихъ невинность и

вредить дѣлу, которому они не умѣютъ служить только. Желаніе дѣйствовать для общественной пользы — если только еще есть это желаніе — иногда выпадаетъ на долю такого лица, котораго судьба щедро надѣлила всѣмъ, кромѣ ума. А это случается у насъ сплошь и рядомъ. Еще пожалуй, съ ними можно было бы пожить, если-бъ эти господа были только бесполезны и лѣнны, — но они вредны. Хотя грустно согласиться, что это правда, однако на дѣлѣ-то оно выходитъ именно такъ, и добрые провинціалы писатели сами не подозреваютъ, какую роль приходится играть имъ, и какое званіе защищаютъ они. Часто случалось видѣть, что корреспонденты становились на одну доску съ губернскими вѣдомостями и не разъ спорили изъ-за привилегій чесать пятки какому-нибудь мѣстному Чичикову. — Разумѣется, выраженіе это слѣдуетъ понимать метафорически.

Впрочемъ, все до сихъ поръ сказанное мною можетъ показаться общими мѣстами, давно-извѣстными истинами. Тѣмъ лучше; значить читатель соглашается со мной, потому что я въ самомъ дѣлѣ говорилъ не новости, а старыя, непріятныя истины, и тѣмъ хуже, потому что, сказанное мною — общія мѣста, то каковы же должны быть необщія, каковы должны быть исключенія; предоставляю судить объ этомъ моему догадливому читателю.

Однако, переходя къ частностямъ, я откровенно признаюсь, что не имѣю посягательства на догадливость читателя, просто по чувству деликатности, и потому предварительно заявляю, что въ разсказахъ своихъ не буду называть ни губерній, ни городовъ, въ которыхъ происходило то или другое событіе; да я и не считаю нужнымъ приводить имена, указывать на лица, къ чему это? Дѣло въ событіи, а не въ томъ, гдѣ именно случилось происшествіе: все равно гдѣ бы ни было, лишь бы было. Притомъ я смѣю имѣть такое убѣжденіе, и читатель конечно согласится со мной, что это и его личное мнѣніе, и мнѣніе его жены, пріятельницы, друга, знакомыхъ, вообще всѣхъ умныхъ людей, — что если городъ А можетъ похвалиться честностью и любезностью Ивана Ивановича, то и городъ В не уступитъ ему въ этомъ и укажетъ на Петра Борисыча, который пожалуй и честиѣ и любезиѣ Ивана Ивановича; что если городъ X имѣетъ достойную и уважаемую правительницу общественнаго мнѣнія въ лицѣ полинявшей, но все еще прекрасной ПроскудиИ Ивановны, то и городъ У обладаетъ не менѣе достойною, хотя болѣе полинявшей и болѣе прекрасной Епхарією Григорьевною, какъ и городъ Z преклоняется передъ умомъ и вѣщностію жен-

щины, подобной двумъ первымъ. Даже въ описаніи всё эти лица выходятъ какъ двѣ капли воды похожими одно на другое, и если мы польстимъ городу А, то непременно будетъ лестно и городу В, и если при чтеніи этого очерка Проскудія Ивановна сдѣлаетъ презрительную гримасу по поводу эпитета «возняющая», то гримасу эту увидитъ и городъ У на лицѣ Елихаріи Григорьевны и т. д. Да и въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ городѣ нѣтъ обожаемаго начальника, всёмъ необходимаго откупщика, своего безкорыстнаго Аристеда, своего Сквозника-Духановскаго, своего мѣстнаго поэта? Такъ къ чему же называть все по именамъ! Другое дѣло, если-бъ очерки мои имѣли характеръ обличенія, претензію на такъ-называемую благодѣтельную гласность; — нѣтъ, ничего этого я не имѣю въ виду. Да и Богъ съ ней, съ этой гласностью... Что въ ней?.. Только одни хлопоты да непріятности. Нѣтъ, очерки мои будутъ имѣть отчасти характеръ фзіологическаго анализа, какой производится въ звѣринцахъ и кунсткамерахъ, очерка ни для кого не обиднаго, а для всѣхъ лестнаго. Такъ-то лучше, мнѣ кажется.

И такъ мы въ городѣ Н. Чтобы читатель не могъ отгадать, какой это городъ, я даже ничего не скажу объ его наружности и топографическомъ положеніи; — просто городъ Н. Одно только замѣчу, что городъ Н. можетъ стать въ ряду черныхъ нашихъ губернскихъ городовъ. Одинъ только человекъ, мой хорошій пріятель, никогда не раздѣлялъ со мной этого мнѣнія, и я считаю своей обязанностью представить на судъ читателей его доводы, тѣмъ болѣе, что этимъ я нѣсколько обрисую положеніе въ провинціи редакторамъ губернскихъ вѣдомостей (пріятель мой занималъ эту должность).

И провинціальная жизнь, заслоненная хвалебными отзывами газетъ, остается для насъ загадкой, чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. Общественное мнѣніе единственная щель, черезъ которую могъ бы пробиваться свѣтъ божій въ этой темнотѣ; но, къ сожалѣнію, его нѣтъ. Оно замѣняется повседневыми сплетнями, которыми, обыкновенно, заправляютъ двѣ или три старыя «трещотки», какъ ихъ называютъ на мѣстномъ нарѣчій. За то какая неутомимая дѣятельность этихъ старыхъ сплетницъ: ни одно событіе самое мелкое, ни одно семейство, болѣе видное, ни одна свадьба, ни одни похороны, ни одинъ гвоздь въ тарантасѣ заѣзжаго не ускользаютъ отъ ихъ всевидящаго глаза и всеушнаго уха. И по этимъ сплетнямъ составляется то, что называютъ мнѣніемъ. И не дай Богъ какому нибудь новичку понасть

подъ это маховое колесо розказней, допросовъ, пересудовъ, преувеличеній ех амоге и самыхъ нелѣпыхъ выводовъ! Дикая фантазія провинціала такъ исказитъ его истинный портретъ, что ни одной черты не останется на немъ. на своемъ мѣстѣ и въ своемъ видѣ.

— Но отчего же, спросилъ я однажды моего пріятеля, здѣсь такъ любятъ сплетни?

— Отчего? Оттого, что темъ, страшная темъ; нельзя видѣть предметы ясно, и мы узнаемъ ихъ только оцущью.

Нельзя сказать, чтобъ не было у насъ и партій, т. е. раздѣленія общества по образу мыслей и по свойствамъ интересовъ на нѣсколько отдѣльныхъ лагерей; но эти партіи составляются подъ вліяніемъ тѣхъ же сплетницъ и сплетниковъ, — какихъ нибудь Пяткиныхъ и Затылковыхъ. Споры ихъ заходятъ не далѣе канцелярскихъ дригъ и, по большей мѣрѣ, губерскихъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующаго: надо ли считать господина N взяточникомъ или нѣтъ? И такіе споры волнуютъ общество, порождаютъ безконечныя толки и часто переходятъ въ осерьезную брань враждующихъ станомъ.

И эта вражда такъ называемыхъ партій въ сущности приписитъ болѣе пользы, чѣмъ вреда. Но есть въ нашемъ обществѣ и положительно хорошая сторона, которая до-сихъ-поръ едва ли подмѣчена кѣмъ-нибудь и объяснена, какъ слѣдуетъ. При впадномъ раздѣленіи его, при всемъ ожесточеніи, съ какою ведется борьба Пяткиныхъ и Затылковыхъ, они дружно соединяются, когда чуютъ общаго врага, когда какой-нибудь недобросовѣстный человѣкъ пятнасть ихъ репутацію, заговоритъ пмъ о томъ, о чемъ бы имъ не хотѣлось слышать, укажетъ на то, что отъ всѣхъ тщательно прячется, однимъ словомъ, когда они встрѣтятъ человѣка, не принадлежащаго ни къ одной изъ воюющихъ сторонъ, и на-зло такого, который имѣетъ свое мнѣніе и свой взглядъ на вещи. При появленіи такого вреднаго человѣка въ нашемъ обществѣ, ополчаются старъ и младъ, богатый и убогій, Проскудія Ивановна и Епихарія Григорьевна, и сокрушаютъ неприятеля общими силами.

— Хотя Пяткинъ и мерзавецъ, безсовѣстный взяточникъ и спорщикъ, однако его званіе не таково, чтобъ какой нибудь мальчишка (мальчишкамъ называютъ вообще всѣхъ людей, ратующихъ противъ системы безгрѣшныхъ доходовъ, хотя бы эти мальчишкамъ было лѣтъ по шестидесяти; мальчишкамъ назы-

вають у насъ также всѣхъ пишущихъ и печатающихъ свои писанія противъ Пяткиныхъ или Затылковыхъ — все равно), — чтобъ какой-нибудь мальчишка осмѣлился говорить и писать о немъ: такъ, пожалуй, и меня задемутъ, говоритъ Затылковъ въ кругу приверженцевъ своей партіи.

— Хотя Затылковъ и негодяй, котораго давно пора отдать подъ судъ, однако нельзя же, чтобъ всякій мальчишка безсмысленно его печатно: такъ, чего добраго, и меня оскорбятъ, хотя оскорбить и несправедливо, не то что Затылкова, который всегдѣ заслуживаетъ, говоритъ Пяткинъ своимъ пріятелямъ.

— Да, позвольте спросить, кто этотъ негодный мальчишка? Какое положеніе онъ занимаетъ въ свѣтѣ? спрашиваютъ Затылкова.

— Никакого.

— Можетъ быть, служить?

— Пренерядиво служить: всегда выражаетъ начальнику свои мнѣнія, и выражаетъ неприлично, — громко.

— Можетъ статья, дѣловой мальш?

— Нисколько! кончилъ курсъ въ какомъ-то университетшкѣ.

— Ну, послѣ этого, разумѣется, нечего ждать добра.

— Конечно.

Само собою разумѣется, что между этими общими врагами нашими, — между такъ называемыми мальчишками, дѣйствительно встрѣчаются и молодые люди, получившіе образованіе въ университетахъ; за то Пяткины и Затылковы, наши торги и инги, могутъ съ гордостью указать въ своихъ обширныхъ и блестящихъ рядахъ не на одного изъ такихъ же господъ, пмѣюющихъ кандидатскіе дипломы, про которыхъ они говорятъ сами себѣ, въ минуты откровенности: «такіе же какъ и мы грѣшные, хоть и университетскіе; слава Богу пообжились, и почтше насъ дѣла-то обдѣлываютъ; это наши». Къ несчастью, Пяткины и Затылковы говорятъ правду. Отсутствие ли доброй воли, или самая эта воля, дурно направленная, безхарактерность ли, или просто недостатокъ ума и честныхъ инстинктовъ, упадокъ благородства, затирающагося въ сношеніяхъ съ людьми, несовсѣмъ честно направленными, или что другое виновато въ этомъ, только прикосновеніе къ дѣйствительной жизни часто убиваетъ даже въ молодыхъ людяхъ тѣ добрыя начала, которыя на университетской скамьѣ, казалось, такъ сильно говорили въ этихъ молодыхъ людяхъ. Конечно, Гоголь называлъ бы «трляками» такихъ людей, личность которыхъ стирается,

всякой средой, куда бы они ни попали; все это правда, — пожалуй и мы назовемъ ихъ «тряпками»: но все-таки Пяткины и Затылковы по праву называютъ ихъ «своими», — и отъ того не легче, что они тряпки. И то правда, что наша провинція, едва ли не преимущественно передъ всѣми другими частями свѣта, умѣетъ забивать и сглаживать до уровня пошлости такія жалкія личности; однако гордая радость Пяткиныхъ и Затылковыхъ много поуменьшится, если мы скажемъ, что даже между этими людьми, которыхъ они называютъ «своими», болѣе честныхъ, чѣмъ безчестныхъ, и положительно можемъ утверждать, что даже изъ безчестныхъ самая ничтожная цифра приходится на долю безчестныхъ по убѣжденію, по принципу, и самое значительное количество изъ нихъ — безчестные по слабости, по малодушію, по неразвитости мозга. Впрочемъ, какъ ни ободряетъ Пяткиныхъ и Затылковыхъ присутствіе въ нашемъ провинціальномъ обществѣ этихъ акклиматизировавшихся, оподъячившихся «университетскихъ», о которыхъ можно сказать, что они «свои люди», все-таки присутствие другаго элемента, не однороднаго намъ, присутствіе «мальчишекъ», нѣсколько стѣсняетъ свободу нашихъ дѣйствій, хотя, — сказать правду, — стѣсняетъ въ самой ничтожной степени. Впрочемъ, и то сказать, мы вѣдь, право, не въ такой же мѣрѣ отсталый народъ, какъ иные думаютъ о насъ, мы нѣсколько такъ поразвились, понимаемъ современность и ея хорошую сторону, мы не ретрограды: въ пятьдесятъ лѣтъ мы читаемъ больше, чѣмъ читали въ двадцать пять и тридцать; мы иногда сами обличаемъ дурныя свойства нашего личнаго врага, если это можно сдѣлать безопасно. Да вообще, что ни говори, а отъ современности мы не отстаемъ: такъ принято, она въ модѣ, — вотъ и все. Конечно, при благопріятной переѣлѣ обстоятельствъ, современность можно по боку, а теперь пока нельзя, всѣ будутъ указывать пальцемъ, — и даже матеріально проиграешь, по службѣ упустишь свои выгоды. Да вѣдь и не трудно казаться современнымъ: современность запрещаетъ мошенничать, ну и не мошенничай; современность осмѣиваетъ грубое обхожденіе съ подчиненными, требуетъ вѣжливыхъ выраженій въ разговорѣ съ ппшшими, — говори имъ «вы»; современность запрещаетъ брать взятки — не бери, или бери благоразумно, безъ озорства; современность не велитъ полочить дѣла по судамъ — не возочи, не тяни; современность требуетъ, чтобы мы учились, — учись или лучше прикинься, что учишься; вообще современность велитъ быть честнымъ человекомъ; но честнымъ быть по прика-

зу не легко, ну старайся показаться таковымъ, и этого довольно!

— Только-то? говорить одинъ изъ отсталыхъ членовъ партіи Пяткина.

— А чего же вамъ еще? отвѣчаетъ ему одинъ изъ наиболее современныхъ «затылковцевъ».

— Такъ въ этомъ-то вся ваша современность?

— Да.

— Ну, батюшка, это и въ заповѣдяхъ требуется: не убей, не украдь, не пожелай того, что есть у ближняго, то есть не бери взятки и не вымогай.

— Такъ, современность больше и не требуетъ, какъ исполненія десяти заповѣдей.

— Что-жъ въ этомъ новаго-то, батюшка? это и наши отцы говорили.

— Правда, говорить-то говорили, да все не то...

— За что же, батюшка, многіе такъ боятся этой современности, бранять ее, когда она вся на заповѣдяхъ?

— Оттого и бранить, что заповѣди забыли.

— Те, те, те!.. Ну, понимаю теперь.

Вотъ такъ-то мы понимаемъ современность. Правда, не всѣ на нее смотрятъ глазами «затылковца»; иные говорятъ про нее и не вѣсть что... Ну, да такіе люди, слава Богу, выводятся. «Теперь можно положительно сказать, что Щедринъ, съ его отсталыми тенденціями и выродившимися типами, для *нынешней провинціи* несовремененъ», говорятъ въ одинъ голосъ наши виги в тори, «пяткинцы» и «затылковцы». Вотъ такъ-то мы ушли впередъ!

Оканчивая первый листокъ «провинціальныхъ тѣнсей», я считаю долгомъ объяснить насчетъ своего имени. Я ношу одну фамилію съ извѣстнымъ гоголевскимъ философомъ Фомою Брутомъ; но долженъ замѣтить, что у насъ одно фамильное сходство, чисто случайное, и ничего нѣтъ общаго ни въ жизни, ни въ убѣжденіяхъ. Я не похожъ на своего соименника уже потому, что считаю себя человѣкомъ болѣе или менѣе современнымъ. Мои недостатки выкупаются моими-же достоинствами. Хотя не-

сносный пессимизмъ, не знаю какъ развитійся въ моемъ характерѣ, и мѣшаетъ мнѣ увлекаться видимою прогрессивносью нашего провинціального общества, однако онъ не препятствуетъ мнѣ понимать истинную цѣну этого движенія, смыслъ настоящихъ событій и характеръ застоя, въ которомъ мы находимся. Другой недостатокъ, приводящій меня въ отчаяніе, это крайняя впечатлительность и чувствительность, иногда неумѣстная. Глухой болью щемитъ сердце Оома Брута, когда онъ, никѣмъ незамѣчаемый, ходитъ по пыльнымъ, немощенымъ, но оживленнымъ улицамъ своего безыменнаго города, съ единственною цѣлью наблюдать за проявленіями бойкой губернской жизни... Присматривается Оома Брутъ ко всему, что говорится и дѣлается у насъ въ провинціи, изъ всего выводитъ свои, по мнѣнію многихъ, странныя заключенія. Бесѣдуетъ и съ свѣтлыми провинціального общества, съ передовыми людьми и съ честными труженниками, хотя не передовыми на словахъ. Оомѣ Бруту до всего дѣло. Изрѣдка появляется Оома Брутъ и въ провинціальныхъ гостиныхъ, и слушаетъ, долго слушаетъ умныя рѣчи развитыхъ людей о прогрессѣ въ провинціи, о современныхъ вопросахъ, — и горько становится Оомѣ Бруту, что много тратится словъ на вѣтеръ (впрочемъ, куда жъ ихъ и тратить?), много говорится блестящихъ рѣчей безъ смысла, много дѣлается добра бесполезно и мало бросается въ землю навоза для будущихъ посѣвовъ.

Но все это Оома Брутъ расскажетъ послѣ, по порядку, не такъ какъ говоритъ теперь, и расскажетъ еще не мало такого, о чемъ ему даже намекнуть не удалось или не пришло теперь и въ голову. И много еще провинціальныхъ тѣней покажетъ онъ читателю...

ООМА БРУТЪ.

Русскій театръ.

Комедія «Кто лучше», г. Потѣхина.

Послѣ бенефиса, даннаго въ пользу семейства покойнаго Мартынова, петербургскіе театры, по случаю траура, были закрыты на шесть недѣль. Въ это время артисты александринской труппы приготовили къ представленію только одну новую піесу — комедію г. Потѣхина: «Дока на доку нашелъ,» (Кто лучше), которая и дана была въ бенефисъ г. Бурдина, въ началѣ прошлаго ноября.

При крайней бѣдности нашей драматической литературы, появленіе на сценѣ новаго оригинальнаго произведенія должно было обратитъ, и дѣйствительно обратило на себя, вниманіе. Всякой разъ, когда шла піеса г. Потѣхина, александринскіе любители искусства стекались въ театръ съ разныхъ концовъ Петербурга, и усердно хлосали игръ дѣйствующихъ лицъ, замѣстванныхъ авторомъ, изъ той же среды общества, которое открылъ и разработалъ у насъ г. Островскій.

Піеса «Дока на доку нашелъ,» явилась почти одновременно и на сценѣ и въ литературѣ; какъ единственное, болѣе замѣтное явленіе, она не могла не вызвать сочувствіе публики и, благодаря не столько внутреннему своему достоинству, сколько рѣшительному отсутствію другихъ оригинально драматическихъ произведеній, была принята если не восторженно, то и не особенно холодно. Во всякомъ случаѣ судить о комедіи по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя она производитъ при извѣстной сценической обстановкѣ, значитъ болѣе или менѣе ошибаться насчетъ ея литературнаго качества; потому что спокойный анализъ драмы возможенъ только при внимательномъ чтеніи ея внѣ всякихъ постороннихъ развлеченій игрой актеровъ и декорационной постановкой. Признаемся, что послѣ критической оцѣнки комедіи г.

Потѣхна, мы далеко не выносимъ того выгоднаго для нея мѣнѣнія, съ какимъ мы вышли изъ театра послѣ перваго представленія ея.

Дѣйствіе комедіи происходитъ въ Москвѣ. Хотя авторъ и не говоритъ этого положительно, но содержаніе самой пьесы не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія.

Первый актъ служитъ введеніемъ въ комедію, представляя нѣчто въ родѣ пролога. Въ немъ главный герой еще скрывается за кулисами. При открытіи занавѣса, сцена представляетъ небогато убранную залу, въ домѣ купца первой гильдіи, Григорія Кузьмича Лазурнина. Мать его, Анна Власьевна, дряхлая старушка, молоденькая дочь Катерина Григорьевна, и Паша Расторгуевъ, *сирота, по первой гильдіи*, ведутъ бесѣду на купеческой ладъ. Катерина Григорьевна стоитъ на диванѣ и осматриваетъ свое платье въ зеркало. «А вѣдь лифъ-то морщитъ, — говоритъ она Пашѣ Расторгуеву: вотъ вамъ и мадамъ Анетъ, а еще хвастались!» «Маненечко припустилась, — отвѣчаетъ Паша Расторгуевъ: не потрафилась, да оно съ запасцемъ-то лучше.» Паша влюбленъ въ Катерину Григорьевну, спитъ и видитъ жениться на ней. Семейство Лазурниныхъ, повидимому, не прочь отдать за него Катю. Онъ это знаетъ; и спрашиваетъ Анню Власьевну: «Только срокъ-то какъ-же-съ?» Но старушка требуетъ, чтобъ онъ бороду сбрилъ, въ службу поступилъ. «Что ты теперь? — говоритъ она: купецъ, какъ-есть рядскій, хожалый и тотъ тебя за воротъ возьмутъ; а чиновникъ-то, да при деньгахъ... и нуговицы-то блестятъ и воротникъ-то шитый-да! вступи, молодецъ, въ службу. Въ пансіонѣ-то ей не долго осталось быть, а потомъ бери ее всю! Паша не рѣшается обрить бороду. Анна Власьевна сердится, стучитъ костылемъ и уходитъ, приказывая Катѣ слѣдовать за собой. Оставшись одинъ Паша *закрываетъ ладонью глаза*, и начинаетъ разсуждать въ слухъ: Ж-и-и-съ! и что это она нашла въ чиновникахъ—близирь, сѣ-богу, одинъ блезирь. Виду, что-ли, тамъ полноты, аль основательности въ фигурѣ? ничего нѣтъ! А расшаркнуться, такъ и мы расшаркнемся (расшаркивается). Вотъ какъ-съ, съ почтеніемъ-съ. Не ужто я *уродъ*—ась? Господи! (встаетъ на диванъ и смотритъ въ зеркало). Ничего-съ, такъ-съ.... А что-жь и борода? Въ большую моду нонѣча входитъ... на иностранный манеръ.» Къ концу этого разсужденія приходитъ Григорій Кузьмичъ Лазурнинъ. Онъ вдовецъ, лѣтъ пятидесяти; пробившись изъ мѣщанскаго сословія въ первую гильдію, онъ занимается скупкою и продажею

векселей на биржѣ, подрядами и поставками. Демонъ стяжанія совершенно овладѣлъ этимъ человѣкомъ. Всѣ его желанія и помыслы направлены къ одной цѣли — къ приобрѣтенію капитала. Перекинувъ съ Расторгуевымъ нѣсколько словъ, онъ проситъ у него денегъ. «Вотъ ты женишься вздумалъ, — говоритъ онъ: а нѣтъ, чтобы будущаго-то тестя спросить: какъ, дескать, ваша комерція, или на счетъ торговли. Съ бабами точишь языки-то по пусту. Вонъ тестю-то до зарѣзу нужно двадцать пять тысячъ; безъ векселька, чай, ты не дашь?» Паша, страстно влюбленный въ Катю, спѣшитъ исполнить желаніе будущаго тестя, и восклицая.» Григорій Кузьмичъ! помилуйте-съ, что-съ такое... я тотчасъ... мы съ полнымъ довѣріемъ... я принесу-съ» бѣжитъ за деньгами. Между тѣмъ къ Лазурину приходитъ квартальный Задыркинъ по дѣлу Корытина, который долженъ Григорію Кузьмичу большую сумму. Корытинъ — купецъ, получилъ отъ отца «непечатую кпсу,» но замотался, и кредитъ-то «языкомъ слъзнулъ.» Григорій Кузьмичъ представилъ на него вексель, дѣло попало въ руки къ Задыркину, который вмѣсто взысканія денегъ, взялъ отъ жены должника объясненіе, что мужъ ея «къ Митрофанію уѣхалъ.» Григорій Кузьмичъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Ему нужно посадить Корытина въ долговое отдѣленіе. Онъ предлагаетъ Задыркину сотенную, прося обдѣлать дѣло, и вынимаетъ ассигнацію; Задыркинъ протягиваетъ руку. Григорій Кузьмичъ не вдругъ отдаетъ деньги. Осторожный и недоувѣрчивый, онъ разрываетъ бумажку по поламъ, и одну половину кладетъ въ бумажникъ, а другую подаетъ Задыркину, говоря:» тебѣ половина, и мнѣ половина, нумера пополамъ: я въ надеждѣ — и ты покоенъ. Кончивъ дѣло — твой, надуешь — божій. Задыркинъ соглашается на эту сдѣлку; прячетъ въ карманъ половнику ассигнаціи, и уходитъ, обнадеживая кредитора, что должникъ изъ рукъ не вывернется. На сцену являются старшій братъ Лазуринъ, Гома Кузьмичъ, маклеръ Живодерникъ и Паша Расторгуевъ.. Гома Кузьмичъ — купецъ стариннаго покроя, большой резонеръ, смахивающій на Русакова, въ известной комедіи г. Островскаго. Онъ крестный отецъ Пашинъ Расторгуева, «орудуетъ его капиталомъ.» Узнавъ, что Паша хочетъ дать будущему своему тестю двадцать пять тысячъ въ займы, Гома Кузьмичъ не препятствуетъ, но заботясь объ интересахъ своего крестника, находитъ нужнымъ обезпечить эту сумму векселемъ, для чего и привелъ маклера. Григорій Кузьмичъ подписываетъ вексель, и получивъ подъ него деньги, высылаетъ Пашу и бра-

та въ другую комнату «къ бабамъ,» а самъ остается наединѣ съ Живодерянымъ, чтобы уладить слѣдующее дѣльце. Корытнинъ долженъ Григорію Кузьмичу до двухъ сотъ тысячъ по векселямъ. Дѣла Корытнина запутаны. Наличныхъ денегъ у него нѣтъ, но есть товару на шесть сотъ тысячъ рублей. Григорій Кузьмичъ находитъ выгоднымъ получить съ него товаромъ, разумѣется, взявъ товаръ по возможно болѣе дешевой цѣнѣ т. е. онъ желалъ бы, пользоваться затруднительными обстоятельствами Корытнина, ограбить его начистую. «Ты, не ёжся, — говоритъ онъ маклеру: плечамъ-то не жми, а ступай къ нему; уладишь за рубль два, а въ четвертакомъ — ладно; не пойдетъ заупрямится — къ частному Задыркину забѣги: онъ, знаешь, пугнетъ ямой. Проводивъ маклера, Григорій Кузьмичъ вызываетъ брата отъ «бабъ», и порѣшаетъ съ нимъ выдать Катю за Пашу Расторгуева; но не прежде какъ черезъ годъ, а между тѣмъ послать его къ Макарыю, «пусь-ко самъ теперь торгуетъ, годикъ промаячить, къ дѣлу приглядится». Объ этомъ рѣшеніи они объявляютъ Расторгуеву. Паша приходитъ въ неистовый восторгъ: «бросается отъ человѣка къ человѣку,» цѣлуетъ руки у Катерины Григорьевны, кланяется въ ноги будущему тестю, обнимаетъ крестнаго отца и бѣжитъ «сюрприкъ готовить.» По уходѣ его является Задыркинъ. Онъ уладилъ свое дѣло: посадилъ въ яму Корытнина. Вслѣдъ за нимъ маклеръ «съ сіяющимъ лицомъ показывается въ дверяхъ.» Онъ тоже обдѣлалъ свое дѣло: уговорилъ Корытнина уплатить векселя товаромъ: «за рубль-съ... два съ полтиною.» Григорій Кузьмичъ приходитъ въ неописанный восторгъ; онъ видитъ, что желанія его осуществляются, онъ уже почувствовалъ свое положеніе, и когда вбѣгаетъ Паша съ шубою въ рукахъ — «сюрпризомъ изъ чернобурыхъ,» Григорій Кузьмичъ восклицаетъ: «прочь! не въ свою компанію сунься. Поймите вы меня, поймите, вѣдь у меня почти миллионы! — (занавѣсъ падаетъ)».

Между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ проходитъ годъ. Втеченіи этого времени Григорій Кузьмичъ страшно разбогатѣлъ. Живетъ въ великолѣпномъ домѣ, роскошно убранномъ мебелью отъ Гамбса, позолотою на двѣсти тысячъ рублей. Онъ забылъ и думать о Пашѣ Расторгуевѣ; а помолвилъ Катю за князя Грузинова, и даетъ за ней въ приданое миллионъ серебромъ. Катѣ жаль Расторгуева, она знаетъ, что Паша любитъ ее гораздо больше, но онъ необразованъ и — купецъ. А Катя понимаетъ, что мужъ купецъ, и мужъ князь — великаго разнига.

Въ началѣ втораго акта Катя сидитъ, задумавшись за роялемъ, и разговариваетъ сама съ собой: «И за чѣмъ ты, Паша купецъ, а не князь? Да чтожь такое князь?.. Да это на словахъ, а въ свѣтѣ какая между ними разница. Князь всюду принятъ, вездѣ его обожаютъ; а купецъ сидитъ себѣ въ лавкѣ. На дняхъ, напримѣръ, я была съ навашей на балѣ у генеральши Груздовой; насъ и пригласили потому, что панаша рассказываетъ: этотъ генераль что-то много долженъ ему, а заплатить нечѣмъ. Я измучилась тамъ, не протанцовала ни одного танца. Все это общество посматривало на меня съ насмѣшкой, гордостью. Ну, а чѣмъ же я хуже ихъ? Я знаю, что я хороша, знаю, что неглупа, воспитываюсь въ такомъ же пансіонѣ, какъ и онѣ, а они насмѣхались — какъ это обидно? А какіе хорошенькіе ихъ кавалеры!... какъ танцуютъ — чудо! какъ они развязны, довольны събой! Имъ должно быть всегда весело. Справедлива моя класная дама: она мнѣ всегда твердила объ этомъ высшемъ прекрасномъ свѣтѣ. Мнѣ тяжело здѣсь, душно, грязно! прощай Паша. Какъ ни люблю я тебя, но не могу рѣшиться на это... (играетъ шумную піесу)». Подъ звуки рояля входитъ на сцену Григорій Кузьмичъ. Онъ значительно преобразился: носитъ короткій сюртукъ, бакенбарды, подстриженную бороду и три медальныя ленты на шеѣ. Важно, Катя, важно, — кричитъ онъ дочерни: какъ эта штука-то зовется... Валяй-себѣ, валяй, не жалѣй инструмента-то, новый кушимъ, прямо съ корабля...» Выдавал дочь за князя, разбогатѣвшій купецъ и самого себя рѣшился поставить на барскую ногу: завелъ офиціанта въ ливреѣ, шптой золотомъ, приучаетъ себя ѣсть сваржу, «ртимокп», «пштъ щекотадт», хотя онъ ихъ терпѣть не можетъ; хотя ему отъ нихъ «такъ вогъ и претитъ». Онъ показываетъ офиціанта старухѣ матери, повертываетъ его кругомъ.... вдругъ воѣгаетъ въ попыхахъ грязный мальчишка и кричитъ: князь ѣдетъ!» Прибытіе такого гостя всполюшило всю семью. Старуха Анна Власьевна идетъ принарядиться, надѣтъ чепецъ, Григорій Кузьмичъ кричитъ: «федеятъ! ступай, встрѣчай», а самъ тоже идетъ пѣз залы и уводитъ съ собой дочь. Въ оставленную комнату входитъ князь Грузиновъ, женихъ Катерины Григорьевны. Этотъ князь — потомокъ знатной, промотавшейся фамліи. Отецъ е о имѣлъ тридцать тысячъ душъ, но послѣ смерти своей оставилъ женѣ и сыну — герою нашей комедіи — только три тысячи заложенныхъ и перезаложенныхъ. Само-собою разумѣется, что молодой князь, получилъ наружно-блестящее воспитаніе. Войдя въ

зало и съ презрительной улыбкой осматриваясь кругомъ, онъ принялъ граціозную позу, и началъ декламировать слѣдующій монологъ: «Роскошь и безвкусіе! желтый мраморъ и зеленыя портьеры, милліоны въ карманѣ — и отсутствіе образованія, вкуса, отсутствіе всякаго общественнаго такта! Поль-парке, подумаешь, мозанка — и по немъ грязный слѣдъ чыхъ-то уродливыхъ лапъ пзъ лакейской въ гостиную. О, кушцы, купцы! о, именитые граждане! хороша подпора государству! А надо сказать правду, при нашихъ княжескихъ гербахъ, при нашихъ титулахъ, чувствуется недостатокъ въ этихъ звучныхъ милліонахъ. Обязанность наша выпнуть эти залежавшіеся милліоны изъ запертыхъ сундуковъ, сдружить ихъ съ образованіемъ и вызвать къ полезной дѣятельности. Для этого можно съ ними породниться. Да, стремленіе къ обогащенію съ этими цѣлями — законно!.. Я первый покажу примѣръ, я первый двину торговлю, первый разбуду отъ сна эти капиталы». Окончивъ этотъ монологъ, пропитанный сильнымъ презрѣніемъ къ купцамъ и именитымъ гражданамъ, князь Грузиновъ встрѣчаетъ входящаго Григорья Кузьмича съ распростертыми объятіями, цѣлуется съ нимъ и восклицаетъ: «А, много-уважаемый Григорій Кузьмичъ! какъ радъ васъ видѣть! какъ ваше здоровье? Тотъ отвѣчаетъ: «по манечку, ваше сіятельство, по манечку! и между будущими тестемъ и зятемъ начинается разговоръ, сначала о Пушкинѣ, о Гоголѣ, потомъ Григорій Кузьмичъ объясняетъ теорію своей торговли: какъ онъ сбывъ забракованное сукно съ гнилью и нажилъ сто на сто. При чемъ Григорій Кузьмичъ жалуется князю на его дядю: «дяденьки-то ваши крутеньки, бракуютъ много». Надобно сказать, что этотъ дядя занимаетъ значительное мѣсто, въ высшей администраціи и имѣетъ вліяніе на пріемъ въ казну сукна съ фабрики Григорья Кузьмича. Выдавая дочь за князя, Григорій Кузьмичъ, кромѣ желанія породниться съ знатымъ человѣкомъ, надѣется, по хадатайству племянника, пользоваться тинскожденіемъ и протекціею дяди, и такимъ образомъ съ большою выгодною вести свои подрядныя дѣла. Князь обѣщаетъ все устроить. «Я вамъ далъ слово — говоритъ онъ Григорью Кузьмичу: какъ только женюсь — все устроится». Бесѣду ихъ прерываетъ Катерина Григорьевна. Отецъ заставляетъ ее сыграть нѣмецкую пѣсню Обертъ-Верле (Робертъ-Довере), а самъ идетъ куда-то, «по своей надобности», обѣщаясь воротиться «мигомъ». И дѣйствительно, минутъ черезъ пять онъ возвращается, ведя за собою старуху, мать и офиціанта «съ подносомъ въ рукахъ»,

на которомъ стоятъ бутылки и нѣсколько бокаловъ». Григорій Кузьмичъ истинно съ купеческимъ усердіемъ подчуется князя шампанскимъ и «щекочадою», и потомъ объявляетъ, что приданный капиталъ онъ уже перевелъ на Катю, по дарственной и въ билетахъ, чтобъ сумѣнья никакого не было: «передъ самой свадьбой все до рублика получите». Князь этимъ очень доволенъ, но ему тяжело выносить безтолковость купеческаго угощенья; — Григорій Кузьмичъ опять пристаётъ къ нему «съ чашечкой щекочадо» — онъ встаетъ, прощается очень любезно, но уходя, столкнулся въ дверяхъ съ входящимъ Омою Кузьмичемъ, и обругалъ невѣжей своего будущаго дядю по женѣ. Ома Кузьмичъ ничего не знаетъ о сватовствѣ князя. Онъ пришелъ сказать, что Паша Расторгуевъ вернулся, и что теперь пора «честнымъ пиркомъ да за свадьбу». Григорій Кузьмичъ отвѣчаетъ, что «Катя ужъ сготовлена... за его сіятельство, Льва Николаича Грузинова. «Тутъ входитъ Паша... увидя его, Катя закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ, а Григорій Кузьмичъ грозно гонитъ бывшаго жениха вонъ изъ своего дома. Ома Кузьмичъ вступается за своего крестника, увѣряетъ что онъ лучше князя, что князь мотъ, картежникъ и негодяй, но все это ни къ чему не повело: Григорій Кузьмичъ рѣшительно объявляетъ, что онъ не выдаетъ Катю за Расторгуева, потому-что Расторгуевъ—купецъ. Я, говоритъ онъ: «объ защитѣ плоти своей хлопочу». «Какъ объ защитѣ плоти?» спрашиваетъ Ома Кузьмичъ. «Такъ... просто,— отвѣчаетъ ему братъ: знаешь ты мѣсто скверно и незлачно, по-русски ямой прозывается — кого туда легче запрятать то? — купца. Знаешь ты смирительную и работную обитель?—тоже нашему брату входъ туда не воспрещается. Сгніешь тамъ, какъ червь подколодный, и добрымъ словомъ никто тебя не помянетъ, прахомъ съ вѣтріемъ разсѣнешься.... Эхъ, братъ, ровно у тебя, какъ у бабы, волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Все тебѣ надо въ ротъ положить. Выдамъ я дочь-то за него, онъ въ капиталѣ—ну, и живеть. А подорветъ его врагъ, вексельки въ счастливую минуту скупить, предъявить—кто тогда вступится, кто? Обанкрутится по божьему наказанію: вѣдь, злостнымъ, взвеличаютъ, *проведутъ* — понимаешь? *проведутъ*. Ну бы сго-то и не жаль: самъ дуракъ, промахъ дакъ; а ввучата, дѣти-то при чемъ, итенцы-то не повинные? Гдѣ у нихъ имя-то, кто имъ охрана-то? Опска наша купеческая, горька ея деньга! А выросли—куда сунуться? Въ сословіе мѣщанское приписались — ну и на череду. Кому какое дѣло, что отецъ честный торговецъ, не одинъ де-

сятокъ лѣтъ гильдію платилъ, обширную коммерцію производилъ? А мѣщанинъ — спрота, кто за него вступится? Ну и подѣ красную шапку. Вотъ объ зацѣтѣ-то какой плоти да крови говорю; вотъ для чего съ княземъ роднюсь. Ну, поняли, теперь?» «Поняли», — грустно отвѣчалъ Ома Кузьмичъ. Доводы, представленныя братьямъ, показались ему очень основательными. «Братъ хоть и лукавъ, примолвилъ онъ, разведя руками и плеча къ дверямъ, а мудрыя слова, по нашему, кулическому положенію сказала: тугъ кошель у тебя, ну, ты и крѣпокъ, не звѣнитъ въ кошель — никто не вступится и руки умоютъ». Этимъ разсужденіемъ оканчивается второе дѣйствіе.

Третій актъ происходитъ въ обширномъ кабинетѣ вневъ отдѣланнаго дома князя Грузнова. Въ большомъ покойномъ креслѣ, два высокіе гайдукъ *воозлтъ* мать его, безъ ногъ, чопорную старую даму, лѣтъ шестидесяти пяти. Князь скрывалъ отъ матери, что хочетъ жениться на купчихѣ. Но до нея дошли объ этомъ слухи, и гордая княгиня, захвативъ съ собою нѣсколько приживалокъ, и нагрузивъ любимыми собаками цѣлый «собачій возокъ», посѣлила прѣѣхать въ Москву, чтобы остановить сына отъ такой чудовищной, по ея мнѣнію, женитьбы. Въѣхавъ въ кабинетъ, въ сопровожденіи приживалокъ, она призываетъ слугъ и гнѣвно спрашиваетъ ихъ: «когда же свадьба, когда?» «Сегодня» отвѣчаетъ одинъ изъ слугъ. Старуху поражаетъ это извѣстіе. Она *опускаетъ вдругъ руки вдоль тѣла, склоняетъ голову на грудь*, и кричать: «Ай — ай! дурно, дурно», и падаетъ въ обморокъ. Тутъ входитъ князь. Голосъ сына оживляетъ княгиню; она высыпаетъ вопль приживалокъ и людей, и начинаетъ уговаривать сына, чтобы онъ отказался отъ постыднаго брака. «Вспомни» — говоритъ она, сначала гнѣвно, а потомъ со слезами: «Вспомни твоего отца, онъ своихъ крѣпостныхъ отпускалъ на волю да на мелкихъ дворянахъ женилъ, а ты женишься на какой-то торговкѣ купчихѣ.... Укажи хоть одного твоего предка, который бы такъ женился. Простой дворянки во всемъ нашемъ роду нѣтъ.... А ты кого берешь? кого?.... Духъ захватываетъ, не могу выговорить ея званія». Князь упорствуетъ и не поддается этимъ убѣжденіямъ. Онъ говоритъ матери, что ему хотя и больно жениться на купчихѣ, но нѣтъ другаго исхода, что на нихъ пятьдесятъ тысячъ долгу, имѣніе заложено и перезаложено, что съ пятью тысячами дохода нельзя прилично существовать съ ихъ именемъ и положеніемъ. Мать требуетъ, чтобы онъ служилъ, но онъ возражаетъ, что теперь

это не такъ легко какъ было прежде, что отцу его хорошо было служить, когда онъ еще въ колыбели лежать озяцеровъ, а ему не начинать же службу какимъ-нибудь столоначальникомъ, что сынъ, получивши отъ отца въ наслѣдство изъ тридцати тысячъ всего три тысячи душъ. — несчастный сынъ, и что онъ жертвуетъ собою, чтобъ поддержать свое родовое имя. Князь говорить твердо и рѣшительно, однакожь всѣ доводы его въ пользу и оправданіе неровнаго брака, остались безплодны. Они не убѣдили, до глубины костей, проникнутой чувствомъ своего аристократическаго происхожденія женщины. *Княгиня рыдаетъ*, и наконецъ, схватываетъ руку сына, цѣлуетъ ее и восклицаетъ: я старуха, женщина, я, мать твоя, цѣлую у тебя руку: откажись отъ этого брака». Князь съ минуту стоитъ закрывъ лице руками, потомъ съ непоколебимой рѣшительностію отвѣчаетъ матери: «Не могу, нѣтъ! Я положительно говорю вамъ, мама, что женюсь на ней, женюсь, чего бы мнѣ это ни стоило». Видя, что не убѣдить ея сына, княгиня истерически плачетъ, и опять лишается чувствъ. Князь звонитъ, вбѣгаютъ приживалки, офиціанты, гайдуки, горничныя — и онъ приказываетъ увезти *безчувственную княгиню* на женскую половину. Князь остается одинъ и начинаетъ убѣждаться, что миллионъ достается не даромъ. Вдругъ является къ нему Паша Расторгуевъ и конфузясь, начинаетъ объяснять, что онъ, Паша, хотя и темный человѣкъ, на мѣдныя деньги ученъ, но сердце у него тоже есть, что онъ, тоже влюбленъ въ Катерину Григорьевну Лазурину, и еще въ глупыя лѣта, какъ къ сестричкѣ привыкъ, одними игрушками игралъ... «Что же вамъ отъ меня угодно?» спрашиваетъ князь. «Какъ что-съ?» отвѣчаетъ Расторгуевъ: «вѣдь я пропаду безъ нихъ:... ей Богу, право-съ, пропаду. Заставьте за себя вѣчно Богу молить — откажитесь отъ нихъ». Далѣе, Паша, усиливаясь отвлечь князя отъ Катерины Григорьевны, говорить ему: «наши невѣсты вамъ не къ рукѣ; приданое конечно на словахъ-съ, большое... такъ тутъ чтобъ ошибокъ не выйтитъ... Вѣдь Григорій Кузьмичъ человѣкъ намъ коротко-извѣстный... Они теперь, извѣстно, вашему сіятельству, казенный подрядъ сняли, на счетъ сукна, миллиона на три серебромъ; фабрика ихъ выработать къ сроку не можетъ, да опять же и начальство къ нимъ въ нерасположеніи, какъ по неспрочности товару, такъ по ихъ неблагодарности. А вашъ дядинька вѣдь тутъ наибольшій-съ, — такъ думаютъ, что чрезъ насъ они съ дяденькой вашимъ покончатъ, что имъ и сроки разсрочатъ, да и товаръ-то съ рукъ

сойдетъ, ей Богу, правду я вамъ говорю, какъ передъ Богомъ. Они васъ безпрѣмѣнно поприжмутъ. Ваше сіятельство, по душѣ я васъ прошу (кланяется) пожалуйста получить отступнаго. Не оставьте вашимъ великодушіемъ! Изъ дому сору не вынесу. (вынимаетъ изъ кармана банковый билетъ. «Что это такое?» отступая, спрашиваетъ князь. «Отсталыхъ пятьдесятъ тысячъ, — наивно отвѣчаетъ Расторгуевъ: «извольте получить». Оскорбленный этимъ предложеніемъ, князь выгоняетъ Пашу вонъ; но словъ его не оставляетъ безъ вниманія: онъ начинаетъ опасаться, чтобы Лазуринъ въ самомъ дѣлѣ его не прижать, и рѣшается самъ прижать Григорья Кузьмича. Съ этой цѣлью онъ раздѣвается. Между тѣмъ наступилъ часъ, назначенный для вѣнчанья. Къ князю прѣзжаетъ шаферъ Комарскій, и объявляетъ, что невѣста совсѣмъ готова. Задумавъ прижать своего будущаго тестя, князь проситъ Комарскаго сказать Лазуринымъ, что женихъ уже въ церкви и ждетъ невѣсту, а когда невѣста прѣдетъ въ церковь, то тотчасъ же отприваться къ Григорью Кузьмичу и сказать ему, что князь до тѣхъ поръ не поѣдетъ вѣнчаться, пока Григорій Кузьмичъ не привезетъ ему всего приданнаго.... мильона. Комарскій уѣзжаетъ исполнить это порученіе, а князь остается въ ожиданіи рѣшительной минуты, и преспокойно мечтаетъ, какъ онъ, получивъ мильонъ, поведетъ торговля дѣла, откостъ себѣ такой кредитъ, что его не обойдетъ даже и исторія. Эти мечты нарушаются запиской, присланной отъ матери: разгнѣванная княгиня проклала сына и уѣхала назадъ въ деревню. Прочитавъ записку, князь *держитъ себя за голову, рветъ записку и кидаетъ...* - потомъ произноситъ слѣдующій отзывающійся риторикою, монологъ: «Нѣтъ я правъ, правъ. Они, эти напыщенные и обольщенные предки виноваты (оставляется передъ портретами). Что же? казните, проклинайте! Вы, увѣщенные орденами, звѣздами, лентами, казнитесь, сластолюбцы смотря изъ своихъ гербовыхъ рамъ на вашего внука, котораго вы мотовствомъ своимъ довели до такого положенія.... Да, вы покойны теперь, а каково мнѣ? Вамъ весело было кидать по тысячѣ душъ за поцѣлуй какой-нибудь развратницы, вамъ легко было раззорить даровое, дареное, вамъ легко было оставить вашего сына съ однимъ титуломъ, который, кромѣ долговъ да нищенства, ничего ему не далъ (*злбно хохочетъ*). Ха.... ха-ха! Стоило ли вамъ думать, что у васъ будетъ какой-то неблагодарный потомокъ князь Левъ Николаичъ! (*ходитъ*). Но какъ все это тяжело!... Что это такое? бѣгутъ! шумъ! А! наконецъ, рѣшитель-

ная минута! (*береть со стола книгу, раздвѣртываетъ и спокойно полужахнется на диванъ.*) Шумъ этотъ произвелъ Григорій Кузьмичъ. *Запыхавшійся, во фракъ вбѣжалъ онъ въ кабинетъ князя и закричалъ:* «ваше сіятельство? чтожь это такое? денной разбой, помплуйте! хоть не меня, ее-то, ее-то, пожалѣйте». Князь, *покойно,* просить его садиться, и *невозмутимо* говорить ему: «Григорій Кузьмичъ! вините себя. Вы сами обѣщали передъ свадьбой миліонъ передать мнѣ: вы не сдержали слова своего — я не ѣду вѣнчаться!» Григорій Кузьмичъ упрасиваетъ князя, обѣщаетъ отдать все до копѣечки, увѣряетъ, что церковь биткомъ набита, что полъ Москвы собралось, что невѣста плачетъ, убивается.... Наконецъ онъ становится на колѣни и восклицаетъ: «Батюшка, благодѣтель! ваше сіятельство! Повремените маленько, вѣдь все, все вамъ достанется: для нея вѣдь коплю я работаю.... одна она у меня... не сдѣлайте несчастнымъ. Подрядъ у меня такой.... дѣла у меня такія — пзвернуться надо: чрезъ полгода съ процентами получите». Но на князя ни мольба, ни увѣренія, ни мало не подѣйствовали, Онъ остается непоколебимъ. «За подрядъ — говорить, не бойтесь дядя, князь Иванъ для меня все, все устроить, а я не могу». Григорій Кузьмичъ видя, что никакія мольбы и увѣженія не помогаютъ, вынимаетъ изъ кармана билеты, и отдавая ихъ князю, тотчасъ же перемѣняетъ тонъ, требуетъ, чтобы князь *одпвался скорпій,* безъ церемоній, треплетъ его по плечу и очень фамильярно упрекаетъ: «нагрѣлъ ты мнѣ, сынокъ, полушубокъ — то!» Этими словами кончается третье дѣйствіе.

Проходитъ два года. Князь Грузиновъ женатъ на Катеринѣ Григорьевнѣ. Теперь у нихъ есть ужъ и сынъ. Четвертый актъ ведется въ ихъ домѣ. На сценѣ обстановка та же, что и во второмъ дѣйствіи, съ той только разницею, что на всѣхъ столахъ стоятъ недопитые стаканы съ шампанскимъ. На двухъ ломберныхъ столахъ раскиданы карты. У князя карточный вечеръ. Около хозяина собралось нѣсколько гостей. На мягкомъ креслѣ спитъ Комарскій — отецъ, старикъ семидесяти лѣтъ, во фракѣ, со звѣздой. Въ отдаленіи отъ всѣхъ сидитъ князь Лука Лукичъ, товарищъ князя Грузинова по дѣламъ торговой компаніи, то же во фракѣ, со звѣздой. Нѣкоторые изъ гостей безъ куртокъ. Въ окна сквозь стору бьетъ утренній свѣтъ. Бесѣда, видимо, зашла за ночь; но гости еще не утомились и весело толкуютъ о предстоящемъ пикникѣ. Входитъ человекъ и подаетъ полученныя съ почты письма. Князь распечатываетъ конвертъ, чи-

таетъ и объявляетъ петербургскія новости: на мѣсто князя Бингалма прочать Вагннова, Пашилетти дали орденъ, и какая-то пьеса съ ума сводитъ весь Петербургъ. Потомъ князь вламывается печать на другомъ конвертѣ, присланномъ по городской почтѣ и — вскакиваетъ. «Вивать, вивать! кричитъ онъ въ восторгѣ: побѣда! Барбъ — Любецкая — моя, мой! Петръ, Петрушка! вина, вина! — Ему невѣрятъ, но онъ читаетъ письмо: «Я согласна, твоя на вѣкъ Барбъ-Любецкая» и всякое сомнѣніе исчезаетъ. Комарскій-сынъ, обнимаетъ князя, «Вотъ молодецъ — говоритъ-взялъ какъ крѣпость, взялъ приступомъ! Князь тихо сообщаетъ Комарскому, что Барбъ стоитъ ему тридцать тысячъ. Подаютъ стаканы. *Всѣ* кричатъ: «здоровье Барбъ! здоровье побѣдителя!» *пьютъ и чокаются стаканами.* Князь Лука Лукичъ предлагаетъ побѣдителю — на счастье новой дамы, сорвать банкъ. Грузиновъ соглашается, вынимаетъ пачку ассигнацій и zaczyna играть. Проигравъ значительный кушъ, онъ посылаетъ камердинера — попросить у княгини десять тысячъ рублей. Камердинеръ идетъ — и возвратясь чрезъ нѣсколько минутъ *тихо* докладываетъ князю, что ея сіятельство приказали сказать, что не дасть больше ни копѣйки. Князя пзумилъ отказъ жены. Растерявшись, онъ обращается къ гостямъ съ словами: «Messieurs pardon!... жена ужасно заболѣла. Pardon.... Adieu! ради Бога извините.... Прощайте господа!» *подаетъ вслѣзъ руки и уходитъ.* Гости тоже, уходятъ! Изъ нихъ остается одинъ только — князь Лука Лукичъ. Пока люди убирали стаканы, приводили все въ порядокъ, тушили свѣчи, Лука Лукичъ подкупилъ камердинера, и тотъ таинственно передалъ ему, что Катерина Григорьевна отказала мужу въ деньгахъ, прибавивъ: «будетъ, больше ни копѣйки не дамъ». Лукѣ Лукичу весьма нужно было имѣть это свѣдѣніе. Онъ — товарищъ князя Грузинова по фабрикѣ, и кромѣ того, заматавшійся Леонъ Николаичъ долженъ ему, тысячъ до тридцати. Когда этотъ послѣдній воротился отъ жены, Лука Лукичъ объявилъ ему, что за машины, поставленныя на фабрику, денегъ требуютъ, хотятъ подать жалобу въ судъ; съ тѣмъ вмѣстѣ попросилъ уплатить и себѣ тридцать тысячъ рублей, предупреждая, въ очень вѣжливыхъ выраженіяхъ, что и онъ вынужденъ будетъ подать ко взысканію. Этимъ настоятельнымъ требованіемъ князь Грузиновъ поставленъ въ крайнее затрудненіе. Проводивъ Лука Лукича, онъ странно досадуетъ на себя: «я дуракъ — говоритъ онъ — думалъ, что вотъ любить и никогда не откажетъ въ деньгахъ. Чего-бы стоило въ первые дни всѣ билеты перевести на себя!..

Глупо! Но это дерзость: мы тебя заставимъ дать деньги... вздоръ.» — И чтобы урезонить жену — князь посылаетъ за тестемъ, а между тѣмъ приказываетъ камердинеру попросить къ нему маману. Старая княгиня помирилась съ сыномъ. Женувшись, онъ выкупилъ изъ долговъ ихъ родовое имѣніе, и теперь мать его живетъ у него въ домѣ. Григорій Кузьмичъ, по зову князя сейчасъ же явился. Онъ весьма измѣнился, постарѣлъ и поскѣдѣлъ. Дѣла его разстроились, богатства какъ—ни-было—однимъ словомъ, онъ разорился въ пухъ. Князь жалуется ему на Катерину Григорьевну, и требуетъ чтобъ онъ урезонилъ, усовѣстилъ дочь — дать мужу денегъ. Григорій Кузьмичъ рѣшительно отказалъ и замѣтилъ князю; «я вамъ батюшка, наше сіятельство, докладываю, что не только что урезонивать, да не замкнулъ объ этомъ, не пикну.... вы, милэономъ-то тогда при сватѣбѣ поприжали: дяденька, говориш, все для тебя сдѣлаешь, все устроить, я съ глупаго-то ума повѣрилъ. Чего еще, защититъ свою плоть хотѣлъ! Что же и дяденька? Дяденька меня кашпалау лишил!» Князь сердится и *горячась*, говоритъ тестю; «ну, ужъ если на то пошло, Григорій Кузьмичъ, такъ и я вамъ скажу. Я вынулъ ее изъ вашей заразнойной грязи, вынесъ ее на моихъ плечахъ, запачкалъ свой родъ, поставилъ ее въ нашемъ свѣтѣ крѣпко, окружилъ ее людьми, а не бородачьи звѣрями.... Я.... я.... (задыхается).» Но Григорій Кузьмичъ хладнокровно возражаетъ: «За чѣмъ горячиться-то? я говорю по просту, безъ горячки. Никуда вы ее въ свѣтѣ не выносили, а точно, это правда, испортили вы ее, сильно испортили! Такъ съ женами не живутъ! Ну пускай у васъ говорятъ, обычай такой, на разныхъ половинкахъ жить — можетъ это и хорошо. Я вашихъ порядковъ не знаю — а жену бросить, да съ мамзелями жить, да чужое проматывать, да въ карты проигрывать, да виноватъ пріятелей запаивать — ужъ это кого ни спроси, никто не похвалитъ. И вы хотите, чтобъ я ее урезонилъ! Да давать-то станеть, такъ я не велю, силой отыму! Выказавъ князю эти горькія истинны, Григорій Кузьмичъ *смотренно кланяется и направляется къ дверямъ*. Князь бросается—было за нимъ вслѣдъ крича: «нѣтъ ты не уйдешь у меня такъ, я тебя заставляю.» Григорій Кузьмичъ *гордо стоитъ у дверей и спокойно смотритъ на князя*.» Уйду, сударь, уйду-съ — говоритъ: и не приду ужъ больше. Самъ ко мнѣ придешь, пороги обобьешь! *(покойно затворляетъ дверь и уходитъ)*. Послѣ этого на сцену вѣбзжаетъ княгиня, *въ сопровожденіи той же свиты какъ и въ первомъ актѣ*,

и спрашиваетъ: что случилось?» Князь объясняетъ матери, что онъ просилъ у жены денегъ, и она отказала, что онъ послалъ за тестемъ — и тотъ въ глаза назвалъ его негодяемъ и подлецомъ. Княгиня находитъ это чрезвычайно дерзкимъ, приказываетъ послать за невѣсткой, потомъ упрекаетъ сына, замѣчая, до чего онъ упалъ съ этимъ родствомъ, напоминаетъ, что она говорила ему передъ бракомъ. Сынъ, въ свою очередь замѣчаетъ матери, что она только говорила, а сама брала деньги и отъ тестя, и отъ жены, и отъ него. »Мамаша, — говоритъ онъ: теперь сдены не у мѣста, нужно поддержать мое значеніе, имя... нашу фамилію. На меня подадутъ искъ — поймите. Я выкупилъ изъ залога ваше имѣніе; заложите его опять, продайте и дайте мнѣ возможность уплатить долги.... Поймите, на меня накинута мертвая петля, и вы можете снять ее съ моей шеп.... Пожалуйста! *(цѣлуетъ ея руки)* Дайте мнѣ денегъ, продайте имѣніе!» Княгиня не соглашается на просьбу сына. По обыкновенію ей дѣлается дурно.... *Сбываются люди и князю везуть; посреди комнаты она сталкивается съ Катериной Григорьевной, и называетъ ее мизерной.... скверною торговкой.* Но князь встрѣтилъ жену, сначала, съ ласками: «Catherine, Catherine! прости меня, прости, я виноватъ.» Катерину Григорьевну не обманула эта маска. Оставьте, отвѣчала она на лицемѣріе мужа: ваши ласки, ваши поцѣлуп жгутъ мене. Оставьте же, я вамъ говорю! Мнѣ не въ новость ваше притворство.» Князь видя, что ласки не помогаютъ, принялъ строгій тонъ, и сталъ высчитывать женѣ, что онъ для нея сдѣлалъ.» Послушайте, — началъ онъ: за что вы меня губите? ну скажите, что я вамъ сдѣлалъ! Женится я на васъ, чтобъ вынуть васъ изъ этой грязи, которой вы сами тяготились. Вы хотѣли стать въ нашемъ высшемъ свѣтѣ — я это устроилъ, у васъ небыло ни фамиліи ни будущаго — я вамъ далъ и то и другое, вы хотѣли блеску, роскоши, свѣту — мало развѣ вамъ? Князь говорилъ съ убѣжденіемъ и увѣренностію, но не убѣдилъ оскорбленной жены. «Я васъ не виню, — отвѣчала ему Катерина Григорьевна; виню себя, хоть вы очень, очень не правы!.. Вы говорите, что вы мнѣ дали положеніе, князь, не деньги ли, которыми вы такъ щедро награждали вашихъ друзей, поддержали ваше положеніе и имя. Вы дали мнѣ будущее? Да, это такъ, у меня есть титулъ, который будетъ напоминать мнѣ, какъ я была глупа, какъ я не понимала людей. Я отдалась, вѣдь вамъ вся, вся.... и что-жъ я видѣла за это? Презрѣніе, насмѣшку, да развѣ ласку тогда, когда вы безъ де-

негь. Я вамъ все прощала! знаете ли какъ я васъ любила? Когда погибалъ мой отецъ, я знала это, я хотѣла ему помочь отдать ему мои деньги... Вы мнѣ сказали, что это вы все такъ устроите. Когда просилъ отецъ, вы не позволили дать, я васъ послушалась, промѣняла счастье отца на вашу ласку — вотъ я васъ какъ любила!.. Вы спасли отца, спасли? Теперь вы оскорбляете меня, какъ жену, какъ мать, какъ женщину». Въ заключеніи этого монолога, Катерина Григорьевна объявляетъ мужу, что она разстается съ нимъ, «вы — говоритъ — останьтесь въ своей благосчастливой семьѣ, а я уйду въ мою грязную». «Нѣтъ, вы не уйдете — закричалъ князь: у меня есть права мужа. Нѣтъ, мы такъ не разстанемся». «Вы не дали мнѣ договорить, — прерываетъ Катерина Григорьевна: я не хочу разстаться такъ: Я виновата передъ вами: я васъ связала, вышедши за васъ замужъ, и я же васъ разрѣшаю отъ моего слова, беру его назадъ. Вамъ были нужны деньги, а въ придачу къ нимъ вы взяли меня. Права ваши надо мной уже не существуютъ. Ваши письма и письма вашихъ (рыдаеть) подругъ у отца: они развязываютъ меня. Вамъ нужны деньги? Половину дохода съ полмилліона, который уцѣлѣлъ у меня, вы каждое одно будете получать. Домъ этотъ возьмите себѣ... прощайте. Я жду отъ васъ отвѣта до четырехъ часовъ, а послѣ меня не будетъ здѣсь». Объявивъ свой ультиматумъ, Катерина Григорьевна удалилась, князь кричитъ ей вслѣдъ: «проклятіе тебѣ, отвратительное созданіе, проклятіе тебѣ». Но, когда вошедшій камердинеръ доложилъ ему, что отъ какого-то секретаря чиновникъ пришелъ, и подалъ письмо *на серебряномъ подносіи*, когда князь увидѣлъ изъ письма, что Лука Лукичъ уже успѣлъ подать искъ ко изысканію *«и съ яму пожалуй»* — стѣсненный мужъ воспользовался предложеніемъ оставляющей его супруги: кликнулъ камердинера и послалъ сказать женѣ, что она согласна. Такъ кончилась комедія.

Изложивъ содержаніе пьесы г. Потѣхина, указавъ на главные моменты ея дѣйствій, прослѣдивъ, почти изъ сцены въ сцену, развитіе ея, для того, чтобы дать о ней возможно полное понятіе, — обратимся къ вопросу о томъ: имѣлъ ли авторъ достаточное основаніе назвать свою комедію «Кто лучше?»

Разсматривая названіе пьесы по отношенію къ ея содержанію мы должны замѣтить, что вопросъ: кто лучше? можетъ относиться только къ тѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, которые, болѣе или менѣе, хороши, по крайней мѣрѣ, не дурны. А здѣсь два главные героя комедіи — Григорій Кузьмичъ Лазуринъ и князь Ле-

онъ Николаевичъ Грузиновъ представляются оба въ отвратительномъ видѣ: о нихъ, скорѣе, можно спросить: кто хуже? Но и этотъ вопросъ оказывается совершенно излишнимъ: мошенникъ купецъ и развратный князь, погавленные въ разныхъ положеніяхъ общественной жизни не допускаютъ никакого сравненія. Передъ судомъ строго-нравственнаго общества они оба мерзавцы, и съ этой точки зрѣнія характеры ихъ совершенно равны. Впрочемъ не въ этомъ главный вопросъ: мы намѣрены взглянуть на самое пониманіе и развитіе этихъ характеровъ.

Григорій Кузьмичъ — это типъ, воспитанный на нашей почвѣ, между грязными прилавками и темными чуланами гостинныхъ дворовъ, между пинками и униженіемъ съ одной стороны, а съ другой — подъ гнетомъ лишней и рабобѣднаго исполненія воли другихъ. Это одинъ изъ близнецовъ тѣхъ жалкихъ самодуровъ, которыхъ вся жизнь исходить въ одномъ стремленіи — выгнать изъ грязи съ помощью денегъ, и достать эти деньги какими-бы то ни было средствами. Онъ всегда готовъ на всевозможныя мерзости, не по слабости человѣческой природы, не по увлеченію, а потому что въ немъ подавлено всякое сознаніе человѣческаго достоинства.

Пользуясь стѣснительнымъ положеніемъ Корытина, онъ грабить его послѣднее достояніе, принуждаетъ отдать за безцѣннѣе весь товаръ, и тайнымъ образомъ большую часть плуцества даромъ отнимаетъ у несчастнаго купца; онъ обворовываетъ казну, сбывалъ ей гнилое, негодное сукно; ради прибыли онъ надуваетъ прежняго жениха, продаетъ свою дочь и, дѣйствительный позоръ, думаетъ искупить воображаемой честью княжескаго титула. Мы ничего не имѣемъ сказать противъ вѣрнаго снимка этого характера. Но мы должны замѣтить, что онъ представляетъ слишкомъ общій и давно изчерпанный типъ. Въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая-бы принадлежала творчеству г. Потѣхина, ни одного оригинальнаго свойства, которое-бы рекомендовало эту личность съ новой стороны зрителю или читателю. Литература наша давно знакома съ этими характерами, а жизнь обратила ихъ въ общія мѣста. Потому Григорій Кузьмичъ всего менѣе комическое лицо; авторъ, какъ будто наперекоръ задуманной имъ идеѣ, собралъ въ своемъ героѣ нѣсколько слабыхъ драматическихъ элементовъ, оставивъ ихъ безъ развитія и тѣмъ самымъ ослабилъ силу характера, который хотѣлъ изобразить. Въ дѣйствительной жизни онъ не смѣшентъ, по и не злодѣй, а такъ себя воръ и то потому, что можно воровать; въ искусствѣ это легкій

очертъ проведенный робкой рукой ученика художника, не упускаю-
 ящаго ни на одну минуту затверженные образцы учителя. Впрочемъ,
 замѣчательно, что истинно-комическіе характеры удаются гораз-
 до труднѣе, чѣмъ драматическіе въ собственномъ значеніи это-
 го слова. Въ нашей жизни и слѣдовательно литературѣ этотъ
 фактъ гѣмъ вѣрибѣе, что композитъ предполагаетъ не одну отрица-
 тельную сторону жизни, но и свободное отклоненіе отъ ея свѣт-
 лой половины. Этого никакъ нельзя сказать о нашихъ Лазурн-
 ыхъ. Они поставлены всегда и вездѣ въ такое положеніе, про-
 тивъ котораго борются очень трудно: у нихъ есть своего рода
судьба, которая напередъ опредѣляетъ ихъ карьеру и дѣя-
 тельность. Намъ становится ихъ жалко, и это впечатлѣніе мы
 обыкновенно выносимъ послѣ нашихъ комическихъ представленій,
 въ родѣ миссы г. Потѣхина. Это впечатлѣніе служитъ лучшимъ
 доказательствомъ, что наша комедія отдѣляется еще менѣе чѣмъ
 на одинъ шагъ, отъ трагедіи. Нѣтъ ли причины такого явленія
 въ самой жизни? Объ этомъ мы намѣремы сказать послѣ. Другой
 главный характеръ въ миссѣ г. Потѣхина еще менѣе представ-
 ляетъ строгаго художественнаго развитія. Выродившіеся пото-
 мки старой аристократической фамиліи очень слабо выражаютъ
 ту среду, въ которой вырастаютъ князья Грузиновы. Мы не ви-
 димъ въ гербѣ г. Потѣхина ни барина старой породы, ни про-
 потавшагося дворянина средней руки, ни купеческаго зятя, про-
 дѣжащаго свой гербъ за являющія. Это мелкій спекулянтъ, раз-
 вратный мужъ, кутила при деньгахъ и негодяй безъ денегъ,—
 какіе встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ и во всѣ періоды обще-
 ственнаго развитія. При этомъ намъ кажется натянутымъ этотъ
 характеръ въ томъ отношеніи, что авторъ заставляеть его деклами-
 ровать передъ портретами своихъ титулованныхъ предковъ жалобу
 ихъ расточительности, когда самъ Грузиновъ точно такой-же скотъ,
 какъ и отцы его. Чтобы протестовать противъ извѣстнаго по-
 рока, надо прежде сознать его, а Грузиновы не способны соз-
 нать ничего, кромѣ пылвнней матеріальной нужды и завтраш-
 ней опасности — очутиться въ долговой тюрьмѣ. Такого рода люди
 не разсуждаютъ, а слѣпо идутъ туда, куда ведетъ ихъ простой
 случай.

Точно также не удался автору совершикъ князя Грузинова,
 влюбленный въ Катю, Паша Расторгуевъ. Въ этомъ Пашѣ, г. По-
 тѣхинъ хотѣлъ представить юнаго московскаго купца первой
 гильдіи, воспитаннаго въ пролетѣ дупки и сердца, не попорчен-
 наго образованіемъ... но Паша вышелъ слишкомъ глупъ, слиш-

комъ не обтесанъ, и походить не на купца первой гильдіи, а на какого-то деревенскаго парня — сына дворника — содержателя постоялаго двора на большой дорогѣ изъ подмосковнаго села.

Еще менѣе знанія и таланта обнаружилъ авторъ въ изображеніи аристократической среды. Неужели онъ полагаетъ, что показавъ на сценѣ, въ покойномъ креслѣ, книжницу Грузинову, окруженную приживалками, лакеями и собаками, онъ представилъ намъ типъ старой аристократки, съ присущими ей атрибутами? . . . Другія лица комедіи, взятая, повидимому, изъ высшаго общества, рѣшительно ничѣмъ не напоминаютъ его. Князь Лука Лукичъ, подкупающій лакея, болѣе похожъ на проныру-агента какой-нибудь акціонерной компаніи; Комарскій сынъ сильно смахиваетъ на героя порядочныхъ трактировъ.

Рассматривая далѣе комедію г. Потѣхина, мы находимъ, что она лишена всякой художественной концепціи. Насильственная сгруппировка событій, совершающихся въ комедіи далеко не такъ, какъ совершаются онѣ въ дѣйствительной жизни, дѣлаетъ эту пьесу въ нѣкоторой степени похожею на сказку — на одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя начинаются словами: «въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ», и въ которыхъ все дѣлается «по щучьему велѣнью.» Такъ въ первомъ актѣ, квартальный Задыркинъ, получивъ отъ Григорья Кузьмича половину разорванной на двое ассигнаціи въ теченіи какихъ-нибудь пяти—шести минутъ отыскиваетъ, беретъ и сажаетъ въ яму купца Корытина и явдается объявить о своемъ подвигѣ; а маклеръ Живодеринъ въ то же самое время дѣлаетъ сдѣлку съ Корытинымъ въ пользу Григорья Кузьмича, въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Я не говорю уже о томъ, что у насъ, по существующимъ законамъ, нельзя квартальному взять и въ одно мгновеніе посадить за долгъ въ яму купца первой гильдіи, который еще не признанъ несостоятельнымъ пу котораго, между прочимъ, есть товару на шесть сотъ тысячъ. А между тѣмъ, на сдѣлкѣ съ Корытинымъ Григорья Кузьмича покоится развитіе всей пьесы: эта сдѣлка положила основаніе тому непомерному богатству, которымъ, къ началу втораго акта награждаетъ его авторъ съ истинно-кнѣжескою щедростію. Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что эта щедрость не совсѣмъ умѣстна: въ одинъ годъ едва ли было возможно Григорью Кузьмичу довести свой капиталъ до баснословнаго размѣра. Такъ быстро и широко обогащаются только въ водевиляхъ, а не въ дѣйствительной жизни. Вообще г. Потѣхинъ, сочиняя свою комедію, мало заботился о томъ, чтобы событіямъ ея придать не-

обходное условіе достовѣрности. Между прочимъ, крайне нелогичнымъ кажется и слѣдующее обстоятельство: князь Грузиновъ въ день своей свадьбы безсовѣстно притѣснилъ тестя: заставилъ его поззать на колѣнахъ и отдать миллионъ, съ которымъ больно не хотѣлось разстаться деньголюбивому Григорью Кузьмичу. Потомъ когда Григорій Кузьмичъ раззорился, князь запретилъ женѣ помочь отцу деньгами. Какимъ-же образомъ послѣ всего этого, князь могъ призвать къ себѣ глубоко-оскорбленнаго имъ тестя и требовать, чтобы онъ приказалъ дочери дать денегъ хоту-мужу, растрчивающему ея состояніе на игру и любовницъ? Князь не могъ не понимать, что въ этомъ случаѣ нельзя было выѣхать даже на вьючномъ ослѣ, еслибъ и былъ таковымъ Григорій Кузьмичъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что комедія «кто лучше» не носитъ на себѣ признаковъ авторскаго дарованія и обязана своимъ успѣхомъ на театрѣ единственно тому, что есть пьесы еще хуже ея.

В. ИВАНОВЪ,

Лѣтопись Петербурга или плачевная исторія отмороженныхъ носовъ.

Никто такъ мѣтко не выразился о Петербургѣ, какъ гениальный Пушкинъ: въ немногихъ словахъ онъ передалъ полную характеристику города, надѣленнаго всѣми прелестями природы и этнографіи, начиная съ огурцовъ и оканчивая березками, и то, увидъ покрытыми снѣгомъ впродолженіи болѣе чѣмъ шести мѣсяцевъ. Но этой характеристикѣ не достаетъ одной новой черты изъ современной исторіи—отмороженныхъ носовъ. Можетъ быть, чита-

тебя подумаетъ, что мы шутимъ, что мы злоумышляемъ еще на одно достоинство нашей любезной столицы; но пусть онъ пройдетъ по любой улицѣ и осмотрится кругомъ: онъ почти вовсе не увидитъ людей; всѣ они превратились въ какія-то шубы, шапки и муфты, однимъ словомъ въ мѣховые мѣшки, изъ которыхъ чуть-чуть свѣтятся глаза, а всѣ прочія части тѣла герметически закрыты отъ мороза и рѣзкаго вѣтра. Видъ очень непріятный! Представьте, что по Невскому движутся назадъ и впередъ нѣсколько сотъ такихъ мѣшковыхъ, разнаго объема, двѣта и моды, и движутся не просто, а съ извѣстными цѣлями, жеданіями и аппетитами. Если-бъ меренести въ эту минуту южнаго Итальянца на одну изъ нашихъ улицъ, онъ непременно подумалъ бы, что у насъ происходитъ самый забавный карнавалъ, съ уличнымъ маскарадомъ; онъ непременно заключилъ бы, что мы вмѣсто масокъ, прячемъ свои физиономіи въ разныя шкуры и, при встрѣчѣ, вмѣсто рукъ подаемъ другъ другу мохнатые лапы. Извѣстно, что введенный въ заблужденіе, вѣроятно, однимъ изъ такихъ случаевъ, Times сообщилъ своимъ соотечественникамъ, что мы снимаемъ сапоги вмѣстѣ съ ногами и спимъ вмѣстѣ съ медвѣдями. И эта гнусная клевета, особенно обидная для московскаго патриотизма, нашла себѣ вѣру и возбудила интересъ. Господа руссофилы, что же вы молчите на такія кровныя обиды и не защищаете чести своихъ ногъ и мѣховыхъ сапоговъ? Поручите это дѣло хоть г. Погодину, который, говорятъ, послѣ диспута Жмуди съ Норманнами, не знаетъ чѣмъ бы еще заняться. Но какъ же намъ защищать себя, когда у насъ такъ недавно повисла на плечахъ еще одна исторія — отороженныхъ носовъ, и исторія самая интересная и правдоподобная, всеобщая и социальная, потому что дѣло касается не мертвецовъ, не героевъ никому ненужной древности, а живыхъ человѣческихъ носовъ, налитыхъ кровью и исцарапанныхъ какимъ-то орудіемъ пытки. Эта исторія случилась послѣ крещенскаго мороза, который произвелъ страшное опустошеніе на лицахъ пзвошниковъ и кучеровъ. Куда ни обернешься, вездѣ отороженный носъ. Что же теперь дѣлать съ этими больными носами? Медицина наша, занятая единственно успѣшнымъ излѣченіемъ насморковъ и эпидемическаго чиханья, рѣшительно отказывается помочь бѣднымъ носамъ и считаетъ унизительнымъ для своего ученаго достоинства обращать серьезное вниманіе на такіе пустяки. Говорятъ, г. Буличъ готовитъ публичную лекцію для массажа, чтобы рассмотреть вопросъ: 1) съ метафизической точки зрѣнія, т. е. доказать на основаніи всѣхъ данныхъ

философскихъ началъ, что носъ, какъ реальный предметъ, совершенно не существуетъ въ природѣ, а есть какое-то объективное представленіе чего-то похожаго на человѣческую носъ, и 2) онъ рѣшается объяснить, съ помощью историко-сравнительной филологіи, что слово *носъ* сдѣлано въ латинскомъ съ помощью кореннымъ и очень вѣжливымъ выраженіемъ *му-съ*, и тѣмъ запутали вопросъ окончательно. Но чтъ же толку въ этихъ доказательствахъ, цитатахъ изъ Платона и Аристотеля, въ этихъ длинныхъ и предлинныхъ отступленіяхъ отъ главной задачи, когда дѣйствительнымъ большимъ носомъ отъ этого вовсе не легче. Въ настоящемъ случаѣ гораздо лучше немилосердно гусиного жиру, чѣмъ множество теоретическихъ воззрѣній.

Такимъ образомъ капитальный вопросъ нашего времени перешелъ изъ области абстрактныхъ сновидѣній въ область положительной литературы критики. «Русскій Вѣстникъ», подмѣтивъ въ немъ политическую сторону, послалъ нарочнаго корреспондента въ Лондонъ, прислушаться, что скажутъ объ этомъ событіи въ парламентѣ Пальмерстонъ и Джонъ Россель, а отсюда, по дорогѣ, заѣхать къ Моллиари и узнать отъ него лично, не случилось-ли чего-нибудь подобнаго съ фламандскими носами. Въ то же время осковско-британскій журналъ поручилъ одному доморощенному историографу порыться *носомъ* въ разныхъ библіотекахъ, чтобъ извлечь оттуда любопытный документъ о значеніи всероссійскихъ носовъ въ XIII и XIV вѣкѣ. Всѣ эти изслѣдованія скоро явятся въ печати. Но «Отечественныя Записки», кажется, предувреждать «Русскій Вѣстникъ»; редакція ихъ, пользуясь такой превосходной темой, чуждой всякой личности и скандала, успѣшила открыть при «С.-Пб. Вѣдомостяхъ» особенный отдѣлъ подъ названіемъ «Носъ», съ тѣмъ, чтобъ разсмотрѣть этотъ капитальный и очень деликатный предметъ не только въ историческомъ, но и гражданскомъ отношеніи. Точно такую же статью поручено написать и для «Отечественныхъ Записокъ». Редакторъ, заказывая се извѣстнѣйшему рецензенту Петербурга, служившему прежде въ комиссаріатскомъ департаментѣ, замѣтилъ очень глубокомысленно: «напишите, пожалуйста, побольше — вопросъ очень важный.» — Но позвольте, возразилъ неопытный рецензентъ, въ какомъ же духѣ, направленіи и... — «Это все равно, прервалъ его редакторъ, рѣшительно все равно, только, пожалуйста, побольше: публика обижается маленькими рецензіями о великихъ вещахъ. Потому нельзя же расходиться съ энциклопедическимъ лексикономъ, а онъ только и отличается тѣмъ направленіемъ, о вс

будетъ имѣть никакого направленія. Единство его, какъ матеріальное, такъ и нравственное, совершенно будетъ зависѣть отъ переплетчика, и то если не переишьшаетъ листовъ.» Рецензентъ поклонился, занкнулся на какой-то щекотливой просьбѣ и, встрѣтивъ ледяной взглядъ, сдержалъ смѣлое слово и молніей выскочилъ изъ кабинета... «Боже мой! размышляя оны на дорогѣ, какъ я хорошо думалъ о литературѣ, когда служилъ въ провинціи, а теперь...» и, махнувъ рукой съ отчаянія, оны зашелъ къ Еремѣеву отвести душу дешевымъ завтракомъ. Совершенно съ другой точки зрѣнія взглянулъ на вопросъ «Современникъ». Редакція его, желая усилить подписку по случаю какихъ-то чрезвычайныхъ долговъ по иностранному векселю, рѣшилась поднять голосъ въ защиту отороженныхъ носовъ, какъ можно выше. Съ этой цѣлью г. Некрасовъ ввѣрилъ дѣло одному изъ непремѣнныхъ сотрудниковъ журнала. Новый комментаторъ всѣхъ старыхъ теорій, не дочитавъ послѣднихъ пяти страницъ изъ Мня, отложилъ его въ сторону и принялся за работу съ жаромъ: за одинъ присѣсть, не переводя духа, оны сочинилъ страшно-длинную статью, разбросавъ въ ней, вмѣсто риторическихъ цвѣтовъ, причастія и дѣепричастія на *щій, шій, ши* и *оши*, такъ что статья вышла въ высшей степени музыкальной и, что бываетъ у него рѣдко, довольно опрятной. Но съ рецензентомъ случилась крошечная бѣда: забыть, что надо составить новую теорію отороженныхъ носовъ, оны поставилъ въ заглавіи: «Политико-экономическіе принципы о красныхъ носяхъ по отношенію ихъ къ винному откупу и въ связи съ благоденствіемъ откупщиковъ», и на эту тему написалъ пропастъ бумаги. Статья была кончена, отдана въ типографію, и только тогда рецензентъ догадался, что во всемъ его разсужденіи нѣтъ ни слова о томъ, что было главной темой его теоріи.

Между тѣмъ такое миѣніе успѣло пропикнуть и въ провинціи; но, какъ извѣстно, странности его растутъ въ геометрической пропорціи по мѣрѣ разстояній отъ столицы, то гдѣ-то въ Уфѣ или Красноярскѣ распространился слухъ, что въ Петербургѣ открыто изобрѣтеніе новыхъ патентованныхъ носовъ, и привилегія производства ихъ отдана одному Англичанину Джону Бирчу. «Какъ, закричали провинціальныя патриоты, опять привилегію иностранцу! Да развѣ у насъ не достало-бы собственныхъ денежныхъ средствъ, ума-разума и смѣтливости? Развѣ не мы изобрѣли квасъ, брагу, простоквашу и вѣники, совершенно неизвѣстные въ другихъ странахъ міра, и составля-

ющіе честь и гордость русскаго таланта?» При такихъ рѣзкихъ противорѣчіяхъ и междоусобицахъ, «Свѣточъ» взялся помирить партіи: онъ цѣлые три мѣсяца обдумывалъ, какъ бы поумнѣй состричь въ своемъ карикатурномъ листкѣ насчетъ отмороженныхъ носовъ, не нашелъ ничего смѣшнаго, и съ досады закрылъ карикатурное либретто... Боже мой! Какая горестная утрата для публики въ прекращеніи этого изданія, такъ много развлекавшаго трехъ сотрудниковъ и двухъ читателей.

На этомъ мы оканчиваемъ съ носами, но должны замѣтить, что исторія ихъ далеко не исчерпана; по случаю праздниковъ она только отведена въ сторону, потому что праздники всегда отвлекаютъ отъ серьезныхъ дѣлъ, возбуждая тревожныя желанія во всѣхъ сословіяхъ отъ мала до велика. Въ высшихъ слояхъ они порождаютъ аппетиты къ блестящимъ роскоши; пониже — къ прибавкѣ жалованья, къ выдачѣ его впередъ и къ жареному гусю; еще пониже — къ лишнему рублю на водку, съ надеждой на большую упругость барскихъ кармановъ; а тамъ, гдѣ пріобрѣтеніе трехъ копѣекъ составляетъ большее счастье, чѣмъ вѣншій турецкій заемъ, и тамъ праздникъ пріятно отзывается на сердцѣ, потому что увеличиваетъ число ротовъ и сумму уличнаго подаянія.

Одной изъ такихъ праздничныхъ сценъ я былъ свидѣтелемъ - очевидцемъ. Баюбакниъ, наканунѣ новаго года, явился къ своему хозяину попросить жалованья впередъ и, дожидаясь въ передней, долго шевелилъ губами, новторя заранѣе сочиненную просьбу. Человѣкъ умѣренной полноты, наконецъ вышелъ изъ своего роскошнаго кабинета, поднялъ кверху голову, точно потолокъ разсматривалъ, подумалъ нѣсколько и пропзнесъ съ растановкой:

— Да-съ, вы денегъ просите?... всѣ денегъ просятъ; всѣмъ деньги нужны!... Конечно, въ случаѣ нужды почему-жъ и не помочь, обязанность наша, такъ сказать, входитъ въ положеніе подчиненнаго, а только не лучше-ли вамъ обойтись какъ нибудъ, умѣрить себя... умѣрить себя не трудно, стоятъ захотѣть только!.. вотъ вы говорите, прздники; что праздники, праздникъ есть душевное спокойствіе, вотъ и праздникъ.... вѣдь и послѣ праздниковъ ѣсть захочется, да-съ!... а когда впередъ заберете, взять будетъ нечего, изъ ничего вѣдь разумѣется ничего, такъ?

Баюбакниъ разинулъ было ротъ, но хозяинъ прервалъ его.

— Это я вамъ скажу самая плохая система, продолжалъ онъ,

довольно убѣдительнымъ тономъ, нужно жить такъ, чтобъ, по-нимаєте, соразмѣрять расходъ съ приходомъ, откладывать на непредвидѣнные случаи, беречь копѣйку на черный день, сами посудите, мало-ли что можетъ случиться, ну вдругъ вы заболѣете, а?... вѣдь заболѣть не трудно?

— Могу, отвѣчаетъ проситель.

— Ну-съ, понадобится доктора взять, лекарство тоже, да-съ?!..

— Точно такъ-съ, почтительно произнесъ чиновникъ, поклонился и снова вытянулъ руку.

Господинъ умѣренной полноты хотѣлъ продолжать, но вѣроятно почувствовавъ себя истощеннымъ, молча взялъ бумагу, развернулъ и взглянулъ на нее.

— Много-съ! довольно рѣзко замѣтилъ онъ, какъ можно, ну вдругъ умрете?

— На все воля божья, а только надѣюсь жить!

— Хорошо если надѣтесъ, а все-таки много, я на всякій случай пять рублей убавлю, рѣшительно добавилъ хозяинъ, повернулся и вышелъ.

Черезъ минуту лакей вынесъ Баюбакину записку. Послѣдній схватилъ ее и бросился опретью на улицу.

— Съ чѣмъ тутъ останешься? думалъ онъ, пробираясь домой между толпой прохожихъ, сновавшихъ взадъ и впередъ отъ сѣнной площади. Все же праздникъ въ самомъ дѣлѣ, мало ли какіе расходы встрѣтятся, вонъ и сторожа поздравить придуть, шизигы придется сдѣлать, пѣшкомъ не обѣгаешь, а не сдѣлай — неблагонамѣреннымъ назовутъ, извозчики тоже дороги, кухаркѣ нужно жалованье заплатить, дворнику, тутъ еще сапоги заказаны!....

— Барянь купи, купи барянь, барянь голубчикъ! жалобно повторяла дѣвочка, въ припрыжку слѣдуя за Баюбакинымъ и чуть не хватаясь за шинель его.

Онъ невольно остановился. Дѣвочка продавала какія-то стекляныя игрушки.

— Купи барпитъ, для праздника, что побудь дай, купи только, хорошия все! говорила она, персворачивая пазыбшими ручонка и свой товаръ.

Бабубакннъ вынулъ изъ кармана пятакъ, подавъ его дѣвочкѣ и побѣжалъ дальше. Онъ остановился у небольшого деревяннаго домика, отворилъ калитку, перебѣжалъ дворъ, поднялся на деревянную лѣсенку и тихо позвонилъ.

Дверь отворила пожилая, сморщенная женщина съ пестрымъ платкомъ на головѣ, съ засученными по локоть рукавами темнаго засаленнаго платьишка.

— Что барыня? нетерпѣливо произнесъ Бабубакннъ.

— Я почему знаю, жалованье отдайте, тогда и спрашивайте! грубо отозвалась кухарка и хлопнула дверью.

Бабубакннъ сбросилъ съ себя шинель, вошелъ въ одну комнату, потомъ въ другую и остановился у порога. Въ углу, на клеенчатомъ диванѣ, какъ-то съжившись, въ темной, шерстяной кацавейкѣ, сидѣла женщина лѣтъ двадцати. Лицо ея было блѣдно, руки, сложенные одна на другую, грѣлись подъ мышками.

Она подняла мутные глаза и вопросительно взглянула на вошедшаго. — Получилъ? тихо, съ сомнѣнiемъ, спросила она.

— Получилъ! довольно радостно отвѣтилъ Бабубакннъ, подошелъ къ дивану, поцѣловалъ женщину въ голову и опустился на стулъ.

— Пять рублей убавилъ! глухо добавилъ онъ.

— Убавилъ! какъ-же такъ, ты бы попросилъ, Миша, со вздохомъ произнесла женщина.

— Просилъ, да что-жъ дѣлать!... какъ нибудь справимся; Матреша хоть за мѣсяць отдать, подождетъ опять, вонъ тамъ твои серги заложены, хоть бы что нибудь ушлатить, все лучше, анѣ и тебя самую-то совѣстно!

Женщина горько улыбнулась.

А между тѣмъ скромный, но вдругъ возгордившiйся сосѣдъ Бабубакннъ, обводившiй передъ зеркаломъ, около галстука, какое-то изображенiе, возвратясь изъ должности, сидѣлъ за столомъ и съ большимъ усердiемъ уничтожалъ вторую тарелку супу.

Возлѣ него помѣщалась тощая супруга, съ кисло-сладкой экономией, женщина очень деликатная, сильно заразившаяся въ послѣднее время мужниной гордостью. Напротивъ сидѣли дѣти, дѣвочка и два мальчика. Послѣднiе шамбли, обливались, поюс-

кали руки въ тарелкахъ, бросались хлѣбомъ, щипали другъ-друга.

Вообще все семейство, повидному, было совершенно счастливо; жена пріятно взглядывала на мужа, даже, казалось, въ душѣ гладила, хвалила его, говорила, какой ты душка, панька, всегда такъ ведь себя, я тебѣ гостинцу дамъ. Мужъ отгадывалъ эти ласки, сознавалъ себя умникомъ и самодовольно улыбался.

— Лизанька, ангельчикъ, позвольте супцу еще, очень супецъ хорошій! произнесъ послѣдній, подставляя супругѣ свою тарелку.

— Кушайте, душка, ужъ я сегодня сама хлопотала, только бы вамъ угодить! отозвалась Лизанька и налила тарелку.

Супруга немного припрала, она хлопотать и не думала. Даже въ другое время года просьба мужа относительно прибрѣвки супа исполнилась бы неохотно, съ жестомъ негодованія, да и самъ хозяйшиъ, быть можетъ, не осмѣлился бы обезпокоить свою иѣжную половину, но теперь другое дѣло: онъ подарилъ этой половинѣ бархатную мантилю, исправно принесть домой свое жалованье, и, такимъ образомъ, самъ сознавалъ свое достоинство, свои права на супъ и на безпокойство жены. Послѣдняя, съ своей стороны, не могла не умилиться мужнинымъ усердіемъ, она даже поцѣловала его въ лѣвую бакенбарду, уложила спать послѣ обѣда, запретила дѣтямъ шумѣть, сама ходила на цыпочкахъ, приготовила квасу къ пробужденію.

— Знаешь, Лизанька, говорилъ супругъ, сидя вечеромъ за самоваромъ и одолевая непомѣрное количество чая, купить бы къ празднику поросенка съ хрѣномъ и сметаной?

— Пожалуй, можно и поросенка; поросенокъ хорошо, отозвалась хозяйка.

— Опять же нужно бы намъ на газеты записаться; всѣ получаютъ, Лизанька, нехорошо безъ газетъ.

— Охота деньги тратить, вы не забудьте, что мнѣ чепчикъ нуженъ, безъ чепчика я никакъ не могу; у Цыцаркиныхъ ве-

черъ будетъ, а туда ѣхать сами знаете, какъ одѣться нужно, вы теперь должны подумать, что ваша жена должна быть одѣта лучше всѣхъ, должна, такъ сказать, затмить, а то газеты.... вонъ изъ табачной лавки полицейскія всегда даютъ, когда не помнѣте!

Супругъ погладилъ бакенбарды.—Все будетъ, Лизанька, все, и одѣнетесь и чепчикъ купится, самодовольно произнесъ онъ.

Хозяйка улыбнулась и только взглянула на мужа.

— Сладокъ ли чай у васъ, душка? спросила она.

— Нѣтъ, Лизанька, нужно, право нужно, продолжалъ онъ, полицейскія что, въ полицейскихъ ничего нѣтъ, только развѣ о потерѣ: какой напечатаютъ, да вѣдь ее не найдешь, а записаться на Сына Отечества и дешево и хорошо; всѣ наши получаютъ. Теперь кого произвели, повысили, кого къ наградѣ удостоили, все узнаешь, что въ Европѣ дѣлается, все это написано; положимъ австрійскій императоръ выѣхалъ куда нибудь, ну, тотчасъ и напечатаютъ, что вотъ выѣхалъ.

— Да, что вамъ за дѣло до австрійскаго императора, что вы родня ему что ли, выѣхалъ такъ и выѣхалъ, Богъ съ нимъ!

— Это я, Лизанька, для примѣра говорю, тамъ и про войну пишуть, про всякое извѣстie, теперь если какое сраженie произошло; опишуть такъ, какъ будто самъ въ немъ былъ, сколько раненыхъ, убитыхъ, все это перечислять.

— Вотъ тоже, охота читать страсти этакія!

— Нельзя, Лизанька, живешь такъ все знать хочется, нонче вѣкъ такой, прогрессъ!... тоже въ обществѣ иногда бываешь, разговорятся о политикѣ, а ты ничего и не знаешь, хорошо ли; а тамъ все есть; такая ужъ эта газета для нашего брата хорошая, читаешь немного, а знаешь все!

— Какъ хотите, записывайтесь пожалуй, а только вотъ и на модный журналъ слѣдовало-бы записаться, ужъ лучше вашего Сына Отечества; вонъ Кюкпа и та получаетъ, а то живешь въ свѣтѣ и ничего не знаешь, сказать срамъ!»

Хозяинъ по окончаніи чая задумывается. — Желаніе бле-

спутъ въ обществѣ знаніемъ Сына Отечества, необходимость угодить женѣ моднымъ журналомъ и чепчеюмъ, наконецъ по-лакомить себя поросенкомъ съ хрѣномъ и сметаной все это мѣшается, бредитъ въ умѣ его, не даетъ ему покоя. — Онъ долго думаетъ, соображаетъ свои средства, пересчитываетъ оставшіяся деньги, заглядываетъ въ будущее; видитъ вечеръ у Цыцаркиныхъ, предстоящую партію грошеваго преферанса, сознаетъ возможность проигрыша. — «Что лучше»... восклицаетъ онъ въ душевной тревогѣ, и праздникъ возгордившагоса чиновника ознаменовывается поросенкомъ, да новымъ чепчикомъ на головѣ его супруги, а удовлетвореніе нравственныхъ потребностямъ отлагается до другаго, болѣе благоприятнаго времени. — «Выиграю у Цыцаркиныхъ, — запишусь на Сына Отечества!» окончательно рѣшаетъ хозяинъ, успокаивается и, сладко дремлетъ: между-тѣмъ, подъ окномъ на улицѣ, происходитъ слѣдующій разговоръ:

— Приходи завтра, сладкой водки купишь!

— Врешь!

— Ей богу купить.

— Баринъ разбогатѣлъ, что-ли?

— Разбогатѣлъ!... оракъ продажи!

— Ой?

— Чево, ой... продалъ!

— А тебѣ что?

— Известно что, дуракъ что-ли, продалъ за одно, сказалъ другое.

На улицѣ раздается смѣхъ.

Возгордившійся чиновникъ открываетъ глаза и вскакиваетъ.

— Ватюшки! что это!? восклицаетъ онъ съ негодованіемъ; **Присыпавъ глаза!**

Ты, богатый читатель, владѣющій домами, деревнями и заводами, скупающій всевозможныя акціи, съѣдающій непомѣрное количество устрицъ и запивающій ихъ дорогимъ рейнвейномъ; ты, выкуривающій одиѣхъ сигаръ въ день на дневное пропитаніе бѣднаго, и ты, великолѣпная барыня, съ таковымъ же кучеромъ на козлахъ, и вы, господа итѣ умѣренной помноты, вы, вѣрно, не повѣрите мнѣ, что есть желанія, простирающіяся не дальше поросенка съ хрѣномъ и «Сына Отечества», а они дѣйствительно есть, съ той же широтой и кровью, какъ и мы съ вами.

Вотъ въ углу сидитъ пышная прелестная дѣвица, та самая, которая машетъ вѣеромъ, около ее увивается кавалеръ, черные усы его завиты кольцами, на рукахъ бѣлыя какъ снѣгъ перчатки, сапоги блестятъ какъ зеркало, отъ тонкаго багистоваго платка вѣетъ удивительными духами. — Вглядитесь въ него попристальнѣе, это вашъ знакомый, это другъ вашего дома, прелестная дѣвица ваша воспитанница, о которой вы такъ заботитесь, которую вы намѣрены награждать какъ дочь родную.

Это Сергѣй Львовичъ Пузыревъ. Вы удивляетесь его танцевальному искусству, его такту, умѣнью пріятно болтать совершенный вздоръ, картавить по французски, а не знаете, что его бѣлыя какъ снѣгъ перчатки собственноручно мылись имъ и артистически чинились за два дня до вашего праздника, что тонкій батистовый платокъ единственный въ своемъ числѣ и родѣ, что блестящіе сапоги вышрошены въ долгъ у сапожника, что послѣдній двугривенный отданъ былъ за духи, помаду и кольца на усахъ у француза парикмахера, что послѣ вашего тонкаго ужина онъ побѣжитъ домой пѣшкомъ, что не дальше какъ сегодня онъ получилъ часть своего жалованья 13 рублей 72½ коп. серебромъ (остальное было взято заранѣе), и распредѣлитъ его слѣдующимъ образомъ.

Прачкѣ въ число долга 15-ти рублей, уплачено 1 рубль 20 коп. Въ табачную лавку также въ число долга 25-ти съ чѣмъ то рублей, уплачено 1 рубль, при чемъ взято запомобразно сигаръ на 3 рубля. Въ мелочную лавку въ число же долга 17 р. уплачено два съ полтиной; кухмистеру за столъ даю 3 р., какой-то Амадіи Карловнѣ отослано 2 р., на чистыя деньги пріобрѣтены: кусокъ франц. мыла за 40 коп., лорнетка съ простымъ стекломъ 50 к., истрачено въ кондитерской съ какимъ-то знакомымъ, печально пошавшимся на улицѣ, 1 р. 30 коп., проѣзжено на лихачѣ извозикѣ по поводу одного визита 1 р. 50 к., заплачено за духи и кольца на усахъ 20 коп., проѣзжено на одной виднѣйшей вечеръ 15 коп., всего истрачено 13 р. 70 к., — въ остаткахъ 2½ копѣйки. Портной, сапожникъ, хозяинъ квартиры, купецъ изъ какого-то магазина, бухарецъ съ халатами, булочникъ не смотря на просьбы и угрозы, остались въ пріятной надеждѣ не быть забытыми при полученіи первыхъ денегъ.

И такихъ Пузыревыхъ у насъ насчитается не мало. Въ

увидите ихъ во всѣхъ великосвѣтскихъ салонахъ, за всѣми большими обѣдами и всегда въ спокойномъ и даже пріятномъ расположеніи духа. И если бѣ я имѣлъ способность связывать историческіе факты, заглядывать во всѣ углы петербурскаго люда, я написалъ-бы исторію самыхъ интересныхъ превращеній; я разказалъ-бы какъ наживаются громадныя состоянія по мановенію волшебнаго жезла, какъ модистки Лизы и Адели превращаются въ великогѣпныхъ барынь, какъ добросовѣстные управляющіе перелѣзаютъ въ кареты и бель-этажи своихъ господъ, а господа чуть нейдутъ по-міру; я разказалъ-бы самыя странныя и несбыточныя вещи, но такія, какія мы видимъ и ошупываемъ каждый день.

Но позвольте, чптатель, маленькое развлеченіе на этотъ разъ. Передъ нами самая веселая картина снаружи, но печальная внутри. Вонъ въ сторонѣ собралась кучка народа, — что тамъ такое случилось? Телѣжка съ шарманкой запряжена двумя тощими собаками, одна изъ нихъ повѣся хвостъ и вытянувъ шею, съ какимъ-то жалобнымъ вниманіемъ смотритъ на окружающую толпу, другая лежитъ и снѣгъ роетъ, въ телѣжкѣ двое дѣтей закутанныхъ въ трепье, они прислонились другъ къ другу головками и грѣются взаимнымъ дыханіемъ, инструментомъ вертитъ женщина гѣтъ тридцати, за спиной у ней въ корзинкѣ третій ребенокъ, онъ дремлетъ подь заунывную музыку.

— Нѣмцы! — флегматически замѣчаетъ какой-то рыжебородый человекъ въ заячьей шубѣ.

— Чай много соберетъ? — вопросительно обращается къ нему другой человекъ, въ сѣромъ длинномъ кафтанѣ.

— Многого не собраты! — рѣшительно произноситъ стоящій сзади, деньщикъ, съ салонной колодой подь мышкой.

Шуба и кафтанъ оборачиваются и взглядываютъ на колодку.

— Тоже собакъ кормить нужно, этакая собака много, съѣсть, этакія собаки прожорливы, больше человекъ съѣсть, — продолжаетъ послѣдній.

— Небось въ день персть пятнадцать исходятъ! — замѣчаетъ шуба.

— Исходять! — повторяетъ кафтанъ.

— Больше двадцати обѣгають, — рѣшительно замѣчаетъ деньщикъ.

— Иванъ Семенычу! — говоритъ какой-то вновь подошедшій человѣкъ, въ шапкѣ на бекрень, въ истертой коротенькой шинелѣ съ краснымъ басономъ, съ эполетной кортонкой въ рукавахъ. — Музыку слушаете?

Деньщикъ оборачивается, лице его какъ-то скрючивается, оно хочетъ улыбнуться, но не улыбается только потому, что не умѣетъ.

— Что вамъ? — нѣсколько сурово спрашиваетъ онъ.

— Да что, рубль серебра на праздникъ подарилъ, говоритъ, обожди, послѣ дамъ, — отвѣчаетъ шинель.

Деньщикъ прикладываетъ къ носу большой палецъ и сморкается. — Все скудость одна, — рѣшительно произносить онъ.

Какая-то барыня въ салопѣ продирается сквозь толпу, бросаетъ женщинѣ мѣдную монету и проходитъ дальше.

— Грошъ дала, — замѣчаетъ шуба.

— Грошъ! — повторяетъ длиннополый кафтанъ.

— Эко махонькіе, чай и годковъ по пяти нѣту, небось иззябли, холодно поди ты, охъ холодно! — жалобно говоритъ старуха въ шугаѣ, съ платкомъ на головѣ.

— Чего ты толкаешься, чего, не видишь развѣ?... Какъ ты смѣешь толкаться, болванъ, какъ ты смѣешь! — въ негодованіи вскрикиваетъ какое-то щегольское пальто, затертое въ толпѣ, и обращаясь къ приземистому мужичку въ засаленномъ тулупѣ.

Послѣдній робко пятится, и наступаетъ на ногу другому пальто.

И что-то заунывное, раздражающее душу, слышится въ звукахъ этой шарманки, звуки эти похожи на вопль, выпрашивающій кусокъ хлѣба. — Много-ли соберетъ она, много-ли грошей сколотитъ на праздникъ это несчастное семейство?... съ четверть часа его окружала равнодушная толпа и только одна барыня въ салопѣ, шедшая за полученіемъ какихъ-то денегъ, по своему суетвѣрію сочла обязанностію бросить мѣдный грошъ. А маховое колесо жизни вертится своимъ чередомъ.

О тд. III.

/1,5

Но мы боимся навести смертельную скуку на читателя, оставивая его праздничный взглядъ на такихъ печальныхъ картинахъ. И странно, что мы начали веселой повѣстью о петербургскихъ носахъ, а должны заключить грустно-завывающей шарманкой. Не такъ-ли и въ самой жизни, есть-ли проникнуть въ ея умолимо-строгій смыслъ и шутовскія сцены, идущія рядомъ съ потрясающими событіями. А маховое колесо нашей жизни обращается по-прежнему!

И. СЕРМЯГИНЪ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 25.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ.)

Нѣсколько словъ объ игрѣ г-на Колиша. — Разказъ его о поѣздкѣ въ Англию. — Игры Колиша съ Барнесомъ, Оуеномъ, Мауде, Уоррелемъ, Горвицемъ и Ла-Рошемъ. — Шахматы въ Петербургѣ и провинціи. — Партіи В. Михайлова съ г-мъ Б... — Двѣ партіи гг. Шпейера и Кнорре. — Любопытное окончаніе игры. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Лѣтомъ 1859 года распространился слухъ о блестящихъ шахматныхъ подвигахъ молодаго, неизвѣстнаго до того времени любителя, Колиша. Разказывали, что онъ на-голову поразилъ сильнѣйшихъ игроковъ Café de la Régence, одержалъ верхъ даже надъ Гаррвитцемъ и, можетъ быть, не уступаетъ въ искусствѣ самому Морфи, съ которымъ, впрочемъ, не имѣлъ еще случая сразиться. Скоро всѣ шахматные журналы заговорили о Колишѣ; сама Schachzeitung, такъ ревностно отстаивающая славу германскихъ игроковъ, подтвердила слухъ о его побѣдѣ надъ г-мъ Гаррвитцемъ. Но признавая единогласно г-на Колиша игрокомъ необыкновенной силы, шахматные журналы лишь весьма рѣдко сообщали его партіи *). Къ тому же, бѣольшая часть этихъ партій представляетъ намъ молодаго атлета въ борьбѣ съ соперниками, очевидно его недостойными: герцогомъ

*) Больше всего они печатались во французскомъ журналѣ «Le Monde illustré», шахматнымъ отдѣломъ котораго завѣдывалъ самъ г-нъ Колишъ, но отдѣлъ этотъ существовалъ не долго.

Брауншвейгскимъ, графомъ Изуаромъ, г-мъ Мандольфо, и т. п. *). Правда, даже и въ этихъ состязаніяхъ, г. Колишъ сумѣлъ обнаружить вполне основательное знаніе дебютовъ, живую, смѣлую фантазію и совершенно необычайное умѣнье пользоваться ошибками противника. Последнее, драгоцѣнное для шахматнаго игрока свойство, болѣе всего поражаетъ насъ въ игрѣ г. Колиша; онъ никогда не упускаетъ случая извлечь всю возможную пользу не только изъ ошибки, но изъ всякаго сколько нибудь слабаго хода противника. Если расположеніе шашекъ представляетъ хотя малѣйшую возможность къ нападенію, онъ, не тратя ни минуты, создаетъ самыя остроумныя комбинаціи для атаки, и развиваетъ ихъ съ изумительною смѣлостью и дальновидностью или до окончательнаго пораженія непріятеля, или до невозможности продолжать далѣе нападеніе. Партія Колиша противъ Мандольфо, напечатанная въ Шахматномъ Листкѣ за августъ 1859 года, можетъ служить образчикомъ его силы въ наступленіи; едвали въ лѣтописяхъ игры найдется примѣръ столь блестящей и выѣстъ съ тѣмъ столь вѣрно рассчитанной атаки. Но какъ бы то ни было, нѣтъ никакого сомнѣнія, что совершенно ясное понятіе о талантѣ и особенностяхъ игрока можно приобрести не иначе, какъ внимательнымъ разборомъ большаго числа партій, игранныхъ имъ противъ бойцевъ равной или, по крайней мѣрѣ, приблизительной съ нимъ силы. Если мы позволили себѣ ставить Морфи выше всѣхъ современныхъ игроковъ, то это именно потому, что могли судить о немъ не на основаніи нѣсколькихъ красиво разыгранныхъ партій, а на основаніи длиннаго ряда состязаній съ знаменитѣйшими современными шахматистами. Въ такихъ-то состязаніяхъ хотѣлось бы намъ видѣть и г-на Колиша, и мы не могли понять, что пріятельствуетъ ему вступить въ борьбу съ колоссами шахматнаго искусства, побѣда надъ которыми одна только и могла бы упрочить его извѣстность. Самъ г. Колишъ вывелъ насъ изъ недоумѣнія, сообщивъ предлагаемый здѣсь рассказъ о своей побѣздкѣ въ Англію; рассказъ, изъ котораго дѣлается очевиднымъ, что онъ употребилъ все возможное стараніе, чтобы помѣриться силами съ лучшими игроками нашего времени, и что только стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, — а можетъ быть, отчасти, и нежеланіе корннеевъ шахматнаго искусства еще разъ рискнуть своею сла-

*) Мы нигдѣ не могли найти его партій съ Гаррвитцемъ и полагаемъ даже, что онѣ не были напечатаны.

вою въ борьбѣ съ молодымъ соперникомъ, — заставило его такъ долго тратить свои силы на слишкомъ легкія для него пораженія игроковъ второстепенныхъ.

Въ маѣ 1859 года, говоритъ г. Колишъ, я приѣхалъ въ Парижъ въ надеждѣ помѣриться силами съ колоссами шахматнаго искусства, подвиги которыхъ такъ сильно занимали въ то время весь шахматный міръ. Немедленно по приѣздѣ, я, не теряя ни минуты, отправился въ *Café de la Régence*, сборное мѣсто парижскихъ любителей. Но увѣ! славный американецъ, несравненный Пауль Морфи, уже оставилъ Парижъ, и я былъ встрѣченъ словами: «слишкомъ поздно, слишкомъ поздно». Дѣлать нечего, за отсутствіемъ Морфи, пришлось вступить въ борьбу съ сильнѣйшимъ послѣ него игрокомъ, изъ всѣхъ бывшихъ въ то время во Франціи, знаменитымъ Гаррвитцемъ. Послѣ четырехъ упорныхъ партій, изъ которыхъ мой соперникъ выигралъ одну, я — двѣ и одна была ничья, г. Гаррвицъ уѣхалъ въ Англію для поправленія разстроеннаго здоровья. Стало быть, подумалъ я, кшмать туманнаго Альбіона особенно полезенъ шахматнымъ игрокамъ, и тогда же предположилъ себѣ непременно посѣтить Англію при первой возможности. Удержанный въ Парижѣ дѣлами, я не могъ исполнить моего намѣренія раньше послѣдней весны; я переѣхалъ Ла-Маншъ 29 мая 1860 года и вечеромъ того же дня, тотчасъ по приѣздѣ въ Лондонъ, отправился въ «*Cigar-Diván*» узнать адреса моего знаменитаго соотечественника Лёвентала и представителя британскаго шахматнаго искусства Стаунтона. — На слѣдующій день я имѣлъ удовольствіе видѣться со Стаунтономъ. Онъ принялъ меня любезно и радушно, но тутъ же объявилъ, что считаетъ невозможнымъ приступить въ настоящее время къ серіозному состязанію, ибо въ послѣдніе три года литературныя занятія совершенно удалили его отъ шахматныхъ упражненій. Нѣсколько дней спустя, я посѣтилъ г-на Лёвентала; онъ лежалъ въ постели, — страдая тяжкими послѣдствіями давно полученной имъ раны. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о шахматномъ состязаніи, но г. Лёвенталь самымъ любезнымъ образомъ обѣщавъ мнѣ употребить возможные старанія, чтобъ уладить мнѣ матчъ съ Гаррвитцемъ. Однако и эта надежда скоро разрушилась: Гаррвицъ положительно отказался возобновить бой. Послѣ этого мнѣ оставалось только терпѣливо ждать большаго митинга британской шахматной ассоціаціи, который долженъ былъ собраться въ Кембриджѣ въ послѣднихъ числахъ августа. Въ

ожиданіи общаго турнира, сопровождающаго обыкновенно этого рода собранія, я сыгралъ четыре партіи съ г-мъ Барнесомъ, игрокомъ весьма сильнымъ, обратившимъ на себя вниманіе любителей упорною защитою прогнвъ Морфи*). Результатъ былъ слѣдующій:

Колишъ выигралъ	3.
Барнесъ	0.
Ничьихъ	1.

Привожу здѣсь любопытнѣйшую изъ этихъ партій, замѣчательную между прочимъ тѣмъ, что семнадцать первыхъ ходовъ совершенно тѣ же, какъ въ одной изъ партій Морфи.

ПАРТІЯ № 155.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА:

Колишъ. (Бѣлые.)	Барнесъ. (Черные.)	18) f7—g7°	h8—f8
1) e2—e4	e7—e5	19) c3—d4°	c5—d6
2) g1—f3	b8—c6	20) g7—g5+	d8—c7
3) f1—c4	f8—c5	21) g5—a5°+	c7—c6°
4) b2—b4°	c5—b4°	22) d4—d5+	c6—d7
5) c2—c3	b4—a5	23) b1—c3	b7—b6
6) d2—d4	e5—d4°	24) a5—a4+	d7—d8
7) d1—b3	d8—f6	25) c3—b5	d6—f6
8) 0—0	d7—d6	26) a4—c2	f8—f7
9) e4—e5	d6—e5°	27) a1—d1	c8—b7
10) f1—e1	g8—e7	28) d5—d6	b7—g2°
11) c1—g5	f6—g6	29) c2—c7+	f7—c7°
12) g5—e7°	c6—e7°	30) d6—c7°+	d8—c8
13) f3—e5°	g6—b6	31) e1—e8+	c8—b7
14) c4—b5+	c7—c6	32) e8—a8°	g2—h3
15) b3—f7°+	e8—d8	33) a8—a7°+	b7—c6
16) e5—c6°+	e7—c6°	34) d1—d6+	и бѣлые выигрываютъ.
17) b5—c6°+	b6—c5		

И имѣлъ также удовольствіе сразиться съ г-мъ Оденомъ, извѣстнымъ шахматному міру подъ псевдонимомъ «Альтеръ». Мы сыиграли три партіи: я выигралъ двѣ, мой противникъ одну.

*) См. Шахм. Лист. No 1 стр. 11.

Вотъ, по моему мнѣнью, лучшая изъ нихъ; она представляетъ мало употребительный вариантъ центрального гамбита.

ПАРТІЯ № 156.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГАМБИТЬ.

Оуенъ. (Бѣлые.)	Колишъ. (Черные.)	12) c5—c7°	b8—c6
1) e2—e4	e7—e5	13) c7—g3	a8—e8
2) d2—d4	e5—d4°	14) c2—c3	d5—d4
3) f1—c4	g8—f6	15) c1—e3	e6—d5
4) g1—f3	f8—c5	16) b1—d2	e8—e6
5) f3—g5	0—0	17) a2—a4	f6—f5
6) e4—e5	d7—d5	18) g3—f4	f5—h5
7) e5—f6°	d5—c4°	19) g2—g3	c6—e5
8) 0—0	d8—f6°	20) h2—h4	e6—f6
9) g5—h7°	g8—h7°	21) f4—d4	e5—f3+
10) d1—h5+	h7—g8	22) d2—f3°	h5—f3°
11) h5—c5°	c8—e6	и бѣлые сдаются.	

Наконецъ три матча, игранные мною противъ Гг. Уорреля, Сабурова и Мауде, въ которыхъ я давалъ имъ впередъ коня, также кончились въ мою пользу.

Г-нъ Уоррель, знакомый читателямъ Лондонской Иллюстраціи подъ именемъ «Мексиканскаго Любителя», получалъ тоже коня отъ Морфи и достигъ результата семи выигранныхъ партій противъ восьми проигранныхъ. Нашъ матчъ былъ составленъ на шесть игоръ т. е. первый выигравшій это число партій признается побѣдителемъ. Г-нъ Уоррель выигралъ двѣ партіи, я шесть.

Состязаніе мое съ секретаремъ русскаго посольства Сабуровымъ, побѣдителемъ на послѣднемъ турнирѣ С. Джемскаго клуба, происходило на такихъ же точно условіяхъ, но результатъ былъ для меня благопріятнѣе. Я выигралъ шесть партій подрядъ. Справедливость требуетъ впрочемъ прибавить, что впоследствии г. Сабуровъ изъ семи партій выигралъ у меня пять, а проигралъ только двѣ.

Г-нъ Мауде, игрокъ большой силы, тоже получалъ отъ меня коня, но подъ условіемъ выиграть шесть партій изъ девяти. Вотъ результатъ этого матча :

Мауде выигралъ	3
Колишъ —	3
Ничья —	1.

И такъ, согласно пзъясненному условію, побѣда о осталась за мною.

Не лишнимъ считаю привести здѣсь нѣсколько довольно оживленныхъ партій этихъ матчей.

ПАРТІЯ № 157.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

Колншъ. (Бѣлые.)	Уоррель. (Черные.)	9) g2—g4	f6—e8
1) e2—c4	e7—e5	10) h2—h4	e7—h4°+
2) f2—f4	b8—c6	11) e1—e2	h4—g5
3) g1—f3	d7—d6	12) h1—h5	g5—c1°
4) c2—c3	c8—g4	13) a1—c1°	c6—a5
5) f1—c4	g4—f3°	14) h5—h7°	a5—c4°
6) d1—f3°	g8—f6	15) f3—h3	f7—f6
7) f4—f5	f8—e7	16) h3—h5	и бѣлые выигры- ваютъ.
8) d2—d3	0—0		

ПАРТІЯ № 158.

ГАМБИТЬ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

Колншъ. (Бѣлые.)	Младде. (Черные.)	11) b2—a3	c8—c6
1) e2—e4	e7—e5	12) c4—c6°	f7—e6°
2) g1—f3	b8—c6	13) d1—a4	b6—d4°
3) f1—c4	f8—c5	14) a1—b1	d4—b6
4) b2—b4	c5—b4°	15) f1—d1	f6—d7
5) c2—c3	b4—c5	16) b1—c1	c6—d4
6) 0—0	d7—d6	17) f3—e5°	c7—c6
7) d2—d4	e5—d4°	18) d1—d4°	b6—d4°
8) c3—d4°	c5—b6	19) c1—c6°	d8—f6
9) c1—b2	g8—f6	20) c6—c8+	f6—d8
10) e4—e5	d6—e5°	21) a4—d7°×	

ПАРТІЯ № 159.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

Колішъ. (Бѣлые.)	Младе. (Черные.)		
		12) e1—f1	c5—b4°
		13) c1—d2	g4—f3°
1) e2—e4	e7—e5	14) g2—f3°	b8—c6
2) f2—f4	f8—c5	15) a1—e1	e7—c5
3) g1—f3	d7—d6	16) h1—g1	c6—a5
4) c2—c3	c8—g4	17) c4—e6	h7—h6
5) f1—c4	g8—f6	18) d3—g6	c5—e7
6) f4—e5°	d6—e5°	19) d2—h6°	h8—h6
7) c4—f7°+	e8—f8	20) g6—h6	e7—f6
8) f7—c4	f6—e4°	21) h6—h8+	f8—c7
9) d2—d4	e5—d4°	22) g1—g7°+	e7—d6
10) b2—b4	e4—c3°	23) g7—d7+	и бѣлые выигрываютъ.
11) d1—d3	d8—e7+		

Этимъ оканчивается краткій очеркъ г-на Колиша. Будемъ надѣяться, что онъ сообщитъ намъ, въ непродолжительномъ времени, разсказъ о дальнѣйшихъ своихъ подвигахъ въ Англіи: о мѣтннгѣ въ Кембриджѣ, сопровождавшемъ его общемъ турнирѣ и, главное, о матчѣ своемъ съ Горвицемъ. Что между Колишемъ и Горвицемъ дѣйствительно происходило серьезное шахматное состязаніе, это мы узнаемъ изъ послѣдняго нумера *Schachzeitung*, гдѣ напечатаны три партіи «aus dem Wettkampf zwischen Horvitz und Kolisch.» Къ сожалѣнію, берлинскій журналъ не заключаетъ никакихъ свѣдѣній объ условіяхъ и результатѣ этого матча, а только обѣщаетъ сообщить ихъ впоследствии. Но, не дожидаясь этихъ подробностей, мы теперь-же приводимъ упомянутыя три партіи, которыя, еще лучше предъидущихъ, дадутъ понятіе о талантѣ г-на Колиша. Г-нъ Горвицъ, — котораго, замѣтимъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ *Гаррвитцемъ* *), — принадлежитъ, безспорно, къ числу замѣчательнѣйшихъ современныхъ шахматистовъ. Сверхъ того, сообщаемъ здѣсь еще небольшую, бѣлымъ игроу г-на Колиша съ французскимъ любителемъ де-ла

*) По нашему мнѣнію, Гаррвицъ играетъ сильнѣе Горвица, но его партій съ Колишемъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ.

Рошемъ; она можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія о мастерскомъ умѣннн молодого венгерца пользоваться ошибками противника.

ПАРТІЯ № 160.

ГАМБИТЪ ФАЛКБЕЕРА.

ПЕРВАЯ ИГРА МАТЧА.

Горвицъ. (Бѣлые.)	Колишъ. (Черные.)	10) b1—c3	b8—d7
1) e2—e4	e7—e5	11) h2—h3	g4—e2°
2) f2—f4	d7—d5	12) c3—e2°(1)	d7—b6
3) e4—d5°	e5—e4	13) c4—b3	c6—c5
4) f1—b5+	c7—c6	14) d4—c5°	d6—c5°+
5) d5—c6°	b7—c6°	15) g1—h2(2)	f6—g4+
6) b5—c4	g8—f6	16) h2—g3(3)	c5—f2+
7) d2—d4	f8—d6	17) f1—f2°(4)	d8—d1°
8) g1—e2	0—0	18) h3—g4°	e4—e3
9) 0—0	c8—g4	и черные выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи No 159.

(1) Брать слона ферземъ было бы, кажется, лучше.

(2) Грубая ошибка, отъ которой игра неизбѣжно и весьма скоро проигрывается.

(3) h2—h1 было бы еще гибельнѣе.

(4) На g3—g4°, черные даютъ шахъ ферземъ на h4, и выигрываютъ въ два-три хода.

ПАРТІЯ № 161.

ДЕВЮТЬ РЮИ-ЛОПЕЦА.

ВТОРАЯ ИГРА МАТЧА.

Колишъ. (Бѣлые.)	Горвицъ. (Черные.)	4) 0—0	f8—e7(1)
1) e2—e4	e7—e5	5) b1—c3	d7—d6
2) g1—f3	b8—c6	6) d2—d4	e5—d4°
3) f1—b5	g8—f6	7) f3—d4°	c8—d7
		8) f2—f4	c6—d4°

9) b5—d7°+	d8—d7°	21) b2—c3°	e8—e5
10) d1—d4°	0—0	22) c1—c3	f8—e8
11) f4—f5	b7—b6	23) d1—e1	c6—a4
12) d4—d3	f6—g4	24) g2—g4	a4—a2°
13) c1—f4	f7—f6	25) g4—g5	a2—f7
14) a1—d1	g4—e5	26) e3—h3	g7—g6
15) f4—e5°	f6—e5°	27) h3—h6	e5—f5°
16) d3—d5+	g8—h8	28) d3—g3	f5—e5
17) d5—e5°(1)	e7—f6	29) h6—h4	e8—f8
18) e5—g3	a8—e8	30) h2—h3	e5—g5°
19) f1—e1	d7—c6	и черные выигрываютъ.	
20) g3—d3	f6—c3°		

Примѣчанія къ партии N. 161.

(1) Можно было прямо брать пѣшку e4, но и настоящій ходъ представляетъ вѣрную защиту.

(2) Этимъ маневромъ Колишъ выигрываетъ на время пѣшку, но тѣмъ самымъ упускаетъ изъ рукъ атаку. Горвицъ мастерски воспользовался ошибкою противника.

ПАРТІЯ № 162.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

ТРЕТЬЯ ИГРА МАТЧА.

Горвицъ.	Колишъ.	14) b2—b4	f6—g4
(Бѣлые.)	(Черные.)	15) h2—h3	g4—e5
1) e2—e4	e7—e5	16) d4—e6°	f7—e6°
2) g1—f3	g8—f6	17) h4—g5	h7—h5
3) f3—e5°	d7—d6	18) f3—e5°	d6—e5°
4) e5—f3	f6—c4°	19) e2—h5°	g7—g6
5) c2—c3(1)	d6—d5	20) h5—g6°	e8—g8
6) f1—e2	f8—d6	21) g6—f7	g8—g5°
7) d2—d3	e4—f6	22) f7—e6°	e5—c3°
8) c1—g5	e8—e6	23) a1—c1	c3—d4
9) b1—a3	c7—c6	24) d1—f3	c7—d6
10) a3—c2	b8—d7	25) f3—f7	h8—f8
11) 0—0	d8—c7	26) f7—d7°+	d6—d7°
12) g5—h4	0—0—0	27) e6—d7°+(2)	c8—d7°
13) c2—d4	d8—e8	28) c1—c2	f8—f3

29) g1—h2	d4—e5+	32) f2—g3°	f4—f1°
30) g2—g3	e5—g3°+	и черные выигрываютъ.	
31) h2—g2	f3—f4		

Примѣчанія къ партіи N 161.

(1) Слѣдовало играть d2—d4. Надо полагать что г. Горвицъ нарочно сдѣлалъ неправильный ходъ въ надеждѣ сбить съ толку своего противника. По этому случаю г. Ланге замѣчаетъ и совершенно справедливо, что подобныя уклопенія отъ теоріи дебютовъ, могутъ быть, пожалуй, допускаемы въ партіяхъ пріятельскихъ играемыхъ для препровожденія времени, тѣмъ болѣе, что эти уклопенія приводятъ иногда, случайно, къ новымъ открытіямъ, но въ серіозныхъ матчахъ, имѣющихъ цѣлю опредѣлить сколь возможно точнѣе относительную силу двухъ игроковъ, всякая неправильность, весьма предосудительна.

(2) На e6—d7°+, черные отвѣчали бы c8—d7.

ПАРТІЯ № 163.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Café de la Régence всеюно 1860 г.)

Колишт.	Дѣ-ля-Рошъ.	10) g5—f6°	e7—f6°
(Бѣлые.)	(Черные.)	11) c3—d5°	g4—f3°
1) e2—e4	e7—e6	12) d1—f3°	f6—b2°
2) d2—d4	d7—d5	13) a1—b1	b2—d4
3) f1—d3	c7—c5	14) b1—b7°	b8—c6
4) d4—c5°	f8—c5°	15) b7—c7	c6—e5
5) e4—d5°	e6—d5°	16) d3—h7°+	g8—h7°
6) g1—f3	g8—f6	17) f3—h5+	h7—g8
7) 0—0	0—0	18) d5—e7+	и бѣлые выигрываютъ.
8) c1—g5	c8—g4		
9) b1—c3	c5—e7		

Но довольно, на этотъ разъ, партій заграничныхъ. Встрѣчая новый годъ, третій своего существованія, Листокъ обязанъ сказать хоть нѣсколько словъ о шахматной жизни у себя дома, въ Петербургѣ. Въ прошломъ январѣ, какъ читатели вѣроятно помнятъ, мы передовали подробности о большемъ турнирѣ, происходившемъ у графа Г. А. Кушелева-Безбородко; пріятно была бы и этотъ годъ встрѣтить разсказомъ о какомъ нибудь болѣе или менѣе замѣчательномъ шахматномъ событіи, но вмѣсто того

мы должны напротив, къ сожалѣнію, признаться, что настоящей сезонъ, крайне неблагопріятенъ царственной игрѣ. Сколько мнѣ извѣстно, въ теченіи всей зимы нигдѣ не было многолюднаго шахматнаго собранія; два раза только удалось мнѣ участвовать на турнирахъ и то на турнирахъ самыхъ микроскопическихкихъ: одинъ состоялъ изъ четырехъ бойцевъ, другой изъ шести; на первомъ призъ достался И. С. Шумову; на второмъ мнѣ. Не слышно также ни о какомъ матчѣ, ни о какой интересной партіи. Довольно сказать, что для настоящаго Листка, мы имѣемъ одну только игранную здѣсь партію, да и та далеко не безукоризненна и печатается (№ 164) единственно для мало-опытныхъ любителей, которымъ можетъ быть поучительна какъ примѣръ сильной, хотя и очень рискованной атаки со стороны игрока давашаго впередъ ладью.

Если петербургскіе любители охладѣваютъ къ шахматной игрѣ, то за то въ провинціи любовь къ ней начинаетъ мало-по-малу распространяться. Г. Стеллихъ, такъ мастерски рѣшающій проблемы, пишетъ намъ изъ Саратова, что тамъ образуется шахматное общество. Пока оно не имѣетъ еще особаго помѣщенія, а пріютилось въ коммерческомъ клубѣ, но есть надежда, что со временемъ получитъ независимое существованіе. Въ Нижнемъ-Новгородѣ также существуетъ нѣчто въ родѣ шахматнаго клуба. Шестнадцать ревностныхъ любителей, собирается въ извѣстные дни между собою и, какъ слышно, собранія эти бывають иногда очень оживлены. Сильнѣйшимъ игрокомъ почитается докторъ Керберъ, который впрочемъ живетъ не въ самомъ городѣ, а въ губерніи. Все это однако, не болѣе какъ довольно неопредѣленные слухи и мы были бы весьма благодарны, еслибъ кто нибудь изъ нижегородскихъ любителей взялъ на себя трудъ сообщить намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о тамошнихъ шахматныхъ событіяхъ. Замѣтимъ еще, въ подтвержденіе мнѣнія о распространеніи вкуса къ шахматной игрѣ въ провинціи, что изъ получаемыхъ редакціею Листка писемъ по-крайней-мѣрѣ девять десятыхъ присылаются изъ разныхъ губерній и, что всего лучше, письма эти съ каждымъ мѣсяцемъ становятся дѣльнѣе и интереснѣе. Въ началѣ существованія Листка они ограничивались, почти исключительно, рѣшеніемъ задачъ, а теперь корреспонденты уже нерѣдко сообщаютъ проблемы собственнаго сочиненія, замѣчанія по части теоріи игры и, наконецъ, дѣйствительно игранныя партіи. Такъ, въ концѣ минувшаго мѣсяца мы получила изъ Николаева, отъ г-на Шейера, игранныя имъ противъ та-

мощнаго любителя, г-на Кнорре, партіи и нѣсколько составленныхъ имъ задачъ; а отъ г-на Саговскаго, изъ Раненбурга, любопытное окончаніе партіи. Двѣ изъ этихъ партій, три проблемы и окончаніе игры, читатели найдутъ въ настоящемъ Листкѣ.

ПАРТІЯ № 164.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

В. Михайловъ.	Г-нъ Б...	11) c1—a3	g8—e7
(Бѣлые.)	(Черные.)	12) d4—d5	b8—d7 (4)
1) e2—e4	e7—e5	13) d5—d6 (5)	g4—f3°
2) f2—f4	d7—d5	14) d6—e7°	f3—d1°
3) e4—d5°	d8—d5°	15) f1—f5° (6)	d7—f6
4) b1—c3	d5—d3	16) e5—f6°	g7—f6°
5) f4—e5°	c8—e6	17) e7—d8° +	a8—d8°
6) d2—d4	f8—b4	18) f5—f6°	d1—c2°
7) g1—f3	b4—c3° + (1)	19) c4—e6	d8—d1 +
8) b2—c3°	e6—g4 (2)	20) g1—f2	c7—c6
9) f1—c4 (3)	f7—f5	21) f6—f7	h8—h7 (7)
10) 0—0	h7—h6	22) f7—f8 ×	

Примѣчанія къ партіи N 164.

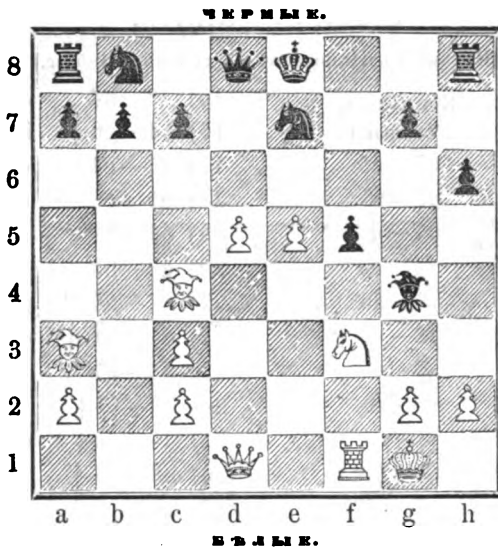
(1) Съ уменьшеніемъ числа шашекъ на доскѣ, значеніе каждой изъ нихъ возрастаетъ; по этому игрокъ получающій впередъ офицера долженъ стремиться къ мѣнѣ шашекъ, а противникъ его долженъ избѣгать еѣ. Последнее впрочемъ, не всегда возможно; въ такомъ случаѣ, надо предлагать такія мѣны, невыгоды которыхъ вознаграждались бы выигрышемъ времени, приобрѣтеніемъ атаки и т. п. Такъ на примѣръ, подвинувъ ферзеву пѣшку, я далъ возможность чернымъ обмѣнять слона на коня, но черезъ эту мѣну мои центральныя пѣшки укрѣпились, а ферзеву слону открылась выгодная для атаки діагональ.

(2) Опять съ тѣмъ, чтобы мѣняться офицерами.

(3) Если черные возьмутъ коня, то имъ будетъ очень плохо.

(4) По окончаніи партіи одинъ изъ присутствовавшихъ любителей замѣтилъ, что онъ сыгралъ бы на 12-мъ ходѣ neb8—d7 а c7—c6. Маневръ этотъ показался мнѣ вовсе не страшень и я предложилъ любителю доиграть такимъ образомъ партію на пар. Мы разставили шашки въ то положеніе, какое онѣ имѣли послѣ 12-го хода бѣлыхъ:

Положение игры послѣ 12-го хода бѣлыхъ.

И игра продолжалась такъ :

12)	c7—c6	27) b4—a5	d8—e8
13) d5—d6	e7—d5	28) c5—c6	b7—b6
14) c4—d5°	c6—d5°	29) d6—d7	e8—d8
15) d1—d5°	b8—d7	30) d4—b5	d8—d7°
16) e5—e6	d8—b6+	31) c6—d7°	g4—d7°
17) f3—d4	0—0—0	32) a5—c3	g7—g5
18) e6—d7°+	d8—d7°	33) c3—e5+	b8—c8
19) c3—c4	h8—e8	34) b3—f3	d7—b5°
20) c4—c5	b6—a5	35) f3—a8+	c8—d7
21) d5—b3	e8—e1	36) a8—d5+	d7—c8
22) a3—b4	e1—f1°+	37) c4—b5°	a6—b7
23) g1—f1°	a5—a6+	38) d5—g8+	c8—d7
24) c2—c4	f5—f4	39) g8—f7+	d7—c8
25) d4—b5	c8—b8	40) f7—e8×	
26) b5—d4	d7—d8		

(5) Съ этого хода бѣлые имѣютъ красивую атаку и игра становится интересна.

(6) Очень рискованный ходъ, разсчитанный единственно на ошибку противника.

(7) Грубая ошибка, но игра черныхъ и безъ того уже проиграна.

ПАРТІЯ № 165.
РУССКАЯ ЗАЩИТА.

(Играна въ Николаевѣ 13 сентября 1859 г.)

КНОРРЕ. (Бѣлые.)	ШПЕЙЕРЪ. (Черные.)	15) f3—h4	f8—f6
1) e2—e4	e7—e5	16) h4—g6+	h8—g8
2) g1—f3	g8—f6	17) f1—e1	c8—e6
3) f3—e5°	d7—d6	18) e1—e3	e6—f7
4) e5—f3	f6—e4°	19) d3—f5°	f6—f5°(3)
5) d2—d4	d6—d5	20) e3—h3	f7—g6°(4)
6) f1—d3	f8—d6	21) h6—g6°+	g8—f8
7) 0—0	0—0	22) g6—f5°+	d8—f6
8) c2—c4	e4—f6	23) f5—h7°	f6—d4
9) d1—c2	d5—c4°	24) h7—f5+	f8—e8
10) d3—c4°	h7—h6(1)	25) f5—c8+	e8—f7
11) c1—h6°(2)	g7—h6°	26) h3—h7+	f7—g6
12) c2—g6+	g8—h8	27) c8—g8+	g6—f5
13) g6—h6°+	f6—h7	28) h7—h5+	f5—e4
14) c4—d3+	f7—f5	29) g8—g6+	e4—f4
		30) g6—f5×	

Примѣчанія къ партии N 164.

- (1) Ошибка.
- (2) Хорошо рассчитанное пожертвованіе.
- (3) Теперь чернымъ нѣтъ спасенія.
- (4) Единственное средство для избѣжанія немедленнаго мата.

ПАРТІЯ № 166.
ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

(Играна въ Николаевѣ 18 октября 1859 г.)

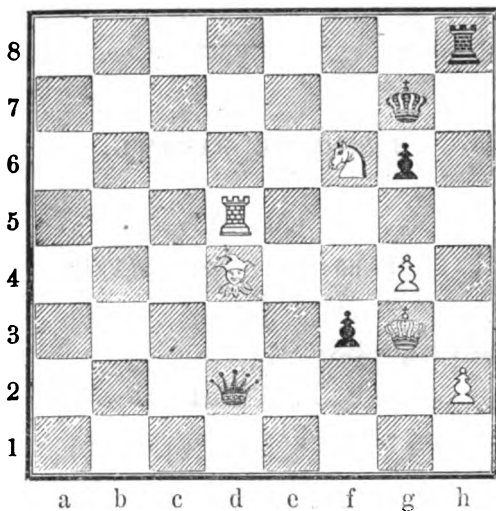
ШПЕЙЕРЪ. (Бѣлые.)	КНОРРЕ. (Черные.)	10) f3—e5°	d5—c3°
1) e2—e4	e7—e5	11) b1—c3°	b6—d4
2) g1—f3	b8—c6	12) e5—f7°	d8—f6
3) f1—c4	g8—f6	13) c3—e4	f6—e7(1)
4) d2—d3	f8—c5	14) c1—g5	e7—b4(2)
5) 0—0	0—0	15) a2—a3	b4—b2
6) c2—c3	d7—d5	19) a1—a2	a5—c4°(3)
7) e4—d5°	f6—d5°	17) a2—b2°	c4—b2°
8) b2—b4	c5—b6	18) d1—b3	f8—f7°
9) b4—b5	c6—a5	19) g5—e3 и бѣлые выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 165.

- (1) Лучше было бы играть ферзя на b6.
- (2) e7—a3 было бы кажется основательнѣе.
- (3) Лучшій ходъ, такъ какъ спасти ферзя невозможно.

Конецъ партіи.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Начинающій дастъ матъ въ 4 хода.

БѢлые начинаютъ:

- 1) d5—d7+ g7—h6(A)
- 2) d7—h7+ h8—h7°(B)
- 3) f6—g8+ h6—g5
- 4) d4—f6×

(A.)

- 1) g7—f8
- 2) d4—c5+ d2—d6
- 3) c5—d6°×

(B.)

- 2) h6—g5
 - 3) f6—e4×
- или
- h2—h4×

2) Черные начинают :

1)	h8—h3+
2) g3—h3°	d2—g2+
3) h3—h4	g2—h2°+
4) h4—g5	h2—h6×

замѣчательно, что кто бы ни начиналъ король получаетъ матъ на одной и той же клѣткѣ, а именно на g5.

РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 50.

1) h5—g5	d4—c4(A)(B)
2) d7—a4×	

(A.)

1)	d4—c4
2) d7—g4×	

(B.)

1)	c5—c4
или:	e5—e4
2) d7—d5°+	

№ 51.

1) a6—e2	a4—b4
2) e2—d1	b4—a4
3) c2—c3×	

№ 52.

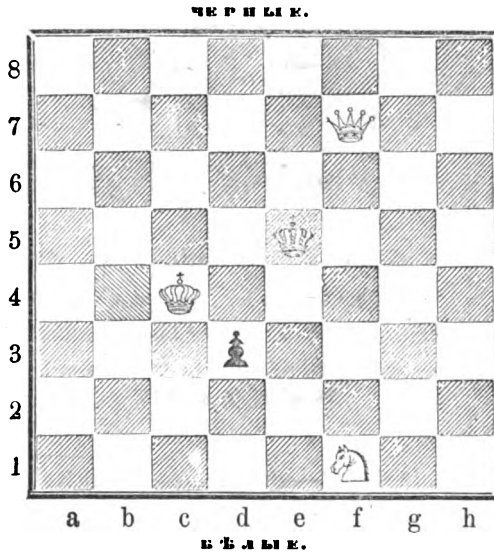
1) g4—e6	c5—c4
2) d8—b7	c6—c5(A)
3) b7—d8	c4—c3
4) d8—c6×	

(A.)

2)	c4—c3
3) d1—e3	c6—e5
4) e3—f5×	

№ 53.

Въ діаграммѣ изображающей эту задачу (Шахм. Лист. XX) есть опечатка: черная пѣшка должна стоять не на d2, а на d3, т. е. проблема имѣетъ слѣдующій видъ:

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

И разрѣшается такъ :

1) f1—e3	d3—d2(A)
2) e3—d5	d2—d1♙
3) f7—f6+	e5—e4
4) f6—f4×	

(A.)

1)	e5—d6
2) e3—d5	d3—d2
3) f7—e7+	d6—c6
4) e7—c7×	

Остальные варианты читатели легко найдутъ сами.

№ 54.

1) g8—e6	g6—e6°(A)(B)(C)(D)
2) g7—e6°×	

(A.)

- 1) g6—f6+
- 2) e6—f6°×

(B.)

- 1) b1—e4+
- 2) e6—e4°×

(C.)

- 1) b1—f5+
- 2) g7—f5°×

(D.)

- 1) b6—d5+
 - 2) e6—d5°×
- или вообще все, чтобы червый ни дѣлалъ, [не избавить его отъ мата ферземъ или конемъ.

№ 55.

- 1) d3—e3 d6—d5(A)(B)(C)
- 2) g4—f4×

(A.)

- 1) b7—f3+
- 2) e1—f3°×

(B.)

- 1) b7—e4+
- 2) g4—e4°×

(C.)

- 1) b7—f7
- 2) g4—e4×

№ 56.

- 1) e6—c4 c3—d5 всякій другой ходъ будетъ имѣть послѣдствіемъ: 2) d7—f6×
- 2) c4—b5. Теперь черный конь долженъ уйти, и бѣлые играютъ:
- 3) d7—f6×

№ 57.

- 1) h2—f2 h1—f2° ибо если иначе, то
- 2) b4—d3×
- 2) e4—g3 и какъ бы черный ни ходилъ.
- 3) b4—d3×

№ 58.

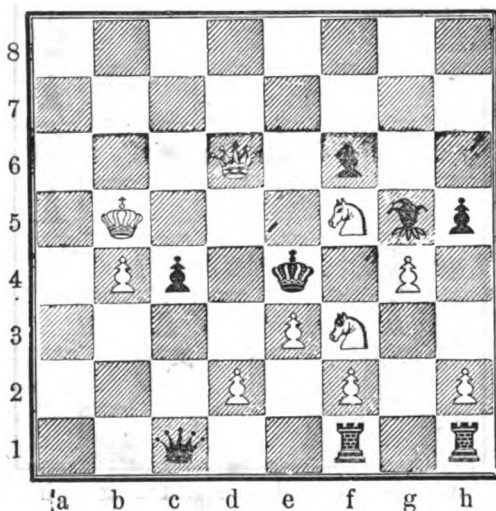
- 1) f1—b5°+ a6—b5°
- 2) d4—b3 b5—b4
- 3) c3—c4 b6—b5
- 4) b3—c5×

З а д а ч и.

№ 71.

Г. ШПЕЙЕРА (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

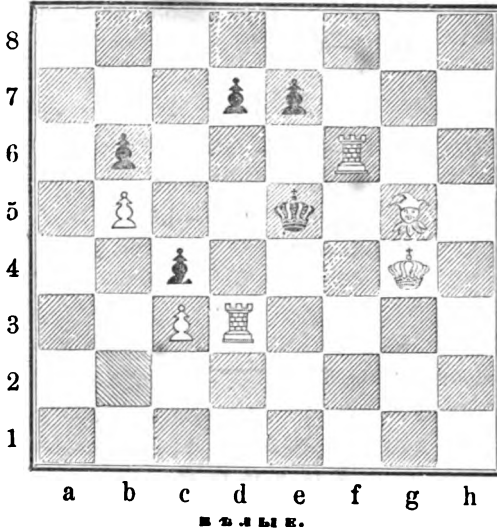
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ НАЧИНАЮТЪ И ДАЮТЪ МАТЬ ВЪ 4 ХОДА.

№ 72.

Его-же.

ЧЕРНЫЕ.

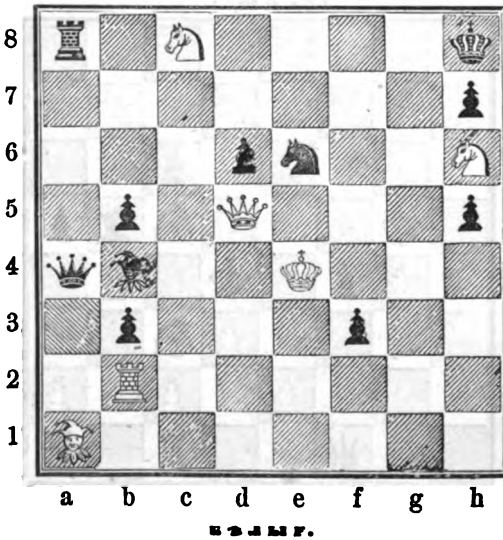

Бѣлые начинают и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 73.

Г. КНОРРЕ (въ Николаевѣ).

ЧЕРНЫЕ.

Бѣлые начинают и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. *Г-ну Шп—ру* (въ Николаевѣ). Мы чрезвычайно благодарны вамъ за сообщеніе задачъ и партій. Одна изъ задачъ (№ 3) напечатана быть не можетъ, ибо первый ходъ рѣшенія показанъ f6 — c6, тогда какъ на клеткѣ f6 нѣтъ никакой шашки. Мы вовсе не думаемъ, чтобъ проблема составлена была невѣрно; вы вѣроятно просто ошиблись въ обозначеніи первоначальнаго положенія шашекъ, но въ чемъ именно заключается эта ошибка мы не могли угадать.

Г-ну П. М—ву (въ С. Петербургѣ). Такъ какъ изъ второго письма вашего видно, что вы сами усмотрѣли уже ошибочность вашего сужденія о проблемѣ «Архимедовъ винтъ» то намъ остается только увѣдомить васъ объ исправномъ полученіи обонхъ писемъ.

Г-ну К. О. Цых — чу (въ Херсонѣ). Извините если въ этотъ разъ мы не помѣщаемъ вашихъ задачъ. Двѣ послѣднія слишкомъ легки, а первая не можетъ быть напечатана по причинѣ изъясненной въ отвѣтѣ на ваше второе письмо, такъ какъ сдѣланное вами исправленіе не разрѣшаетъ вопроса о 7-мъ ходѣ черныхъ.

